А.А.Громыко

ПАМЯТНОЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания А. А. Громыко, бывшего на протяжении длительного времени членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР, министром иностранных дел СССР, охватывают более полувека. Автор рассказывает о встречах с государственными и общественными деятелями, о событиях, свидетелем или участником которых ему довелось быть, о странах, где он жил и работал.

В новом издании автор значительно расширил материалы о Сталине, Хрущеве, Коневе, Кузнецове, существенно дополнил освещение ряда исторических событий (карибского кризиса и некоторых других). Книга дает широкое представление о внешней политике СССР. Многие суждения и оценки автора мемуаров отражают его личную точку зрения. А. А. Громыко закончил работу над двухтомником 19 июня 1989 г. 2 июля того же года он скончался.

- Андрей Андреевич Громыко
- ОТ АВТОРА
- Глава I
- Немного истории
- В семье крестьянина-бедняка
- Родители и родственники
- И грянула первая мировая…
- Поверья давних лет
- Ленин и его помощники
- Бесчинства кайзеровских оккупантов
- «Ночные университеты»
- Читать, читать, читать…
- «Партия жива, с ней и будем жить»
- Годы учения в Минске
- Переезд в Москву
- Слушая старых большевиков
- В стенах Академии наук
- Пашуканис против Вышинского
- Глава II
- Тучи сгущаются
- Мой обет
- Назначение в Наркоминдел
- Джозеф Дэвис — бывший посол
- Первая встреча в Кремле
- На пути в США

- В современном Вавилоне
- Десять дней по дорогам Америки
- Мы — гости съезда демократической партии
- Глава III
- США на распутье
- Война — протокол побоку
- Рузвельт — человек и президент
- Ему нужны были умные люди
- В первый период войны
- Политическое кредо Уоллеса
- Обед в бунгало
- Патриарх дипломатической службы
- Непростой букет деятелей
- Так мыслил Рокфеллер
- Беседы с Ланкастером
- Трогательные встречи на американской земле
- Элеонора Рузвельт и сыновья
- Звезды американской культуры
- Могучий голос Поля Робсона
- Обаятельная улыбка Чарли Чаплина
- Орсон Уэллс, перепугавший Америку
- О пирамидах, клинописи и выдающемся профессоре
- Разящие слова Эдварда Робинсона
- Общечеловеческие ценности дороги всем
- Поляризация в эмиграции
- Гордость русской музыкальной культуры
- «От кретина к гению»
- Экс-академик и генерал-патриот
- Керенский и Сорокин
- Дан прозрел, но поздно
- Беседа с Бенешем в «Блэйр-хаузе»
- Ян Масарик в тисках прошлого
- Волнующий и непонятный мир
- Трудная трасса Москва — Вашингтон
- Глава IV
- Что было в Тегеране
- Вопрос о Польше
- После Тегерана
- В Ливадийском дворце
- Роли определены и распределены
- СССР выполнит обещание
- Снова польский вопрос
- Итоги Ялты
- О Сталине на конференциях

- История одной директивы
- Великая победа в великой битве
- На ближней даче Сталина
- Наконец, Потсдам
- На развалинах логова
- Не хватало теплоты
- «Козырь» в виде атомной бомбы
- Вчетвером у Сталина
- Кому нести ответственность за будущее Польши
- «Большая тройка» за столом переговоров в Потсдаме
- В основе — уважение к Советскому Союзу
- В гостях у Вильгельма Пика
- Глава V
- Сражение за принцип единогласия
- Тут решались главные вопросы
- После заседаний
- Немая сцена
- Порочный подход Вашингтона
- Стеттиниус и сенатор Ванденберг
- Лорд Галифакс и Поль-Бонкур
- Фельдмаршал Смэтс: «Я — за бога в Уставе ООН»
- Вокруг конференции
- Где быть штаб-квартире ООН?
- В здании на берегу Ист-ривер
- Генеральные секретари ООН
- Добрая память о Мануильском
- Незабываемый день
- Глава VI
- Более ста советских инициатив
- Первый бой
- Барух и его «план»
- Последнее рукопожатие миллионера
- Мои знакомые — Эйнштейн, Оппенгеймер, Жолио-Кюри
- Доходный бизнес…
- Телефонный звонок в Белый дом
- Гарриман — бизнесмен и дипломат
- Особняк на улице Алексея Толстого
- Другие договоренности
- Поворот вспять
- Космическая фальшивка Вашингтона
- Пусть приложат ухо к земле
- Почему не удается снять угрозу?
- Долг всех людей
- Глава VII

- «Остается в основном то же самое»
- Лондонская сессия
- Бевин и Эттли, если разделить их пополам
- В Сент-Джеймсском и Букингемском дворцах
- О чем вспоминал Черчилль
- Прирожденное качество Идена и его неудачный финиш
- Английская триада
- Гейтскелл — идеолог, но чего?
- «Веселый» лорд Дуглас-Хьюм
- «Дважды премьер» Вильсон
- Дыхание официальной Англии
- Лондон и лондонцы
- «Угол вольного слова»
- Уильям Шекспир и Лев Толстой
- Мое отношение к спорту
- Памятные и дорогие места
- Глава VIII
- Кто ее породил?
- «Взлет» Эйзенхауэра
- На совещании четырех
- Георгий Константинович Жуков
- Ворошилов — известный и малоизвестный
- Маршалы Малиновский и Гречко
- Еще о двух полководцах
- Адмирал флота
- Доктрина вмешательства и крен от нее
- Запоздалое прозрение Эйзенхауэра
- Даллес — кто он?
- На последней ступени его служебной лестницы
- Мировая война не фатальна
- С Хрущевым по Америке
- Угрозы США по адресу Кубы
- В Белом доме с Кеннеди
- Поиск и успех компромисса
- «Нестандартный» корреспондент
- Человек-легенда
- Позорная война
- Осуществленная мечта Хо Ши Мина
- Раск не любил «паблисити»[22]
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22

Андрей Андреевич Громыко
Памятное
Книга первая

1943 год

ОТ АВТОРА

Эта книга появилась на свет не внезапно. Идею написать воспоминания предлагали мне многие люди. Такую же мысль высказывали и товарищи по работе, и близкие, и совершенно незнакомые советские граждане, и даже иностранцы.

Часто я получал письма, в которых на разные лады задавался простой вопрос:

— Скоро ли появятся мемуары?

Попадались и такие, в которых содержалась как бы обида на то, что я не считаюсь с желанием людей почитать мои воспоминания.

А у меня, кроме весьма туманного намерения когда-нибудь в будущем приступить к написанию чего-то подобного, долго ничего определенного не имелось. Но все же, когда мимо мельком пронесся мой семидесятый «верстовой столб», я задумался… А может быть, и в самом деле написать?

Медлил я с решением отчасти потому, что с ранних лет привержен привычке: взявшись за какое-то дело, постараться обязательно его закончить.

Не хотелось мне выступать с воспоминаниями и «тягаться» с профессиональными литераторами, но потом все же подумал: «Ведь я видел то, что редко кто мог увидеть, лично был знаком и беседовал с теми, кого профессиональные писатели вряд ли могли знать близко». Поэтому я решил писать по-своему, может быть, без интригующего сюжета, но зато о том, как все происходило в жизни.

Итак, оставалось взять карандаш, бумагу и начать работу. Точка отсчета — мои родные, заря детства и первые шаги в жизни. А затем — лента прожитого стала проходить перед глазами. Трудность, и немалая, состояла в том, чтобы отделять существенное от второстепенного.

Но понемногу просеивание фактов, эпизодов, лиц и событий стало не столько затруднять дело, сколько даже помогать ему. Помогать потому, что постоянно расширялся горизонт обзора.

Старался я равняться на массового читателя, уровень которого в наше время в нашей стране достаточно высокий. Но, с другой стороны, не хотел жертвовать существом проблем во имя придания воспоминаниям популярности ради популярности.

Вот уже почти полвека, как я имею дело не с десятками, а даже с сотнями деятелей из самых разных стран мира. Среди них — политики и общественные деятели, военные и ученые, представители творческой интеллигенции и делового мира. В

числе моих собеседников имелись и такие люди, которых просто невозможно отнести ни к одной из упомянутых категорий.

Какое богатство человеческих характеров, политических взглядов, типов мышления! Человек, профессионально занятый творческой деятельностью, дал бы, конечно, присущими ему приемами более объемную характеристику этим людям, их внутреннему миру, мировоззрению, психологии. Литература изобилует, например, интереснейшими произведениями, герои которых имеют отношение к вопросам войны и мира, а то и к сфере дипломатической деятельности.

Разумеется, в данной книге не ставилась задача дать художественное описание персонажей из внушительной галереи лиц, которых я встречал на разных перекрестках жизни. Однако мне хотелось сказать о них свое слово, используя то, что вытекало из личного опыта. И хотелось прежде всего сказать о тех деятелях, которые непосредственно стояли или стоят у штурвала политики своих государств, вырабатывают и осуществляют эту политику, придавая ей соответствующее направление. Речь, понятно, идет о политике внешней.

Итак, данная книга содержит воспоминания автора прежде всего о встречах и беседах с государственными деятелями многих стран мира, а также о важнейших внешнеполитических событиях. Временной отрезок — это в основном последние полвека. Таким образом, содержание книги представляет собой как бы сплав: люди, события, время.

Многое происходившее в мире за этот период имеет поистине исторический характер. Это относится прежде всего ко второй мировой войне и великой Победе над фашистскими агрессорами, на века прославившей нашу страну и ее героический народ.

Главной осью, вокруг которой как бы вращалась моя деятельность на тех постах, которые мне доверяли партия и государство, являлась в основном советская внешняя политика.

Читаю и перечитываю написанное. Где-то оно отрывочно, в чем-то неполно. Так ведь и воспоминания — это свойство человеческой памяти — сами по себе не могут быть полным отражением всего того, что происходило тогда.

Существует парадокс XX века. Человечество получило возможность использовать энергию атома и проникнуть в космос, но вместе с тем создало и угрозу для самих условий своего дальнейшего существования.

Устранить парадокс можно только одним путем — снять угрозу, нависшую над человечеством. Это требует не только нового мышления, о котором уже много написано и сказано в наши дни, но и перевода его в практические дела, в политику

государств, прежде всего ядерных, в первую очередь крупнейших ядерных.

Проанализировать общую картину — дело научных трудов. Свою же задачу я рассматриваю как более узкую: по возможности полнее вспомнить те события, в которых участвовал сам, тех людей, с которыми столкнула меня судьба.

Писать воспоминания, на мой взгляд, вещь всегда нелегкая. В силу принятой традиции необходимо сообщить какой-то минимум автобиографических данных. Но главное, конечно, не в этом, а в том, чтобы осмыслить огромное множество проблем, так или иначе влиявших на судьбы мира, актуальных проблем, с которыми человечеству приходится иметь дело. Другими словами, речь прежде всего идет об основных политических событиях, с которыми был связан, и это вполне логично.

Хотел бы подчеркнуть, что в своей работе мне доводится выступать в одном строю со многими советскими, партийными и государственными деятелями, сформировавшимися при Советской власти, в условиях социализма, в условиях претворения в жизнь воли ленинской партии, воли народа. В этом, в частности, отражается и тот простой факт, что внешняя политика Советского Союза последовательна, миролюбива, защищает интересы народа. Ей чужда конъюнктурщина.

Общаясь с людьми недостаточно сведущими, чувствуешь, что они часто видят в дипломатии эдакое стремление или умение обхитрить партнера по переговорам, может, в чем-то и «провести» его, сказать к месту удачное словцо, блеснуть неожиданным афоризмом, ловко привести неизвестную собеседникам цитату. Это, конечно, весьма далекое от истины представление.

Деятельность полномочного представителя, особенно за рубежом, включает в себя огромный круг обязанностей, но прежде всего способность проанализировать, точно воспроизвести проблему, изложить ее в емком виде.

С 1985 года я работал на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР, с большим удовлетворением выполняя обязанности, которые доверены мне партией и государством.

Особенно хочется подчеркнуть тот огромный диапазон проблем, который приходится рассматривать в настоящее время Президиуму Верховного Совета СССР. Все они в той или иной степени связаны либо с социально-экономическим развитием нашей страны, либо с ее постоянной внешнеполитической линией на упрочение мира во всем мире.

Поездки в другие города страны давали мне возможность встречаться с разными людьми: от рабочих на производстве до государственных деятелей, членов ЦК КПСС. Такое общение

делало возможным глубоко заглядывать в те проблемы, которые имеются у нас в стране, обдумывать их и решать. Постоянная связь с массами в значительной мере обогащает, помогает успешнее трудиться.

Могу только выразить огромную благодарность Центральному Комитету партии за все те возможности, которые мне были предоставлены.

Еще одно. С начала сознательной жизни я — убежденный коммунист, преклоняющийся перед могучей силой учения Маркса — Энгельса — Ленина.

Люди строят дом. Еще нет этого дома, но есть конструкции, которые постепенно преобразуются в этажи, лестничные площадки, коридоры и комнаты. Он еще не готов, этот дом, но его уже в процессе стройки люди называют домом. Так и коммунистическое общество, которое строит наш народ под руководством Коммунистической партии, — это не мерцающая, не недосягаемая звезда, а реальный процесс созидания, которым занят весь наш народ. Маршрут нашего движения ясно указан XXVII съездом КПСС.

Коммунисты на земле стали реальной могучей силой, их — миллионы.

Я горжусь тем, что вношу свой скромный вклад в общее дело партии и народа, в дело мира и коммунизма.

Не скажу, что взялся я за работу над этой книгой без колебаний. Рассуждал просто. Воспоминания хороши, если они читаются с интересом. А если они его не вызывают, то зачем их тогда излагать на бумаге?

Писатель-художник в известном смысле в менее сложном положении. Он населяет свое произведение такими персонажами, которые, по его мнению, обязательно должны привлечь внимание читающей публики. Они могут быть героями, людьми «так себе» и даже жуликами.

Но все здание художественного произведения должно вызывать у читателя интерес. Трудясь над воспоминаниями, автор всегда берет героев из жизни. Могут сказать: так проще, чем выдумывать героев, а следовательно, и легче.

Это верно. Но верно и другое.

Каким бы скромным ни старался быть автор, он все-таки сам идет по дороге собственной жизни и рассказывает не только о поступках других, но и о своих собственных. Для него написанная им книга как бы зеркало, которое он создал и которое отражает не только поведение других людей, их мысли, силу и слабость, мировоззрение. Оно отражает прежде всего его собственные качества, их грани, личностные и общественные.

Очень сложна задача для каждого автора воспоминаний — не впасть ни в одну из крайностей. Он не имеет права, если хочет быть объективным, заставлять зеркало отражать реальность в кривом изображении. Любой человек, желающий передать другим свои мысли и суждения о людях или событиях, должен находить ту золотую середину, которая позволяет ему не навлечь на себя упреки в том, что он необъективен.

Автор только тогда будет вести читателя уверенно через всю книгу, если сумеет найти эту середину.

Конечно, немало зависит и от того, какова палитра слова произведения. В этом отношении всякая стоящая книга всегда имела и будет иметь свое оригинальное лицо. Это относится и ко всей мемуарной литературе.

Не мне судить о достоинствах и недостатках «Памятного», которое я с покорностью отдаю на суд читателя.

Глава I
В НАЧАЛЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Немного истории. В семье крестьянина-бедняка. Родители и родственники… И грянула первая мировая… Поверья давних лет. Ленин и его помощники. Бесчинства кайзеровских оккупантов. «Ночные университеты». Читать, читать, читать… «Партия жива, с ней и будем жить». Годы учения в Минске. Переезд в Москву. Слушая старых большевиков. В стенах Академии наук. Пашуканис против Вышинского.

Человеческая память — удивительна. За повседневными заботами, все новыми и новыми событиями, как правило, не хватает времени предаваться воспоминаниям о днях минувших. Поэтому иногда кажется, что жизнь безжалостно стирает былое и пережитое. Но это только кажется.

Когда остаешься с собой наедине, то нескончаемой чередой проходят картины прошлого. Особенно настойчиво всплывают в памяти те, которые относятся к ранним годам жизни. Вначале я пробовал как бы игнорировать этот период. Однако память непроизвольно возвращает к годам детства и отрочества. И яркость событий тех лет почти не потускнела.

Нет, не случайно многие из тех, кто рассказывает о заре своей жизни, отдают в ней должное времени детства, разумеется, той его поры, когда память уже отчетливо фиксировала события. Как волнует и сегодня каждого читателя повествование о детстве, отрочестве и юности, которое оставил нам, например, гигант литературы Лев Толстой. Как прекрасно рассказал о своих детских годах замечательный русский писатель Сергей Аксаков. А Максим Горький!

До наших дней дошла весть о примечательном факте. Выдающийся философ-материалист Древней Греции Демокрит прожил более ста лет. Величие его в науке состоит хотя бы в том, что физика и химия оперировали понятием «демокритовского» атома вплоть до конца XIX века, то есть до тех пор, пока его «неделимый» атом не стал «расщепляемым». На закате дней мыслитель вдруг лишил себя зрения.

— Зачем ты это сделал? — спросили его. Мудрец ответил:

— Чтобы лучше видеть.

Это произошло, как гласит окутанная дымкой времени легенда, почти двадцать пять столетий назад.

Знаменитый сын страны, о периоде расцвета которой К.

Маркс говорил как о «прекрасном детстве человечества», явно хотел этим жестоким по отношению к себе поступком подчеркнуть могущество человеческой мысли и силу человеческой памяти, запечатлевающей объективно существующую реальность и неразрывно скрепляющую связь времен — прошлого, настоящего и будущего.

Каждый, кто извлекает из кладовой своих воспоминаний россыпи ярких для него впечатлений, относящихся к прошлому, желая сделать их достоянием и других, воспроизводит все это, конечно, в манере и способами, свойственными именно ему. Но это как раз и ценно, так как позволяет полнее прикоснуться к явлениям, событиям, фактам былого и глубже их понять. И никто не может сказать, как бы выглядело человечество, если бы оно не научилось передавать свой опыт в книгах, изваяниях, живописи, архитектуре и во всем, что создано умом и трудом человека.

Хочу дать несколько штрихов, относящихся к моим ранним годам. Сделать это решил потому, что вся последующая жизнь — как она у меня сложилась — испытала сильное воздействие детских и отроческих лет, когда только еще происходит формирование личности и в физическом, и в нравственном отношении.

Немного истории

Бывает, меня спрашивают:

— Откуда взялась фамилия Громыко?

Над этим мне почти никогда не приходилось задумываться. Фамилия как фамилия. Она дается каждому человеку для того, чтобы его отличали от другого.

Правда, у нас в деревне определяли людей своим порядком, часто встречавшимся в деревнях старой России. Действительно, как можно отличить человека по фамилии, если в Старых Громыках насчитывалось более ста дворов и почти все — Громыко? В соседних Новых Громыках — более двухсот пятидесяти дворов, тоже Громыко. Может, всего лишь в полдесятке дворов жили люди с другими фамилиями. Наконец, в шести километрах от нас расположилось село Потесы: там еще более двухсот дворов, и все — с фамилией Громыко. Попробуй, отличи одну семью от другой. Поэтому в деревнях и селах крестьяне придумывали друг другу прозвища.

Прозвище нашего рода — Бурмаковы. И отца моего, и деда, и прадеда вся деревня знала как Бурмаковых. И я тоже в Старых Громыках всегда откликался, когда меня называли Андрей Бурмаков.

Уже после войны мой брат Дмитрий, который одно время работал в Гомельском облисполкоме, заинтересовался происхождением этой фамилии. Так, просто для себя лично, решил провести поиск. Копался в архивах, изучал старые рукописи и книги и выяснил некоторые подробности.

Ему удалось установить, что еще с незапамятных времен в наших краях проживали славяне-радимичи; одного из воевод называли Громыко. В мирное время тот Громыко из давней легенды, как и его соплеменники, пахал землю, но когда дружина выступала в поход, его ставили во главу, и он вел воинов на дела ратные. А в старину, говорят, бывало, что люди, сражавшиеся под командованием воеводы, брали себе и его имя. Возвратившись из похода в родные места, ратники воеводы Громыко оседали в поселениях, которые потом тоже так и называли — Громыки. Постепенно на обоих берегах реки Беседь и образовались два населенных пункта, которые стояли в километре друг от друга, — Старые Громыки и Новые Громыки. Люди в этих селениях имели одну фамилию.

В то время гетман Богдан Хмельницкий взял курс на воссоединение Украины с Россией. Украину обложили польские ляхи и турецкие янычары, крымский хан и правитель Молдавии

— многие враги внешние. Не дремали и недруги внутренние — противники из числа верхушки казачества в открытую советовали Богдану «поддаться туркам или крымцам», а скрытно ждали удобного случая, чтобы расправиться с ним. Однако прозорливый гетман направлял во все стороны свои посольства с миром и в то же время слал гонцов в Москву за помощью и советом. По Украине ездили его люди, собирали казаков под булаву Хмельницкого в Переяславе, где потом состоялась Рада великая.

Полковник Михайло Громыко во главе небольшого отряда по заданию Богдана отправился в городок Корсунь с мирным поручением: убедить жителей встать под знамена гетмана. Но враги

Хмельницкого убили Громыко и перебили его отряд. На календаре значился тогда 1649 год. До великого воссоединения оставалось еще около пяти лет.

Сын Михаилы, Василий Михайлович Громыко, ездил посланцем от гетмана Украины в Москву. А потом в роду Михаилы появилось множество различных военных, по званиям — от рядового казака до майора. Не берусь утверждать, что все они — мои родственники. Такая версия о происхождении нашей фамилии пока единственная и, как мне кажется, правдоподобная.

Но это не все. Как-то в Министерстве иностранных дел зашел ко мне известный советский дипломат Ф. Ф. Молочков и сказал:

— Андрей Андреевич, у меня для вас небольшой сюрприз. Люблю книги. Читал вот «Историю России с древнейших времен» Соловьева и нашел там вашу фамилию.

Он положил на стол том этого труда, и я с большим интересом прочел о том, что произошло в XVII веке с одним из тех, кто тоже был Громыко.

Наш род — крестьянский. Из тех хлебопашцев, что трудились на своем клочке земли от зари до зари. И православную фамилию Громыко им аккуратно записывали в местную церковную книгу и в официальные документы властей. А так в обиходе в пределах деревни они пользовались своими прозвищами.

Фамилия Громыко и сейчас сравнительно распространенная. Но все Громыки, хоть и проживают в разных концах Родины, в той или иной степени связаны с древними радимичами, с теми поселениями, лесами, лугами, полями, которые раскинулись между верховьями Днепра и Десны, в бассейне Сожа, у речки Беседь.

В семье крестьянина-бедняка

Родился я в 1909 году в деревне Старые Громыки, что недалеко от Гомеля, в семье полукрестьянина-полурабочего. Такая категория населения в дореволюционной России существовала. К ней относились люди, не имевшие достаточно земли, чтобы прокормить себя и семью. Они работали в промышленности, в городе, но не постоянно, а временно. Короче говоря, хозяйство наше было бедняцкое. Земля плохая. Поэтому еще подростком, с тринадцати лет, я ходил вместе с отцом на заработки на стороне — преимущественно на заготовку и сплав леса, его доставку к промышленным предприятиям в Гомеле.

Моя родина — Гомельщина. Славянское племенное объединение радимичи, которое исстари жило здесь, получило у судьбы весьма скромный дар в виде, как сейчас принято говорить, окружающей среды.

Народ здесь живет добрый и отзывчивый, но только не для тех, кто приходил в эти края с мечом. И когда на СССР напала фашистская Германия, все люди нашего края — от мала до велика — сражались с захватчиками доблестно, как и весь народ страны. Горя этой земле и людям гитлеровцы принесли много. Памятниками и могилами советских людей, павших в борьбе с фашистскими агрессорами, усеяна земля республики.

Пожалуй, я проявил бы излишнюю скромность, если бы не признался, что край, в котором я родился и провел детство, заставил меня с отроческих лет полюбить старину, памятники истории и культуры народа. Рассказы взрослых доносили до нас, ребятни, правдивые и таинственные истории прошлого.

Сросся я со своим районным центром — городком Ветка, в котором мне приходилось бывать, пожалуй, с первых лет сознательной жизни. Его население состояло в большинстве своем из так называемых старообрядцев, да и в окрестных селах их было немало. Народ добрый, приветливый. Едешь, бывало, — всего десяток с небольшим километров от нашей деревни до Ветки, — остановишься у какого-нибудь колодца, чтобы коня попоить, глядишь: а из дома уже выбегает хозяйка, дает тебе ведро и участливо спрашивает:

— А может, еще чего надо?

Любили мы этих людей. Когда я немного подрос, узнал: все они — потомки тех, кто бежал еще в XVII веке от преследований патриарха Никона и самодержцев. Старообрядцы и основали в 1684 году поселение Ветка. Их бунтарский дух буйствовал и в потомках.

В 1735 году императрица Анна Ивановна, самодурство которой не знало границ, сослала в глубь России сорок тысяч непокорных ветковчан и жителей прилегающих поселений. А сам городок предала огню. Но старообрядцы оказались людьми живучими, и вновь будто из-под земли воскресла Ветка.

Однако в 1764 году на головы ветковчан снова упал меч царских карателей. Двадцать тысяч человек отправила царица — в этот раз уже Екатерина II — на вечное поселение в Сибирь. Шли они под конвоем до Шилки и Селенги долгих пять лет. И ныне в тех местах Сибири живут их потомки. Теперь их свыше ста тысяч.

Никто толком не знает, откуда пришло название Ветка. Одни утверждают, что это оттого, что речушка здесь — ветвь реки Сож, вторые — что на самом Соже есть остров Ветка и от него пошло имя, а третьи считают, к ним отношусь и я, что Ветка — это малая ветвь Москвы. Иными словами, старообрядцы-ветковчане — все же москвичи.

Поскольку собрались здесь люди непокорного духа, наверно, потому и нашел себе укрытие в этом городке руководитель крестьянской войны Емельян Пугачев. Было это еще перед началом той войны, во время которой он во главе поднявших косы и топоры народных масс пошел на схватку с самодержавием. Именно здесь, в Ветке, ему дали «пашпорт», чтобы он мог успешно миновать заставы, снабдили всем, чтобы благополучно проходил опасные места. И отправился Емельян в глубинные районы страны поднимать на бой с угнетателями недовольных крестьян. Здесь, в Ветке, нарекли его «Петром III». Царица Екатерина II восстание подавила, а Емельяна Пугачева казнила. Долго горевала в те годы по «доброму крестьянскому царю» и сердобольная Ветка.

Славилась Ветка своими мастерами — строителями, краснодеревщиками, резчиками по дереву, золотильщиками, иконописцами, чеканщиками. В старые времена их приглашали строить соборы и украшать богатые дома в Киеве, Петербурге, Москве. Они, в частности, вместе с другими умельцами обряжали Оружейную палату в Кремле, Новодевичий и Иверский монастыри.

Ветка знаменита уникальными деревянными рукописями и книгами. Здесь оттачивали свое искусство люди редкой профессии — книгары — так называли в наших краях создателей книг. Некоторое время назад в Париже с аукциона была продана за огромную сумму самая дорогая книга. Она называлась «Апостол», ее издал русский первопечатник Иван Федоров в 1574 году. Как не гордиться жителям Ветки тем, что вторая такая же книга находится у них в местном музее!

Кстати, утром 6 августа 1986 года, просматривая, как обычно, газеты, я обратил внимание на заметку в газете «Советская Россия». Называлась она «Бесценная находка». Корреспондент газеты по Свердловской области сообщал, что Уральская объединенная археографическая экспедиция нашла и доставила в областной центр сразу два экземпляра «Апостола», напечатанного Иваном Федоровым во Львове в том же 1574 году. Как не порадоваться такому успеху советских ученых!

Честно признаюсь, что я всю жизнь неравнодушен к старинным книгам, картинам, любым предметам, связанным с историей. Люблю читать, в детстве что недопонимал — домысливал. Наверно, вся обстановка родного края влияла на меня духовно и в последующем.

А рядом с Веткой — мои Старые Громыки. Еще в детстве я слышал, что неподалеку от наших мест в давние времена было сражение, где «русские побили шведов». Пожилые люди вспоминали, как их деды и прадеды рассказывали, что крестьяне не щадили в ту пору «бегучих шведов», которые пришли к нам как грабители и захватчики.

Когда я уже стал студентом, как-то довелось мне на несколько дней приехать в наши края и побывать в райцентре Корма.

Ехал я к нему через Славгородский район Могилевской области. Там, на шоссе, когда следуешь от Могилева до Славгорода, есть деревушка Лесная. Обычная, ничем особым не выделяющаяся. Но ее название почти триста лет назад прогремело по всей Европе и осталось прославленным в истории страны. Там, при этой деревне, в сентябре 1708 года состоялась жаркая битва. Русские войска под командованием любимца Петра I — Меншикова наголову разбили шведскую резервную армию, которая шла на помощь Карлу XII. Был захвачен обоз из тысяч телег, боевые и продовольственные припасы, предназначенные войску короля. Петр Великий назвал победу под Лесной «матерью Полтавской баталии». А историк В. О. Ключевский в XX веке, анализируя события российской истории начала XVIII века, воскликнул:

— Стыдно было проиграть Полтаву после Лесной.

Много лет спустя в руки мне попал толстый фолиант «Северная война». Его автор — замечательный советский историк академик Евгений Викторович Тарле, с которым мне не раз приходилось встречаться. В книге были слова, которые подтверждали то, о чем в нашем селе, когда я был совсем мальчонкой, говорили деды: те шведские солдаты и офицеры, «которые были отрезаны от своих и не попали в плен к русским,

блуждали некоторое время по лесам и постепенно истреблялись белорусскими крестьянами». После вторжения шведов на земли России война против них стала приобретать народный характер, свой вклад в это внесли и жители наших мест.

Жители города моего детства — Гомеля всегда считали, что его основание связано с XII веком, поскольку именно в то время он упоминается в старинных летописях. Однако совсем недавно археологи поставили под сомнение такой возраст города. Оказалось, что он намного старше, чем считали специалисты.

В 1988 году в областном краеведческом музее выставлялись доказательства того, что город основан гораздо раньше, чем упомянутый в летописи в 1142 году Гомий. Многочисленные находки, среди которых орудия труда, предметы быта, оружие, украшения, — немые свидетели того, что поселение в виде городского посада возникло здесь еще в IX–X веках, а в XI–XIII столетиях Гомий превратился в военно-административный и торгово-ремесленный центр.

В XIV веке он был отторгнут от Руси и входил в состав Великого княжества Литовского, а с XVI века — Польши, с которой Литва объединилась в Речь Посполиту. С 1772 года этот город по праву истории вновь вошел в состав России как исконно русская земля.

Гомель запомнился мне как большой железнодорожный узел. В нем имелись и промышленные предприятия. Наиболее заметным из них была спичечная фабрика «Везувий», работать на которой мечтал когда-то и я.

Сильно разрушенный фашистами город в настоящее время не только полностью восстановлен, но и стал крупным промышленным и культурным центром Белорусской ССР (до 1924 года он и Гомельский округ в целом были в составе РСФСР). В 1970 году за успехи, достигнутые трудящимися города в выполнении заданий пятилетнего плана по развитию промышленного производства, Гомель награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Родители и родственники

Когда начинаешь переносить на бумагу воспоминания, то неизбежно возникает вопрос: с какого же времени у тебя стали формироваться взгляды на жизнь, на мир? Пусть даже детские взгляды, еще окончательно не сложившиеся, которые скорее походят на беспорядочно нагромождающиеся одна на другую картинки наблюдаемой обстановки и известных событий; помню я родственников, близких людей, соседей. В конце концов ведь не существует точной черты, отделяющей детство от отрочества, от более зрелого возраста.

В жизни человека происходит постепенное накапливание впечатлений, фактов и опыта, которые со временем перерастают в убеждения, систему взглядов. У меня вовсе нет намерения углубляться в эту тему так, как это делают, скажем, литераторы, изображающие не только окружающую обстановку, но и становление внутреннего мира героя своего произведения. Но, пожалуй, у каждого человека, который задумал окинуть мысленным взором свое прошлое, все же возникает этот вопрос.

Помню я себя примерно с четырехлетнего возраста. Не считая глубокой семейной привязанности, которая является в общем-то врожденной чертой человека, первое сильное чувство, пробудившееся во мне, — чувство любви к родным местам, к дому, в котором родился.

Наш домик стоял на окраине деревни. Мне казалось, что ему не менее сотни лет, таким он выглядел старым. В нем были две комнаты, в каждой из них — по одной кровати и по две-три лавки. В этих комнатах размещались две семьи, одна из которых — с детьми. Под стать дому было и наше домашнее хозяйство: на обе семьи — корова и лошадь.

Рядом с деревней Старые Громыки — небольшое озеро, соединяющееся с рекой Беседь. С детством связаны воспоминания о бесконечных купаниях в реке и озере, веселых криках ребятни. Для нее такие купания, да еще порою тайком от взрослых, были верхом счастья.

Вспоминая те годы, не могу не сказать самых добрых слов о своих родителях — отце и матери. Я признателен им от всей души и храню о них благодарную память.

Мой отец, Андрей Матвеевич, был человеком грамотным в житейском смысле слова. Умел хорошо читать и писать. Но окончил он только церковноприходскую школу с ее четырьмя классами.

Помню, как я завидовал красивому почерку отца. С этим у

меня с самого начала дело обстояло неважно. Кажется, стараешься выводить буквы правильно, так, как учили, а получаются они на бумаге какие-то изломанные. Правда, буквы вели себя более покорно, когда я писал их в тетрадях, специально разлинованных. Однако, как только начинал писать на чистом листе бумаги, они принимались плясать, выделывать какие-то пируэты.

Восхищался я своим отцом и в таком отношении. Возьмет он карандаш и лист бумаги, и вдруг на этом листе начинают появляться фигурки людей, различных животных — лошадей, коров, овец. Я и мои друзья-мальчишки разглядывали их словно зачарованные, хотя эти рисунки делались простым карандашом. Лишь немногие, и то понаслышке, знали у нас тогда о масляных красках. Да отец и не мечтал о том, чтобы как-то приобщиться к художественному творчеству.

Любил мой отец поведать членам семьи и родственникам о сражениях, происходивших на полях Маньчжурии в русско-японскую войну 1904–1905 гг. и позже на юго-западном участке русско-германского фронта в период первой мировой войны. Говорил он об этом со знанием дела, так как был участником и той и другой войны. Свои рассуждения он сопровождал «солеными» словами по адресу российских генералов. Называл их фамилии. Помню, как он рассказывал:

— Я всегда любил солдат и тех боевых офицеров, которые делили с нами военные тяготы. А вот в отношении высшего командования русской армии мы, солдаты, выражали недовольство. Мы шли в бой, но всегда не хватало оружия, особенно артиллерии. Постоянно ощущался недостаток боеприпасов. Огневая мощь противника была во много раз сильнее, и потому русская армия несла неизменно тяжелые потери. Я удивлялся:

— Как отец все это помнит?

Обращал я всегда внимание на то, что солдаты, по словам отца, вину за поражение в русско-японской войне возлагали на командование армией, а не на царя.

— Почему? — спрашивал я. Отец, подумав, отвечал:

— Они побаивались обвинить царя напрямую. Да и поговаривали: «До Сибири от Маньчжурии совсем близко — здесь фронт, а там ссылка».

Правда, в этих рассказах все же доставалось негодным правителям.

— В начале войны, — говорил отец, — среди офицеров ходило выражение: «Мы японцев шапками закидаем — нас, русских, больше». А солдаты как бы в ответ заявляли: «Верно. Мы

можем закидать японцев шапками, но зачем для этого идти так далеко?»

Молодежь слушала эти рассказы, затаив дыхание.

Я почти не видел, чтобы мой отец не был занят какой-то работой. Даже рассказывая, он не переставал что-то мастерить, строгать, починять, приводить в порядок скромные орудия крестьянского труда — соху, борону и прочее. Если с этим было уже все в полном порядке и если отец не уходил на отхожий промысел, который продолжался, как правило, несколько месяцев, то он и тогда находил себе работу — заготавливал на зиму дрова, собирая в лесу валежник, выкорчевывая старые пни и доставляя все это к хате на лошаденке.

И все же мой отец был немногословным человеком. Он обладал способностью часами заниматься делом в поле, на дворе, на сенокосе, в лесу — на заготовке дров, не говоря ни слова, хотя, как правило, его окружали люди, с которыми, может, и хотелось пообщаться. Просто не любил этого, считал, что разговор мешает трудиться. Мне всегда казалось, что без работы, хотя бы в легком ее виде, он не сумеет жить.

Но бывали случаи, когда он мог позволить себе поговорить: либо со своими в кругу семьи за столом, либо поздно вечером в летнюю пору, когда несколько мужчин собирались возле какого-нибудь дома на завалинке. Там обычно разговор случался мужской. Женщинам не стоило прислушиваться к таким беседам — зачастую они пересыпались и крепкими словечками.

Однажды отец и другие в таком мужском разговоре заспорили о том, какая страна в мире самая богатая. Мнения разделились.

Один говорил, что, пожалуй, Германия богаче других государств, так как германцы — грабители, они ограбили и Россию. Другой заявлял, что богаче всех Америка. Никто из них не называл богатой Россию. Один из участников спора высказал такую мысль:

— У американцев был умный президент, звали его Теодор Рузвельт, он, говорят, хорошо правил страной.

Мой отец высказался следующим образом:

— Америка, пожалуй, богаче других, потому что американцы и чужое богатство прибирают к своим рукам. Теодор Рузвельт был хитрый президент.

Сосед это поддержал.

— Да, Теодор Рузвельт — хитрый и умный президент.

Они говорили, что об этом и в газетах пишут. С детства отложились у меня слова об «умном и хитром» американском президенте.

Эта «конференция на завалинке» после дискуссии, в которую вслушивались мы, гурьба мальчишек, закончилась тем, что все договорились и согласились с одним — пора расходиться по домам и готовиться к завтрашнему рабочему дню.

Подобные «конференции» были нередким явлением в деревне, и мужчины находили в них выход своим мыслям. Эти «конференции» по международным вопросам были первыми в моей жизни. В них я непосредственно не участвовал, но зато внимательно слушал все, о чем там говорилось.

Было это в годы первой мировой войны, когда отец приезжал с фронта в короткий отпуск домой. В США президентом тогда уже стал Вудро Вильсон, а у меня в памяти остался Теодор Рузвельт как «умный и хитрый президент».

Случилось так, что однажды в 1933 году — в то время я учился в Минске — поехал отец в лес, чтобы привезти хворост, и не вернулся. Нашли его через много часов еле живым, без сознания. Вскоре он скончался, так как медицинской помощи вблизи не оказалось. Было отцу тогда около пятидесяти семи лет.

Моя мать, Ольга Евгеньевна, родилась в семье крестьянина-бедняка из соседнего села Железники. Это была женщина с золотым сердцем. О людях она говорила только доброе. Мать как бы ни в ком не замечала и, что важнее, не хотела замечать ничего плохого.

Школу мать посещала лишь два-три года. Закончить учение ей не удалось, так как после смерти отца ее — совсем еще девочку — всецело поглотили заботы по дому, тяжелая работа в поле. Тем не менее читать и писать она все-таки научилась. И читала немало.

Все, что сказано относительно прилежания, любви отца к труду, могу повторить и в отношении матери. Она была труженицей. Без устали, отдавая много сил и здоровья, работала в нашем хозяйстве, а затем и в колхозе, который объединил крестьян деревни Старые Громыки.

О своей матери я через всю жизнь пронес самые теплые воспоминания. С детских лет поражался, как может человек все время, не присев, работать. Ведь в ее заботы входило на небольшом клочке земли как-то вырастить понемножку картофеля, капусты, огурцов; позаботиться, чтобы посеять и вырастить лен, которому в хозяйстве отводилось важное место. Иначе не будет рубах, постельных принадлежностей, да и вообще худо будет с одеждой. Надо заготовить корм для коровы. Что же касается ухода за зерновыми культурами, преимущественно за рожью, то женскому труду в этом деле отводилась на всех стадиях не меньшая роль, чем постоянным заботам накормить семью,

тщательно экономя продукты.

Вся эта хозяйственная работа приходилась на долю женщин. А их в нашем доме оказалось только две. Кроме матери трудилась и сестра, но она, будучи моложе меня, стала помощницей взрослым уже тогда, когда я начал терять связь с семьей, уехал учиться. Любовь к книгам перенял от матери. В деревне ее звали «профессором». Странно как-то это звучало, но ее так часто называли и взрослые, и дети: «тетя Оля — профессор».

И сейчас помню душевные, проникнутые заботой обо мне слова матери:

— Ты любишь книги, и учителя тебя хвалят. Наверно, тебе надо учиться… Может быть, выйдешь в люди.

Жизнь показала — мать дала добрый совет. Ее поддержал отец, что и решило мою судьбу.

Скончалась моя мать в 1948 году в Москве. Всю жизнь она прожила в деревне. Приехала в столицу за несколько месяцев до кончины, хотела подлечиться, да так и не смогла. А за две недели до ее смерти я прибыл из США. Успел с ней еще увидеться в больнице и поговорить. Трудный это был разговор.

Пример отца и матери, да и сама жизнь создали условия, когда все мы, я и мои сверстники, рано включились в трудовую деятельность. В возрасте семи-восьми лет я приобщился к физической работе. Трудился преимущественно в поле вместе с отцом и матерью.

Родители мои вступили в брак вскоре после окончания русско-японской войны. Отцу тогда было около двадцати семи лет, а матери — лет девятнадцать. Их первенцем была дочь Татьяна, которая родилась на полтора года раньше меня. Умерла она примерно в двухлетнем возрасте, и я ее не помню.

В течение нескольких лет наша семья жила вместе с дедом по отцу — Матвеем Григорьевичем, который был современником отмены крепостного права в 1861 году. Он знал грамоту. Много раз перед обедом слышал я его отчетливое, несколько протяжное чтение «Евангелия». Скончался дед в 1927 году, в возрасте семидесяти пяти лет.

Достойной спутницей жизни стала для деда Матвея его жена Марфа, моя бабушка. Она, кажется, была рождена, чтобы сеять добро среди людей.

Когда я был малышом, можно сказать, еще пешком под стол ходил, услышал я как-то от бабушки необычное слово. Не помню, в чем я провинился, но она мне погрозила пальцем и сказала:

— Ах ты демократ! Зачем шалишь?

Дело происходило до революции, при царе, и она, знавшая понаслышке, что «демократов» сажают в тюрьмы, ссылают на

каторгу, решила и меня припугнуть этим «страшным» словом. Потом, позже часто я слышал, если чуть что было не по-бабушкиному:

— Ах ты «демократ»!

Но я знал, что добрая бабушка не умеет сердиться. Поэтому для меня с детства слово «демократ» всегда звучало как ласковое и обязательно связанное с родным человеком.

Наша семья, семьи двух братьев отца и двух его сестер, Софьи и Марии, жили дружно. Но так продолжалось до тех пор, пока не настало время делить последние участки принадлежавшей деду пахотной земли. Когда дело дошло до этого, когда хозяйство, в котором хлеба не всегда хватало до нового урожая, стало распадаться на еще более мелкие хозяйства, то возникли трения, особенно между моим отцом и его младшим братом Иваном. Семья брата Николая, отделившаяся раньше, в последней дележке участия не принимала.

Мне очень не нравилось, когда происходили эти трения. Я никак не мог понять, зачем своим людям ссориться, говорить друг другу плохие слова.

И все же, несмотря на известные сложности, которые случались почти во всех семьях нашего небогатого края, где люди испытывали постоянную нужду и добывали средства к жизни тяжелым трудом, родственные привязанности в нашей большой семье были прочные.

Мы с душевной теплотой относились к своей деревне, к родным и знакомым, некоторые из них жили в соседних селах. Ходить к ним в гости или принимать их у себя было радостным событием. Хорошо помню: алкоголь не почитался. В семье у нас никто не пил. Но в деревне два-три раза в году бывали на селе пьяные. Как правило, несколько молодых парней. Да и то не разбирал никто, в самом деле пьяные они или просто куражатся, чтобы привлечь внимание девчат.

Все, что окружало Старые Громыки, я обожал: поля и леса, луга и речки. Мне казалось, что здесь — самые лучшие места, хотя у людей, за малым исключением, иногда даже своего картофеля не хватало к концу зимы.

Мое восхищение вызывала небольшая река Беседь, по которой маленькие пароходики ходили только весной. Летом она была слишком мелкой. Берега реки притягивали как магнит. Часами мальчишки просиживали с удочкой, глядя, не клюет ли? Но, увы, рыба клевала плохо. Если удавалось поймать пять-шесть рыбешек, то это считалось везением. Удачливый рыболов тогда возвращался с гордо поднятой головой и считал себя почти взрослым.

Когда мальчишки и девчонки могли уже работать, они в поле помогали старшим, особенно в выполнении женской работы: на уборке льна, конопли, картошки, на жатве и уборке зерновых. Все это — нелегкий труд для подростков. Тягловой силы и вообще скота было мало, не хватало кормов.

Километрах в трех от деревни находился довольно большой лес Графщина, который простирался сравнительно далеко, а нам он вообще казался нескончаемым. Считалось, что в лесу всего хватает: и зверя, и бандитов, и, возможно, колдунов. А когда фантазия у мальчишек разгуливалась, то она населяла его и лешими.

— Да и где же водиться лешим, как не в лесу? — рассуждали мы.

Но летом, когда наступал сезон грибов, люди, не боясь, ходили в лес. По части хвастовства грибники не уступали рыболовам и охотникам. Последних, правда, в наших местах встречалось очень мало, так как с ружьями дело обстояло туго.

В зимнее время побаивались волков. Отчасти поэтому за дровами выезжали не в одиночку. Когда мы с отцом отправлялись в лес, то нередко мне отчетливо представлялось, как я буду топором рубить волков направо и налево, спасая отца и лошадь. Но волки, как нарочно, не появлялись. Про себя я был этим доволен, но перед отцом старался выглядеть храбрецом и забиякой.

Детвора с раннего возраста жила дружно: старшие присматривали за младшими, опекали их. И в последующем этот дух коллективизма, как сейчас принято говорить, или взаимопомощи неизменно себя проявлял. Такое отношение — следствие обычаев, зародившихся много веков назад среди крестьян. Так, если случался пожар и крестьянин с семьей оставался без крова, то вся деревня приходила ему на помощь, доставляла лес и другие материалы для строительства новой хаты и сарая. Пример неплохой и для детей, и для подростков, и для взрослых.

И грянула первая мировая…

Как гром среди ясного неба разнеслась весть о том, что Германия объявила войну России. Вспыхнула первая мировая… Я наблюдал и воспринимал события, конечно, по-детски. А взрослые реагировали остро.

Отец говорил:

— На Россию пошел германец. Он силен и опасен. Он всегда приносил людям только горе.

Вот тогда впервые, еще неосознанно, я ощутил то, что является чувством любви к своим полям и лесам, к своим очагам, к своей стране. Доносившееся из глубины веков эхо битвы на Чудском озере, в которой Александр Невский сокрушил вторгшихся тевтонских рыцарей, давало себя знать. В нашей деревне мне тогда попала в руки иллюстрированная книжка о подвигах этого князя в сражениях с врагами земли русской. Жива была в душе народа ненависть к захватчикам, жива была и вера в свои силы. Не потому ли легенды о богатырях — защитниках страны — никогда не забывались? Началась мобилизация. Взяли в армию и моего отца. Для него это была уже вторая война.

Уходивших на фронт провожали родные, друзья, соседи. Провожали со слезами и, конечно, под гармонь, которая, разумеется, навевала не веселье, а грустную думу: «Вернутся или не вернутся с полей сражений родные?» Сами рекруты держались достойно, даже храбрились. А если навернется слеза, то старались смахнуть ее незаметно. На проводах взрослые даже выпивали. У нас в деревне смотрели на спиртное скорее как на дань традиции, некое неизбежное сопутствующее большим событиям явление. Считалось, что вроде так и положено, иначе и быть не может. По существу же это было средство приглушить грусть по близким, которые, возможно, уходят навсегда.

Три года отслужил мой отец в одной из армий Юго-Западного фронта, которым командовал генерал А. А. Брусилов. После двухлетнего пребывания на фронте отца отпустили примерно на неделю на побывку к семье. Затем он снова вернулся в окопы, под огонь немецких пушек в районе Перемышля.

Поверья давних лет

Горожанину, может быть, нелегко понять, какой мир поверий и легенд окружал людей на селе, в особенности детвору моего возраста. Эти поверья и легенды, представлявшие собой как бы сплав суеверия и своего рода романтики, передавались из поколения в поколение, а их корни, видимо, уходили в глубокую древность. Обычно эти по-своему увлекательные истории затрагивали такие чувствительные струны человеческой души, как верность слову, человеколюбие, честность и благородство в поступках.

К примеру, ребята постарше часто говорили о том, что есть способы, позволяющие каждому человеку узнать свою судьбу. Как это сделать? Да очень просто. Надо пойти ночью в какой-либо одиноко стоящий сруб, обязательно за пределами деревни. Подходящим местом для этой цели могли быть и бани, которые обычно отделены от изб и дворов огородами. Ночь должна быть темной и еще лучше — ненастной.

С собой следовало захватить лучину и зеркало или хотя бы небольшой его осколок. Зеркало, в которое надлежало смотреть, нужно поставить таким образом, чтобы в нем отражалась входная дверь, причем обязательно открытая.

Ровно в полночь при этом у двери должно появиться видение девушки, если желающий узнать свою судьбу — парень, либо парня, если в зеркало смотрит девушка. Одним словом, там можно узнать суженую или суженого.

Требовались большая смелость и выдержка, чтобы испытать таким путем свою судьбу. На это решались только смельчаки.

Ребятишки семи — девятилетнего возраста не утруждали себя вопросом о том, удавалось ли кому-нибудь и когда-либо увидеть желаемое. И вот мой двоюродный брат Артемка, который был годом старше меня, и я вступили в сговор, чтобы в конце концов проверить, все ли тут так, как говорят. Дали друг другу что-то вроде клятвы: кому бы из нас ни пришлось сидеть в бане, он будет держаться достойно и с позором не сбежит. А баня, хотя и примитивная, у нашего деда имелась.

Для осуществления нашего «стратегического плана» следовало предварительно решить некоторые, так сказать, «штабные» вопросы. Во-первых, установить, кто из нас пойдет в баню и предстанет перед зеркалом, а кто будет ожидать результатов, спрятавшись неподалеку в кустах. Испытанным методом была жеребьевка.

На этом и согласились. Жребий быть храбрецом пал на меня.

Наверно, в тот момент я выглядел так, будто и обо мне сказал друг Пушкина — декабрист Иван Пущин: «Половина России, покоряясь жребию, идет на смерть». Артемка тоже несколько взгрустнул, но ему оставалось лишь смириться со своей участью.

Во-вторых, надо было приготовиться на тот случай, если в бане вдруг произойдет что-то непредвиденное и вместо суженой появится нечистая сила. Условились, что Артемка, как только почувствует неладное, должен бежать ко мне на помощь. Ну хорошо, а как же быть со средствами защиты? Ведь никакого оружия у нас не было, да не имелось его и дома. Приняли решение еще под вечер незаметно для взрослых утащить из хаты какой-то железный прут неопределенного назначения. Эта «операция» удалась полностью.

Итак, Артемка забрался в кусты с этим «холодным оружием», а я устроился в бане перед зеркалом. Горела лучина. Часов у нас, конечно, не водилось, и точного времени знать мы не могли. Поэтому договорились посидеть подольше, чтобы наверняка не уйти из бани раньше полуночи.

Сидел я очень долго. Тишина стояла абсолютная, ни звука не раздавалось. Казалось, что даже собаки в деревне спят в это время непробудным сном. Ощущение было такое, что все черти через какие-то щели смотрят на меня. Единственное, что удерживало меня в бане, так это слово, данное двоюродному брату. Я понимал, что если оставлю свою опасную вахту, то о моем позорном поступке станет известно всем, а значит, такого допустить никак нельзя.

Спустя какое-то время Артемка, видимо, решил, что сроки появления видения уже прошли и надо проведать друга и брата. А у меня и лучина погасла. Слышу, раздался его слабый, зовущий голос:

— Андрей, ты жив?

Я сразу же аккуратно снял зеркало и вышел из кромешной тьмы. Мы были разочарованы. Но вместе с тем где-то в глубине души притаилось и другое чувство — как хорошо, что не случилось в бане беды и я ушел от всех чертей невредимым, без единой царапины. Но этого чувства я не показывал брату, держал все переживания в себе. Разошлись мы по домам уже на рассвете.

В наших семьях знали, что мы иногда остаемся ночевать друг у друга. Так было и на этот раз: моя семья считала, что я ночую в семье Артемки, а в его семье думали, что он ночует у нас. Поэтому некоторое время нам удавалось хранить свой секрет, тем более что и похвастаться-то особенно было нечем. Потом родители об этом узнали, но за давностью нашей проделки никакого наказания мы не понесли. Все же иногда взрослые по

этому поводу беззлобно над нами подтрунивали.

Многие попросту верили во всякие сверхъестественные явления, хотя практического значения в жизни это не имело никакого. Люди тяжким трудом добывали средства к существованию, к тому же на землях малоурожайных; и неудивительно, что им иногда хотелось рассказать друг другу различные загадочные, а то и веселые истории. Так сказать, для разрядки.

В общем-то, в жизни сельского населения тогда не обходилось и без легенд с элементами мистики. И неизвестно, чего было больше в этих легендах — увлечения сверхъестественным или просто красивого вымысла, в котором юноши и девушки пытались найти выход необузданному воображению.

Бытовал у нас и такой обычай. В определенный день года, кажется, под рождество, в некоторых дворах собирались группами девушки. Они перебрасывали свои обувки через перекладину ворот, а затем смотрели, в каком направлении повернут носок упавшего башмачка, в той стороне, согласно поверью, и ищи своего суженого. Основоположник русской классической лирики, замечательный поэт Василий Андреевич Жуковский как будто подсмотрел эту трогательную сценку в деревне Старые Громыки, прежде чем создать романтические образы гадающих девушек, запечатленных в первых строках его прекрасной баллады «Светлана»:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали…

* * *

Наверно, каждый мальчишка в деревне пережил изрядное количество эпизодов странных, а иногда и опасных для себя. Я не был исключением. Меня лично всегда интересовала и интриговала охота. На зверя, на птицу, на все, что является ее объектом у взрослых.

Мне было восемь лет. Лявону Бурмакову — соседу и доброму дружку — десять. Имя Лявон для тех, кто не проживал в наших краях, звучит необычно. А у меня на родине оно очень распространено. Вспомните знаменитый танец с песней

«Лявониха». Начинается она:

А Лявоніху Лявон палюбіу,
Лявонісе чаравічкі купіу.

К тому же мы с ним состояли в родстве: его отец и мой дед — родные братья.

В тот день, о котором пойдет речь, бродили мы по заболоченному лесу.

— Давай поохотимся на диких уток, — сказал я Лявону.

— А как? — засомневался он. — Ружья-то у нас нет. И нет его ни у кого из наших родных…

Да, ружье в нашей деревне встречалось редко. Охотники, правда, как-то умели пользоваться охотничьими ружьями по очереди. Но наши попытки завладеть ими и уйти за несколько километров в лес и на славу поохотиться оставались всего лишь мечтой. Конечно, хотелось подстрелить разбойника-волка, которым детей с малых лет пугают взрослые. Однако предметы для охоты от нас прятали далеко.

Думали мы, думали и придумали.

— А что, если побродить по болоту и поискать утиные гнезда? — спросил я.

— Давай, — решительно поддержал меня Лявон.

Мы знали, что утка вьет свое гнездо не на дереве, а где-нибудь в зарослях на болоте, у берега речки или озерца. Это — ее излюбленные места для гнездования.

— Пойдем туда, где погуще осока и камыши, обязательно найдем одно или два гнезда, — рассуждал Лявон. — Яйца сейчас по времени как раз еще не насиженные. Если мы их найдем, то возьмем и поджарим, сделаем яичницу.

Ходили мы в высокой болотной траве долго. Нам повезло.

— Гляди, — обрадованно закричал я, — вот оно здесь.

Лявон мигом оказался около меня. В гнезде лежало шесть больших утиных яиц и, как нам казалось, невероятно красивых. Мы их взяли.

Пошли дальше, но, как назло, больше ни одного гнезда нам не попалось.

— Может, хватит ходить? — предложил Лявон. — Лучше сготовим яичницу из тех, что у нас есть.

— Ладно, — согласился я.

— Ну и пир будет! — обрадовался он. — На каждого приходится по три яйца!

Получалось совсем неплохо. Тем более что аппетит у обоих разыгрался волчий.

— А на чем будем жарить?

— Как на чем? — ответил Лявон. — На сковороде. Я побегу, возьму ее дома. А ты сбегай за маслом или за салом…

Так и сделали.

Костер разожгли небольшой, но сковороду подогрели основательно.

Разбить яйца в кипящее масло проще простого… А масла положили столько, сколько по нашему представлению надо было, чтобы яичница не подгорела.

И в тот момент, когда я одной рукой подправлял солому, из небольшого кулька, который находился в другой руке, выпали почти все комочки сосновой смолы, — я их собирал для себя, просто так. А упали они прямо в кипящее масло.

Моментально смола стала таять и растаяла быстро. Костер мы потушили и на миг замерли перед произведением нашего кулинарного искусства. От него несло терпким запахом соснового бора.

— Ну и что же, — тихо сказал Лявон. — Все равно, давай попробуем.

Очень хотелось есть. Мы ели. Съели уже почти все, и вдруг я спросил:

— А что, если смола, которую мы съели, начнет там внутри твердеть?

Через некоторое время мы оба почувствовали себя плохо: нас сильно тошнило.

— Выживем или помрем? — спросил Лявон.

— Выживем, если не помрем, — ответил я.

«Помирать» пошли домой. Лег я на кровать и пролежал долго. Ночью меня вырвало. На следующий день встретил дружка. С ним приключилось то же самое.

— Знаешь что, — сказал он, — давай никому не говорить, как мы жарили эту яичницу.

— Давай, — откликнулся я.

Тошнота и побаливание у нас обоих появлялись еще в течение нескольких дней. А затем все пришло в норму.

Интересно то, что впоследствии ни Лявон, ни я не могли переносить запах смолы. Уже при виде этого дерева, особенно если оно с царапинами и с появившимися каплями смолы, нам становилось дурно. Мы поклялись, что больше никогда не только не будем ходить на добычу утиных яиц, но и вообще из таких яиц никогда не будем есть яичницы, даже приготовленной по всем правилам.

И много лет спустя, когда кто-нибудь заговаривал о смоле или я ее видел, то с улыбкой вспоминал детство и нашу яичницу,

от которой шел аромат соснового бора.

Когда научился читать, то часто с книгой в руках в коротких перерывах между полевыми работами уходил в поле или в лесок, ложился на траву и мечтал. Обычно это было тогда, когда в школе не было занятий. Мечтал, задавал себе вопросы:

— Что такое звезды? Почему они светятся ночью? Почему считается, что бог живет на небе? Кто его видел?

И сам себе отвечал:

— Ведь его не видел никто из людей, которых я знаю. Задавал я этот щекотливый вопрос и бабушке Марфе.

— Кто видел бога? Она отвечала:

— Человек бога не может увидеть. Тогда я задавал ей другой вопрос:

— А как же тогда можно о боге говорить, коли его никто не видел?

На это она заявляла просто:

— Будешь все знать — скоро состаришься.

И этим самым давала понять, что разговор о боге закончен.

Другие взрослые, свои и чужие, говорили примерно то же, однако, чем моложе они были, тем добродушнее встречали детские вопросы. А некоторые заявляли, что человеку не дано все знать о боге, об этом тоже распорядился бог.

Один из жителей деревни, Михаил Шелютов, близкий наш сосед, придерживался вольнодумной точки зрения. Он заявлял и нам, малышам, и взрослым довольно мудрено:

— Существование бога под вопросом, и многие ученые не верят в то, что он есть.

Михаил часто засиживался на завалинке какого-либо домика и толковал со взрослыми и подростками о разных «высоких материях» — солнце, луне, звездах — и о заморских странах. Все слушали его с огромным интересом и понимали, что он много читал, хотя особого образования не получил. Но частые поездки в далекие города — иногда он нанимался там на работу и задерживался — давали ему возможность расширять кругозор, узнавать много интересного и в какой-то мере приобщаться к культуре.

— Откуда ты, дядя Михаил, так много знаешь? — робея, спрашивали его ребята.

— Читать умею, — весело отвечал он.

Питал я к нему большое уважение. Пожалуй, не в последнюю очередь под его влиянием я и мой сосед Вася, который был на год старше меня, твердо решили, что мы должны перечитать все библиотеки, которые находились в пределах досягаемости. Всех библиотек мы, конечно, не перечитали, но в некоторых,

доступных нам, брали немало книг и поглощали их без разбору. Школьными программами эти книги не были предусмотрены. Таким помню себя в начальной школе, а затем и в семилетке.

Может быть, тем, кто рос в других условиях, трудно поверить, какое огромное влияние на наше развитие оказывали в детстве чтение книг и беседы с людьми, умудренными жизненным опытом. Иногда взрослые и не подозревают, как быстро ребята усваивают то, что узнают от старших. Но главное даже не в этом. Главное в том, что пробуждалось самостоятельное мышление у подростков, не говоря уже о юношах, притом задолго до того, как они начали слушать лекции преподавателей и профессоров.

Примерно лет с девяти я начал знакомиться с атеистической литературой. Брошюрки на эту тему стали появляться уже через год-два после революции. Заполучить их было нелегко, так как в нашей деревне они еще широкого распространения не имели и попадали больше в волостные библиотеки.

И все же в простейшем, общедоступном виде понятия атеизма стали знакомы и мне, и моим друзьям. Даже семья, в которой я родился и вырос, в общем-то в прошлом религиозная, в этом вопросе как бы раскололась — по возрастам.

Дед и бабушка остались, безусловно, верующими. Их дети уже, как правило, не молились, ограничивались тем, что иногда крестились перед тем, как сесть за стол. Да и к этой привычке они постепенно охладевали.

Что касается третьего — моего поколения, то оно почти не крестилось, за исключением разве одного случая в году — пасхи. Нам нравилось в этот день посещать церковную службу, во время которой красиво пел хор. Кто только подыскивал такие хорошие голоса!

Мальчишек привлекало в церковь и то, что там во время причастия давали попробовать чуть-чуть довольно вкусного, сладкого, как бы лекарственного кагора. Правда, как они считали, священник Василий Волтовский был человеком жадным, поскольку подносил лишь чайную ложку, да и то не всегда полную. Мальчишки перешептывались:

— Скупого священника, наверно, черт поддерживает.

У священника, или, как его в народе по-простому называли, попа, в нашей деревне имелась семья: попадья и две поповны — девочки приблизительно нашего возраста. Собрались мы, мальчишки, возле церкви и стали думать-гадать, как же ему «отплатить» за его скаредность. Один из нас, мой сосед Иван, предлагал:

— Давайте ему яму выкопаем за церковью, прямо на той дорожке, где он ходит. Пойдет и провалится.

Я ему возражал:

— А что твои родители скажут? А что, если в эту яму провалится не он, а попадья или, может, даже его дочки?

Но, видно, я убедить его не смог. Иван говорил непререкаемо:

— Ну и не надо, раз вы не хотите. Я сам все сделаю. Возьму лопату, приду сюда ночью и выкопаю яму.

На том мы и разошлись. Шли и гадали: отважится Иван на такое, покажет свою смелость или нет?

В ту ночь я почти не мог заснуть. Ворочался с боку на бок, лежал с открытыми глазами в темноте, но все думал: вот решительный Иван роет глубокую яму, вырыл, вот он, украдкой оглядываясь, уходит домой, вот сонный поп идет по тропинке и неожиданно проваливается куда-то в саму преисподнюю.

Утром, чуть свет, встал, вышел за ворота, смотрю, а там уже некоторые мои сверстники ждут меня. Тоже всю ночь, говорят, почти не спали.

Гурьбой мы бросились к церкви смотреть «ужасы», полагая, что там, в яме, уже сидит священник и зовет на помощь. Прибежали, но вокруг церкви стояла мертвая тишина. Царили мир и спокойствие. Ничего со вчерашнего дня не изменилось.

Видно, не решился храбрец Иван наказать священника, побоялся взять на душу такой грех…

Ленин и его помощники

…Октябрь 1917 года. Весть о революции разнеслась с быстротой молнии.

— Рабочие взяли власть в свои руки, — говорили крестьяне в нашей деревне. — Нам тоже надо идти по пути с ними, а помещикам теперь капут.

Детвора не понимала многих выражений. Что такое «власть»? Взрослые разъясняли. Как это — «идти по пути с рабочими»? Неужели по одной дороге, взявшись крепко за руки, пойдут дед Матвей и Михаил Шелютов, который для меня олицетворял образ рабочего человека? Зато, что такое «капут», мы знали хорошо: шла война, германец стоял и передвигался неподалеку, некоторые немецкие слова использовались в обиходе.

Из Петрограда пришла новость, что революцией руководят «Ленин и его помощники».

Так я впервые услышал имя Ленина. И осталось оно в сердце на всю жизнь как самое светлое воспоминание детства. Ленин и его помощники, которые возглавили революцию, напоминали мне добрых молодцев, былинных богатырей, которые выступали на бой с врагами всегда вовремя и непременно побеждали.

Сразу после революции перемены у нас в деревне ощутились в том, что не слышно стало колокольчика станового пристава, которого крестьяне по старой традиции боялись. На него смотрели как на пугало. Исчез и урядник, к нему относились тоже с опаской, но все-таки иногда разговаривали и даже спорили.

Самый большой страх крестьяне раньше постоянно испытывали перед царем. Поэтому после революции, когда уже вся жизнь строилась по-другому, когда в стране происходили такие перемены, что даже дух захватывало, бывало, кто-либо из крестьян вдруг выпаливал:

— А что же с нами будет, если вдруг вернется царь?

Вскоре наступил сложный и трудный период в жизни нашей деревни — германская оккупация, освобождение от оккупации, и прошло еще немало времени, прежде чем прочно закрепилась Советская власть.

Бесчинства кайзеровских оккупантов

В начале 1918 года немецкие войска оккупировали западные районы страны, в том числе и Гомельщину. Они возникли как из-под земли. Все новые и новые части кайзеровской армии двигались на восток. Оправдалось то тревожное предчувствие, которое распространилось в народе уже при первой вести о войне с Германией.

Агрессор пришел с оружием в руках, как поработитель. Его остановил только Брестский мир (март 1918 г.), представлявший собой гениальный политический ход В. И. Ленина. Брестский мир хотя и был бременем для Советской республики, но не затронул коренных завоеваний Октябрьской революции, а это и нужно было стране.

Советская республика вышла из империалистической войны, получила мирную передышку, необходимую для решения сложных внутренних проблем, для создания Красной Армии. Прошло всего восемь месяцев, и революция в Германии свергла власть императора Вильгельма II. 13 ноября 1918 года Советское правительство аннулировало Брестский договор. Это было торжество ленинской позиции, ленинского предвидения.

Когда кайзеровские солдаты, обученные шагистике, рвались на восток, они не шли, а прямо-таки шагали. Но вот наступило время отступать на запад, и они позорно побежали. Оккупируя, а затем покидая нашу землю, захватчики бесчинствовали. Они грабили города и села, угоняли скот, грузили его на поезда, отправлявшиеся в Германию. У населения отбирали лошадей для перевозки немецких солдат. Нашего соседа оккупанты избили до полусмерти только за то, что он не сказал им, кому принадлежала лошадь, которую они пытались поймать, но не смогли. Вообще избивали или убивали каждого, кто пробовал сопротивляться грабежу и разбою. Так было и в нашей деревне, и в близлежащих селах.

В Старых Громыках они шли по дворам и угоняли коров.

Как сейчас помню, трое вооруженных солдат начали уводить со двора и нашу корову. Мой отец и его братья, Николай и Иван, находились в то время в лесах, так что помочь ничем не могли. В хате старшим оставался дед Матвей. Он и бросился отнимать корову, смело, отчаянно. Один из солдат стал целиться из винтовки в деда. В этот момент корова, запутавшись в веревке, упала на землю. Минуты замешательства было достаточно для

того, чтобы все мы — и женщины, и дети, в том числе я (мне было девять лет) и семилетняя сестренка, повисли на руках деда, удержали его от безнадежной борьбы.

Помню, как дед Матвей глубоко переживал, что оккупанты увели корову. Он после этого, можно сказать, не находил себе места. Человек от природы сдержанный, он обладал глубоким внутренним тактом. Не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь он по-настоящему выругался с употреблением крепких крестьянских выражений. Дед горевал:

— Что этому проклятому германцу нужно? Зачем он увел последнюю корову? Даже детей оставил без молока.

Женщины нашей деревни, в том числе моя мать, долго еще потом выходили за околицу, поглядывали в ту сторону, куда ушли грабители, видимо надеясь, что те вдруг опомнятся и вернут коров. Но коровы так и не вернулись. Сарай, куда мы с сестренкой бегали по утрам, чтобы выпить парного молока, опустел.

Однажды утром вся деревня Старые Громыки оказалась в дыму. Его принес ветер из находившегося в тридцати километрах очень большого села Перелевка, которое было полностью сожжено. Та же участь постигла и многие другие села и деревни. Это была месть оккупантов за действия партизан, за неудачи в попытках их уничтожить.

Гнев и ненависть к грабителям и убийцам были настолько сильны, что даже мальчишки, подражая взрослым, объединялись в небольшие группы и уходили в окрестные леса. Это явление возникало само собой, его не организовывали взрослые. Правда, родные искали детей, а найдя, даже наказывали, но конечно же со скидкой на вполне понятные настроения.

В одной такой группе был и я. Прятались мы во ржи и в кустарниках. Однажды, когда мы находились в середине большого ржаного поля, появился вражеский кавалерийский разъезд. Нас заметили, так как мы все же были ростом несколько выше ржи. Разъезд приостановился. Мы решили, что нам пришел конец, ведь ни у кого из нас не было ни винтовки, ни пистолета, только обыкновенные кухонные ножи, да и то не у всех. От отряда отделился всадник, подъехал к нам и… повернул назад. Он, видимо, информировал офицера о «стратегической» ситуации, и всадники последовали дальше, в соседнее большое село Железники.

Еще до того, как наша местность была захвачена оккупантами, через нее на повозках со скарбом ехало на восток много людей, которые бежали от немцев. Это продолжалось в течение ряда недель. В своем большинстве это были поляки и

белорусы, в том числе проживавшие и на той территории, которая входила в состав Польши. По-русски беженцы часто говорили неважно, но население их понимало и относилось к ним хорошо. Иногда беженцы меняли кое-что из своих пожитков на продукты. С отступлением германских войск на запад беженцы стали возвращаться в родные места.

К январю 1919 года Гомельщина была очищена от немецких оккупантов.

В исторической литературе Запада, относящейся к событиям того периода, делается попытка как-то затушевать кровавые преступления кайзеровской солдатни на советской территории. Факты опровергают эту «лакировку» поведения оккупантов. Если по масштабам преступлений они и уступают кому-то, то только гитлеровцам.

Уже тогда в мое сознание глубоко запала мысль, что войны между государствами — великое зло и что германец, напавший на нашу страну, — это враг. Зачем ему наша земля, зачем ему убивать русских? Мы, мальчишки, часто устраивали импровизированные игры, в которых одна часть из нас представляла собой захватчиков, а другая — русских. Наши «стратеги» так организовывали ход «боевых действий», что почти всегда побеждали русские.

Какой же мальчишка тех лет не любил играть в войну? Перед началом всегда происходила одна и та же процедура — участники расхватывали имена полководцев. Делалось это быстро, с криком, наперебой:

— Я — Суворов!

— Я — Потемкин!

— Я — Александр Невский!

— А я — Дмитрий Донской!

Имена тех, с кем сражались эти герои, мы не всегда знали. Но вот кто-то выкрикивал:

— Я — Кутузов!

Тут сразу же возникал вопрос:

— А кто же будет Наполеоном?

Быть Наполеоном не хотел никто. По рассказам взрослых и из книжек мы знали, что он — захватчик и сжег Москву. Имя Кутузова отвергали по простой причине:

— Наполеона нет. Кутузовым ты не будешь. Чингисханом и ханом Батыем тоже никто не хотел быть. Я почему-то выкрикивал:

— Я — Румянцев!

Уж очень хотелось дать отпор туркам. Старался прокричать поскорее, чтоб никто не перекричал меня. Это имя не собирался уступать никому.

Спроси меня тогда, кто такой Румянцев, вряд ли сказал бы что-либо вразумительное. Знал только, что он полководец и воевал с турками.

И все же я изо всех сил, напрягаясь, чтобы услышали все-все вокруг, кричал:

— А я — Р-Р-Румянцев!

Мне нравился рыкающий перекат начала этого слова, да и вообще все его звучание. Оно напоминало о красоте поспевающих вишен, слив, казалось близким всему тому, что окружало наш дом, — садику, кленам с красноватыми листьями, багряному по осени лесу.

Нелегко было договориться о противнике, о его командирах. Споров рождалось немало. Тем не менее игры происходили.

Наступила осень, начались занятия в школе. Зима — неподходящее время, чтобы играть в войну. А за год ребята изменились, и прошлогодние мечтания детства как-то потускнели, а потом и отпали сами по себе. Весной мы еще пробовали называть друг друга громкими именами полководцев, но прежний энтузиазм уже не появлялся. Мы взрослели.

Где вы, Суворовы моего детства? Знаю, что в лихую годину все вы взяли в руки настоящее оружие. Почти никто не вернулся в родную деревню с полей Великой Отечественной… Могилы ваши разбросаны и по всей нашей стране, и за ее границами. Только, возможно, кое-где на табличках над теми могилами стоит ваша короткая настоящая фамилия.

Ликование охватило наш край после того, как его в первые годы после революции очистили от немецких войск, а органы Советской власти стали крепнуть. Правда, по лесам кое-где еще бродили небольшие банды грабителей. Иногда их называли «зелеными», чаще — никак не называли. В самом деле, некоторые из них, не найдя места в мирной жизни, занимались просто грабежом. А население не всегда было в силах дать отпор — оружия ему не раздавали. Но это явление продолжалось недолго.

Постепенно хозяйственная политика Советской власти совершенствовалась, у крестьянства появилась заинтересованность в налаживании и развитии сельскохозяйственного производства. Особым стимулом для этого явилась замена продразверстки продналогом. Ленинская идея о такой замене сработала хорошо.

Вспоминаю один случай. Как-то на сельском сходе выступал докладчик, задачей которого было не только пропагандировать политику новой власти, но и дать людям хотя бы общее представление о том, что такое теория Маркса — Ленина, на которой строится эта политика.

Докладчик старался объяснить в доходчивой форме:

— Маркс, разрабатывая свое учение на основе передовой мысли, критически использовал достижения других ученых, в частности Гегеля. У последнего Маркс взял все хорошее, то есть взял у него рациональное зерно, и ничего другого, неподходящего, не брал.

Оратору казалось, что все было ясно. Закончив доклад, ом поинтересовался:

— Есть ли у кого вопросы и все ли понятно?

Один крестьянин, человек разбитной, но не очень грамотный, не слышавший до того даже имени Гегеля, спросил:

— Можно задать вопрос?

Ему это, естественно, разрешили. Однако вместо вопроса у него получилось скорее заявление. Крестьянин сказал:

— Вот вы говорите, что Маркс у Гегеля взял только рациональное зерно, а больше ничего не брал. У нас же на днях забрали решительно все зерно, почти не оставили на посев.

Докладчику пришлось вторично разъяснять разницу в философских воззрениях Маркса и Гегеля. Что же касается высказываний крестьянина, то за ними стояла простая вещь: при продразверстке под излишки иногда подводилось и то, что крестьяне оставляли себе, чтобы прокормиться и засеять поле.

Так было до введения продналога. Позже крестьянин уже знал, чего и сколько он должен сдать государству, а что останется в хозяйстве. У крестьян, таким образом, появилось больше уверенности, что новая власть его интересы уважает. А это не могло не сказаться положительно на производительности сельскохозяйственного труда. В свою очередь у государства расширились возможности для снабжения продовольствием города, рабочего класса.

«Ночные университеты»

Незаметно — с каждым глотком родного воздуха, под звуки колыбельной песни матери, начиная с раннего детства, а позже под влиянием сказок, преданий, красивых и страшных, народных песен, возникших неизвестно в каких глубинах истории, — формируется духовный и нравственный мир человека.

А влияние истории, фактов из биографии выдающихся деятелей, не щадивших своей жизни при защите родной земли?

А бесценные памятники старины, пусть это будут даже простые руины, над которыми и сегодня ломают головы археологи?

А наскальные надписи, старинные соборы, часовни, скиты, книги и рукописи, даже неразгаданные обломки древних вещей, лежавших в земле века, — вещей, к которым много столетий назад прикасались руки наших далеких предков?

Разве все это при знакомстве с ним не западает в душу младенца, юноши, взрослого человека и не остается на всю жизнь?

Недостаточно в нашей литературе, особенно художественной, используются неисчерпаемые бесценные кладовые истории! А ведь настоящих патриотов и сегодня можно воспитывать, только используя всю гамму средств, воздействующих и на интеллект, и на чувства человека.

И тома истории, и художественная литература, посвященная памятным событиям, и книги, пером талантливых писателей населенные народными героями, будут читателя волновать, будут будить его симпатии и антипатии, будут обогащать его представления о добре и зле, о любви и ненависти, о правде и лжи, будут воспитывать чувство преданности родине — то чувство, с которым миллионы наших людей в жестокую годину войны защищали свой народ, свои поля и леса, свои города и села, свои очаги, построенные руками отцов и дедов.

Чувство патриотизма зарождается буквально с начала жизни. Тут и влечение к дому, где родился и произнес первое слово, тут и привязанность к родным и близким, тут и преданность своему городу, поселку, деревне, которые навсегда остаются в твоей памяти, холмам и рекам, с которыми ты рядом рос. Все это вместе и есть любовь к родине.

Сегодня мы по праву, говоря о патриотизме, употребляем это священное слово вместе со словом «советский». Оно выражает преданность всем ценностям нашего социалистического общества. В этом обществе оно неотделимо от любви к родине,

приверженности к свободе, от презрения к эксплуатации человека человеком и к образу жизни того общества, господином которого является капитал.

Закономерно задать вопрос: как же все то, что я в детстве наблюдал, впитывал из окружающего мира, сказалось на моем складе ума, на формировании взглядов на мир, последующих привязанностях? Я бы ответил на него так: все это рождало пытливость, жажду знаний, стремление делать добро для людей, для своей страны. Это чувство было так сильно, что в мечтах я представлял себя часто в составе русской армии, защищающей страну от вражеских нашествий, сражающейся против врагов — монголо-татар, шведов, японцев, германцев.

Местность, где я родился и жил почти до пятнадцати лет, усеяна множеством древних курганов, происхождение которых никто не мог мне объяснить. Даже когда я и мои товарищи поступили в среднюю школу и стали задавать соответствующие вопросы своим учителям, убедительных ответов мы не получали.

Однажды группа подростков решила раскопать один из древних курганов на околице Старых Громык. Несколько дней мы работали лопатами и частично раскопали курган. Но ничего особенного там не нашли, за исключением небольшого кусочка металла, — возможно, частицы конской сбруи. Однако никто из взрослых не заинтересовался нашей находкой.

В народе ходила молва, что курганы появились либо давным-давно, либо после нашествия поляков в начале XVII века, в период «смутного времени» на Руси, либо в самом начале XVIII века, когда через территорию Гомельщины прошли шведские войска, направлявшиеся к месту роковой для них битвы под Полтавой. Бытовала версия и о том, что происхождение курганов относится ко времени наполеоновского нашествия на Россию в 1812 году. Но молва остается молвой. Как в действительности обстоит дело, сегодня историкам и археологам известно больше, чем прежде, но не все.

Загадка курганов послужила своего рода толчком, который усилил у меня интерес к истории страны.

Только те, кто проходил школу ночного, знают, какое значение оно имело для подростков и юношей. Нет, пожалуй, ни одного известного мифа и, добавлю, ни одного забавного анекдота, которые не были бы рассказаны в этом «университете». В ночном — с девяти или десяти часов вечера и до восьми утра — по два-три часа говорили рассказчики, недостатка в которых не было.

Должен сказать, что ночное давало не только какие-то знания, хотя и своеобразного свойства, но и обогащало

житейскими сведениями, или, как теперь принято говорить, снабжало информацией молодых людей. Тот, кто испытал удовольствие от ночного, удовольствие в известном смысле, потому что это был труд, и притом нелегкий, — тот сожалеет, что этот «университет» сейчас канул в прошлое. Да, о нем сохранились одни лишь воспоминания. Трактор, комбайн, вообще техника не оставили простора для «ночных университетов».

Читать, читать, читать…

Да, я любил и люблю читать. С детства, когда научился складывать из букв слова, из слов фразы. Прочитанное заставляло думать. Так научился размышлять.

Бывало, спешишь домой из школы, а как только придешь, то сразу книгу в руки и стараешься найти какой-нибудь укромный угол, чтобы никто не мешал. Читаешь и обдумываешь все, что только сейчас узнал. А потом дальше читаешь и снова думаешь над строчками раскрытой страницы.

Книги попадались мне в основном случайные, системы в чтении не было никакой. Читал все подряд. Но подумать по поводу только что узнанного из книги старался.

Как-то при содействии друзей мне попалась книга «Живописная астрономия». Том был дореволюционный. В тексте то и дело попадалась буква «ять». На обложке стояли имя и фамилия автора: Камиллъ Фламмаріонъ. Ни за что не поверил бы этот французский астроном, если бы ему сказали, что где-то в деревне средней полосы России школьник штудирует его книгу по астрономии так, будто ему по ней предстоит сдавать экзамен.

Я почему-то на всю жизнь запомнил первый рисунок из той книги и четкую подпись под ним: «Земля наша несется на крыльях Времени, стремясь к неведомой цели…»

Через шестьдесят пять лет в ответ на мой запрос работники из библиотеки имени В. И. Ленина поинтересовались:

— А какое нужно издание книги Фламмариона? Я ответил:

— То, в котором имеется такая подпись под первым рисунком… И я ее назвал. Они нашли это издание. Память не подвела. Все совпало.

Задавал я себе и такие вопросы: «А что такое люди? Что такое животные, домашние и дикие? Что такое птицы? Откуда это все?»

О Дарвине я тогда еще не слышал. Соответствующая литература пока еще просто под руку не попадалась.

Узнав о книге с интересным названием, готов был идти на дальние расстояния: пусть тридцать, пусть сорок километров лежало до нее — я никогда об этом не жалел. В конце концов возвращался домой с «добычей». Ходил за книгами и в соседние деревни и села, и в центр волости, где находилась, как мне тогда казалось, большущая библиотека. В ней как-то раз и напал я на труд немецкого ученого-естествоиспытателя Вильгельма Бёльше. Называлась книга «Любовь в природе». Подумал: «Вот тут, наверно, о многом можно вычитать. Что это за штука — любовь в природе?»

Опять штудировал книгу. Кое-что уяснил. Но многое осталось и непонятным. Работу автор проделал огромную, создал объемистый труд с подробными описаниями разных природных явлений как в мире растений, так и в мире животных. Поражала стройная система фактов, сгруппированных вокруг определенного феномена, и обилие иллюстраций, особенно относящихся к фауне.

Наряду с атеистической и природоведческой литературой я старался достать и литературу по истории России, о наших предках, а также о жизни и подвигах революционеров, в том числе народников. Меня увлекали рассказы о В. Засулич, С. Халтурине, шлиссельбуржце Н. Морозове, которого я встречал позже в Москве. С восторгом прочел брошюру о побеге из царской тюрьмы Дейча, Стефановича и Бохановского.[1]

Труднее всего было доставать книги по всеобщей истории. Из тех, которые были доступны, я особенно внимательно читал работу М. Н. Покровского. Объяснялось это, видимо, тем, что мне впервые попалась такая солидная книга, хотя, как известно, ее автор защищал по ряду проблем концепции далеко не бесспорные.

Диапазон интересовавших меня тем расширялся. Появилось увлечение книгами о путешествиях, географических открытиях. До сих пор помню, как был захвачен рассказами о морских путешествиях Джеймса Кука.

В течение нескольких лет, включая годы обучения в первых классах средней школы, я просто «глотал» книги и еще не мог определить, какой же все-таки должна стать моя будущая специальность. Одно время, например, мои симпатии завоевали геометрия и тригонометрия. Больше всего меня волновал вопрос, как люди догадались о существовании в математике, особенно в указанных областях, строгих законов. Допустим, не очень сложной является математическая закономерность: квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Тут даже экспериментально, путем измерений можно доказать правильность этого закона. Но как быть с более сложными вопросами?

Всем этим я так увлекся, что в летние каникулы уходил в лес, чтобы измерять расстояние между деревьями, узнавать высоту дерева, не забираясь на него, применяя и проверяя определенные геометрические и тригонометрические законы. Я знал, что эти законы давно установлены, но как-то не мог удержаться от того, чтобы самому не попробовать проверить их на практике. И это доставляло мне удовлетворение. Все же постепенно интерес к математике охладел, а к гуманитарным наукам возрос, хотя к

моим старым знакомым — геометрии и тригонометрии я еще много раз возвращался, даже в часы отдыха.

Поглощая историческую, художественную и другую литературу, я нередко задумывался над тем, что вот читаешь книги, восхищаешься ими, а ведь их пишут люди! Да, это, должно быть, какие-то особые люди! Они, наверно, уже рождаются на свет с таким талантом, иначе разве научишься писать книги? Размышляю так, а сам начинаю про себя читать наизусть что-нибудь из произведений А. С. Пушкина, или из романа И. А. Гончарова «Обломов», или из «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева. Цитировал отдельные страницы, части страниц. Вообще-то заучивание наизусть давалось мне легко, без особых усилий.

Душевный трепет вызывали во мне строки наших классиков. Читал их много, часто по нескольку раз. Бывало, услышу, как кто-то произносит пушкинское: «Я к вам пишу, чего же боле…», и уже жду, будет ли говорить дальше. То же случалось, когда при мне звучали песни на тексты русских поэтов. За сердце хватало меткое и точное слово, музыка стиха, сама песня!

С произведениями Гоголя я познакомился сначала в пересказах старших. Его «Вий» и другие повести из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», насыщенные романтикой и лиризмом, даже в устном воспроизведении казались и страшными, и в то же время красивыми. Потом я читал эту книгу и был как завороженный в мире белых хат, веселых чубатых казаков и сварливых шинкарок, тонкого гоголевского юмора. Народность и правдивость поражали настолько, что все страхи отступали на задний план и очень хотелось, чтобы все происходившее у Гоголя, вся юдоль и озорство — вплоть до полетов его героев на метле и на черте в Петербург — все-все было истинной правдой.

Через некоторое время я достал «Одиссею» в переводе В. Жуковского и «Илиаду» в переводе Н. Гнедича. Знал я В. А. Жуковского как поэта и очень удивился, узнав, что он еще к тому же и переводчик.

Сотканный из далекой были и легенд мир, населенный героями троянской эпопеи, находится на особом счету у человечества. Сколько бы ни спорили историки и археологи о деталях, относящихся к этой эпопее, творения гениального ахейца с течением времени не только не тускнеют, но светят еще ярче, чем прежде. Поражает энциклопедичность автора «Илиады» и «Одиссеи». Его поэтический дар бросил в наши руки само событие с такой силой красок и блеском граней, что оно и сегодня воспринимается как объемное и четкое.

И вовсе неважно, изображены ли в творениях Гомера события

реальные или плоды могучей фантазии поэта, все они обогащают сокровищницу наших знаний о древнем мире.

То же следует сказать и о самих героях эпопеи — Приаме и Менелае, Ахилле и Гекторе, Агамемноне и Парисе, Одиссее и Пенелопе, Елене и Кассандре, о многих других героях, независимо от того, являются ли они реальными историческими личностями, или их тоже сотворило воображение автора.

А чего стоит одна лишь легенда о «троянском коне»? Сегодня не только художественное слово, но и сама мысль людей была бы беднее, если бы не существовало этого литературного подарка, посланного нам из далекого прошлого.

«Илиада» и «Одиссея» остаются бесценным источником знаний о древнем мире. Из них люди черпают сведения о жизни далеких предков, об их нравственных ценностях, о господствовавших у них понятиях добра и зла, любви и ненависти, чувства долга и коварства, о философии.

Со многими из богатств этой кладовой поэта человечество сроднилось настолько, что в наше время нелегко найти образованного, да и просто культурного человека, который не слышал бы о Гомере и его произведениях. Искусство, особенно живопись и театр, вообще нельзя себе представить вне связи со звонкой поэтической песней — «Илиадой» и «Одиссеей», — прилетевшей к нам через тысячелетия.

Не скажу, чтоб легко читался древнегреческий гекзаметр. И стих, и слог, конечно, были для меня тяжелыми, хотя и переводили эти поэмы выдающиеся поэты-переводчики. Но фабула захватывала. Особенно пленили воображение такие герои, как Ахилл и Гектор. Как-то невольно сравнивал их с теми былинными русскими богатырями, которых уже знал по литературе.

Разве не об отваге и верности долгу говорит нам картина знаменитого французского художника Жака Луи Давида «Прощание Гектора и Андромахи», украшающая Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве?

И Гектор, и Андромаха знают, что защитник Трои идет на смерть. Так оно и случится: Гектор погибнет в схватке с Ахиллом. Но картина, как и сама «Илиада» — творение гениального поэта, вызывает не слезы, не страх перед смертью, а чувство уважения к человеку, который проявляет непреклонную волю выполнить патриотическое предначертание до конца. Знаменитая сцена прощания воина с любящей женщиной и в поэме, и в живописи утверждает бессмертие мужества.

Не могу смотреть на эту картину без глубокого волнения. Такое же чувство испытываю и тогда, когда перечитываю в

«Илиаде» сцену, наполненную суровым драматизмом самопожертвования: жены — любовью, мужа — жизнью.

А потом познакомился с «Фаустом» И.-В. Гёте. Сознаюсь, поначалу не вызвал он у меня большого интереса. Показался сложным и каким-то вычурным. Для меня было странным, что выведенным в качестве главного персонажа в нем оказался какой-то получеловек-полумиф. Лишь годы спустя и доктор Фауст, и особенно Мефистофель предстали передо мной в ином свете.

Чтение такого рода привело к тому, что однажды я сам себя спросил: «А почему бы мне не завести нечто вроде «альбома» и самому не попробовать писать кое-что? А почему бы не стихи?»

И начал. Вскоре появился добрый десяток собственных стихотворений. Рифмовал их, как мог, старался. Однако и хранил их как величайший секрет. Но все же собственное творчество рассматривал скептически. И наконец скептицизм одолел. Как писал скрытно и секретно, так и сжег все это скрытно и секретно. Действовал так, что никому из домашних ничего не сказал. Успокаивал себя весьма своеобразно: «Ведь даже Гоголь сжег второй том «Мертвых душ», не понравились они ему. А он был великий писатель, не какой-то там неизвестный мальчуган».

Этот секрет я поведал только данной книге.

Иногда приходила в голову такая мысль: «А нормально ли я себя веду? Почему я иногда очень хочу побыть наедине и поразмышлять, как правило, над какой-либо интересной книгой?»

Постепенно возникшая тяга к раздумьям в одиночестве стала сочетаться с более активными, даже энергичными действиями. Хотелось работать для людей совместно с друзьями — теми, кто мог это сделать по уровню подготовки и был моим сверстником по возрасту. Появились друзья, у которых пробивалось то же стремление к знаниям. Хотя были и такие, которые не очень любили читать и вдумываться в прочитанное, считали, что полученных знаний и навыков в работе достаточно для будущей жизни.

Но все же учение и общественная работа открыли выход для нашей энергии, и юноши стали раскрывать свое «я». Каждый делал это по-своему. Но дня не проходило, чтобы мы не ходили «в народ» — так мы называли тогда выполнение той или иной общественной работы. Сами часто удивлялись: почему это взрослые прислушиваются к нам и даже, кажется, нас уважают?

Такое отношение со стороны старших по возрасту людей придавало нам еще больше энергии.

«Партия жива, с ней и будем жить»

Что касается общего взгляда на мир, на духовную жизнь человека, то до тех пор, пока в мои руки не стала попадать революционная литература, выпущенная после 1917–1918 годов, стройных воззрений в голове не было. Но какие-то их ростки созревали. Например, едет по селам священник Волтовский на подводе. Крестьяне выносят ему кто во что горазд — преимущественно зерно или крупу. Сам он в дома не заходил, соблюдал «достоинство». Наблюдая все это, я задавал себе вопрос: «Если священник проповедует бога, то и бог должен помогать ему?» Но ведь не помогает почему-то. Значит, делал я вывод, скорее всего, бога нет вообще! Взрослые эту больную тему в разговорах не затрагивали. Выслушивая вопросы, они, по обыкновению, отмахивались как от надоедливой мухи.

Могу сказать одно: неосознанный материализм уже засел в головах мальчишек. Вот почему я, в тринадцать лет став комсомольцем, и некоторые мои друзья, тоже комсомольцы, уже выступали с докладами на антирелигиозные темы перед жителями села. Хорошо помню, как некоторые пожилые крестьянки, узнав, что в такой-то избе проходит комсомольское собрание и на нем один из комсомольцев делает доклад о том, будто бога нет, проходя мимо, крестились.

С удовольствием вспоминаю, что никогда ни отец с матерью, ни другие родные и близкие не упрекали меня за антирелигиозные убеждения, хотя не все разделяли их.

Здесь стоит упомянуть о том, как мы, подростки, решили проявить себя на поприще искусства. После революции появилось немало разных брошюр, в которых публиковались и пьесы. В них отражался дух революционных событий, происходивших в стране после Великого Октября.

Мы набрели на пьесу, в которой в открытой форме сталкивались революционные идеи с идеями контрреволюции, ощущалось бурное время гражданской войны.

Названия пьесы я уже не помню, но ее содержание засело в сознании. Главными персонажами в ней были «красный командир» и «офицер-белогвардеец». Между ними и происходил на сцене жестокий спор.

А как же быть с актерами?

Подобрали боевого парнишку, отчаянного по характеру, звали его Иван. Ему поручили роль «белого офицера».

Кто должен быть «красным командиром»? Мои друзья в один голос сказали:

— Андрей. Доклады делает, так пусть и сразится с «белым офицером».

Я не отказывался. Это доверие мне импонировало.

Были в пьесе и другие персонажи, но они не занимали видного места.

С жаром мы проводили репетиции. Помещение предоставила школа. В ее зале вполне могло поместиться человек сто — сто пятьдесят.

Костюмов и вообще необходимого театрального реквизита у нас не было никакого. Поэтому на сцену мы вышли в той же обычной одежде, в которой ходили дома. Старались только, чтоб она не оказалась рваной: все же предстояло выступать на сцене! «Белому офицеру» сделали что-то похожее на погоны. Он часто искоса посматривал на них, чтобы проверить, как они выглядят и не свалились ли с плеч. Но главным атрибутом его костюма были новые сапоги, которые он постарался начистить до блеска. Как-никак «офицер»! А у меня, наоборот, сапоги были поношенные, хотя и добротные, «настоящие пролетарские», как мы их называли. Еще и с металлическими подковками на каблуках. Да и всю мою одежду мы старались сделать с виду более скромной, но все же достойной — ведь носил ее «красный командир». На наших поясах висели настоящие кобуры, но пустые, без револьверов.

По ходу пьесы «красный командир» должен был проявлять храбрость, учитывая, что еще неизвестно, как будет вести себя «белый офицер».

Завязался спор. «Белый офицер», разумеется, защищал богатых. О бедных он говорил так:

— Ведь кто-то должен работать? Должен — и все тут! Вот пусть и работают люди на заводах, на фабриках, на полях, строят дороги, гоняют по рекам плоты. А другие люди должны всем руководить, в том числе и теми, кто работает.

В этом и состояла философия «белого офицера» Вовы — так именовался персонаж.

«Красный командир» возражал против того, чтобы всем руководили богатые, эксплуататоры.

— Все люди должны быть равными, — говорил он. — Все должны работать. Для этого и делали революцию рабочие и крестьяне во главе с Лениным.

Такую философию решительно отстаивал «красный командир» Кеша.

Другие персонажи осторожно вмешивались в спор и тоже делились на две группы, причем группа «красных» была более многочисленной.

Положенные слова «актеры» выучить как следует не успели.

Посадили в углу под сцену суфлера. Его специально предупредили, чтобы свои обязанности исполнял честно. Но так как он разместился неудобно, то мы часто не могли его расслышать. Поэтому порой импровизировали, подбирая в этих случаях самые крепкие слова, хотя и соблюдали меру, чтобы не вызвать протесты взрослых зрителей. Кстати, среди них находилась и моя мать. Суфлер тоже старался вовсю. Говорил он порой громко, чтоб перекричать артистов, когда они произносили не то, что написано в тексте. А когда до нас доносились четкие слова суфлера, мы все же их повторяли.

Весь спектакль выглядел, конечно, весьма странно.

Но все сошло. Исполнители главных ролей даже не подрались, хотя на сцене в споре часто бывали близки к этому. Когда я пришел домой, то мать сказала:

— Я боялась, что он порвет на тебе новую рубашку. Одним словом, все были довольны: и актеры, и организаторы спектакля, и публика, которая вела себя на редкость спокойно и, главное, терпеливо. Так происходило, наверно, потому, что она до этого никаких постановок в нашей деревне не видела.

На этом и закончилась моя «артистическая карьера».

Но и сейчас почему-то вспоминаю не только некоторые слова, что произносил я сам, но и то, что сказал, обращаясь к своему «денщику», «белый офицер»:

— Ах, черт возьми, парадокс! А сапоги-то мои вычищены, я тебя спрашиваю?

Услышав реплику, «денщик» побежал чистить запасные сапоги «офицера»… И, оступившись, угодил в «будку» суфлера. Последнему от этого не поздоровилось. Он рассердился и чуть не сбежал. Но в конце концов инцидент был улажен.

Позднее к такому виду общественной работы на селе, как постановка пьесы, мы больше не возвращались. Предпочитали другие, более активные и зрелые формы, разумеется посильные.

В начале 1923 года комсомольцы избрали меня секретарем сельской комсомольской ячейки. Молодым комсомольским вожакам как воздух нужна была помощь и поддержка старших. Инструкции для ячеек в волости давались, естественно, волостным комитетом комсомола. Эти инструкции касались почти всех сторон жизни села. Комсомольцы должны были служить примером для крестьян, для сельской интеллигенции. Примером! Как много это значило для нас.

С каким энтузиазмом я читал получаемые из волостного комитета комсомола инструкции. Мне казалось, что я общаюсь чуть ли не с самим Карлом Марксом. Читал и вновь перечитывал их, и каждый раз получал огромное удовлетворение. Родные, как

могли, содействовали моей работе в комсомоле. А когда они, как и другие односельчане, увидели, что при выборах в сельский совет комсомольцы добивались избрания тех кандидатов, которых выдвигала их ячейка, тогда к нам уже все взрослые стали относиться совсем по-серьезному.

Все эти события моей юности во многом наложили отпечаток на сознание и на формирование взглядов на жизнь. Разрозненные факты служили материалом для обобщений, учение — вплоть до окончания аспирантуры в 1936 году — обогатило память и в идейном, и в политическом отношении, полностью сформировало мою индивидуальность. В известном смысле благодарен я и сложным условиям материальным. Трудностей приходилось преодолевать немало, и я учился бороться с ними. Так формировался характер.

В юношеском возрасте часто приходилось быть одному в поле или на лугу недалеко от села. День жаркий. Ни души вокруг. Птицы и те попрятались от жары. Вдруг звон церковного колокола. Удары, скорее всего, на благовест. Каждый удар, как гром, рушит тишину. Рой мыслей в голове. Одна тяжелее другой. А вдруг похороны? Кладбища в Старых и Новых Громыках не так далеко. Мысли одна грустнее другой. Вдруг спохватишься, тряхнешь головой, скажешь сам себе:

— А ну-ка, друг, что-то ты размяк! Нельзя ли быть пободрее?

Ловишь себя на том, что сердце зачастило, да и в горле то ли першит, то ли его чем-то сдавливает. Видимо, сказывались какие-то особенности возраста. И тут даешь сам себе обещание: положить конец проявлению слабости. Пройдешься быстро взад-вперед или проскачешь верхом на лошади, пока все опять придет в норму.

Моменты, подобные этому, бывали и у других. О чем-то похожем рассказывали и некоторые мои сверстники.

В художественной литературе разных стран есть немало примеров, когда с проникновенностью описывается душевное состояние молодого человека, очутившегося на лоне природы наедине с самим собой. Есть это у Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева и у многих других художников слова. И не грешат они против истины.

Когда окидываешь взглядом пройденный путь, то приходишь к выводу, что каждый его значительный период имеет не только светлые стороны, но и трудные времена. Это, в частности, относится к периоду моего обучения, начиная с семилетки и до окончания аспирантуры. Конечно, родители делали все, чтобы помочь мне, хотя сами испытывали нужду. Не хватало продуктов. В этих условиях я сам должен был заниматься и физическим

трудом, особенно в летнее время.

В январе 1924 года на страну обрушилось горе — умер Ленин. Стояла суровая зима. Мы шли, с трудом пробираясь через огромные сугробы, к школе — там состоялось траурное собрание. Выступали учителя, а мы слушали их и думали, как много этот человек, которого никто из нас никогда не видел, сделал для нас, сидящих в этой школе, за этими столами, на этих лавках, для всех рабочих и крестьян России.

Односельчане только и говорили что о смерти Владимира Ильича. Задавали много вопросов. Главный из них:

— Что же теперь будет?

Обращались и ко мне. Считали, если я комсомольский секретарь в ячейке, то обязан объяснять все.

— Ты — комсомол, — говорили мне. — Расскажи, как же мы жить-то будем без Ленина?

Что я мог им ответить? Я и сам хотел, чтобы мне кто-нибудь это толком рассказал. Но вспомнил все же тогда фразу, которую услышал о Ленине еще в первые дни Великого Октября: «Революцию сделали Ленин и его помощники». И придумал отвечать так:

— Ленин умер, но его помощники — партия — живы. Вот с ней и будем жить.

Большая озабоченность судьбами всей страны чувствовалась у крестьян деревни, но они верили в будущее, в то новое, которое началось при Ленине. Неверию не должно было быть места в нашей жизни!

К тому времени я уже прочитал речь Ленина на III съезде комсомола, всей душой воспринял его призыв «учиться, учиться и учиться». Ленин как будто в душу мне заглянул.

По окончании семилетки и профтехшколы в Гомеле я пошел учиться в техникум. Он находился в городе Борисове, недалеко от Минска.

Дом, в котором мне пришлось там жить, был деревянный, одноэтажный. Но построили его когда-то с определенным архитектурным вкусом. Этот дом был знаменит прежде всего тем, что в нем ночевал Наполеон Бонапарт. Случилось это в то время, когда император вместе с остатками своей разгромленной армии уносил ноги из России. От дома примерно в километре протекает вошедшая в историю река Березина.

Наполеон и его армия решили переправляться через нее у деревни Студенки. Переправа обернулась для них трагедией — пятьдесят тысяч французов нашли свой конец в ледяных водах Березины, о чем позаботились чудо-богатыри Кутузова. Именно здесь войско вторжения под ударами русского солдата перестало

существовать. И по сей день на дне реки под толстым слоем ила и песка при поднятии донных пластов грунта находят различные предметы — остатки обозов «Великой армии» с награбленным российским добром.

Что касается дома, о котором я напомнил, то его все так и называли — «наполеоновский». Причем, именуя его таким образом, обычно вкладывали в это солидную порцию сарказма в адрес императора-банкрота, которого история породила, казалось, только для того, чтобы в назидание потомкам сначала поднять на вершину славы, а потом безжалостно сбросить вниз.

Нынешней молодежи мало что говорит так называемый «Дальтон-план»,[2] но в мои студенческие годы в Борисове и Минске преподавание по методу, который лег в основу этого плана, практиковалось в учебных заведениях — и высших и средних. Заключался он в следующем. Курс разбивался на группы по четыре-шесть человек, и преподаватель, проверяя подготовку студентов, беседовал не с каждым из них, а как бы с группой в целом. Конкретные люди при таком методе фактически обезличивались. Оценка знаний всех иногда определялась по выступлениям тех, кого сама группа специально для этого выделяла. Поэтому случилось так, что те, кто ловчее, отделывались двумя-тремя фразами, которых, разумеется, было недостаточно, чтобы выявить глубину знаний того, кто эти фразы произнес. Я лично, да и большинство студентов и в средних учебных заведениях, и в высших эти педагогические эксперименты не одобряли. И очень хорошо, что скоро с ними было покончено.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 года указывалось, что «Дальтон-план», или, как его еще тогда называли, «лабораторно-бригадный метод», привел к «извращениям в виде обезлички в учебной работе, к снижению роли педагога и игнорированию во многих случаях индивидуальной учебы каждого учащегося».

Вступил я в партию в 1931 году еще в Борисове. Стать коммунистом мечтал с тех пор, как услышал, что есть такая партия, которая выражает и отстаивает интересы народа, а это было в те годы, когда начал понимать разницу между бедняком и помещиком, между рабочим и капиталистом. Получил я партийный билет незадолго до отчетного собрания. А на нем меня, молодого коммуниста, сразу же избрали секретарем партийной ячейки.

Партийная работа захватила меня. Как и в ранней молодости, когда вступил в комсомол, так и сейчас приходилось работать с людьми, заниматься некоторыми проблемами того времени,

находиться постоянно в гуще событий. Только работал уже не с молодежью, а с людьми взрослыми, разбиравшимися в жизни, в политике партии, — коммунистами.

Члены партии в тот период — впрочем, как и во все периоды истории нашего государства — были впереди, на самых важных, самых трудных участках. Мы не только вели разъяснительную работу, не только агитировали за политику партии. Тогда главной темой была коллективизация сельского хозяйства. Мы первыми шли на субботники и воскресники; когда надо, заготавливали дрова, разгружали вагоны, нас бросали туда, где требовались рабочие руки. С энтузиазмом мы брались за любое дело, на которое нас посылали. И никогда не гнушались никакой работой, не стеснялись ее. Партия, комсомол понимали трудности и поддерживали огонь коммунистической убежденности в молодых сердцах, преданных делу Ленина, делу народа.

Стипендию нам давали небольшую. Несмотря на трудности, я вспоминаю о том периоде с теплотой, хотя бы уже потому, что тогда была построена наша семейная жизнь с Лидией Дмитриевной Гриневич, студенткой, дочерью белорусских крестьян. Родом она из деревни Каменки, чуть западнее Минска.

Обратил я на нее внимание случайно, а потом уже не думать о ней не мог. А мысли, как, вероятно, часто бывает в таких случаях, понеслись в определенном направлении: «Мне уже перевалило за двадцать. Пора подумать о том, как жить дальше».

Решения в таком возрасте, да еще и по таким вопросам, принимаются иногда с быстротой молнии. Я не был исключением. Быстро с ней познакомился.

Покорили меня красота, скромность, обаяние, и еще что-то неуловимое, чему, возможно, нет и названия. Это, как мне кажется, — самое эффективное «оружие» женщины, и от него, наверно, мужчина никогда не научится обороняться. А может, и хорошо, что не научится. Тысячи дарвинов и ученых-психологов не смогут объяснить, откуда у женщины появляются такие качества. Это — тайна самой чародейки-природы.

Мы бродили ночи напролет, а они в конце весны — начале лета уже короткие. Ощущение было такое, будто несло нас, стремглав, куда-то все дальше и дальше на какой-то волшебной колеснице. В ту студенческую пору мы и поженились.

На первых порах, конечно, нам было трудно. Однако через некоторое время мы устроили все свои дела, в том числе и квартирные. К родным ездить приходилось все реже.

Из времен молодости помню некоторые эпизоды. Хотя они сами по себе мелкие, но все же проливают какой-то свет на

тогдашнюю обстановку.

Студентам надоедало скудное питание. Они иногда в складчину покупали продукты на базаре, отдавая за это чуть ли не всю свою месячную стипендию, чтобы хоть два-три дня в месяц, но по-настоящему насытиться. Справедливо можно спросить: на что же они жили после этого?

А вот так и жили. Делились друг с другом тем, что иногда присылали родные. По вечерам подрабатывали. Или порой устраивались даже так: один продавал вроде бы «лишнее пальто», другой — вроде бы «лишние ботинки», третий еще что-то придумывал, называя «лишним». И так, помогая друг другу, выходили из положения. Брали верх молодость и энтузиазм.

С тех пор прошло более пятидесяти пяти лет. У нас двое детей: сын Анатолий и дочь Эмилия. К настоящему времени Анатолий стал профессором, доктором исторических наук, членом-корреспондентом Академии наук СССР. Он возглавляет Институт Африки АН СССР. Дочь — кандидат исторических наук, занимается редакторской работой. Так что детьми своими мы с женой довольны. Имеем трех внуков — Игоря, Андрея и Алексея — и двух внучек — Лидию и Анну. У одного из внуков — сын Олег. Моя сестра Евдокия здравствует и проживает в Гомеле со своей дочерью Софьей.

Жестокая коса войны не обошла моих близких. Погибли два родных брата, оба моложе меня, — Алексей и Федор, офицеры Советской Армии. Один — в первый период войны, в Прибалтике.

Второй, командир артиллерийской батареи, — при переправе через Березину в районе Бобруйска, когда мощные колонны советских войск преследовали отступавших гитлеровцев. На долю третьего брата — Дмитрия выпало немало трудных испытаний. Во время войны он партизанил, позже был в армии. С фронта вернулся с подорванным здоровьем. Перенесенные военные невзгоды дали себя знать — он умер в 1977 году. Были у меня два дяди по линии матери — Федор и Матвей Бекаревичи: оба тоже были убиты во время войны. Лидия Дмитриевна очень любила своего единственного брата Аркадия. Он погиб под Москвой в дни ее обороны.

Годы учения в Минске

Период моей учебы после семилетней школы продолжался двенадцать лет: профтехшкола (Гомель), техникум (Борисов), институт (Минск), аспирантура (Минск — Москва). Запомнился он как сплошная напряженная работа. И сводился этот период не только к усвоению знаний, но и к выполнению многочисленных и разнообразных общественных заданий, впоследствии преимущественно по партийной линии.

Тот факт, что стал я уже коммунистом, а в техникуме даже секретарем партийного коллектива, способствовал тому, что командировки по заданиям вышестоящих партийных органов для меня превратились в довольно частое явление. Выезжать приходилось один, а то и два раза в месяц. Задачи ставились разные.

Когда выезжал из Борисова, то получал поручения содействовать коллективизации и укреплению колхозов, усилению партийной работы в новых условиях на селе

Иногда командировки связывались с выполнением планов заготовок тех или иных продуктов сельского хозяйства. Например, льна, их называли льнозаготовками. В Минске студенты-коммунисты, в том числе и я, также продолжали выполнять эти обязанности так, как того требовали интересы партии и государства.

После того как я окончил два курса института, меня назначили директором средней школы неподалеку от Минска, в Дзержинском районе, где моя жена работала в совхозе зоотехником. В этих условиях я преподавал, вел административную работу в школе и одновременно продолжал учиться в институте, уже экстерном. Однажды ко мне приехал специальный представитель ЦК Компартии Белоруссии. Уведомление у него оказалось весьма неожиданным:

— Вам предлагается поступить в аспирантуру; конечно, если вы согласны.

— Но я же еще не сдал экзамены за оставшийся срок учебы в институте, — возразил я.

— Ничего. Сдадите экстерном и через несколько месяцев сразу же пойдете учиться в аспирантуру, — последовал ответ.

Не сразу я дал согласие, а попросил:

— Дайте отсрочку для размышлений.

Меня беспокоил вопрос о материальных условиях учебы в аспирантуре. На посту директора школы я получал сносный оклад. И опасался, что аспирантская стипендия приведет к

ухудшению материального положения семьи, которая у меня к тому времени состояла уже из трех человек: у нас родился сын. Уполномоченный мне объяснял:

— Я не все знаю об условиях предстоящей учебы. Знаю лишь то, что за остающееся время до окончания института вам можно будет сдать соответствующие экзамены, не прекращая работы в школе. Неясные вопросы надо утрясти с Минском.

Я немедленно выехал в Минск. До него было рукой подать: езды всего минут тридцать. Адрес, по которому предстояло обратиться, уполномоченный мне дал.

Как выяснилось, в комиссию на меня уже была послана характеристика не только по учебной, но и по партийной линии. К тому времени мой партийный стаж исчислялся уже почти тремя годами.

Комиссия, которую возглавлял профессор И. М. Борисевич, по отношению ко мне проявила корректность. На заключительной встрече профессор заявил:

— Учитывая ваши показатели в учебной, производственной и общественной работе, комиссия приняла решение предложить вам поступить в аспирантуру, только что созданную в Минске. В аспирантуре вы будете изучать проблемы экономической науки.

Естественно, я задал вопрос:

— А какого рода специалистов будут готовить в аспирантуре?

Последовал ответ:

— Речь идет о подготовке специалистов-экономистов широкого профиля — и практиков, и теоретиков. Известно, что в Москве готовит преподавателей общественных наук для советской высшей школы Институт красной профессуры. И нечто подобное имеется в виду повторить также здесь, в аспирантуре, куда есть намерение вас зачислить.

И далее мне пояснили: необходимо сделать особый упор на те преимущества, которые несет нашему крестьянству Советская власть, советская экономика, особенно реконструкция сельского хозяйства, его коллективизация по сравнению с доставшимся в наследство от дореволюционной России единоличным хозяйством. Короче говоря, надо будет с точки зрения экономической показать, что Советская власть способна обеспечить несравненно лучшие условия для жизни народа, в том числе для крестьянства, чем прежний, буржуазно-помещичий строй.

Позже из разговоров с товарищами, которые тоже вызывались в комиссию для собеседования, я узнал, что они, в отличие от меня, сразу согласились поступить в эту аспирантуру. А я взял еще несколько дней на обдумывание.

— Надоело жить на стипендию, — так откровенно я и заявил на заседании комиссии.

В ответ меня успокоили:

— Через какое-то время аспирантам, видимо, будет предоставлена стипендия в размере так называемого партмаксимума, а это вполне прилично.

Борисевич сказал:

— Со сдачей экзаменов в институте у вас затруднений не будет. Вас хорошо знают и пойдут навстречу. А аспирантская группа начнет занятия примерно через полгода. Этого срока вам будет вполне достаточно.

В конце разговора профессор добавил:

— Насколько я знаю, вас все равно намечают взять на работу в Минск, если бы вы даже и не дали согласия на поступление в аспирантуру.

Это означало, что со школой и Дзержинским районом мне все равно пришлось бы распрощаться.

Взвесив все «за» и «против», хотя времени на обдумывание было не так уж много, я сказал:

— С предложением согласен.

В итоге меня зачислили в аспирантуру.

Затем последовала поездка в Минск для сдачи экзаменов и решения вопроса с жильем. Экзамены за последний курс института я выдержал на «отлично» и строго по графику, названному комиссией. А после этого состоялось продолжительное собеседование в приемной комиссии аспирантуры. Через него прошли и другие товарищи.

Возглавлял нашу аспирантуру тот же профессор И. М. Борисевич. Его заместителем был профессор Г. Н. Климко, участник гражданской войны. В боях за власть Советов он потерял руку.

Итак, я вместе с семьей, как мне казалось, основательно осел в Минске. Вначале снимали частную квартиру. Профессор оказался прав насчет партмаксимума: его нам выплачивали, и деньги эти по тем временам считались достаточными для такой семьи, как наша.

Началось серьезное и интенсивное изучение науки. Слово «аспирант», как нас стали именовать, звучало как-то неординарно. Как относиться к своему такому положению, мы и сами пока еще толком не знали. Мы — это семь человек, которые таким образом вошли в круг научных работников.

Центральный Комитет Компартии Белоруссии увидел в нас тех, кто должен был трудиться в научно-исследовательской сфере. И мы пошли в Академию наук Белорусской ССР по призыву

партии.

Через некоторое время в нашей академии отмечался какой-то юбилей. Сейчас уже и не скажу, с чем его связывали. Помню только, что мы, аспиранты, пришли на встречу с крупными учеными, солидными академиками и членами-корреспондентами. Каково же было наше удивление, когда нас посадили как равных за общий стол. И угощение за ним нам показалось весьма щедрым.

Не помню точно, о чем мы говорили между собой, но так или иначе разговор возвращался к уважительному отношению к аспирантам, впервые появившимся за общим столом, да еще почему-то на почетных местах, — отношению, которое мы ощутили со стороны маститых ученых. И мы для себя решили: нет, не зря Советское государство так хорошо относится к ученым. Видно, что науку уважают, а те, кто в ней работает, очень нужны стране.

Скажу честно, что именно после этой встречи с академиками, когда мы увидели, с каким вниманием относятся к нам эти люди, какой заботой государство окружает ученых, я понял, что идти в науку, если есть у тебя для этого какие-то данные, — значит сделать правильный выбор. Я тогда его сделал.

В первые полтора года учебы почти все внимание уделялось политической экономии, философии и английскому языку. Состав преподавателей у нас оказался довольно сильный.

Ведущим лектором и консультантом по философии был профессор И. С. Вольфсон, знаток марксистской философии, автор учебника по историческому материализму.

Главным нашим руководителем по курсу политической экономии являлся профессор А. И. Ноткин, человек больших способностей и глубоких знаний экономической теории Маркса.

Позже, когда И. В. Сталин стал уделять внимание разработке некоторых теоретических проблем экономики социализма, именно Ноткин обратился к нему с вопросом по этой проблематике. Вопрос А. И. Ноткина и ответ И. В. Сталина публиковались в советской печати. В последнее время Ноткин, уже член-корреспондент Академии наук СССР, работал в Институте экономики в Москве. Я в свое время любил обсуждать с ним вопросы политической экономии. Импонировала его глубокая эрудиция. Скончался он в 1982 году.

Переезд в Москву

В 1934 году произошло событие, повлиявшее на мой дальнейший жизненный путь. Неожиданно для нас, аспирантов, руководство института объявило:

— Ваша группа переводится в Москву в научно-исследовательский институт аналогичного профиля.

Вот так новость! Поразмыслив, все мы — и совместно, и в одиночку — решили, что популярная поговорка: «Назвался груздем — полезай в кузов», пожалуй, к нам применима. Не выражать же протест против решения о переводе.

Итак, мы направлялись в Москву. Все наше семейное домашнее хозяйство уместилось в трех чемоданах.

Жена в поезде задала мне вопрос:

— А ты не заметил ничего необычного в своем пиджаке? Я удивился. Решил, что он где-то, возможно, порван.

— Нет, — отвечаю, — пока ничего не заметил. Лидия Дмитриевна рассмеялась и сказала:

— У тебя кармашек вверху не на левой стороне, как у всех мужчин, а на правой.

Посмотрел — действительно, на правой. Лидия Дмитриевна объяснила:

— А я твой костюм перелицевала. Теперь потертой стороны не видно.

Я рассмеялся:

— Спасибо тебе за находчивость. Только очень наблюдательные люди могут заметить сделанное.

— Вот был бы конфуз, — добавила Лидия Дмитриевна, — если бы кто-то спросил у тебя: «Что это у вас за пиджак, у которого карман перебежал на неположенное место?»

— Если бы кто-нибудь спросил об этом, — прокомментировал я, — то мой ответ был бы таким: «А это новая мода пошла на мужские пиджаки».

Не могу забыть того ощущения, которое я испытывал по пути в Москву. Какое-то внутреннее чувство мне подсказывало, что вся дальнейшая жизнь сложится в зависимости от решений, которые будут приниматься уже в главном городе нашего государства. Кем, когда, на каком уровне — это, разумеется, было неизвестно.

Еще до отъезда я никак не мог свыкнуться с мыслью, что все больше отрываюсь от мест, где провел два с лишним десятка лет. Каждый человек связан невидимыми корнями с теми местами, где он родился, и они напоминают о родном и близком всегда. Тешил себя надеждой, что, возможно, еще поброжу по знакомым местам

детства и юности.

Но старался отогнать всякие минорные думы. Внутренний голос мне как бы говорил:

— Все-таки и тебе, и твоей семье вот-вот доведется очутиться не где-нибудь, а в столице нашей великой страны.

Воображение иной раз уносило меня даже в Кремль. Неужели когда-нибудь я похожу по его знаменитой брусчатке, увижу вблизи, а не на картинке его стены? Неужели я смогу скоро пойти на Красную площадь? Неужели эта мечта станет реальностью?

Затрудняюсь объяснить почему, но когда я думаю о Москве, о ее прошлом — а так обычно бывало с тех пор, как стал осознанно воспринимать действительность, — то мне почему-то в первую очередь приходят в голову факты из истории этого великого города, и самые трагические, и самые радостные. Скорее всего потому, что они глубоко проникли в сознание еще с детских и юношеских лет. Сделало свое дело постоянное чтение, любовь к литературе.

Да, Москва горела. Но жадные степные ханы жестоко поплатились за свои злодеяния в период ига. Поле Куликово вошло в историю навеки.

Звонницы всей России, а с ними сотни колоколов Москвы славили полтавскую победу над шведской армией Карла XII. Гром и блеск той баталии вознес российского солдата на пьедестал почета, а державу поставил в ряд великих.

А разве не в Кремле померкла звезда Наполеона, которая вскоре после его похода на Москву закатилась полностью?

Когда я ехал в столицу, до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз оставалось еще семь лет. Величайший в истории подвиг советскому народу еще предстояло совершить. Еще одиннадцать лет было до того момента, когда военные штандарты армий третьего рейха были брошены на камни Красной площади во время Парада Победы советского народа над фашистской Германией. На трибунах у стен священного Кремля в тот памятный день находились и представители наших союзников по оружию — официальные гости из США, Англии, Франции и других стран антигитлеровской коалиции.

Итак, мы сошли с поезда. Я и моя семья стали москвичами. Осознали это с гордостью.

Поселили нас в Алексеевском студгородке, на северо-восточной окраине города. Здесь когда-то находился дворец второго из династии Романовых — самодержца Алексея Михайловича. К моменту нашего приезда дворца уже не было и в помине. Осталось только «царское» название — Алексеевский, да и то оно было не от царя, а скорее от села Алексеевское, которое

разрослось там, где некогда возвышался царский терем.

Место это находится неподалеку от Останкино, где и по сей день стоит Шереметевский дворец — бывшее владение известного графа, а ныне музей — одна из достопримечательностей столицы. Рядом с ним находится теперь знаменитая Останкинская телебашня и огромное здание нашего всесоюзного телецентра, известного во всем мире.

Позже я узнал, что и Алексеевское, и Шереметево, как и примыкающий к ним район Ростокино, притягивали царские семьи и крупных вельмож отчасти еще и потому, что рядом проходила дорога в Загорск, к Троицкому монастырю (в 1744 г. его стали называть Троице-Сергиевой лаврой), куда монархи и их приближенные ездили на богомолье.

Когда мы приехали в Москву, в Алексеевском студгородке проживало много студентов и аспирантов. Можно смело сказать, что тогда это была молодежная часть города: бывало, выйдешь из дому, и повсюду в этом районе встретишь только юношей и девушек, жизнерадостных, полных оптимизма, что, впрочем, свойственно всем поколениям советских студентов.

Мы переехали в Москву раннеей весной — в марте. Познакомились с институтом, который возглавлял профессор М. А. Лурье, видный экономист-теоретик. С жильем устроились быстро. Чувствовалось, что заботу о нас проявлял ЦК партии. В Алексеевском студенческом городке в более или менее сносных условиях я жил до тех пор, пока не получил от Академии наук СССР вполне приличную квартиру в новом доме на улице Чкалова.

Моим соседом по квартире был молодой ученый-вирусолог Михаил Петрович Чумаков. Ныне это ученый с мировым именем. Он внес неоценимый вклад в победу над таким тяжелым недугом, как полиомиелит. Сколько жизней, и прежде всего детских, спасла разработанная им совместно с А. А. Смородинцевым противополиомиелитная вакцина, которая оказалась наиболее удачной из всех созданных в мире.

В тридцатые годы этот ученый занимался изучением проблемы борьбы с другой болезнью — энцефалитом. Рискуя здоровьем и даже жизнью, он работал на Дальнем Востоке в составе экспедиции вирусологов, в задачу которой входило выяснить, отчего и как люди заболевают энцефалитом. В тех краях во время поездки Чумаков сам стал жертвой этой болезни, в результате которой у него серьезно пострадал слух и оказалась парализованной рука.

Однако это не сломило ученого. Яркое подтверждение тому — вся его дальнейшая деятельность.

14 ноября 1984 года, в день, когда лауреату Ленинской и Государственной премий, действительному члену Академии медицинских наук СССР М. П. Чумакову исполнилось 75 лет, ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда за большие заслуги в развитии медицинской науки, народного здравоохранения и подготовке научных кадров. Я от всей души поздравил моего давнего знакомого, бывшего соседа по квартире, и с радостью получил от него теплый ответ.

Мои занятия в аспирантуре в Москве мало чем отличались от занятий в Минске. Разве что было еще больше командировок по поручению партийных органов, хотя и во время пребывания в Борисове и Минске таких командировок хватало. Цели командировок и теперь были различными: связанными с раскулачиванием в период коллективизации, укреплением колхозов и разъяснением колхозникам политики партии, международной обстановки. Читал я лекции на разные темы в Малоярославце, Наро-Фоминске, Орехово-Зуеве, других городах Подмосковья. Много приходилось выступать и перед тружениками деревни.

Правда, к беседам в районных комитетах партии и лекциям в различных коллективах прибавились задания, направленные на ликвидацию неграмотности, контроль за положением дел на месте. Надо было выяснять, например, понятен ли колхозникам Устав колхозов, нет ли у них какой-нибудь путаницы в этом вопросе. Было немало выездов и с лекциями по теоретическим вопросам, например по книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и по другому его труду — «Развитие капитализма в России».

Помню такой случай. Во время одной из командировок, когда надо было устраиваться на ночлег, председатель местного сельсовета предложил мне:

— Можете ночевать в домике, где проживает многодетная семья и, возможно, будут из-за этого некоторые неудобства, либо размещайтесь в амбаре на сене, где и раньше останавливались командированные.

— Предпочитаю второй вариант, — сказал я в ответ.

Сразу вспомнилось, что прежде, когда водил лошадей в ночное, мне доводилось ночевать в похожих условиях и спать на сене.

Председатель повел меня на место ночевки. Уже во дворе, куда мы пришли, он как бы между прочим заметил:

— Неподалеку, тоже в амбаре, враги Советской власти убили недавно одного командированного к нам.

Вот тебе и на! Это брошенное вскользь замечание, конечно,

меня не вдохновило. Не скажу, чтобы спал крепко, но переночевал я без приключений.

В целом все мои командировки заканчивались благополучно и с пользой, как мне говорили в партийных организациях.

Примерно в то же время я решил без отрыва от научной работы поступить в летную школу. Небо стало мечтой многих моих сверстников. В тот период в Советском Союзе существовал своеобразный культ авиации, развивавшейся семимильными шагами. Самолеты уже летали над Арктикой, осваивали ее. Меня, однако, ожидало разочарование. Начальник летной школы встретил меня так:

— Как ваши имя и фамилия?

— Андрей Громыко.

— Какая у вас просьба? Пожалуйста, изложите.

— Хочу стать курсантом вашей школы, хочу летать. Прошу принять заявление.

— Сколько вам лет?

— Двадцать пять.

— Уже исполнилось?

— Да.

— Мы принимаем до двадцати пяти. А вам уже пошел двадцать шестой. К сожалению, принять не можем. Искренне сожалеем. Такова строгая инструкция.

Оказалось, опоздал я со своим желанием научиться летать. Сильно переживал эту превратность судьбы. Очень уж хотелось летать. Но стать летчиками тогда стремились многие молодые люди, и руководители летных школ имели большие возможности для выбора. Пришлось смириться с положением и сказать себе: «Прощай, авиация. Видимо, мне с тобой не по пути».

Слушая старых большевиков

На всю жизнь врезались в мою память встречи в Москве с некоторыми выдающимися революционерами во. Всесоюзном обществе старых большевиков. Оно было создано еще при жизни В. И. Ленина, а организационно оформилось в начале тридцатых годов. Образование этого общества стало следствием естественной тяги старых большевиков общаться между собой, поговорить о прошлом и кое о чем в настоящем.

Принимались в общество коммунисты с партийным стажем не менее восемнадцати лет. К январю 1934 года оно объединяло свыше двух тысяч человек. Целью общества, согласно уставу, утвержденному в 1931 году, являлось использование революционного опыта старых большевиков в помощь партии для воспитания молодежи, сбор историко-революционных материалов.

И мне, и моим товарищам по аспирантуре были хорошо известны имена старых членов партии, близких к Ленину, его единомышленников. В то время эти люди по возрасту или здоровью уже отошли от активной работы. Среди них находились прославленные революционеры, некоторые из них выросли из народнического движения и представляли собой как бы мост от народников к партии большевиков, программу и цели борьбы которой они разделяли и принимали.

Члены общества собирались нечасто, если судить по количеству их собраний, на которых мы, молодые люди, тоже имели возможность присутствовать по пригласительным билетам. Конечно же кроме таких собраний они общались друг с другом и в более узком кругу, хотя условия для этого были тогда далеко не идеальные.

Клуб общества старых большевиков находился на 1-й Мещанской улице (ныне проспект Мира). С волнением каждый раз мы входили в зал, где проводились собрания. И это объяснялось очень просто. Молодое поколение, приобщившееся к образованию, с упоением читало издававшиеся брошюры, а то и солидные книги о старых революционерах ленинского поколения, их борьбе против царизма, во имя дела революции. Мы буквально зачитывались книгами, пронизанными духом романтики подпольной работы и мужества людей, которые ее вели. Огонь революционной борьбы, зажженный Лениным и руководимой им партией, захватывал воображение молодежи. Она хотела знать, как все происходило, как складывались судьбы людей, посвятивших жизнь борьбе за свободу народа.

Вот одно из собраний. В его президиуме — люди, о которых уже давно слагались легенды, на примерах их героических жизней многие годы воспитывалась молодежь.

Одним из первых появился Николай Александрович Морозов, отважный революционер, в прошлом член тайного революционного общества «Земля и воля», а затем исполкома «Народной воли». Он в молодости встречался с самим Карлом Марксом. У них состоялась продолжительная беседа. Маркс дорожил контактами с передовыми людьми России. Но так и не сумел тогда юный Морозов воспринять марксизм. Он стал народовольцем. В 1882 году царизм его приговорил к вечной каторге за участие в покушениях на Александра II. Морозову тогда исполнилось двадцать восемь лет, а потом без малого четверть века провел он в заточении в камерах-одиночках Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей.

После многолетнего пребывания в каменных мешках Петропавловки и Шлиссельбурга ему разрешили вдохнуть воздух свободы. Казематы крепостей не сломили его волю, и он, как настоящий борец за идеалы народа, снова включился в революционную борьбу. Царские сатрапы вновь заточили его, на этот раз в стены Двинской крепости, из «объятий» которой освободила его уже только революция.

Здоровье его оказалось подорванным. Но он всецело отдался научной работе, и с успехом. О многогранности талантов Николая Александровича Морозова красноречиво говорит и то, что он почти всю жизнь занимался наукой. Физика, химия, астрономия, математика и история — это области, в которых он сказал свое слово.

Через некоторое время Академия наук СССР избрала его своим почетным членом. А астрономы в знак признания заслуг большого ученого одну из звезд назвали его именем.

В годы моей молодости он помимо большой научной работы осуществлял деятельность и в обществе старых большевиков, где я и видел его.

Кажется, сама природа способствовала тому, чтобы сделать этого человека более заметным, чем остальные. Уже внешний вид Морозова внушал к нему уважение. Его украшали почти белая шевелюра и седая роскошная борода. Горячо встретили его и остальных членов президиума участники собрания.

Морозов вел себя живо, активно общался с соседями за столом президиума. Все мы обратили внимание на свежий, даже с признаками румянца цвет его лица. Но в то же время кожа казалась тонкой, как бы просвечивала. Сидел я близко к сцене и видел всех находившихся в президиуме очень хорошо.

Впечатление соседей, с которыми я обменивался своими наблюдениями, совпало с моим.

Мы ждали его выступления, однако Морозов на этом собрании не выступал.

Слово предоставили Бела Куну, выдающемуся деятелю венгерского и международного коммунистического движения, одному из основателей и руководителей Коммунистической партии Венгрии, наркому иностранных дел и наркому военных дел Венгерской советской республики в 1919 году. После того как буржуазии и помещикам удалось подавить революцию в Венгрии, он, спасаясь от верной гибели, эмигрировал в 1920 году в Советскую Россию.

Говорил Кун хорошо, убедительно. Хотя он пользовался услугами переводчика, по ходу его выступления стало понятно, что русский язык он, вероятно, основательно изучил. Воспоминания его относились ко времени существования Венгерской советской республики.

Главная мысль, которая проходила через все выступление Куна, состояла в том, что буржуазия и помещики являются заклятыми врагами рабочих. Одолеть этих врагов можно только при хорошей организации рабочего класса, во главе которого должна стоять его партия. Оратор выразил уверенность в том, что трудовой народ Венгрии завоюет свободу.

— Вдохновляющим примером для меня, — говорил Кун, — является Страна Советов и партия Ленина.

О Сталине он хотя и упомянул, но вскользь. Кун производил впечатление боевого революционера, хорошо знающего положение у себя на родине. Он свободно оперировал фактами, говорил экспромтом. Ход мыслей и манера высказывать их не оставляли сомнений в том, что Кун весьма образованный, с сильным характером человек. Таким он и запечатлелся в моей памяти.

На этом собрании выступил Вильгельм Георгиевич Кнорин. Латыш по национальности, профессиональный революционер по призванию, участник революционного движения в России с 1905 года, он работал в то время в Исполкоме Коминтерна. Его выступление посвящалось в основном международной обстановке. Упор при этом делался на задачи, стоящие перед коммунистическими партиями. Кнорин говорил:

— Приход к власти фашизма в Германии сильно осложнил положение в Европе, внес еще большую остроту в международную обстановку. Но коммунисты, если они будут учитывать прошлое и избегать новых ошибок, могут рассчитывать на успех.

Кнорин, говоря о Германии, старался не делать каких-либо

прогнозов. Все присутствовавшие в зале на это обратили внимание. В общем его выступление прозвучало как взвешенное и свободное от легковесных, недостаточно обоснованных предположений о будущем в Европе и мире в целом. Даже там, где другой, может быть, и сказал бы кое-что о военных планах Гитлера, Кнорин говорил сдержанно. И это в какой-то степени объяснимо, так как еще не все планы подготовки агрессии пришедшими к власти фашистами были тогда ясны. В книгах, брошюрах бесноватого фюрера захватнические устремления фашизма излагались, но до их осуществления в практической политике гитлеровской Германии дело еще не дошло. Однако уже в скором времени весь мир содрогнулся, когда увидел, как фашистское чудовище подкралось к соседним странам и совершило агрессию.

Личность Кнорина представлялась внушительной. Как опытный оратор, он формулировал мысли четко. Мне он напоминал видавшего виды профессора. Нетрудно было заметить, что это человек большой культуры, остроумный, в карман за словом он не полезет. Его отличала способность полемизировать с оппонентом, что придавало особую живость речи.

Нас, членов партии, вступивших в ее ряды всего лишь за несколько лет до этого, как магнитом тянуло на встречи с профессиональными революционерами. На одном из собраний в обществе старых большевиков выступал Емельян Михайлович Ярославский, активный участник революции 1905–1907 годов и Октябрьской революции. Разве могло оставить равнодушным обращение к молодежи этого человека — старосты Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, а с 1931 года — председателя Всесоюзного общества старых большевиков?! Его выступление посвящалось идеологическому воспитанию коммунистов, особенно молодых.

Сидел в президиуме также старый большевик Мартын Николаевич Лядов, член партии с 1893 года, участник баррикадных боев в Москве в 1905 году. При первом же взгляде на него невольно возникало и уже не покидало ощущение того, что перед тобой рабочий, который только что оторвался от станка и пришел, чтобы поприветствовать собравшихся. В его фигуре, в манере держаться чувствовалась какая-то истинно рабочая хватка.

Почти все, кто выступал на собрании, отмечали значение разгрома партией троцкистской оппозиции. Воспринималось это как должное, ибо враждебная партии и социализму природа троцкизма была к тому времени уже достаточно вскрыта.

На собраниях в клубе опоздавший никогда не мог найти свободного места. Гости, попадавшие сюда, стояли вдоль стен,

битком набивались в проходах. Многие шли в этот зал встретиться с самой историей, и ораторы это знали.

В 1935 году Общество старых большевиков прекратило свое существование, а его клуб закрыли. Произошло это в обстановке складывавшегося культа личности Сталина, что и является понятным тому объяснением. А тот факт, что имена некоторых участников клуба перестали появляться в печати, внес еще большую ясность на этот счет.

В стенах Академии наук

После окончания аспирантуры, на которую ушло четыре года, включая написание кандидатской диссертации, и после защиты этой диссертации в 1936 году я был направлен на работу в Институт экономики Академии наук СССР в качестве старшего научного сотрудника. В то время возглавлял институт академик М. А. Савельев, старый большевик, соратник В. И. Ленина.

Тогда я считал, что положение мое как научного работника определилось всерьез и надолго. По совместительству начал преподавать политэкономию в Московском институте инженеров коммунального строительства. Между прочим, в число студентов группы, с которой я работал, входили и лица, занявшие впоследствии видное положение в стране. Был студентом, например, Иван Васильевич Капитонов. Студенты в те годы нередко по возрасту почти не отличались от преподавателей, отчего последние — во всяком случае, это относится ко мне — чувствовали себя иногда несколько неловко. Хотелось выглядеть постарше.

Кроме того, на протяжении всего времени работы в Институте экономики у меня было постоянное партийное поручение — руководить в сети партийно-политического просвещения кружком научно-технических работников на одном из крупных предприятий Москвы. Это было моей общественной работой.

Занятия, как для меня, так и для слушателей этого кружка, проводились в нерабочее время. Всего на них собиралось человек тридцать. Темы занятий касались как внутренней, так и внешней политики нашей страны. Как выяснилось впоследствии, комиссия ЦК партии, которая подбирала кандидатов для использования на дипломатической службе, учла и эту страницу в моей биографии.

С конца 1938 года мне пришлось некоторое время исполнять обязанности ученого секретаря в Институте экономики. И вот однажды вызывает меня к себе тогдашний президент Академии наук СССР Владимир Леонтьевич Комаров. Я был озадачен. Пришел к этому выдающемуся ученому, а он мне заявил:

— Хотим назначить вас ученым секретарем Дальневосточного филиала Академии наук.

Не скажу, чтобы я встретил с энтузиазмом это предложение. Полагал, что на такую крупную работу нужен маститый ученый. И своего мнения не скрывал:

— Я ведь молодой научный работник. А на том посту, который мне предлагается, видимо, нужен по меньшей мере

доктор наук.

Говорил так, а про себя думал: «Если бы президент Академии был психологом, а не ботаником, он, наверно, одержал бы верх надо мной, и я поехал бы во Владивосток». Но мои доводы показались убедительными.

Как бы то ни было, президент, учитывая мое мнение, согласился оставить все, как было, хотя и сказал на всякий случай:

— Но вы все-таки подумайте.

Однако поработать тогда долго на ниве науки мне не удалось. Позже, находясь уже в Вашингтоне на посту посла Советского Союза, я начал, а затем, будучи послом в Лондоне, закончил и в 1957 году опубликовал книгу «Экспорт американского капитала» (под псевдонимом Г. Андреев), за которую ученый совет Московского государственного университета присвоил мне ученую степень доктора экономических наук. Некоторое время спустя мною была написана и в 1961 году опубликована монография «Экспансия доллара» (под тем же псевдонимом).

Делу разработки темы, которой посвящены две указанные книги, я сохранил верность и позже. В конце 1982 года вышла в свет новая монография — «Внешняя экспансия капитала: история и современность».[3] Исследовательская работа на этом важном направлении экономической науки в значительной степени помогала и моей практической деятельности.

Пашуканис против Вышинского

Когда я в начале тридцатых годов приехал в Москву, то не только в Академии наук СССР, но и в других кругах столичной интеллигенции много толковали об отношениях между Пашуканисом и Вышинским. Да и в целом информация об их серьезных столкновениях в области понимания права находила широкое распространение.

Кем же был Пашуканис?

Правовед Евгений Брониславович Пашуканис в двадцатые и тридцатые годы пользовался большим авторитетом в среде ученых-юристов. Его имя было известно также практическим работникам прокуратуры и суда.

Член партии с 1918 года, он стал заместителем наркома юстиции СССР в 1936 году. В своих трудах по общей теории права он блистал отточенной юридической мыслью, фундаментальностью аргументации. Немногие специалисты могли сравниться с ним по познаниям в этой области. То же можно сказать и о его заслугах в сфере государственного права и международного права. Ни один профессор или преподаватель юридических дисциплин в высших учебных заведениях не мог выступать перед студентами, не познакомившись с работами Пашуканиса. Его труды в то время считались последним словом юридической науки и по существу являлись учебниками.

Когда в 1936 году я оказался в стенах Академии наук СССР, то, не являясь специалистом в области юриспруденции, часто встречал правоведов, которые хорошо знали Пашуканиса и давали ему самую высокую оценку как ученому-юристу. Знал я его и лично.

На протяжении ряда лет между ним и Прокурором СССР А. Я. Вышинским существовала самая настоящая вражда. Я редко встречал людей, которые высказывались бы одобрительно о взглядах Вышинского. Зато труды Пашуканиса оценивались высоко.

Надо учесть, что все это происходило во время поляризации мнений в науках, имевших отношение к праву. Все больше давал о себе знать культ личности Сталина.

После одной из лекций Пашуканиса ему задали вопрос:

— Как вы оцениваете кредо Вышинского: признание — царица доказательства вины?

Пашуканис ответил:

— К истине иногда ведет долгий путь, даже тогда, когда обвиняемый, кажется, сложил оружие и ему нечего больше

привести в доказательство своей правоты.

Такой ответ, конечно, не представлял собой категоричное осуждение позиции Вышинского, но ведь надо учесть, что тогда было за время. В судебных процессах меч карал не тех, кто совершал преступления в угоду культу личности, а тех, кто искал справедливости.

С той кафедры ответ Пашуканиса прозвучал все же как вызов организаторам необоснованных репрессий.

Перед учеными-правоведами встал вопрос, с кем они.

Пашуканис не покривил душой. Свою принципиальность, научную добросовестность он не стал приносить в жертву антинаучной преступной концепции, которой присягнул Вышинский. Жестоко за это поплатился честный ученый Евгений Брониславович Пашуканис — своей жизнью.

Позже я узнал, что труды Пашуканиса высоко оценивались и за рубежом. Специфика тогдашней советской действительности не помешала ученым других стран увидеть в работах Пашуканиса много ценного для мировой юридической науки, особенно по общей теории права, а также по истории права и политических учений.

Глава II
ПЕРЕД ВОЕННОЙ ГРОЗОЙ

Тучи сгущаются. Мой обет. Назначение в Наркоминдел. Джозеф Дэвис — бывший посол. Первая встреча в Кремле. На пути в США. В современном Вавилоне. Десять дней по дорогам Америки. Мы — гости съезда демократической партии.

Тридцатые годы… Это был сложный период жизни Советской страны, народ которой строил социализм. Грандиозная мирная работа по созданию в СССР нового общества протекала, особенно во второй половине десятилетия, в напряженной международной атмосфере. В воздухе уже отчетливо пахло порохом. По всему чувствовалось, что на страну надвигались тяжелые свинцовые тучи войны. Не хотелось верить! Но дело обстояло именно так, и советские люди это понимали.

Тучи сгущаются

Один за другим народы, многие страны становились жертвами агрессии гитлеровской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии, вставших на путь развязывания второй мировой войны. С учетом такого положения Англия, Франция и США проводили политику «умиротворения» этих государств, всячески пытаясь отвести от себя острие агрессии и направить его против СССР. Все это сейчас хорошо известно. Никто этих мрачных и тревожных страниц из книги истории изъять не может.

Такая политика, венцом которой явился состоявшийся в сентябре 1938 года мюнхенский сговор правящих кругов Англии и Франции с германским фашизмом, не только послужила поощрением агрессоров на новые авантюры, но и обернулась прежде всего против тех, кто потворствовал им. Не прошло и года со времени сделки в Мюнхене, как пожар мировой войны перекинулся и на обе эти страны — Англия и Франция оказались ее участниками. На глазах всего мира развалилась созданная определенными кругами стран Запада концепция, согласно которой агрессия фашизма может оставить страны Запада в стороне.

Что касается Советского Союза, то он на протяжении тридцатых годов настойчиво боролся за создание системы коллективной безопасности в Европе, использовал свой вес и влияние для обуздания агрессоров и предотвращения катастрофы. Однако, чтобы добиться этого, одних его усилий было недостаточно. Англия и Франция отвергли соответствующие советские предложения и не проявляли желания оказать совместно с нашей страной отпор фашистским агрессорам.

Становилось все более очевидным, что народы, прежде всего европейские, находятся на пороге мировой трагедии. В складывавшейся международной обстановке СССР всемерно добивался того, чтобы по крайней мере отсрочить начало войны, выиграть время для подготовки к отражению гитлеровской агрессии.

Необходимость решения стоявших перед нашим государством сложнейших задач предъявляла особые требования и к советской дипломатии. Она должна была использовать для этого все имевшиеся в ее распоряжении возможности и средства. Борьба за сохранение мира, которую вел в то время Советский Союз на внешнеполитическом фронте, является фактом, признанным историей.

Мой обет

И по возрасту, и по подготовке я тогда мог только жадно впитывать информацию о мировых событиях в той мере, в которой она была доступна. Шагая в ногу со своим поколением, приобщался к работе, которая выпала на долю молодого человека. Каждый раз, когда я по дороге жизни оглядывался, видел, что иду вроде правильно. Проходили соревнования на получение звания «Ворошиловский стрелок». Мне это подходит, решил. И получил его. На значок «Готов к труду и обороне» тоже сдавал нормы. И получил его. Стали обычными выезды в командировки в районы. При этом я всегда точно выполнял поручения.

В те дни беседы на заводах и фабриках о тревожной международной обстановке стали частым явлением. Я отчетливо почувствовал, что знания, полученные мною в ходе изучения трудов Маркса, Энгельса, Ленина, открыли глаза на многое, что происходит в мире. И тогда по-настоящему понял, что изучение трудов основоположников марксизма-ленинизма, в том числе настойчивое преодоление трудностей в понимании отдельных положений в этих трудах, принесло мне большую пользу.

В этой связи уместно привести дополнительно некоторые факты из моей молодости. Тягу к чтению трудов Ленина я почувствовал еще в юношеском возрасте. Читал вначале брошюры, которые были более доступны. Постоянно поражался глубине взглядов вождя революции. Но попадались незнакомые слова и понятия. Я сознавал, что не хватает образования. Техникум, институт и аспирантура были еще впереди.

И вот тогда я дал себе обет:

— Если что неясно, читай, перечитывай, думай над прочитанным, ищи, узнавай, спрашивай у тех, кто знает, делай так до тех пор, пока все не станет ясным.

Этому обету обращения к Ленину, его настойчивого изучения и остался верен всю жизнь.

Часто с юношами-комсомольцами мы обменивались мнениями. Спорили, как лучше изучать труды Ленина, спорили и по существу вопросов. В дискуссии родилось решение:

— Надо как-то добыть полное собрание его сочинений. Чего мы стоим, если не можем достать эти труды?

Однако, несмотря на все наши старания, раздобыть их сразу не удалось. А вот в районной библиотеке они вскоре появились. Мы могли ими пользоваться, получая отдельные тома на дом.

Встал вопрос:

— С чего же начинать изучение работ Ленина?

Тут мы действовали по принципу, кто во что горазд. Каждый считал, что он прав.

А я остановился на том, что Ленина следует изучать, начиная с первого тома. Мне тогда казалось, что такой метод является оправданным. «Ведь начинать надо обязательно с начала», — думал я.

Так стал штудировать ленинский труд «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Уяснил из него достаточно твердо, что рабочие беспощадно эксплуатируются капиталистами, которые их бессовестно облагают различными штрафами и поборами.

Долго сидел над первым томом, а затем и над вторым томом Собрания сочинений В. И. Ленина. Увидел меня как-то за этим занятием опытный преподаватель.

— Что делаешь, Андрей? — спросил он.

— Ленина хочу знать. Изучаю его произведения, — ответил я.

— А как ты их изучаешь?

— Да вот, читаю с первого тома все подряд. Сейчас уже начал второй.

Тогда он подал такую мысль:

— Ленина лучше изучать не просто том за томом, начиная с первого, а выделяя отдельные труды, познание которых помогает пониманию и других его произведений, и наследия Владимира Ильича в целом.

Совет оказался ценным. Да и проникновение в идеи Ленина пошло как-то лучше. Я старался находить время после выполнения уроков, чтобы проштудировать такие работы, как «Государство и революция», «О кооперации», и ряд других. Мне казалось, что после чтения и перечитывания каждого ленинского труда я рос не только духовно, но как бы и физически. Вместе с тем повышалось сознание того, что хоть и стал я шире смотреть на проблемы, глубже в них вникать, но мои знания пока еще крупица по сравнению с тем, что содержит учение Ленина.

Постепенно я чувствовал еще большее стремление к познанию общественных наук. Присягнул на верность гуманитарным наукам после того, как несколько позже прочел «Анти-Дюринг» Фридриха Энгельса. Мне и раньше было известно, что существует такой труд друга Маркса. Но я считал, что все же, видимо, надо повзрослеть, чтобы эту книгу понять. Лишь когда мне пошел шестнадцатый год, я решил прочитать «Анти-Дюринг». И не просто прочитать, а изучить этот труд. Чего бы это ни стоило! А подстегивало меня то обстоятельство, что я стал уже руководить серьезными молодежными политкружками. Да к тому

же меня избрали секретарем комсомольского коллектива.

Начав читать «Анти-Дюринг», я не мог остановиться. Как же удивился, когда нашел эту книгу менее трудной для понимания, чем предполагал!

Книга поражала ясностью изложения марксистской философии. Именно этому посвящен первый раздел труда. Понятен был и второй раздел, разъяснявший проблемы политической экономии. И еще более ясным показалось мне изложение марксистского учения о социализме в третьем разделе. Когда я прочитал книгу до конца, то задумался: «А не слишком ли я высокого мнения о себе по поводу того, что так быстро все усвоил?» И стал медленно, составляя краткий конспект наиболее ярких мест в книге, более основательно штудировать ее.

Наверно, именно тогда и оформилось мое желание всерьез заняться политической экономией. Она притягивала меня своей математической строгостью в суждениях, глубиной анализа, касающегося соответствующих фактов и явлений в условиях капитализма. Меня подкупала стройность понятий, аргументов, примеров, выводов.

Позже, проходя курс института и аспирантуры, я с захватывающим интересом изучал труды Ленина, Маркса и Энгельса, в которых анализировались вопросы политической экономии. Особенно основательно продвинулся в аспирантуре, где этой науке отводилось первое место.

Впервые я услышал, что есть такая книга — «Капитал» Карла Маркса, — вскоре после вступления в комсомол. По тому, как о ней говорили старшие и писали газеты, понял, что это — главный труд Маркса. Я решил во что бы то ни стало достать его. Несколько месяцев ушло, прежде чем я его приобрел.

Сначала познакомился с книгой в городской библиотеке Гомеля. Затем удалось ее купить, как позже и тома сочинений Ленина. Понял, что книга трудная и многое в ней мне непонятно. Сложные места отмечал. Надеялся, что в будущем, «когда стану умнее», смогу в них разобраться.

Немало было размышлений во время чтения «Капитала».

Эта книга сопровождала меня как драгоценная реликвия в течение тридцати лет. Но затем погибла вместе с вещами нашей семьи во время пожара на пароходе «Победа» в Черном море, когда мы переправляли их из США на Родину.

Сильное впечатление на меня еще в юношеском возрасте произвело знакомство с некоторыми трудами Г. В. Плеханова, особенно с его книгой «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Я считаю, что это произведение ничуть не

утратило своего значения и сейчас. Глубина мысли в нем так сочетается с ясностью и живостью изложения сути учения Маркса, что без восхищения читать эту книгу невозможно.

Было бы, наверно, нескромно сказать, что полученных мной теоретических знаний оказалось вполне достаточно и все было абсолютно ясно. Нет того строго определенного уровня, который, как и на каждой работе, отделяет достаточное от недостаточного. Всегда требовалось продолжать работу над собой, и всегда я это ощущал. Но одно можно сказать уверенно: приобретенные ранее знания были необходимы и являлись основой для того, чтобы быть затем полезным обществу.

Марксизм-ленинизм — вот та наука, которой должен руководствоваться советский человек. Это касается как внутренней жизни во всей ее многогранности, так и внешних дел. Глубина знаний может быть разной, но суть, душу этого учения должен понимать каждый.

Назначение в Наркоминдел

В начале 1939 года меня пригласили в комиссию ЦК партии, подбиравшую из числа коммунистов новых работников, которые могли бы быть направлены на внешнеполитическую, дипломатическую работу. Эта комиссия заседала на Кузнецком мосту в здании Наркомата иностранных дел. Вместе со мной были вызваны в тот день и другие кандидаты. Все мы, явившись на Кузнецкий мост, ожидали, куда повернет нашу судьбу фортуна. Вызывали приглашенных поочередно.

Вошел и предстал перед членами комиссии. В ее составе сразу узнал В. М. Молотова и Г. М. Маленкова. Мне сказали:

— Речь идет о возможности вашего перевода на работу внешнеполитического характера, скорее всего дипломатическую.

Трудно сейчас точно определить, что заставило членов комиссии остановить свой выбор на мне. Думаю, немалую роль сыграло то, что с первых дней комсомольской, а затем партийной работы я активно участвовал в научно-пропагандистской деятельности: читал лекции, выступал с докладами, вел семинары, кружки в учреждениях и на промышленных предприятиях. Моими слушателями в кружках и на собраниях были преимущественно инженерно-технические работники.

Безусловно, значение имело еще и то, что я непрерывно выезжал в командировки по партийной линии, выполняя те же задания по пропаганде нашей внутренней и внешней политики.

Сыграло свою роль, очевидно, и то, что в аспирантуре я продвинулся вперед в овладении английским языком, хотя знания, конечно, были еще далеки от совершенства. Меня спросили:

— Что вы читали на английском языке?

Назвал некоторые книги, а потом добавил еще одну, которая меня заинтересовала по профилю научной работы:

— Труд американского экономиста Стюарта Чейза «Богатая земля, бедная земля».

Я почувствовал расположение комиссии, хотя решения мне не объявили.

На этом беседа закончилась.

Через несколько дней меня вызвали в Центральный Комитет партии. Мне просто объявили:

— Вы из Академии наук переводитесь на дипломатическую работу, если вы согласны.

Последовал короткий разговор. В конце его я дал согласие.

Так весной 1939 года меня назначили в Наркоминдел СССР

на должность заведующего американским отделом. Не скрою, на новую работу шел с каким-то неопределенным чувством. Уж очень все было неожиданно.

Хотелось как можно скорее войти в курс дела, чтобы уверенно трудиться на доверенном мне участке.

Началась текущая дипломатическая работа. Состоялись первые встречи с сотрудниками американского посольства. Внимательно присматривался к дипломатам США.

Послом США в СССР в то время был Лоуренс Штейнгардт, деятельность которого заметной пользы развитию советско-американских отношений не принесла. Помню даже, что у меня позже не раз возникал вопрос: «Почему президент Рузвельт, при его широте взглядов, а также учитывая значение советско-американских отношений, остановил свой выбор именно на этом человеке?»

Сама жизнь скорректировала такое решение. Штейнгардт в Москве долго не задержался, и, судя по всему, к удовлетворению обеих сторон.

С момента установления дипломатических отношений между СССР и США в 1933 году и до Штейнгардта в Москве уже побывало два посла.

Первым — с 1933 по 1936 год — был Уильям Буллит.

Да, тот самый Буллит, который приезжал в нашу страну еще в 1919 году с ведома президента США В. Вильсона и премьер-министра Великобритании Д. Ллойд-Джорджа. Тогда, в разгар наступления Красной Армии, ему поручили договориться об условиях прекращения военных действий в России.

В. И. Ленин пошел на переговоры с Буллитом, но в ходе их опрокинул все предложения, которые нацеливались в общем-то на реставрацию в стране капиталистических порядков..

Согласованный в Москве проект западные державы так и не послали Советскому правительству, посчитав, что начавшееся наступление Колчака восстановит старую Россию военным путем.

Но просчитались и Антанта, и США. Красная Армия разбила полчища Колчака, а сам он был расстрелян. Белая гвардия была разгромлена по всей стране, а иностранные интервенты изгнаны за пределы территории нашего государства. Советская власть утвердилась в нашей стране повсеместно.

Наверно, не случайно после установления дипломатических отношений с Советским Союзом Рузвельт направил первым послом США в нашу страну Буллита. Этот дипломат, по мнению американской администрации того времени, уже имел опыт общения и контактов с Советским правительством.

Будучи послом в Москве, Буллит проводил в отношении

СССР, конечно, недружественную линию. Он всячески пытался создать в Вашингтоне впечатление слабости Советского Союза. В годы своей работы стремился изображать все, что видел и слышал в Москве, тенденциозно. Свои настроения Буллит сохранил и после того, как его перевели из Москвы послом в Париж, а также в дальнейшей деятельности. В частности, в годы второй мировой войны Буллит вступил во французскую армию. Одновременно он являлся официальным корреспондентом американского журнала «Лайф», известного своими антисоветскими настроениями. В этом же ключе писал свои статьи и новоявленный журналист Уильям Буллит. В 1944 году, когда во времена Рузвельта на американской почве начал всходить посев добрых отношений к советскому союзнику, Буллит опубликовал в журнале «Лайф» враждебную статью «Мир, каким он кажется из Рима». Она вызвала возмущение в рядах прогрессивных сил США. На этих же антисоветских позициях Буллит остался и впоследствии.

Его преемник — Джозеф Дэвис оказался иным человеком. Он внушал администрации Рузвельта, что необходимо развивать отношения с СССР, в частности в области торговли. Он работал в Советском Союзе с января 1937 года по июнь 1938 года и являлся фигурой колоритной и положительной. Известностью пользовалась и его жена — Марджери Пост. Президент Рузвельт, конечно, не зря остановился на кандидатуре Дэвиса, который был видным и пользующимся уважением деятелем демократической партии и, следовательно, мог сыграть определенную роль в развитии советско-американских отношений.

Относительно прибытия Дэвиса в советскую столицу в Вашингтоне ходили добродушные анекдоты. Надо иметь в виду, что и в то время в США велась недружественная Советскому Союзу пропаганда. Буржуазная пресса, политические деятели не только поносили советский строй, образ жизни, но и распространяли множество небылиц, в том числе о том, будто советский народ голодает, будто живет он в условиях разрухи. Во всем обвиняли революцию, Советскую власть.

Вот и решил новый посол на всякий случай обзавестись своим хозяйством. Погреба и кладовые американской резиденции в Спасо-Песковском переулке не пустовали. В Москву доставили немало всяких продуктов: раз говорят, что мало сахара, так лучше привезти с собой полтонны сахара, мало крупы и масла — так лучше привезти и их в солидном количестве. Пусть знают большевики, что и чай американский посол пьет с американским сахаром, и кашу ест, приготовленную из американской крупы и сдобренную американским маслом.

Слухи, возможно, отчасти были преувеличены, но стали

довольно широко известны в столицах обоих государств.

Замечу, что Дэвис был человеком порядочным, да к тому же посланцем Рузвельта, ставшего на путь развития отношений с СССР, что полностью подтвердилось и в последующем.

Дэвис неизменно проявлял дружественный подход к нашей стране. Его отношение к Советскому Союзу и руководству государства, где он аккредитовался, резко отличалось от настроений его предшественника Буллита. Дэвис был убежден, что правительства Англии и Франции совершают ошибку, «умиротворяя» Гитлера и пытаясь изолировать Советский Союз. Нечасто такие голоса раздавались тогда в политических кругах США.

Как-то сразу у Дэвиса установился нормальный деловой контакт со Сталиным, о котором он и впоследствии в беседах с советскими представителями, в том числе со мной, отзывался неизменно уважительно и даже тепло. Дэвис излагал в общем правильную точку зрения:

— Надо исходить из того, что идеологические расхождения и различия в общественном строе обоих наших государств должны быть оставлены в стороне при рассмотрении практических вопросов развития отношений между ними.

Такое мнение импонировало и Рузвельту. Все большая агрессивность германского фашизма укрепляла у влиятельных кругов США именно такой подход к отношениям с Советским Союзом.

Полезная деятельность Дэвиса в интересах развития отношений между США и СССР имела свое активное продолжение, особенно в годы второй мировой войны. Мне хотелось бы плотнее коснуться этой темы.

Джозеф Дэвис — бывший посол

С Дэвисом я познакомился уже на работе в США, где мы нередко встречались, бывали друг у друга в гостях. Словом, поддерживали добрые отношения.

Особняк Дэвиса на окраине Вашингтона выглядел солидно. Он представлял собой, можно сказать, типичный дом американского богача. В жизни мне довелось много раз бывать в резиденциях коронованных особ разных стран. Дворцы эти строились, как правило, в те времена, когда средств на их сооружение не жалели. Миллионы людей могли влачить жалкое существование, но монархи считали для себя обязательным иметь роскошные чертоги. Иначе какие же они монархи? Делалось все это для того, чтобы у обыкновенного человека, который смотрит на дворец Его или Ее Величества, захватывало дух: «Вот это да!»

Америка освободилась из-под власти английской короны еще в 1776 году, короли здесь не признавались, но у местных представителей бизнеса средств накопилось больше, чем у иных монархов в Европе, и эти американцы стали успешно подражать в роскоши дворцам Старого Света. Правда, вовсе не обязательно, чтобы дворцы бизнесменов внешне выглядели внушительно. Иногда даже наоборот. Их внешнюю архитектуру сознательно по виду «демократизировали». Зато внутреннее убранство, считалось, должно не подкачать. Впрочем, это часто можно наблюдать и сегодня.

Примером осуществления таких воззрений может служить загородная резиденция президентов США — Кэмп-Дэвид. Расположенные на ее территории дома представляют собой совсем небольшие приземистые строения. Иногда даже казалось, что они вросли в землю. Но внешность обманчива. Войдя вовнутрь, удивляешься роскоши интерьера. Сразу узнаешь американскую деловитость в архитектуре, отделке интерьера: и роскошно, и удобно, а главное — порядочно спрятано от взгляда извне.

Особняк Дэвиса в этом отношении чем-то напоминал Кэмп-Дэвид. В особняке не было скульптурных изваяний львов, драконов, мадонн. Пренебрегли хозяева и фонтанами. Что же касается собственно интерьера, то, как говорится, у гостей глаза разбегались. Причем преобладали предметы обстановки и произведения искусства не американского, а европейского происхождения. Значительная часть их оказалась вывезенной из Советского Союза.

Здесь мы увидели уникальную мебель, атрибуты будуаров

русских императриц, золотую посуду — вещи баснословной цены. Помню, как Лидия Дмитриевна во время одного из обедов пыталась воспользоваться солонкой, дотронулась до нее, а та не пожелала сдвинуться с места. Я заметил некоторое смущение жены.

— Что с тобой? — спросил ее.

— Да вот не могу справиться с солонкой. Она, наверно, прикреплена наглухо, а мне к другой тянуться далеко…

Вещь была массивной. Она оказалась из чистейшего золота и принадлежала когда-то Екатерине И. Словно прикованная, она стояла на столе. Когда тайну веса мы разгадали, борьба с солонкой закончилась решительной победой моей супруги.

Хозяева пригласили нас посмотреть так называемую «русскую избу», находившуюся вблизи от основного дома. Всю ее заполняли дорогие, уникальные вещи, а сама она походила на что-то среднее между музеем и складом драгоценностей. Дэвисы, показывая «экспонаты», вспоминали, когда и где, в каком городе Советского Союза та или иная вещь была приобретена. Что касается времени приобретения, то оно датировалось преимущественно тридцатыми годами, то есть периодом, когда Дэвис был послом США в Москве. Тогда у нас существовали магазины «Торгсин» (полное название — «Торговля с иностранцами»), через которые много вещей, представлявших художественную и материальную ценность, сбывалось за валюту. Все покупалось законно, и хозяева, что было совершенно очевидно, не испытывали чувства неудобства. Они с гордостью расхваливали вещи, приобретенные ими в СССР.

Осматривая все эти ценности, мы не могли отделаться от мысли: «Где же в конце концов все это осядет?» Не скрою, жалел, что шедевры искусства, главным образом ювелирного, созданные руками мастеров нашего народа, скорее всего, разлетятся по местам совершенно случайным в далекой заокеанской стране.

Приходилось мне с женой бывать в гостях у Дэвиса и в те дни, когда он устраивал большие приемы. Имя бывшего посла в Москве и богатство его семьи притягивали представителей «высшего общества», в основном из кругов администрации, конгресса и большого бизнеса. В этом обществе, по всему было видно, в вопросах материального порядка больше понимала толк хозяйка, чем хозяин.

Часто среди гостей мы видели сенатора Томаса Коннели и конгрессмена Сола Блюма, являвшихся председателями комиссий по иностранным делам американского конгресса — соответственно сенатской и палаты представителей. У меня нередко завязывались с ними беседы.

Сенатор Коннели был во многих отношениях интересным человеком. Он относился к числу последовательных рузвельтовцев. Именно президент предложил его кандидатуру на пост председателя комиссии по иностранным делам сената. Во время первых контактов с ним я обратил внимание на здравость его суждений по ряду крупных вопросов политики, относящихся к войне с фашистской Германией. Однажды в гостях у Джозефа Дэвиса Коннели довольно смело высказался за открытие второго фронта в Западной Европе. Это происходило тогда, когда в Вашингтоне на эту тему предпочитали говорить только шепотом. Администрация еще не сформулировала своей позиции по данному вопросу. Даже Дэвис соблюдал осторожность в высказываниях, хотя считал себя сторонником высадки англо-американских войск в Западной Европе. Защищая свою мысль, Коннели заявил:

— Совсем нехорошо, если США примут готовую победу из рук Красной Армии. С точки зрения своих национальных интересов США должны сами проявить себя как военная сила. А путь к этому лежит не только через ленд-лиз, но и через участие в военных действиях. Ведь уже выявилось, что Красная Армия начала одерживать победы и Гитлера ожидает «капут».

Мягче и осторожнее вел себя Коннели позже на конференции в Сан-Франциско. Он оказался намного ближе к трезвой оценке ситуации по основным вопросам устава и роли новой международной организации, чем многие другие члены американской делегации. Это относится и к вопросу о принципе единогласия пяти держав.

Случались с Коннели и занятные истории. На первой половине первой сессии Генеральной Ассамблеи обсуждался вопрос о создании всемирной организации по сотрудничеству государств в области науки, культуры и образования. По ряду вопросов, естественно, имелись несовпадения мнений, главным образом между Советским Союзом и его друзьями, с одной стороны, и странами Запада — с другой. Дошла очередь выступить и Коннели. Он начал так:

— Вот здесь говорили о разных странах — больших и малых. Мое мнение — нужно сделать все для защиты интересов малых стран и в этой области. Например, ораторы упоминали ЮНЕСКО. Эту малую страну нельзя обижать. Ее надо защитить!

Он сказал это энергично.

Конечно, в зале раздался добродушный смех. Коннели просто не успел еще усвоить, что такое ЮНЕСКО. Он и сам потом, когда узнал о своей оплошности, громко смеялся, как умеют смеяться только американские сенаторы.

В довоенные и военные годы и Коннели, и Блюм активно поддерживали курс Рузвельта в отношении СССР.

Встречался я у Дэвиса и с «королями» Голливуда, в частности с Гарри Уорнером — влиятельным местным кинопромышленником. Кинокомпания «Уорнер бразерс» считалась одной из крупнейших в США. Дэвис представил мне Гарри Уорнера следующим образом:

— Разрешите мне познакомить вас с человеком, который дружественно относится к Советскому Союзу и не раз доказывал это.

Мы стояли только втроем, тем не менее он помолчал и с улыбкой добавил для меня лично тихо:

— В отличие от его брата Майерса.

Такому американскому богачу, как Дэвис, — так уж заведено в Штатах — надо показывать себя должным образом в свете. Какой же американец с капиталом не имеет, например, яхты? Она является своего рода визитной карточкой, чтобы быть принятым в «порядочное общество». Дэвисы тоже владели роскошной яхтой. Если не свирепствовал шторм, то пассажиры в ней могли чувствовать себя отлично. Налицо были все удобства, даже какие-то таинственные таблетки, чтобы не укачивало. Поплавали однажды по приглашению Дэвисов и мы с Лидией Дмитриевной на этой яхте. Правда, совсем немного, особенно далеко от Нью-Йорка не отрывались. Осмотрели побережье. Остались в памяти от того плавания хорошие виды на огромный город и в то же время грязь и кучи мусора на берегу, местами нефтяная пленка на поверхности прибрежных вод, масса картонных коробок, битого стекла на причалах порта.

Дэвис выглядел всегда подтянутым, собранным. Ему были чужды показная бравада и своеобразное паясничанье, которыми часто грешат в США некоторые богатые представители делового мира и чиновничества средней руки. Таким, например, ничего не стоило в разговоре положить ноги на стол — вот и смотри на подошвы их ботинок.

Дэвис, не в пример подобным американцам, обладал иными привычками. Ему нравилось на манер знатных англосаксов погарцевать верхом на лошади. В английской столице на такого человека, даже не зная, кто он такой, смотрят с известным уважением, так как только люди с положением в обществе могут себе позволить подобный вид прогулки. Да еще в Гайд-парке или в Кенсингтонском парке…

В американских городах человека, прогуливающегося верхом на лошади, почти не встретишь. Но ведь дом и большой участок земли у Дэвиса находились за городом, и верховой ездой он мог

заниматься. К сожалению, в конце пятидесятых годов во время одной из таких прогулок Дэвис неудачно упал с лошади. Он прожил еще некоторое время, но оправиться полностью от этого падения так и не смог. Его жена Марджери пережила своего супруга на несколько лет. Правда, за эти годы она успела вновь побывать замужем, и не раз, в чем ей помогли миллионы.

Наверно, нелегко найти в США книгу, посвященную вопросам внешней политики в период войны, да и после нее, в которой не упоминалась бы фамилия Дэвиса. В 1941 году он возглавил созданный при президенте комитет по объединению деятельности всех организаций, занимавшихся вопросами помощи союзникам во время войны.

Через два дня после нападения Германии на СССР Дэвис заявил:

— Мир будет удивлен размерами сопротивления, которое окажет Россия.

Что это — сила интуиции? А может быть, основательное знание того, что такое Советский Союз? Думаю, и первое, и второе. Но, пожалуй, самое главное — второе.

Дэвис выступал в печати, по радио, на многочисленных митингах, призывая американцев отказаться от предрассудков в отношении Советского Союза и его народа. Настойчиво требовал он и открытия второго фронта. Вышедшие в 1942 году его книга «Миссия в Москву» и фильм под тем же названием способствовали укреплению симпатий к СССР в американском народе. Дэвис был также одним из организаторов Национального совета американо-советской дружбы и почетным его председателем.

Принадлежал он к числу активных сторонников линии Рузвельта на укрепление союзнических отношений между США и Советским Союзом. В мае 1946 года Дэвис заявил:

— Мир можно обеспечить лишь посредством всеобщего признания завета Рузвельта — единства Англии, США и СССР.

За успешную деятельность, способствовавшую укреплению дружественных советско-американских отношений и содействовавшую росту взаимного понимания и доверия между народами обеих стран, Дэвис в мае 1945 года был награжден высшим советским орденом — орденом Ленина.

Этот человек имеет право на то, чтобы память о нем надолго осталась жить в США и в Советском Союзе. Она и живет.

Первая встреча в Кремле

Однако вернемся в 1939 год. Возглавлять работу американского отдела НКИД мне пришлось недолго, всего около полугода. Однажды меня позвал к себе в кабинет один из руководителей наркомата и сообщил:

— Вас вызывают в Кремль, к Сталину.

Новость неожиданная… И. В. Сталина я до этого видел только на расстоянии. Это было на Красной площади, где он приветствовал демонстрантов. И лишь однажды — в президиуме торжественного заседания в Большом Кремлевском дворце, куда меня пригласили вместе с другими представителями предприятий и учреждений, в том числе научных.

В считанные минуты я прибыл в Кремль. В приемной, рядом с кабинетом Сталина, находился невысокий подтянутый человек. Я представился. В ответ он сказал:

— Поскребышев.

Это был помощник и секретарь Сталина. Он вошел в кабинет и доложил о моем приходе.

И вот я в кабинете у Сталина. Спокойная строгая обстановка. Все настраивало только на деловой лад. Небольшой письменный стол, за которым он работал, когда оставался в кабинете один. И стол побольше — для совещаний. За ним в последующем я буду сидеть много раз. Здесь обычно проводились заседания, в том числе и Политбюро.

Сталин сидел за этим вторым столом. Сбоку за этим же столом находился Молотов, тогдашний народный комиссар иностранных дел, с которым я уже встречался в наркомате.

Сталин, а затем Молотов поздоровались со мной. Разговор начал Сталин:

— Товарищ Громыко, имеется в виду послать вас на работу в посольство СССР в США в качестве советника.

Откровенно говоря, меня несколько удивило это решение, хотя уже тогда считалось, что дипломаты, как и военные, должны быть готовы к неожиданным перемещениям. Недаром ходило выражение: «Дипломаты как солдаты».

Сталин кратко, как он это хорошо умел делать, назвал области, которым следовало бы придать особое значение в советско-американских отношениях.

— С такой крупной страной, как Соединенные Штаты Америки, — говорил он, — Советский Союз мог бы поддерживать неплохие отношения, прежде всего с учетом возрастания фашистской угрозы.

Тут Сталин дал некоторые советы по конкретным вопросам. Я их воспринял с большим удовлетворением.

Молотов при этом подавал реплики, поддерживая мысли Сталина.

— Вас мы хотим направить в США не на месяц и, возможно, не на год, — добавил Сталин и внимательно посмотрел на меня.

Сразу же он поинтересовался:

— А в каких вы отношениях с английским языком? Я ответил:

— Веду с ним борьбу и, кажется, постепенно одолеваю, хотя процесс изучения сложный, особенно когда отсутствует необходимая разговорная практика.

И тут Сталин дал совет, который меня несколько озадачил, одновременно развеселил и, что главное, помог быть мне менее скованным в разговоре. Он сказал:

— А почему бы вам временами не захаживать в американские церкви, соборы и не слушать проповеди церковных пастырей? Они ведь говорят четко на чистом английском языке. И дикция у них хорошая. Ведь недаром многие русские революционеры, находясь за рубежом, прибегали к такому методу для совершенствования знаний иностранного языка.

Я несколько смутился. Подумал, как это Сталин, атеист, и вдруг рекомендует мне, тоже атеисту, посещать американские церкви? Не испытывает ли он меня, так сказать, на прочность? Я едва не спросил: «А вы, товарищ Сталин, прибегали к этому методу?» Но удержался и вопроса не задал, так как знал, что иностранными языками Сталин не владел, и мой вопрос был бы, в общем, неуместен. Я, как говорят, «сам себе язык прикусил» и хорошо сделал. Конечно, услышав такой вопрос, Сталин, наверно, превратил бы свой ответ в шутку, он в аналогичных случаях нередко прибегал к ней, как я убеждался впоследствии. Но тогда, в ту первую встречу, искушать судьбу мне не хотелось.

В США в церкви и соборы я, конечно, не ходил. Это был, вероятно, единственный случай, когда советский дипломат не выполнил указание Сталина. Можно себе представить, какое впечатление произвело бы на проворных американских журналистов посещение советским послом церквей и других храмов в США. Они, безусловно, растерялись бы. Мог сбить с толку, заставить строить догадки вопрос:

— Почему посол-безбожник посещает соборы, может быть, он вовсе и не безбожник?

Так произошла моя первая встреча со Сталиным.

Ехал я после нее из Кремля и по привычке анализировать пережитое думал. Вспомнил, что в Москву незадолго до этого был вызван посол СССР в США К. А. Уманский, который, видимо, не

вполне удовлетворял требованиям центра. Значит, напрашивался вывод: мне доверяют, дают важное поручение.

Как я понял позже, претензии к послу имелись и у Сталина, и у Молотова. И хотя Уманский в США возвратился, тем не менее по всему было видно, что его работа подходила к концу. После нападения гитлеровской Германии на СССР возникло мнение, что, может быть, Рузвельту будет импонировать, если послом в США станет дипломат, получивший широкую международную известность своей работой в Лиге Наций и в связи с ней. Потому на пост посла СССР в США назначили М. М. Литвинова. Однако на короткое время. Из последующих событий стало видно, что и эта мера для улучшения советско-американских отношений рассматривалась Сталиным как временная.

Вскоре заменить Литвинова на посту посла в США пришлось автору этой книги.

На протяжении почти шести лет пребывания в Москве, до отъезда осенью 1939 года в США, я жил в обстановке энтузиазма и сам был переполнен им. Обучение в аспирантуре, работа над кандидатской диссертацией, ее защита, преподавательская деятельность и, наконец, научные исследования, к которым я приступил в Академии наук СССР (Институт экономики), — все это требовало постоянного напряжения.

Однако на все хватало сил, в том числе на многочисленные командировки в районы Московской области и общественную работу в городе. Был я свидетелем того, как советские люди всю свою энергию и талант отдавали развитию промышленности и укреплению колхозного строя. Видел это каждодневно.

Ударом грома среди ясного неба явилось известие о том, что 1 декабря 1934 года убит Сергей Миронович Киров. Не хотелось верить, что такое могло случиться. Мы читали официальные сообщения. Но вместе с тем задавали друг другу вопросы, которые оставались без ответов. Говорили и громко, и шепотом, но в этих разговорах всегда превалировали вопросы. И самый главный среди них:

— Как это могло случиться в социалистическом государстве, как это в нашей великой стране никто не смог отвести преступную руку убийцы?

А затем добавляли к нему и второй, вытекающий из первого, вопрос:

— Если это случилось, то кто же все-таки не помешал этому или не желал помешать?

Ответы на эти вопросы в те дни никто из нас не знал. Газеты писали о «врагах народа». Других официальных ответов не существовало.

На пути в США

После встречи со Сталиным я и семья сразу же стали собираться в дорогу. До направления на работу в США мне не доводилось бывать за рубежом. Поэтому наше путешествие поездом из Москвы в Геную, где мы должны были пересесть на пароход, чтобы отправиться в США, оказалось наполненным яркими по тому времени для меня впечатлениями.

За пределами СССР и до прибытия в Геную мы пересекли территорию Румынии (здесь остановились на сутки), Болгарии и Югославии.

Италия, по существу, была первой капиталистической страной, где я получил возможность поближе познакомиться с зарубежной жизнью. На каждом шагу в глаза бросались резкие социальные контрасты, особенно в одежде людей.

Обратило на себя внимание и то, что если собирались вместе по крайней мере два итальянца, то впечатление складывалось такое, что один произносил перед другим речь, а этот, другой, не дослушав, начинал сам произносить речь перед первым. И казалось, будто вокруг происходят какие-то митинги или собрания, хотя участвовало в каждом из них часто всего по два-три человека.

Запомнилась и такая типичная итальянская картинка: белье, вывешенное у всех на виду на балконах и в узких улочках, через всю ширину которых протянуты веревки. Невольно напрашивался вопрос: «А как итальянцы отличают свое белье от чужого?» Но выходит, отличают. У нас бы, я думал, запутались, нужен опыт.

В Генуе за недостатком времени многое из того, что обычно осматривают туристы, увидеть не удалось.

Запомнилось, однако, посещение известного своими памятниками кладбища. Мы были там с К. А. Уманским, который возвращался в США. Гид водил нас от одного памятника к другому, энергично, с жаром рассказывая разные истории, которыми овеян чуть ли не каждый камень на этом кладбище. И чем больше слов он произносил, чем дольше мы его слушали, тем рассказы эти становились красивее, если вообще на кладбище можно говорить о красоте.

Своеобразным центром кладбища-музея была скульптура старой итальянки. Каждый, кто впервые приходил на кладбище, считал необходимым подойти к этой «старушке». От гида мы узнали, что с молодого возраста простая набожная генуэзка копила из своих скудных доходов средства на памятник, который должны были соорудить на ее могиле. А сама продавала

маленькие булочки — «бриоши». Когда же старушка умерла, то денег, которые она завещала на создание надгробия, оказалось ровно столько, сколько нужно для этой цели. В результате и появился монумент — скромный по размерам, но впечатляющий. Религиозная сторона этой истории давно уже отступила на задний план. Зато скульптура на протяжении длительного времени притягивала к себе внимание туристов всех возрастов.

Погрузились в Генуе на итальянский лайнер «Рекс».[4] Пароход отправился в путь. С борта лайнера мы увидели остров Капри, где немало времени провел Максим Горький. Вскоре прибыли в Неаполь.

Раньше мне казалось, что в этом городе все поют. Но ни одной песни нам так и не довелось услышать. Как нарочно, неаполитанцы не пели.

Находясь в окрестностях Неаполя, мы поехали к Везувию. Нас было трое — К. А. Уманский, мой семилетний сын Анатолий и я. Как только гид произнес название этой горы, я сразу же вспомнил «Везувий» моего детства — спичечную фабрику в Гомеле, которая поражала тогда воображение. Почему ее владельцы назвали «Везувием», до сих пор для меня остается загадкой. Быть может, потому, что хотели показать: их товар вспыхивает, как итальянский вулкан.

И вот теперь я находился у подножия настоящего Везувия. Мы посетили раскопки погребенных под пеплом после извержения вулкана древних Помпей.

Так вот они какие — Помпеи! С огромным интересом слушали увлекательный рассказ гида о том, как жили и как погибли обитатели античного города трагической судьбы.

Гид столь подробно и сочно описывал быт и нравы его древних жителей, что те, наверно, вряд ли столько знали о себе сами. Ходили мы по улицам и переулкам Помпей с каким-то волнующим чувством. Поскольку они были лишь частично расчищены от всякого рода обломков, камней, щебня, то археологи местами проложили среди развалин специальные проходы, воссоздав довольно четко схему погибшего города. Работы по его раскопке и расчистке ведутся непрерывно фактически вот уже более двух веков. И никто не знает, как долго еще будут продолжаться. Историки внимательно изучают Помпеи, чтобы больше узнать о том, какими были древние римляне, каков был их быт.

Но даже несмотря на то, что кое-где на местах раскопок беспорядочно громоздятся развалины, общая их картина воспринимается как-то по-особому. Проходишь мимо руин виллы какого-нибудь патриция или домика, где обитали плебеи, и не

можешь освободиться от мысли: «А ведь здесь жили не кто-либо, а римляне, с которыми связана яркая полоса не только европейской, но и всемирной истории». Трудно представить, хотя это так, что почти все население города погибло волею беспощадных и слепых сил природы.

Подходя к одному месту, гид несколько приглушенно, напуская на себя уже закрепленную опытом таинственность, сказал:

— А вот сейчас вы увидите нечто трогательное.

Он медленно подвел нас к каким-то развалинам, явно в расчете на то, что его услуга в данном случае будет оценена по-особому.

Мы приблизились к двум окаменелым скелетам людей. В это время гид произнес только одну фразу:

— Об остальном вы догадывайтесь сами.

Некоторое время помолчал, любуясь произведенным эффектом, а затем добавил:

— Через века они, погребенные под пеплом и лавой, как бы подают своеобразный пример всем последующим поколениям: любовь сильнее смерти.

Сказано было небанально и в общем ясно.

На окраине города сохранились остатки форума. Мы его посетили. Пепел и лава, поглотившие амфитеатр во время катастрофы, все же кое в чем его и сберегли: и сегодня вполне можно представить себе общий вид этого памятника античности. Когда смотришь на него в наше время, то думаешь, что, наверно, немало рабов-гладиаторов встретили свой смертный час на этой древней арене. Словом, перед каждым, кто побывал на раскопках Помпей, как бы открывается одна из трагических страниц многотомной истории человечества.

Мы обратили внимание на то, что не только на улицах Генуи и Неаполя, но и на дорогах страны попадалось множество военных. Куда ни посмотри, везде встретишь человека в армейской форме.

Создавалось впечатление, что они непрерывно подносили руку к голове и отдавали друг другу честь, стремились даже в обычной обстановке на улице отбивать шаг, хотя всем известно, что итальянцу, как правило, больше свойственны раскованность и вольность в движениях. Я заметил Уманскому:

— Вам не кажется, что итальянские военные своим поведением уж очень хотят быть похожими на немцев?

— Да, пожалуй, это так, — ответил он.

Нам казалось, что если бы любой из тех военных групп, которых мы видели, дать команду немедленно затянуть

лирическую песню или знаменитую «Ave Maria», то солдаты и офицеры запели бы ее с удовольствием как обыкновенные гражданские лица, забыв о всякой армейской дисциплине и армейской форме, в которую их облачил режим Муссолини.

Однако те дни были уже фактически временем войны, а до нападения фашистской Германии на Советский Союз оставалось меньше двух лет.

…И снова — в путь, по волнам, покидая Неаполь. Запомнился один примечательный эпизод на борту лайнера. Он имел место в то время, когда мы пересекали Атлантический океан.

Капитан корабля пригласил К. А. Уманского и меня к себе в каюту. Приглашение это было сделано, видимо, из соображений этикета, состоялось оно 7 ноября — в день 22-й годовщины Великого Октября. Угощая нас отменным итальянским вином, капитан негромко провозгласил тост:

— За Октябрьскую революцию в России, за Ленина!

Мы, конечно, были тронуты таким проявлением внимания и горячо поддержали хозяина. А ведь было все это во времена господства фашизма в Италии.

Мы потом не раз вспоминали этот тост. Говорили, что если бы итальянский дуче про него узнал, то нашему капитану, скорее всего, не поздоровилось бы. Как видно, и в то суровое время были в Италии подлинные патриоты своей страны, презиравшие фашизм, фашистские порядки. Одним из них являлся капитан большого судна «Рекс» итальянского гражданского флота.

Через несколько дней, изведав в Атлантике первый раз в жизни сильный шторм, мы с Лидией Дмитриевной и детьми — семилетним Анатолием и двухлетней Эмилией — достигли американских берегов.

В современном Вавилоне

Мы оставили океанский великан лайнер и сразу же очутились в объятиях огромного города. Впрочем, «в объятиях» — это не то выражение, которое может передать наши ощущения того момента. Нас окружали непрерывный грохот и безостановочное движение. Казалось, что все и вся, что находилось в городе, грохотало и двигалось, за исключением самих небоскребов. А то, что способно было издавать звуки, шумело, гудело, кричало, скрипело, завывало.

Со всех сторон теснились каменные и металлические громады домов. Даже нормальные для Европы улицы здесь казались узкими. Смещались общепринятые пропорции между шириной улиц и высотой домов. Неудивительно, что наш сын Анатолий спросил с интересом:

— А что, в этом городе американцы живут всегда или только днем?

Пришлось ему объяснять:

— Да, всегда. Однако в нем живут не только американцы, здесь, на 61-й улице Нью-Йорка, находится советское генеральное консульство, на машинах которого мы сейчас едем. В этом городе, таким образом, живут и советские люди.

Не скажу, что мое первое впечатление от этого современного Вавилона намного отличалось от того представления, которое сложилось по литературе, в том числе после знакомства с произведениями американских авторов — Т. Драйзера, Д. Лондона, Э. Хемингуэя и других. Но все же, очутившись, как говорят, в чреве этого громадного чудовища, намного яснее и рельефнее отдаешь себе отчет в том, что человек с помощью техники может создавать то, что, по существу, его природе враждебно. А ведь, казалось бы, надо стремиться строить то, что ласкает взгляд, позволяет наслаждаться силой ума и мастерством рук.

Тяжелые, грустные картины, нарисованные К. Марксом и Ф. Энгельсом при описании жизни рабочих в английских городах, намного уступают тем, что предстают перед людьми, которые впервые прибывают в США из Старого Света. В городах, особенно в рабочих кварталах, остро ощущаешь, что здесь попирается само человеческое достоинство. Виноват в этом капитал со своим ненасытным стремлением к наживе. В последующие месяцы и годы, как и все находившиеся в Америке по долгу службы советские люди, я убедился, что Нью-Йорк — не исключение. Увиденное и услышанное в нем в той или иной мере характерно

для всех американских городов, особенно крупных.

В консульстве мы провели менее суток. Пользовались гостеприимством его сотрудников во главе с генеральным консулом СССР Виктором Александровичем Федюшиным. Затем отправились в Вашингтон, куда после пятичасового путешествия поездом в вагоне «Пульман» и прибыли.

Итак, столица США. В то время Вашингтон, если судить по городскому шуму и уличному движению, был в сравнении с Нью-Йорком гораздо более спокойным городом. Так, впрочем, дело обстоит и сегодня. В Вашингтоне нет крупной промышленности. Доминируют мелкие предприятия, всякого рода мастерские, представляющие собой симбиоз фабрики и магазина. Уже тогда цветное население составляло около половины жителей города.

Столица США была, да и сейчас остается, в основном городом чиновного люда. Чтобы из Вашингтона управлять огромным государством, правящему классу требуется механизм — многочисленный штат служащих разных ступеней действующей иерархии.

Важной частью этого механизма является его внешнеполитическая и дипломатическая служба. Именно с ней советскому посольству необходимо иметь дело прежде всего. У меня сразу же начались визиты, в первую очередь в государственный департамент.

Бросилось в глаза, что с организацией визитов для меня как нового дипломата, занимающего второе по положению место в посольстве, дело шло довольно гладко.

Тут я должен сделать оговорку, что к Уманскому со стороны официального аппарата Вашингтона проявлялось какое-то настороженное отношение. Вначале я считал, что кто-то в государственном департаменте его невзлюбил и решил «насолить» советскому послу. Не случайно американская пресса не переставала распространять разные выдумки, носившие персональный характер. Короче говоря, общего языка между послом и представителями администрации из числа тех, кто занимался внешнеполитическими делами, так и не было найдено. Все это приходилось учитывать и мне, как новому человеку, очутившемуся на поверхности бурного океана политической жизни. К тому же все происходило в то время, когда опасность фашистской агрессии против Советского Союза стала приобретать все более рельефные очертания.

Президента Франклина Рузвельта впервые я увидел в Вашингтоне на открытии национальной художественной галереи. Несмотря на физический недуг, он выступал с речью стоя, опираясь на соответствующие приспособления, аккуратно

скрытые за трибуной.

Смотрел я на него и думал о его мужестве и воле. Постоянно борющийся с тяжелейшим заболеванием человек, он выглядел на трибуне спокойным, уверенным.

Нет, не мог я тогда предполагать, что судьба подарит мне несколько лет частых встреч с ним. Все это будет в период суровой войны с германским фашизмом.

Десять дней по дорогам Америки

Любой иностранец, оказавшийся в чужой стране по долгу службы или в связи с иными обстоятельствами, всегда стремится познакомиться с местными достопримечательностями и помимо столицы побывать в других городах, посетить различные районы. И это естественно. Ведь столицы всех стран мира в каком-то смысле похожи. Они — центры, где сосредоточены главные органы государственной власти.

Знакомство со страной пребывания, ее изучение — важное направление в работе дипломата. Он обязан возможно полнее информировать свое правительство о политике и других сторонах жизни данной страны.

Уже вскоре после прибытия в США я воспользовался первой же возможностью, чтобы посетить некоторые промышленные города этой страны. Была тому и другая причина — ознакомиться с условиями работы советских специалистов, стажировавшихся на некоторых американских заводах. Поездка состоялась в середине 1940 года.

Вместе с одним из сотрудников посольства, Владимиром Ивановичем Базыкиным, мы посетили Чикаго, Детройт, Кливленд, Буффало, Цинциннати, Милуоки, Вустер, Камден. В каждом из этих городов мы побывали по крайней мере на одном заводе. Там, где находились советские специалисты, беседовали с ними.

Чувствовалось, что и они были рады такому случаю. Находившиеся в отрыве от Родины советские люди жадно слушали информацию о нашей стране, ее внешней политике, о советско-американских отношениях, которые тогда были натянутыми. Правящие круги США по-своему, в антисоветском духе, трактовали итоги только что закончившейся советско-финской войны. Недружелюбно встретили они и воссоединение с СССР Прибалтийских республик.

Поездка дала солидный фактический материал об американской глубинке. Из газет и журналов не все можно вычитать. А получать нужную информацию от государственных служащих, официальных деятелей, с которыми обычно общаешься в Вашингтоне, не всегда легко. В дальнейшем, правда, положение в этом отношении несколько изменилось.

Хотелось бы обратить внимание на некоторые факты в связи с этой поездкой.

Крупный завод Форда в Детройте по производству автомобилей. Встречаемся с руководством завода, спрашиваем:

— Можно посетить и осмотреть ваше предприятие?

— Пожалуйста, — говорят.

С готовностью показали нам ряд цехов. Объяснения с точки зрения технической давались квалифицированно, толково. Задержались мы у конвейера, с которого сходили двигатели для автомобилей, наблюдали, как после десятков операций из отдельных деталей рождался мотор.

Мы увидели рабочих, выполнявших поистине каторжный труд. Вручную они поднимали огромной тяжести узлы и детали моторов, переворачивали их, что-то доделывали, подвинчивали. Нетрудно было заметить, что рабочие, в основном негры, явно отбирались для такой работы — все они обладали большой физической силой. Когда мы проходили рядом с ними, было видно, что даже их привыкшие к такому труду мускулы испытывали огромное напряжение. С их лиц градом катил пот. Конвейер делал свое дело.

То, что мы видели, было живой иллюстрацией к учению Маркса, описавшего процесс капиталистического производства в бессмертном «Капитале». Сегодня методы эксплуатации стали тоньше, но суть ее сохранилась прежней. Конвейеры военно-промышленного комплекса, оснащенные новейшей техникой, дают возможность использовать еще более изощренные формы этой эксплуатации.

Мы — гости съезда демократической партии

Во время той же поездки нам довелось побывать на съезде демократической партии, который проходил в Чикаго и на котором партия должна была выдвинуть Ф. Рузвельта кандидатом в президенты на третий срок. Приглашение присутствовать на съезде в качестве гостей было получено нами еще в Вашингтоне.

Съезды демократической и республиканской партий являют собой довольно необычную и в известном смысле уникальную картину.

В зале несколько тысяч человек. Бесчисленное количество плакатов и лозунгов. А так как они прикреплены к металлическим или деревянным рукояткам и почти каждый из присутствующих держит их в руках, то считается само собой разумеющимся и даже необходимым размахивать этими плакатами и лозунгами, притом еще и кричать. Предполагается, что весь этот крик — в пользу демократов. Но что касается самого содержания криков, сливающихся временами в сплошной гул, будто где-то рядом начинается землетрясение, то никто ничего не может понять. Председатель съезда сенатор Албен Бэркли непрерывно стучит молотком, пытаясь выполнить свой долг — добиться более спокойной обстановки. Но тщетно. Если бы не громкоговорители, то ни стука председательского молотка, ни голоса самого Бэркли вообще не было бы слышно. Вот на трибуну выходит сенатор от штата Алабама. Он — человек пожилой, полностью растерявший волосы с головы, — простирает руки кверху. Стоит минуту, другую, затем начинает говорить. Нарочито прочувствованно. Ничего понять, естественно, нельзя. Говорит, судя по жестам, все более энергично. Затем останавливается, вновь поднимает руки и туда же вверх устремляет свои очи. Стоит и вроде ожидает, а вдруг публика смилостивится. Но признаков милости нет. Его по-прежнему никто не слушает, все остается без изменений.

Наклоняюсь и спрашиваю какого-то сидящего рядом с нами делегата (мы были в президиуме). Стараюсь говорить громче, чтобы и мой голос не утонул в крике всех тех, кто продолжает неистовствовать:

— Почему сенатор на трибуне так странно себя ведет? Какой толк он видит в этих карикатурных приемах?

В ответ слышу:

— Да это известно. Сенатор изучал ораторское искусство

Древней Греции. Потому и применяет такие необычные приемы. Древние говорили по-другому. Не так, как мы.

И мой собеседник засмеялся.

Но, странное дело, публика в зале не очень-то удивилась этим «изящным» приемам оратора.

Подумалось, если бы этот человек с воздетыми к потолку руками вышел на трибуну партийного съезда в какой-нибудь европейской стране, то, наверно, те, кто следит за порядком, позвали бы на помощь врача, чтобы удостовериться, нормальный ли он. А тут подобные выходки на трибуне считались в порядке вещей, почти обычным, заурядным явлением.

За шумом все же нетрудно было заметить, что упоминание имени Рузвельта вызывало у делегатов взрывы одобрения. Зал явно хотел показать, что его выдвижение на третий срок обеспечено.

Мы высидели на заседании от начала и до конца. А потом вышли из помещения и стали оживленно обмениваться впечатлениями. Каждый из нас вспоминал какую-нибудь забавную сцену из только что увиденного грандиозного представления. Потом Базыкин сказал:

— Для того чтобы участвовать в таком предвыборном зрелище или даже присутствовать на нем, нужны крепкие нервы.

Мы все с этим согласились. А я добавил:

— Но главное, по-моему, мы увидели на съезде, что успех Рузвельта на предстоящих выборах предрешен.

Этого желало большинство народа США.

Посольство продолжало следить за пульсом политической жизни США, особенно в связи с приближением президентских выборов 1940 года. Как и ожидалось, Рузвельт одержал на них внушительную победу и сохранил за собой пост президента.

Итак, началась моя работа в советском посольстве. Когда я приехал в Вашингтон, мне было тридцать.

В то время в Бостоне студент Джон Кеннеди изучал в Гарвардском университете юриспруденцию и механизм деятельности буржуазного государства. Ему было двадцать два.

А на другом конце Америки в Голливуде восходила звезда киноактера Рональда Рейгана. И он только что снялся в фильме «Адская кухня».

Никто из троих тогда, конечно, не думал, что через много лет нам придется повстречаться в ином качестве…

Глава III
НА ПОСТУ ПОСЛА В СУРОВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

США на распутье. Война — протокол побоку. Рузвельт — человек и президент. Ему нужны были умные люди. В первый период войны. Политическое кредо Уоллеса. Обед в бунгало. Патриарх дипломатической службы. Непростой букет деятелей. Так мыслил Рокфеллер. Беседы с Ланкастером. Трогательные встречи на американской земле. Элеонора Рузвельт и сыновья. Звезды американской культуры. Могучий голос Поля Робсона. Обаятельная улыбка Чарли Чаплина. Орсон Уэллс, перепугавший Америку. О пирамидах, клинописи и выдающемся профессоре. Разящие слова Эдварда Робинсона. Общечеловеческие ценности дороги всем. Поляризация в эмиграции. Гордость русской музыкальной культуры. «От кретина к гению». Экс-академик и генерал-патриот. Керенский и Сорокин. Дан прозрел, но поздно. Беседа с Бенешем в «Блэйр-хаузе». Ян Масарик в тисках прошлого. Волнующий и непонятный мир. Трудная трасса Москва — Вашингтон.

Вашингтон, 16-я стрит…

Обычно, когда читатель встречает в советской книге какой-нибудь американский адрес, это связано с некой загадкой или определенным детективным сюжетом. Однако в приведенном адресе нет абсолютно ничего загадочного. Данные слова — это просто адрес советского посольства в столице Соединенных Штатов Америки.

Здесь в напряженные годы войны находился эпицентр деятельности посла и всего коллектива советских работников. Другими словами, это адрес маленькой или, быть может, даже миниатюрной по сравнению со всем государством части нашего великого и могучего Союза Советских Социалистических Республик.

По всем канонам международного права на территорию посольства и на его работников распространяется суверенитет государства, которое они представляют. Это уже само по себе вдохновляло и вдохновляет советских людей, вселяет в них гордость, что именно им доверено отстаивать интересы далекой по расстоянию, но бесконечно близкой по чувствам родной страны. Во имя ее они находятся за рубежом, отдают все свои силы, знания и умение для ее блага.

В официальных кругах Вашингтона, которые несли ответственность за внешнюю политику США накануне и во время второй мировой войны, в послевоенный период и несут ее в наши дни, никогда не давалось точного и исчерпывающего ответа на вопрос о том, что предприняла их страна, чтобы не дать вспыхнуть пожару этой войны.

Многие историки и политики, как ушедшие из жизни, так и те, кто и сегодня анализирует международные события того времени, по-разному отвечают на указанный — несомненно, законный — вопрос.

США на распутье

В речах и мемуарах западных политиков, в буржуазной исторической науке всячески подчеркивалось и теперь подчеркивается, что США якобы выполнили свой долг тем, что осуждали накануне второй мировой войны экспансионистские устремления германского фашизма и его союзников. Но и до сих пор не сделано серьезных попыток ни со стороны политиков, бывших и настоящих, ни со стороны буржуазных историков в странах Запада осмыслить, какой оборот приняло бы развитие обстановки, если бы США выступили совместно с государствами, стоявшими на позициях мира, прежде всего с Советским Союзом, и заявили о своей решимости участвовать в создании могучей объединенной силы, противостоящей агрессорам.

Этого западные политики и историки не делали и не делают сознательно, потому что в предвоенные годы Соединенными Штатами Америки не планировались и не предпринимались шаги по оказанию отпора странам, вставшим на путь агрессии. Осуждение действий этих стран выражалось главным образом в эпизодических и весьма вялых по сути и форме выступлениях государственных деятелей с трибуны конгресса или на страницах печати США. Это, конечно, вряд ли можно истолковать иначе, как показатель отсутствия у тогдашнего Вашингтона желания занять активную позицию, чтобы воспрепятствовать реализации агрессивных планов Гитлера и его сообщников.

Между тем фашистская Германия лихорадочно и фактически открыто вела подготовку к войне. Такая подготовка включала в себя не только военно-стратегические, но и в значительной мере экономические мероприятия. И США, если бы того пожелали, могли бы, учитывая их экономический и промышленный потенциал, многое сделать, чтобы заставить задуматься руководителей гитлеровского рейха над тем, что их ожидает в случае развязывания второй мировой войны.

Америка долго находилась как бы на распутье. Выжидала и колебалась. Ее правящие круги, казалось, все еще не вполне отдавали себе отчет в том, какие истинные цели преследуют фашистские захватчики, какие беды они несут Европе и миру в целом. По существу, курс этих кругов в международных делах накануне войны мало чем отличался от политики руководящих кругов Англии и Франции, которые были вовсе не против того, чтобы фашистская Германия канализировала свою агрессию на Восток, чтобы она обрушилась на Советский Союз.

Перелом в настроениях Вашингтона обозначился лишь тогда,

когда обжигающее дыхание войны стало доходить и до США. После нападения Германии на СССР перед каждым американцем встал во всем своем суровом виде вопрос: «Какая страна будет очередным объектом гитлеровской агрессии?»

И все же, как это ни странно, даже коварный удар союзника Германии — милитаристской Японии по американской военно-морской базе Пёрл-Харбор (декабрь 1941 года), обернувшийся для США крупной военной катастрофой, открыл глаза далеко не всем американцам на то, сколь грозную опасность создали для мирной жизни и свободы народов германский фашизм и его восточный сообщник.

Более того, находились в США и такие политики, которые хотели бы видеть, как Советский Союз и Германия друг друга обескровливают и соответственно, по мнению этих политиков, увеличивают шансы на то, что последнее слово при подведении итогов войны останется за Соединенными Штатами.

Разве можно обо всем этом забыть? Конечно нет. Советский Союз, наш народ по достоинству оценивают тот вклад, который США внесли в победу над гитлеровской Германией и милитаристской Японией. Не раз об этом заявляли советские руководители. Но США не сделали того, что они могли и должны были сделать для предотвращения мировой войны.

Все это, понятно, привносило в предвоенный период огромную сложность в отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами, в том числе создавало трудности и для советской дипломатии, о чем могу судить по личному опыту. Инерция прошлого в мышлении кругов, определявших внешнюю политику США, сказывалась во многих случаях и в ходе войны.

Война — протокол побоку

Летом 1941 года Вашингтон жил своей размеренной, спокойной жизнью: конгресс был распущен на каникулы, сонными казались министерства и ведомства, чиновники дружно отправлялись из города на «уик-энд» — проводить в приятном семейном кругу субботу и воскресенье. До нападения японцев на Пёрл-Харбор, а значит, и до вступления США во вторую мировую войну оставалось еще полгода. Но в советском посольстве, куда поступала доверительная информация из Москвы и частично от американской администрации, напряженность уже ощущалась. Обилие информации требовало ее внимательного анализа: мы стали выходить на работу и в субботу, и в воскресенье.

В Москве было четыре часа утра, в Вашингтоне — еще восемь часов вечера вчерашнего дня. Поэтому, когда гитлеровская люфтваффе бомбила Минск, Киев, Каунас и другие советские города, когда в Брестской крепости уже рвались снаряды, в Вашингтоне был еще вечер 21 июня.

В поздний час того же дня американские радиостанции со ссылками на европейские источники сообщили:

— Германские войска перешли границу Советского Союза…

Ранним утром 22 июня мы в Вашингтоне слушали по радио из Москвы сообщение о том, что Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, напала на Советский Союз.

Началась война…

Героически защищая свою независимость и свободу, свои социалистические завоевания, советский народ, наши доблестные вооруженные силы вступили в смертельную схватку с германским фашизмом, с его мощной военной машиной.

В ряде европейских стран, оккупированных гитлеровскими войсками, развернулось движение Сопротивления, сыгравшее большую роль в антифашистской борьбе.

Не могу не сказать о тех чувствах, которые испытывали советские люди, находившиеся в США в период войны. Она застала тогда в Америке многих наших граждан. Часть из них вернулась на Родину.

Правда, возвращение это было часто связано не только с дорожными трудностями, но и с риском для жизни. Бывало, направлявшиеся на Родину по морю семьи полностью погибали, когда торпедированные или разбомбленные фашистами транспорты тонули и в Тихом океане, и в Атлантике, и в северных водах на пути из Великобритании в Мурманск.

И тем не менее каждый советский человек, на каком бы посту

он ни находился и какую бы работу ни выполнял, получая извещение о том, что ему необходимо выезжать на Родину, с большим душевным подъемом стремился поскорее уехать. Каждому казалось, что там, на Родине, он нужнее и сможет внести более весомый и конкретный вклад в победу.

В США оставались лишь те, кому было доверено выполнять важные поручения Родины в военное время. Среди них были работники посольства, консульств, государственной закупочной комиссии, находившейся в Вашингтоне, «Амторга» — находившейся в Нью-Йорке корпорации, которая юридически считалась американской, но по существу занималась вопросами советско-американской торговли.

Можно определенно сказать, что советские учреждения в США продолжали четко вести свои дела. Каждый сотрудник старался наилучшим образом выполнить данное ему задание. Все исходили из того, что Родина ждет от них только хорошей работы.

Конечно, люди получали и сообщения о гибели родных и близких. Зато позже общей радостью становились сообщения об успехах нашей армии на фронте.

С первых дней Великой Отечественной войны основополагающей задачей внешней политики СССР стало всемерное содействие обеспечению наиболее благоприятных международных условий для организации отпора врагу, а в дальнейшем — для полного разгрома фашистских агрессоров и освобождения из-под их ига народов Европы. Советский Союз и его дипломатия добивались упрочения антигитлеровской коалиции, открытия второго фронта, хотя путь к этому был еще долгим и трудным.

Вообще тот первый период войны, предшествовавший разгрому немецко-фашистских войск под Москвой, стал временем тревожного ожидания. Не только мы, но и американцы жили в напряжении — куда повернется ход событий на советско-германском фронте. Можно было уловить трезвую тенденцию в общественном мнении. Многие в США рассуждали так:

— Ваша страна — великая и могучая. Не раз за свою историю она, пройдя через тяжелые времена иностранного нашествия, в конечном счете выживала. То же произошло и не так давно — после иностранной интервенции врагов Октябрьской революции 1917 года.

Но тем не менее основная масса населения США находилась вначале в состоянии шока из-за быстрого продвижения гитлеровских войск на восток, в глубь Советского Союза. А когда захватчики очутились у западных окраин Москвы, то

пессимистические настроения среди американцев стали преобладающими.

Однако даже и в то тяжелое для нашей страны время находились в Америке люди, которые верили в решимость советского народа и в его ресурсы, считали, что он в состоянии выстоять, а затем и повернуть события на фронте в ином направлении.

Время осени и зимы 1941 года можно назвать суровым и жестоким. Вести из Москвы в Вашингтон поступали одна тревожнее другой. С 19 октября в столице ввели осадное положение. Одно время (в конце октября — начале ноября) казалось, что наступление захватчиков захлебнулось. Однако в середине ноября гитлеровцы его возобновили.

Но на этот раз продвинулся вермахт вперед совсем немного. Защитники города остановили врага, а 5 декабря начали контрнаступление.

Однако прежде чем до Вашингтона дошло сообщение об этом радостном для нас событии, поступило другое — и тоже огромного по своим последствиям значения. Америка выдохнула в едином порыве: «Пёрл-Харбор». Собственно, в переводе оно означало «жемчужная гавань». Но в один миг страна забыла о красоте названия: с того момента оно стало наименованием национальной трагедии.

7 декабря внезапно, без объявления войны, японские вооруженные силы напали на эту американскую военно-морскую базу на Гавайских островах и потопили значительную часть тихоокеанского флота США. Япония начала войну против США и Англии на Тихом океане. 11 декабря Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам. Америка вступила в войну, но ничего хорошего сообщения тех первых дней с театра военных действий американцу не приносили. Япония, использовав фактор внезапности, стала высаживать десанты на островах Тихого океана и занимать их. Америка посуровела и начала больше прислушиваться к гулу войны в Европе.

А через два дня в столице нашей Родины Совинформбюро сообщило о провале немецко-фашистского плана окружения и взятия Москвы и первых важных победах Красной Армии. Контрнаступление наших войск продолжалось до начала января.

В конце декабря 1941 года и начале января 1942 года в наше посольство не раз приходили американцы — группами и в одиночку, поздравляли с успехами наших войск под Москвой. Правда, в этих поздравлениях легко угадывались горечь от того, что происходит в Тихом океане, и в целом тревога в связи с войной в Европе.

Так Соединенные Штаты и Советский Союз волею истории оказались по одну линию фронта, плечом к плечу против общего врага.

У Рузвельта и его окружения своих забот хватало выше головы. Война требовала мобилизации всех сил нации на отпор врагу. Однако, узнав о победе под Москвой, президент и его кабинет стали смотреть на положение Советского Союза по-иному. Сам Рузвельт, его министры уже более трезво оценивали дальнейшие возможности Советского Союза в ходе войны.

Военные круги США также делали новые выводы относительно оборонительного потенциала нашей страны. Они поняли, что германская армия и ее командование вовсе не такие уж непобедимые, как представлялось до этого. Если Советский Союз сумел после страшной силы первого удара нанести вермахту ответный удар под Москвой, то это говорило о многом. Конечно, правительство США и американский генералитет понимали, что Советский Союз прилагает колоссальные усилия по формированию в своем глубоком тылу новых дивизий, организации производства вооружений, особенно тяжелых, что на особом счету у него танки и авиация.

У нас в те дни происходили частые встречи с американскими официальными представителями. В ходе их разрабатывалась и готовилась к подписанию Вашингтонская декларация. Каждый раз американские партнеры старались сделать нам своеобразный комплимент. Мы понимали, что за ним стояло и чем он вызван. Если коротко — то победа под Москвой.

Американцы говорили:

— В советском руководстве нет панического настроения. Нас это радует. Ваши лидеры — и мы это видим — не только полны внутренней решимости продолжать войну до победного конца, но делают все возможное для разгрома нацистских агрессоров. Ваша победа под Москвой произвела сильное впечатление на официальные круги в Вашингтоне, а также на наших военных.

Разумеется, все эти настроения находили отражение в средствах массовой информации. Появившиеся в первый период войны пессимистические прогнозы стали со страниц прессы исчезать под напором реалий, фактов.

Еще шли тяжелые наступательные бои под Москвой, а в Вашингтоне в первый день нового, 1942 года была подписана Декларация 26 государств. Она вошла в историю как Декларация Объединенных Наций. Так впервые появился термин, существующий и по сей день, прочно вошедший ныне в язык международного обихода, — Объединенные Нации.

По настойчивому предложению нашей страны во

вступительную часть декларации было внесено положение о том, что полная победа над врагом необходима для защиты жизни, свободы, независимости и для сохранения человеческих прав и справедливости во всех странах.

Правительства государств, подписавших эту декларацию, обязались:

— употребить все свои экономические и военные ресурсы для победы над врагом,

— сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира или перемирия с общими врагами.

Так начала оформляться широкая антигитлеровская коалиция.

В битве с фашизмом по исторической логике событий нашими союзниками вместе с Англией стали и США. Налаживание, а также развитие союзнических связей между СССР и США было в годы войны исключительно важным участком внешнеполитической деятельности Советской страны.

В напряженных условиях военного времени и через советское посольство в Вашингтоне осуществлялась систематическая связь, шел активный обмен посланиями между руководителями СССР и США. Это явление было новым. Ничего подобного не было ранее в отношениях между двумя странами. По документам, которыми обменивались столицы обеих стран и которые теперь опубликованы, можно отчетливо представить, насколько жизненно важными были вопросы, поднимавшиеся и согласовывавшиеся в этой переписке.

Как правило, при получении письма от Сталина в адрес Рузвельта в советское посольство в Вашингтоне на 16-й стрит к послу приезжал военный помощник президента генерал Эдвин Уотсон. Об этом было условлено с Рузвельтом. Все делалось срочно и архисрочно. Несрочных вопросов тогда почти не было. Получив от меня, тогда еще поверенного в делах, послание Сталина, генерал немедленно доставлял его президенту. На это уходило не более пятнадцати — двадцати минут, а иногда и меньше.

Однажды в беседе со мной Рузвельт в шутку заметил:

— Уотсон, наверное, не дает вам покоя своими частыми визитами?

Я ответил:

— Господин президент, мы рады этим визитам, и, кроме того, в Москве ведь проделывается то же самое, только в обратном порядке, при передаче ваших посланий Сталину.

На беседах с Рузвельтом всегда обсуждались вопросы, касавшиеся существа проблем того времени. И прежде всего

главный — как ускорить достижение победы над гитлеровской Германией.

Глубоко запали в мое сознание встречи с Рузвельтом. Твердо придерживаюсь и сейчас того мнения, что он являлся одним из самых выдающихся государственных деятелей США. Это был умный политик, человек широкого кругозора и незаурядных личных достоинств.

Вспоминаю, что при вручении верительных грамот президенту я подчеркнул:

— Как посол СССР в США, я буду работать на благо сотрудничества между нашими странами, укрепления союзнических отношений между ними.

Рузвельт в ответ заявил:

— Считаю развитие дружественных советско-американских отношений делом абсолютно необходимым и соответствующим интересам народов обеих стран.

Впрочем, обмена речами, обычными при вручении верительных грамот иностранными послами, тогда не было, и слова, которые приведены выше, были сказаны в беседе в ходе встречи. А при встрече президент сразу же со свойственной ему непосредственностью предложил:

— Дайте, пожалуйста, мне вашу речь, а вот вам моя. Завтра они будут напечатаны в газетах. А теперь лучше перейдем к разговору о возможностях организации совещания руководителей США, СССР и Англии.

Речь шла о предстоявшей Тегеранской конференции этих держав. Так мы и поступили.

Не скрою, на меня произвели сильное впечатление этот деловой стиль и непосредственность президента. Мне они понравились. Протокол побоку, идет война, так рассуждал Рузвельт. Он как будто прочел мои мысли. И мне подумалось тогда, что хозяин Белого дома — не аристократ, заботящийся больше всего о том, чтобы облечь свои мысли во внешне изящную форму и тем произвести на собеседника впечатление, а человек дела, с характером, которому может позавидовать любой генерал.

Рузвельт — человек и президент

В целом эта встреча с Рузвельтом, в ходе которой я действовал уже в качестве советского посла в США, оставила у меня хорошее впечатление. В отношениях со мной от имени США официально выступал человек, обладающий способностью вести разговор свободно, без видимой натянутости. Затронув какую-то тему, он не торопил собеседника немедленно реагировать на высказанную им мысль или предложение. Чувствовалось, что у него было желание пояснять свою точку зрения, даже если она могла показаться в общем-то ясной. Ему просто нравилось возвращаться к ней, преподнося ее каждый раз в ином словесном обрамлении и в новых ракурсах. Эти первоначальные наблюдения получали подтверждение и в моих последующих с ним беседах.

Не мог я не заметить и того, что президент старался прибегать к оригинальным выражениям, которые давались ему легко. Он любил шутку. В свою очередь Рузвельту нравилось, когда и его собеседник оживлял свои высказывания шуткой либо ироническими замечаниями, если они, конечно, не относились к самому президенту.

В то же время, беседуя с Рузвельтом, если внимательно к нему приглядеться — а я такую возможность имел на протяжении почти пятилетнего знакомства, — можно было уловить в его глазах, выражении лица налет грусти. Улыбка, иногда веселость в поведении президента казались скорее следствием каких-то внутренних усилий, призванных скрыть, а может быть, в какой-то мере и подавить тоску, таящуюся где-то в глубине души. Причиной тому служил тяжкий недуг.

Еще в 1921 году Рузвельта постигло несчастье. Он перенес болезнь, лишившую его ноги подвижности. Случилось это, когда Рузвельт отдыхал летом вместе с семьей на острове Кампобелло в штате Мэн. Однажды, вернувшись после купания в океане домой, он почувствовал недомогание и сильный озноб. Наутро у него поднялась температура. Отнялась левая, а через два дня и правая нога.

Вызванный из Нью-Йорка профессор констатировал, что у Рузвельта редкое среди взрослых инфекционное заболевание — полиомиелит (детский паралич), который получил тогда распространение в США. Через некоторое время врачи заявили, что они бессильны улучшить его состояние, и Рузвельт понял, что тяжелые последствия этого недуга он будет ощущать всю жизнь.

Однако Рузвельт и не помышлял сдаваться. Благодаря недюжинной воле он развил в своем характере качества, которые

позволяли ему, особенно во время публичных выступлений, выглядеть бодрым, волевым и даже здоровым человеком.

Рузвельту много приходилось публично выступать и перед различными аудиториями, и по телевидению — его первое обращение к зрителям с голубого экрана состоялось в 1938 году, еще до того, как в 1941 году в США начался регулярный выход в эфир телевизионных передач. Традиционными были также получасовые радиообращения президента к американцам из Овального кабинета Белого дома — так называемые «Беседы у камина», которые он проводил несколько раз в году. Рузвельт умел мобилизовать необходимый резерв своей воли и сил, для того чтобы выглядеть хорошо. И ему в этом сопутствовал успех.

Во время митингов, выступлений по радио и телевидению президент говорил медленно, произносил слова четко, мысли свои излагал ясно. К жестам прибегать не любил. Выражение его лица было одухотворенным и волевым. В целом все выступления Рузвельта создавали у американцев благоприятное впечатление, вызывали к нему симпатии. И не без оснований его еще при жизни назвали «величайшим трибуном из всех современных ораторов Америки». Это произошло на одной из конференций американской Национальной ассоциации преподавателей ораторского искусства.

В последующем я не знал ни одного президента Соединенных Штатов, который в этом отношении сравнился бы с Рузвельтом. Отмечу еще одну черту, которую я и сам замечал во время встреч с президентом и о которой мне не раз рассказывали американские деятели, часто общавшиеся с ним. Он не имел манеры употреблять резкие слова по адресу своих собеседников или даже прямых политических противников. Разумеется, это не относилось к деятелям тех стран, с которыми США находились в состоянии войны.

В случаях, когда возникала такая необходимость, Рузвельт давал простор скорее своей способности ответить оппоненту с юмором. И те, по чьему адресу президент проходился основательно, имели, как говорится, «тот вид». Юмористические стрелы, выпущенные Рузвельтом, ранили больно. Это качество отмечали даже его политические противники.

Следует сказать и о том, как вел себя Рузвельт, участвуя в переговорах, и прежде всего, конечно, на Тегеранской и Крымской конференциях руководителей трех союзных держав — СССР, США и Англии. Основываясь на собственных наблюдениях за президентом во время Крымской конференции, должен подчеркнуть, что он проявлял стойкую выдержку, стремился даже в самые напряженные моменты работы этой конференции

привносить в атмосферу переговоров нотки примирения и деловитости.

В этом смысле американский президент определенно в лучшую сторону отличался от английского премьер-министра Черчилля. Вообще они были людьми во многом разными и по характеру, и по темпераменту. Известно, что на конференциях в Тегеране и Ялте Черчилль не раз приходил в состояние раздражения при обсуждении тех или иных вопросов, хотя и старался оставаться перед собеседниками в рамках общепринятых норм. Таким он предстает и перед читателем в своих мемуарах.

По манере ведения дискуссии Рузвельт скорее приближался к Сталину. У последнего слова никогда не обгоняли мысль, чего нельзя сказать о Черчилле, который подчас не мог сладить с эмоциями, давал волю чувствам. В такие моменты президент США пытался разрядить обстановку, примирить спорящих, пуская в оборот соответствующие слова и фразы.

Понятно, речь тут не идет о какой-то чрезмерной уступчивости Рузвельта. Он также настойчиво отстаивал интересы США, добивался возможного, но делал это тоньше и тактичнее Черчилля.

Нелишне напомнить, что Рузвельт, как представитель класса буржуазии, выражал, конечно, ее интересы. Однако он принадлежал к тем кругам правящего класса Америки, которые более трезво подходили к оценке международной обстановки и к вопросам развития советско-американских отношений. Ведь это же не простая случайность, что именно при нем в 1933 году Советский Союз и Соединенные Штаты Америки установили дипломатические отношения.

То, что Рузвельт сумел в период войны немало сделать для укрепления доверия между Вашингтоном и Москвой, сознавал и ценил гигантский, по его определению, вклад СССР в битву с фашизмом, причем не боясь об этом сказать открыто, лишь подчеркивает его реализм как политического деятеля.

Говоря о встречах американского президента с представителями Советского Союза, следует иметь в виду, что характер и атмосфера этих встреч представляли собой явление особое. Несмотря на ограничительные рамки в отношениях СССР и США, связанные с коренным различием в их общественном строе, оставалось довольно широкое поле для достижения взаимопонимания между ними по проблемам, которые затрагивали общие интересы в борьбе против фашизма, в деле налаживания и развития сотрудничества этих великих держав.

Для тех вашингтонских деятелей, которые забывают это, вовсе не мешало бы обратиться к опыту, накопленному в

советско-американских связях, когда у руля политики в Вашингтоне стоял президент Франклин Делано Рузвельт.

О Рузвельте в США написано немало статей и даже книг. Главным образом после его смерти. Подавляющее большинство их посвящено его политической деятельности в период пребывания на посту президента. Это и понятно.

Авторы трудов, как и в целом общественное мнение США, могут быть разделены на две группы. Одна — это те, кто дает характеристику политической деятельности президента как выдающегося лидера, снискавшего глубокое уважение большинства американцев. К другой относятся его противники, которые во многом не разделяют взглядов президента и даже их критикуют. Разумеется, эти вторые тяготеют к республиканской партии.

В настоящее время, по истечении более сорока лет после смерти этого выдающегося американца, осталось не так уже много современников Рузвельта, которые хорошо знали его лично.

Поэтому появляющаяся сейчас литература на эту тему представляет собой в основном пересказ того, что было напечатано несколько лет, а то и десятилетий назад.

Оценки авторов разнятся примерно по прежней линии, но, пожалуй, лишь с тем отличием, что увеличивается число неточностей в приведении фактов, относящихся как к внутреннему курсу администрации, так и к ее внешней политике в рузвельтовский период.

Выше я изложил некоторые оценки политических проблем, которые интересовали и США, и Советский Союз. Разумеется, это сделано экономно, даже скупо, учитывая жанр настоящей книги — воспоминания. Такие оценки нужны, так как речь идет о крупнейших проблемах войны и мира. Ведь Сталиным и Рузвельтом обсуждались вопросы структуры будущего мира. Как он должен выглядеть? Речь шла о том, чтобы, помня о тех десятках миллионов людей, которые сложили головы в борьбе против фашизма, создать эффективную международную организацию, способную обеспечить мир.

Но сейчас в литературе почти не появляются объективные материалы, воссоздающие образ президента Рузвельта как человека. Фотографий и кинокадров для этого недостаточно. Поэтому я позволю себе добавить некоторые штрихи к его портрету, не претендуя на полноту.

Наверно, будет правильным следующее замечание. Политикам, от которых во многом зависит решение крупнейших проблем, затрагивающих так или иначе жизнь миллионов людей,

очень трудно играть роль «раздвоенной личности». Не может человек, занимающий позицию, враждебную миру, выглядеть носителем великих идеалов мира и дружбы, человеческой доброты в каждодневном общении с людьми, в том числе с крупными деятелями других государств. Не может без риска обнаружить свое подлинное лицо.

История дает тому немало примеров. Один из них — бесноватый фюрер. Только слепые могли не видеть агрессивную философию нациста еще задолго до того, как германский президент Гинденбург принял присягу у нового канцлера.

А каким был Франклин Рузвельт? Открытый взгляд. Приветливость и уважительность в общении. Всегда он находил доброе слово по адресу собеседника и его страны. Если разговор происходил в его кабинете, то он вел себя непринужденно, мог обратить внимание на портреты на стенах, правда их было немного.

Конечно, с начала и до конца беседы из-за своего недуга он сидел. Но в то же время умел вести себя так, что окружающие даже забывали о его физической скованности. Сидя за столом, он был подвижен, поворачивался, иногда что-то чертил или брал нужную бумагу.

Разумеется, беседу разнообразило и то, что он вызывал помощников, наводил у них справки или давал им поручения. В свое время я встречал людей, которые утверждали, что по лицу Рузвельта можно было догадаться, как он настроен по тому или иному обсуждаемому вопросу. Полностью с этим согласен.

Наблюдал я, с каким уважением он отзывался о Сталине. Произносил он слово «Сталин» с ударением на «и». Я его не поправлял, так как знал, что когда это пытались делать другие, то он на подобные замечания просто не обращал внимания.

Не берусь судить, испытывал ли Рузвельт физическую боль во время заседаний, конференций или двусторонних бесед с ним в Белом доме. Скорее всего, испытывал, несмотря на лекарства. Но внешне это трудно было заметить. Видимо, помогало большое самообладание и, конечно, незаурядная сила воли.

Но все же не ускользала от взгляда какая-то его усталость, а точнее, отрешенность. Впрочем, это можно было наблюдать лишь в последний период жизни Рузвельта.

Во время бесед перед Крымской конференцией я обратил внимание на то, что Рузвельт, произнося имя Черчилля, слегка улыбался. Объяснялось это, скорее всего, тем, что в активной переписке, которая велась между тремя лидерами, Черчилль подбрасывал Рузвельту разного рода идеи по польскому вопросу, по вопросу о германских репарациях. Рузвельт, конечно, знал

точку зрения Сталина на проблему репараций с Германии. Она была иной, отличной от мнения Черчилля.

Не раз я слышал, как и американские деятели, и представители других стран пытались сопоставлять историческую роль Рузвельта со значением для США его предшественников, причем обычно начинали экскурсы с Джорджа Вашингтона. Однако, на мой взгляд, такие сопоставления или сравнения не оправданны.

К примеру, президент Вашингтон возглавил борьбу Штатов за независимость. Он стал первым главой государства после того, как были сброшены английские колониальные оковы.

Все это верно. Но как можно сравнивать эти события с участием США во второй мировой войне, когда эта страна вступила в союз с СССР — социалистическим государством? А как можно сравнивать Авраама Линкольна с тем же Рузвельтом, да и с любым другим президентом США более поздних времен? При таком сопоставлении невозможно найти соответствующие эквиваленты, которые позволяли бы сравнивать заслуги или минусы в деятельности такого рода исторических фигур. Только определенная эпоха и дает возможность оценить место каждой из них при учете специфических черт данного конкретного времени.

Нельзя сравнивать несравнимое. Как нельзя на одну чашу весов положить, скажем, время, а на другую — пространство и взвешивать — что важнее.

Если бы не было Рузвельта в канун войны, когда СССР нормализовал отношения с США, если бы его не было и в тяжелые годы войны, то положение оказалось бы совсем иное. Это относится и к подведению итогов самой тяжелой и кровопролитной в истории войны, поскольку основы послевоенного устройства закладывались еще на конференциях в Тегеране и Ялте с участием президента Рузвельта.

Ему нужны были умные люди

У президента США был узкий круг деятелей, с которыми он систематически советовался по вопросам как внутренней жизни страны, так и внешней политики. Представление, которое бытовало и в годы его президентства, и после его кончины, будто он почти все решал сам и не испытывал нужды в углубленном обсуждении проблем с другими, по крайней мере наиболее близкими, людьми, является примитивным. Верно то, что Рузвельт не колебался в принятии решений, в обоснованности которых у него не было сомнений. Но прежде чем прийти к убежденности в этом, он заставлял и других высказывать свои суждения, что особенно относилось к тем деятелям или его друзьям, которым он верил и на чью компетентность полагался. Президент любил людей компетентных.

Однажды в беседе со мной он сказал:

— Голова идет кругом, столько проблем. И нужны умные люди, чтобы решать их правильно.

Рузвельт не был исключением из правила, освященного опытом многих веков. Президент действовал в этом плане так же, как поступали и другие крупные деятели в древние или более поздние периоды истории.

Связи, которые поддерживал Рузвельт с теми или иными лицами, были уже в силу его положения и некоторых присущих ему особенностей характера в общем-то на виду. Он и не пытался их скрывать. Например, нередко Рузвельт на протяжении своего президентства рекомендовал советским послам, в том числе и мне:

— Побеседуйте по этому щекотливому вопросу с Гарри Гопкинсом. Он, возможно, не все вопросы может решить, но докладывать их мне будет точно.

С этими советами президента советские послы, разумеется, считались. Бывали иногда и осечки, хотя скорее в результате недоразумений. Например, посол Уманский в одной из бесед с Гопкинсом на завтраке в нашем посольстве прибег при изложении советской позиции по важному вопросу к такой тональности разговора, которая собеседнику показалась слишком строгой. Американец вспылил. Разговор уже трудно было поправить, он был свернут. Уманский сообщил об этом инциденте в Москву самокритично. Поскольку дело касалось формы изложения позиции, а не ее содержания, каких-то серьезных последствий данный случай не имел, хотя, как говорят, след все же оставил.

Гопкинса считали человеком умным, но в то же время и

сложным. Не занимая крупных постов в администрации, если не считать короткого периода (1938–1940 гг.) пребывания на посту министра торговли, он был у Рузвельта на подхвате. Его политические взгляды совпадали со взглядами самого Рузвельта по всем основным вопросам войны и мира. Это — главный секрет того веса, который имел Гопкинс в Вашингтоне и администрации.

Гарри Гопкинс являл собой необычный феномен на политическом небосводе США. Он пришел в Белый дом в сорок три года и в течение последующих двенадцати лет неизменно находился при Рузвельте. В тот период никто из государственных деятелей не был так близок к президенту, как Гопкинс.

Все знали, что он — отец четверых детей и жил в общем-то по американским меркам довольно скромно. Его ежегодный доход в течение пребывания в Белом доме был ниже того, который он получал до 1937 года.

Неофициально его называли «заместителем президента», «начальником штаба Белого дома», «главным советником по вопросам национальной безопасности». Он был и тем, и другим, и третьим. Но что больше всего поражало американцев, так это отсутствие у Гопкинса желания наживаться на своей близости к высшей власти, извлекать из своего положения личную выгоду.

Зная его влияние, премьер-министры и президенты зарубежных стран, приезжавшие в Америку, стремились с ним увидеться. Магнаты американского бизнеса поражались его хладнокровию в периоды самых сложных кризисных ситуаций, умению ясно и четко мыслить, излагать свои воззрения.

Гопкинс являлся не только глазами и ушами президента, но, фигурально выражаясь, и его ногами. В решающие для американской истории моменты Рузвельт направлял с самыми важными миссиями за рубеж именно его, Гопкинса.

В январе 1941 года, когда в Европе уже бушевал пожар второй мировой войны, Гопкинс прилетел в Лондон к Черчиллю. В июне 1941 года нацистская Германия напала на Советский Союз, а уже в июле того же года Гопкинс беседовал в Москве со Сталиным. Доверие к этому человеку Рузвельт испытывал настолько большое, что никогда не давал своему эмиссару никаких инструкций в письменном виде.

В последние годы жизни Гопкинс был тяжело болен. Когда самолет приземлился в Лондоне, то он не смог самостоятельно расстегнуть привязные ремни, настолько ослаб. Врачи так и не смогли определить, чем он болел. Пища, которую он употреблял, ему впрок не шла, жил он в основном на уколах и переливаниях крови.

После смерти Рузвельта Гопкинс сразу же подал в отставку.

Единственным его желанием было написать книгу о президенте, с которым он в течение многих лет работал бок о бок. Но сделать это не успел: он скончался через девять месяцев после смерти Рузвельта.

У меня состоялось немало доверительных бесед с Гопкинсом, в частности в нашем посольстве, куда он приходил иногда со своей супругой. Нам с Лидией Дмитриевной всегда доставляло большое удовольствие провести с ними время. Гопкинс любил узкие по составу встречи. Из бесед с ним я не могу припомнить случая, чтобы сказанное Гопкинсом расходилось с мнением Рузвельта.

Мне особенно запомнилась одна из бесед с Гопкинсом в нашем посольстве. Его очень интересовала проблема будущего, и он по своей инициативе завел разговор:

— Как все-таки будут складываться отношения между США и Советским Союзом после окончания войны? То, что Германия будет поставлена на колени, яснее ясного. У президента Рузвельта в этом нет ни малейшего сомнения.

Этот разговор происходил задолго до Ялтинской конференции, но Красная Армия шла уже вперед, на запад, и многие американцы понимали, что остановить ее не сможет никто.

— Рузвельт, — заявил Гопкинс, — затрагивал этот вопрос не один раз, пытаясь заглянуть в будущее. И не случайно затрагивал. Об этом же его спрашивают представители разных кругов. Правда, больше политики, чем представители бизнеса.

Гопкинс считался весьма осведомленным человеком, поэтому его мнение всегда представляло интерес.

— У самого Рузвельта, — говорил Гопкинс, — пока еще нет устоявшихся взглядов на этот вопрос, так как для точного ответа надо учесть возможное влияние многих факторов. Главный из них, конечно, — это политика Советского Союза как великой страны.

Слова «великая держава» тогда еще не употреблялись, и Гопкинс пользовался старомодным лексиконом, с точки зрения современных политиков.

— Но из скупых высказываний президента, — продолжал он, — все же я улавливаю, что США должны сделать все возможное, чтобы и в будущем ладить с Советской Россией.

В ответ я сказал:

— Все послания Сталина, которые я доставлял президенту, в том числе и через вас, мистер Гопкинс, проникнуты уважением не только к президенту, но и к вашей стране. Если у обоих лидеров сходные взгляды, разве уже это не говорит о многом? Конечно,

Сталин не всегда получал благоприятные ответы на высказанные пожелания, даже настоятельные просьбы.

Тут я сослался на один факт, который на Гопкинса произвел впечатление, хотя он, казалось бы, должен был о нем знать.

— Через несколько дней после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, — рассказал я, — советское посольство в Вашингтоне получило за подписью Сталина телеграмму, в которой он просил правительство США поставить Советскому Союзу бронированные плиты для танков. У нас в них испытывалась острая нехватка. Однако положительного ответа на эту просьбу мы не получили. США не поставили тогда ничего. Конечно, и в Москве, и в посольстве осталось от этого лишь одно чувство горечи.

— Да, — сказал Гопкинс, — я знаю; не все, что делала администрация Рузвельта, удовлетворяло Москву. Но затем все же дело выправилось: мы поставляли и военные самолеты, и грузовые автомашины, и морские суда, и немало продовольствия.

Вступать с ним в спор и что-то доказывать не хотелось. И без всяких доказательств и у нас в стране, и в США знали, что в самый тяжелый период Великой Отечественной войны — в ее первый год — США не поставили почти ничего, как бы выжидая, выстоит ли Советский Союз или нет. И только когда выяснили, что он выстоял — один на один, — только тогда начали постепенно осуществлять кое-какие поставки.

— Как-то так повелось в Вашингтоне, — говорил Гопкинс, — что до войны президент больше времени уделял внутреннему положению в стране. В ходе войны, особенно после нападения Японии на Перл-Харбор и вступления США в войну против Германии, он все больше стал задумываться над будущей обстановкой в мире и над вопросом отношений между нашими странами после окончания войны.

Он много знал, этот приближенный к Рузвельту политический деятель. И не скрывая, а, наоборот, гордясь своей близостью к вышке власти, Гопкинс рассказывал о президенте всякие подробности. Например:

— Раньше Рузвельт, как боец, несмотря на свой физический недуг, громил республиканцев. Они часто подставляли ему свои бока, ибо в тактике политической борьбы не могли соревноваться с президентом. А в накале страстей он допускал и резкости. Например, однажды он назвал республиканцев «конокрадами». Отвечая на их резкую реакцию, Рузвельт заявил: «Я вовсе не утверждаю, что все республиканцы являются конокрадами, я лишь утверждаю, что все конокрады являются республиканцами».

Гопкинс, рассуждая о Рузвельте как специалисте в области

внутриполитической борьбы, перешел и к характеристике его взглядов в области внешней политики:

— С течением времени, дальше — больше, — заявил Гопкинс, — президента стали заботить и внешние дела. Он занимался ими намного активнее, чем ранее.

В свою очередь я вспомнил некоторые послания Сталина и при этом подчеркнул такую мысль:

— Скупые слова Сталина, обращенные к будущему наших отношений, не оставляют сомнений в том, что советское руководство стремится строить хорошие отношения с США, если и они этого хотят.

Гопкинс высказал свои мысли о будущем советско-американских отношений, не ссылаясь на прямое поручение Рузвельта. Зная Гопкинса, я испытывал уверенность, что его мысли — это мысли президента. В этом приходилось убеждаться всегда — и раньше, и позже.

Так состоялся один из последних наших разговоров с Гопкинсом.

Конечно, душой и телом он был предан капиталистическим порядкам, американской демократии. И в вопросах идеологических он оставался представителем своего класса. К тому же к разговорам о теории он вкуса не испытывал.

Однако этот внешне хилый человек вершил большие дела, как доверенное лицо Рузвельта и как патриот, на пользу развития советско-американских отношений в годы войны, а значит, и во имя великой Победы над фашизмом.

Политические взгляды Гопкинса во многом разделял Генри Моргентау, занимавший пост министра финансов. У меня сложились отличные отношения с этим деятелем рузвельтовского направления. Не раз я убеждался, что мысли, которые он высказывал в ходе наших бесед, тоже отражали мнение президента. Да и сам Моргентау этого не скрывал.

Особенно смело министр финансов рассуждал о послевоенном устройстве мира.

— Германия, — говорил он, — должна быть лишена возможности вновь встать после окончания войны на путь агрессии. Хватит тех преступлений, которые она совершила при Гитлере. И наши и ваши люди впредь не должны этого допускать.

Он не считал, что такой курс политики встретит сопротивление в США со стороны каких-либо влиятельных кругов.

— Военные, — утверждал он, — настроены довольно решительно. Американский бизнес — тем более. Ведь он не заинтересован в существовании сильного конкурента на

международном рынке.

Остается большой загадкой, почему министр делал такие категорические высказывания. Ведь в его обязанности входило знать, что на протяжении всей войны американские монополии своими капиталами помогали германской промышленности производить оружие для гитлеровской армии.

Многие факты, которые свидетельствовали об этом, выплеснулись на страницы печати сразу же после окончания военных действий и капитуляции Германии. Трудно допустить, чтобы до моего собеседника никаких сведений в этом плане не доходило в годы войны. Но с другой стороны, тайники политики США в военное время оказывались порой настолько труднодоступными, что многие, даже высокопоставленные деятели администрации, не представляли себе масштабов сотрудничества американского и германского капиталов в годы войны. Неудивительно поэтому, что расследование фактов такого сотрудничества, начатое было конгрессом после окончания войны, сразу же было свернуто. Вполне вероятно, что и Моргентау не представлял себе масштабов сотрудничества американских и германских монополий в военное время. По поводу будущего Германии Моргентау рассуждал так:

— Наиболее надежным путем предотвратить агрессию в Европе было бы расчленение Германии и даже переселение определенной части ее населения в иные районы мира, например в Северную Африку.

Правда, каждый раз он делал при этом оговорку:

— Сам президент еще не рассматривал этого плана по существу, хотя и знает, что такие идеи есть.

Моргентау стоял, пожалуй, на самых радикальных позициях в отношении решения судьбы Германии после окончания войны. Однако, во что конкретно предстояло вылиться такому решению, никто до Потсдама точно и авторитетно сказать не мог. Даже Рузвельт не спешил с определением окончательной позиции. Тем более что отнюдь не по всем вопросам, связанным с судьбой побежденного врага, у союзников вырисовывались одинаковые взгляды.

Весьма близким человеком к Рузвельту считался и Гарольд Икес — министр внутренних дел. Мои контакты с ним оставались все время также дружественными и полезными.

Гопкинс, Моргентау и Икес, являвшиеся авторитетными деятелями, решительно высказывались, как и Рузвельт, в том духе, что различия в социальном строе СССР и США не должны служить барьером, препятствующим сотрудничеству двух стран в борьбе против общего врага и потом, после победы над ним, в

строительстве мирной жизни и добрых отношений между союзниками.

Последующие события, особенно послевоенных лет, подтвердили, что взгляды, которые определяли направление такой политики Рузвельта и его администрации, отвечали интересам американского народа.

Совсем иная политическая стратегия появилась в годы «холодной войны», когда администрация США стала исповедовать культ грубой силы и гонки вооружений.

В первый период войны

Как-то осенью 1941 года состоялась у меня беседа с известным в политических кругах Вашингтона деятелем Гарри Декстером Уайтом. Министром финансов тогда был Генри Моргентау, а Уайт — его первым заместителем. Встретились мы в советском посольстве.

В самом начале беседы Уайт сказал:

— Все, что я скажу вам, представляет не только мнение Моргентау, но и президента Рузвельта.

Тем самым он дал понять, что имеет поручение от правительства, и добавил:

— Президент с министром не просто друзья, но и политические единомышленники. Их связывает прочная дружба.

Уайт говорил довольно откровенно.

— Рузвельту, — сказал он, — импонирует тот факт, что Моргентау ни разу не подводил президента тем, что допускал разглашение информации о его позиции по важным вопросам политики.

Тут я заметил:

— Заранее очень ценю то, что вы намерены мне сказать о мнении Белого дома.

Тогда собеседник заявил:

— Президент Рузвельт был убежден, что рано или поздно гитлеровская Германия нападет на Советский Союз. Амбиции Гитлера хорошо известны. Внешняя экспансия, захват чужих земель, особенно на востоке от Германии, — об этом мечтало нацистское руководство. Белый дом знал и то, что в военном отношении Германия серьезно готовилась к агрессии. Тем не менее ее агрессия против Советского Союза, с точки зрения выбора момента, для американцев явилась неожиданностью. Правда, спецслужбы США предупреждали администрацию о возможности в скором времени такого нападения, но и они делали оговорки.

Уайт перевел дух, а затем продолжил:

— Одним словом, Рузвельт и его администрация оказались в состоянии растерянности, когда пришла весть о фашистском вторжении. Никто не брался предсказывать, как будут развиваться события. Перебирались разные варианты возможного хода военных действий на советско-германском фронте. Особенно активно анализировали ситуацию военные. Если сказать откровенно, то они, по крайней мере большинство их, не верили, да все еще и не верят, что ваша страна соберется с силами и

устоит. А в голове у рядового американца не совмещаются мысль о быстром продвижении на восток гитлеровских армий с представлением об их возможном отступлении, а тем более поражении.

Он сделал небольшую паузу, а потом начал излагать точку зрения правительства:

— Сама администрация США стала питать надежду на усиление сопротивления Красной Армии. Такое чувство породила, главным образом, решимость руководства СССР и его вооруженных сил, несмотря на огромные потери, продолжать борьбу. Вы не можете себе представить, какое важное значение имеет эта решимость с точки зрения ее влияния на Соединенные Штаты Америки.

Задал я собеседнику такой вопрос:

— Учитывает ли правительство США, да и сам президент, что после так называемого «татарского ига», по существу, ни одна война, которая навязывалась нашей стране, не приносила ощутимой победы неприятелю?

Ответ на этот вопрос прозвучал так:

— Американцы сознают, что Советский Союз — огромная держава. У нее богатые военные традиции и неисчислимые ресурсы. Ее народ сейчас сражается за свою землю, за свою жизнь. Боюсь, что повторяюсь, но я должен сказать, что большинство американцев не уверены в том, что Советский Союз устоит. Несмотря на то что мощь Германии велика, администрация США питает больше надежд на ваш успех, чем рядовые граждане. А в руководстве страны одним из тех, кто активно выражает это мнение, является Моргентау.

Более поздняя встреча с самим Моргентау в общем подтвердила мысли, высказанные Уайтом. Разница состояла только в том, что друг президента высказывался гораздо определеннее, чем заместитель министра финансов. Но случилось это в декабре 1941 года. Гитлеровские армии тогда уже потерпели крупное поражение под Москвой.

Весть об этом была воспринята в США с радостью. В посольство зачастили посетители, люди писали письма, звонили по телефону. Не проходило почти ни одного дня, когда бы тот или иной советский дипломат в беседе с высокопоставленным американским представителем не выслушивал поздравления и выражения симпатий.

Нам, советским людям, образно говоря, становилось легче дышать. Встречи, официальные и неофициальные, широкие и узкие, происходили почти ежедневно. Росла взаимная тяга наших людей и американцев обмениваться мнениями, обсуждать

события на фронтах. Служащие многих американских правительственных учреждений, которые раньше при встрече с сотрудниками посольства СССР или других наших организаций в США приветствовали своих советских знакомых кивком головы или коротким «хэллоу», теперь считали за честь заговорить с ними, расспросить их, как дела на фронте. Как правило, просили сообщить последние новости, хотя было заметно, что и сами уже получили неплохую информацию из печати и радио.

Все происходило искренне. Можно сказать, рядовые американцы инстинктивно понимали, что великая битва нашего народа за свою страну — это битва также и за свободу других народов, которым грозила смертельная опасность со стороны фашистского агрессора. Обратили мы внимание и на то, что прибывавшие в посольство официальные лица, которым я лично передавал послания из Москвы от И. В. Сталина, предназначенные для президента, сами нет-нет да и задавали вопрос:

— Ну как там разворачиваются события на фронте? Обсуждать с послом любые вопросы по существу им, конечно, Белый дом не разрешал, но разве они могли заслуживать упрека в том, что хотели узнать какую-нибудь новость в советском посольстве с фронтов войны?

— Война, которую ведет Советский Союз против фашизма, — говорил мне во время той встречи Моргентау, — это и война США, хотя американская армия еще непосредственно не соприкасалась с германской. Все нужно сделать, чтобы крепить американо-советские отношения. Именно такой стратегический курс в политике избрал президент. Я хорошо знаю и характер Рузвельта, и его конкретное настроение в отношении вашей страны, преградившей путь нацистскому агрессору. Могу определенно сказать, что президент не только отдает отчет в том, какие трудности ожидают союзников в ходе войны. Он отдает отчет и в том, что совместные ресурсы союзных стран, противостоящих Гитлеру, намного превышают ресурсы и возможности, которыми располагают нацисты.

Конечно, обращал на себя внимание тот факт, что Моргентау, как и другие члены американской администрации, избегал называть сроки, даже примерные, открытия второго фронта в Западной Европе. По всему было видно, что с решением этого вопроса наши союзники не спешат. Ход последующих событий подтвердил такое мнение.

— Господин посол, у меня для вас хорошие новости! — так обратился ко мне Джозеф Дэвис, бывший посол США в Москве. Случилось это уже после поражения немцев под Сталинградом.

— Какие именно? — спросил я.

— В Вашингтоне вновь стали обсуждать возможность открытия второго фронта против фашистской Германии. Это уже прогресс, — заявил он.

Я с ним согласился. Обсуждать возможность этого, конечно, лучше, чем молчать и тем более высказываться против открытия второго фронта. И он рассказал:

— Некоторые высокопоставленные военные занимаются расчетами, сколько американских жизней будет потеряно, если высадка союзнических войск в Западной Европе осуществится. Мнения складываются разные. Одни говорят, что будет потеряно слишком много, поэтому надо все хорошо взвесить, прежде чем принимать решение. Другие утверждают, что любые потери при высадке в конечном счете уменьшат общие потери в войне и с открытием второго фронта США и другие страны не должны медлить. Судя по всему, этот спор будет затяжной. В нем участвуют только высшие военные чины. Но, конечно, наиболее весомо звучит слово администрации, прежде всего самого президента. Насколько я понимаю, Рузвельта обуревают две мысли. Одна — в пользу высадки в ближайшее время. Другая, напротив, в пользу того, чтобы эту акцию отложить. По крайней мере до тех пор, когда фортуна определенно повернется лицом к Советскому Союзу. В расчет принимается и то, чтобы промедление не обесценивало запоздалую акцию союзников при подведении итогов войны.

Как известно, этот последний довод постоянно взвешивался, в том числе и администрацией США, вплоть до самой высадки англо-американских войск на севере Франции.

Много было острых стычек с американцами и англичанами по вопросу открытия второго фронта в Европе! Но уже во время того нашего разговора Дэвис правильно уловил настроения в американской столице.

Надо отдать должное бывшему американскому послу и в том отношении, что при оценке Рузвельта он неизменно причислял его к тем людям, которых восхищали и героизм советских воинов на фронте, и не меньший героизм простых тружеников, ковавших победу в тылу.

Политическое кредо Уоллеса

Поддерживались мною регулярные контакты со многими другими высокопоставленными лицами администрации Рузвельта, включая и вице-президента Генри Уоллеса. Этот деятель, который представлял собой видную фигуру среди приверженцев политики Рузвельта, заслуживает того, чтобы на нем остановиться особо.

Уоллес происходил по отцу и матери из потомственных землевладельцев соответственно Шотландии и Ирландии, перебравшихся в США в первой половине XIX века. Как и весь клан американских Уоллесов, он выражал интересы фермерства — владельцев «семейных» ферм, точнее, их верхушечного слоя. С классовой точки зрения он придерживался взглядов мелкой буржуазии, испытывавшей страх перед всевластием крупного монополистического капитала и стремившейся найти «средний» путь общественного развития.

Получив разностороннее образование, Уоллес хорошо ориентировался в экономике и статистике, в биологии, в том числе в генетике, а также в истории, интересовался проблемами философии. Он считался крупным специалистом в области сельскохозяйственных наук, являлся автором ряда исследований.

Уоллес, до того как в третий период президентства Рузвельта занял пост вице-президента (1941–1945 гг.), на протяжении семи лет возглавлял министерство сельского хозяйства, будучи теоретиком аграрной политики рузвельтовского «нового курса».

Немного мне встречалось людей, занимающих видное положение на политической арене США, которые мыслили не категориями сиюминутных выгод во внешней политике, а, как Уоллес, заглядывали вперед. Находясь в эпицентре политической борьбы в США, он всегда стоял в одном ряду с теми, кто выступал за активное сотрудничество с Советским Союзом в борьбе с фашизмом, желал прочного мира по окончании войны.

Уоллес был одним из тех американцев, кто был убежден, что без СССР как во время войны, так и после нее нельзя решить ни одного сколько-нибудь крупного вопроса в мировой политике. У него хватало смелости открыто выступать с заявлениями о решающем вкладе Советского Союза в разгром фашистской Германии. В годы войны Уоллес, в частности, отмечал:

— Русские наносят потери противнику, выводят его из строя, берут в плен по крайней мере в двадцать раз больше, чем все остальные союзники, вместе взятые.

Являясь сторонником советско-американского

сотрудничества, Уоллес еще в январе 1943 года писал в своих дневниках, что после войны проблемой номер один в мире будет поддержание хороших взаимоотношений между СССР и США. Он уже тогда мечтал посетить нашу страну и в 1942 году начал изучать русский язык, на котором впоследствии довольно сносно объяснялся.

Свои познания о России и нашем народе Уоллес смог основательно пополнить во время поездки в Советский Союз, посетив в мае 1944 года Магадан, Якутск, Комсомольск-на-Амуре, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Алма-Ату, Ташкент и некоторые другие города. Побывал он и в селе Шушенском, в созданном там местном музее В. И. Ленина.

— Эта поездка по Советскому Союзу произвела на меня огромное впечатление, — так Уоллес сказал мне после возвращения в США.

И потом не раз Уоллес подтверждал это мнение. Он, можно сказать, открыл для себя Советский Союз, увидев своими глазами величие духа, самоотверженность и стойкость нашего народа.

В беседах Уоллес обычно по своей инициативе заводил разговор на тему об общности интересов США и СССР в международных делах. Полностью отдавая себе отчет в том, что эти государства принадлежат к разным общественным системам, он развивал такой тезис:

— Американский и советский народы имеют все возможности для плодотворного сотрудничества. Обе державы располагают колоссальными естественными ресурсами, огромными промышленными потенциалами. Я верю, что Советский Союз восстановит свою пострадавшую от войны экономику и будет успешно ее развивать. Но советско-американское сотрудничество должно означать прежде всего исключение военных столкновений между США и СССР. В теоретическое обоснование необходимости мирного сотрудничества США и СССР и принципа мирного сосуществования Уоллес особенно не углублялся, даже не очень любил вникать в эту, как он называл, «высокую материю». Он рассуждал категорично:

— Американцы и русские никогда не должны ни убивать друг друга, ни вообще допускать развязывания новой войны.

Особенно подчеркивал Уоллес общность интересов обеих стран в том, чтобы не допустить впредь германской агрессии. Ход его мыслей мало чем отличался от того, что думали и многие другие деятели из ближайшего окружения Рузвельта.

С резким осуждением Уоллес отзывался о фашизме и во всей своей политической деятельности без колебаний занимал антифашистскую позицию.

— Нацистские бредни о нордической расе — это явное мошенничество, — уверенно говорил он.

В условиях второй мировой войны он проявил себя как сторонник решительного — вплоть до конечной победы — отпора нацистской Германии и ее союзникам.

Уоллес признавал мир непреходящей ценностью. Войне как общественному явлению он противопоставлял идею широкого, плодотворного сотрудничества между странами и народами. Именно его отношение к вопросам войны и мира является главным в оценке политического кредо этого деятеля.

Как далеко все это от политической философии тех, кто сегодня определяет курс США на международной арене. Далеки его взгляды были и от того, что легло в основу внешней политики Вашингтона уже через три-четыре года после завершения мировой войны, когда под эгидой США начал сколачиваться замкнутый военно-политический блок государств, противопоставивших себя СССР и другим миролюбивым странам.

Мне, советскому послу в США, было легко разговаривать с Уоллесом, так как в его суждениях присутствовала логика жизни. Наша страна с огромным напряжением сил вела борьбу против фашизма и, конечно, была заинтересована в том, чтобы по окончании войны обеспечить прочный мир. Такой мир стал заветной целью советского народа, а сотрудничество с государствами антигитлеровской коалиции — одной из важнейших задач внешней политики СССР. Для этого требовалось, однако, чтобы все входящие в антигитлеровскую коалицию страны сохраняли верность своим союзническим обязательствам.

Те в США, кто обладал таким же складом мышления, как Уоллес, в то время не могли себе представить, что Вашингтон и другие столицы союзных нам стран вскоре начнут попирать эти обязательства. На могиле Рузвельта наши западные союзники стали отрекаться от его курса в международных делах, поднимать на щит иную политику, противоречащую тем целям и принципам строительства послевоенного мира, которые еще недавно провозгласили лидеры трех держав в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

Ясно, что взгляды Уоллеса чем дальше, тем все заметнее расходились с настроениями усиливавшей свои позиции наиболее реакционной части правящих кругов США. Противники вице-президента пытались навесить ему ярлык фантазера, неделового человека. На президентских выборах 1944 года Рузвельту пришлось согласиться на выдвижение кандидатуры Трумэна на пост вице-президента вместо Уоллеса, чтобы обеспечить себе поддержку правого крыла демократической партии.

Мне приходилось встречаться с Уоллесом и после того, как завершился срок его пребывания на посту вице-президента. В 1945 году, еще до кончины Рузвельта, он был назначен министром торговли, однако уже в 1946 году его с этого поста сместил Трумэн, ставший впоследствии президентом. В дальнейшем каких-либо официальных должностей Уоллес не занимал.

Конечно, Уоллес видел, куда поворачивается курс внешней политики США. На руль управления этой политикой положили свои руки деятели, которые все более отходили от курса сотрудничества между СССР и США во время войны против общего врага — фашистской Германии. Уже в первые годы администрации Трумэна это виделось достаточно отчетливо.

Попытка Уоллеса испытать счастье на президентских выборах 1948 года, в которых он принял участие как кандидат от созданной им прогрессивной партии, успеха не имела. Для политической атмосферы, сложившейся к тому времени в США, было характерным соревнование в выдвижении всякого рода недружественных по отношению к Советскому Союзу концепций, культивирование неприязни к нашей стране и другим социалистическим государствам. Политика Вашингтона все больше ставилась на службу имперским амбициям, что находило свое открытое выражение в сколачивании агрессивных военных блоков, развертывании густой сети американских военных баз на чужих территориях, расширении внешнеэкономической экспансии США. В таких условиях для деятелей со взглядами, подобными тем, которых придерживался Уоллес, перспектив не было.

Обед в бунгало

В дополнение к сказанному хотелось бы в общих чертах обрисовать портрет Уоллеса как человека. Первое впечатление от встречи с ним было таково, что он похож на русского. Среднего роста, шатен, открытое, приятное лицо, сдержанная улыбка. Казалось, что Уоллес как будто чего-то стесняется, чуть скован в движениях. Но это, однако, не мешало ему, особенно если он не гость, а хозяин, свободно беседовать, общаться, быть предупредительным.

Уоллес обладал способностью располагать к себе собеседника. Если в разговоре он допускал какие-то неточности или в чем-то заблуждался, то чувствовалось, что это его заблуждение искреннее.

Превосходно Уоллес умел распознавать людей. Он щедро одаривал вниманием тех, к кому относился с расположением, и не оставался бы самим собой, если бы поступал иначе.

К представителям Советского Союза Уоллес неизменно проявлял доброе отношение. Не могу не вспомнить с теплотой об одном случае. Как-то в седьмом часу утра у меня дома раздался звонок.

— Слушаю, — взял я телефонную трубку.

Звонок в такую рань на квартиру посла представлялся не совсем обычным.

— Андрей Андреевич, говорит дежурный комендант посольства. Только что в посольство зашел человек, извинился за ранний визит и назвал себя вице-президентом Уоллесом.

— А дальше что было?

— Он просил передать какие-то таблетки для супруги посла, после чего тут же удалился. Эти таблетки теперь у меня.

Оказывается, накануне жена Уоллеса и моя жена говорили о каких-то таблетках для похудения, достоинства которых могут оценить только женщины. Достать эти таблетки в то время представлялось делом сложным, и все же Уоллес не счел за труд сделать это и даже лично доставить их в посольство. Факт невесть какой значительный, однако он кое о чем говорит.

Наши встречи с вице-президентом обычно проходили в самом Вашингтоне. Но однажды он предложил:

— А что, если мы с женами выедем за город, пообедаем где-нибудь там, а заодно и обсудим кое-какие вопросы?

Возражений с моей стороны не последовало. Уоллес высказал и еще одно пожелание:

— Надеюсь, вы не будете против, если в этой поездке примут

участие посол Швейцарии и его супруга?

И против этого возражать не приходилось.

— Кстати, — добавил Уоллес, — я и этот посол женаты на близких родственницах.

В назначенное время — день выпадал на воскресенье — Лидия Дмитриевна и я отправились к находившемуся примерно в сорока милях от города месту встречи. Она состоялась в бунгало — деревянном, непретенциозном по внешнему виду доме, оказавшемся тем не менее внутри очень удобным и вовсе не таким уж простоватым, как снаружи.

Обед был организован хорошо, как и подобает. В ходе беседы швейцарский дипломат сообщил мне важную весть:

— Мое правительство проявляет заинтересованность в восстановлении дипломатических отношений между Швейцарией и СССР.

Разумеется, мною был проявлен к этому должный интерес. Дипломатических отношений между двумя странами не существовало с 1923 года, когда в Лозанне был убит советский полпред Вацлав Боровский. Я обещал послу:

— Я сразу же сообщу о сказанном вами в Москву. В личном плане хочу заметить, что эта идея может получить развитие.

Так оно и произошло: вскоре Советский Союз и Швейцария восстановили нормальные дипломатические отношения.

Почти в самом конце беседы в бунгало Уоллес мне шепнул:

— Я хотел бы поговорить с вами немного один на один.

Мы поднялись из-за стола, оставив женщин в обществе швейцарского дипломата, отошли на некоторое расстояние от них и присели за отдельный столик в углу этого просторного помещения.

Вице-президент сказал:

— Сейчас, когда в общем-то уже видны признаки победы союзников над гитлеровской Германией, нашим странам надо использовать обстановку для крутого улучшения отношений между ними. Союзнические связи не должны ослабляться. Меня этот вопрос очень тревожит, так как в США к нему относятся по-разному. В частности, в большом бизнесе имеются такие люди, у которых антипатии к СССР сейчас даже берут верх над теми добрыми чувствами, которые разбужены в американском народе подвигами Красной Армии на фронтах войны.

Выслушав Уоллеса, я заявил в ответ:

— Вы совершенно правы во всем, о чем говорили. Действительно, после окончания войны нельзя допустить ослабления связей между СССР и США.Ведь мы стали союзниками потому, что этого требовали фундаментальные интересы обеих

стран, а не какие-то их конъюнктурные соображения. Это вытекает и из обмена мнениями лично между Сталиным и Рузвельтом.

Я сделал паузу, посмотрев на Уоллеса, чтобы узнать, как он воспринимает мои слова. Он внимательно слушал, тогда я продолжил:

— Что касается второго вопроса — о настроениях бизнеса США, то вам, как вице-президенту, конечно, лучше знать эти настроения. Но думается, что та тенденция в перемене настроения определенных кругов большого бизнеса, о которой вы говорили, имеется. Мы, советские люди, находящиеся в США, тоже ее уловили. Но нам кажется, что администрация могла бы использовать свой вес для того, чтобы изменить эти нездоровые настроения. Ведь бизнес — не монолит. Деловые круги, по нашему мнению, могут получить много пользы от торговли и развития связей с Советским Союзом. Для этого в дни мира открываются колоссальные возможности. Особенно учитывая тот факт, что Советский Союз будет испытывать большую потребность в закупке оборудования и в США в целях восстановления промышленности, серьезно пострадавшей от нашествия гитлеровских варваров.

Тут Уоллес впервые за время встречи со мной как бы мимоходом заметил:

— Президент, как известно, не очень здоров, хотя занимается делами активно, в том числе уделяет большое внимание и вопросу о будущем советско-американских отношений.

У меня сложилось впечатление, что брошенная как бы мимоходом фраза о состоянии здоровья президента на самом деле была обдуманной.

Трудно сказать, знал ли Уоллес или не знал, что на предстоящих президентских выборах его звезда закатится и его преемником станет сенатор Трумэн. Скорее всего, он этого не ведал. Вполне возможно, что и у самого Рузвельта тогда план замены вице-президента еще не созрел.

С Уоллесом впоследствии мы встречались еще дважды. Он пришел ко мне в Нью-Йорке в начале 1946 года. Его интересовал только один вопрос:

— Как вы отнесетесь к моей возможной победе на предстоящих в 1948 году президентских выборах?

Я дал, разумеется, ответ, который бы его ободрял. Однако меня, откровенно говоря, несколько озадачила сама постановка такого вопроса, причем по двум причинам.

Во-первых, мой собеседник хорошо знал наше отношение к нему как видному соратнику Рузвельта. И ответ с нашей стороны

на поставленный им вопрос мог быть простой: «Мы — за поддержание добрых отношений между СССР и США и только приветствовали бы победу выступающего за это кандидата в президенты».

Во-вторых, то, что он задал такой вопрос, все же не свидетельствовало о достаточно точном знании им реального положения и настроения избирателей, уже подвергшихся воздействию мощной волны пропаганды в пользу политики «большой дубинки», за которую еще в начале нынешнего века ратовал американский президент Теодор Рузвельт. С помощью этой «дубинки» правящий класс США собирался и теперь действовать в международных делах.

После этой беседы у меня, не скрою, осталось ощущение, что Уоллесу, видимо, становилось все труднее прощупывать биение пульса политической жизни США, а в опытных советниках он явно испытывал недостаток.

Где-то примерно в то же время Уоллес пригласил меня с женой провести несколько часов у него на даче, а точнее, в загородном доме, расположенном примерно в ста милях от Нью-Йорка. Мы прибыли туда. Это было довольно солидное хозяйство делового направления. Здесь выращивался на продажу молодняк крупного рогатого скота. Но главным в хозяйстве оказалось разведение кур, а на языке ресторанов — «цыплят». Давал объяснения сам хозяин:

— Цыплята — это основа моего бизнеса, все остальное — это так себе. Посмотрите, пожалуйста, на мое «дело». Это — птичники и их «население».

Мы увидели тысячи и тысячи кур. При осмотре можно было заметить, что к любому составляющему органическую часть этого бизнеса ритуалу, например, чистке курятников, здесь относятся всерьез. И, похоже, сам бывший вице-президент вовсе не чурался такой работы.

Во время разговора я поинтересовался:

— Доходно ли «куриное дело»?

В ответ Уоллес каких-либо цифр не назвал. Он произнес скороговоркой несколько слов, смысл которых лучше всего можно было бы передать так — «не ахти».

У нас осталось ощущение, что Уоллес не выбился в миллионеры, а возможно, и не очень-то к этому стремился. В «большой бизнес» он явно не был вхож.

Я вспоминаю об Уоллесе — как в политическом, так и в человеческом плане — с теплотой и добрым чувством.

Патриарх дипломатической службы

Безусловно, одним из столпов в администрации Рузвельта в довоенное и военное время являлся государственный секретарь Кордэлл Хэлл, занимавший этот пост с 1933 по 1944 год. Авторитетный политический деятель, который пользовался уважением и доверием президента, — таким он запомнился и нам, советским людям, имевшим с ним дела.

При Хэлле были установлены дипломатические отношения между СССР и США. Этот факт сам по себе говорит о многом, и в частности о том, что американские руководители того времени, включая Хэлла, смогли перешагнуть через барьер узкоклассовых интересов, препятствовавший на протяжении шестнадцати лет признанию Вашингтоном первого в мире социалистического государства, и реалистически оценить абсурдность положения, в котором СССР игнорировался при решении вопросов мировой политики. В условиях, когда начинала усиливаться опасность новой войны, этот шаг нельзя оценить иначе, как понимание возрастающей роли Советского Союза в международных делах.

В вопросах советско-американских отношений Хэлл проводил линию Рузвельта. Правда, советское посольство не раз получало информацию из авторитетных источников о том, что в отличие от президента государственный секретарь придерживается не столь последовательных взглядов на советско-американские отношения, считая, что не следует торопиться с их развитием. В какой-то степени это подтверждалось, особенно в практической деятельности государственного департамента США. Но так как в годы войны чисто политическая сторона этих отношений уступала место факторам, непосредственно вытекающим из военных событий, то сдержанный подход того или иного деятеля в администрации Рузвельта к Советскому Союзу все же перевешивался общим, более трезвым настроем в американском руководстве.

Советские послы в США — А. А. Трояновский, К. А. Уманский, М. М. Литвинов, а затем и я — много раз встречались с Кордэллом Хэллом. Часто нас принимали его заместители, когда сам государственный секретарь не мог этого сделать по состоянию здоровья. Учитывая общее количество этих встреч и интенсивность тогдашних связей между Москвой и Вашингтоном, можно сказать, что Хэлл в целом уделял большое внимание советско-американским отношениям.

Не могу припомнить ни одного случая, когда по той или иной причине беседа с Хэллом приняла бы крутой оборот. Он обладал

тактом и умел держать себя в руках. Если при рассмотрении вопроса возникали трудности, расхождения, то Хэлл предпочитал скорее отложить его на время в сторону, оставить нерешенным, чем рассориться. Когда же он занимал по какому-нибудь вопросу отрицательную позицию, то стремился преподнести это с гибкостью, и в таких случаях в его голосе звучали бархатные нотки. Кстати, они совпадали и с естественным тембром голоса Хэлла.

Это, конечно, ничего не меняло по существу и вряд ли могло утешить собеседника, но помогало создать ту атмосферу расставания, которая не считалась бы напряженной. Обращал на себя внимание и такой факт: вопросы, по которым имелось меньше всего шансов договориться, Хэлл обычно старался передать одному из своих заместителей для обсуждения с советским представителем.

Хэлла отличали основательные знания в области юриспруденции и конечно же прекрасное ориентирование в принципиальных вопросах внешней политики. Здесь у него был свой «конек» — отношения со странами Латинской Америки. С легкой руки Хэлла администрация Рузвельта провозгласила в тридцатые годы в качестве основы своего внешнеполитического курса в Западном полушарии политику «доброго соседа», которая означала отказ от наиболее грубых методов империалистического вмешательства и содействовала некоторому смягчению отношений США с латиноамериканскими странами. Разумеется, за этим не стояли какие-то альтруистические мотивы. Речь шла лишь о форме. Интересы же американского капитала, ставившего целью расширение своей политической и экономической экспансии в Латинской Америке, оставались прежними.

Хэлл не принадлежал к числу деятелей, которые, как сейчас принято говорить, работают на публику. Его редко видели на каких-либо общественных форумах. Выступать перед большой аудиторией он не любил и избегал таких речей, если они не носили официального характера и не вызывались необходимостью. Хэллу больше импонировали беседы в узком кругу с участием двух-трех человек с обеих сторон — преимущественно двусторонние встречи.

Говорил он тихо и в общем-то ораторским искусством не блистал. Иногда из-за этого даже складывалось впечатление, что Хэлл плохо себя чувствует. Медлительный в движениях и в разговоре, ходил он не торопясь, с видом человека, погруженного в размышления.

Мы продолжали контакты на протяжении пяти лет, вплоть до того, как Хэлл ушел в ноябре 1944 года в отставку с поста

государственного секретаря в связи с болезнью. Ему исполнилось тогда 73 года. Он был седой, высокого роста, с сосредоточенным выражением лица. Во внешнем облике Хэлла присутствовало что-то от библейского Моисея, как его изображают художники. Таким запомнился мне этот крупный политический деятель, на протяжении многих лет руководитель американской дипломатии в администрации Рузвельта.

Первым заместителем государственного секретаря США работал Сэмнер Уэллс. Не являясь членом кабинета и уступая государственному секретарю в правах и политическом весе, он тем не менее, по общему признанию хорошо знавших его людей, играл важную роль в деле руководства американской дипломатией военного времени. Уэллс фактически являлся организатором всей практической работы дипломатического механизма США. Тем более что сам Хэлл часто недомогал.

Те, кто знал Уэллса, отмечали его незаурядность, большие способности и богатую эрудицию.

По своему характеру, да и по образованию Уэллс слыл, если можно так выразиться, человеком англосаксонской закваски. Эту свою особенность он не только не скрывал, но и старался демонстрировать. Когда к нему заходил иностранный дипломат, то, независимо от ранга гостя, он неторопливо вставал, проходил навстречу положенное, по его мнению, количество шагов, так же неторопливо протягивал руку и еще более неторопливо приглашал собеседника:

— Пожалуйста, садитесь.

Все в поведении Уэллса, в его отношении к собеседнику размеренно обдумывалось и взвешивалось. Начинал он беседу с двух стандартных любезных фраз, а затем изъявлял свою готовность к разговору по существу:

— Я вас слушаю.

Если встреча проходила по просьбе самого Уэллса, то он обращался к собеседнику с просьбой:

— Выслушайте, пожалуйста, вначале наше заявление. Или фраза могла быть построена так:

— Выслушайте, пожалуйста, наши соображения.

Манера общения у него всегда оставалась корректной. Но собеседником по существу вопросов, подлежащих обсуждению, Уэллс считался жестким. Поговорка: «Мягко стелет, да жестко спать» — относилась к нему в полной мере.

Взгляды его характеризуются также весьма определенным высказыванием, которое он счел возможным включить в свою книгу, вышедшую в ходе войны, уже после того, когда в ней наметился

перелом. Речь шла о представителях крупных финансовых и торговых кругов в западных странах, включая и Соединенные Штаты, которые, с точки зрения Уэллься, были «твердо уверены, что война между Советским Союзом и гитлеровской Германией будет только благоприятна для их собственных интересов. Они утверждали, что Россия непременно потерпит поражение, и тем самым будет ликвидирован коммунизм».[5]

В области советско-американских отношений Уэллься, как правило, руководством поручались задания, не отличавшиеся особым дружелюбием: сделать советской стороне представление, заявление или другой демарш. В нашем посольстве хорошо знали, что Уэллься отводилась в госдепартаменте подобная роль, и потому, когда требовалось нанести визит в госдепартамент, предпочтение отдавалось, если это оказывалось возможным, встречам с другими заместителями государственного секретаря. Понятно, что все это делалось с соблюдением необходимого такта и чувства меры. Тем не менее нельзя было не учитывать, что Уэллься постоянно и беспрепятственно входил в Белый дом, а к его мнению американская администрация и лично Рузвельт прислушивались.

Определенным утешением для нас являлось то обстоятельство, что Уэллься, как нам рассказывали представители некоторых других иностранных посольств и миссий, в контактах с ними держался примерно в том же духе.

По свойствам своего характера человеком Уэллься был малообщительным. Он и скончался, как потом сообщалось, в сельской местности во время одной из прогулок, которую совершал в одиночку. Его тело нашли прямо на прогулочной дорожке.

Непростой букет деятелей

В сложном «букете» государственных деятелей США, входивших в администрацию Рузвельта, находились и такие, как военно-морской министр Джордж Форрестол и военный министр Генри Стимсон. Сотрудникам посольства, мне как послу, а ранее и моим предшественникам приходилось нередко встречаться с ними и обсуждать вопросы военного характера, да и некоторые вопросы политических отношений между СССР и США. Во время войны министры в администрации Рузвельта не только не чурались обсуждения общих вопросов политики, но даже сами проявляли в этом инициативу.

Форрестол мне запомнился сравнительно молодым, по натуре общительным, живым, энергичным. В каждом нашем разговоре он решительно высказывался за необходимость доведения войны до полной победы над гитлеровской Германией и не стеснялся прибегать к самым резким выражениям в адрес ее фюрера.

Форрестол отдавал предпочтение узким встречам. Он бывал у нас в посольстве, сам приглашал меня с женой к себе в гости. Обстановка на этих встречах царила в общем дружелюбная. Форрестол иногда довольно свободно рассказывал о нравах в среде американского большого бизнеса. Знакомым с ней он оказался не столько по собственному опыту, сколько по связям своей жены, которая происходила из богатой семьи.

Однажды Форрестол рассказал нам историю об ограблении его жены, у которой похитили много дорогих украшений во время одного из званых приемов. История эта — о ней, кстати, сообщалось в американской печати — оказалась весьма занятной, пожалуй, не уступающей по сложности сюжета детективным произведениям Агаты Кристи. Юмористические замечания, которыми Форрестол сопровождал свой рассказ, казались, однако, несколько искусственными, так как похищенные «вещицы» стоили немало.

Поскольку военно-морской министр отличался большой энергией и подвижностью, то во время бесед он, казалось, уставал сидеть на одном месте. Форрестолу сподручнее было расхаживать по комнате, размахивать руками, ругая Гитлера и его приспешников. Если же вблизи висела на стене географическая карта, то он обязательно подходил к ней и с учетом конкретной военной обстановки в данный момент делал несколько «стратегических» жестов, водя по карте карандашом. Его комментарии тяготели к морской тематике. Форрестол, однако,

не только знал свое дело, но и умел мыслить категориями политики.

В высшей степени неожиданным и трагическим оказался конец Форрестола, который выбросился из окна госпиталя, где лечился. Это произошло уже в пятидесятые годы. Прежде чем совершить свой роковой прыжок, он закричал в исступлении:

— Русские танки!

Как в тайники его психики могли попасть бредовые мысли об опасности, якобы исходящей от Советского Союза, о котором в годы войны против гитлеровской Германии он говорил с восхищением?

От высказываний Форрестола в пользу советско-американского сотрудничества в военное и послевоенное время и до его прыжка из окна прошло немало лет. Не приходится сомневаться и в том, что его сознание уродовалось политикой вражды по отношению к СССР, которую Вашингтон стал проводить после кончины Рузвельта.

Но изображать Форрестола просто жертвой было бы неправильно. Являясь таковой, он вместе с тем и сам выполнял роль одного из тех, кто после завершения войны приводил в движение огромный военный и политический механизм США. А работал этот механизм в направлении, обратном тому, на которое ориентировали страну союзнические договоренности. Справедливости ради стоит отметить, что в свое время к разработке этих договоренностей Форрестол имел непосредственное отношение.

Военный министр США Генри Стимсон — фигура не менее сложная, чем Форрестол. Однако здесь встречалась сложность другого порядка. Во времена президентства Калвина Кулиджа (1923–1929 гг.) Стимсон являлся государственным секретарем США. И потому, естественно, возникал вопрос: зачем Рузвельту, который ревниво следил за тем, чтобы демократическая партия, приведшая его к власти, не ослабляла своих позиций, привлекать в свой правительственный кабинет этого деятеля, занимавшего весьма видный пост в администрации, когда у власти находилась республиканская партия? Но Рузвельт был и политиком-стратегом, и политиком-тактиком. Он счел, что включение в состав кабинета республиканца может дать больше плюсов, чем минусов.

Что же касается партийной принадлежности Стимсона, то это не могло послужить в глазах Рузвельта препятствием, так как формального членства в республиканской и демократической партиях не существует, да и вообще в США не считается таким уж большим грехопадением, когда тот или иной деятель переходит

из одной партии в другую. Поступающие таким образом обычно исходят из того, что обе они выражают интересы одного класса — буржуазии, а все остальное, в чем партии расходятся, не имеет существенного значения.

Стимсон запомнился как человек уже преклонного возраста, намного старше Форрестола. Его отличали специфическая англосаксонская уравновешенность, спокойствие, хотя чаще внешнее. Речь и голос его были невыразительными, монотонными. Раньше о таких людях говорили: похож на дьячка. Но слова Стимсона ложились плотно, выглядели обдуманными. Он хотя и скупо, но все же вполне определенно высказывался за развитие американо-советского сотрудничества и после завершения войны.

Если добавить к этому, что начальник штаба армии США Джордж Маршалл тоже многократно высказывался в пользу добрых отношений между СССР и США, то становилось ясным, что верхушка американских вооруженных сил тогда, в период войны, относилась к нашей стране совсем не плохо. Последующие изменения в подходе Вашингтона к Советскому Союзу являлись следствием решений, принятых на высоком политическом уровне, а за ними стоял всемогущий крупный капитал, монополии, военный бизнес. Менялась официальная политика, а с нею и взгляды американских военных деятелей.

Джордж Маршалл был крупным военным и государственным деятелем в период войны. Его знали еще в тридцатые годы как человека реакционных взглядов, тесно связанного с крупными монополиями. В 1939 году он одно время исполнял обязанности начальника генерального штаба, а в 1939–1945 годах являлся начальником штаба сухопутных сил США. Встречался я с ним в Вашингтоне во время его кратковременных визитов из Европы в столицу.

Заслуживает внимания наша беседа в день вручения советских орденов американским военным высокого ранга. Советское государство наградило тогда генерала Маршалла орденом Суворова I степени. В указе Президиума Верховного Совета СССР за подписями М. И. Калинина и А. Ф. Горкина говорилось, что это была награда за выдающуюся военную деятельность и заслуги в деле руководства американскими вооруженными силами в борьбе против общего врага Советского Союза и Соединенных Штатов Америки — гитлеровской Германии.

…Торжественная церемония в роскошной гостинице Вашингтона «Мэйфлауэр». Как обычно в таких случаях, толпа журналистов, фотокорреспондентов и кинооператоров. Много

представителей вооруженных сил США в парадной военной форме. Все подтянуты.

Вручаю ордена и поздравляю награжденных, в том числе старшего по званию среди них Маршалла. Нас тоже поздравляют с успехами на фронтах. Война еще не закончена, но всем ясно, что победа не за горами.

После вручения наград у меня с Маршаллом происходит разговор. Он заявляет:

— И я лично, и мои подчиненные — штабные работники — восхищаемся не только мужеством ваших солдат, но и тем искусством побеждать, которое проявляют ваши военачальники. В целом Красная Армия заслужила, чтобы ее называли непобедимой. И это говорю я — человек, скупой на комплименты…

Маршалл в той беседе тщательно избегал обращения к политическим вопросам, относящимся к будущему Европы, и в частности к тому, как быть с поверженной Германией.

О том, насколько выделялся Маршалл как важная фигура на американском политическом горизонте, свидетельствует хотя бы то, что администрация США привлекала его к работе всех крупнейших международных конференций и встреч времен второй мировой войны, в том числе в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

Авторитет генерала-штабиста и впоследствии был принят во внимание администрацией. В 1947–1949 годах Маршалл стал государственным секретарем США. Его именем окрестили план, рассчитанный на проведение в жизнь «доктрины» Трумэна в отношении Западной Германии и некоторых других стран Западной Европы. Цель «плана Маршалла» состояла в том, чтобы укрепить позиции капитализма в Западной Европе и воспрепятствовать там прогрессивным социальным преобразованиям.

Впоследствии он стал одним из апологетов «холодной войны» и создания НАТО, а свою политическую карьеру закончил на посту министра обороны США. Дипломатический фрак и военный мундир оказались как бы слиты воедино у Джорджа Маршалла.

Так мыслил Рокфеллер

В годы войны важным направлением работы посольства СССР в Вашингтоне было информирование американской общественности о ходе борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков, укрепление в американцах духа уверенности в неизбежности победы над фашизмом. Это считалось нами задачей большого значения. Американцев, особенно после Перл-Харбора, все сильнее тревожил вопрос о том, выстоит ли Советский Союз, хватит ли сил у стран антигитлеровской коалиции, чтобы сокрушить фашистских агрессоров.

Ставился этот вопрос и представителями американского крупного бизнеса. Владельцы миллионов и миллиардов долларов очень этим интересовались, и по-своему искренне. Одним из них стал Нельсон Рокфеллер, с. которым мне как послу доводилось довольно часто встречаться.

Известно, что Рузвельт стремился использовать имя Рокфеллеров, которое считалось и все еще считается как бы символом богатой Америки, отчасти и для того, чтобы амортизировать критику по адресу своей политики со стороны тех, кто косо смотрел на экономические эксперименты президента. Нельсону Рокфеллеру, наиболее видному представителю этого семейства и обладавшему, в отличие от некоторых других братьев, политическим складом ума, администрация выделила конкретный участок работы — координатора по делам Латинской Америки.

Вряд ли кто в Вашингтоне мог объяснить, что значит «координатор». Но всякий понимал, что семейство мультимиллионеров обращает ноль внимания на официальные титулы. Для него главный титул — «господин доллар» в сочетании со словом «миллиарды». В этих двух словах заключена подлинно магическая сила в условиях Америки, будь то в военное или мирное время.

Разумеется, мои беседы с Рокфеллером меньше всего касались дел Латинской Америки, а больше — проблем международной политики и вопросов отношений между СССР и США. Он обладал довольно подробной информацией в области политики.

— Я принадлежу к числу сторонников поддержания нормальных и даже добрых отношений между двумя нашими державами, — много раз говорил мне Н. Рокфеллер.

Правда, складывалось впечатление, что он не очень четко

представлял себе, как эти отношения должны развиваться после войны в сфере политики, экономики, человеческих контактов. Да этого, пожалуй, в администрации тогда никто толком не знал, хотя определенные предположения строились. Опыт предвоенного периода развития советско-американских связей оставался скромным и не на все давал ответ.

Тем не менее это не мешало Рокфеллеру высказывать смелые мысли. Они формулировались таким образом, что его собственные взгляды порой не отличались от взглядов правительства США. Вообще если Рокфеллер касался политики, то вел о ней речь с большим размахом.

— Меня не смущает то, что будут говорить о моих высказываниях политики-профессионалы из администрации, — смело заявлял он.

Занимаемое им положение Рокфеллер рассматривал в качестве ступеньки, с которой мог бы шагнуть и выше по лестнице, ведущей в Белый дом. Это, конечно, не ускользало от внимания Рузвельта и его непосредственного окружения, однако мало тревожило. Президент тогда не видел, да и не имел грозных конкурентов на политической арене США. В целом Рузвельт неплохо использовал для своей выгоды имя Рокфеллера.

В беседах со мной Рокфеллер намекал:

— К моим взглядам на отношения между СССР и США Рузвельт прислушивается.

Мне приходилось принимать эти намеки за правду, тем более что они подтверждались и фактами.

В других условиях наши беседы с Рокфеллером рассматривались бы как сугубо доверительные. Но тогда никто их так не воспринимал, в том числе и я. Они носили откровенный характер. Их направление не расходилось с существом отношений СССР и США как союзников. В то время многие американские деятели считали для себя за честь побывать в советском посольстве, поговорить с ответственными представителями Советского Союза.

Одна из моих бесед с Нельсоном Рокфеллером заслуживает особого внимания. В начале беседы он подчеркнул:

— Хочу быть откровенным и высказать мысли, которые, возможно, еще никому из советских представителей не высказывал.

— Конечно, США и Советский Союз — разные страны, — говорил Рокфеллер. — Вы — страна социалистическая, а мы — капиталистическая, если придерживаться ваших характеристик. Я бы сказал по-своему: США — страна частной инициативы, а вы — Советский Союз — страна общественной инициативы. Ну и что

же? Оставайтесь тем, чем являетесь. Мы же будем самими собой. Наши порядки нас, американцев, вполне устраивают. Революция нам не угрожает.

Сделал небольшую паузу и тут же заметил:

— Сам президент Рузвельт недавно высказал мне эту мысль. Но высказывая ее, он сделал важную оговорку. А именно: «Ни одна из двух стран не должна пытаться навязывать свои порядки другой. Такие попытки принесут только один результат — расстройство отношений. Именно эта философия заставила США сделать свой меч союзником меча советского. Победы еще нет, но она придет. Эти два решающих меча обеспечат победу».

Далее Нельсон Рокфеллер заявил:

— Когда я решал вопрос о сотрудничестве с администрацией Рузвельта, то учел его взгляды. И пришел к выводу, что от сотрудничества двух сильных союзников США получат только выгоды. Широкий слой американского бизнеса не только от этого не пострадает, но, напротив, получит огромный рынок для своих товаров. А Советский Союз будет еще долго испытывать нужду в импорте американского оборудования. Да и товаров легкой промышленности вы будете закупать в Америке немало.

Все это свидетельствовало о том, что он смотрел далеко вперед.

— Конечно, — говорил собеседник, — определенная часть делового мира США будет всегда смотреть на вас с опаской. Для нас вы как пришельцы из других миров. Но коль скоро мы убедимся в том, что вы не собираетесь совершать революцию в Америке, то все смелее и смелее будем идти на деловое сотрудничество с вами.

Тут же он сделал интересное заявление:

— Тогда не только я, но и вся династия Рокфеллеров будет стоять за добрые отношения с Советским Союзом.

А потом добавил:

— Сейчас я по просьбе президента приобщился к политике. Незадолго до нашего разговора Нельсон Олдрич Рокфеллер, преуспевающий молодой бизнесмен, стал заместителем государственного секретаря США. Я слушал его со вниманием, а он продолжал:

— Но ведь рано или поздно я возобновлю деятельность в бизнесе. И тоже буду получать выгоду от торговли с вами. Конечно, известная настороженность к вашей стране у американцев будет, но она не станет решающим фактором. Поможет делу и то, что выгоды от хороших деловых связей обе страны, по прогнозам американских специалистов, могут извлекать в течение длительного времени. Разрушения, которые

причинила война, колоссальны. Следовательно, и восстановительный период у вас будет длительный.

Выслушав Рокфеллера, я сказал:

— Вы изложили очень четкую линию возможного отношения делового мира США к Советскому Союзу после победы над гитлеровской Германией. Уверены ли вы, что у американских бизнесменов не возьмут верх, скажем прямо, идеологические мотивы? Уж очень часто приходится слышать и читать, мягко выражаясь, весьма недружественные высказывания некоторых представителей бизнеса по адресу Советского Союза. Пока звучат они приглушенно. А что будет дальше?

Нельсон Рокфеллер на это ответил:

— Многое будет зависеть от того, какими выйдут из войны и союзники, и Германия. Если по итогам войны между СССР и его западными союзниками не будет серьезных разногласий, то дело должно пойти так, как предполагаю я. Правда, еще не ясно, чем закончится война.

Далее разговор перешел в несколько иную плоскость.

— Что касается моей семьи, — рассуждал он вслух, — то, возможно, не все ее члены придерживаются идентичных со мной взглядов на будущее. Но я не вижу среди них никого, кто занимает недружественную к Советскому Союзу позицию. Ведь из семьи Рокфеллеров я, пожалуй, больше других интересуюсь политикой. Остальные — это люди бизнеса, бизнеса и бизнеса. Поэтому они, возможно, с интересом ожидают расширения сферы взаимной заинтересованности двух крупных стран в развитии их экономического и торгового сотрудничества.

Рокфеллер как бы между прочим затронул и такой вопрос:

— Какой выйдет из войны Германия? И ответил сам себе:

— То, что она в значительной мере будет разрушена — не подлежит сомнению. Как с ней быть впредь? От этого вопроса союзники никуда не уйдут.

Оговорившись, что это его личное мнение, Нельсон Рокфеллер сказал:

— Если Германия восстановит свой экономический потенциал, то в ее лице США будут иметь серьезного конкурента. Опыт прошлого показал, что она способна быстро восстановить свою промышленность. Однако союзники могут подрезать ей крылья. Особенно если будут действовать согласованно.

Рассуждения Нельсона Рокфеллера во многом были резонны. Но события после окончания войны получили иное развитие. США, сделав своим союзником ФРГ, немало поработали над тем, чтобы не только экономический, но и военный потенциал этого государства был использован в интересах НАТО. Получилось,

пожалуй, нечто прямо противоположное тому, что виделось Рокфеллеру в ходе войны.

Справедливость требует признать, что в будущем, даже когда в 1974–1977 годах Рокфеллер был вице-президентом, его отношение к нашей стране было корректным. Он, конечно, был человеком другого социального полюса, но никогда не опускался до проявления открытой вражды к Советскому Союзу, не эксплуатировал «проблему прав человека» и исходил из того, что СССР и США должны сосуществовать в условиях мира.

Нельсона Рокфеллера я встречал и позже, встречал при разных обстоятельствах — в официальном качестве, когда он был вице-президентом, и неофициально. До избрания на пост вице-президента он проводил значительную часть времени в Нью-Йорке в своей квартире мультимиллионера. В память врезался один вечер.

Лидия Дмитриевна и я получили от Рокфеллера и его супруги приглашение, в котором говорилось, что в нашу честь он устраивает обед. В роскошном ресторане, куда мы прибыли, увидели солидную компанию крупных американских бизнесменов с супругами.

Хозяин и хозяйка приема пригласили всех, начиная с почетных гостей, к столу, который был сервирован по-рокфеллеровски: все было устроено так, что роскошь не бросалась в глаза, была какой-то малозаметной, доминировали цветы. Хозяйка сказала, что у нее плохой аппетит, если нет цветов на столе или если они ей не по вкусу.

Я спросил:

— Что же, цветы — это ваше хобби?

Ответ был:

— Нет, не это мое хобби, а нечто другое.

Я заметил, что она медлит объяснить, что же это другое.

Хозяйка заявила:

— Если хотите, я вам открою секрет. Мое хобби — это замена одной квартиры на другую — переезды, покупка мебели, расстановка ее. Обожаю расставлять новую мебель.

Она с особым вкусом произнесла эти слова.

Не скрою, я подумал: «Хорошо тебе, хозяйка, выбирать такое хобби. А как же живут те американцы, которых мы видели несколько дней назад на улицах Бруклина. На ночь они входят в дома с заколоченными окнами, неотапливаемые. Дома эти заброшены собственниками, потому что их невыгодно поддерживать так, чтобы там жили люди. Таких картин мы наблюдали много. Целые кварталы и даже длинные улицы подобных домов».

Но хозяйке приема этого ничего не скажешь. Надо соблюдать правила приличия. Разговор, как это обычно бывает в такого рода компании, шел на самые разные темы: немного политики, немного бизнеса, немного о хобби, о литературе и театрах, а также о детях, родственниках, где кто живет, как проводит свободное время.

Если заходит разговор о детях, то обычно представители того круга людей, которые собрались за столом, очень удивляются, когда узнают, что у кого-то дети живут вместе со взрослыми в городе. Не любили они и не любят такого образа жизни. Делают все возможное, чтобы дети находились вне семьи, преимущественно за городом.

Бросалось в глаза, как и в других аналогичных случаях, что пожилые, степенные бизнесмены-банкиры, как всегда, были не прочь поплавать по морю высокой политики и послушать, а что скажет представитель Советского Союза.

Особенно на эту тему любил поддерживать разговор сам Рокфеллер.

Когда собирается элита американского делового мира, неважно, в большом составе или небольшом, то бросается в глаза одна особенность: эти люди привыкли говорить не торопясь, тихо. Как будто каждый участник желает дать понять: дескать, ему нечего напрягать свой голос, кому надо, услышат. Любой из присутствующих обязан прислушиваться только к его словам-алмазам и ловить их, никто не имеет права ничего из этой бесценной россыпи потерять или даже уронить.

В этом обществе такая манера вести себя выработалась давно. Видимо, она — следствие того, что дела бизнеса — на форуме или без форума — решаются всегда в пользу того, у кого потолще денежный мешок. А крик и шум тут не помогут, если даже за ними стоит в чистейшем виде сама правда. Последняя невысоко ценится, когда ее оппонентом выступают миллионы и их владельцы.

Среди собравшихся по инициативе Нельсона Рокфеллера преобладала именно такая атмосфера. Она сказывалась даже при разговоре на темы, далекие от бизнеса и экономики.

Американская манера поведения людей этого круга существенно отличается, например, от английской. И в среде делового мира, и среди тех, кто связан с политической жизнью Великобритании, больше суеты и шума, что на поверхностный взгляд кажется более демократичным. Споры, вопросы и ответы на них, замечания по адресу оппонента с претензией на юмор — частое явление. Для этого не обязательно наблюдать солидный форум. Даже два-три англичанина могут поднять шумок, хотя к

концу разговора они обменяются заверениями в сердечной дружбе и в том, что они друг без друга существовать не могут.

Видимо, не в последнюю очередь объясняется это влиянием того порядка, который принят в английском парламенте. В седовласом Вестминстере, как известно, не разрешается произносить речи, зачитывая текст. Устно, только устно можно обсуждать вопросы, спорить, делать реплики, обмениваться колкостями и крепкими словами. И это должны все слышать, это демократично.

Такой порядок английского парламента как бы радирует из его стен и на общественную жизнь, и в какой-то степени на бизнес.

На встрече с Рокфеллером преобладала специфическая американская атмосфера, даже когда затрагивались вопросы политики. Хозяину не требовалось усилий, чтобы ее обеспечить. Его друзья вели себя чинно, как подобает солидным людям большого бизнеса США.

Хотя то был уже 1947 год, прошло полтора года после речи Черчилля в Фултоне, но у серьезных людей американского бизнеса все же теплилась надежда, что обе страны — СССР и США — многое из того, что появилось в их отношениях в годы войны, сохранят. Время показало, что надежды эти не оправдались.

Начиная с президентства Трумэна, наступило охлаждение в советско-американских отношениях, которые временами достигали значительного напряжения, как, например, в период кубинского кризиса, во время инцидента с самолетом Пауэрса и провала четырехсторонней встречи в верхах в Париже. Всесильный военно-промышленный комплекс уже взял определенную линию на расширение гонки вооружений и накопление ядерного оружия.

По окончании обеда Рокфеллер не изменил своей привычке и высказал пожелание кратко поговорить со мной наедине. Сели мы в углу комнаты, каждый с чашкой кофе. Он сказал откровенно:

— Я заметил поправение американского общественного мнения в отношении Советского Союза.

Посмотрел на меня, а затем развил свою мысль:

— Я сам даже не ожидал такого явления. Полагал, что тенденция поддержания корректных отношений с Советским Союзом будет более устойчивой. Но умер Рузвельт, а с ним умерла и та решимость, которая была в достаточном запасе у администрации покойного президента в вопросах отношений с вашей страной.

Сейчас начали дуть другие ветры, — заявил Рокфеллер, — которые неизвестно, куда нас с вами вынесут. Я в ответ сказал:

— Советская политика в отношении США остается прежней — на поддержание добрых отношений с этой страной. И не Москва виновна в том, что подули другие ветры у нашего бывшего союзника по войне.

Я спросил Рокфеллера:

— А знаете ли вы, что при решении вопроса о том, где быть штаб-квартире ООН — в Европе или США, Советский Союз, а вместе с ним и его европейские друзья проголосовали за США и что именно благодаря этому США были избраны местом пребывания штаб-квартиры только что созданной всемирной организации? Когда я был на конференции в Сан-Франциско во главе советской делегации, то получил из Москвы телеграмму о том, что следует проголосовать за США, если будет решаться вопрос о местопребывании штаб-квартиры ООН.

Я задал ему и другой вопрос:

— Знаете ли вы, каким мотивом Москва руководствовалась, когда давала такое указание делегации?

Рокфеллер ответил:

— Ничего определенного по этому поводу я вам сказать не могу.

— Москва, — заявил я, — в качестве мотива указала на то, что поддержка американцев в вопросе о штаб-квартире будет сохранять их интерес к международным делам. Иначе говоря, у Москвы были опасения, что США могут уйти в изоляционизм. А в таких условиях неизвестно еще, в каком направлении повернут свою политику некоторые европейские государства. Вот какая имелась у Советского

Союза вера в добрые намерения той политики, основы которой заложил Рузвельт. Рокфеллер сказал:

— Сталин действительно проявил последовательность и в известном смысле благородство, если он придерживался тех взглядов относительно США, о которых вы мне только что сказали.

Рокфеллер позднее, когда он стал вице-президентом, не принадлежал к крылу деятелей, настроенных открыто враждебно к Советскому Союзу, хотя он уже не выступал и с прежних позиций администрации Рузвельта в вопросах отношений между двумя державами. В нем давала себя знать двойственность. С одной стороны, он высказывался за необходимость мирных отношений между СССР и США, с другой — в пользу сильной Америки, вооруженной Америки, Америки, в которой крупный бизнес, миллионеры и миллиардеры, вершат судьбами страны и определяют ее политику и во внутренних и во внешних делах.

Сложным представлялось его общественное лицо. Таким я

знал этого мультимиллионера-банкира, мультимиллионера-бизнесмена. Позже жизнь Н. Рокфеллера сложилась непросто. Сын его случайно погиб в водах западной части Тихого океана, около берегов Индонезии. Семья его распалась. Остались лишь богатства, о которых сейчас не часто услышишь. Сам он умер при каких-то загадочных обстоятельствах. Случилось это в 1979 году, ему был семьдесят один.

Запомнилась мне также одна из встреч с Томасом Ламонтом, возглавлявшим банкирский дом американских миллиардеров Морганов после смерти самого Джона Пирпонта Моргана — этого американского Креза.[6] Перед президентскими выборами в США в 1944 году Ламонт попросил у меня встречи. В беседе, состоявшейся в нашем консульстве в Нью-Йорке, он высказал неожиданную на первый взгляд просьбу:

— Прошу Москву сделать так, чтобы Советский Союз поддержал кандидата в президенты США от республиканской партии Томаса Дьюи.

Мы знали, что на этих выборах с Рузвельтом соперничал Дьюи. Однако уже само обращение с такой просьбой представлялось симптоматичным. Оно свидетельствовало о том, что в общественном мнении США еще преобладали симпатии к нашей стране, несущей главную тяжесть борьбы против гитлеровской Германии. Республиканцам уж очень хотелось использовать этот фактор к выгоде своей партии, когда американец пойдет на избирательный участок в день выборов.

Пришлось давать Ламонту разъяснения:

— Наша страна не может вмешиваться во внутренние дела Соединенных Штатов.

Ламонт воспринял сказанное с разочарованием, но одновременно и с известным пониманием.

Да, не часто обращались мультимиллионеры к Советскому Союзу с просьбой: помогите! Однако кое-когда бывало и такое. У меня, как и у многих моих предшественников и преемников, сложились хорошие отношения с сыном этого банкира — Корлиссом Ламонтом. Его можно смело назвать одним из светлых умов Америки, человеком глубокой убежденности и смелых взглядов. Он порвал и с отцом, и фактически со своей семьей. Основания были чисто идеологические. Порвал полностью и окончательно со всем своим классом.

Всю жизнь К. Ламонт оставался другом Советского Союза. Много полезного он сделал для мобилизации общественного мнения США в пользу сотрудничества между советским и американским народами. Длительное время работал он на посту председателя Национального совета американо-советской

дружбы.

Беседы с Ланкастером

Один из моих предшественников на посту посла в США, К. А. Уманский, сказал как-то, что хорошо знаком с удивительным ученым-экономистом. Звали этого необычного человека Келвин Джон Ланкастер, он являлся профессором городского колледжа в Нью-Йорке и одновременно профессором экономики Колумбийского университета. Этот университет и ныне остается одним из ведущих высших учебных заведений США.

Вскоре я сам убедился, что мой новый знакомый был университетским наставником. Беседы с ним, понимающим экономические «секреты» США гораздо лучше кого-либо другого, во многом помогали познанию делового мира Америки, механизма ведущих «банковских империй».

В последующем мне не раз приходилось встречаться с этим представителем американской профессуры. Его смелость в суждениях, подкупающая прямота в изложении принципов, которых придерживаются финансовые магнаты США, в том числе по отношению к другим государствам, представляли немалый интерес. Вообще Ланкастера считали человеком широких взглядов, нечасто встречавшихся ранее. Да и ныне редко кто из представителей экономической науки США отстаивает подобные суждения.

Чуть ли не каждую беседу Ланкастер начинал с таких истин:

— Любой американский крупный банк в установлении связей с банками других государств не особенно заинтересован. Его не интересует также, какому богу молится народ той или иной страны, да и молится ли он вообще. Его интересует только одно — если с ним хотят иметь связи, то он прежде всего посмотрит, будут ли они выгодны ему с. деловой точки зрения или нет. Бывало и так, что государственным деятелям в Вашингтоне не нравился выбор банком партнера за рубежом. Однако банк идет своей дорогой и одерживает верх. Разумеется, без поддержки администрации ему труднее работать. Но он, случается, ведет дела и без такой поддержки, поскольку они ему выгодны с точки зрения бизнеса.

Однажды в моем присутствии Ланкастер стал делиться своими взглядами на то, что представляет собой крупное американское предпринимательство.

— Иногда представители вашей страны интересуются: «Как это американцы вырабатывают свою специфическую деловую хватку?» Такой вопрос имеет смысл. Хватка — важное качество людей серьезного бизнеса. Без нее бизнесмену нечего делать в

своей сфере. В противном случае он просто продавал бы свой труд как рабочий, служащий, мелкий торговец и так далее. В какой-то степени деловая хватка передается по наследству. Сын получает ее от отца, отец от деда. Но так бывает не всегда. Качества бизнесмена, особенно в банковском деле, должны приобретаться. Легко сказать — «приобретаться»! Не все люди одинаково способны не утонуть в море деловых отношений. Каждый стремится занять достойное место среди предпринимателей. Непреложный закон, которому следует американец, мечтающий преуспеть в области бизнеса, состоит в том, что он сам должен работать быстрее и лучше, чем сосед. Это неписаное правило.

Говорил Ланкастер легко, откровенно, словно приглашал заняться предпринимательством.

— Правильно, — продолжал он, — ваши представители неоднократно подмечали, — и посол Уманский говорил мне об этом не один раз, — что чем бы ни занимался американец, он только тогда получит удовлетворение, когда его дело станет прибыльным.

У этого человека невысокого роста, несколько флегматичного, речь лилась тихо и спокойно. Когда посмотришь на него, ни за что по внешнему виду и по его манере говорить не скажешь, что это и есть один из столпов американской экономической науки, призванной оправдывать и восхвалять хозяйственную структуру США.

— Конечно, я говорю о бизнесе, — снова сделал оговорку собеседник, — а не о рабочем на предприятии и не о служащем в каком-либо офисе. В этих случаях человек может быть доволен тем, что ему просто хватает средств, чтобы прокормить семью, одеть ее, оплатить жилье. Но бизнес — это такая область, где люди, как правило, хотят получать больше сегодня, чем вчера, а завтра больше, чем сегодня. Именно это стало главным побудительным мотивом любого способного человека, ставшего предпринимателем. То, что применимо к отдельному индивидууму, относится и к социальным институтам бизнеса — банкам, фирмам, корпорациям, концернам, интересы и связи которых переплетены самым хитроумным способом. А в конкуренции между ними выживать должны и будут более сильные и более приспособленные.

Мне эти откровенные рассуждения представлялись весьма любопытными.

— Теперь о другом вопросе, — продолжал размышлять вслух Ланкастер. — Он имеет тоже важное значение в любом бизнесе. Его часто затрагивают и представители Советского Союза, правда,

не в ходе переговоров по каким-либо конкретным вопросам купли-продажи, кредита и прочего, а скорее в порядке сравнения условий жизни людей в Америке и Советском Союзе. Речь идет о безработице. Вы задаете американцам вопрос: «Почему в США существует армия безработных?» Ставя его, вы, русские, излагаете взгляды Маркса и Ленина, чтобы подтвердить тезис о невозможности устранения этого явления при капитализме, и говорите со знанием дела.

Этого профессора мы часто видели в посольстве СССР. Он активно общался с нашими дипломатами и, конечно, слышал советскую точку зрения по многим проблемам, в том числе и на безработицу.

— Не всегда американцы дают квалифицированный ответ на этот вопрос, — говорил он далее. — Иногда недостаточно подготовленные представители американской стороны пытаются доказывать, что безработицу можно свести к минимуму и даже почти устранить. Но жизнь вовсе не соответствует такому объяснению. Знающие, подготовленные специалисты в США переводят разговор в иную плоскость. Они признают, что это явление неизбежно в обществе, основанном на частной собственности и свободной конкуренции. Важно только, чтобы уровень незанятых не превышал определенных границ, а разного рода пособия им смягчали остроту проблемы. Вы видите, что даже такая богатая страна, как Америка, не нашла способа, как покончить с безработицей, несомненно, она будет давать о себе знать и в будущем в течение такого времени, продолжительность которого никто не может предсказать.

Четко и, пожалуй, необычайно откровенно для его круга людей Ланкастер изложил взгляды на эту и другие непростые проблемы. Заключил разговор он таким заявлением: мир бизнеса США и американская администрация, независимо от того, кто является хозяином Белого дома — демократ или республиканец, — считают, что в американо-советских отношениях должны доминировать прагматические расчеты. Я и мои коллеги-ученые исходили только из этого, оценивая перспективы торговли и экономических отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Разумеется, в те довоенные и военные годы, когда Ланкастер излагал мне свои взгляды, конкретные пути развития экономических и торговых отношений между двумя державами еще не были предметом обсуждения. А нашим народам предстояла еще сложная полоса сражений с фашизмом, прежде чем в ходе строительства нового, послевоенного мира они смогут заговорить о развитии советско-американских экономических

связей.

Что же касается Ланкастера, то он принимал активное участие в деятельности общества американо-советской дружбы и оказывал ему существенную помощь. В кругах американской университетской профессуры, прикладной науки и бизнеса он был, конечно, не одинок среди тех, кто желал победы над гитлеровской Германией.

Можно ли сегодня в США встретить крупного ученого, который с такой прямолинейностью и откровенностью сумел бы изложить свое кредо при сопоставлении социальных ценностей США и СССР? Конечно, можно. Но с поправками на изменившиеся условия и на исключительную сложность проблем, которые возникли в новое время, когда главной заботой человечества стало стремление предотвратить ядерную войну и сохранить мир.

Трогательные встречи на американской земле

Поезд Нью-Йорк — Вашингтон. Мерный стук колес. Вагоны сидячие — ехать недалеко. Смотрю в окно. Вдруг:

— Здравствуйте, мистер Громыко.

— Здравствуйте.

— Я узнал вас и решил подойти. Меня зовут Альберт Рис Вильямс. Я восхищаюсь героизмом ваших людей, вашей армии. Вы спасаете Европу и мир.

С проявлением дружественных чувств американцев к СССР мы часто сталкивались в самых различных ситуациях: в поездах, на улицах городов, даже в официальных учреждениях и организациях. Обычно американцы здоровались, высказывали свои дружеские чувства и уходили. Причем иногда представлялись, а иногда и нет. Эти встречи были по-своему трогательны.

И вот ко мне таким же образом подошел прославленный журналист Альберт Рис Вильямс. Я предложил ему сесть рядом, и мы разговорились. Он тепло вспоминал о своих встречах с Лениным, о своем пребывании в нашей стране в первые годы Советской власти. Кроме Москвы и Ленинграда ему удалось побывать в некоторых других районах страны, в частности в Поволжье.

— Конечно, — рассказывал он, — я был у вас в стране в самые тяжелые годы, сразу же после окончания гражданской войны. Тогда я наблюдал разруху, сильное расстройство хозяйства, особенно сельского, неурожаи, местами жестокие.

В поездках по нашей стране Вильяме не скрывал своего гражданства, хотя и без того можно было легко догадаться, что он иностранец, по тому как изъяснялся на русском языке. Но неприязни к себе со стороны советских людей он не испытывал. А ведь США занимали враждебную позицию по отношению к Советской власти, Советскому правительству во главе с Лениным.

— Однажды, — рассказывал Вильяме, — крестьянин согласился подвезти меня на телеге и спросил: «Откуда вы родом?» Я ответил, что из самой богатой страны в мире — Америки. На лице у крестьянина появилось какое-то недоумение, и он переспросил: «Так вы говорите, гражданин самой богатой страны?» При этом он окинул взглядом мою непрезентабельную одежду. Крестьянин, вероятно, подумал, что пассажир просто жулик, а то и еще хуже, так как ботинки у меня были изрядно

изношены, да и вообще по одежде я выглядел ничуть не лучше, чем сам крестьянин. Тем не менее простой советский человек все же мне поверил, и расстались мы дружелюбно.

Говорил мне Вильяме обо всем этом с теплым чувством.

Потом как искреннего друга нашей страны мы его часто видели на приемах в нашем посольстве и всегда с интересом общались.

Мы знаем, что он впоследствии прочел в США немало лекций о Советском Союзе перед разными аудиториями, в том числе в американских университетах. Везде он пользовался популярностью. Можно смело сказать, что имя Альберта Риса Вильямса в истории по праву соседствует с именем другого выдающегося представителя американской прогрессивной прессы — Джона Рида — свидетеля

Октябрьской революции, события которой изображены в его замечательной книге «10 дней, которые потрясли мир».

Все советские люди, находившиеся по долгу службы в США в годы войны, ощущали огромный прилив симпатий к нашему народу со стороны американского народа. Не поддается счету количество телеграмм и писем, полученных в этот период советским посольством и консульствами от американцев, от различных организаций, обществ, институтов, с выражением добрых чувств к СССР.

Объясняется это, во-первых, той позицией, которая была занята Рузвельтом и его администрацией в отношении Советского Союза как жертвы агрессии, и, во-вторых, растущим у американцев сознанием того, что судьба США, как и Европы, фактически зависит от исхода великой схватки между нашей страной и фашистскими агрессорами не на жизнь, а на смерть.

Это было спонтанное чувство простых американцев к советским людям, которое Трумэн стал всячески приглушать. Позже начало твориться насилие над историей, глумление над чувствами взаимных симпатий между обоими народами.

Но даже после того, как 5 марта 1946 года Черчилль в присутствии Трумэна выступил в Фултоне (штат Миссури, США) с речью, которая явилась как бы сигналом для сколачивания широкого антисоветского фронта с участием США, одно выступление еще не могло радикально изменить настроение американской общественности и насадить вражду к стране социализма в той степени, на которую рассчитывали реакционные круги в США. Им понадобилось поднять волну массированной пропаганды, чтобы сдвиги в общественном мнении стали ощутимыми.

Следует сказать, что и во время войны в подходе

официального Вашингтона к Советскому Союзу нередко проявлялось отношение, не отвечавшее духу союзничества. Подтверждением тому мог служить такой пример. В Вашингтон прибыли три советских летчика-героя — М. М. Громов, Г. Ф. Байдуков, А. Б. Юмашев, перед которыми была поставлена скромная задача: попытаться получить хотя бы один американский самолет с бомбоприцелом компании «Спэрри», не представлявший к тому времени особого секрета, так как он уже имелся у гитлеровцев.

Изрядное время находились наши летчики в столице США. Но возвратились домой с пустыми руками. Кто блокировал решение этого вопроса? У политиков, которые могли бы его решить, если бы того пожелали, руки до этого вопроса, как нам заявили, не доходили. Ясно, что не доходили руки потому, что не позволяла им этого голова.

Можно привести также немало других фактов. В частности, показать, как решались вопросы ленд-лиза. Ведь для того, чтобы добиться поставок из США по ленд-лизу, неизменно требовалось приложить огромные усилия. Американская деловитость в этом случае исчезала, и ее место занимали сознательная волокита, намеренный саботаж и махровый бюрократизм.

С осени 1941 года Управление по осуществлению закона о ленд-лизе возглавил Эдуард Стеттиниус (это произошло еще до его назначения государственным секретарем в ноябре 1944 года). Мы поддерживали с ним соответствующие контакты. Но и Стеттиниус тоже не всегда мог довести до положительного исхода решение того или иного вопроса, даже когда, как нам казалось, он стремился к этому. Почти всегда выдвигалась масса всяких оговорок, делались ссылки на многие ведомства, которые неизменно пользовались правом вето при рассмотрении вопросов ленд-лиза.

Тем не менее в то время гораздо более характерными для настроений как общественности, так и значительной части политических кругов США, поддерживавших политику Рузвельта, стали проявлявшиеся открыто и в массовых масштабах чувства симпатии по отношению к Советскому Союзу. Показателем может служить, в частности, то, что на приемы, которые устраивались в посольстве СССР, кроме приглашенных стремились попасть сотни людей, не имевших пригласительных билетов. Они хотели лично продемонстрировать свое доброе расположение к Стране Советов. К сожалению, желающих всегда оказывалось больше, чем мы могли позволить себе пригласить. Эти приемы охотно посещали представители администрации, высшего военного командования, сенаторы, члены палаты представителей, бизнесмены, деятели

науки и культуры.

Приведу любопытный факт. Ни в одно посольство не ходила на приемы вдова бывшего президента Вудро Вильсона — одного из главных творцов Версальского мирного договора, который, как известно, так и не был ратифицирован сенатом США. А советское посольство она посещала.

— Почему? — задавали ей вопрос.

— Чтобы, — говорила эта пожилая интеллигентная женщина, — поклониться советскому народу за его стойкость и мужество в борьбе против общего врага.

Элеонора Рузвельт и сыновья

Хотелось бы поделиться некоторыми воспоминаниями о семье президента Рузвельта.

Его жена Элеонора была личностью яркой и, безусловно, человеком незаурядного ума. Рузвельт был поражен жестоким недугом, а ей одной, считала она, не всегда удобно находиться на виду, участвовать в тех или иных мероприятиях общественного характера. Однако изредка Элеонора Рузвельт все же появлялась на торжественных собраниях и заседаниях, особенно во время второй мировой войны.

О ее способностях хорошо знали. Она не чуждалась политики, регулярные колонки в газетах с изложением ее взглядов привлекали внимание многих, в том числе дипломатов, работавших в Вашингтоне. Как правило, можно было составить представление не только о том, чем дышит она сама, но и о том, что думает президент. Иногда это были просто осторожные намеки. Но их было достаточно, чтобы почувствовать, откуда в политике только начинается легкое дуновение или уже дуют ветры. Писала она и по вопросам внутренним, и по проблемам внешним. То, что временами она могла выносить самостоятельные суждения, ничуть не умаляет значения сказанного выше относительно популяризации раздумий самого президента Рузвельта.

Но случалось, хотя и редко, ее заносило в сторону от официальной политики. Она все же не всегда успевала следить за сложными процессами, происходившими на мировой арене, тем более во время войны. Как-то уже после смерти президента, встретившись с Элеонорой Рузвельт, я поинтересовался:

— Скажите, пожалуйста, вы самостоятельно выбирали темы, которые затрагивали в печати, или покойный супруг вам их подсказывал?

Ответ на вопрос последовал быстро:

— Все темы я выбирала сама.

Тут же Элеонора Рузвельт с улыбкой добавила:

— Иногда президент даже не очень приветствовал мой выбор, но я не отступала. Правда, если муж давал ясно понять, что этого делать не надо, приходилось ему уступать.

Ее слова мне показались не очень четкими, хотя в общем-то стало очевидным, что супруга президента к мнению мужа прислушивалась.

Знакомые американцы — и государственные деятели, и журналисты, — говорили, что ее мнение в печати совпадало со

взглядами президента. А если случалось не так, то это представляло собой лишь исключение, подтверждавшее правило.

Элеонора Рузвельт обладала редким даром убеждать людей. Она говорила и писала не лозунгами, не постулатами официальной политики, а находила специфические житейские обороты речи, общаясь с читателями. Стремилась к употреблению языка, на котором разговаривают американцы, сидя за столом после рабочего дня в присутствии детей, которые тоже хотят что-то знать, что-то уяснить о Белом доме и американском президенте, хотя они его воочию, возможно, ни разу не видели. Язык, доводы Элеоноры Рузвельт хорошо откладывались в сознании и взрослых, и даже детей.

После смерти Франклина Рузвельта она старательно стремилась поддерживать память о своем выдающемся муже. Хорошо известно, что Элеонора Рузвельт уделяла большое внимание приведению в порядок имения президента в штате Нью-Йорк. Оно называлось «Гайд-парк».

Сколько было домов и домиков в этом имении! Мы посетили все их. Она подробно рассказывала моей жене и мне, когда мы приехали к ней в гости, историю каждого из них, иногда в деталях, которые непосредственно касались имени Рузвельта. Хорошо помню, как прочувствованно она вела речь о столовой, показала стул, на котором сидел ее муж, а также свой стул, говорила об отношении президента к различным блюдам и напиткам.

— К спиртному президент не имел пристрастия, — говорила она, — и был к нему равнодушен.

О себе говорила примерно то же. Сетовала:

— Всей семьей мы, Рузвельты, собирались редко. Причина состояла в том, что родственники рассеяны по стране и собраться вместе просто не получалось, если для этого не оказывался какой-то особый повод.

Наш визит в имение по ее же приглашению состоялся уже после окончания второй мировой войны. Однако и тогда Элеонора Рузвельт проявила трогательное внимание к нам как к людям, хорошо знавшим ее мужа. Мне врезались в память ее меткие замечания о президенте, некоторых его привычках и образе жизни. Речь шла о великом американце, и посещение имения Рузвельтов запечатлелось в памяти. Мы с женой всегда живо вспоминаем о нем.

Постояв в молчании у могилы человека, которого я наблюдал вблизи при самых разных обстоятельствах в течение долгого периода времени, мы тепло попрощались с хозяйкой и вернулись в Нью-Йорк.

Элеонору Рузвельт мне доводилось видеть в разной обстановке, беседовать с ней в разное время, в том числе обсуждать и острые политические проблемы. Вскоре после войны Э. Рузвельт стала часто выезжать в другие страны. Бывала она и в СССР.

Осенью 1945 года она пришла на прием в советское посольство, вернувшись только что из Лондона.

— Я приехала из Великобритании, — сказала она, приветливо улыбнувшись. — Меня в этой поездке сопровождал Джон Фостер Даллес. Вы знаете, я убедилась в том, что он совершенно не верит русским.

— Почему же? Откуда у него это неверие? — поинтересовался я.

— Видимо, на него очень сильно влияет Черчилль, — сказала вдова президента.

Ей, по-видимому, не все было известно о семье Даллеса. Еще в годы войны брат Джона — Аллен Даллес вел в Швейцарии секретные переговоры с представителем нацистской верхушки Германии о возможности сепаратной сделки с нею. В те дни 1945 года оба брата с точки зрения политических взглядов стоили друг друга. Тем более что вскоре Джон Фостер Даллес стал вдохновителем американского курса «с позиции силы». А в той поездке с Э. Рузвельт он и сам мог настраивать Черчилля на антисоветский лад. В политике уже нет-нет да и чувствовались порывы ветров, которые в годы «холодной войны» стали преобладающими.

Кстати, сам Рузвельт во время наших встреч ни разу, ни в какой связи не упоминал об Элеоноре, как будто ее не существовало. Возможно, те историки и писатели, которые констатировали холодок в отношениях между супругами, имеют на это какое-то основание. Что касается меня, то я предпочел бы ограничить свое повествование политическими аспектами этой деликатной темы.

У супругов Рузвельт, как известно, было четыре сына — Джеймс, Франклин, Эллиот и Джон. Сыновья при жизни отца не занимались активной политической деятельностью. По всему ощущалось, что президент не сочувствовал тому, чтобы они избрали своим поприщем политику. Но так как само имя Рузвельта обладало громадной притягательной силой, то некоторые из сыновей не могли остаться полностью в стороне от политики, в том числе от внешней.

Эллиот Рузвельт после войны посетил Советский Союз. 21 декабря 1946 года его принял Сталин и дал ему интервью. Поставленные вопросы касались главным образом двусторонних

отношений СССР и США, контроля со стороны ООН за положением в мире, проведения ядерных исследований, необходимости совещания «большой тройки», вероятности новой мировой войны, отказа от проведения денацификации в английском и американском секторах Берлина. На все эти вопросы Э. Рузвельт получил исчерпывающие ответы. Интервью было опубликовано в «Известиях» 24 января 1947 года.

По возвращении из Москвы Эллиот пригласил меня с Лидией Дмитриевной на концерт в нью-йоркский Карнеги-холл. Он был со своей супругой — молодой красивой женщиной из семьи мультимиллионеров Дюпонов.

Этот брак между представителями семейных кланов президента Франклина Рузвельта, с одной стороны, и банкиров Дюпонов — с другой, выглядит занятно. Видимо, находили между собой общий язык эти кланы. Люди, близко знавшие президента и все обстоятельства женитьбы, нисколько ей не удивлялись. Просто это лишний раз доказывало, что всякие обвинения по адресу американского президента, будто он чуть ли не сделался «красным», проводя свой курс в вопросах внутренней политики, а также во внешней, пойдя на установление дружественных отношений с Советским Союзом, не имели под собой никаких оснований.

Дело в том, что Рузвельт, оставаясь верным своему общественному классу, стоял на голову выше многих представителей крупного капитала США, одержимых во внешней политике ненавистью к СССР, а во внутренней — признававших лишь беспощадную эксплуатацию трудящихся и полное пренебрежение к их социальным нуждам. По сравнению с этим выдающимся американцем они и тогда были, и сейчас остаются жалкими пигмеями в политике.

Встреча с Эллиотом, скажу прямо, пробудила в моей памяти живые воспоминания, связанные с покойным президентом. Этому отчасти способствовало и то, что внешне сын очень походил на отца.

В антракте концерта мы с ним интересно побеседовали. Речь шла в основном о его впечатлениях от поездки в Москву, и прежде всего от встречи со Сталиным.

— Эта встреча произвела на меня большое впечатление, — сказал сын президента.

Восторженно отзывался Эллиот решительно обо всем: о величии Москвы — столицы СССР, об уверенности в будущем, исходившей от советских людей, с которыми он встречался, о самоотверженном труде нашего народа, о мощи Красной Армии, которая удивила мир своей победой в войне. Его рассказ был

искренним и не оставлял сомнений в том, что сам рассказчик — человек, по-настоящему хорошо относящийся и к нашей стране, и к ее народу.

Подтверждением этого стала и опубликованная вскоре книга Эллиота Рузвельта «Его глазами». «Его» — значит «отца». В книге проводится главная мысль: в интересах и Советского Союза, и Соединенных Штатов Америки надо жить в мире. Естественно, что тем, кто уже в годы войны, и особенно на последнем ее этапе, больше всего заботился о том, чтобы отдалить СССР и США друг от друга, эта книга Э. Рузвельта пришлась не по душе.

От Эллиота, понятно, нельзя было ожидать похвалы социализму как общественному строю. Он этого и не делал. Но основная идея книги — о пользе сотрудничества двух крупнейших держав на благо мира — заслуживает одобрения и сегодня.

Остальные сыновья Рузвельта в Вашингтоне бывали редко. Если кто-нибудь из них появлялся в американской столице по случаю той или иной торжественной даты, например в день рождения отца, то это считалось чуть ли не сенсацией. Так они своего собственного имени в большой политике и не приобрели.

Лишь самый старший сын Франклина Рузвельта — Джеймс в 1954 году бы избран от штата Калифорния членом палаты представителей конгресса и оставался в ней до 1966 года. Особой политической активности он не проявлял.

Звезды американской культуры

В период войны среди деятелей американской культуры наблюдался, можно сказать, взрыв интереса к Советскому Союзу и его народу. Чаще всего эти деятели были далеки от политики. Однако, когда большая часть мира оказалась охваченной пожаром войны, когда реки человеческой крови проливались в Европе и на других континентах, когда наш народ грудью встал на защиту и своей Родины, и всей земли, спасая ее от «коричневой чумы», эти люди тоже поняли, что советский солдат сражается и за американцев, за их дома, за их жизни.

Многие выдающиеся деятели театра, кино, литературы, музыки установили контакты с посольством СССР, бывали у нас на приемах и беседах.

В этой связи можно упомянуть выдающегося дирижера Леопольда Стоковского.

Уже за много лет до второй мировой войны, в годы войны и, конечно, после нее Леопольд Стоковский в США был настолько известен, что каждый, кто соприкасался с американским искусством и музыкой, как правило, не мог о нем не упомянуть.

Поляк по происхождению, он был одаренным музыкантом, великолепным дирижером; это одно из наиболее ярких имен в истории американской культуры. Мне, например, он запомнился по выступлению, когда дирижировал симфоническим оркестром Лос-Анджелеса. Но дело не в том, каким оркестром он руководил. Возглавляемый им оркестр — а он руководил разными оркестрами — знатоки американской музыки в течение многих десятилетий ставили на первое место в стране. И не случайно в течение ряда лет Стоковский как дирижер возглавлял самый престижный в США Нью-Йоркский филармонический оркестр.

Стоковский посещал советское посольство даже в то время, когда многие американцы, прежде чем прийти в наше здание, призадумывались, а не будут ли их после этого обвинять в симпатиях к социализму.

Он на возможность подобных обвинений не обращал внимания, поддерживал частые контакты с посольством, охотно завязывал беседы, интересовался жизнью советских людей. Стоковский знал хорошо выдающихся русских композиторов, основательно изучал творчество советских композиторов. Очень высоко оценивал талант Шостаковича. Когда говорил о Чайковском, Мусоргском, Даргомыжском, то, казалось, не будет конца его восхищению и самым лестным оценкам их музыки.

Стоковский уже в годы войны в репертуар концертов

оркестра, которым дирижировал, часто и помногу включал произведения советских композиторов. Это особенно располагало нас к нему, а впоследствии, поскольку он продолжал и после войны исполнять, как правило, опусы именно советских и российских дореволюционных авторов, его с полным правом называли пропагандистом советской и русской классической музыки.

Во время одной из наших встреч состоялся разговор о Глинке. Стоковский с восхищением говорил об опере «Иван Сусанин». — Я преклоняюсь, — сказал Стоковский, — перед памятью великого сына русского народа Глинки. Жаль, очень жаль, что публика в США недостаточно знакома с его творчеством. О нем больше вспоминают в кругах интеллигенции, но многие из тех американцев, кто слушал «Ивана Сусанина», конечно, с восторгом отзываются об этом великом творении.

Сам Стоковский дважды бывал в Советском Союзе — до и после второй мировой войны. Путешествовал он охотно, и с гастролями, и просто как турист для знакомства с творчеством композиторов других стран. Что ж, коль ездить, так ездить! Чего не сделаешь во имя святого дела всей жизни — любимой музыки?!

Можно вспомнить и Юджина Орманди — дирижера Филадельфийского симфонического оркестра. Он руководил этим оркестром с 1938 года на протяжении многих лет. Широкой известностью пользовалась и его жена — певица Лили Понс, по происхождению француженка. Их так и называли — «пара знаменитостей».

В сороковые — пятидесятые годы Орманди был в расцвете творческих сил. На концертах Филадельфийского оркестра, когда за дирижерским пультом стоял Орманди, публика буквально неистовствовала от восторга. Нескончаемые аплодисменты вызывало исполнение бессмертных произведений Рахманинова, Чайковского… Патриарх американской симфонической музыки скончался в возрасте восьмидесяти пяти лет в Филадельфии. Сообщение об этом пришло в один из мартовских дней 1985 года.

Деятели культуры США выступали в военные годы с заявлениями, призывая к дружбе с Советским Союзом. Среди них наряду с названными выше Стоковским и Орманди были известные певцы Поль Робсон и Фрэнк Синатра, литератор Лиллиан Хелман, звезда кино и оперы Эдди Нэльсон, прославленная певица и киноактриса Джанетта Макдональд и многие другие.

Упоминание о Синатре и Хелман заслуживает особых комментариев. Синатра, который по сей день живет и

здравствует, был кумиром молодежи во время войны и еще долгий период после ее окончания. Его стиль в искусстве скорее легкий, но не пошлый.

Хелман стала известной в США писательницей, своеобразной крупной фигурой в американской литературе. Ее знали прежде всего как драматурга. Одно время ее даже считали в стране «первой леди драмы».

Прогрессивные взгляды, которых придерживалась Хелман, четко определились еще во время ее пребывания в республиканской Испании. Антифашистская тема с тех пор стала одной из важнейших в ее творчестве. Она создала сценарий, в котором выражались симпатии к советским людям. По нему поставили фильм «Северная звезда», который вызывал у американцев добрые чувства к советскому союзнику.

В годы войны Хелман совершила многомесячную поездку по Советскому Союзу, куда ее направил президент Рузвельт с неофициальной миссией в целях укрепления культурных связей между США и СССР. Ее принимал Сталин. По возвращении она мне говорила:

— Эта поездка, встречи с советскими людьми остались в моей памяти на всю жизнь. Особенно запомнилась встреча на фронте с советским генералом Черновым. Он предложил мне сопровождать вашу армию до Варшавы. По его расчетам, ее должны были освободить дней через девять-десять после моего приезда к ним в часть. Он звал меня с собой и далее, до самого Берлина. Я ему даже написала письмо, а потом узнала, что генерал Чернов погиб через два дня после освобождения Варшавы. Понимаете, он погиб, погиб…

Говорила она с грустью.

Сидели мы в небольшом ресторанчике за ужином, устроенным ею и Фрэнком Синатрой в честь советского посла и его супруги. Вместе мы только что побывали на концерте в Карнеги-холл, где выступал Синатра.

Я думал о Москве, о том, что совсем недавно там побывала эта мужественная женщина, своими глазами увидела героизм наших людей и вот сейчас в этом тихом уголке вздыхает и вспоминает о советском человеке, с которым свела ее судьба в эту войну.

И она, и Синатра подчеркивали свое дружеское отношение к нашей стране, перед которой они преклонялись.

— Знаете, господин посол, — говорил Синатра, — в США есть и такая часть общества, которая не желает добрых отношений с СССР.

Смотрел я на Синатру и думал: «Вот ведь привлекательный,

стройный молодой человек — кумир юного поколения, а рассуждает как умный политик, как зрелый государственный деятель. Его бы голову, его бы взгляды да некоторым членам американского конгресса, которые так и не поняли или не хотели понять, кто несет на своих плечах основное бремя войны».

А рядом сидела и кивала головой в знак согласия с ним Лиллиан Хелман. Внешне она была скромной и малозаметной. Но сколько в ней проявлялось человечности, гражданского мужества, ясности суждений.

Такой и запечатлела ее моя память — среднего роста женщину с большими грустными глазами.

Бескомпромиссная в убеждениях, она осталась верна своим идеалам гуманизма, долга и правды. Ее ценили и уважали в тех американских кругах, которые не разделяли политических методов руководства культурной жизнью страны, характерных для времен маккартизма.

В течение ряда лет реакция создавала вокруг писательницы обстановку враждебности и остракизма. Она стала одной из жертв, над которыми издевались при допросах и расследованиях в разного рода комиссиях и подкомиссиях конгресса. Однако никакие угрозы не смогли заглушить голос Хелман, хотя она, по ее собственному признанию, временами впадала в состояние, близкое к бессилию.

И все же хрупкая натура женщины-художника не сломилась в сложившихся условиях. Хелман несла свой крест с достоинством, с презрением к тем, кто хотел уничтожить ее морально и политически. «Я не могу и не хочу подделывать свою совесть под моды этого года», — писала она 19 мая 1952 года в письме на имя председателя подкомиссии по расследованию антиамериканской деятельности Джозефа Маккарти. Сила духа, проявленная Хелман в мрачный период, когда ФБР и эта подкомиссия издевались над совестью Америки, не могла не восхищать всех честных людей в США и за рубежом.

После войны Хелман также посещала СССР. Советские люди всегда тепло принимали ее как хорошего друга нашей страны, защитницу демократии и человеколюбия. У нас хорошо известны ее пьесы. Три отстросюжетные социально-психологические драмы — «Час детей», «Настанет день», «Лисички» — шли на сцене лучших театров Советского Союза. Автор принимала непосредственное участие в подготовке, присутствовала на репетициях постановки «Лисичек» в одном из московских театров.

О ярких впечатлениях от поездок по нашей стране Хелман написала в своих мемуарах. Скончалась она в конце июня 1984 года в возрасте семидесяти девяти лет.

Эта женщина заслужила большую славу. Памятником ей стали ее прекрасные книги, постановки ее пьес во многих театрах мира.

Вы много сделали на земле во имя правды в литературе и в жизни, уважаемая и несравненная Лиллиан Хелман!

Могучий голос Поля Робсона

Спросите любого взрослого американца:

— Знаете ли вы Поля Робсона?

Он посмотрит на вас с удивлением и ответит:

— А кто же его не знает?

По адресу этого всемирно известного человека никто из честных американцев не может сказать ничего, кроме добрых слов. Высказывания иного свойства можно услышать разве что лишь от закоренелых расистов. Выдающийся негритянский певец и артист театра завоевал в тридцатые, сороковые и пятидесятые годы огромный авторитет в стране. Разумеется, прежде всего его ценили и любили в среде негритянского населения. Но он снискал себе славу и у всего американского народа.

Его могучий голос неизменно привлекал множество людей. Концертные залы и театры, в которых выступал Робсон, всегда были переполнены. Его известность вышла далеко за пределы США. Певца приглашали на гастроли во многие европейские страны.

Те, кому удалось побывать на выступлениях Робсона в Лондоне в роли Отелло, восхищались его голосом, игрой, талантом. На сцене виделся настоящий африканский мавр. Шекспир как будто специально для него написал эту роль. Все, кто присутствовал на спектакле, никогда не видели и не слышали ничего подобного. Казалось, что стены театра не выдержат бури гнева, которую обрушил неистовый ревнивец на невинную Дездемону. Не менее сильным в исполнении Робсона было и выражение высокого чувства любви Отелло к Дездемоне. Он проявлял это чувство особенно ярко в последние минуты действия перед трагической развязкой.

Всегда, как только представлялся случай встретиться с советскими людьми, Робсон его не упускал. Он держался по отношению к нам открыто, вел себя как с друзьями. Именно такой помнится его встреча с советской делегацией, находившейся в 1945 году в Сан-Франциско во время проходившей там конференции по созданию ООН. Много раз он приезжал в Советский Союз как друг, как представитель всего того дружеского и сердечного, что проявлялось в американском народе по отношению к нашему народу в годы войны и сохранилось после нее.

Робсон всегда оставался одним из тех американцев, которые отвергали клевету по адресу Советского Союза. Он жадно тянулся к Стране Советов, ее культуре, особенно к театру и музыке.

Робсона всегда с теплотой принимали в СССР. Его сын, тоже Поль (мы в посольстве звали его «Павлик»), учил русский язык и мог на нем изъясняться.

Неоднократно приходил Поль Робсон как гость к нам в посольство. Обычно эти визиты он наносил вместе с женой и Павликом. Жена его, мулатка Эсланда, несомненно, была человеком высокой культуры. Жили они дружной семьей. Робсон испытывал к своей жене глубокое уважение и нежную привязанность. Не случайно он посвятил ей свою книгу «На том я стою».

Во время встреч у нас велись задушевные разговоры, в которых принимали участие и работники посольства. Все хотели увидеть Робсона, поговорить с ним. Поль не пытался избегать политических тем. Он выступал как сторонник курса Рузвельта в отношении Советского Союза, высказывался за дружбу между народами обеих стран. Не могу забыть, как Робсон во время одного из таких непринужденных разговоров вдруг во всю мощь своего голоса затянул:

— Широка страна моя родная…

Пел он на русском языке. Мне показалось, что задрожали стекла в окнах зала нашего посольства. Естественная красота и сила его голоса поражали…

Самое сильное впечатление на Робсона производило то, что в советском обществе исчезает почва для национальных и расовых предрассудков.

— А у нас в Штатах, смотрите, — говорил он, — то выступления профашистов, то вылазки ку-клукс-клана.

При этом не стеснялся в выражениях, обличал американские власти, которые не принимают мер, чтобы пресечь преступления расистов.

Приходил Робсон в посольство и тогда, когда им овладевало мрачное настроение.

— Что случилось? — спрашиваю его.

А он рассказывал о всяких неприятностях, об историях, которые происходят с его друзьями только потому, что у них не белый цвет кожи.

Расизм во всей его мерзости пустил глубокие корни в США. Сам певец это ощущал на себе и с болью переживал, когда унижение человека по расовым признакам проявлялось по отношению к его друзьям. Прекрасным чувством — умением сопереживать с близким его беду, несчастье — обладал этот замечательный человек.

Понемножку он начинал учить русский язык сам. Был как-то случай: я прочитал ему стихи Пушкина, он попросил записать их

на листе бумаги. А через некоторое время сам их мне читал уже по-русски. И шутил:

— В Америке еще не родились люди, которые могли бы переводить Пушкина. Великого Пушкина надо читать по-русски.

Американская реакция не прощала Робсону его прогрессивных взглядов, прежде всего доброго отношения к Советскому Союзу. Даже официальные власти мстили Робсону. Мстили за то, что он выступал против вопиющей расовой нетерпимости в США по отношению к негритянскому населению. Мстили за то, что он — талантливый певец, артист крупного масштаба, пользующийся широкой популярностью и за пределами страны. Мстили за то, что он — Поль Робсон.

Травили Робсона разными путями: в одном случае замалчивали его успехи, в другом — старались ударить по самолюбию. Он все это понимал, но, как человек волевой и твердый, до конца шел тем путем, на который встал еще в молодые годы.

То, что Поль Робсон вошел в историю как великий певец, хорошо известно. Но не так широко знают, что он был одним из образованнейших людей Америки. Робсон много читал и художественной литературы, и исторической. Однажды он заговорил со мной об Иване Грозном. Я спросил его:

— А что вы читали об этом человеке?

— Дело в том, что я слышал об этом царе России от нескольких человек. Как только заходила речь о Борисе Годунове, то, как правило, упоминали и Ивана Грозного. У них было много общих черт.

А потом он показал свои знания истории нашей страны:

— Эти цари были сильные, но тираны. И великий Пушкин в своем произведении не случайно вывел именно таким образом Годунова.

Меня тронуло это высказывание артиста.

— Есть опера, — сказал я. — Ее сочинил еще в прошлом веке великий русский композитор Модест Мусоргский. Она так и называется «Борис Годунов». И там прекрасная басовая партия царя.

Поль Робсон знал основательно английскую литературу. Шутил, что с Шекспиром он вообще на «ты».

— Выдающийся драматург, — говорил певец, — вложил могучую силу в своего Отелло. Я так сросся с его образом, что бредил по ночам. Моя Эсланда шутя говорила, что опасается меня в то время, когда я готовлюсь к исполнению этой роли в театре. А я ее утешаю тем, что все же ни разу не пытался ее душить.

Во время этого разговора Эсланда Робсон стояла рядом и

подтвердила, тоже шутя:

— Правда, такого не было.

— А знаете, — сказал Поль Робсон, — кажется, американские власти собираются лишить меня возможности выезжать за границу даже в краткосрочные поездки. Чувствую, что дело идет к этому.

Собеседник оказался прав. Запрет вскоре вступил в силу. Вот вам и права человека. А в Вашингтоне даже не ощутили никакой неловкости. Их спрашивали: — А как же все это сочетать с пресловутыми американскими свободами?

Ответа не было. Причем не один Поль Робсон оказался объектом гнева властей.

В последние годы жизни Робсон был лишен возможности выезжать из США куда бы то ни было. Ему просто не давали разрешения на выезд. Это враждебное отношение распространялось не только на него самого, но и на членов его семьи.

Американцы, особенно негритянское население США, долго будут помнить талантливого, умного певца, великого артиста и патриота — Поля Робсона. А мы, советские люди, — доброго, честного друга и сторонника хороших отношений между двумя государствами.

Он любил обе страны, хотя и по-разному.

Обаятельная улыбка Чарли Чаплина

Меня всегда интересовало, что собой представлял Чарли Чаплин. То, что он великий артист, я знал с юношеского возраста, смотрел его кинокартины, когда еще не было денег, чтобы часто покупать билеты в кино.

Некоторые его фильмы демонстрировались в Гомеле на открытом воздухе, в саду. Я, как и некоторые сверстники, смотрел на экран через щели в заборе, которой был обнесен кинотеатр. Положение, конечно, крайне неудобное, но чудо кинематографа — он был тогда почти чудом — притягивало своим магнетизмом людей всех возрастов. Зрители понимали, что где-то в далекой Америке есть Чарли Чаплин, смешной и неповторимый.

К тому времени, когда мы прибыли в Вашингтон, Чаплин уже давно стал прославленным актером кино. На фильмах с его участием кинотеатры ломились от зрителей. Как только на афишах в очередной раз появлялся знакомый каждому американцу образ Чарли с усиками и в котелке, вокруг касс кинотеатров начинался ажиотаж.

Первая наша встреча состоялась на одном из официальных благотворительных мероприятий в Нью-Йорке, во время войны. Средства, собранные от него, шли в фонд помощи раненым воинам союзных стран.

Я стоял и разговаривал с каким-то дипломатом. В это время ко мне подошел знакомый по многим фильмам человек и представился, просто, но с очаровательной улыбкой:

— Здравствуйте, господин посол. Я — Чарли Чаплин.

Улыбка ему шла. Впрочем, она его редко покидала. Видимо, без нее он должен был бы еще доказывать, что он и есть Чарли Чаплин. Тогда во всех фильмах появлялся только «веселый» Чарли, «грустным» на экране он стал несколько позднее. В свою очередь представившись, я ему сказал:

— Вы знаете, не только я сам, но в нашей стране почти все, кто ходит в кино и понимает, что это такое, хорошо знакомы с вами. У нас, в Советском Союзе, до войны шли ваши фильмы «Огни большого города», «Новые времена»… Так что советским людям, особенно живущим в городах, известны ваши комедии. О них можно услышать прекрасные отзывы.

— Спасибо за добрые слова, — ответил Чаплин. — До меня уже много раз доходили вести о том, что в вашей стране зритель доброжелательно относится к моим картинам и ко мне.

— А когда советские люди узнали о ваших высказываниях против фашизма и в поддержку Советского Союза, то чувства

симпатии в нашей стране к вам как к человеку еще больше возросли, — добавил я.

Далее мы повели речь о советском художественном кино. Чаплин заметил:

— Видите ли, с художественными кинокартинами советского производства я знаком сравнительно мало. Но то, что видел, дает основание считать, что тенденция в советском киноискусстве положительна. В ваших фильмах нет ничего гнилого и пошлого, а это говорит о многом.

Мне и находившемуся рядом со мной советскому дипломату В. И. Базыкину было, разумеется, приятно слышать эти слова Чаплина.

По ходу беседы я решил задать ему вопрос:

— Почему вы не ставите кинокартин по произведениям великих писателей западного мира? Например, Байрона, Гёте, Бальзака?

Имен американских писателей я сознательно не упоминал, так как не был уверен в том, что он не обращался к ним.

Чарли Чаплин свободно, без какой-либо скованности стал говорить:

— Американский зритель воспринимает на экране более живо такие вещи, которые создают настроение оптимизма в обыденной жизни, в общем, веселое настроение. Люди, когда идут в кино, как правило, хотят отвлечься от забот, им нужна разрядка. Пусть осуществить ее поможет даже выдумка. Но ведь в самой жизни есть множество несерьезного. На экране можно отразить только ничтожную частицу всего этого. О том, что это именно так, и говорит популярность моих фильмов.

Конечно, такой довод произвел на меня впечатление.

Говорил он без рисовки, без попытки прихвастнуть. Без опаски выглядеть неким бизнесменом в искусстве. Одним словом, он знал себе цену. Я увидел, что это человек умный, с деловой хваткой. У него имеются своя философия, свои принципы, которым он, кстати, и остался верен до конца.

Спросил я тогда у Чаплина:

— А читали ли вы таких русских писателей, как Толстой, Тургенев, Достоевский, Пушкин и Лермонтов?

Он сразу же ответил:

— Да, конечно. Я знаю «Войну и мир» Толстого. Знаком с некоторыми романами Тургенева. Читал Достоевского.

Он не упомянул названий книг. Потом, будто что-то вспомнив, сказал:

— Конечно, я слышал об именах Пушкина и Лермонтова. Но произведений их, к сожалению, почти не читал.

Чарли Чаплин умел так высказывать свое мнение, что ему нельзя было не верить. Никто еще не дал убедительного объяснения, почему так происходит: одного человека слушаешь и расстаешься с ним, не будучи убежденным, что ты выслушал правдивое сообщение, хотя не уверен и в обратном. *С* другим пообщаешься — и через какие-то таинственные каналы передается уверенность: тебе сказали правду.

Распрощались мы тогда с замечательным актером весьма тепло. Чаплин при этом сказал:

— Желаю вам победы.

Во второй раз мне довелось беседовать с Чаплином на дипломатическом приеме в Лондоне. Мы встретились как давние знакомые. Это было в то время, когда Чаплин уже уехал навсегда из Соединенных Штатов, но еще окончательно не осел в Швейцарии.

Отъезду из США предшествовала продолжительная кампания его травли и как человека, и как актера. Каких только ярлыков ему не навешивали! И многие в странах Запада удивлялись: как это — великий актер и вдруг неприемлем для американских властей? Почему именно в Америке травят его? Я задал ему «каверзный» вопрос:

— Кто же вы теперь — американец или англичанин? Чаплин с известной долей юмора ответил:

— Пожалуй, правильнее всего — не американец. А затем вполне серьезно произнес:

— Меня и сейчас начинает тошнить оттого, что на мою голову недруги в течение нескольких лет выливали помои. А за что — не могу понять.

Мы отошли несколько в сторону от основной группы участников приема, и он продолжил:

— Судите сами, меня третировали за то, что я больше чем один раз женился. Но если это — преступление, то, наверно, надо было бы зачислить в категорию преступников многие миллионы американцев. Мне просто не повезло в этом отношении. Разве против меня кто-либо осмелится выдвинуть обвинение в том, что я поступил недостаточно гуманно в отношении одной и другой жены, с которыми разошелся? Нет, этого не было. Я уже наказан самою жизнью, а тут меня захотели наказать еще и мои недоброжелатели. Вы понимаете меня?

Он обращался ко мне, как бы ища сочувствия.

— Преследуют они меня за то, — волнуясь, рассказывал он, — что я придерживаюсь в своем искусстве определенных убеждений, которые ими не разделяются. Именно из-за этого я твердо решил уехать из США. Однако тут сразу же против меня

было выдвинуто еще одно обвинение, причем если первое было чисто морального порядка, то это, второе, имело уже юридический и материальный характер. Мне стали предъявлять обвинение в том, будто бы я не выплатил полностью всех налогов с доходов, которые получил в США. Тогда мне стало понятно, что возможностей для отпора всей этой нечистоплотной кампании остается все меньше и меньше. Я, конечно, никаких законов не нарушал, но законы в США скроены так, что при содействии властей можно «утопить» совершенно невинного человека. Вот почему мне пришлось сказать Соединенным Штатам: «Прощайте!»

Чаплин посмотрел на меня и вдруг спросил сам себя:

— Зачем я вам все это говорю? И тут же торопливо ответил сам:

— Во-первых, потому, что уважаю честность вашей страны, хотя и не являюсь коммунистом. Во-вторых, потому, что знаю: вы никогда не позволите использовать в ущерб мне то, что услышали.

Я, конечно, знал, что его в определенных кругах США считали уже в течение длительного времени чуть ли не левым радикалом, чуть ли не коммунистом. Поэтому я честно ответил:

— Не скрою, я тронут вашим доверием — доверием великого артиста. Хочу подчеркнуть, что готов только подтвердить правильность ваших слов. Мы, советские люди, руководствуемся своими моральными устоями, отличными от тех, которых придерживаются по ту сторону океана интриганы, плетущие козни против Чарли Чаплина.

На приеме, где мы беседовали, какой-то английский корреспондент нас сфотографировал. Этот снимок и сегодня напоминает мне о прекрасном киноартисте, об умном и обаятельном человеке.

Орсон Уэллс, перепугавший Америку

Орсон Уэллс. Это имя, пожалуй, кое о чем говорит современнику. Прежде всего американскому. Оно каких-нибудь полсотни лет назад сверкнуло как молния, а затем в области кинематографии стало неким факелом.

А дело обстояло так. Началось с того, что талантливый режиссер и сценарист создал для радио новаторские постановки, сначала шекспировские «Макбет» и «Юлий Цезарь», а затем в буквальном смысле сенсационную «Войну миров» по произведению своего однофамильца — англичанина Герберта Уэллса. Так пересеклись пути двух Уэллсов[7] — родоначальника научно-фантастической литературы XX века и новатора в области радио, а впоследствии и кино.

В «Войне миров» описывалось фантастическое вторжение марсиан на Землю. Разница между романом английского писателя и радиопостановкой американского сценариста была значительной. У Герберта Уэллса марсиане высадились из своих космических летательных аппаратов — «цилиндров» в окрестностях столицы Великобритании, двинулись на Лондон и вскоре превратили его в гигантский вымерший город-призрак. Орсон Уэллс перенес все действие в своей постановке, звучавшей в эфире, да не куда-нибудь, а непосредственно в Соединенные Штаты.

Постановщик мастерски использовал все, чем успешно владели радиожурналисты. Здесь были и впечатления «очевидцев», случайно избежавших гибели, и репортажи «с места событий», когда комментатор сообщал леденящие душу «подробности», и экстренные выпуски новостей о «чрезвычайных мероприятиях властей», и, наконец, обращение к нации самого «президента Рузвельта», голосу которого умело подражал один из актеров. Президент призывал нацию к спокойствию.

Вот тогда-то и началась паника. Оказалось, что у репродукторов к моменту «речи президента» находилось тридцать два миллиона американцев. Большинство из них бросилось на улицы.

Пришельцы из космоса, как утверждалось по радио, высадились близ Нью-Йорка и двигаются на город, круша на своем пути все и убивая людей.

Америку охватил ужас. Тысячи машин устремились из городов в направлениях, противоположных тем, откуда, по

утверждениям радио, надвигались инопланетяне. Последовало много автомобильных аварий, а затем на дорогах образовались пробки. Паника разрасталась.

И только когда передача закончилась и об этом было объявлено, обезумевшие от ужаса радиослушатели стали постепенно приходить в себя.

Случилось это 30 октября 1938 года. Событие потрясло население восточного побережья США. Американцы долго не могли забыть о человеке, который так напугал страну.

С другой стороны, этот эпизод показал также, какую огромную силу имеют средства массовой информации, как они воздействуют на психику людей.

Радиопостановку Орсона Уэллса перевели на испанский язык и в 1944 году повторили в Чили, приспособив к местной действительности. Результат оказался тем же — паника.

Трагическими оказались последствия той же радиопередачи в Эквадоре. Там дикторы объявили, что пришельцы из космоса движутся на столицу страны — Кито. Население, вооружившись, в страхе ждало вторжения. А когда передача окончилась и по радио заявили, что это всего-навсего инсценировка, разъяренная толпа с оружием в руках ринулась к зданию радиостанции и подожгла его.

Несколько радиожурналистов было убито и ранено. Только войска восстановили порядок.

И вот однажды, уже через некоторое время после этих в высшей степени странных событий, к нам в посольство пришел высокий, несколько склонный к полноте господин.

— Здравствуйте, господин посол, я — Орсон Уэллс!

— Здравствуйте, господин Уэллс!

— Поздравляю вас с национальным праздником и желаю победы Советского Союза в этой войне.

— Спасибо, — отвечаю.

Многие его — узнают, особенно, конечно, американцы. Вежливо, с предупредительностью пожимают ему руку. Он отвечает тем же… Задаю Орсону Уэллсу вопрос:

— Жалею, что не наблюдал, какой ошеломляющий эффект произвела ваша радиопередача на миллионы американцев. Тогда я был еще в Москве, дома. Как это вам удалось создать по радио такое впечатление о вторжении марсиан?

Его ответ прозвучал просто:

— Я и сам не ожидал такого успеха от радиопостановки фантастики. Она и в самом деле повлияла на поведение массы людей.

Величавость его фигуры отчасти подчеркивалась и тем, что в

руке он держал довольно внушительную трость. Хотя казалось, что она ему, собственно, и не нужна. Возможно, он и прихрамывал, но настолько незаметно, что мне лично показалось — носил он трость в силу какой-то привычки. Впрочем, спорить не буду, так ли это. Тем более что с тех пор прошло всего лишь… сорок пять лет.

Он привлекал большое внимание тех, кто пришел на прием, но сам вел себя спокойно, неназойливо, скромно.

После той знаменитой радиопостановки Орсона Уэллса вскоре пригласили в Голливуд, и первый же созданный им фильм «Гражданин Кейн» принес автору самую почетную у кинематографистов премию — «Оскара». По-новаторски для того времени, а шел 1940 год, лента рассказывала реалистическую историю взлета сильного и талантливого человека — самородка, а затем его крушения из-за честолюбия и алчности. Необычно тогда в фильме выглядело все — и изображение главного персонажа на экране где-то в глубине кадра, и рассказ о нем других героев, и сам монтаж кинокартины, на первый взгляд, какой-то рваной, но, по существу, оказывавшей огромное эмоциональное воздействие на зрителя. Этот фильм впоследствии использовался как учебное пособие во многих киноинститутах мира.

— Он — как учебник, — говорил мне наш знаменитый кинорежиссер Сергей Аполлинарьевич Герасимов, имея в виду фильм «Гражданин Кейн» Орсона Уэллса.

Напористый, темпераментный, со своим видением жизни, Уэллс очень скоро вступил в конфликт с продюсерами Голливуда. Ссора привела к разрыву. Он начал ставить фильмы сам. В Марокко отснял «Отелло». История венецианского мавра на экране в интерпретации Уэллса завоевала главный приз на самом именитом в Западной Европе кинофестивале — в Каннах и по сей день считается лучшим рассказом об этом шекспировском герое средствами кино.

Это было в 1952 году, а четырнадцать лет спустя в тех же Каннах Орсон Уэллс снова награждался — на сей раз специальным призом кинофестиваля, — и опять за экранизацию Шекспира. Фильм был поставлен по мотивам пьес «Генрих IV», «Генрих V» и «Виндзорские проказницы», а сам режиссер с блеском исполнил трагикомическую роль главного персонажа — Фальстафа.

В целом Орсон Уэллс поставил свыше трех десятков самых различных фильмов — серьезных и веселых, исторических и детективных, художественных и документальных. Часто сам играл в них, в основном эпизодические роли. В 1970 году ему был

присужден еще один «Оскар» за совокупность работ в области кино.

Он работал в Америке и Европе, Африке и Азии. Антифашист по убеждениям, бунтарь против несправедливости в мире, весь свой неистовый темперамент он проецировал на полотно экрана со страстью художника-новатора, который хотел сказать и сказал то, что до него в кино еще никто не говорил.

Нет, не зря самый почетный — Золотой приз на международном кинофестивале в Венеции в 1982 году за выдающийся вклад в мировое киноискусство присудили Орсону Уэллсу. А через три года этого великого деятеля радиоискусства (пусть не придираются ко мне специалисты за употребление столь редкого слова) и киноискусства не стало.

И еще один факт из жизни этого человека. Орсон Уэллс обратил на себя внимание миллионов американцев тем, что прокомментировал записи старых французских летописцев, которые он почему-то упорно разыскивал в архивах Франции. Например, изучая пророчества Мишеля Нострадамуса — французского медика и ученого-астролога, жившего в XVI веке, он набрел на туманно и условно выраженную мысль о том, что через несколько веков две очень крупные страны мира должны вступить в жестокое военное столкновение. Такой сюжет, — а я смотрел его кинокартину на эту тему, — подхватывался определенными кругами.

Слушая экскурсы Орсона Уэллса во французское прошлое, да еще с определенным налетом мистики, я невольно думал: «А не жертвовал ли этот человек своим талантом в угоду тем, кому выгодна была казуистика летописцев и предсказателей?»

Умер Орсон Уэллс в зените славы. А я его запомнил молодым (во время той нашей встречи в советском посольстве ему еще не было и тридцати), высоким, с толстой тростью в руке. Что же, наверно, и это тоже составляло часть его общего весьма оригинального «имиджа» — образа, который каждый американец по возможности создает себе сам.

О пирамидах, клинописи и выдающемся профессоре

Не знаю, как других, но меня каждый раз, когда я бывал в Египте, удивляло то, какой огромный пласт истории поднимают тысячелетние пирамиды. Много, очень много донесли они до наших дней информации о древней цивилизации этой страны, — конечно, много только по сравнению с тем, что знают о своем прошлом народы других государств.

Но меня гигантские пирамиды наводили и на иные мысли. Прежде чем возникнуть в сыпучих песках, под жарким солнцем, они должны были появиться в воображении человека. Архитекторы древности тоже обладали способностью к абстрактному мышлению. Успехи археологической науки последних десятилетий обнаружили, что пирамиды представляют собой сложнейшие инженерные сооружения, таящие во внутреннем строении немало загадок. Многое удивляет современного человека. Например, он открывает, что пирамиды определенным образом осознанно расположены по отношению к небесным светилам. Без знания астрономии и многих других наук это не представлялось бы возможным.

А отсюда вытекает вывод, отвергнуть который не может ни один объективно мыслящий человек. Эпохе строительства пирамид предшествовал длительный период накопления людьми знаний, без которых нельзя было бы создать эти величественные сооружения. Несомненно, процесс проникновения в существо явлений протекал медленно. Опыт и умение накапливались постепенно. Вероятно, люди много экспериментировали и пытались в жизни по-разному применить то, что они открывали в окружающем мире. Вполне возможно, что сначала создавались какие-то другие предварительные творения рук и ума человека — дальние предвестники пирамид. Но следов от них не осталось.

Можно предположить, что продолжительность такого периода во много раз превышает то время, в течение которого люди восхищаются каменными громадами в долине Нила. То же можно сказать и о разного рода предметах быта и религиозного культа, ставших известными благодаря раскопкам.

Сколько же потребовалось тысячелетий, чтобы человек пришел к сооружению пирамид!

Такими были мои раздумья у пирамид.

Примерно такими же они оставались, и когда я смотрел на камни древнего Вавилона — столицы одного из старейших очагов

цивилизации — Вавилонии. Обоснованно считается, что многие библейские легенды, в том числе и о всемирном потопе, зарождались в той древней стране.

Вавилония — одно из могучих государств древности, центр крупной дохристианской культуры — примечательна для нашего современника многим. Существовала она более тысячи лет и располагалась в основном на юге Месопотамии. Период расцвета ее приходился на XVIII век до нашей эры.

Однако наиболее примечательным для меня, пожалуй, всегда, когда речь заходила об этой древней стране, являлось то, что самым первым языком дипломатии в истории человечества считается вавилонский язык. На нем — клинописью — дошла до нашей эпохи древнейшая эль-амарнская переписка египетских фараонов Аменхотепа III и его сына Аменхотепа IV с царями других государств, сирийскими и палестинскими владетелями. Относится она к XV–XIV векам до нашей эры и остается первым известным науке дипломатическим документом.

Ныне на месте Вавилонии территория современного Ирака. Мне пришлось в годы войны на короткое время остановиться в этой арабской стране, и с большим удовольствием я вспоминаю о ее седой старине и воздаю должное ее неповторимой, уходящей корнями в глубину веков культуре.

Когда я пишу о медленном величественном течении времени, о тысячелетиях истории человечества, то все это ассоциируется со встречами в довоенной Америке с очень интересным человеком. Речь идет о крупном американском ученом профессоре-антропологе Алеше Хрдличке, чехе по происхождению, родители которого еще в прошлом веке переехали в США. Тогда в Новый Свет хлынуло несколько волн чешской эмиграции, и результаты ее сказываются до сих пор — в Соединенных Штатах проживают миллионы американских граждан — потомки выходцев из Чехословакии.

Так вот, Алеш Хрдличка еще до войны зашел как-то в наше посольство, и у меня с ним состоялся весьма любопытный разговор, в котором он развивал тот же мотив медленного течения процессов развития человечества.

— Я пришел к вам как друг Советского Союза, — сказал он. — Верю, что только ваша страна может спасти мою родину — Чехословакию от Гитлера.

Разговор происходил уже после позорного Мюнхена, когда над Пражским Градом эсэсовцы подняли флаг со свастикой.

Фашистская гидра еще только подползала к границам Советского Союза, а этот профессор сугубо мирной науки зашел к нам, веря в нашу страну, предупреждая ее об опасности,

рассчитывая на помощь для Чехословакии из единственной страны, которая может по-настоящему ее оказать, — из СССР.

Само так получилось, что беседа наша свернула в русло его науки, и тут я услышал интересный рассказ профессора о себе и об антропологии.

— Родился я в Чехии, в городке Гумполец, — говорил он. — Есть такой на Чешско-Моравской возвышенности, где берут начало сразу несколько рек нашего края. Мне было тринадцать лет, когда родители увезли меня в Америку. С тех пор живу и работаю в США. Здесь же и стал антропологом.

Да не простым антропологом он стал, этот с виду очень скромный человек. Его теория, смелая и выходящая далеко за рамки тогдашних стандартов, ниспровергла существовавшие до него гипотезы развития человека и его цивилизации в Америке.

Суть ее состояла в следующем. На основании изучения истории и этнографии народов севера Сибири Хрдличка доказывал, что заселение и освоение севера Азии представляло собой длительный процесс. Он протекал в течение тысячелетий. На Американский континент человек пришел из Сибири, через Берингов пролив. И этот процесс продолжался тоже очень долго.

— Но до вас ученые утверждали, что в Америке существовали свои самостоятельные цивилизации, никогда ранее не связанные ни с какой иной, — заметил я.

— И это правильно, — живо прореагировал он. — Только с одной оговоркой. Люди, которые создавали великие государства ацтеков, инков, майя и других древних народов Америки, сами являлись далекими потомками их древних прародителей, которые пришли из Азии. Они и принесли в Западное полушарие свою культуру, которая изменилась и модифицировалась за многие тысячелетия и предстала перед колонизаторами послеколумбовой эры в том виде, который они застали у народов континента, тех, кого они назвали индейцами в XV, XVI и последующих веках. Официальная дата открытия Америки Колумбом — 12 октября 1492 года. Следовательно, к концу этого столетия Америка будет отмечать пятьсот лет смелого путешествия Колумба. Но значит ли это, что вся прошлая история континента должна быть перечеркнута? Тысячу раз нет, нет и нет.

Говорил он эмоционально и убедительно.

В течение сорока лет он работал на посту руководителя отдела физической антропологии Национального музея США в Вашингтоне. Но всемирную славу в научных кругах он снискал себе смелыми выводами по итогам обработок материалов своих экспедиций. Ездил много по разным областям Америки и за ее пределами. В центре его научного внимания всегда находились

проблемы антропологии, палеоантропологии, краниологии — науки о вариациях в строении человеческого черепа. Он редактировал американский журнал, который освещал проблемы этих наук, создал Американскую ассоциацию физической антропологии — организацию, объединявшую специалистов и энтузиастов.

Он ненавидел расовую теорию фашизма и утверждал:

— Нет высших и низших рас. Есть умные люди и кретины в каждой расе. Горе тому народу, который позволяет, чтобы кретин командовал умными людьми. Ничего хорошего из этого быть не может. Сегодняшняя Германия тому пример.

Еще, конечно, стоит сказать, что Алеш Хрдличка, чешский патриот из Америки, не только верил в нашу страну, но и любил ее. Он активно переписывался с советскими учеными, показывал мне их письма. Этот антрополог выступал и как политик: в американской печати я не раз читал его статьи об успехах Советского Союза. Все это происходило в тех самых довоенных Соединенных Штатах, где отношение к стране социализма — Советскому Союзу трудно было бы считать в целом положительным, а тем более дружественным.

Смело выступал профессор против фашизма и в годы войны. Но до победы не дожил. Скончался он осенью 1943 года.

Что же, казалось бы, общего между египетскими пирамидами, вавилонской клинописью и профессором антропологии Алешем Хрдличкой?

Общее есть. Вечность и общность человеческих ценностей. Величие и общность культуры нашей земной цивилизации.

Разящие слова Эдварда Робинсона

Хорошо были известны раньше и сейчас известны не только в США, но и за рубежом имена наиболее выдающихся американских киноактеров. В США они представляли и представляют такой слой интеллигенции, который занимал определенное место в обществе.

Конечно, не актеры, даже самые талантливые, определяли и определяют социальное направление киноиндустрии США. Ею в конечном счете руководит все тот же «господин доллар».

Но бывают актеры и актеры. К сожалению, правильно будет сказать, что подавляющее большинство — а их многие тысячи — это актеры, которые либо покорно и сознательно служат тем, кто утверждает вполне определенную художественную и идейную устремленность американского кинематографа, либо поглощены только материальной стороной бытия и исповедуют безыдейность.

Но встречались актеры, имевшие и свое лицо в киноискусстве, и свои убеждения. К их числу относились люди, понимавшие, что их гражданский долг состоит в том, чтобы оказывать такое воздействие на ум и чувства людей, которое воспитывает у человека благородство, справедливость, уважение к другим людям. И теперь в этом отношении положение не изменилось.

Глубокое впечатление на меня произвела беседа с крупным представителем мира актеров кино — Эдвардом Робинсоном. Имя его зритель знал и далеко за пределами США.

Мы сидели в ресторане неподалеку от советского посольства в Вашингтоне, куда я и советник В. И. Базыкин пригласили известного киноартиста отобедать. А он и прибыл для того, чтобы встретиться с советским послом.

Беседа получилась задушевной и откровенной, потому и хочется ее в какой-то степени воспроизвести. Важна она еще и тем, что Робинсон, на мой взгляд, дал меткую и, можно сказать, разящую характеристику состояния дел на американском киноэкране.

Он рассказывал:

— Киноиндустрию США захватила бессовестная банда миллионеров. Главное, что приводит в движение всю кинопромышленность, — это, конечно, прибыль. Миллионы должны делать новые миллионы. А как должны они их делать — это, собственно, для хозяев киноэкрана вопрос производный. Все средства, все методы для них хороши, если выдерживается

таблица умножения. Другими словами, если затраченный на кинофильм капитал умножается в несколько раз после выхода картины на экран, значит, нужное дело сделано. Очень далеки хозяева этой индустрии от соображений человеческой морали, справедливости, гуманизма.

Хоть я, — продолжал Робинсон, — и не являюсь знатоком сложного механизма экономики и финансов, многое из происходящего мне трудно оценить, но я уже в течение долгих лет наблюдаю стремительное падение нравов, которое систематически проповедуется с экрана. Это происходит на протяжении всей моей творческой жизни.

Говорил он, несколько волнуясь, чувствовалось: все, о чем он повествует, у него наболело.

— И передо мной не один раз возникал вопрос, — заявил актер, — принимать или не принимать роль, которую мне предлагают. Не скажу, что всегда удавалось миновать расставленные сети. Иногда я в них запутывался и в результате сам не всегда был удовлетворен своей игрой. Конечно, игрой не в узком художественном смысле, а в смысле направленности той жизни, которой я живу на экране. В смысле образа того, кого я создаю в определенном фильме. Но все же в большинстве случаев я не пошел по пути бессловесного принятия условий, которые пытались мне навязывать боссы Голливуда.

Вы, советские люди, я позволю себе сказать, советские друзья, — говорил он доверительно, — наверно, помните некоторые сцены из кинофильма «Морской волк», поставленного по роману Джека Лондона. Я доволен тем, как сыграл главную роль в этой картине. Но мне пришлось выдержать немалую борьбу кое с кем, в максимальной степени ослабить проявление натурализма и грубости и побольше внести в эту роль красок человечности.

Оба мы — я и Базыкин — весьма высоко отозвались об игре Робинсона.

Он спросил:

— А как сама книга Джека Лондона? Широко ли она известна советскому читателю?

Я заявил в ответ:

— И до войны, и в ее годы советские люди читали и читают произведения Джека Лондона, в том числе и данное произведение. И вообще, Джек Лондон, пожалуй, самый популярный в Советском

Союзе из американских писателей. Если не считать Марка Твена, Фенимора Купера и Джона Рида.

Робинсон пожаловался:

— Американский экран все более и более захлестывают натурализм, пошлость и культ разврата. Но самое печальное, что массовый зритель воспитывается в таком духе и ему это начинает нравиться. А кинопродюсеры используют данное обстоятельство и расширяют производство подобной продукции. Вести борьбу против этого очень трудно. Да и кто ее будет вести? Силы слишком неравные. Следствие становится причиной, та опять порождает нежелательные последствия, а они снова оказывают отрицательное влияние на нравы людей.

Я спросил Робинсона:

— Имеется ли какая-то группа или общество с участием других крупных, талантливых актеров и, возможно, режиссеров, которые пытаются оказать влияние на развитие кино в положительном направлении?

Собеседник ответил:

— Организованных групп или обществ подобного рода нет. И они не могут иметь долгую жизнь в США — актеры, которые попытались бы стать на такой путь, остались бы голодными и бездомными. Вот и судите сами, какой бы вышел результат.

Явственно ощущалось, что у нашего собеседника накопилось немало неприязни к тем, кто распоряжается судьбами актеров кино.

— Видите, — закончил знаменитый киноактер, — в какой обстановке трудится огромный отряд актеров экрана. Повседневно в их творческой деятельности они несут американцу такие нормы поведения, которые очень далеки от всего доброго и гуманного, что присуще каждому человеку, если он не испорчен условиями, в которых живет.

Нам стало яснее после этой беседы, почему Эдвард Робинсон приобщился к деятельности Национального совета американо-советской дружбы, возглавлявшегося в то время Корлиссом Ламонтом, хорошо известным прогрессивным общественным деятелем США.

В каком-то отношении общий настрой этого выдающегося представителя американского экрана сродни тем мыслям, которые высказывал мне Чарли Чаплин.

Общечеловеческие ценности дороги всем

В этой книге приведено немало примеров, свидетельствующих о мировоззрении деятелей культуры капиталистических государств, о том, какого они мнения об идеологических и нравственных ценностях того мира, в котором живут. Примеры эти касаются прежде всего той категории людей, которая имеет прямое или косвенное отношение к политике своих государств, в том числе внешней.

Уже после выхода в свет «Памятного» от зарубежных издательских фирм и компаний поступили обращения, в которых меня спрашивали:

— Вы даете характеристики некоторым крупным деятелям культуры США, Англии и других стран. Не можете ли вы сказать, как эти деятели, которые были с вами знакомы, относятся к коммунизму?

Такой вопрос, видимо, появился потому, что люди не всегда понимают, что кроме ценностей идеологического характера, на которые конкретное общество оказывает непосредственное влияние, есть еще ценности общечеловеческие. Нелегко таким людям воспринимать положение о том, что именно эти общечеловеческие ценности, особенно в наш век, могут и должны служить широким мостом между народами, независимо от того, каковы их мировоззрение, идеология и, в частности, отношение к религии. Конкретно был поставлен такой вопрос:

— Высказывали ли представители американской интеллектуальной элиты, о которых говорится в «Памятном», в какой-либо форме свое отношение к коммунизму?

Думаю, что нет необходимости говорить отдельно о каждом упомянутом крупном американском деятеле культуры. Просто потому, что вопросы социальные или классовые почти не возникали и не возникают в нашем общении с ними.

Десятилетия назад, можно сказать, сразу после того, как над революционным Питером взвилось красное знамя, многие деятели культуры — ученые, писатели, артисты, композиторы, художники — как бы инстинктивно почувствовали, что социализм и социалистическое мировоззрение не только не отвергают культурных и нравственных ценностей прошлого, но, напротив, высоко ценят, признают их, считают их вкладом в общечеловеческую культуру.

А разве основоположники коммунистического учения Маркс

и Энгельс, не говоря уже о Ленине, не развивали эту мысль со всей страстностью? Более того, они многократно подчеркивали то положение, что на пути человеческой цивилизации будут раскрываться дополнительные возможности для развития культуры во всех ее проявлениях. В частности, Маркс хорошо это сформулировал уже в самых ранних своих научных трудах, а именно в работе, относящейся к философии Демокрита и Эпикура.

Советский Союз имеет основания гордиться достижениями в области духовной культуры. Немало деятелей нашего театрального искусства прославились на весь мир. Они внесли большой вклад в общечеловеческую копилку духовных ценностей.

А художественная литература? Разве она не выдвинула множество ярких талантов, почитаемых не только в нашей стране, но и во многих зарубежных государствах?

Музыка, рожденная в социалистическом государстве, звучит по всему миру. Фейерверки мелодий, могучих и страстных, патетических и лирических, величавых и нежных, созданных наследниками Глинки и Чайковского, Мусоргского и Шостаковича, других великих русских композиторов, не гаснут. Более того, они завоевывают все новых поклонников в мире.

Мы с законной гордостью можем сказать, что страна наша ныне переживает мощный подъем в своем развитии. Происходит грандиозная перестройка экономической, социальной и духовной жизни общества. Новый подъем испытывает и советская культура во всех своих областях. Да, мы многое критикуем и в прошлой жизни, и в настоящей. Но делается это во имя того, чтобы подняться на еще большую высоту, сделать нашу действительность еще более богатой и полнокровной.

Мир, можно сказать, затаив дыхание наблюдает за исполинскими усилиями советского народа. Эти усилия видны не только нам, но и народам зарубежных стран. Они видны и деятелям культуры, как бы далеко географически они ни были от нас.

Мы уверены, что все это вместе взятое будет еще больше привлекать внимание интеллигенции зарубежных стран к нашей жизни и будет умножать ряды друзей Советской страны.

Поляризация в эмиграции

Работа в посольстве сводила меня с самыми различными людьми — по происхождению, по убеждениям, по профессии. Запомнились встречи с выходцами из нашей страны, которых жизнь занесла в свое время в Америку. К тому же весть о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, подобно мощному электрическому разряду, пронеслась по всему миру. Эта весть вызвала и резкую поляризацию в среде русской эмиграции.

Те, кто отказался признать Советскую власть, а то и шел по пути борьбы с ней, оставались в большинстве на прежних позициях или выжидали: что же случится дальше? Но та часть эмигрантов, которая покинула нашу страну, не разобравшись в ситуации, поддавшись скорее инерции движения, чем логике убеждений, или уехала по каким-то соображениям материального порядка, — эта часть раскололась. Многие ее представители перешли на подлинно патриотические позиции, стали активно поддерживать политику СССР. А было много и таких, которые после войны захотели возвратиться на родину, получили такую возможность и с радостью уехали в родные края.

Во время войны, пожалуй, ни одного приема в советском посольстве не пропускал Давид Бурлюк. Помню его первое появление: приблизился ко мне человек среднего роста, с пышной шевелюрой уже седых волос. Протянул руку и поздоровался настолько энергично, что, казалось, перед тобой стоял незаурядной силы тяжелоатлет. Да, здоровался он от души.

Поэт Бурлюк в свое время принадлежал к числу близких друзей и единомышленников Сергея Есенина. Мне было известно о творческой дружбе, которая связывала Бурлюка с В. В. Маяковским. Корни этой дружбы проросли на русской почве. В дореволюционной России Бурлюк пользовался авторитетом среди поэтов. И сам Маяковский называл его своим учителем.

Не обрывалось творческое и чисто человеческое общение между этими двумя поэтами и после Октябрьской революции. Маяковский в 1927 году отправился в поездку по США и, останавливаясь в Нью-Йорке, жил в семье Бурлюка.

Как истинный патриот России, Бурлюк понимал, какую большую ценность представляют его переписка с Маяковским и другие материалы о жизни великого поэта, которыми он располагал. Большое количество писем и документов он после войны передал в Государственную публичную библиотеку имени В. И. Ленина в качестве дара советскому народу.

К американским берегам Бурлюка прибило одной из волн

русской эмиграции. Почему его занесло туда, он и сам не мог толком объяснить. Но нашел ли Бурлюк удовлетворение в Соединенных Штатах?

Ведь даже и сейчас, в восьмидесятые годы, средний американец имеет в общем-то смутное представление о русской культуре, ее истории. Исключение составляет разве что наиболее пытливая часть интеллигенции, в определенной степени знакомая с неувядаемыми произведениями Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова. Меньше знают в США о бессмертных творениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя. Из писателей и поэтов советского времени американской общественности были известны такие имена: А. М. Горький, В. В. Маяковский, М. А. Шолохов, А. Н. Толстой, К. А. Федин, Л. М. Леонов и ограниченное число других. Книги советских литераторов просто очень мало издают в США.

И совсем слабое представление имеют рядовые американцы о футуристах, имажинистах и представителях различных других литературных течений в нашей стране в первый послереволюционный период. И это в то время, когда популярность некоторых из них вовсе не увяла, а, наоборот, сейчас даже разрослась и у нас, и за рубежом.

К ним относится, например, Сергей Есенин. Дружба с ним в значительной степени способствовала и росту известности Давида Бурлюка, чье имя знакомо ныне советскому читателю.

В США Бурлюка как поэта просто не знали, да и не могли знать. Определенное признание там получило другое направление его творчества. Поначалу увлекшись живописью как любитель, он проявил затем в этой области недюжинный талант. Особенно хорошо у него получались портреты.

Когда я познакомился с этим общительным человеком, он собирался отмечать свое шестидесятилетие. От тех времен, когда он и некоторые другие друзья Есенина паясничали, у него ничего не осталось. Бурлюк уже занимал по отношению к американскому образу жизни и общественному строю четкие негативные позиции.

У советских товарищей, которые встречались с ним в США, сложилось твердое убеждение, что это человек, которого социальная буря перенесла на чуждую ему почву. И мне понятно, почему глаза Бурлюка стали влажными, когда он заговорил со мной о Москве.

— Мне нелегко ее вспоминать, — откровенно признался он. Бурлюк активно включился в работу по мобилизации американского общественного мнения на оказание помощи советскому народу в борьбе против фашистских агрессоров. Он

стал одним из деятельных участников «Комитета помощи русским в войне», члены которого собирали в США деньги, одежду, обувь, медикаменты и затем все это пересылали в Советский Союз. Проникнутые симпатией к СССР выступления Бурлюка в прогрессивной печати, и прежде всего в газете «Русский голос», его патриотическая деятельность — это самое лучшее, что он мог сделать для своей родины, находясь в отрыве от нее.

После второй мировой войны исполнилась мечта Бурлюка побывать в Советском Союзе. В 1955 году он провел несколько месяцев как гость Министерства культуры СССР. Ему предоставили возможность совершить поездку в Крым, во время которой он написал портрет видного советского артиста Н. Черкасова. Эту работу художник подарил Волгоградской картинной галерее, где портрет находится и сейчас.

Вторая поездка Бурлюка в СССР состоялась через десять лет — в 1965 году. Он приехал с женой и около двух недель жил в гостинице «Москва». Бурлюк специально попросил, чтобы ему предоставили номер с видом на Красную площадь и Кремль, так как хотел запечатлеть их на холсте. Его просьбу удовлетворили.

Нет, определенно не стоит потомкам забывать Бурлюка, родоначальника русского футуризма в литературе, талантливого поэта, своеобразного художника, горячего патриота нашей страны.

Гордость русской музыкальной культуры

Кто из советских людей не хотел бы пожать руку такому человеку, как композитор Сергей Васильевич Рахманинов? Славной страницей стало творчество Рахманинова в мировой музыкальной культуре. Судьба его также занесла в далекую Америку.

Виделся я с этим человеком всего один раз. Во время войны Рахманинов подал заявление в генеральное консульство СССР в Нью-Йорке с просьбой разрешить ему вернуться на Родину. Чтобы обговорить с советскими представителями детали, связанные с этим решением, он к нам и пришел. Случилось так, что его посещение советского учреждения в Нью-Йорке совпало с моим приездом в этот город по делам из Вашингтона.

Когда я вошел в здание консульства, Сергей Васильевич Рахманинов уже собирался уходить. Встретились в одной из комнат. Я узнал его сразу — портрет его еще при жизни был достаточно широко известен.

— Я рад, что вы решили вернуться на Родину, — сказал я ему. — Вы выдающийся композитор, и наш народ, конечно, горячо одобрит ваше решение.

— Постарайтесь, пожалуйста, ускорить оформление, — попросил он.

— Сделаю, Сергей Васильевич, все от меня зависящее, — обещал я.

Рахманинов заметил:

— Я с восхищением слежу за беспримерным подвигом Красной Армии и советского народа в борьбе против гитлеровской Германии.

А потом добавил:

— Американцы преклоняются перед силой и духом советских людей, и я сам это наблюдал много раз.

Я поблагодарил его за теплые слова по адресу нашей общей Родины — Советского Союза. Поблагодарил его и за то, что он давал концерты, сборы от которых поступали на закупку медикаментов для раненых воинов Красной Армии.

И сказал ему еще так:

— Моя жена рассказывала, как проходили ваши концерты. Она на них присутствовала и видела, с каким энтузиазмом публика встречала вас, исполнителя и композитора. Наше посольство в Вашингтоне и генеральное консульство в Нью-Йорке

не раз выражали вам признательность за эти концерты.

Мне бросилось в глаза, что у композитора нездоровый вид. Бледность лежала на лице, фигура отличалась болезненной худобой. Не хотелось спрашивать его о состоянии здоровья и вообще касаться этой темы, тем более что ответ в принципе можно было предвосхитить. Сам он тоже об этом ничего не сказал.

С налетом грусти он покидал наше консульство. А я прощался с ним и думал про себя: «Вот уходит великий в своей области человек, а ведь он — наш, он — патриот, о чем часто говорил и сам в этой далекой заокеанской стране».

Сопровождавший Рахманинова на его квартиру секретарь консульства Павел Иванович Федосимов рассказывал, что композитор, находясь уже в машине, сам заговорил с ним о своем здоровье. — Вот руки, — сказал он, показывая их, — они еще могут хорошо ударять по клавишам, но скоро станут безжизненными.

Произнес это Сергей Васильевич дрожащими губами. Федосимов пытался его успокаивать.

За время пребывания Рахманинова за границей, особенно в США, его дарование как композитора так и не проявилось в полную силу.

Свои лучшие оперы Рахманинов написал в молодости. Автору «Алеко», например, было всего девятнадцать лет. Он создал замечательные произведения, которые широко известны и в нашей стране, и во всем мире, волнуют сегодня каждого, кто любит музыку, так же как волновали в начале и середине века.

Однако в Америке и других странах Запада Рахманинова больше ценили как музыканта-исполнителя, а его талант композитора как бы уходил на второй план. Этим, конечно, он был уязвлен.

Вспоминая Рахманинова, можно сказать так: его талант во всем богатстве красок и наиболее ярко раскрылся на родной земле. Он и остался подлинно русским в истории нашей музыкальной культуры.

К сожалению, быстро решить вопрос о выезде великого композитора из США в СССР не удалось. Шел 1943 год. Вся наша страна вела жестокую битву с врагом. В том же году Сергей Васильевич скончался. Русская культура понесла тяжелую утрату. Великий композитор и музыкант остается нашей гордостью. Он был и патриотом. Тяжело больной, Сергей Васильевич Рахманинов, несмотря на все трудности военного времени, решил вернуться туда, откуда уехал в декабре 1917 года, вернуться в свою страну.

Хорошо известно, что в первые годы существования Советской республики — в годы гражданской войны, иностранной интервенции и хозяйственной разрухи — нелегко удавалось обеспечить быт деятелей культуры: не хватало средств, помещений, квартир, угля, дров, продовольствия, хлеба и многого другого. В связи с этим органы Советской власти по соображениям гуманного порядка удовлетворяли просьбы некоторых музыкантов, артистов, писателей, художников о временном их выезде за границу. Решением этих вопросов по поручению В. И. Ленина занимался А. В. Луначарский.

Одним из деятелей культуры, выразивших желание выехать в США, был Сергей Кусевитский, который уже в то время считался известным дирижером. Находясь в Америке, он быстро проявил себя как талантливый музыкант и стал главным дирижером Бостонского симфонического оркестра — одного из наиболее авторитетных оркестров США. Этот оркестр по праву стоит в одном ряду с такими, как оркестр Нью-Йоркской филармонии, симфонические оркестры Филадельфии, Лос-Анджелеса и Чикаго. Бостонский оркестр всегда выделялся исполнением классического репертуара. Он часто исполнял произведения русских композиторов.

По приглашению Сержа (так Сергея стали называть в Америке) Кусевитского мы с женой однажды присутствовали в Бостоне на концерте этого знаменитого симфонического оркестра, который впервые в США исполнил Седьмую симфонию Дмитрия Шостаковича. За дирижерским пультом стоял сам Кусевитский, что еще больше подчеркивало значение события, причем не только музыкального. Руководя Бостонским оркестром, Кусевитский, можно сказать, сросся с ним, и получилось так: дирижер — выходец из нашей страны, состав музыкантов — американский, репертуар оркестра насыщен русской, советской музыкой.

— Синтез, конечно, сложный, — сказал по этому поводу сам Кусевитский, — но понятный.

Кусевитский немало полезного сделал для Советского Союза и до, и во время войны. Он принимал участие в работе дружественных нашей стране общественных организаций США. Часто посещал советское посольство, обычно в сопровождении племянницы. Вся Америка знала, что Серж Кусевитский является выходцем из России, выдающимся деятелем искусства, сформировавшимся на почве русской культуры. Уже после войны он бывал не раз со своим оркестром на гастролях в СССР и всегда встречал теплый прием у нашей публики.

«От кретина к гению»

В советской печати в тридцатые годы не раз упоминалось имя профессора Сергея Александровича Воронова. Этот крупный ученый-биолог попал в эмиграцию еще юношей, уехав за границу с родителями. Получив медицинское образование во Франции, он работал главным хирургом госпиталя в Париже.

Позже Воронов увлекся геронтологией, главным образом изучением проблемы омоложения. В те времена, отчасти под влиянием и его исследований, эта интригующая область науки стала привлекать внимание общественности. В годы войны Воронову удалось ускользнуть от фашистов во Франции и добраться до Соединенных Штатов, где он продолжал заниматься своей научной работой.

С советским посольством у Воронова установились хорошие, дружественные контакты. Чувствовалось, что жизнь у него в Америке нелегкая. Его научная деятельность там особой популярностью не пользовалась. В беседах с сотрудниками посольства он открыто сетовал на жизнь. По всему ощущалось, что его научная работа продвигалась медленно. Поэтому, когда речь заходила о его трудах, он проявлял сдержанность.

Мне приходилось встречаться и беседовать с ним. Он интересно рассказывал об обстановке в кругах эмиграции, делился своими впечатлениями об уровне медицины в США. Особенно вдохновлялся он, когда мы заводили речь об идее продления жизни человека.

— Лучшей темы для приятной беседы найти нельзя, — говорил он и принимался рассказывать о своих теориях омоложения организма.

— А не могли бы вы привести примеры с результатами ваших опытов? — спрашивал я.

Он их приводил; однако, скажу прямо, они не казались убедительными. Во-первых, их, судя по всему, было не так уж и много, а во-вторых, речь шла о явлениях неприметных, судьба людей, подвергшихся операции, да и результаты медицинского воздействия на них со стороны профессора оставались малоизвестными широкой публике.

Задал я ему однажды вопрос:

— А как вы начали заниматься проблематикой геронтологии?

Он лукаво улыбнулся:

— Совершенно случайно. И рассказал интереснейшую историю.

— Задолго до этой войны мне как-то довелось побывать в

Египте, — поведал он. — Я посетил район пирамид возле Каира. Неподалеку от знаменитой пирамиды Хеопса был ресторан, в основном его посещали туристы. Вошел в него и сразу же обратил внимание на странный вид одного из официантов. Человек этот, если судить по походке и быстрым четким движениям, был, бесспорно, молод, но его внешность, особенно дряблая кожа лица и рук, совершенно сбивала с толку: казалось, что передо мной старик. Пришел я туда еще как-то раз. Каково же было мое удивление, когда я заметил еще трех официантов, по внешним признакам в точности похожих на того, который уже встречался здесь ранее. Интересно?

Рассказчик вопросительно посмотрел на меня. Я не стал скрывать:

— Очень интересно.

Это его, как мне показалось, вдохновило, и он продолжал:

— Как медик, я стал наводить справки, выяснять, в чем тут дело и что же это за люди. Оказалось, что им еще в детском или отроческом возрасте были сделаны операции, которые их фактически изуродовали как мужчин. Так, выяснилось, фараоны поступали еще в Древнем Египте. Эту с позволения сказать «традицию» уже в новое время продолжил королевский двор современного Египта. И тут я задумался над тем, нельзя ли устранить это уродство, нельзя ли помочь этим людям, можно ли вместо того, чтобы убыстрять процесс старения кожи и самого человека, сделать так, чтобы этот естественный биологический процесс замедлить и даже обратить вспять? И вскоре дал себе слово: посвятить жизнь решению этой задачи. Все, что я делал в научном плане в дальнейшем в Европе, точнее, во Франции, а затем в США, было подчинено именно этому.

Профессор С. А. Воронов прислал мне в посольство на память свою книгу с автографом, изданную в Америке на английском языке. Эта книга и сейчас находится в моей домашней библиотеке. У нее броское название «От кретина к гению». Не берусь судить о ее научных достоинствах, но читается она как захватывающий роман. Высказанные им мысли, видимо, спорны с научной точки зрения, хотя и занятны, даже увлекательны с чисто человеческой.

Его приглашали к нам в посольство и на приемы. Сергей Александрович всегда приходил на них со своей женой-француженкой. Сам он был высокого роста, производил впечатление атлета. На первый взгляд казалось, что он молод, но его возраст выдавала абсолютно седая голова. Его жена, блондинка, пожалуй, не уступала ему в росте, но была по крайней мере вдвое моложе.

Держался Воронов корректно. Он считал себя человеком далеким от политики, однако в среде русской эмиграции проводил самую настоящую политическую работу — рассказывал правду об успехах нашей страны и в довоенный период, и на фронтах, собирал средства в помощь советскому народу, раненым воинам Красной Армии, в общем-то, вел себя как настоящий патриот земли российской. В годы войны вдали от Родины он жил с пользой для нее. Мы в посольстве были признательны ему за это.

Воронов принадлежал к числу тех эмигрантов, в груди которых билось сердце патриота. Будучи оторванными от Родины в силу разных причин, чаще не связанных с политикой, они во многом жили мыслями и чувствами своего народа. Эти переживания хорошо выражены в литературных произведениях и письмах из-за рубежа А. Н. Толстого, А. И. Куприна, И. А. Бунина и других известных писателей.

Экс-академик и генерал-патриот

Советские люди старшего поколения, возможно, помнят, как в тридцатые годы наша печать выступала с осуждением поступка академика В. Ипатьева. Он был крупным специалистом в области химии. Выехав в командировку в США, Ипатьев не возвратился. Повел он себя, разумеется, антипатриотически. И конечно же за рубежом наши недруги это использовали не на пользу Советскому государству.

Академия наук СССР, научная общественность нашей страны выразили законное возмущение действиями ученого, который имел все возможности для плодотворной работы на Родине. Стало ясно, что он погнался за «длинным долларом». Советские ученые справедливо заявляли, что себя как специалиста он продал за деньги.

Много лет в нашей стране, да и в советском посольстве в Вашингтоне ничего не слышали о деятельности Ипатьева в США. Вдруг в 1944 году он объявился и попросился на прием к советскому послу. Пришлось подумать, стоит ли его принимать. А он несколько раз звонил и все настойчивее повторял свою просьбу. Дежурный по посольству начинал очередной доклад с необычной фразы:

— Опять Ипатьев…

Я согласился его принять.

…В кабинет вошел человек выше среднего роста, плотный, довольно подвижный для своего возраста, а на вид ему было по крайней мере лет семьдесят пять.

Он начал, что говорится, с места в карьер:

— Вы обо мне слышали. Моя фамилия Ипатьев. Я пришел с повинной.

Хоть стаж работы в посольстве у меня уже считался порядочным и различных историй за рубежом приходилось слышать немало, этот посетитель все же удивлял. Вроде бы должен он получать, думалось, свои деньги, за которыми погнался. А он, словно читая мои мысли, говорил:

— Я совершил в жизни крупную ошибку, покинув Советский Союз. Черт меня попутал! И никаких этих заморских денег мне не надо…

Я в ответ заметил:

— Если черт может сбивать с толку ученых, то это очень плохо, разумеется, для ученых, а не для черта. Кстати, ваше сравнение с чертом весьма уместно. Вспомните, что проделывал он с Фаустом у Гёте.

Ипатьев, конечно, не собирался воспринимать литературные сравнения. Он знал, зачем шел сюда, и решил, не теряя времени, высказаться до конца по главному для него вопросу, видимо опасаясь, что его могут не дослушать, не понять. Говорил он убежденно:

— Прошу понять: я пришел не для того, чтобы жаловаться на свое материальное положение. Мне не приходится жаловаться на условия моей работы здесь, в Штатах. Мне дали лабораторию, она находится в Чикаго, и я вполне успешно ею руковожу. Все, что в ней делается под моим руководством, высоко ценится и в научном мире, и в кругах администрации. Мы работаем над получением высокооктанового бензина, который идет на нужды прежде всего военной авиации. Точнее говоря, речь идет о научно-исследовательской деятельности, которая связана с производством этого вида горючего. Но меня не перестают мучить угрызения совести: как же так, я, ученый, из страны, которая дала мне все — образование, ученую степень, положение в науке, я же из Советского Союза, а результаты моего труда присваиваются другой, чужой мне страной, хотя она и является сейчас союзницей СССР в войне.

Он смотрел на меня испытующе, словно проверял, верю ли я в то, о чем он говорит. Помолчал и добавил:

— Прошу разрешить мне вернуться на родину. Думаю, что советские власти меня поймут… И научная общественность тоже…

Я поинтересовался:

— А когда и каким путем вы мыслите себе возвращение в Советский Союз? Ведь идет война. Да и возможно ли подобное возвращение, если учитывать отношение к нему американских властей?

Ипатьев с жаром начал меня убеждать:

— Власти США не могут чинить затруднений моему возвращению на родину. А ехать я могу, когда угодно и как угодно. Лишь бы доехать до родины.

Чувствовалось, он не очень хорошо представляет свое положение и то, как сложно было добираться в то военное время до Советского Союза из США.

Далее он сказал:

— Я хочу, чтобы мне была предоставлена возможность вывезти с собой часть оборудования моей лаборатории. Оно закуплено на мои личные средства. И я уверен, что с американской стороны никто возражать не будет. Кроме того, я прошу разрешить выехать вместе со мной на постоянное жительство в СССР моему помощнику по лаборатории —

американскому гражданину, который мне необходим как научный работник. Это — мое единственное условие.

Такая просьба могла насторожить, вызывала сразу ряд вопросов: а что это за человек, согласен ли он с тем, что излагает сейчас Ипатьев от его имени, действительно ли готов уехать в Советский Союз на постоянное жительство? Но ученый говорил спокойно. Создавалось впечатление, будто этот вопрос они оба обговорили во всех деталях и давно его сами для себя решили. А Ипатьев продолжал:

— Я хочу работать на родине и больше не желаю оставаться в США.

Вдруг он заплакал, повторяя все то же самое, не стесняясь своих слез. Стало видно, что он испытывает огромное волнение. Вытирая слезы, он повторил:

— Вы не знаете, что такое быть оторванным от родной земли… от родной земли… Я же ничего перед собой не вижу, кроме тупика… Если бы вы представляли себе, как я раскаиваюсь… в том, что совершил…

Я сказал ему вполне откровенно:

— Говорить о вашем прошлом поступке сейчас, конечно, нет необходимости. Что касается вашей просьбы о возвращении, то ответ на нее может быть дан через некоторое — надеюсь, непродолжительное — время.

Ипатьев поблагодарил, пошел к выходу, остановился у двери и громко сказал:

— Я с большой надеждой буду ожидать этого ответа.

Не скрою, встреча с Ипатьевым произвела на меня впечатление. Смотрел я на него и думал, с какой же легкостью иногда «черт» путает людей. И травмы у них от этого остаются на всю жизнь… Иногда травма оборачивается даже роковым исходом…

В тот же день обращение Ипатьева было доложено в Москву. Вскоре пришел ответ. Суть его состояла в том, что поставленные Ипатьевым условия возвращения неприемлемы. Начинать длительную переписку с Москвой по этому вопросу попросту не представлялось возможным — шла война.

Советский генеральный консул в Нью-Йорке известил Ипатьева о содержании поступившего из Москвы ответа. Реакции на него не последовало. В советских представительствах в США Ипатьев больше не появлялся…

Весьма заметной фигурой в среде русской эмиграции в США был Виктор Александрович Яхонтов. В 1917 году ему было тридцать шесть лет. Тогда, уже в чине генерал-майора, он занимал пост заместителя военного министра Временного

правительства. Со служебными поручениями по военной линии Яхонтов до Октябрьской революции выезжал в Англию и Францию, некоторое время был военным атташе в Японии.

Сложной получилась жизнь у этого генерала, который не сразу понял суть революционных перемен в нашей стране. В конце концов он очутился в Соединенных Штатах и там обосновался. Но надо отдать ему должное. Яхонтов никогда не примыкал ни к каким враждебным нашей стране организациям. Он принадлежал к тому крылу русской эмиграции, которое работало на дело нормализации и развития отношений между США и СССР. В годы войны Яхонтов проводил работу в интересах советско-американской дружбы, скорейшего открытия второго фронта, расширения Соединенными Штатами помощи Советскому Союзу.

Большую популярность в США принесли ему многочисленные устные выступления. Яхонтов показал себя как превосходный оратор. На митингах и лекциях он говорил о борьбе советского народа и Красной Армии против фашистского нашествия, об огромном значении этой борьбы для судеб всего человечества. Говорил вдохновенно и убежденно.

С Виктором Александровичем я не раз встречался. Происходило это в основном на приемах в советском посольстве. Стройный, всегда подтянутый, он выглядел намного моложе своих лет. Во время войны, как бывший генерал, он внимательно следил за всеми сводками с советско-германского фронта, подбирал разноречивые, иногда взаимно исключавшие друг друга сообщения, внимательно их анализировал и делал свои заключения и выводы. Говорить с ним было приятно. Когда он рассуждал о жизни в Советском Союзе, об обстановке на фронте, сомнений не оставалось: перед вами патриот Родины.

— Мы ценим вашу деятельность и в среде русской эмиграции, и в американском обществе в целом, — говорил я ему.

— Служу Отечеству, — отвечал он.

Вернулся Яхонтов в Советский Союз в 1975 году. В следующем году его наградили в связи с девяностопятилетием орденом Дружбы народов. Скончался он в 1978 году и похоронен на кладбище Александро-Невской лавры в Ленинграде.

Керенский и Сорокин

Во время работы в США, да и потом мне приходилось иногда иметь дело с людьми, которых я назвал бы «политическими мастодонтами». Эти люди — а кое-кто из них даже пытался плавать на волнах большой политики — настолько оторвались от страны, где родились, получили образование и воспитание, что, собственно, уже утратили всякую связь со своим народом.

В их рядах находились и ярые враги Советского государства. Жизнь забросила их далеко от родины именно из-за того, что они в открытую проявляли свою враждебность Великому Октябрю и всему тому, чем живут советские люди.

Прошло всего несколько дней после нападения фашистской Германии на СССР. В посольстве раздался однажды телефонный звонок. Звонили из государственного департамента США. Попросили к телефону меня. Я взял трубку.

— Хэлло, мистер Громыко, говорит Берли, заместитель государственного секретаря, — раздался знакомый голос на другом конце провода. — Вы меня слышите?

— Да, слышу хорошо, здравствуйте. Чем обязан вашему раннему звонку?

Мы встречались с Адольфом Берли до этого не раз и уже знали друг друга.

— Видите ли, мистер Громыко, я разговаривал с мистером Керенским. Он хотел бы встретиться с поверенным в делах СССР и просил меня посодействовать в организации этой встречи. В канун Октябрьской революции в вашей стране он возглавлял Временное правительство в России.

Если бы мне сказали, что поступила просьба из потустороннего мира, я, вероятно, удивился бы не меньше. Я, конечно, слышал, что Керенский живет где-то в США и никуда из этой страны не выезжает. Он был женат на богатой вдове, австралийке. Но за все годы после революции никогда никаких попыток с его стороны войти в контакт с советскими официальными представителями не было. И вдруг…

Что ему надо? Началась война. Фашизм бросил против нашей страны всю ту силу Европы, которую ему удалось поставить себе на службу. Из Берлина, да и из Москвы поступали сообщения для нас, советских людей, одно тревожнее другого. Что будет дальше? Этот вопрос задавали все.

И в этой обстановке нежданно-негаданно появился Керенский. Тот самый Александр Федорович, который в 1917 году был временным верховным правителем России. Чего он

хочет? Позлорадствовать? Его наши товарищи сразу же выставят за дверь и прогонят. Будет неприятный инцидент. А может, хочет посочувствовать? Смешно. Кто сочувствует и кому? Политический банкрот, пропахший нафталином. Нет, по всем выкладкам не получалась у меня встреча с Керенским. Все это я прикинул в голове и сказал спокойным тоном в трубку:

— Господин Берли! Принимать Керенского я не собираюсь. Думаю, вы меня правильно поймете.

Было вполне очевидно, что для Берли моя реакция не была неожиданной.

Сказал и повесил трубку. Я и сейчас считаю, что поступил правильно.

При этом я исходил из того, что он был и оставался врагом Советского государства. Его имя оказалось прочно связано с самыми враждебными силами русской эмиграции. И никто из советских официальных представителей его принимать не собирался.

О своем ответе на просьбу Керенского я сообщил в Москву. Мое решение приняли как должное. Никакой реакции на него из Москвы не последовало. Да разве до Керенского было в Москве в июле 1941 года?

А он строил из себя политическую личность. Делал заявления для печати. Бульварная пресса иногда публиковала его высказывания. В одном из них он подтвердил, что остается противником Советской власти, однако в войне с Германией желает победы… русскому оружию. Как и в памятном 1917-м, фигляр становился в позу…

Бывший премьер Временного правительства, который в дни Великого Октября бежал из Петрограда, переодевшись в женское платье, задержался на жизненном пиру на многие десятилетия. Все эти долгие годы он жил практически в обстановке полного забвения. Лишь изредка, когда в США начиналась очередная антисоветская кампания, его выпускали на телевизионный экран или на трибуну второразрядного сборища. В своих антикоммунистических выступлениях он не раз принимался доказывать, что вовсе не бежал из Зимнего дворца в женском платье, что отбыл оттуда в своем обычном одеянии.

Всю жизнь он занимался тем, что пытался перехитрить, обмануть саму историю, передергивая факты. Нет, не «отбыл», а бежал, оставив позади все — и страну, и народ, и честь, и совесть, и… даже собственную жену. В 1925 году в «Известиях» появилось коротенькое сообщение. В нем говорилось, что в одну из нотариальных контор Ленинграда поступило для снятия копии бракоразводное свидетельство: «Выдано настоящее… Ольге

Львовне Керенской… в том, что ее брак с Александром Федоровичем Керенским… расторгнут по причине оставления жены мужем…»

Даже в старости Керенский оставался позером, носил все ту же прическу — «ежик», того же покроя френч, в котором он фотографировался в молодости и в котором его изображали на карикатурах. Его снимок перед микрофоном мне самому довелось увидеть в одной из американских газет. Судьба наказала его одиночеством. Русские монархисты ненавидели бывшего временщика, считая если и не «красным», то слишком «розовым». А бывшие соратники и обожатели, поклонявшиеся ему некогда как идолу, просто отвернулись. Вся белоэмигрантская публика, не слушая его речей и заверений по американскому телевидению о том, что он якобы не носил женских одежд, презрительно именовала его «Александрой Федоровной». Что касается политических руководителей Запада, то они никогда не принимали Керенского всерьез.

Так он и прожил свою тягучую жизнь, существуя как экзотическая безделушка от политики, кормясь случайными крохами от антисоветского пирога, который постоянно пекла западная пропаганда. Даже два собственных сына обходили его участием. Когда в 1970 году Керенский заболел, они, не желая тратить свои деньги на лечение отца, поместили его в муниципальную благотворительную лечебницу. Выбравшись оттуда и поняв, какие его ожидают унижения в случае ухудшения болезни, он покончил с собой…

На приемы в советское посольство всеми правдами и неправдами проникали иногда и непрошеные посетители. Для этого они использовали официальные приглашения, которые адресовались нашими товарищами, ведавшими протоколом, естественно, не им, а их знакомым. Выклянчив такую пригласительную карточку, они оказывались в здании посольства СССР в Вашингтоне. Видимо, подобным образом и очутился в наших стенах известный эмигрант из России Питирим Сорокин.

Судьба этого социолога и философа сложилась драматично. Его имя как ученого, бросившегося в бурные волны политических событий, стало довольно известным еще до революции, особенно в кругах русской интеллигенции. У него имелись печатные труды, в частности о творчестве Льва Толстого. Взгляды Сорокина на Россию и русский народ, его историю и будущее были пропитаны буржуазным идеализмом. Этот же идеализм, сурово раскритикованный Лениным, привел его в партию эсеров, где он стал лидером ее правого крыла. Сорокина в 1917 году заметил Керенский и сделал своим секретарем.

Дальнейший путь Сорокина стал закономерным следствием всей его предыдущей жизни. Являясь профессором Петроградского университета, он после Октябрьской революции использовал свое положение как ширму для того, чтобы вести борьбу против Советской власти. Так он очутился в числе контрреволюционных заговорщиков, попал на скамью подсудимых и оказался приговоренным к смертной казни. Но по предложению Ленина смертную казнь ему заменили в 1922 году высылкой из Советского Союза.

В 1923 году Питирим Сорокин принял американское гражданство и до своих последних дней жил в США. Работал он профессором в Гарвардском университете. Учитывая послужной список ярого противника социализма, отношение к нему в этом университете было поощрительным. Он создал себе определенный авторитет среди буржуазных ученых, выпустив четырехтомный труд «Социальная и культурная динамика».

Когда ко мне на приеме подвели Сорокина, я крайне удивился. Откуда взялся этот человек? В прессе его имя не фигурировало, а в российских эмигрантских кругах он, думаю, не пользовался авторитетом.

Я не стал, как, впрочем, и другие советские товарищи, спрашивать Сорокина, как он попал на прием. Об этом мы и без разъяснений догадывались. Задал я ему другой вопрос:

— Не скучаете ли вы по родине? Сорокин ответил:

— Мне очень трудно дать ответ, учитывая мое прошлое. Но Ленину я, конечно, глубоко благодарен за все, что он лично для меня сделал. Ведь он сохранил мне жизнь.

Задал я еще два-три вопроса о его делах, но по тому, как он уходил от ответов, понял, что Питирим Сорокин не очень-то и хочет распространяться о своем житье-бытье, да и сама обстановка, наверно, с его точки зрения для такой беседы была неподходящей.

Позднее мы выяснили, что своих политических взглядов Сорокин не изменил. Правда, он, как и многие русские в годы войны, восхищался героизмом Красной Армии и советского народа, которые переломили хребет нацистскому зверю, но это вовсе не значило, что он стал на сторону Советской власти. Умер он в 1968 году.

Дан прозрел, но поздно

Сговорились мы как-то с советником посольства В. И. Базыкиным поехать в Нью-Йорк и постараться по возможности пообщаться там с представителями эмигрантских кругов.

Среди них встречались самые разные люди: и отпетые враги Советской власти, и те, кто все еще присматривался, что же собой представлял Советский Союз и как живут в нем те или иные слои. населения, немало эмигрантов считало себя друзьями нашей страны, причем эта часть соответственно и действовала. Эти последние составляли в общем меньшинство среди ядра эмигрантов, но зато наиболее интересную информацию мы получали именно от них, так как они хорошо знали настроения в рядах российских «беженцев», очутившихся в Новом Свете.

Куда конкретно пойти? Недолго раздумывая, мы решили заглянуть в типичный русский ресторанчик. Их работало несколько в Нью-Йорке той поры, действовали они и в других крупных городах Америки. Наиболее популярные из них широко рекламировались: «Тройка», «Самовар», «Балалайка». Мы решили, что для нашей цели подходил любой. Работники нашего консульства в Нью-Йорке посоветовали выбрать ресторанчик в районе 42-й стрит. На самом Бродвее тогда, кажется, отсутствовали такие объекты.

Пошли, увидели вывеску, которая соблазнительно подмигивала и английскими буквами выписывала малопонятное для американца слово: «Тройка».

Зашли в ресторан и сразу же встретили предупредительное к себе отношение. Трудно было понять, узнали нас или нет. Скорее всего узнали. Хотя бы потому, что к нам приставили не одного, а двух официантов. Одетые в сапоги с лакированными голенищами, обхватывавшими темные брюки, в косоворотки почти до колен, подпоясанные цветными кушаками — они напоминали половых из дореволюционных нижегородских трактиров, так красочно описанных М. Горьким.

Нам дали меню с большим выбором блюд. Мы заказали русские блины.

— Водку будете-с? — официант говорил по-русски.

— Нет, — последовал ответ. Мы оба не брали в рот алкогольных напитков. Для местного заведения, конечно, непьющие водку русские явили собой диковинное зрелище.

Вскоре стало понятным, что об этом странном для официантов эпизоде узнала администрация ресторана, которая тут же предстала перед нами во всем своем параде.

— Что мы можем вам предложить? — спросил администратор. Пришлось «выходить из положения», и мы сказали:

— Дайте нам две кружки пива.

Такой заказ помог снять удивление обслуги, хотя и не полностью.

Блины оказались на славу. Мы, правда, не стали бы биться об заклад, что в них преобладала гречневая мука. Но это, в конце концов, деталь.

В небольшом ресторанчике стояло десятка полтора столиков, расположенных так, чтобы говорящие за любым из них не мешали соседям. Зал выглядел полупустым.

Мы уже доели блины, выпили пиво и собирались расплачиваться, как вдруг из-за стола неподалеку встал посетитель и пошел по направлению к нам. На вид я дал бы ему много лет. Хотя возраст его трудно отгадывался, но по тому, что лицо этого человека бороздили мелкие и обильные морщины, я сделал вывод, что он видал виды. Правда, на нем хорошо сидел отменный костюм. Незнакомец вежливо представился:

— Я — российский эмигрант Дан. Известен в вашей стране как меньшевистский лидер.

Все стало ясно. Перед нами находился идейный противник Советской власти и партии Ленина. На меня произвело впечатление то, что он представился нам в открытую.

Тут как будто из-под земли вырос старший официант со стулом. Подставил его к нашему столу. Дан чинно присел.

— Могу ли я проверить в беседе с вами свои представления о Советской России? — заговорил наш новый неожиданный сосед по столу.

Я задал встречный вопрос:

— А знаете ли вы, с кем говорите?

— Да, хорошо знаю. Я говорю с послом Громыко. Далее Дан выступил с монологом, излагая свои взгляды.

— Мои единомышленники, — говорил он, — разошлись со мной не только по вопросам тактики, но и по вопросам политической стратегии. Мы не считали, что Россия готова к тому, чтобы рабочий класс один или вместе с крестьянством установил диктатуру. Последняя означала, что основной и наиболее активный слой общества частных собственников и в городе, и в деревне надо объявить и считать врагами. Ведь другие враги отсутствовали, если не считать царской династии. Но с династией можно было поступить так.

Тут он подул на свою ладонь, будто хотел сдуть с нее пыль.

— И все, — продолжал он. — И династии нет. Ленинская же

фракция вынесла за одни скобки и династию, и буржуазию, и помещиков. А позже к ним добавили еще и определенный слой зажиточного крестьянства. Вот в таких условиях матушка-Россия должна была приводить в порядок свои дела. Много, слишком много крови пролито… Поляризация сил прошла по широкому фронту, и стране пришлось пережить огонь гражданской войны, понести неисчислимые жертвы. И вот мы, так называемые меньшевики, очутились на чужбине. Злая ирония! Кто знает, если бы русское общество не оказалось так жестоко расколото, может, немцы и не навязали бы ему войну.

Да, перед нами сидел тот самый Дан (настоящая его фамилия — Гурвич), который являлся одним из лидеров меньшевиков. В 1917 году он входил в исполком Петроградского Совета, потом во ВЦИК, а в 1922 году его выслали за границу за антисоветскую деятельность.

— Мы с вами, — продолжал собеседник, — согласны в том, что агрессором является Германия. Возможно даже, что если бы у власти стоял не Гитлер, то немцы все равно развязали бы войну. Идеи реванша за поражение в первой мировой войне витали в Германии.

Он излагал свои мысли так, словно только сейчас ему представилась возможность выговориться.

— Мы согласны с тем, что только слепота немцев и гитлеровской верхушки помешала им понять, что победу союзники заложили уже в самом начале войны. Не могут три таких гиганта склонить голову перед Германией, независимо от того, Гитлер там или не Гитлер. Имели мы свое особое мнение и по вопросу структуры власти, и о том, как она должна функционировать в такой огромной стране, как Россия. Существует образец такой структуры, по нашему мнению, полностью себя оправдавший. Разные части народа — рабочие, крестьяне, помещики, буржуазия — направляют своих представителей в Учредительное собрание, и там они вершат все главные дела.

Рассуждения его, конечно, представляли собой классическую меньшевистскую точку зрения.

— Конечно, монархия исторически себя изжила. Не сразу, но постепенно руководство тех сил, к которому я имею честь принадлежать, пришло к этому же выводу.

В настоящее время на Западе часто можно услышать лозунг о необходимости свободы мнений в политической жизни любой страны, в том числе и в Советском Союзе. Мы признаем это, но говорим: это должна быть свобода в условиях социалистического общественного строя, во имя благополучия народа, во имя

укрепления страны.

А мы тогда выслушивали высказывания о понимании свободы одним из лидеров российского меньшевизма. Надо было, хотя бы коротко, на них ответить. Я сказал:

— Знаете, уже одно то, что мы вас выслушали, кое о чем говорит. Но мы не хотим становиться на путь политической дискуссии. Вы придерживаетесь взглядов, которые никогда не имели перспективы для претворения в жизнь. Судя по всему, вы и сейчас продолжаете верить в кое-что из того, во имя чего меньшевики боролись с Лениным в свое время и внутри страны, и за рубежом.

Тут Дан, стараясь быть спокойным, заметил:

— Я весьма ценю ваше терпение, с которым вы меня выслушали. Мы знаем, что Россия пойдет той дорогой, на которую вступила, — дорогой социализма.

Расстались мы с Даном на этой нотке.

В течение какого-то короткого промежутка времени мы еще получали информацию о том, что Дан и его политические друзья подавали признаки жизни. Но на них в то бурное военное время мало кто обращал внимание. Однако продолжалось так недолго.

23 января 1947 года, открыв газету «Нью-Йорк таймс», я на той странице, где публикуются некрологи, прочитал: «Русский эмигрант, один из бывших лидеров социал-демократической партии Теодор И. Дан умер в 75 лет». В Америке «Федора», как обычно, переиначили в «Теодора».

А дальше в небольшой заметке бесстрастно перечислялись фактологические подробности: «Умер после тяжелой болезни по месту жительства, адрес: 352 Уэст, 110-я стрит». «Родился в Санкт-Петербурге 19 октября 1871 года». «Участник революций 1905 и 1907 г., г-н Дан являлся членом Исполнительного Комитета Всероссийского Совета рабочих и крестьян». Американская газета не утруждала себя точностью названий, и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет называла как ей заблагорассудится.

Последние несколько строк некролога повествовали о жизни Дана в изгнании: «Почти двадцать лет он являлся членом исполкома Социалистического Интернационала и редактором «Сошиэлист Куриерз» — органа таких же, как и он, эмигрантов. Со времени приезда в США, с 1940 года, издавал ежемесячник «Нью Роуд». Незадолго до смерти выпустил свою книгу «Происхождение большевизма». Он оставил вдовою Лидию О. Дан».

Таков итог жизни бывшего меньшевика — двадцать пять строчек в газете «Нью-Йорк таймс».

К этому можно лишь добавить, что в «Происхождении большевизма» он объявил большевизм «законным наследником русской социал-демократии», а Советский Союз — «главным щитом, который защищает мир от фашизма». Признание интересное, но оно появилось слишком поздно. Ну что же, как говорят, лучше поздно, чем никогда.

Беседа с Бенешем в «Блэйр-хаузе»

Доводилось мне встречаться и с представителями вчерашнего дня не только нашей, но и других стран. В то время, когда такие встречи происходили, вчерашний день для некоторых из них еще не наступил. Хорошо, например, отложилась в памяти встреча с Эдуардом Бенешем, президентом буржуазной Чехословакии.

Вашингтон, май 1943 года. В США из Лондона с визитом прибыл Бенеш. Он — президент в эмиграции. И правительство Чехословакии тоже тогда находилось в эмиграции. Бенеш прилетел из Англии с целью встретиться с Рузвельтом и вообще почувствовать политическую атмосферу американской столицы, узнать, как мыслят себе за океаном будущее Европы, и, конечно, в первую очередь судьбу Чехословакии. Это происходило в тот период, когда чехословацкий народ жадно прислушивался к вестям с Востока, следил за тем, как Красная Армия уже начала бить гитлеровцев и продвигалась на Запад. У народов Европы появилась уверенность в том, что их избавление от фашистского ига придет с Востока.

Пока правительство и президент находились далеко за пределами страны, чехословацкий народ вел борьбу с фашизмом: ширилась партизанская борьба на территории протектората Чехии и Моравии, а также против формально независимого, но, по существу, профашистского режима в Словакии.

— Андрей Андреевич, вас к телефону, — это говорит сотрудник посольства.

Беру трубку.

— Мистер Громыко, — слышится голос знакомого клерка из «русского стола» государственного департамента. — С вами хотел бы побеседовать президент Чехословакии Бенеш.

Я дал согласие.

В согласованное время прибыл в Блэйр-хауз — официальную правительственную резиденцию для высокопоставленных иностранных гостей. Этот построенный в старом американском стиле трехэтажный особняк находится практически рядом с Белым домом. В нем останавливались каждый раз и советские руководящие деятели во время визитов в Вашингтон.

Встретил меня невысокого роста человек, на вид лет шестидесяти, не более. Он заявил:

— Рад продолжить наше знакомство, состоявшееся несколько дней назад на обеде у чехословацкого посла в США. К сожалению, у нас тогда не было условий поговорить основательно.

Мы разместились в просторной гостиной.

Бенеш начал беседу подчеркнуто уважительно. Он понимал, что разговаривает с представителем Советского государства.

— Сейчас, — сказал он, — взоры почти всего человечества устремлены на Советский Союз. Все ожидают, что доблестные советские вооруженные силы избавят народы от фашистского ига.

По просьбе Бенеша я сообщил ему последние новости с фронта.

— От имени правительства Чехословакии и от себя лично, — заявил Бенеш, — хочу засвидетельствовать чувства дружбы к СССР. При этом я выражаю уверенность в том, что эти же чувства разделяет и весь чехословацкий народ. Придет время, и этот народ вздохнет свободно. Самая тесная дружба, проникнутая естественными для наших обоих народов взаимными симпатиями, свяжет прочными узами Чехословакию и СССР.

Далее Бенеш стал рассуждать о политике США и Англии как в период войны, так и после нее.

— Желательно, — подчеркивал он, — чтобы эти две державы мобилизовали все силы для дела победы над фашизмом.

Высказывался Бенеш также по вопросу о давно назревшей необходимости открытия второго фронта, но как-то скороговоркой, и не было ясно, верил ли он в его скорое открытие или нет. Однако его убежденность чувствовалась в том, что Германии не должно быть позволено воспрянуть вновь как агрессивной силе, которая угрожала бы существованию своих соседей, миру и спокойствию в Европе.

Он уверял меня:

— В ходе бесед в Вашингтоне я дал ясно понять американской администрации, что содействие восстановлению в Европе прежнего положения — без влияния Германии, которая должна быть обезоружена, — было бы самым разумным образом действий для США, да и для Англии.

Характерно — и это вытекало из сказанного Бенешем, — что и американское и английское правительства уже тогда выступали с позиции, предусматривавшей возможный раскол Германии, и даже не допускали мысли о едином демократическом германском государстве. Эта линия с особой четкостью проявилась в послевоенной политике западных держав, которая привела не просто к расколу Германии, но и к вовлечению ФРГ в Североатлантический блок.

Когда я слушал рассуждения Бенеша, мне вспоминались довоенные сообщения о «баталиях» в Лиге Наций. Бенеш вместе с представителями Англии, Франции и ряда других капиталистических стран Европы усыплял своими речами бдительность народов, всячески преуменьшая опасность,

исходившую от потенциального агрессора.

В кругах Лиги Наций Бенеш слыл ловким и изворотливым.

Его имя, как и имя такого же скользкого политика — грека Политиса, не сходило со страниц газет. В конце тридцатых годов в советской печати разоблачалась деятельность тех, кто проявлял полное непонимание обстановки, трусость перед фашизмом и близорукость в оценке будущего.

Бенеш, как президент Чехословакии, ответствен перед судом истории за то, что на протяжении ряда довоенных лет заигрывал с фашизмом, а в сентябре 1938 года принял условия заключенного в Мюнхене англо-франко-германо-итальянского соглашения о разделе Чехословакии и тем самым толкнул правительство своей страны на путь капитуляции.

И вот один из тех политиков, которые объективно потворствовали развязыванию фашистской агрессии в Европе, сидел передо мной и заверял в своих чувствах дружбы к Советской стране.

Не знаю, обратил ли он внимание на то, что о его прошлом я почти не говорил. Упрекать его едва ли было уместно. Делать же Бенешу комплименты — он их не заслуживал. Так что беседовали мы о вопросах, в связи с которыми персональную сторону обойти было нетрудно.

— Не только от себя, но и от имени Советского правительства, — говорил я, — мы поддерживаем мысль о необходимости для США и Англии усилить свой вклад в общую борьбу против агрессора. А это, в свою очередь, требует того, чтобы союзники СССР по антигитлеровской коалиции приняли самое серьезное и непосредственное участие в борьбе с фашизмом своими вооруженными силами. Иначе говоря, они обязаны открыть второй фронт.

Достиг ли Бенеш успеха, предприняв поездку в Вашингтон? В части установления знакомств, связей с администрацией США — да. Что же касается влияния на политику Вашингтона — сомнительно.

Во время беседы я обратил внимание на то, что Бенеш выглядел довольно бодрым. Судя по всему, здоровье у него было совсем неплохое. Признаков перегрузок, усталости — моральной и физической — не было заметно. Подумалось даже: «А где же следы бессонных ночей во время налетов немецкой авиации на Лондон?» О таких ночах американские газеты сообщали довольно часто.

Мне бросилось в глаза, что Бенеш часто проводил по столу рукой, чертил какие-то воображаемые линии, стрелки, которые символизировали, по его мнению, движение армий воюющих

сторон или направление политики государств. Казалось, что для его жестов не хватало простора.

Как сам внешний вид этого деятеля, так и его манера держаться очень подходили бы профессору каких-нибудь гуманитарных наук, может, больше всего профессору права. Размеренная речь, подчеркивание основных мест интонацией голоса, паузы смыслового порядка. И все это делалось явно для того, чтобы придать выразительность речи, хотя его аудитория состояла только из одного человека — меня. Бенеш как бы демонстрировал свои ораторские способности.

До конца жизни Бенеш остался буржуазным деятелем, не понявшим подлинные думы и чаяния трудового народа. Поддерживая силы чехословацкой реакции и опираясь на них в первые послевоенные годы, он стремился помешать осуществлявшимся в стране революционным преобразованиям.

В феврале 1948 года течение событий подхватило Бенеша и унесло далеко от народа. Он принял участие в заговоре внутренней реакции, активно поддержанном империализмом. Заговорщики ставили своей целью свергнуть народную власть, реставрировать капитализм и присоединить Чехословакию к империалистическому блоку НАТО.

После провала заговора Бенеш в июне 1948 года ушел в отставку. На том и кончилась политическая деятельность президента. Его линия оказалась несовместимой с новыми условиями в Чехословакии, освобожденной воинами Страны Советов. Неудивительно поэтому, что чехословацкий народ отстранил его и пошел уверенно по пути демократии и социализма под руководством коммунистов.

Общее впечатление о Бенеше у меня сложилось вполне определенное: этот человек весь был в прошлом. Остался представителем либерального крыла буржуазии. Верно ей служил. Конечно, он и во время войны, и после ее окончания до самой смерти вел борьбу за то, чтобы найти себе место в новой обстановке.

Однако поражение гитлеровской Германии радикально изменило положение и в Чехословакии. Мастер маневрирования, не раз выигрывавший баталии в дипломатических схватках в Лиге Наций, он оказался просто банкротом, когда требовалось определить позиции новой Чехословакии и во внешних делах, и в области внутреннего развития.

Недюжинные способности президента, а он их часто проявлял, были направлены не в ту сторону. А честная и радикальная переориентация на сотрудничество с подлинно патриотическими силами оказалась ему не по плечу.

Парламентские маневры скорее компрометировали его в глазах народа, нежели укрепляли позиции. Он метался из стороны в сторону, но так и не ступил на надежную тропу, в политике и в общественной жизни.

Правду народу Чехословакии несли коммунисты, левые силы. Партия рабочего класса. Имя Готвальда стало знаменем, вокруг которого сплотились здоровые силы страны. Родилась народно-демократическая Чехословакия, которая ныне живет и развивается как социалистическое государство, находясь в семье братских стран Варшавского Договора.

Ян Масарик в тисках прошлого

Своеобразно сложилась судьба другого чехословацкого политического деятеля — Яна Масарика, с которым я тоже много раз встречался. Сын Томаша Масарика, бывшего президента Чехословакии с 1918 по 1935 год, он сформировался в условиях буржуазной республики и ориентировался, конечно, в основном на Запад.

В годы войны Ян Масарик находился в эмиграции в Англии. В 1940 году он — министр иностранных дел в эмигрантском правительстве Чехословакии, а с 1941 года — заместитель председателя правительства.

После освобождения Чехословакии советскими войсками перед Масариком появилась перспектива сослужить добрую службу своему народу. Сразу же, как только страна была очищена от оккупантов и начался процесс становления народной власти, он оказался перед выбором — пойти с народом или очутиться по другую сторону баррикады. Вначале Масарик сделал правильный выбор, и в апреле 1945 года он был назначен на пост министра иностранных дел.

Мы часто встречались с Масариком в течение трех послевоенных лет. Первая такая встреча состоялась в 1945 году на конференции в Сан-Франциско по созданию ООН. Вспоминаю то радушие, которое было проявлено чехословацкой делегацией в отношении делегатов Советского Союза. Мы отвечали тем же.

Масарик был высокого роста, полноватый, он походил на былинного богатыря, которому только знай подавай железные прутья, и он из них будет завязывать узлы.

Однако такое впечатление оказалось обманчивым. В действительности он был скорее физически рыхлым человеком. В движениях медлительным. Никогда не спешил, даже на заседание шел не торопясь. На протокольные мероприятия — тем более. Разговор вел в медленном темпе. И как будто получал удовольствие от того, что делал большие паузы, изучая, вероятно, свои собственные мысли..

Но кто принял бы эту медлительность и за свойство его мышления, тот допустил бы ошибку. Суть обсуждаемой проблемы он схватывал быстро, не спешил первым выдвигать какие-либо острые или сложные вопросы. Вначале присматривался и прислушивался к другим.

Когда в 1945 году Масарик прибыл в Сан-Франциско, то, естественно, окунулся в деловую и напряженную атмосферу. Положение, конечно, обязывало высказывать позиции по главным

вопросам, обсуждавшимся по повестке дня.

То был период, когда Чехословакию представлял созданный эмигрантами в Лондоне Национальный совет, признанный державами антигитлеровской коалиции, в том числе Советским Союзом, в качестве правительства этой страны в Центральной Европе. Возглавлявший это правительство Бенеш весьма сдержанно относился к СССР, в то время как Масарик в качестве министра иностранных дел стремился поддерживать тесный контакт с советской делегацией. Встречались мы почти ежедневно. Не только на заседаниях конференции, ее комитетов, подкомитетов, но и осуществляли неформальные контакты, как правило, в узком составе. Он, как и другие делегаты Чехословакии, явно имел установку Праги, которую наши войска освободили уже после начала Сан-Францисской конференции, на сотрудничество с Советским Союзом.

Однако по всему ощущалось, что и сам Масарик, как глава делегации, и другие представители Чехословакии избегали делать какие-либо заявления с критикой США, Англии, да и других западных держав. Такой, вероятно, тоже была установка, данная из Праги.

Тем не менее мы, советские представители, были довольны позицией Праги в целом, так как даже по тем вопросам, по которым у нас имелись расхождения с западными союзниками, с Чехословакией, как и с другими странами Восточной Европы, в принципе наши действия совпадали. Во время наиболее острых споров на пленарных заседаниях конференции, в руководящем комитете и в рабочих комитетах чехословацкая делегация вела себя принципиально. Она отстаивала общие с нами позиции по главным вопросам.

Не составляло особого труда договориться с Масариком и по тактическим шагам, которые предпринимались в интересах успеха конференции.

На протяжении всей конференции между делегациями Советского Союза и Чехословакии имело место самое тесное сотрудничество. С Масариком глава советской делегации (в начале конференции В. М. Молотов, а потом я) встречался чуть ли не ежедневно. Все беседы проходили в дружественной атмосфере. Точка зрения советской делегации по тому или иному вопросу, в частности о так называемом праве «вето», всегда находила понимание и поддержку со стороны чехословацких партнеров.

Все это, вместе взятое, конечно, отражало те процессы, которые происходили в самой Праге. Рост влияния Коммунистической партии Чехословакии, личный авторитет

Готвальда, банкротство буржуазных политиканов должны были находить и находили выражение во внешнеполитических позициях. Страна шла к победе народного социалистического строя. Крушение «третьего рейха» — гитлеровского палаческого режима — открыло новый путь для чехословацкого народа. Он с каждым днем убеждался, что его судьба тесно связана с будущим Советского Союза и тех стран Восточной Европы, которые, как и его родина, вступили в историческую эпоху крутых социальных перемен.

Как и в каком направлении станет развиваться Европа, да и весь мир, во многом зависело и от исхода Сан-Францисской конференции, призванной заложить основы новой всемирной организации по поддержанию мира.

До самого окончания конференции мы шли с чехословацкой делегацией, как и с польской, и с югославской, в общем строю, хотя в самих этих странах еще не все встало на свое место. Еще требовались усилия народов для закрепления результатов победы.

В качестве министра иностранных дел Чехословакии Ян Масарик возглавлял в последующем делегации своей страны на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Вместе с другими чехословацкими друзьями он бывал в Гленкове, на даче нашего представительства при ООН. И мы не раз ездили к нему в гости.

Масарик был интересным собеседником. Но вот сказать твердое слово и дать отпор нашим общим недругам для него всегда представлялось делом нелегким. Не обязательно потому, что он не хотел этого. Просто из-за склада характера у него такие выступления не получались. И все это хорошо знали.

Помню, в беседе с Масариком 28 сентября 1947 года по важному вопросу — об избрании Чехословакии в Экономический и социальный совет ООН — пришлось обратить его внимание на следующее:

— Конечно, и вам, чехословацким делегатам, полезно было бы проводить работу с другими делегациями с целью защиты интересов вашей страны. Это отвечает также интересам Советского Союза и других стран народной демократии.

Кое-что Масарик сделал, но сделал это без огонька.

Можно было при внимательном наблюдении заметить, что он постоянно о чем-то раздумывает. Это следовало не из того, что им говорилось, а скорее из того, что недоговаривалось, особенно когда речь шла об острых вопросах политики и отношении государств Запада к Советскому Союзу, странам народной демократии.

Закончил Масарик свою политическую карьеру не на стороне

народа. За политической смертью вскоре последовала и физическая: в 1948 году он неожиданно покончил с собой. Очевидно, прошлое, от груза которого Ян Масарик так и не смог избавиться, не позволило ему до конца отдать свои незаурядные способности и силы служению социалистической Чехословакии.

Волнующий и непонятный мир

О Соединенных Штатах Америки писали Горький, Маяковский, Есенин и многие другие наши талантливые литераторы. Однако каждый человек индивидуален и по-своему воспринимает все то, что его окружает. В чем-то впечатления разных людей об одном и том же схожи, но в чем-то они окрашены в неповторимые оттенки, — и это естественно. Так что вопрос о моих впечатлениях об Америке и американцах — не праздный.

В США мне пришлось работать с небольшим перерывом в течение почти восьми лет и сталкиваться не только с политическими проблемами, но и с жизнью американцев. Она всегда была перед глазами. Сначала наша семья сняла небольшой дом на одной из тихих улиц Вашингтона. Затем, когда меня назначили послом, то, естественно, мы переехали в основное здание посольства на 16-й стрит, в пяти минутах ходьбы от Белого дома.

Америка конца тридцатых — начала сороковых годов произвела на меня, конечно, сильное впечатление. Скажу прямо, я почувствовал себя в каком-то новом мире, во многом волнующем, но одновременно и непонятном. Уж очень разительно американские города, на первый взгляд, отличались не только от наших, но и вообще от европейских — Бухареста, Белграда, Генуи, Неаполя, которые мы уже успели увидеть.

Европейские города были намного спокойнее в повседневной жизни. Там лучше чувствовалось дыхание истории. Американские выглядели гораздо динамичнее, но вместе с тем — как-то менее уютными, больше приспособленными для деловой жизни. Здесь сильнее ощущалось дыхание техники, чаще попадались новшества. Казалось, сами дома в городах кричали нам вдогонку:

— А вот мы не такие, как вы, европейцы. Мы шумим, гудим, орем во все горло, и нам это нравится. Доллар, доллар и только он — вот, что нам нравится. Он для нас — все.

Ни у одного американского города нет своей древней истории, глубоких корней, которые прорастали бы в стойкие традиции. В этом смысле Лондон, где многое держится именно на традициях, совершенно не похож на Нью-Йорк и, кажется, никогда не будет похож. Когда сравниваешь с этим крупнейшим американским городом, например, Флоренцию или Венецию, то кажется, что они расположены на разных планетах.

Однако, как это ни странно, мне американские города в чем-то едва уловимо напоминали наши. Я долго не мог понять

существо этой странной схожести. Но потом ее, кажется, обнаружил. С одной стороны, наблюдаешь разительные внешние различия в архитектуре, скажем, Москвы и Нью-Йорка. Одновременно видишь, как они одинаково воспринимают новое и отбрасывают, хотя часто напрасно, старое. Все это осознаешь, только окунувшись в повседневную жизнь.

В крупном американском городе все находилось в движении. Уже во время нашего первого приезда в Нью-Йорк он был буквально наводнен автомобилями. Их поток в районе Манхаттена, где расположены основные небоскребы, оттеснял к домам пешеходов. В этом городе-гиганте в ту пору еще действовала надземная железная дорога. От нее по многим улицам разносился лязг металла. Он дополнялся рычанием тысяч больших грузовиков, тащивших по улицам свою разнообразную поклажу. Характерной чертой всех этих стрит и авеню был частый вой полицейских и пожарных сирен. Он раздавался и днем и ночью. Какофония будоражила людей, действовала на их психику. Но без нее Нью-Йорк не оставался бы Нью-Йорком. Без привычки в этом городе заснуть было не так-то просто.

К сожалению, Москва многих последних десятилетий в чем-то последовала за Нью-Йорком. Ее некоторые старые улицы и площади под натиском урбанизации оделись в наряд какой-то неопределенной, а иногда и безликой архитектуры. Были разрушены десятки интереснейших архитектурных ансамблей. Стали доминировать прямые углы и линии. Утрачивается в этих местах историко-национальный облик. Ухудшилась экологическая ситуация. Город стал более шумным.

Улицы Нью-Йорка оказались прямыми, как будто были начерчены по линейке. На них стояли исполинские дома. Они поражали. В тридцатые годы здесь выросло здание «Импайер стейт билдинг» — чудо строительной техники высотою в 102 этажа, увенчанное длинным шпилем-радиомачтой.

Вашингтон был спокойнее. Столичный город, населенный в основном государственными чиновниками разных рангов, в известной мере как бы противопоставлял себя Нью-Йорку. Тут, например, ни одно сооружение по своей высоте не имело права — и сегодня не имеет его — превышать высоту купола Капитолия — здания конгресса США.

Что я, как человек, который провел немало лет в Вашингтоне, хочу сказать о своих впечатлениях об американской столице?

Прежде всего, население ее в основном темнокожее. Независимо от того, прибыли вы в Вашингтон на воздушном лайнере или добрались до него, скажем, поездом, покрыв расстояние от Нью-Йорка до столицы часа за четыре, а может, и

на автомашине по шоссе часов за шесть, первое, что увидите, — это темнокожих людей. Это впечатление полностью отражает действительное положение дел.

Правда, в период войны белое население в столице превалировало. Но тенденция к его уменьшению и тогда была неизменной. Объясняется это рядом причин. Главная из них в том, что американская столица — это не только резиденция президента, администрации, не только скопление большого числа государственных учреждений, но еще к тому же и большая концентрация сферы услуг: ресторанов, магазинов, парикмахерских, прачечных, зрелищных предприятий, автосервиса, бензоколонок и многого другого. Удельный вес трудящихся, занятых в этой сфере, огромен, и почти все они — темнокожие. Отсюда и получилось, что в городе негритянского населения намного больше, чем белого. Даже по официальной статистике белые здесь составляют всего немногим более четверти населения.

Тем более белые, как правило, не живут в самом городе. В конце рабочего дня происходит резкий их отток за город. Они разъезжаются в большое число городков, разбросанных вокруг столицы на значительном расстоянии. Климат в Вашингтоне и его округе жаркий и влажный.

Правда, зимой, хотя воздух и насыщен влагой, человек может чувствовать себя в состоянии относительного комфорта. Снег в этих широтах выпадает, как правило, в феврале, к концу зимы, и похож скорее на некий каприз природы, чем на настоящие осадки.

Когда смотришь на город с самолета, видишь огромное количество загородных резиденций. Американцы оберегают растительность в столице и вокруг нее. Небольшие участки лесов на многие десятки километров вокруг Вашингтона перемежаются с полями и тщательно охраняются.

Видимой дискриминации в отношении негров в американской столице не встретишь. Но именно видимой. При посещении соответствующих учреждений, особенно культурных, при выборе места для резиденции белый человек и темнокожий хорошо знают, что такое соблюдение традиций и как надо учитывать разницу в цвете кожи.

Если впервые прибывший в Вашингтон иностранец спросил бы местного жителя: «Какая у вас здесь главная достопримечательность?», то он скорее всего получил бы ответ:

— У нас их две — Белый дом и конгресс США.

И американец будет прав.

Конечно, в Вашингтоне можно увидеть и другие

достопримечательности: памятник Линкольну — президенту времен Гражданской войны в США и Вашингтонскую картинную галерею. Имеются и другие музеи. Есть немало замечательных отелей, в сооружении которых американской столице подражают и другие города.

В свое время в беседе со мной видный американский журналист Альберт Рис Вильямс, который бывал в нашей стране и встречался в Лениным, характеризуя столицу США, выразился так:

— В известном смысле город Вашингтон по концентрации в нем политической власти приравнивают к особому музею.

Каждый его житель без затруднений скажет, как пройти или проехать в государственный департамент — это американское министерство иностранных дел, в министерство финансов, в здание Верховного суда. Он может указать дорогу и к памятнику Джорджа Вашингтона.

Запомнилась еще одна занятная черта Вашингтона конца тридцатых годов — в столице тех дней по улицам бегало немало бездомных собачьих стай. Нас это страшно удивило. А запомнилось все вот в связи с каким инцидентом.

Наш сынишка Анатолий вместе со своими сверстниками из любопытства зашел в местную церковь, где читалась проповедь. Он рассказывал:

— Сижу и слушаю. Понимаю речь священника с амвона лишь в общих чертах. А проповедник говорил нараспев. И лишь в конце он стал волноваться и перешел чуть ли не на крик. Люди сидели не то чтобы скучны, но и не веселы. А затем по рядам пустили большую чашу. Все, кто находился в церкви, стали бросать в эту чашу монеты, а некоторые и долларовые бумажки. А у меня денег чуть-чуть. Я ведь попал туда случайно. Что делать? Не бросить в чашу было стыдно, а если бросить лишь несколько центов, то как-то неловко, ведь не знал, на что. Вдруг, думал, на борьбу с нами, большевиками? Когда чаша дошла почти до нашего ряда, я встал и ушел. Смотрели мне вслед неодобрительно, один старичок даже зашикал. Вышел я из церкви, веселее стало. Захотелось домой. Увидел, что к остановке подъезжает нужный автобус. Я и побежал что есть мочи, чтобы успеть на него сесть. А тут, откуда ни возьмись, за мной припустились несколько собак. Одна из них, большая, рычала прямо-таки как собака Баскервилей у Шерлока Холмса. Она меня и укусила в тот момент, когда я уже впрыгивал в автобус.

В конце рассказа он сделал вывод:

— Суеверный человек принял бы это прямо как наказание, идущее от церкви.

Рана от укуса нас обеспокоила. Пригласили мы американского доктора, но он невозмутимо вынес свое заключение:

— Волноваться не о чем, в Вашингтоне и его окрестностях бешенства собак не наблюдалось уже много лет.

Мы успокоились.

В США несмотря на все их достижения в технике вера многих людей в чудеса, воскрешение из мертвых, астрологию, магию, ведовство, всякого рода мессий, вампиров, гадалок распространена настолько широко, что диву даешься. Приходилось встречать таких людей за океаном, и немало.

Есть, однако, у большинства американцев незыблемый закон их поведения, который нашим людям нравится. Это их деловитость. С ней, конечно, происходило немало метаморфоз. Своими корня-' ми она, например, уходит в прошлое, когда в жестоких условиях Американский континент осваивался первыми переселенцами, когда человек дела добивался своих целей с помощью пота и нередко личной храбрости, так как на просторах дикого Запада основным законом долгое время был кольт. Между прочим, это в какой-то степени и вселило в последующие поколения американцев веру в силовую политику. Так что парадигма вполне оправданна.

Трудная трасса Москва — Вашингтон

В годы войны попасть из Советского Союза в Соединенные Штаты было непросто.

Меня часто спрашивают: — Как же вы тогда добирались из Москвы до Вашингтона?

Действительно, таких маршрутов, которые прокладывались бы напрямую через Атлантику, как теперь, тогда по понятным причинам не существовало.

Вот и выходит, надежным путем из Москвы в Вашингтон был только тот, который проходил через всю нашу страну: через Сибирь, Дальний Восток — на Аляску, затем круто на юг в Канаду и на запад США, а оттуда — в американскую столицу.

Всего из Вашингтона в Москву и обратно в годы войны я летал три раза и, таким образом, говоря современным языком туристов, совершил три «круиза». Два воздушных отрезка этих «круизов» пролегли уже в конце войны через Северную Африку, а четыре — через Сибирь и Аляску.

Маршрут из СССР в США тогда проходил через Казань, Свердловск, Омск, Новосибирск, Красноярск, какие-то небольшие аэродромы в Сибири, Олекминск — северяне нас научили называть его просто Олекма, — Якутск, Марково — на Чукотке. Последним советским населенным пунктом был Уэлькаль, тоже на Чукотке, а затем уже шли городки на Аляске — Ном, Фэрбанкс — и далее другие аэродромы в США. Путь, конечно, непростой, утомительный, но именно по нему в годы войны перегонялись американские самолеты и осуществлялась связь столиц двух стран, когда приходилось летать некоторым официальным лицам или делегациям.

Эту трассу — от Красноярска до Чукотки — наши летчики называли «линией Мазурука». Прославленный летчик Илья Павлович Мазурук, Герой Советского Союза, генерал-майор авиации, широко известен в нашей стране, и особенно на Севере. Он много сделал, чтобы прославить отечественный воздушный флот, летал в Арктику и Антарктику. В свое время участвовал в высадке на Северный полюс четверки папанинцев. Был начальником полярной авиации Главсевморпути.

Разное случалось на этой трассе. В один из январских дней 1944 года в Якутске приземлился американский самолет «Либерейтер». На нем летел из Москвы кандидат в президенты США Уэнделл Уилки с сопровождающими его лицами. Сибирь и

Север показали свой характер. Американский самолет промерз так, что летчики из ВВС США так и не смогли его завести. Пришлось господина Уилки на Аляску доставлять в советском самолете.

Полет из Вашингтона в Москву только в одну сторону продолжался пять суток. Вот тогда-то я и ощутил впервые воочию, что такое просторы родной земли, взглянул с высоты на сибирскую тайгу. Где-то над Якутией в одном из полетов мы в иллюминаторы видели грандиозный пожар. На многие десятки километров в тайге простиралась ломаная линия огня. Вид таежного зарева не внушал веселых мыслей. «Как на фронте, — подумалось мне. — Там тоже как будто все горит, да еще и гибнут наши люди».

Чукотка, Якутия, Сибирь казались нескончаемыми. По многу часов летел самолет, а внизу была тайга, тайга и тайга.

Последний раз по этому маршруту из Москвы в Вашингтон пришлось лететь в 1944 году. И вот тогда-то мне тоже довелось испытать сюрпризы погоды на этой трассе.

Меня назначили председателем делегации на конференцию по выработке Устава ООН, которая собиралась в Думбартон-Оксе (пригород Вашингтона). В состав делегации входили крупные специалисты в области международного права профессора С. А. Голунский и С. Б. Крылов, известные советские дипломаты А. А. Соболев и С. К. Царапкин, контр-адмирал К. К. Родионов, генерал-майор Н. В. Славин, Г. Г. Долбин, М. М. Юнин (секретарь делегации) и В. М. Бережков (секретарь-переводчик).

Летели без особых приключений до Чукотки. А вот в маленьком поселке Уэлькаль на берегу залива Креста застряли больше чем на сутки. Из-за непогоды взлет нашему самолету не разрешали. Дул невероятной силы ветер, и, хотя на дворе стоял август, холодное дыхание Севера давало себя знать.

Уэлькаль тогда — небольшой поселок — состоял всего из нескольких домиков. Нас проводили в один из них и сказали:

— Если хотите скоротать вечер, можете пойти в кино. Передвижка в соседнем доме. Там сегодня будут показывать военную хронику.

Мы решили пойти, но едва вышли на улицу, как пришлось взяться за руки. До «соседнего» дома оказалось метров двести, и добраться к нему мы смогли, только крепко держась за руки.

Небольшое помещение, где предстоял сеанс и куда мы с трудом дошли, затратив много времени и приложив немало усилий, оказалось переполненным. Там собралось почти все население поселка. На стульях и лавках сидели женщины, дети, старики. Мужчины, как и изо всех других городов, сел,

населенных пунктов страны, давно уже ушли на фронт. Война давала себя знать и в маленьком чукотском поселке на самом восточном краю нашей земли.

Пустили сначала хронику. Перелом в войне к тому часу наступил уже давно, и Красная Армия шла с боями вперед по всем направлениям. Любой фронтовой эпизод, который показывали с экрана, отражал победу; и это было правдой. Люди с волнением, затаив дыхание, смотрели киноновости. Потом показали очередной военный киносборник — были такие художественные фильмы, которые в годы войны на скорую руку выпускались на алма-атинской киностудии. Один такой киносборник представлял собой три-четыре новеллы о случаях из фронтовой жизни, как правило, незатейливых, но смешных. Враг в них изображался в карикатурном виде. Особой художественной ценности — по понятным соображениям и тем более по меркам сегодняшнего дня — эти фильмы, быть может, и не представляли, но зрители, истосковавшиеся по кино, да еще по такому, которое рассказывало о событиях на фронте, с удовольствием смотрели и их. Так было по всей стране. Да чего греха таить, и в советских посольствах за рубежом тоже. Что же говорить о Крайнем Севере, куда занесла нас судьба и где каждая редкая весточка из Москвы, тем более в виде такой кинокартины, встречалась с повышенным интересом и вниманием! В маленьком зале — его и залом-то назвать можно было условно — царила духота, но ни один из зрителей не покинул помещения. Все досмотрели кинолетну до конца.

Обратный путь к дому, где нас устроили на ночлег, оказался еще сложнее. Ветер свирепствовал, буквально сбивал с ног. Мы шли, тесно прижавшись друг к другу. Еле-еле преодолели совсем небольшое, по обычным представлениям, расстояние.

К утру ураган стих. Но вылет нам не разрешили: где-то на трассе, да и на Аляске, еще бушевала непогода. Мы еще на несколько часов застряли в Уэлькале и потому получили возможность ознакомиться с бытом чукчей — народности, которая стала развиваться только при Советской власти.

Жили они в домах, и нас, прилетевших из Москвы, где ощущались и трудности с продовольствием, и другие тяготы военного времени, поражало многое. В частности, то, что мужчин, ушедших на фронт, заменили женщины, да еще в таких типично мужских для Крайнего Севера профессиях. Женщины появились и на рыбацких лодках, и на охоте, и в оленеводческих бригадах в тундре. Поразило и то, что, если вся страна жила по карточкам, или, иными словами, на голодном пайке, здесь не ощущалось нехватки в продуктах питания.

Мы побывали в правлении местного колхоза. Его председатель, тоже чукча, оказалось, учился в Ленинграде в Институте народов Севера. Там незадолго до войны врачи обнаружили у него туберкулез и рекомендовали немедленно возвратиться на Чукотку. «Чукотский климат и привычное питание помогут вам выздороветь», — сказали ему. И вот он уже несколько лет возглавлял колхоз.

— Правда, из-за болезни на фронт меня не взяли, — сознался он, — но и сама болезнь не прогрессирует, а отступает. Дома я чувствую себя неплохо.

Он нам рассказывал, как колхоз жил в то тяжелое время, как он проявлял заботу о детях фронтовиков. И главное, как, несмотря на то что мужчин стало меньше, поставки оленины государству не уменьшились. Суда регулярно увозили ее на Большую землю. Свои функции «мясного цеха» советского Дальнего Востока Чукотка исполняла исправно.

В начале 1945 года Москва вызвала меня для подготовки, а затем и для участия в Ялтинской конференции руководителей трех держав.

Через Атлантический океан мне приходилось летать много раз. Но тот полет был, пожалуй, самым памятным. В те годы еще не было современных лайнеров, всепогодных, комфортабельных, надежных, в которых пассажиром пребывать — одно удовольствие. Тогда самолеты создавались с пропеллером или, как его еще называли, винтом, и полет в них вовсе не означал, что путешествующие с полной гарантией долетят до места назначения. Причем вовсе не обязательно воспрепятствовать этому должен противник, хотя и такое случалось. В районе Гибралтара, например, в июле 1943 года в результате диверсии взорвался самолет, в котором погибло почти все польское правительство в эмиграции во главе с генералом Владиславом Сикорским.

Примечательно то, что техника не считалась очень надежной. Часто случались аварии, ломались двигатели, и в результате это приводило к гибели людей. Не раз имели место различные происшествия с самолетами, в которых летал и я. Один раз взлетели над

Ньюфаундлендом, пролетели всего минут тридцать, развернулись, полетели обратно и благополучно сели на том же аэродроме. Выяснилось, что один из моторов машины вышел из строя, и его пришлось заменить.

В этот раз вроде бы все шло хорошо. Совершили посадку на Бермудских островах, летели довольно долго, и вот только после того, как сели на Азорских островах, у меня с командиром

корабля произошел занятный разговор.

— А мы ведь летели на трех моторах, — сказал он.

— Как на трех? Почему?

— Потому что после взлета на Бермудах один мотор отказал, и вот так тянули-тянули, чтобы долететь до Азорских островов.

— Разве так можно?

— Можно, на трех моторах она идет, — он говорил о машине. — Даже если бы еще один мотор отказал, то и тогда она пошла бы, правда постепенно снижаясь, и плюхнулась бы в воду.

— Неужели такое бывает? — удивился я.

— Бывало, — спокойно сказал командир. — Однако если в этом самолете откажут три мотора, вот тогда он полетит вниз камнем.

На Азорских островах неисправность устранили, и мы последовали дальше без приключений.

В Европе тогда все еще шла война, хотя фашистский зверь сопротивлялся уже на последнем издыхании. Мы пролетели с посадками по маршруту Касабланка — Тунис — Триполи — Бенгази — Каир — Хабания (Ирак) — Тегеран — Баку (здесь, на аэродроме, азербайджанские товарищи угостили нас паюсной икрой, которую я не пробовал уже довольно давно; она ведь добывается у нас в районе Каспия, а торговля на экспорт в США ею в то время, конечно, была прекращена).

Последний перелет из Баку в Москву. Некоторое время в Наркоминделе пришлось серьезно потрудиться над подготовкой различных документов, справок, необходимых для советской делегации.

Потом специальным поездом советская делегация выехала из Москвы в Симферополь. Поезд шел быстро, ему была дана «зеленая улица».

Вся советская делегация, за исключением Сталина, собиралась в Симферополе. Старшим по положению среди нас был Молотов.

Самолеты с английской и американской делегациями прибывали на аэродром. Там и была организована торжественная встреча. До прилета Рузвельта и Черчилля в Крым уже прибыли вспомогательные службы делегаций США и Великобритании, различные эксперты и советники, большие группы военных. Всего американцев и англичан набралось около семисот человек, в том числе и из числа технических служб.

Сначала прилетел Черчилль. Затем Рузвельт. Самолет, в котором прибыл президент, назывался «Священная корова». Рузвельта вынесли на руках, посадили в машину. Чувствовалось, что он слаб.

В честь приезда высоких гостей выстроили почетный караул советских солдат. Играл оркестр. Рузвельт объехал строй в машине, рядом шагали Черчилль и Молотов.

Здесь же, на аэродроме, установили большую палатку, в которой накрыли столы, и гостей с дороги пригласили на угощение.

Потом разместились по машинам. Стоял сильный туман.

Наша колонна ползла до цели много часов. Водители ехали предельно осторожно, знали, каких пассажиров везут. Вокруг никто ничего не видел — только одни сплошные белые облака пара, до которых, казалось, можно дотронуться рукой.

Начался спуск к Южному берегу, и тут как по мановению волшебной палочки туман рассеялся. Сразу проглянуло солнце, стало тепло. Крым все-таки ласково встречал гостей.

Вдоль дороги, на всех ее серпантинах, мостах, кручах и скалах, вдоль улицы горных селений и на берегах речек стояли солдаты с автоматами на плечах. Предпринимались все необходимые меры предосторожности — собиралась «большая тройка», как ее впервые назвали еще в Тегеране. Рузвельт с интересом смотрел в окно машины. У Ливадийского дворца наконец остановились…

* * *

Конечно, наиболее сильные впечатления, связанные с дипломатической работой за рубежом, у меня остались от США. Это объясняется прежде всего тем, что находился я там в самое напряженное время — военное и первый послевоенный год. Немало дипломатов работали в США, и сейчас я не раз вспоминаю моих предшественников и преемников на посту посла в Америке. Они хотя были людьми разными, даже весьма разными, но все вносили свой вклад в дело развития советско-американских отношений. Вот их имена: А. А. Трояновский, К. А. Уманский, М. М. Литвинов, К. В. Новиков, А. С. Панюшкин, Г. Н. Зарубин, М. А. Меньшиков, А. Ф. Добрынин. А. А. Трояновский был первым послом СССР в США, и Вашингтон его хорошо помнит как дипломата высокой квалификации. Наиболее глубокий след оставил Анатолий Федорович Добрынин, который находился на этом посту почти двадцать пять лет. Его знание США уникально. Одним из видных и опытных дипломатов является Ю. В. Дубинин, находящийся в настоящее время в Вашингтоне на ответственной дипломатической работе в качестве посла Советского Союза.

Глава IV
ТЕГЕРАН — ЯЛТА — ПОТСДАМ

Что было в Тегеране. Вопрос о Польше. После Тегерана. В Ливадийском дворце. Роли определены и распределены. СССР выполнит обещание. Снова польский вопрос. Итоги Ялты. О Сталине на конференциях. История одной директивы. Великая победа в великой битве. На ближней даче Сталина. Наконец, Потсдам. На развалинах логова. Не хватало теплоты. «Козырь» в виде атомной бомбы. Вчетвером у Сталина. Кому нести ответственность за будущее Польши. «Большая тройка» за столом переговоров в Потсдаме. В основе — уважение к Советскому Союзу. В гостях у Вильгельма Пика.

Вторая мировая война продолжалась. Однако в ходе ее, в конце 1942 — начале 1943 года, наступил коренной перелом. О победоносном наступлении Красной Армии знали уже во всех концах земли.

Развитие событий рождало множество проблем, требовавших срочного рассмотрения. История властно диктовала: союзникам необходимо встретиться и обсудить важнейшие проблемы. Главным звеном в механизме обмена мнениями и согласования действий стали конференции руководителей союзных держав — СССР, США и Великобритании. Эти встречи проводились для решения вопросов о том, как вести войну и одержать победу, а также закладывали основы послевоенной организации мира.

За период 1943–1945 годов были проведены три такие конференции. Они состоялись в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 года), Ялте (4—11 февраля 1945 года) и Потсдаме (17 июля — 2 августа 1945 года). Мне довелось быть участником двух последних.

Кроме того, я возглавлял советские делегации или входил в состав делегаций, направленных нашей страной на ряд союзнических конференций иного уровня — министров, послов, в частности на конференции по вопросу создания ЮНРРА (Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций), на конференции в Думбартон-Оксе (по вопросу создания ООН). И принимал участие в конференции по окончательной разработке и подготовке Устава ООН в Сан-Франциско. В дни этой конференции состоялась капитуляция фашистской Германии.

Решения Тегеранской, Крымской и Потсдамской

конференций опубликованы и доступны для ознакомления каждому человеку. Внимание к ним не ослабевает и сегодня. Люди стремятся объективно представить себе реальное течение событий в годы войны и после нее.

Надо сказать и о том, что эти решения стали кое-где на Западе объектом сознательной фальсификации. Их сегодня стараются извратить те, кто пытается поставить под сомнение обоснованность союзнических соглашений, исказить их подлинный смысл. Более того, слышны призывы даже к отказу от них. Такого рода попытки отражают курс сил реакции, направленный на разрушение сложившихся территориально-политических реальностей в Европе, подрыв основ послевоенного устройства.

Думается, что читателю будут интересны некоторые воспоминания, связанные с конференциями трех союзных держав и обстановкой, в которой они проходили.

Что было в Тегеране

Идея встречи руководителей трех союзных держав все более определенно выдвигалась ими по мере развития событий на фронтах войны.

Предложение о встрече «большой тройки» в Тегеране содержалось в переданном через меня Рузвельту послании Сталина от 5 ноября 1943 года. В своем ответе президент США писал: «Весь мир ожидает этой встречи нас троих, и тот факт, что Вы, Черчилль и я познакомимся друг с другом лично, будет иметь далеко идущие последствия… будет содействовать дальнейшему расстройству морального состояния нацистов…»

Неохотно в американских официальных кругах вспоминают о некоторых моментах, относящихся к Тегеранской конференции. С еще меньшей охотой делают это в Лондоне. А ведь во многих отношениях эта конференция стала, не говоря уже о ее значимости, весьма поучительной. Она представляла собой важный этап в развитии межсоюзнических отношений периода второй мировой войны.

По долгу службы мне довелось быть в курсе всей той кропотливой работы, которая велась СССР, США и Англией по организации этой конференции, участвовать в этой работе, а затем — в претворении в жизнь решений «большой тройки». Хочу выделить ряд вопросов, обсуждение которых в Тегеране имело наиболее важное значение.

На Тегеранской конференции подтвердилась обоснованность существоваших еще до ее созыва опасений Сталина относительно того, что западные союзники хотели бы выхолостить либо вообще свести на нет идею открытия второго фронта против гитлеровской Германии. Маневры, предпринимавшиеся вокруг этой идеи, особенно английским премьером Черчиллем, а также постоянный перенос руководством США и Англии сроков начала военных действий на Западе Европы вызывали в Москве законное недоверие к политике наших партнеров по антигитлеровской коалиции.

Британская позиция по этому поводу заключалась в том, что противнику якобы можно нанести поражение серией рассчитанных на его истощение военных операций с южного направления — в северной части Италии, на Балканах, в Румынии, других странах — сателлитах Германии. Истинный замысел такой позиции, которую рьяно отстаивал Черчилль, не представлял тайны: помешать продвижению советских армий на запад, к логову фашистского зверя — Берлину, а войскам

западных союзников обеспечить с занятием ими юго-восточной Европы выход к западным рубежам Советского Союза.

На конференции в Тегеране Сталин действовал решительно, чтобы побудить союзников открыть второй фронт на западе Европы не позднее мая 1944 года. Об этом должен знать весь мир. Эта страница в историю вписана прочно.

Послы обычно весьма осведомленный народ. Они не только собирают информацию в государстве своего пребывания, но и получают сведения доверительного характера из своей столицы.

Помню одну такую телеграмму, которая пришла в Вашингтон во время Тегеранской конференции. Меня извещали о том, как она протекала.

Именно тогда Сталин несколько раз пытался получить ответ от Черчилля, когда начнется высадка союзников в Европе, то есть когда будет открыт второй фронт. Но он так и не получил этого ответа. Однажды, едва сдержавшись, Сталин поднялся с кресла и сказал Ворошилову и Молотову:

— У нас слишком много дел дома, чтобы здесь тратить время. Ничего путного, как я вижу, не получается…

Черчилль в замешательстве, боясь, что конференция может быть сорвана, заявил:

— Маршал неверно меня понял. Точную дату можно назвать — май сорок четвертого…

Атмосфера несколько разрядилась.

Участники конференции продолжали работу. Западные союзники заняли более конструктивную позицию. И хотя этот срок проведения операции «Оверлорд» (так закодировали открытие второго фронта) — май 1944 года — был тем не менее нарушен, высадка англо-американских войск на французском побережье все же состоялась — 6 июня 1944 года.

Тегеранская конференция явилась важной вехой и в другом отношении. Ко времени ее проведения не оставалось сомнений в конечной победе над фашистской Германией и ее союзниками. Это было вопросом времени. А что же будет потом? Участники встречи знали, что этот вопрос стучится в дверь.

Советский Союз считал, что необходимо исключить всякую возможность новой агрессии со стороны Германии, уже дважды на протяжении XX века развязывавшей мировые войны. Для этого нужно сделать все, чтобы надежно обеспечить мир.

Правительства США и Англии до Тегерана официально не обнародовали своих планов в отношении того, как поступить с Германией, когда она будет поставлена на колени. Правда, и это уже отмечалось ранее, из столиц то одного, то другого государства ползли слухи, что ими вынашиваются планы

дробления Германии на какие-то мелкие государства.

На Тегеранской конференции, где состоялся первый обмен мнениями по послевоенным проблемам, США и Англия высказались за расчленение Германии. Но было видно, что продуманного плана ни у Рузвельта, ни у Черчилля не было. При всем том оба они сходились в убеждении, что следует особое внимание уделить Пруссии — уменьшить ее территориально и подрезать ей крылья как наиболее агрессивной части германского рейха.

Выслушав заявление американского президента и английского премьер-министра, Сталин сделал меткое замечание:

— На поле брани пруссаки и солдаты других частей Германии — баварцы, саксонцы и прочие — дерутся с одинаковым остервенением. По-моему, решение германской проблемы надо искать не на путях уничтожения германского государства, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию, а на путях ее демилитаризации и демократизации, с непременной ликвидацией фашизма, вермахта и передачей преступных руководителей «третьего рейха» под суд народов.

Сталин далее предложил простую вещь:

— Поскольку вопрос требует додумывания, доработки, то пусть

соответствующие представители трех держав этим и займутся. Участники конференции на том и согласились. Это был успех советского руководителя.

Вопрос о Польше

Руководители СССР, США и Великобритании обменялись в Тегеране мнениями по вопросу о Польше. В подходе наших союзников к его обсуждению дали себя знать их опасения в связи с тем, что линия советско-германского фронта уже вплотную придвинулась к территории Польши и близился час ее освобождения. Больше всего западные союзники боялись того, что демократические силы Польши, развернувшие мощное антифашистское, освободительное движение, могут в ближайшее время сформировать верные народу и дружественные Советскому Союзу органы управления.

В складывающихся условиях руководящие круги США и Англии стремились к тому, чтобы послевоенное развитие в Польше пошло по старому, буржуазно-помещичьему пути. Они добивались возвращения в страну реакционного эмигрантского правительства. С этой целью предпринимались попытки побудить Советский Союз восстановить с этим правительством дипломатические отношения, которые были разорваны 25 апреля 1943 года из-за его откровенной антисоветской политики.

Такой курс Вашингтона и Лондона нашел свое конкретное проявление в том, что это эмигрантское правительство, нарушив ранее достигнутое с нашей страной соглашение, вывело с территории СССР сформированные у нас польские воинские части. Оно выдвигало также абсурдные требования в том, что касается границы между Польшей и СССР, фактически присоединилось к клеветническим измышлениям гитлеровской пропаганды по адресу Советского Союза.

Рузвельт выступил первым в дискуссии по польскому вопросу на официальных заседаниях конференции.

— Выражаю надежду, — сказал он, — что Советское правительство сможет начать переговоры и восстановить свои отношения с польским эмигрантским правительством.

Заход был ясен.

Черчилль самым активным образом поддержал его. Еще бы он этого не сделал! Ведь польское эмигрантское правительство окопалось в Лондоне, и Англия ему в открытую покровительствовала.

Позиция Рузвельта в польских делах строилась с оглядкой на подготовку в США к предстоявшим в 1944 году очередным президентским выборам. И потому он был заинтересован привлечь на свою сторону голоса семи миллионов американцев польского происхождения, значительная часть которых

находилась под влиянием проникнутой антисоветизмом пропагандистской кампании, особенно широко раздувавшейся в США.

Вместе с тем американский президент проявлял определенную осторожность в отношении попыток Черчилля навязать Польше правительство, явно недружественно настроенное к СССР. Он не без основания полагал, что такие попытки могли бы повлечь за собой нежелательный и для США раскол в рядах союзников. Характерным в этом свете является, в частности, то, что посол США в Москве Аверелл Гарриман в своем интервью газете «Нью-Йорк таймс» 19 января 1944 года отмежевался от линии польского эмигрантского правительства. Он откровенно отметил:

— Это правительство основывает будущее Польши на борьбе Великобритании и Соединенных Штатов с Россией. Я не вижу, чтобы мы были в какой-либо мере заинтересованы в таком положении дел.

Такое заявление делало честь этому дипломату.

Имелись ли предпосылки для восстановления Советским Союзом отношений с польским эмигрантским правительством? Конечно нет. Ведь это правительство продолжало враждебные нашей стране интриги. Проводившаяся им политика все больше расходилась с интересами польского народа, и, вполне понятно, это правительство постепенно теряло его поддержку.

Безрассудность этой политики не могли не видеть Черчилль и Рузвельт. Они даже пробовали как-то урезонить эмигрантское правительство. Но и их усилия оказались тщетными.

На конференции в Тегеране стороны изложили также свои взгляды относительно будущих границ Польши. Черчилль, говоря о том, какими должны быть границы между СССР, Польшей и Германией, использовал для большей наглядности три спички, одна из которых представляла собой как бы Германию, другая — Польшу, третья — Советский Союз.

— Эти спички, — сказал он, — должны быть передвинуты на запад, чтобы разрешить одну из главных задач, стоящих перед союзниками, — обеспечение западных границ СССР.

Следует заметить, что законное право нашей страны на это все же признавалось Англией и США, хотя и неохотно.

Сталин, уточнив у Черчилля, что означает его пример с тремя спичками применительно к конкретным вопросам, заявил:

— Имея в виду границу 1939 года между СССР и Польшей, Советский Союз стоит за нее и считает это правильным.

Речь шла о границе, которая определилась в результате воссоединения Западной Белоруссии и Западной Украины

соответственно с БССР и УССР.

Наша страна неизменно выступала за обеспечение для Польши справедливых, исторически обоснованных границ, за то, чтобы ее границы, спор из-за которых не раз бывал в прошлом поводом для конфликтов и войн, превратились в фактор безопасности и устойчивого мира в Европе.

Тегеранская конференция в конечном счете приняла формулу: «…очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер…» Эта формула включала и советскую точку зрения. Было в принципе согласовано и то, что Кенигсберг с прилегающей к нему территорией будет передан СССР.

Таким образом, в Тегеране решение вопроса о Польше и ее границах с самого начала ставилось по инициативе советской делегации на путь, который соответствовал интересам польского народа, отвечал задачам обеспечения европейской и международной безопасности. Наша страна не могла допустить, чтобы послевоенная Польша осталась политической игрушкой в руках империалистических кругов Запада, превратилась в удобный плацдарм для антисоветских авантюр. Сталин со всей определенностью дал понять это Рузвельту и Черчиллю. Оба руководителя союзных держав почувствовали логику советской позиции.

Конкретные решения по польским делам еще предстояло принять. Однако изложение позиций сторон по этому трудному вопросу, осложнявшему отношения между союзными державами, превратилось в положительный фактор, который способствовал дальнейшей проработке «польской темы».

Рассмотрение в Тегеране германского, равно как и польского, вопросов в ряде моментов послужило отправной точкой для подготовки политических соглашений, достигнутых впоследствии в Ялте и Потсдаме.

Существенное значение для укрепления военного союза трех держав, а также скорейшего завершения войны имело заявление главы Советского правительства о том, что СССР вступит в войну против японских агрессоров. В чеканных выражениях Сталин сказал:

— После того как будет разгромлена гитлеровская Германия, Советский Союз окажет необходимую помощь своим союзникам в войне против милитаристской Японии.

Важным, хотя и кратким, стал в Тегеране разговор о послевоенном сотрудничестве союзников в интересах установления прочного мира. Участники конференции изложили в общей форме свои соображения относительно создания

международной организации безопасности.

Специального решения о создании такой организации не принималось. Она стала предметом последующего рассмотрения. Тем не менее идея сотрудничества СССР, США и Великобритании во имя международного мира нашла свое отражение в принятой на Тегеранской конференции Декларации трех держав. «…Мы уверены, — указывалось в ней, — что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранит бедствия и ужасы войны на многие поколения».

Встречу в Тегеране все ее участники признали очень нужной и полезной. Самым важным было то, что на этой встрече удалось установить срок открытия союзниками второго фронта во Франции. Тем самым оказалась отвергнутой английская «балканская стратегия», которая вела к затягиванию войны и увеличению числа ее жертв. «Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, — говорилось в Декларации, подписанной Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем, — гарантирует нам победу».

На Тегеранской конференции Черчилль сделал эффектный символический жест. По поручению английского короля Георга VI он вручил Сталину почетный меч для передачи гражданам города Сталинграда в знак уважения к ним английского народа.

После Тегерана

С одобрением восприняли итоги Тегеранской конференции политические и общественные круги США. В один из декабрьских дней 1943 года мне довелось беседовать с министром почт Франком Волкером, который входил в ближайшее окружение Рузвельта. Он сказал:

— Эти итоги весьма высоко оцениваются американским правительством. В официальных кругах существует единодушное мнение о том, что встреча в Тегеране открывает этап дальнейшего укрепления дружественных связей между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Он излагал весьма важные и ценные мысли.

— Конференция, — заявил Волкер, — показала, что существуют реальные возможности сотрудничества между двумя странами не только в период войны, но и в послевоенный период.

Рузвельт после возвращения из Тегерана собрал членов кабинета и в своем сообщении им с большой теплотой отзывался о том сотрудничестве, которое было характерно для Тегеранской конференции в целом, а также о вкладе, который внесла в ее работу советская делегация.

Важное значение конференции единодушно подчеркивало и большинство членов конгресса США. Что касается основных американских газет, то в них на самом видном месте в декабрьские дни помещались заголовки: «Союзники клянутся предпринять трехстороннюю атаку». Или: «Большая тройка» достигла в Иране полного согласия».

Если и попадались голоса недовольных сближением США и СССР, то они тонули в общем хоре одобрения американцами результатов Тегеранской встречи.

В такой обстановке (декабрь 1943 г.) мне довелось впервые побывать на Кубе. Дело в том, что после установления дипломатических отношений между нашей страной и Кубой меня, уже посла СССР в США, назначили посланником по совместительству на Кубе. Пришлось вылететь на этот остров для того, чтобы вручить свои верительные грамоты.

От Вашингтона до Кубы недалеко, тем не менее тогда прямого беспосадочного рейса не существовало. Посадка была в Джэксонвилле — главном городе штата Флорида.

Летал я в Гавану вместе с женой и помощником. Пробыв там два дня, я выполнил свою дипломатическую обязанность: вручил грамоты. Там было учреждено посольство и оставлен в качестве поверенного в делах советский дипломат Д. И. Заикин.

На обратном пути из-за непогоды пришлось ночевать в Джэксонвилле. Запомнилась эта ночевка потому, что пришлась она точно на новогоднюю ночь. Хозяин отеля и ресторанчика в Джэксонвилле, узнав, что у него эту ночь будут проводить советский посол с супругой, пожелал лично выразить свое восхищение победами советских войск на фронте и решил угодить гостям:

— Я устроил вам сюрприз — это ужин из русских блюд.

То, что нам предложили, «русским» назвать можно было, конечно, только условно. Но тем не менее даже в этом нашло выражение дружеское отношение американцев к советскому народу. Нас тронуло это искреннее внимание.

Рузвельт после Тегерана некоторое время болел. Поэтому моя беседа с ним по итогам встречи «большой тройки» состоялась в начале февраля. Разговор повел президент:

— У меня установились хорошие отношения со Сталиным.

А потом рассказал, хотя и в общих чертах, как проходила конференция. Многое из того, что он говорил, я уже знал, потому что о работе в Тегеране меня информировала Москва. Но, конечно, хотелось узнать мнение самого президента о конференции. Он заявил:

— Для достижения согласия на конференции приходилось нажимать на Черчилля, который поворачивался в Тегеране довольно медленно, но все-таки повернулся в сторону поиска договоренностей. И мы их нашли.

Упоминая о Черчилле, президент одаривал меня своей приятной «рузвельтовской» улыбкой и давал ясно понять, что английский премьер — трудный партнер, доставляющий немало хлопот и ему самому.

Советское посольство внимательно следило за реакцией в Соединенных Штатах на итоги Тегеранской конференции, проводило посильную работу по разъяснению ее решений. Меня и всех советских людей, находившихся в то время в США, успешное завершение конференции очень радовало. Положительный исход встречи руководителей трех держав в Тегеране приближал день победы над фашистской Германией.

В Ливадийском дворце

Через год с небольшим после Тегеранской конференции состоялась встреча руководителей трех союзных держав в Крыму.

Февраль победного сорок пятого… Ялта. Ливадийский дворец — в свое время именно здесь любил отдыхать последний русский венценосец из династии Романовых.

Все выглядело торжественно, величаво. В зал заседаний конференции вошел Сталин. За ним — советская делегация. Стояла полная тишина. Почтительно, кивком головы его приветствовали Рузвельт и Черчилль, которые уже находились на своих местах. До этого они втроем на несколько минут уже встречались. Сталин подошел к столу и поздоровался с шагнувшим ему навстречу Черчиллем и сидящим Рузвельтом — американский президент из-за своего физического недуга не мог быстро вставать без помощи адъютантов.

Первое заседание началось с рассмотрения военных вопросов, и это было логично.

В состав нашей делегации входил заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии генерал армии Алексей Иннокентьевич Антонов, который возглавлял группу советских военных экспертов на конференции. Он же в соответствии с пожеланиями глав делегаций ежедневно встречался на совещаниях с представителями военных штабов США и Великобритании для обмена военной информацией и согласования совместных ударов по врагу.

На первом заседании Антонов сделал информацию о положении на советско-германском фронте.

Союзники к тому времени, после высадки в Нормандии, создали наконец второй фронт. Он стал называться западным фронтом. В январе на нем в связи с прорывом немецко-фашистских войск в Арденнах сложилось тревожное положение. Черчилль обратился за помощью к Сталину. В ответ на эту просьбу советское Верховное Главнокомандование решило ускорить ход событий. 12 января, несмотря на то что советские войска еще не полностью подготовились к переходу в наступление (план есть план), тем не менее оно началось.

Антонов рассказывал:

— За три дня до открытия конференции советские войска на центральном стратегическом берлинском направлении вышли на реку Одер в районе Кюстрина, заняли Силезский промышленный район. За восемнадцать дней они прошли с боями свыше пятисот километров. Разгромлено сорок пять немецко-фашистских

дивизий. Перерезаны пути, связывавшие группировку противника в Восточной Пруссии с центральными районами Германии.

Информация впечатляла. Помощь союзникам советские войска оказали немалую. И Рузвельт и Черчилль слушали с большим вниманием. Далее советский генерал сообщил, что гитлеровцы уже начали перебрасывать свои дивизии с западного фронта на восточный. Советская сторона предлагала ускорить наступление союзных войск на западном фронте, бомбить те колонны и транспорты, которые шли с западного фронта на восточный, не позволять врагу выводить свои силы из Италии.

Внимательно и со все большим интересом слушал информацию Рузвельт. Попыхивал сигарой Черчилль и не сводил глаз с выступавшего. И хотя перевод делался последовательно — сначала говорил выступавший, а потом переводчик, тогда еще не существовало наушников и кабин для синхронного перевода, — Черчилль смотрел все время на советского генерала, а не на переводчика.

Когда в ходе заседания говорил Сталин — выступал он, как правило, с непродолжительными заявлениями, — все присутствующие в зале ловили каждое его слово. Он нередко говорил так, что его слова резали слух обоих лидеров западных держав, хотя сами высказывания по своей форме вовсе не были резкими, тем более грубыми — такт соблюдался. То, что заявлял Сталин, плотно укладывалось в сознании тех, к кому он обращался.

Бросалось в глаза, что Рузвельт и Черчилль неодинаково реагируют на заявления Сталина: спокойно и с пониманием — Рузвельт и со строгим выражением лица, а то и с выражением плохо скрываемого недовольства — Черчилль. Английский премьер пытался не показывать свои чувства, но его переживания выдавали… сигары. Их он выкуривал в моменты напряжения и волнения гораздо больше, чем в спокойной обстановке. Количество окурков его сигар находилось в прямой зависимости от атмосферы, создававшейся на том или ином заседании. И все это замечали. Даже подтрунивали по этому поводу над ним за глаза.

Справедливость требует отметить, что Сталин не скрывал своего расположения к Рузвельту, чего нельзя было сказать о его отношении к английскому премьеру. В какой-то степени это объяснялось сочувствием Рузвельту ввиду его болезни. Однако я и другие советские товарищи были убеждены — и имели на то основание — в том, что более важную роль в формировании такого отношения играло известное различие в политических позициях Рузвельта и Черчилля.

Не помню случая, чтобы Сталин прослушал или недостаточно точно понял какое-то существенное высказывание своих партнеров по конференции. Он на лету ловил смысл их слов. Его внимание, память, казалось, если употребить сравнение сегодняшнего дня, как электронно-вычислительная машина, ничего не пропускали. Во время заседаний в Ливадийском дворце я, возможно, яснее, чем когда-либо раньше, понял, какими незаурядными качествами обладал этот человек.

Следует также отметить, что Сталин уделял внимание тому, чтобы все, кто входил в основной состав советской делегации, были хорошо ориентированы в том, что касается наиболее важных, с его точки зрения, задач, стоявших перед конференцией. Разумеется, он знал, что во многих ведомствах, в том числе в Наркомате иностранных дел, в соответствующих посольствах, была проведена огромная работа по подготовке материалов к конференции — проектов решений, коммюнике, заявлений, бесчисленных справок и т. д. Но его заботила мысль о том, чтобы из поля зрения не ускользало главное — существо обсуждавшихся вопросов.

Сталин уверенно направлял деятельность советской делегации. Эта уверенность передавалась всем нам, кто работал на конференции, особенно кто находился с ним за столом переговоров.

Несмотря на нехватку времени, Сталин все же находил возможность для работы внутри делегации, для бесед по крайней мере с теми людьми, которые по своему положению могли высказывать суждения по рассматривавшимся проблемам и которым поручалось поддерживать контакты с членами американской и английской делегаций.

Эти «внутренние» встречи бывали по составу участников и узкими, и более широкими. Все зависело от обстоятельств. Однажды Сталин устроил нечто похожее на «коктейль-парти» — так в США называются встречи в помещениях, из которых выносятся стулья и оставляют только столики, на которых стоят напитки и закуски; можно переходить от одного к другому участнику и вести непринужденную беседу.

Во время этой встречи он подходил к отдельным советским товарищам, чтобы перекинуться несколькими словами по тому или иному вопросу. Перемещался медленно, с задумчивым видом. Временами оживлялся и даже шутил. Всех присутствующих знал в лицо. Впрочем, это составляло особенность его личности — он помнил очень многих людей, мог назвать их фамилии и часто — сказать, где и при каких обстоятельствах встречался с человеком. Это его качество

импонировало собеседникам.

Подойдя ко мне, Сталин поинтересовался:

— На какие слои общества в основном опирается Рузвельт внутри страны?

Я сказал:

— Американский президент, конечно, защищает прежде всего интересы своего класса — буржуазии. Экстремисты справа выдвигают нелепое обвинение в том, будто он даже иногда сочувствует социализму. Это — пропагандистский прием тех, кто не хочет добрых отношений между СССР и США, кому не нравятся некоторые внутренние мероприятия администрации Рузвельта. Эти мероприятия в определенной мере ущемляют интересы крупных монополий.

Потом я сделал паузу и проронил такую фразу:

— Конкурента у Рузвельта как президента сейчас нет. Он себя чувствует прочно.

Сталин, насколько я мог судить, обратил внимание главным образом на эти слова.

Стояли мы в этот момент рядом с Молотовым, который, конечно, хорошо ориентировался в американских делах и изредка вступал в разговор.

Сталин пошел дальше, останавливаясь возле других членов нашей делегации, чтобы и им задать вопросы. Обращало на себя внимание то, что он сам говорил мало, но слушал собеседников с интересом, переходил от одного к другому и таким образом узнавал мнения. Мне показалось, что даже в такой форме он продолжал работу, готовился к очередной встрече «большой тройки».

В один из вечеров Сталин устроил обед с участием ограниченного круга лиц — своих, советских. По причинам, не вполне ясным, по крайней мере для меня, он предложил мне сесть подле него, с правой стороны. По всем правилам протокола место справа от хозяина считается самым почетным за столом, и Сталин — человек многоопытный в связях с зарубежными деятелями — это знал. Про себя я подумал: «Сейчас посыплются вопросы, и на них надо будет дать точные ответы». Внутренне я весь собрался.

Однако разговор за столом касался состояния дел на фронте и некоторых вопросов экономики нашей страны. При этом Сталин говорил, обращаясь ко всем. Если речь заходила о военных вопросах, свое слово вставляли А. И. Антонов или нарком военно-морского флота Н. Г. Кузнецов.

Видимо, с учетом предстоящих событий на Дальнем Востоке, заговорили о предполагаемом вступлении СССР в войну с

Японией; был затронут вопрос о сложностях железнодорожных перевозок через Сибирь. Здесь Сталин высказал такую мысль:

— Необходимо проложить новую железную дорогу от Урала до Тихоокеанского побережья. И пройти она должна немного севернее теперешней Транссибирской магистрали, построенной в конце XIX — начале XX столетия.

Чувствовалось, что это предложение он обдумал.

Как известно, идею строительства второй железнодорожной магистрали, пересекающей Сибирь, при жизни Сталина реализовать не удалось, хотя попытка в этом направлении предпринималась еще в предвоенное время. Вступившая недавно в строй Байкало-Амурская магистраль фактически является скорректированным воплощением этого проекта в жизнь.

Во время обеда речь зашла и о развернувшихся в тот момент освободительных боях на Балканах, а также о политической обстановке в освобождаемых странах, в частности, заговорили о Румынии, откуда немецко-фашистские войска уже почти полностью были выбиты.

В словах Сталина ощущалась полная уверенность в победе.

— Очень важно, — говорил он, — очистить освобожденные территории от местных последышей фашизма.

Я спросил:

— Все ли в порядке в этом отношении в Румынии? Можно ли быть уверенным, что те деятели, которые сейчас возглавляют патриотические силы этой страны, справятся с задачей, не дрогнет ли у них рука?

Сталин в ответ сказал:

— Те, кто вышел из подполья, из тюрем и стал во главе патриотических сил, — хорошие люди, надежные, на них можно положиться.

В честь Рузвельта и Черчилля Сталин в дни работы конференции устроил официальный обед, на котором присутствовал основной состав трех делегаций.

За столом собралось немало людей, и высказывания каждого могли слышать практически все. Вполне понятно, что присутствующие прислушивались прежде всего к тому, что говорили три руководителя. Сталин вел себя активно, шутил. Его застольные шутки были меткими, вызывали иногда дружный смех; такая обстановка приносила разрядку.

Во время обеда крупные проблемы глубоко не обсуждались. Однако все три руководителя бросали реплики, краткие, емкие, вели неторопливую беседу. Ее суть сводилась к тому, что надо обеспечить скорейшее завершение разгрома гитлеровской армии и постараться, чтобы Германия в будущем не встала вновь на путь

агрессии.

Запомнилось такое высказывание Сталина в конце обеда:

— Истории известно множество встреч руководителей государств после войн. Эти руководители, когда смолкали пушки, заверяли друг друга, что собираются жить в мире, и казались после войны сами себе умнее. А затем по истечении некоторого времени, вопреки взаимным заверениям, часто вновь вспыхивали войны. Почему? Да потому, что к достигнутому миру менялось отношение если не всех, то по крайней мере некоторых участников подобных встреч и конференций. Надо постараться, чтобы такого не произошло после принятия наших решений здесь.

Рузвельт сказал:

— Я с вашей мыслью полностью согласен. Народы будут за это только благодарны. Все они хотят только мира.

Черчилль промолчал.

Роли определены и распределены

Всем присутствовавшим на Крымской конференции было ясно, что решения, принимаемые в Ливадийском дворце, имеют огромное значение для будущего Европы и мира. Всех, кто находился там, не покидало ощущение, что в этом зале заседаний они находятся в фокусе событий истории. А она, как богиня правосудия Фемида, стоит сейчас вот тут, где-то рядышком, с весами в руках и выносит свои приговоры.

Три исторические фигуры — Сталин, Рузвельт, Черчилль — вместе обладали тогда колоссальной властью и огромным влиянием. Как много еще можно было бы решить, если бы они тогда между собой достигли необходимой степени согласия по всем вопросам и если бы справедливость полностью восторжествовала! То согласие и та справедливость, которых ожидали народы, особенно Европы.

Ни у кого не оставалось сомнений, что в считанные месяцы, а может, и недели фашистский агрессор будет повержен. Над Европой взовьется победное знамя, обагренное кровью, пролитой во имя мирного будущего всех народов. Именно так думалось каждый раз, когда мы входили в зал той исторической конференции и принимали участие в переговорах руководителей трех держав. Мы понимали, что каждое слово, сказанное ими, должно стать достоянием эпохи. По тому, к чему придут они здесь, не только составят свое мнение об этой встрече современники, но будут судить о дальновидности трех лидеров и потомки.

Не по всем вопросам тогда было достигнуто согласие. Один из них — о германских репарациях в пользу СССР — так и остался неурегулированным. Более того, позиции участников по нему разошлись радикально.

Сталин и все мы, советские представители, спрашивали себя, о чем думал американский президент и особенно английский премьер, когда обсуждался этот вопрос. Знали ли они, что если бы даже и было достигнуто соглашение о выплате Советскому Союзу 20 или 30 миллиардов долларов, то и тогда это означало бы компенсацию ничтожной доли прямого ущерба, нанесенного фашистской Германией нашей стране? Позднее такой прямой ущерб был оценен в 2600 миллиардов рублей. Да, они знали это, отдавали себе в этом отчет.

Все дело в том, что наши союзники продумали иную линию в этом вопросе и в соответствии с ней действовали. А смысл ее и состоял как раз в недопущении того, чтобы жестоко пострадавшая

в войне советская экономика могла бы быстро восстановиться.

Конечно, Рузвельт вел себя в этом вопросе более тонко. Он был готов рассмотреть возможность небольшой компенсации. Но эта компенсация по объему ему представлялась такой, что она носила бы скорее символическое значение.

При обсуждении на конференции вопроса о репарациях каждый из трех глав делегаций высказывался по нескольку раз. Меньше всех говорил президент. Сделав заявление, которое представляло известный жест в пользу Советского Союза, он тем не менее не назвал конкретных цифр, которые могли бы быть рассмотрены. Рузвельт также избегал прямой полемики с Черчиллем, а тот не желал делать даже символических намеков на возможность репараций для СССР.

Когда позиции участников по обсуждаемому вопросу стали проясняться, Сталин наклонился ко мне и вполголоса спросил:

— Как все-таки понять Рузвельта, он действительно не разделяет позиции Черчилля или это тактика?

Вопрос нелегкий. Я дал такой ответ:

— Разница между ними есть, но настораживает то, что президент уж очень корректен в отношении премьер-министра Англии. А ведь он с соблюдением той же корректности мог бы и поднажать на Черчилля, чего, однако, не делал. Едва ли это случайно.

Моя оценка, видимо, не расходилась с мнением Сталина. Когда участники заседания уже покидали зал заседаний, Сталин, поднимаясь со стула, негромко, как бы сам себе, сказал:

— Не исключено, что США и Англия распределили роли между собой.

В последующем — на конференции в Потсдаме — справедливость этого предположения подтвердилась. Там не только англичане, но и американцы не желали обсуждать вопрос о репарациях серьезно. Советский Союз встретил тогда сопротивление со стороны обеих держав. В такой совместной позиции нашел отражение жесткий подход Черчилля, проявленный им в Крыму.

Правда, на Потсдамской конференции был уже не Рузвельт, а Трумэн. Но едва ли недостаточно категоричные высказывания президента США в Ялте создавали неудобства для его преемника в Потсдаме.

Позиция Черчилля также была взята на сооружение лейбористским правительством, пришедшим в Англии к власти во время работы Потсдамской конференции. Между прочим, до этого лидеры лейбористов — Эттли и Бевин — произносили немало добрых слов по адресу Советского Союза, говорили о

гибели его людей и материальных потерях, понесенных им в войне. В Потсдаме же они — новые премьер и министр иностранных дел Англии — на такие слова более чем скупились. Лексикон становился иным. Уже подули холодные ветры, они дошли и до Потсдама.

СССР выполнит обещание

Сталин жил во время конференции неподалеку от Ливадийского дворца в так называемом Юсуповском дворце, в крымском поселке Кореиз. Там же у него находился и кабинет, в котором он работал, проводил совещания советской делегации или принимал ее членов. Посол СССР в Великобритании Ф. Т. Гусев и я разместились в примыкающем к Юсуповскому дворцу флигеле, так что нам приходилось бывать в этом кабинете.

Ежедневно вечером, после окончания заседаний, а иногда и по утрам сюда приезжал Антонов. В Москве он часто встречался со Сталиным и обсуждал с ним обстановку на фронтах. Здесь эта практика продолжалась. Мне, как члену делегации, пришлось присутствовать при одном таком докладе.

В первый раз я наблюдал, как Сталин следит за информацией о положении на фронте. По его спокойствию я мог судить, что для него ничего неожиданного не происходило. Он задавал вопросы Антонову, который тогда исполнял обязанности начальника Генерального штаба. Интересовался Сталин конкретными воинскими соединениями. Из вопросов стало ясно, что план наступления наших армий заранее продуман и утвержден. Главнокомандующий называл отдельные армейские формирования, интересовался их вооружением. Из его реакции на ответы Антонова также чувствовалось, что Верховный был доволен состоянием дел.

О наших потерях ни докладчик, ни Сталин не говорили. Но из всего сказанного вытекало, что враг отступает, и притом стремительно, а советские войска ежедневно занимают все новые территории. Нашим воинам предстоят еще жестокие бои по окончательному освобождению от врага Польши.

Сталин поинтересовался:

— Насколько наши войска обеспечены всем необходимым для предстоящих наступательных операций по завершению освобождения Польши?

Антонов, видимо, предвидел этот вопрос. Он спокойно ответил:

— Войска обеспечены. Мы знаем, что противник будет оказывать отчаянное сопротивление. Он понимает, что потеря Польши имела бы для гитлеровского командования трагические последствия.

Сталин, как и другие присутствовавшие, воспринимал все это с уверенностью, что дни окончательного краха гитлеровской Германии неотвратимо приближаются.

Обращал на себя внимание тот факт, что ни Сталин, ни кто-либо другой из присутствовавших почти не задавали больше каких-либо вопросов, настолько все находились под сильным впечатлением от успехов советских армий, которые, подобно могучей лавине, продвигались на запад. Сталин, вопреки обыкновению, не ходил по комнате, а присел на стул и спокойно выслушивал доклад генерала.

Все, кто присутствовал па том обзоре военного положения, получили большой заряд оптимизма. А он был очень кстати в дни Крымской конференции. Начались серьезные политические баталии во время встреч в Ливадийском дворце. Гусев и я вышли после одной такой встречи на свежий воздух. Стоял тихий вечер. Здесь, в Ялте, в этом бывшем царском дворце — Ливадии, говорили мы, сейчас крупными буквами пишется история.

Вспоминается в этой связи один знаменательный эпизод. Дело было утром до отъезда на заседание из Кореиза в Ливадийский дворец — место размещения американской делегации и место общих заседаний конференции. Рузвельт через специального посыльного прислал письмо Сталину, которому безотлагательно доложили о весьма срочном пакете от президента.

В этот момент я находился во флигеле. Получил вызов — немедленно прибыть к Сталину.

Когда я вошел в его кабинет, Сталин там был один. Поздоровавшись, я спросил:

— Как вы себя чувствуете после довольно напряженного начала конференции?

Сталин ответил:

— Вполне нормально.

Но я заметил, что его занимают совсем другие заботы, а не тема о личном самочувствии.

Сталин протянул мне какую-то бумагу и сказал:

— Вот письмо от Рузвельта. Я только что его получил. А затем, чуть помедлив, добавил:

— Я хотел бы, чтобы вы перевели мне это письмо устно. Хочу до заседания хотя бы на слух знать его содержание.

Я с ходу сделал перевод. Сталин, по мере того как я говорил, просил повторить содержание той или иной фразы. Письмо посвящалось Курильским островам и Сахалину. Рузвельт сообщал о признании правительством США прав Советского Союза на находившуюся под японской оккупацией половину острова Сахалин и Курильские острова.

Этим письмом Сталин остался весьма доволен. Он расхаживал по кабинету и повторял вслух:

— Хорошо, очень хорошо! Я заметил:

— Занятой теперь позицией США как бы реабилитируют себя в наших глазах за то, что они сочувствовали Японии в 1905 году. Тогда в Портсмуте, после русско-японской войны, велись мирные переговоры между японской делегацией и делегацией России, которую возглавлял глава правительства граф Витте. В то время США по существу помогали Японии оторвать от России ее территории.

По всему было видно, что Сталин мнение о попытке США «реабилитировать себя» полностью разделяет.

Он несколько секунд помолчал, обдумывая содержание письма. Потом начал высказывать свои мысли вслух. Он заявил:

— Письмо является важным. Америка сейчас признала справедливость нашей позиции по Курилам и по Сахалину. Американцы, наверно, при этом будут настаивать на своей позиции по вопросу о возможности участия Советского Союза в войне против Японии. Но это уже другой вопрос, по которому, очевидно, состоится разговор.

В целом чувствовалось, что Сталин письмом очень доволен. Он прямо так и заявил:

— Это хорошо, что Рузвельт пришел к такому выводу. Закончил Сталин эту тему разговора словами:

— Америка заняла хорошую позицию. Это важно и с точки зрения будущих отношений с Соединенными Штатами.

Наряду с удовлетворением, которое Сталин не скрывал, я заметил по его виду, что он еще чем-то озабочен. Тут я спросил:

— Видимо, я, товарищ Сталин, сейчас могу уйти? Но Сталин неожиданно задал мне вопрос:

— А скажите, Рузвельт, как, по-вашему, умный человек? Ничего удивительного в этом вопросе я не видел, так как знал, что Сталин задавал его не мне первому. Да и по письмам, которые мне много раз приходилось передавать президенту в Вашингтоне, чувствовалось, что Сталин к нему относился с уважением. Даже тогда, когда Сталин не разделял тех позиций, которые отстаивал президент, он формулировал свою мысль так, чтобы Рузвельт заметил: Москва обращает внимание на малейшие оттенки точки зрения хозяина Белого дома. В ответ на поставленный вопрос я сказал:

— Товарищ Сталин, Рузвельт — человек большого ума и способностей. Один тот факт, что ему удалось добиться своего избрания на президентский пост в третий, а затем и в четвертый раз, говорит сам за себя. В США, можно сказать, исторически закрепилась традиция не избирать президента больше чем два раза. Она представлялась прочной, сложившейся традицией,

которой придерживались обе партии — демократическая и республиканская.

И вдруг Рузвельт ее сломал, и сломал эффектно. Конечно, этому способствовала международная обстановка. А поскольку речь идет о 1944 годе, то конкретно повлиял и ход событий на советско-германском фронте, так как все видели, в том числе и в США, что крах гитлеровской Германии неминуем. Но помимо этого фактора большую роль сыграла и умелая работа демократов в части популяризации имени Рузвельта. Его выступления по радио под рубрикой «Беседы у камина» тоже производили очень сильное впечатление на миллионы американцев.

Сталин лаконично заметил:

— Как он это ловко сделал. Да, все было сделано так, как надо.

При этом на его лице появилась сдержанная, добродушная улыбка, я бы назвал ее «улыбкой солидарности». Не раз я замечал, что такое выражение его лицо принимало в тех случаях, когда у него возникали эмоции положительные: когда речь заходила о том или ином человеке, к которому он благоволил.

А само замечание Сталина: «Все было сделано так, как надо» — не оставляло сомнений, что он весьма благожелательно относился к успеху Рузвельта. Впрочем, он и ранее не один раз высказывал свое мнение на этот счет.

Не скрою, выходя из кабинета, я подумал, что настроение Сталина, его удовлетворенность позицией правительства США, изложенной в письме Рузвельта, конечно же, окажут большое влияние на Крымскую встречу трех, да и на то заседание, которое должно было начаться примерно через час.

Позже, в тот же день, мне стало известно, что с содержанием письма Рузвельта ознакомили Молотова.

Получению письма от Рузвельта предшествовали определенные события.

Еще в Тегеране Рузвельт поставил перед Сталиным вопрос об оказании Советским Союзом помощи США в войне против Японии. Стало совершенно ясно, что открытие союзниками второго фронта на западе против фашистской Германии связывается Вашингтоном с готовностью СССР помочь США на востоке. Общее понимание между США и Советским Союзом было тогда в принципе достигнуто, но это еще не рассматривалось как соглашение. В Тегеране не сделали даже совместной протокольной записи на этот счет.

Окончательное слово по этому вопросу обе стороны сказали в Ялте после того, как Рузвельт официально этим письмом уведомил Сталина о том, что оккупированная Японией часть

Сахалина и Курильские острова должны быть возвращены Советскому Союзу. Вот почему Сталин с каким-то, я бы сказал, особым удовлетворением держал в руке письмо Рузвельта, после того как ознакомился с его содержанием. Несколько раз он прошелся с ним по комнате, служившей кабинетом, как будто не желал выпускать из рук то, что получил. Он продолжал держать письмо в руке и в тот момент, когда я от него уходил.

В тот день я смотрел на Сталина и на Рузвельта еще более пристально. Наверно, думал я, оба они считали, что в отношениях между ними пройден важный рубеж.

Правда, Рузвельт все еще сохранял какое-то сомнение: сдержит ли Сталин свое слово об оказании помощи Соединенным Штатам на Дальнем Востоке? Как известно, Советский Союз свое слово сдержал.

Можно сказать, что позиция президента США и его администрации по вопросу о Сахалине и Курильских островах, а также по вопросу о втором фронте в немалой степени объясняла отношение Сталина к Рузвельту и как к человеку.

На заседании затем в принципе были согласованы условия вступления СССР в войну против Японии. Советское правительство заявило о том, что наша страна начнет военные действия на Дальнем Востоке через два-три месяца после окончания войны в Европе.

До того как Сталин назвал этот срок, советский Генеральный штаб во главе с Антоновым провел большую работу. Требовалось на основании данных, которыми располагало командование Красной Армии, определить, сколько потребуется сил для разгрома Квантунской армии, откуда и когда перебросить советские войска. Все это делалось быстро и по-военному.

Снова польский вопрос

Много внимания и времени конференция уделила рассмотрению польского вопроса. Предметом обсуждения стали прежде всего будущие границы Польши и состав польского правительства.

Решили, что советско-польская граница должна проходить в основном по так называемой «линии Керзона» с небольшим отступлением от нее в некоторых районах в пользу Польши. Не вызвало серьезных разногласий среди участников конференции также и признание необходимости территориальных приращений к Польше на севере и западе. Однако относительно размеров этих приращений сразу же возникли расхождения.

Советская делегация предлагала установить западную границу Польши по Одеру и Нейсе. Делегации США и Англии выступили против нашего предложения. При этом они приводили не выдерживающий критики довод, что польский народ якобы не сумеет освоить ресурсы новых территорий. Подобная позиция была, конечно, несправедливой, а ее фальшь очевидной.

В ходе Крымской конференции так и не удалось определить западные границы Польши. Благодаря последовательной позиции СССР вопрос о них ясно и окончательно решили на последующей встрече в Потсдаме.

Острая борьба на конференции имела место при обсуждении вопроса о польском правительстве. И это понятно — речь шла о политической ориентации возрождающегося польского государства, находящегося в стратегически важном районе Европы.

Советский Союз руководствовался той точкой зрения, что ответственность за будущее Польши должны нести не те силы, которые привели ее к национальной катастрофе, а здоровые демократические силы. Те патриоты, которые самоотверженно боролись против гитлеровских агрессоров за освобождение своей родины, достижение ее независимости и возрождение Польши. Вполне естественно, что СССР признал созданное в Польше Временное правительство, которое представляло интересы демократических сил, всего польского народа. 21 апреля 1945 года наша страна заключила с ним Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве.

Западные державы, игнорируя Временное правительство, тем не менее понимали нереальность постановки вопроса о возвращении из Лондона эмигрантского правительства в Польшу. Поэтому Рузвельт и Черчилль выступили в Ялте с предложением

об одновременном роспуске обоих существовавших польских правительств — буржуазного и народного — и создании нового временного правительства Польши с включением в него основных деятелей реакционной эмиграции. Оба лидера Запада — Рузвельт и Черчилль — упорно отстаивали эту позицию. Они отдавали себе отчет в том, что она будет представлять для Запада хотя и арьергардный бой, но довольно острый.

Стремясь к достижению договоренности, СССР пошел на известный компромисс в этом вопросе. Однако настоял на том, чтобы указанное правительство создавалось все же на базе существующего Временного правительства. Для нашей страны это представлялось главным. Советский Союз и демократические силы Польши согласились на то, чтобы Временное польское правительство пополнилось за счет включения в его состав нескомпрометировавших себя политических деятелей из самой Польши и польских эмигрантских кругов.

Именно такой подход лег в основу принятого на Крымской конференции решения о создании Временного правительства национального единства. В соответствии с этим решением США и Англия признавали его и порывали отношения с эмигрантским правительством, после чего последнее прекращало свое существование. В этом заключался большой выигрыш от достигнутого компромисса в пользу справедливости.

На конференции в Ялте Сталин сделал заявление о подходе нашей страны к вопросу о соседней Польше:

— Дело не только в том, что Польша — пограничная с нами страна. Это, конечно, имеет значение. Но суть проблемы гораздо глубже. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападавший на Россию… Почему враги до сих пор так легко проходили через Польшу? Прежде всего потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании сильной, свободной и независимой Польши.

Такой подход Советского Союза, продемонстрированный в Ялте, остается неизменным и сегодня. Польша сильная, Польша независимая, Польша, дружественная Советскому Союзу, Польша социалистическая — вот гарантия польской государственности.

И вот на конференции грянул гром новых баталий по новому вопросу — о создании ООН. Конференция в Думбартон-Оксе решила много вопросов, но не все. Остался вопрос о «вето» и об особых правах постоянных членов Совета Безопасности.

В результате обсуждений три руководителя достигли соглашения о созыве 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций, которой предстояло выработать окончательный текст Устава Организации.

Итоги Ялты

Сразу же после окончания конференции мир узнал, какие проблемы на ней обсуждались. Узнал, что центральным вопросом конференция признала проблему будущего Германии, которой руководители трех держав уделили наибольшее внимание. Они достигли договоренности о порядке принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. В основу будущего этой страны союзники положили проведение ее демократизации и демилитаризации.

Участники конференции торжественно заявили — на этом настаивал Советский Союз, — что в их цели не входит уничтожение германского народа. Но они подтвердили, что только тогда, когда германский милитаризм и нацизм будут искоренены, станет оправданной надежда на достойное существование для народа этой страны и надежда на его место в сообществе наций.

Итоговый документ Крымской конференции — заявление «Единство в организации мира, как и в ведении войны». Руководители трех великих держав согласились сохранить и усиливать в предстоящий мирный период сотрудничество, которое осуществлялось между Советским Союзом, США и Англией в дни войны. Конференция явилась важным этапом на пути к быстрейшему завершению войны. Ее исход означал окончательный провал расчетов гитлеровской Германии на раскол в лагере союзников. Раскололся не лагерь союзников, а сам «третий рейх», который и сгорел в огне войны.

Кое-где наблюдаются попытки представить решения конференции в Ялте в качестве некоего синонима раздела Европы на сферы влияния между великими державами. Но это — плод фантазии.

Как будто предвидя возможность появления в будущем наветов на Крымскую конференцию, президент Рузвельт, оценивая ее результаты, ясно заявил в конгрессе США:

— Эта конференция означает конец системы односторонних действий, замкнутых союзов, сфер влияния и всех других политических интриг, к которым прибегали на протяжении столетий… Сказано хорошо.

Современные политики, если они хотят быть объективны в оценке результатов конференции, не могут не видеть ее исторического значения для Европы и для мира в целом. В дни Ялты для агрессивного гитлеровского рейха наступили сумерки,

за которыми неотвратимо следовал его закат. Именно в ту памятную февральскую неделю 1945 года три державы подвели военные итоги того, что сделали их войска и народы в борьбе за освобождение Европы от фашизма. Три державы расставили также основные вехи и на маршруте будущего.

Державы-участницы договорились:

довести до конца военный разгром фашистской Германии;

содействовать созыву конференции Объединенных Наций для создания международной организации по поддержанию мира;

установить в новой международной организации принцип единогласия держав — постоянных членов Совета Безопасности при решении кардинальных вопросов обеспечения мира;

принять декларацию об освобожденной Европе, в которой подчеркивалось бы стремление согласовывать действия трех держав при решении европейских проблем;

об обращении с Германией после ее безоговорочной капитуляции, в том числе о справедливом и быстром наказании преступников войны;

о создании в Германии особых зон трех держав — участниц Ялтинской конференции, а также Франции;

по вопросам Дальнего Востока.

Итак, в Ялте три державы торжественно согласились действовать в духе сотрудничества как в доведении войны до победы, так и в строительстве послевоенного мира.

Известно, что по ряду вопросов (о репарациях с Германии в пользу Советского Союза, по польскому вопросу и о границах Польши) окончательной договоренности все еще не было достигнуто. Тем не менее обсуждение, состоявшееся в Ялте, сыграло свою роль. Особенно это относится к вопросу о Польше, решенному в Потсдаме.

Чувство гнева вызывают те деятели в странах Запада, которые выступают с заявлениями, будто США и Англия пошли в Ялте на неоправданные уступки Советскому Союзу. Пусть они перечитают, что говорили, писали их отцы и деды в годы войны, преклоняясь перед героизмом советского народа и его жертвами во имя победы над общим врагом.

Наша страна честно выполнила свои союзнические обязательства и на поле боя, и за столом переговоров.

О Сталине на конференциях

На Крымской, а впоследствии и на Потсдамской конференциях мне довелось работать и находиться вблизи Сталина. Рассказ вкратце о нем, возможно, заслуживает внимания. Рассказ о некоторых чертах его характера, его поведения, некоторых приемах общения с людьми — прежде всего через призму конференций.

В дни Ялтинской конференции Рузвельт приболел. Сталин захотел навестить больного. Он пригласил наркома иностранных дел В. М. Молотова и меня сопровождать его во время визита.

В тот день заседание участников конференции было отменено, и мы пошли в покои президента, где когда-то почивала царица. Они находились здесь же, на втором этаже Ливадийского дворца. Из окна открывался отличный вид на море, и картина ласкала взор.

Президент лежал в постели и обрадовался, едва увидев гостей. Мы приветливо поздоровались. Выглядел он усталым, в таких случаях говорят: на нем лица нет. Тяжелая болезнь подтачивала силы этого человека. Рузвельт, конечно, страдал, но старался этого не показывать. Не надо было быть психологом, чтобы все это заметить.

Мы посидели возле него некоторое время. Видимо, минут двадцать. Сталин с ним обменялся вежливыми фразами о здоровье, о погоде и красотах Крыма. Я пристально наблюдал за президентом и думал, глядя на него, что у Рузвельта какой-то отрешенный взгляд. Он как будто всех нас видел и в то же время смотрел куда-то вдаль.

Вышли из его комнаты и начали спускаться по узкой лестнице. Сталин вдруг остановился, вытащил из кармана трубку, неторопливо набил ее табаком и тихо, как бы про себя, но так, чтобы слышали Молотов и я, обронил:

— Ну скажите, чем этот человек хуже других, зачем природа его наказала?

После того как мы спустились на первый этаж, Сталин задал мне вопрос:

— Правду говорят, что президент по происхождению не из англичан?

Как бы размышляя вслух, он продолжил:

— Однако по своему поведению и манере выражать мысли он больше похож на англичанина, чем Черчилль. Последний как-то меньше контролирует свои эмоции. Рузвельт же, наоборот, сама рассудительность и немногословность.

Чувствовалось, Сталин не прочь услышать, что мне известно о родословной Рузвельта. Я сказал:

— У американского президента предки были голландского происхождения. Это установлено точно. Но рядовой американец как-то не проявляет к такой теме особого интереса. А литература на этот счет скупа.

На следующий день Рузвельт уже был в форме, и заседания конференции возобновились. Но усталость, которая отчетливо была заметна на лице президента, не покидала его до самого окончания ялтинской встречи.

Рузвельту тогда оставалось жить всего около двух месяцев.

Откровенно говоря, — я уже повторяю эту мысль, — Сталин симпатизировал Рузвельту как человеку, и он ясно давал это нам понять, рассуждая о болезни президента. Нечасто Сталин дарил симпатии деятелям другого социального мира и еще реже говорил об этом.

Были и другие случаи выражения своих чувств со стороны Сталина по отношению к тем или иным людям. Например, Сталин в период Потсдамской конференции при всех участниках расцеловал скрипачку Баринову и пианиста Гилельса, которые прекрасно выступили после официального обеда.

Несмотря на жесткость в характере, Сталин давал выход и положительным человеческим эмоциям, однако это случалось очень редко.

Возможно, уместно сказать более подробно о Сталине — и как о деятеле, и как о человеке — на основе того, что сохранилось в моей памяти. Все, что здесь говорится о нем, — впечатления от встреч, обобщение личных наблюдений во время заседаний, когда мне приходилось докладывать некоторые вопросы, оставшиеся в памяти эпизоды, имевшие место в ходе конференций, во время бесед в период пребывания в Советском Союзе иностранных государственных деятелей, — все это, вместе взятое, впоследствии переросло в какой-то образ человека, каким я его тогда воспринимал.

При этом я, разумеется, не ставил себе цель изучить, кто такой Сталин, что он собой представляет. Просто наблюдал его, будучи занят конкретной работой по выполнению служебных обязанностей. Отложившиеся впечатления о нем — это побочный результат, и я вовсе не хочу представить его как неоспоримую истину.

Военные знают — бывало так в боях — высаживают два десанта: один основной, а другой дополнительный, второстепенный, отвлекающий. Развиваются боевые действия, и вдруг этот второстепенный со временем становится

значительным, а порой важным и, наконец, главным. Так бывает не только во время войны, но и в обычные дни мирной жизни: делаешь сразу два дела — свое, повседневное и, кроме того, что-то попутное. И глядишь, то, что считал чем-то для себя личным, если хотите, интимным, через некоторое время становится особым, значительным, необходимым и для людей. Вот и кажется мне теперь, что рассказ о нестандартной фигуре Сталина, к которой не раз еще будут обращаться историки, представляет интерес, особенно если об этом вспоминают люди, с ним общавшиеся.

Вполне возможно, кое-что из моих впечатлений может не совпадать с тем, что о нем сказано, написано и, наверно, еще будет написано другими. Фактом является то, что присущие ему черты проявлялись по-разному в различных обстоятельствах и при различных встречах. Даже определенно, что так оно и было. Но, в конце концов, любой оригинал всегда богаче копии, особенно когда речь идет о личности такого масштаба и такой драматической судьбы, как Сталин.

Мне врезался в память эпизод, связанный с Ялтинской конференцией. Он касался Берии и его отношений со Сталиным.

Известно, что у вождя имелся арсенал приемов, с помощью которых он старался произвести впечатление на Рузвельта и Черчилля. Одним из таких приемов являлась напускная прямота и откровенность.

В Ялте во время обеда, который давала советская делегация в честь американцев и англичан, Рузвельт обратился к Сталину с вопросом:

— Кто этот господин, который сидит напротив посла Громыко? Видимо, прежде чем сесть за стол, Берия не представился Рузвельту. Сталин ответил:

— А-а! Это же наш Гиммлер. Это — Берия.

Меня поразила меткость сталинского сравнения. Не только по существу, но и по внешнему виду эти два изверга походили один на другого: Гиммлер — единственный в окружении Гитлера, кто носил пенсне, Берия — единственный в сталинском окружении, которого трудно представить без пенсне.

Заметил я, что Рузвельту стало явно не по себе от этого сравнения, тем более что и Берия слышал все сказанное. Ответ Сталина, конечно, смутил президента. Он даже не знал, как на такую реплику реагировать. На его лице появилось нечто, похожее на улыбку.

Берия не сказал ничего, однако улыбнулся, показав свои желтые зубы. Такое сравнение его смутило еще больше, а, возможно, и озадачило.

В тот вечер Берия, и без того малоразговорчивый, молчал, держался скованно. Зарубежные гости, которые находились у нас на виду, его как бы не замечали.

Как будто сама природа подготовила этого человека для деятельности тайного характера. Интриги, наветы на честных людей, фальшивки, клевета, кровавые расправы — вот та стихия, в которой он чувствовал себя как в своей тарелке.

Ветераны партии считали его выскочкой.

Достиг он высокого положения в стране из-за того, что уже в период работы в Грузии на него падал отраженный от Сталина свет. Степень доверия, которым он пользовался у полновластного диктатора, была высока, и все это знали. Но правы, считаю, те историки, которые высказывают мнение: поживи Сталин еще какое-то время, Берия скорее всего сам оказался бы в гигантской мясорубке, создаваемой им собственными руками.

Конечно, все, кто окружал Сталина или находился близко к нему хотя бы временами, и особенно мы, тогда относительно молодые люди, всегда внимательно за ним наблюдали. Собственно, каждое его слово, каждый жест ловил любой из присутствовавших. Никто в этом не видел ничего удивительного. Ведь чем внушительнее выглядит грозовая туча, тем с большей опаской на нее смотрит человек.

Для его современника уже пребывание рядом со Сталиным, тем более разговор с ним или даже присутствие при разговоре, возможность услышать его высказывания в узком кругу представлялись чем-то особым. Ведь свидетель того, что говорил и делал Сталин, сознавал, что перед ним находится человек, от воли которого зависит многое в судьбе страны и народа, да и в судьбе мира.

Это вовсе не противоречит научному, марксистскому взгляду на роль личности в истории. Выдающиеся личности являются продуктом условий определенного конкретного времени. Но, с другой стороны, эти люди могут сами оказывать и оказывают влияние на развитие событий, на развитие общества. Маркс, Энгельс, а затем и Ленин глубоко обосновали это в своих философских трудах.

Что бросалось в глаза при первом взгляде на Сталина? Где бы ни доводилось его видеть, прежде всего обращало на себя внимание, что он человек мысли. Я никогда не замечал, чтобы сказанное им не выражало его определенного отношения к обсуждаемому вопросу. Вводных слов, длинных предложений или ничего не выражающих заявлений он не любил. Его тяготило, если кто-либо говорил многословно и было невозможно уловить мысль, понять, чего же человек хочет. В то же время Сталин мог

терпимо, более того, снисходительно относиться к людям, которые из-за своего уровня развития испытывали трудности в том, чтобы четко сформулировать мысль.

Глядя на Сталина, когда он высказывал свои мысли, я всегда отмечал про себя, что у него говорит даже лицо. Особенно выразительными были глаза, он их временами прищуривал. Это делало его взгляд еще острее. Но этот взгляд таил в себе и тысячу загадок.

Лицо у Сталина было чуть полноватое. Мне случалось, и не раз, уже после смерти Сталина слышать и читать, что, дескать, у него виднелись следы оспы. Этого я не помню, хотя много раз с близкого расстояния смотрел на него. Что же, коли эти следы имелись, то, вероятно, настолько незначительные, что я, глядевший на это лицо, ничего подобного не замечал.

Сталин имел обыкновение, выступая, скажем, с упреком по адресу того или иного зарубежного деятеля или в полемике с ним, смотреть на него пристально, не отводя глаз в течение какого-то времени. И надо сказать, объект его внимания чувствовал себя в эти минуты неуютно. Шипы этого взгляда пронизывали.

Когда Сталин говорил сидя, он мог слегка менять положение, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, иногда мог легким движением руки подчеркнуть мысль, которую хотел выделить, хотя в целом на жесты был очень скуп. В редких случаях повышал голос. Он вообще говорил тихо, ровно, как бы приглушенно. Впрочем, там, где он беседовал или выступал, всегда стояла абсолютная тишина, сколько бы людей ни присутствовало. Это помогало ему быть самим собой.

Речам Сталина была присуща своеобразная манера. Он брал точностью в формулировании мыслей и, главное, нестандартностью мышления.

Что касается зарубежных деятелей, то следует добавить, что Сталин их не особенно баловал своим вниманием. Уже только поэтому увидеть и услышать Сталина считалось у них крупным событием.

В движениях Сталин всегда проявлял неторопливость. Я никогда не видел, чтобы он, скажем, заметно прибавил шаг, куда-то спешил. Иногда предполагали, что с учетом обстановки Сталин должен поскорее провести то или иное совещание, быстрее говорить или торопить других, чтобы сэкономить время. Но этого на моих глазах никогда не было.

Очень часто на заседаниях с небольшим числом участников, на которых иногда присутствовали также товарищи, вызванные на доклад, Сталин медленно расхаживал по кабинету. Ходил и

одновременно слушал выступающих или высказывал свои мысли. Проходил несколько шагов, приостанавливался, глядел на докладчика, на присутствующих, иногда приближался к ним, пытаясь уловить их реакцию, и опять принимался ходить.

Затем он направлялся к столу, садился на место председательствующего. Присаживался на несколько минут. Были и такие моменты. Наступала пауза. Это значит, он ожидал, какое впечатление на участников произведет то, о чем идет речь. Либо сам спрашивал:

— Что вы думаете?

Присутствовавшие обычно высказывались кратко, стараясь по возможности избегать лишних слов. Сталин внимательно слушал. По ходу выступлений, замечаний участников он подавал краткие реплики.

В кинофильмах, сделанных через много лет после его смерти, иногда показывают заседания Политбюро, когда он встает и ходит, в то время как другие участники заседания сидят. Да, это так и было, коль скоро речь идет о заседаниях внутреннего плана.

Однако мне приходилось видеть его и на международных конференциях, когда он всегда сидел, внимательно слушал выступающих. Поднимался от стола, только если объявлялся перерыв или заседание уже заканчивалось.

Обращало на себя внимание то, что Сталин не носил с собой никогда никаких папок с бумагами. Так он появлялся на заседаниях, на любых совещаниях, которые проводил. Так приходил и на международные встречи — в ходе конференций в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Не видел я никогда в его руках на таких заседаниях ни карандаша, ни ручки. Он на виду не вел никаких записей.

Любые необходимые материалы у него, как правило, находились под рукой, в его кабинете. Работал Сталин и по ночам. С ночной работой он был даже более дружен, чем с дневной.

Приходил он на совещания или на заседания международных конференций подготовленным. Когда делегация вместе с ним шла на заседание, то всегда знала, о чем он будет говорить. От Советского Союза почти всегда выступал только он. Во внешних делах его главной опорой был В. М. Молотов. Если нужно, в определенный момент Сталин, склонившись над столом, советовался с кем-либо из членов делегации и потом высказывал свое мнение.

Запомнился такой случай. Произошел он во время одного заседания. На нем мне пришлось докладывать некоторые международные вопросы, связанные с последствиями войны. В

ходе обсуждения говорилось о том, как гитлеровцы пытались использовать в своих интересах Балканские страны, заигрывая с их правящей верхушкой и не понимая, что народ и верхушка — это не одно и то же.

Речь зашла, в частности, о Болгарии, народ которой гитлеровцы третировали, считая его отсталым, но делали реверансы перед монархическими кругами страны. Сталин высказался так:

— Политика Гитлера в отношении Болгарии, рассчитанная на то, чтобы приобрести в ней союзника, основывалась, помимо прочего, еще и на прусской спеси. Немцы полагали, что якобы отсталых болгар вовсе не трудно повернуть в нужную для Германии сторону.

При этом Сталин встал из-за стола. Потом продолжил:

— Только прусское зазнайство и чванство объясняют такое отношение к Болгарии.

Сделал паузу и, подчеркивая каждое слово, произнес:

— Исторические факты говорят о том, что болгарский народ ничуть не ниже немцев по уровню своего общего развития. В давние времена, когда предки немцев еще жили в лесах, у болгар уже была высокая культура.

Это высказывание Сталина о болгарах очень понравилось всем присутствовавшим, которые с ним солидаризировались.

Однажды разговор зашел о бессмысленности упорства гитлеровского командования и сопротивления немцев в конце войны, когда дело фашизма уже было проиграно, только слепые не могли этого видеть. Говорили об этом несколько человек. Сталин внимательно всех выслушал, а потом, как будто подводя итог услышанному по этому вопросу, сказал сам:

— Все это так. Я согласен с вами. Но в то же время нельзя не отметить одно характерное для немцев качество, которое они уже не раз демонстрировали в войнах, — упорство, стойкость немецкого солдата.

Тут же он высказал и такую мысль:

— История говорит о том, что самый стойкий солдат — это русский; на втором месте по стойкости находятся немцы; на третьем месте…

Несколько секунд он помолчал и добавил:

— …поляки, польские солдаты, да, поляки.

Товарищи, участвовавшие в заседании, согласились с тем, что эта характеристика справедлива. На меня лично она произвела большое впечатление. Немецкая армия, по существу, уже была разгромлена, потерпела в войне сокрушительное поражение. Казалось бы, эту армию агрессора, армию насильников,

грабителей и палачей он должен был охарактеризовать в самых резких выражениях и с точки зрения личностных качеств солдата. Между тем Сталин дал немецкому солдату оценку в историческом плане, основываясь на фактах, оставив эмоции в стороне.

Сталин относился к той категории людей, которые никогда не позволяли тревоге, вызванной теми или иными неудачами на фронте, заслонить трезвый учет обстановки, веру в силы и возможности партии коммунистов, народа, его вооруженных сил. Патриотизм советских людей, их священный гнев в отношении фашистских захватчиков вселяли в партию, ее Центральный Комитет, в Сталина уверенность в конечной победе над врагом. Без этого победа не стала бы возможной.

Позже выяснилось, что напряжение и колоссальные трудности военного времени не могли не подточить физические силы Сталина. И приходится лишь удивляться тому, что, несмотря на работу, которая, конечно, изнуряла его, Сталин дожил до Победы.

А сколько крупных государственных и военных деятелей подорвали свои силы, и война безжалостно скосила их — нет, не на фронте, а в тылу! Таким был, например, Борис Михайлович Шапошников, начальник Генерального штаба Красной Армии в самое тяжелое время боев в июле 1941 — мае 1942 года, впоследствии крупный советский военачальник, единственный наш маршал, не доживший до Победы, — он умер за несколько дней до нее. Таким был крупный государственный и партийный деятель, первый секретарь Московского горкома ВКП(б) Александр Сергеевич Щербаков, ушедший из жизни рано, — ему было всего сорок четыре, а его в победные дни уже хоронили…

Заботился ли о своем здоровье Сталин? Я, например, ни разу не видел, чтобы во время союзнических конференций трех держав рядом с ним находился врач. Не думаю, что со стороны Сталина проявлялась в этом какая-то нарочитая бравада. Сталин не любил длительных прогулок. То, что он, находясь на даче, выходил на короткое время на свежий воздух, нельзя считать настоящими прогулками в том понимании, в каком врачи обычно рекомендуют их своим пациентам.

Если говорить о его внешности, то он был человеком среднего роста. Неверно бытующее мнение, что Сталин был сильно предрасположен к полноте. Конечно, как человек не физического труда, он, возможно, имел склонность к этому, но явно старался держать себя в форме. Я никогда не наблюдал, чтобы Сталин за столом усердствовал ложкой и вилкой. Можно даже сказать, что ел он как-то вяло.

Крепкие напитки Сталин не употреблял, мне этого видеть не доводилось. Пил сухое виноградное вино, причем неизменно сам открывал бутылку. Подойдет, внимательно рассмотрит этикетку, будто оценивает ее художественные достоинства, а затем уже открывает.

Бросалось в глаза, что он почти всегда внешне выглядел усталым. Не раз приходилось видеть его шагающим по кремлевским коридорам. Ему шла маршальская форма, безукоризненно сшитая, и чувствовалось, что она ему нравилась. Если же он надевал не военную форму, то носил полувоенную-полугражданскую одежду. Небрежность в одежде, неопрятность ему не были свойственны.

Все обращали внимание на то, что Сталин почти никогда сам не заговаривал ни с кем, в том числе и с иностранцами, о своей семье — жене, детях. Иностранцы мне не раз об этом говорили. Даже спрашивали:

— Почему?

Многое из опубликованного за рубежом об отношениях Сталина с женой, детьми, родственниками является в значительной части плодом досужего вымысла.

Когда разговор заходит о Сталине, задают иногда вопрос:

— Как он относился к искусству, литературе, особенно художественной?

Думаю, едва ли кто-нибудь возьмется дать на этот вопрос точный ответ. Мои собственные впечатления сводятся к следующему.

Музыку Сталин любил. Концерты, которые устраивались в Кремле, особенно с участием вокалистов, он воспринимал с большим интересом, аплодировал артистам. Причем любил сильные голоса, мужские и женские. С увлечением он — я был свидетелем этого — слушал классическую музыку, когда за роялем сидел наш выдающийся пианист Эмиль Гилельс. Восторженно отзывался о некоторых солистах Большого театра, например об Иване Семеновиче Козловском.

Помню, как во время выступления Козловского на одном из концертов некоторые члены Политбюро стали громко выражать пожелание, чтобы он спел задорную народную песню. Сталин спокойно, но во всеуслышание сказал:

— Зачем нажимать на товарища Козловского. Пусть он исполнит то, что сам желает. А желает он исполнить арию Ленского из оперы Чайковского «Евгений Онегин».

Все дружно засмеялись, в том числе и Козловский. Он сразу же спел арию Ленского. Сталинский юмор все воспринимали с удовольствием.

Что касается литературы, то могу определенно утверждать, что Сталин читал много. Его начитанность, эрудиция проявлялись не только в выступлениях. Он знал неплохо русскую классическую литературу. Любил, в частности, произведения Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Труднее мне говорить о его знаниях в области иностранной литературы. Но, судя по моим некоторым наблюдениям, Сталин был знаком с книгами Шекспира, Гейне, Бальзака, Гюго, Ги де Мопассана — и последнего очень хвалил, — а также с произведениями многих других западноевропейских писателей. По всей видимости, много книг прочитал и по истории. В его речах часто содержались примеры, которые можно привести только в том случае, если знаешь соответствующий исторический источник.

Одним словом, Сталин был образованным человеком, и, видимо, никакое формальное образование не могло дать ему столько, сколько дала работа над собой. Результатом такого труда явился известный сталинский язык, его умение просто и популярно формулировать сложную мысль.

Вместе с тем решительно утверждаю, что Сталин не обладал качествами ученого. Он был организатором и практиком, природа наделила его этими способностями. А опыт им был приобретен трагически дорогой ценой в процессе почти тридцатилетней деятельности. Массовая гибель безвинных советских людей в период культа личности Сталина уже сама по себе никогда не может быть забыта, тем более прощена.

В манере поведения Сталина справедливо отмечали неброскую корректность. Он не допускал панибратства, хлопанья по плечу, которое иной раз считается признаком добродушия, общительности и снисходительности. Даже в гневе — а мне приходилось наблюдать и это — Сталин обычно не выходил за рамки допустимого. Избегал он и нецензурных выражений.

Много раз мне приходилось наблюдать Сталина в общении с другими советскими руководящими деятелями того времени. К каждому из них у него имелся свой подход. Некоторые проявления фамильярной формы общения со Сталиным могли позволить себе лишь Ворошилов и Молотов. Объяснялось это в основном тем, что знал он их лучше, чем других, и притом давно — еще по подпольной работе до революции.

Находясь за обеденным столом, Сталин держался свободно, независимо от уровня гостей или хозяев.

В ходе протокольных мероприятий на конференциях Сталин задавал вопросы Рузвельту, Черчиллю и сам охотно отвечал, если его спрашивали. Разговоры касались кроме политических тем также и чисто житейских, вплоть до оценки достоинств тех или

иных блюд, напитков, выяснения их популярности в различных странах.

В Ялте, например, Сталин похваливал грузинские сухие вина, а потом спросил:

— А вы знаете грузинскую виноградную водку — чачу?

Ни Черчилль, ни Рузвельт о чаче и слыхом не слыхивали. А Сталин продолжал:

— Это, по-моему, лучшая из всех видов водки. Правда, я сам ее не пью. Предпочитаю легкие сухие вина.

Черчилля чача сразу заинтересовала:

— А как ее попробовать?

— Постараюсь сделать так, чтобы вы ее попробовали.

На другой день Сталин послал и одному, и другому в подарок чачу.

История одной директивы

На одном из заседаний Политбюро мне предстояло доложить о ряде проблем, и я открыл свою папку с подготовленными материалами и документами. Следовало высказаться, как сейчас помню, по двадцати трем вопросам. Заседания этого органа проходили нечасто, и вопросы накопились. Расположив соответствующим образом бумаги, я начал сообщение. В это время В. М. Молотов сделал замечание:

— Товарищ Громыко, этот вопрос можно было бы поместить и в конец. Ведь есть другой, который следовало бы обсудить первым.

Я, признаться, несколько удивился, почему это В. М. Молотову, который в то время уже не являлся министром иностранных дел, а стал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, обязательно хотелось переставить вопросы. Его замечание, на мой взгляд, было, скорее, вкусового порядка.

Но тут Сталин остановил В. М. Молотова и сказал:

— Дело докладчика, как ему расположить вопросы, и пусть товарищ Громыко докладывает их в том порядке, в каком считает нужным.

Разумеется, так я и сделал. Все двадцать три вопроса доложил. Конечно, докладывал кратко, как было принято, по две, максимум по три минуты на вопрос. Так поступали и другие, не считая особых случаев.

Сохранился в памяти такой эпизод. В 1950 году южнокорейские марионеточные власти с поощрения Вашингтона пошли на развязывание войны против Корейской Народно-Демократической Республики.

Начало военных действий в Корее внесло в международную обстановку серьезную напряженность. Для всех стало ясно, что эта война таит потенциальную опасность расширения конфликта.

Немедленно созвали Совет Безопасности для рассмотрения сложившейся ситуации. За сутки до его заседания в Москве решался вопрос, какую позицию следует занять на нем советскому представителю. То, что он должен сурово осудить агрессию и политику США как соучастника агрессии, ни у кого не вызывало сомнения. Но нужно было определиться: должен ли советский представитель принимать участие в заседании, созванном в связи с провокационным и даже оскорбительным по своему тону письмом, с которым США обратились в Совет Безопасности и в котором излагалась ложная версия о войне.

Сталин, прочтя присланную из Нью-Йорка телеграмму советского представителя при ООН Я. А. Малика, позвонил вечером мне:

— Товарищ Громыко, какую, по вашему мнению, в данном случае следует дать директиву?

Я сказал:

— Министерством иностранных дел, товарищ Сталин, уже подготовлена на ваше утверждение директива, суть которой сводится, во-первых, к решительному отклонению упреков по адресу КНДР и Советского Союза и к столь же решительному обвинению США в соучастии в развязывании агрессии против КНДР. Во-вторых, в случае, если в Совет Безопасности будет внесено предложение о принятии решения, направленного против КНДР либо против этой страны и СССР. Малик должен применить право вето и не допустить принятия такого решения.

Сказав это, я ждал реакции Сталина. Он заявил:

— По моему мнению, советскому представителю не следует принимать участия в заседании Совета Безопасности.

Тут же он в жестких выражениях высказался по адресу Вашингтона за его враждебное к нашей стране и КНДР письмо Совету Безопасности.

Мне пришлось обратить внимание Сталина на важное обстоятельство:

— В отсутствие нашего представителя Совет Безопасности может принять любое решение, вплоть до посылки в Южную Корею войск из других стран под личиной «войск ООН».

Но на Сталина этот довод особого впечатления не произвел. Я почувствовал, что менять свою точку зрения он не собирается.

Затем Сталин фактически продиктовал директиву, хотя обычно он прибегал к такому способу редко. Текст директивы минут через сорок и направили нашему представителю в Совете Безопасности.

Как известно, случилось то, о чем я предупреждал Сталина. Совет принял решение, навязанное Вашингтоном, а на воинские контингенты разных стран, направленные в Южную Корею, приклеили этикетку «войск ООН». Конечно, в этом случае Сталин не лучшим образом рассчитал свой шаг, явно продиктованный эмоциями. Казалось бы, это не соответствовало складу его ума. Но так было.

Однажды Сталин при обсуждении проблем международного характера коснулся вопроса о государственном аппарате и необходимости его совершенствования. Случилось это, когда кто-то из членов Политбюро затронул тему о деятельности некоторых государственных органов, которые, хотя в основном занимаются

делами внутренними, иногда имеют отношение и к международным. Участники заседания постепенно переключились на обсуждение именно этой стороны вопроса.

Завязалась дискуссия о работе органов власти городов, в частности столицы — Москвы. Раздавались голоса о том, что Московский совет неоперативно решает вопросы, имеют место медлительность в рассмотрении дел, излишние ненужные дебаты. Говорили, что даже само название — Московский совет депутатов — ориентирует на совещания, а не на быстрое и оперативное решение проблем.

Вдруг Сталин заявил:

— А почему бы не восстановить кое-что из прошлого? Ведь когда-то власть *была* в руках «головы». Он, «голова», был конечной инстанцией, принимавшей решения в масштабах города.

Некоторые члены Политбюро эту мысль поддержали. Высказал сомнение Молотов. Остальные уклонились от выражения определенного мнения, посматривая друг на друга. Явно ощущалось, что они колеблются.

Сталин не настаивал на принятии решения. Видимо, он считал, что этот вопрос требует дополнительного обдумывания. В последующем — насколько мне известно — попытки обсуждать проблему «городского головы» больше не предпринимались. Видимо, сам Сталин пришел к выводу, что следует оставить положение таким, каким оно сложилось.

Случай этот примечателен тем, что он позволил выявить и прояснить одну характерную особенность этого человека. Сталина, как магнитом, притягивали идеи авторитарной природы, администрирования, бывшие сродни культу личности.

При Сталине в заседаниях участвовали только члены Политбюро. Кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК в помещении, где проходило обсуждение вопросов, как правило, отсутствовали. Сами заседания напоминали беседу. Если посмотреть со стороны, то вроде бы собралось несколько человек и просто ведут друг с другом о чем-то разговор. Не устанавливалось никакой очередности или регламента. Строго соблюдалось лишь одно правило: если выступает кто-то, то, сколько бы он ни говорил, его не перебивали.

Наверно, поэтому все члены Политбюро сами приучили себя излагать свои мысли коротко. Никто длинных речей не произносил. Однако если выявлялась необходимость, то один и тот же человек мог брать слово два-три раза и даже больше. За это Сталин не упрекал.

Наиболее часто, по-моему, выступали Молотов, Маленков,

Булганин, Каганович. Остальные говорили реже. Нерегулярно в заседаниях участвовал Ворошилов и совсем редко Шверник.

Резюме всегда делал Сталин. Он подводил итоги обсуждения и четко высказывал суждение о решении, которое необходимо принять. Оно же считалось окончательным.

Никакого голосования при одобрении обсуждавшегося постановления не проводилось.

Когда в работе над данной книгой воспоминаний я подошел к необходимости высказаться о Сталине, то исходил из следующего.

Во-первых, я был его современником и многократно наблюдал его в разных ситуациях, относящихся главным образом к внешним делам как в годы войны, так и после ее окончания.

Во-вторых, люди справедливо ставят и будут постоянно ставить вопрос:

— Как относиться к Сталину, в котором могли совмещаться и совмещались совершенно противоположные качества?

Личность Сталина вызывает и будет на протяжении десятилетий, а возможно, столетий вызывать разные суждения, в том числе противоречивые. Человек большого масштаба, он, несомненно, явление в истории.

Уже одно то, что Сталин возглавил Коммунистическую партию и Советское государство после смерти Ленина и на протяжении трех десятков лет играл определяющую роль в руководстве великой державы, решавшей грандиозные задачи своего развития, говорит о многом. С именем Сталина на устах жертвовали жизнью воины Красной Армии и партизаны, чтобы отстоять свое Отечество в борьбе против фашистских захватчиков.

Но видеть лишь положительное в Сталине было бы неправильным и глубоко ошибочным. Сталин еще и глубоко противоречивая, трагически противоречивая личность.

Он занимал первый пост в Советском государстве в течение длительного периода. Партия коммунистов, история в основном уже сказали свое слово о нем.

С одной стороны, сильного интеллекта, железной воли революционер, руководитель с непреклонной решимостью добиться победы над опасным и сильным врагом, с умением в годы войны находить взаимопонимание с союзниками, отстаивать достойное для страны место в послевоенном мире.

С другой стороны, человек жестокий, коварный, не считающий количества жертв, принесенных им во имя достижения поставленной цели, творивший чудовищный произвол, который привел к гибели множества советских людей, — таков был результат культа его личности. Страна и

народ, конечно, никогда не смогут простить ему этих беззаконий — массового истребления коммунистов и беспартийных, не имевших за собой никакой вины, бывших патриотами, преданными делу социализма.

У читателя может возникнуть вопрос: всегда ли в период сталинских репрессий небо выглядело безоблачным лично для меня?

Неужели не было случая, когда в бурном потоке клеветнических писем и доносов, исходивших от лгунов и провокаторов, старавшихся выслужиться и за ложь получить повышение по службе, не оказалось ни одного поганого листка, касающегося меня? Да, был такой листок.

После назначения послом в Лондон в 1952 году я стал энергично изучать материалы об Англии. Перечитал много документов, официальных и неофициальных, которые находились в архивах министерства иностранных дел. Внимательно прочел и записки, незадолго до этого присланные из нашего посольства в Лондоне, а среди них письмо поверенного в делах, в котором давалась характеристика экономического положения Великобритании. Характеристика была краткой и касалась в основном фактического положения. Как обычно, в примечаниях к письму указывалось, какие источники использовались при подготовке этого документа. Речь шла об изданных на Британских островах книгах и журналах, из которых были почерпнуты соответствующие цифры.

Я решил выписать названия некоторых книг, чтобы уже на новом месте работы сразу же их приобрести. Перечень названий отдал дипкурьерам, которые ехали вместе со мной в Лондон. По прибытии в посольство воспользовался этим списком и некоторые книги приобрел. Они мне пригодились — там имелись данные и по Англии, и по США, так как тогда я собирал материал для задуманной книги «Экспорт американского капитала». Впоследствии она вышла в Москве и была представлена ученому совету, когда я защищал диссертацию в Московском государственном университете на соискание ученой степени доктора экономических наук.

Несколько месяцев я пробыл на новом посту, а затем получил указание прибыть в Москву для рассмотрения некоторых вопросов. Прибыл. Вопросы, в основном текущего порядка, были обсуждены. Затем Вышинский сказал мне:

— Да, между прочим, на вас из посольства была послана записка о том, что какие-то секретные материалы вы с нашей диппочтой пересылали в Лондон. Материалы были адресованы вам же.

Услышав это, я очень удивился, а министр продолжал:

— Вы, конечно, знаете, в какое ведомство попала записка. Поэтому вам предстоит написать объяснение на имя Сталина.

Пришлось рассказать все, как было. По всему чувствовалось, что и сам Вышинский, мерзкий по натуре, понимал гнусность, проявленную автором записки. Но он мне сказал:

— Объяснение все же предстоит дать. Я коротко заявил:

— Объяснение я дам.

Даже ныне, когда я пишу эти строки, не знаю, рассматривалось ли мое объяснение и какова была на него реакция. Сам я больше этим не интересовался. Главное, что хотелось бы подчеркнуть: тогда вся эта история не вызвала у меня никакого беспокойства. Оценивая ее с позиций всего того, что стало известно о периоде сталинских репрессий в нынешнее время, я сознаю всю опасность описанного факта, поразительного по своей нелепости, но, безусловно, для меня угрожающего. Но тогда опасности я не чувствовал.

Возникает вопрос: почему? Во-первых, я все же верил, что кто-то, если не сам Сталин, то, возможно, близкие к нему люди сразу же увидят, что дело это дутое, в ход пущена клевета. Во-вторых, тогда я был еще и под впечатлением сообщения бывшего американского посла в Москве Болена о том, что Сталин сказал Рузвельту в Тегеране, что он высоко ценит работу Громыко на посту посла в США.

Это сейчас стало широко известно, что Сталин мог с легкостью давать людям успокоительные обещания и даже заверения в уважении, а за ними следовали самые жестокие расправы. Тогда же для большинства людей эти дьявольские способности Сталина не были известны.

Имена его жертв никогда не сотрутся со страниц истории. С большой силой прозвучали слова о Сталине Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, произнесенные на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В них выражены мысли и чувства советских людей.

Гнев советских людей по отношению к Сталину, творившему грубый произвол над ни в чем не повинными людьми, — оправданный гнев. Никто никогда не облекал этого человека правом и властью творить суд над бесчисленными жертвами. Его действия в период культа личности представляют собой такую громаду преступлений, перед которой меркнут тягчайшие злодейства, совершенные в прошлом российскими самодержцами против собственного народа.

Вполне понятно, почему праведный гнев миллионов людей не

ослабевает.

Накопившаяся в обществе боль иногда выходит наружу в таких формах, которые заслоняют подвиг народа, совершенный как во время войны, так и во время мира.

Конечно, особое место в суровой, но великой летописи занимает самая важная ее страница — триумф победы в войне против гитлеровской Германии. Никакие, даже самые беспощадные оценки культа личности Сталина не должны и не могут умалить богатырских усилий и заслуг в этом народа. Они являются органической частью истории страны.

Советские люди отдают себе отчет в том. что все героические дела, совершенные народом как в мирной обстановке, так и в годы войны, это именно его подвиг. Подвиг тех миллионов, кто был беззаветно предан Родине, кто шел на смерть во имя защиты ее независимости, во имя защиты социализма и всего того, что дала революция в 1917 году, всего того, что так убежденно и страстно отстаивал В. И. Ленин.

Великая победа в великой битве

Стоял ясный день. В Москве в это время была уже поздняя ночь, а на тихоокеанском побережье США сияло солнце — между Сан-Франциско и Москвой разница одиннадцать часов. Мы находились на конференции, где разрабатывался Устав ООН. Нарком В. М. Молотов уже отбыл в Москву, главой советской делегации на конференции оставался я. Меня неожиданно пригласили к телефону:

— Мистер Громыко?

— Да, я вас слушаю. Кто говорит?

— Говорит Леопольд Стоковский. Я вас поздравляю: ваша великая страна одержала победу над Германией.

Мы все ждали этого часа, готовились к нему, и все-таки этот день наступил неожиданно. Известный деятель искусства Леопольд Стоковский был первым, кто поздравил меня и сообщил о победе.

И началось. День Победы запомнился мне бесконечным потоком поздравлений. Они нахлынули со всех сторон. Звонили самые разные люди, знакомые и незнакомые, в том числе Юджин Орманди, Чарли Чаплин, дипломаты, государственные деятели, представители различных американских общественных организаций и, конечно, часто бывавшие в советском посольстве эмигранты из нашей страны, у которых не завяла патриотическая душа.

Через некоторое время позвонила Лидия Дмитриевна (она в то время находилась в Вашингтоне) и прерывающимся от волнения голосом сообщила:

— К нам в посольство без конца идут люди, у ворот выстроилась огромная очередь. Все радуются и поздравляют. Тысячи людей ждут, что ты выйдешь и скажешь им речь. Мы объясняем, что посла нет, он в Сан-Франциско, а они все равно стоят, говорят: «Пусть русские выходят, мы их будем поздравлять. Эта победа — наша общая большая радость».

Золотыми буквами в летопись истории человечества навсегда вписана дата — 9 мая 1945 года. В этот день пришла Победа, которую так жаждали все советские люди. Наступил праздник и для всех народов, боровшихся с фашизмом.

Всему миру было известно, что добытая славная победа стоила нам великих жертв, неисчислимых лишений. Но Советские Вооруженные Силы, весь наш народ с честью выполнили свой патриотический и интернациональный долг.

Никто не будет оспаривать, что в деле Победы есть лепта и

советских дипломатов. Сталин на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии отметил:

— Хорошая внешняя политика весит больше, чем две-три армии на фронте.

Советский народ внес решающий вклад в разгром гитлеровской Германии и ее союзников, в освобождение Европы от фашистского рабства, в спасение мировой цивилизации. Он совершил этот подвиг во имя мира и жизни на земле.

Внесли вклад в достижение победы во второй мировой войне народы и армии США, Великобритании, Франции, Китая, других государств антигитлеровской коалиции. Самоотверженно боролись с фашистскими захватчиками бойцы воинских соединений, партизанских армий и отрядов Югославии, Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Албании, движения Сопротивления и участники антифашистского, в том числе немецкого, подполья.

Находившиеся в США советские люди чувствовали в те дни теплоту, с которой их приветствовало подавляющее большинство американцев. Упомяну лишь об одной встрече, состоявшейся 28 мая 1945 года в Американо-русском институте в честь делегатов Советского Союза, Украины и Белоруссии во время Сан-Францисской конференции. На этой встрече присутствовало свыше, полутысячи человек, в том числе многие видные американские деятели.

Все выступавшие отмечали необходимость сохранить и упрочить дружественные советско-американские отношения в интересах будущего мира. В своем выступлении от имени трех наших делегаций я также особо подчеркнул то огромное значение, которое имеет для послевоенного мира сотрудничество между двумя великими державами — Советским Союзом и США.

Празднование Победы не привелось увидеть президенту США Рузвельту, который много сделал для ее достижения. Судьба распорядилась по-своему…

У меня осталось твердое мнение, что Рузвельт относился с большим уважением к Советскому Союзу и лично к Сталину. Известно, что секретная служба США в лице Аллена Даллеса вела переговоры в Швейцарии с некоторыми руководителями гитлеровского рейха, интересы которых представлял германский генерал Вольф.

Узнав об этих переговорах, Сталин направил американскому президенту послание с выражением своего возмущения действиями американских спецслужб.

12 апреля 1945 года Рузвельт подписал послание в адрес Сталина. В нем говорилось о твердом намерении укреплять

сотрудничество США с Советским Союзом. Это было последнее письмо, написанное Рузвельтом в адрес Сталина, и вообще последний документ, подписанный этим президентом. В тот же день, к вечеру, Франклин Рузвельт скончался.

Брешь в политической жизни США образовалась зияющая. Международные последствия ее оказались огромными. К власти в США пришел Трумэн, бывший вице-президент. Как политик он до этого светил вроде Луны — отраженным светом. В советско-американских отношениях почти сразу же стали проявляться серьезные натянутости.

Добрые отношения Рузвельта к Советскому Союзу чувствовались во многих его поступках. В частности, знаменательно, что американский президент пригласил народного комиссара иностранных дел поприсутствовать на конференции в Сан-Франциско весной 1945 года. Молотов принял это приглашение и прилетел в США. Путь его лежал через Вашингтон.

Но Рузвельта уже не было в живых. И тогда Трумэн, занявший пост президента, провел встречу с советским гостем. Как посол, я сопровождал Молотова в Белый дом на беседу.

Мне приходилось и до этого встречаться с Трумэном. Как-то раз вице-президент Трумэн (это было еще месяца за два до кончины Рузвельта) пригласил меня на просмотр хроникального фильма. На экране показывали киносюжеты о сражениях американцев на Тихом океане. А потом стали демонстрировать советскую кинохронику о боях на советско-германском фронте. В небольшом зале кроме нас с вице-президентом находились еще только его помощники. Трумэн сидел рядом со мной. Глядя на экран, он почти выкрикивал:

— Это поразительно! Я потрясен! Какой героизм людей! Какая мощь армии!

Кадры, которые шли на экране, я не видел. Наше посольство еще не получило той хроники. Американцы достали ее по каким-то своим каналам. Мне хотелось слушать голос диктора, который сопровождал киноленту. Но мой сосед говорил, говорил без умолку.

После просмотра Трумэн продолжал с восхищением отзываться о Красной Армии, ее героизме, о вкладе Советского Союза в общую победу над фашизмом. Высказывания его отражали только превосходную степень восхищения. А ведь передо мной находился тот самый Гарри Трумэн, который в самом начале войны, когда гитлеровская Германия только напала на Советский Союз, сделал заявление, прогремевшее на всю страну и ставшее известным за ее пределами. Звучало оно так:

— Если мы увидим, что Германия выигрывает войну, нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, нам следует помогать Германии, и пусть они убивают как можно больше.

В День Победы по американскому телевидению выступил президент Трумэн. Он тоже говорил о победе, но как-то сухо, казенно. Народ ликовал, вся Америка торжествовала, а на каменном лице нового американского президента лежала печать сдержанности. Ничего удивительного не было в том, что впоследствии он вместе с Черчиллем стал делать все, чтобы разрушить те связи и добрые союзнические отношения, которые установились между СССР и США в годы войны.

И вот Молотов и я вошли в Белый дом.

Мы не виделись с Трумэном всего лишь несколько недель, но я с трудом узнавал в этом человеке того, который еще так недавно источал любезность и обходительность. Теперь в разговоре с советским наркомом Трумэн вел себя жестко, сухость сквозила в каждом жесте. Что бы ему ни предлагалось, о чем бы разговор ни заходил, новый президент все отвергал. Казалось, временами он даже не слушал собеседника.

Речь шла тогда о предстоящей первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на которой Советский Союз готов был выступить по некоторым вопросам и совместно с Соединенными Штатами. Молотову поручалось обговорить это с Трумэном. Но такого разговора не получилось.

Анализируя эту встречу, можно прийти к выводу, что в данном случае Трумэн вел себя так потому, что тогда он только что стал президентом, ему как лицу, облеченному высшей государственной властью, было доложено о том, что Америка вот-вот станет единоличным в мире обладателем нового грозного оружия страшной разрушительной силы — атомной бомбы. Трумэну явно казалось, что, получив в руки такое оружие, Америка сможет диктовать свою волю Советскому Союзу.

Беседа эта оставила неприятный осадок. Ни о чем договориться с Трумэном было нельзя, ни на какие компромиссы он практически не шел, даже по небольшим вопросам.

Трумэн подчеркнуто пытался обострить встречу. По всему ощущалось, что он не вполне доволен решениями Ялты в отношении ООН и некоторых принципов деятельности этой организации. Президент проявлял какую-то петушиную драчливость, придираясь чуть ли не к каждому высказыванию с советской стороны о значении будущей всемирной организации и о задаче не допустить новой агрессии со стороны Германии. Чувствовалось, что Трумэн пружину уже натянул.

Более того, совершенно неожиданно — нам казалось, что это случилось в середине беседы, — он вдруг почти поднялся и сделал знак, означавший, что разговор закончен. Мы удалились. В результате встреча в Белом доме фактически оказалась свернутой. Молотов был ею недоволен. Такие же чувства испытывал и я.

Раньше, до окончания войны, до кончины Рузвельта, Трумэн хотел создать о себе хорошее впечатление в Москве. Но уже на беседе с Молотовым его как будто подменили. Новый президент обладал солидной способностью к политическим метаморфозам, которые вскоре проявились открыто.

Сталин, естественно, был информирован об этой встрече. При мне он никогда не касался указанного эпизода. Но я убежден в том, что Сталин обратил серьезное внимание на преемника Рузвельта, который не умел, да и не желал скрывать своей неприязни к державе социализма, понесшей самые большие жертвы для достижения победы над общим врагом.

На ближней даче Сталина

Сейчас иногда пишут о так называемой ближней даче Сталина. Мне она знакома, так как два раза приходилось ее посещать. Я был тогда послом в США и получал указания прибыть на дачу с важными бумагами. Случалось это, когда я приезжал из США в Москву, в первый раз — перед Крымской конференцией, а затем — перед Потсдамской.

Обычно я получал извещение о том, что должен быть на даче, следующим образом. Мне говорили:

— Вы должны срочно прибыть к Сталину.

И не указывали, куда и к какому часу.

За мной присылали машину из Кремля. Конечно, я немедленно выезжал, стараясь угадать по дороге, о чем может идти речь и на какие вопросы придется отвечать. На обдумывание давалось немного времени. От наркомата до дачи езды на машине было минут десять-пятнадцать, — вот и думай, что хочешь!

Прибыл в дом, окруженный леском. Дом как дом, одноэтажный.

Прошел одну-две комнаты и вошел в просторную столовую. Назвал ее столовой потому, что посередине стоял большой стол, рассчитанный, по-моему, персон на двадцать. За столом сидели члены Политбюро. Конечно, я не считал, сколько их было, но, мне показалось, человек десять. Многие стулья пустовали.

Сам Сталин при мне за столом не сидел. Он постоянно прохаживался вдоль стола и негромко говорил.

Сталин поздоровался со мной. Мой приход не нарушил установленного ритма заседания. Меня пригласили присесть к столу. Иногда Сталин прерывал свое высказывание и, приостановившись, глядя на сидящих, как бы выжидал, чтобы кто-то прокомментировал его слова.

На столе лежали какие-то папки и блокноты, чувствовалась в целом деловая атмосфера. Правда, среди бумаг стояло несколько бутылок сухого вина. Но никто из присутствовавших при мне не прикасался к спиртному.

Сталин, продолжая похаживать, обратился ко мне и спросил:

— Как думает Громыко, Рузвельт не преподнесет нам какую-нибудь неожиданность в связи с Крымской конференцией? Не предложит ли он перенести ее на более поздний срок?

Он стал ожидать моего ответа. Я ответил:

— Никаких подобного рода сигналов до посольства не доходило. И, видимо, такие мысли у Рузвельта не возникали.

Правда, распространяются слухи, что президент серьезно болен и в связи с его физическим состоянием дальние поездки ему не по силам. Но убедительной информации, которая свидетельствовала бы о возможности переноса конференции или ее откладывании, не было.

При этом я добавил:

— Рузвельт вообще человек нездоровый. Тяжелый недуг его известен. Но он по-прежнему работает с напряжением. Не так давно встречался с ним и я, и не раз. Никаких намеков, ни прямых, ни косвенных, на возможность переноса конференции ни он, ни кто-либо из его окружения не делали.

Последующие выступления участников заседания были выдержаны в том же деловом ключе. Никто не подчеркивал опасности переноса сроков конференции. Намеченный план действий на предстоящей конференции руководителей трех держав в Крыму был единодушно одобрен. Хотя какой-либо документ не фигурировал.

Я обратил внимание на то, что кратко по существу предстоящей конференции трех держав высказался только Сталин. Он изложил ту же позицию, что продемонстрировал впоследствии на самой конференции. Он был единодушно поддержан.

В следующий раз я оказался на той же ближней даче во время аналогичной встречи накануне Потсдамской конференции. Прямых вопросов мне никто не задавал. Некоторые члены Политбюро подчеркивали важность предстоящей конференции, употребляя иногда такие слова, как «решающий характер документов», которые должны быть приняты по германскому вопросу. Проявив инициативу, я высказался так:

— Конечно. Трумэн — не Рузвельт. Это хорошо известно. Вячеслав Михайлович Молотов встречался с ним непосредственно в Белом доме. Полагаю, что по некоторым вопросам президент займет жесткую позицию. Например, по вопросу о репарациях в пользу Советского Союза, о Польше, о демилитаризации Германии. К этому, конечно, надо быть готовым.

Никто — ни Молотов, ни другие участники встречи — не высказывали никаких иных мнений но этим вопросам. Молотов говорил, но в том же ключе. Предполагалось, что Трумэн постарается проявить твердость в предстоящих обсуждениях. Тем более что согласованного заранее между союзниками плана в связи с необходимостью решать важнейшие, поистине исторические, проблемы Германии и Европы не было.

Обстановка за столом и в тот, второй раз была в основе такой же, как и за пять месяцев до этого перед Ялтинской

конференцией. Хотя, казалось бы, она должна была дышать большей уверенностью, поскольку Крымская конференция уже позади, некоторые важные решения уже были приняты.

Чем объясняется то, что Политбюро проводило фактически заседания на даче у Сталина, а не в Кремле?

Не претендую на то, что могу дать точный ответ на такой вопрос. Но считаю, что это не было связано с состоянием его здоровья. Почему? Да хотя бы потому, что при мне Сталин все время ходил по комнате своей неторопливой походкой. И так продолжалось по крайней мере часа два. Для больного, видимо, ходить столь долго и почти непрерывно говорить было бы затруднительно.

Никогда я не слышал от кого-либо из присутствовавших на подобных встречах, что Сталин не мог свободно двигаться или его физическое состояние оставляло желать лучшего.

Короче говоря, если бы он болел, то на этих заседаниях вряд ли обсуждались бы, и притом основательно, принципиальные вопросы политики, которые требовали неотложного внимания и решения.

Следует учесть и то, что поездка на машине от Кремля на ближнюю дачу занимала не более пятнадцати минут. Так что все участники встреч не теряли много времени на дорогу.

Эти мысли, возможно, представляют интерес в связи с появившимися высказываниями о том, будто бы Сталин в течение многих лет настолько тяжело болел, что не мог серьезно заниматься делами страны. Если бы все обстояло так, то разве Маленков, к которому обычно обращались по вопросам срочного характера при отсутствии Сталина в Кремле, отсылал бы каждый раз того, кто обращался в ЦК, лично к Сталину? Случалось так не раз и со мной. К Сталину обращался много раз и я.

Вовсе не хочу сказать, что Сталин неизменно чувствовал себя великолепно. Это просто мне не было известно. Вероятно, недуг постепенно подкрадывался к нему. Определенно могу говорить лишь о своих наблюдениях. У меня, конечно, не может быть доводов против утверждений тех, кто может привести факты, расходящиеся с тем, о чем пишу я. Именно факты, а не домыслы.

Сказанное лишь подтверждает тяжесть преступлений, совершенных против миллионов невинных советских людей. Ведь весь механизм репрессий, обрушившихся на их головы, направлял Сталин. Здоровья у него для этого хватало. Ведь направлять все это невозможно, находясь в кровати.

Наверно, ни в нашей стране, ни тем более за рубежом, ни даже среди родственников Сталина нельзя найти никого, кто взялся бы перечислить множество граней, составлявших его

облик и характер как человека.

Одной из таких граней являлась его удивительная способность прибегать к иронии и сарказму.

Он выпускал свои словесные стрелы главным образом тогда, когда нужно было нанести удар по политическим противникам или по людям, которые хотя и не заслуживали того, чтобы их относить к противникам, но вполне могли быть причислены к тем, кому следовало бы, с его точки зрения, указать на упущения, ошибки, пороки.

Между прочим, я замечал, и не раз, что когда другие, в том числе руководящие деятели партии и государства, прибегали к похожим приемам, то ему это нравилось, если это не было направлено так или иначе против него. Он ценил тех людей, которые умели острить.

Мог терпеливо выслушать такого человека и только затем высказывал свое мнение. Ему не нравилось, когда он давал какое-то поручение тому или иному сотруднику из своего окружения, тот сразу говорил «Есть!», поворачивался и убегал, а затем вдруг начинал обдумывать, что означает сказанное.

Вот пример. Дал он как-то во время пребывания в отпуске на юге нашей страны поручение сотруднику из охраны:

— Немедленно соедините меня с расом * Касой. Тот сказал:

— Есть!

Стремительно повернулся и ушел выполнять поручение.

А рас Каса — это один из вождей в Эфиопии, который проявил исключительное упорство и способности в боях против итальянских интервентов в 1935–1936 годах. Тогда его имя не сходило со страниц советских газет, и, конечно, отношение к нему было сочувственным. Его считали героем.

Сотрудник поднял переполох в окружении Сталина и, разумеется, выполнить поручение не мог просто потому, что само задание было из области фантастики. Никакой связи с находившимся где-то в горной местности Эфиопии расом Касой и быть не могло. В полном смятении молодой человек через какое-то время вернулся и, переминаясь с ноги на ногу, доложил:

— Товарищ Сталин, никак невозможно связаться с расом[8] Касой, так как он находится где-то в эфиопских горах.

Сталин от души рассмеялся и сказал:

— Эх, вы. А еще в охране работаете. Или другой, уже трагический, случай.

Некоторое время спустя после смерти Сталина я был в кабинете у Молотова. Он рассказал о последних минутах Сталина.

— Члены Политбюро навещали Сталина, получив сообщение

о том, что он плох, — начал Молотов. — Он и в самом деле был в очень тяжелом состоянии. В один из дней болезни мы стояли у постели: Маленков, Молотов, Хрущев и другие члены Политбюро.

— Сталин часто впадал в забытье, — говорил рассказчик, — а когда приходил в себя, сказать что-то практически уже не мог.

— В один из моментов, — продолжал Молотов, — когда мы находились рядом с ним, Сталин неожиданно пришел в себя, приоткрыл глаза, увидел знакомые лица. А потом медленно показал пальцем на стену. Все подняли головы. На стене висела фотография с незатейливым сюжетом: маленькая девочка из бутылки через рожок поила молоком ягненка. Так же медленно, как он показывал на стену, Сталин перевел палец теперь уже на себя.

Рассказчик заключил свое повествование так:

— Этот последний жест, после которого его глаза закрылись, чтобы уже не открыться, присутствовавшие расценили как своеобразный сталинский юмор: умирающий сравнивал себя с беспомощным ягненком.

Чем не уникальный сплав трагического и юмористического. Он тоже передает определенную черту характера Сталина.

Почти в тех же словах о последних минутах Сталина рассказывал и Н. С. Хрущев. Этот рассказ я слышал от него дважды.

Наконец, Потсдам

Сразу же, как только фашистская Германия была повержена, встал в практическую плоскость вопрос о подведении итогов войны и созыве с этой целью новой конференции руководителей трех союзных держав. Разумеется, все три столицы после Ялты готовились к такой конференции. Она состоялась на еще дымившихся руинах преступного «третьего рейха». Этот форум — как советский посол в США, я стал членом нашей делегации — явился, может быть, особо важным событием и в моей политической жизни.

Участию СССР в Потсдамской конференции предшествовала напряженная подготовительная работа. Основное направление этой работы — мне довелось, находясь в Москве, внести в нее свой непосредственный вклад — определялось советским руководством во главе со Сталиным, уделявшим исключительное внимание проблемам, которые предстояло обсудить в Потсдаме. Советская делегация подготовилась хорошо и направилась на конференцию с намерением искать соглашения.

Все это стало возможным прежде всего потому, что советский солдат совершил бессмертный подвиг и Красная Армия стояла в бывшей цитадели фашизма — Берлине. Народы освобожденных стран выражали свои симпатии к армии страны-освободительницы. Конференция собралась в условиях вызванного победой подъема прогрессивных настроений в Европе и мире.

США представлял Трумэн. Для Сталина он был деятелем малоизвестным, а в персональном плане совсем неизвестным. Черчилль, разумеется, больше знал политическое лицо Трумэна. И в первые дни работы конференции, пока Черчилль участвовал в ней, каждый присутствовавший замечал, что они понимали друг друга с полуслова.

Черчилля на посту премьер-министра и главы английской делегации в Потсдаме сменил Эттли. Новое лейбористское руководство Англии полностью восприняло ту линию, которая проводилась до этого на конференции Черчиллем, консерваторами. Трумэн легко находил общий язык и с Эттли.

Стоит напомнить о некоторых аспектах обстановки на самой конференции. Хотя кое-кто из зарубежных участников уже писал об этом, но неточностей в описаниях хоть отбавляй.

Поскольку Потсдам находился в советской зоне оккупации, заботы по поддержанию порядка, обеспечению безопасности глав делегаций, а также других участников конференции лежали на

советской стороне. И все это, согласно общему мнению, организовано было по высшему классу.

Советская делегация располагалась в Бабельсберге — небольшом городке, находившемся в нескольких минутах езды от Потсдама, бывшей резиденции германских королей. Сами же заседания конференции проходили во дворце Цецилиенхоф.

Помню, когда основной состав советской делегации прибыл в этот дворец, Сталин так прокомментировал увиденное:

— Да, — сказал он, осматриваясь по сторонам, глядя на лестницы и коридоры, — в общем-то не особенно презентабельно. Дворец скромный. У русских царей дело было поставлено солиднее. Дворцы так дворцы! Лестницы так уж лестницы!

Все мы с пониманием отнеслись к его словам, так как они точно характеризовали действительность.

На всем пути от Бабельсберга до Цецилиенхофа машина Сталина, да и другие проезжали между двумя шпалерами охраны — солдат, расставленных через каждые пять-шесть метров. Кроме того, по обе стороны от этой линии охраны находился на удалении примерно пятидесяти метров еще один ряд охраны, менее плотный: солдаты стояли уже на большем расстоянии друг от друга.

Часто Сталин приглашал в свою машину Молотова. Звал и меня; видимо, потому, что у него перед отъездом на заседания возникали, как правило, какие-то вопросы к советскому послу в США. Эти вопросы касались позиции Трумэна, настроений американских политических кругов и прочего.

Вначале я даже чувствовал известную неловкость, особенно когда Сталин садился в своей автомашине на откидное сиденье, а мы с Молотовым — на главные места. Но потом я понял, что Сталину просто нравилось это место, поскольку оно находилось в середине машины и его здесь меньше трясло. А он тряски не любил.

По ходу движения машин на всех перекрестках, площадях и площадках стояли советские девушки-регулировщицы с флажками; одели их безукоризненно аккуратно, в новую, прекрасного покроя военную форму. Их манипуляции флажками, все их движения представлялись столь грациозными, что каждая из них казалась чуть ли не балериной. Нам передавали, что ими одинаково, а то, пожалуй, и еще больше восхищались американские и английские участники конференции.

На развалинах логова

За день до начала работы Потсдамской конференции Гусев и я решили проехать по Берлину. Нам посоветовали это сделать наши военные. Совет совпадал и с нашим собственным желанием.

Уже не с самолета, а с земли мы наблюдали руины столицы гитлеровского рейха, причем неразрушенных или даже полуразрушенных домов видели мало. Уцелели в основном небольшие домики на окраинах. Помню, лишь с большим трудом «джип», в котором мы ехали, мог продвигаться по улице Унтер-ден-Линден. Всю ее завалило обломками стен. Кирпич, всюду кирпич, горы битого кирпича…

Сопровождавшие нас офицеры порекомендовали осмотреть прежде всего бывшую канцелярию фюрера. Мы добрались до нее не без затруднений. Рухнувшие здания, бесформенные груды металла и железобетона загромождали дорогу. Весь этот хлам кому-то еще предстояло расчищать. К самому входу в канцелярию машина подъехать не смогла. До него пришлось добираться пешком, что мы и сделали.

На каждом шагу стояли советские патрули, предупредительно передававшие нас по эстафете от одного к другому, вплоть до парадного входа, который выглядел, конечно, далеко не по-парадному, так как канцелярия в ходе боев оказалась почти полностью разрушенной. Но от нее остались стены, правда изрешеченные бесчисленными осколками, зиявшие большими пробоинами от снарядов. Потолки уцелели только местами. Окна чернели пустотами.

Вообще, первое впечатление от здания канцелярии сложилось несколько странное. Вероятно, замысел тех, кто определял его архитектуру, сводился прежде всего к тому, чтобы у любого человека, который к этому зданию приближался, появлялось чувство благоговения и страха, ощущение какой-то демонической суровости.

Вид канцелярии никак не мог вызывать положительных эмоций. Она выглядела мрачно и до разрушения, о чем нам говорили многие немцы. Если мысленно во много раз ужать эту гитлеровскую цитадель с сохранением ее пропорций и архитектуры, то она в чем-то походила бы на некую древнюю гробницу.

Мы прошли по залам канцелярии, которые использовались Гитлером и высшим эшелоном его правящей камарильи для сборищ и церемоний. Главный зал в силу каких-то обстоятельств был поврежден несколько меньше. Пострадали сильнее всего

потолок и пол. Двери, окна и люстры несли на себе следы боя, и большинство из них было разбито. То же можно сказать и о других залах.

Нас провели в нижнюю часть канцелярии, в подземелье, которое имело несколько этажей в глубь земли. На одном из них находилась автомномная электростанция.

Сопровождавший нас офицер сказал, показывая развалины электростанции:

— В случае нужды она обеспечивала электричеством всю канцелярию. Весь Берлин мог лежать во тьме, но здесь свет горел.

Нижние этажи канцелярии представляли собой хаос, видимо, гарнизон цитадели сопротивлялся с остервенением, и здесь взорвалось немалое количество снарядов, бомб и гранат. Кругом лежали груды балок или перекрытий — и металлических и деревянных, — огромные куски железобетона.

По обе стороны узкого коридора располагались какие-то отсеки, все искореженные взрывами. Сам коридор был довольно длинным, видимо равным по длине всей рейхсканцелярии. Передвигаться по нему приходилось по специально проложенным дощатым переходам с большим трудом, чтобы не упасть в воду. Она стояла довольно высоко, видимо, из-за разрыва труб водопровода.

Все это производило мрачное, тягостное впечатление. Если бы существовали фотоснимки этого подземного хаоса гитлеровской цитадели, то они стали бы подходящей иллюстрацией к Дантову аду; только надо было подобрать, к какому его кругу.

Как приятно стало на душе, когда мы вышли из этого здания, которое еще недавно было логовом главного фашистского преступника, и вдохнули полной грудью свежий воздух. Внешне оно напоминало каземат.

Затем мы осмотрели другой объект — бункер Гитлера. Если бы требовалось воздвигнуть памятник — символ проклятия всему тому преступному и человеконенавистническому, что связано с гитлеризмом, то разрушенный бункер вполне подошел бы для этого.

Перед нами предстал будто высеченный из скалы монолит цилиндрической формы высотой около десяти метров и диаметром приблизительно метров пять-шесть. Вход вел в подземелье, почти залитое водой. Переходы из одной части бункера в другую завалили бесформенные глыбы железобетона. Чувствовалось, что наши воины хорошо поработали, чтобы разрушить последнее убежище бесноватого фюрера. Землю вокруг бункера основательно разворотили мощные взрывы на большую

глубину.

Картины разрушенной рейхсканцелярии и бункера как бы олицетворяли собой крах фашистской Германии и ее преступного режима, производили неизгладимое впечатление на посетителей.

Конечно же, некоторые представители США и Англии также осматривали руины имперской канцелярии и бункера. Однако обращало на себя внимание то, что посещали эти объекты они неохотно. Во всяком случае, мы никого из них там не видели.

Нас провели также на тот участок, который назывался местом дома Геббельса, так как из-за разрушений от этого дома почти ничего не осталось. Советские офицеры рассказывали, что когда в подземелье имперской канцелярии обнаружили трупы шестерых детей Геббельса, то их вынесли на улицу. Вскоре недалеко от бункера нашли трупы самого Геббельса и его жены. Всех мертвых положили в один ряд и прикрыли. Осматривать и опознавать их допустили ограниченный круг лиц. Запечатлели эту процедуру и на фотографиях; они известны.

Трудно передать тягостное, просто жуткое впечатление от того, что здесь произошло.

Фашистский радиоболтун кончает с собой и перед смертью дает указание уничтожить жену и детей.

После этого, обращаясь к детям, мать-убийца говорит:

— Не бойтесь, сейчас вам доктор сделает прививку, которую получают все дети и солдаты.

Врачи-нацисты по приказу Магды Геббельс проводят детям инъекцию морфия, они впадают в полусонное состояние, и фрау Геббельс сама вкладывает каждому малолетнему в рот по ампуле цианистого калия, предварительно ее раздавив. А затем кончает жизнь самоубийством и она.

В истории немного преступлений, которые по глубине маразма и жестокости можно сравнить с тем, которое совершила чета этих патентованных убийц. Их можно сравнить разве что со скорпионом, который, попадая в безвыходное положение, сам себя жалит и убивает.

Не хватало теплоты

Со свежими впечатлениями о Берлине я очутился за столом конференции, работа которой проходила все время в энергичном темпе. На заседаниях поочередно председательствовали главы трех держав. О конференции и ее решениях опубликовано много материалов — и официальных и неофициальных.

Нелишне сказать коротко об общей атмосфере, которая царила непосредственно на конференции и которую я наблюдал. Казалось бы, встреча руководителей союзных держав, после того как противник сложил оружие, объявив о безоговорочной капитуляции, должна быть триумфальной. Не по соображениям протокола и этикета, а дружескими рукопожатиями, лишенными внешней наигранности, эти руководители должны были бы закрепить партнерство в войне, победе и дать торжественный обет друг другу сделать все для того, чтобы фашизм никогда больше не поднял голову. Нечто подобное спонтанно имело место при встречах советских и американских воинов на Эльбе, когда они обнимались, обуреваемые одними думами и одними чувствами.

В Потсдаме нормы протокола соблюдались. И с внешней стороны все выглядело как будто в порядке. Главы приветствовали один другого, выражали удовлетворение, что встретились. Но на заседаниях «за круглым столом» не хватало теплоты, которой требовала обстановка исторического момента, теплоты, которой ожидали и воины союзных армий, и народы всей земли, теплоты, на которую рассчитывала и память о погибших в той войне. Ведь фашизм стремился к тому, чтобы поверженный мир, распластавшись, лежал у его ног. Но получилось наоборот: люди раздавили фашистского зверя. Распластался он. Победители встретились, однако…

Уже в начале работы конференции за внешней чинностью проглядывала на каждом шагу настороженность и политическая сухость со стороны президента США и премьер-министра Англии. И чем дальше, тем больше это становилось очевидным. Почти по всем главным обсуждавшимся проблемам обнаружилась разница в позициях союзников: по вопросу о будущем Германии, о том, как поступить с ней теперь, после разгрома, по вопросу о репарациях, который в Крыму не был решен, по вопросу о практических шагах по демилитаризации и демократизации Германии, по польскому вопросу и о том, как распорядиться немецким оружием.

В своей большей части разговор носил весьма натянутый характер, хотя никто не стучал кулаком по столу. С самого начала

конференции для всех участников стало ясно, что к договоренностям лежит тернистый путь, а по некоторым вопросам, возможно, их просто не будет.

На протяжении потсдамской конференции Сталин, советская делегация, отстаивая принципиальные позиции, стремились одновременно внести в атмосферу работы этой встречи струю уверенности, проявляли уважительное отношение к западным партнерам по переговорам. Это, конечно, амортизировало в какой-то степени тот настрой, который создавали делегации США и Англии.

Все мы, советские представители, вглядывались в Трумэна. Ведь с ним, после того как он стал президентом, не приходилось еще на высшем уровне обсуждать принципиальные вопросы, хотя обмен посланиями между Трумэном и Сталиным уже имел место. Мы старались понять, чем он дышит, каковы цели Вашингтона в делах Европы, особенно касающихся Германии, и в международной политике в целом.

Наше общее мнение состояло в том, что Трумэн прибыл в Потсдам, поставив перед собой задачу — поменьше идти навстречу СССР и побольше оставлять возможностей для того, чтобы пристегнуть Германию к экономике Запада. Через эту призму он, судя по всему, оценивал и значение возможных договоренностей в Потсдаме.

Само собой понятно, что Черчилль был его надежным и уже испытанным союзником в этом отношении. Трумэн в некоторых вопросах «подправлял» Рузвельта, который, по его мнению, в Крыму проявил в отношении предложения Сталина о репарациях с Германии чересчур большое понимание советской позиции. Поправки эти свелись к тому, что вопрос о репарациях с западных зон оккупации Германии, то есть самых индустриальных, так и оказался нерешенным.

Бросалось в глаза и то, что даже в дискуссию по вопросам, которые не являлись столь уж принципиальными, Трумэн нарочито стремился вносить элементы остроты. Чувствовалось, что он настроился на определенную волну еще до приезда в Берлин.

Надо сказать, что еще задолго до конференции в США всячески форсировалась работа по завершению создания атомной бомбы. Американские правящие круги уже тогда строили планы использования этого чудовищного средства массового уничтожения как политического оружия для осуществления своих замыслов на международной арене. Имелось в виду, в частности, прибегнуть к этому и на Потсдамской конференции.

Не случайно американский президент старался — поскольку

намеченные сроки создания бомбы не выдерживались — всячески оттянуть проведение встречи в верхах в Потсдаме. По предложению Трумэна ее начало перенесли в связи с этим с июня на июль. Даже многие деятели, близкие к президенту США, не могли объяснить маневров тогдашнего Вашингтона. Тем более об их истинных целях не было известно в других странах антигитлеровской коалиции, за исключением, возможно, Великобритании.

«Козырь» в виде атомной бомбы

Когда впоследствии многие факты, связанные с созданием атомной бомбы в США, лишились покрова окружавшей их тайны, стало понятным поведение Трумэна и Черчилля как до Потсдамской конференции, так и во время ее работы. Военный министр США Стимсон в своих воспоминаниях говорит о том, что Вашингтон считал необходимым затянуть решение послевоенных европейских и других проблем до того дня, как США получат в свои руки решающий «козырь» в виде ядерного оружия.

Ставка американского руководства на использование в международных делах этого фактора — несомненно, фактора шантажа — повышалась по мере приближения сроков испытания бомбы. Трумэн с нетерпением ожидал результатов испытания и, получив сообщение о том, что оно состоялось — произошло это 16 июля 1945 года, за день до открытия Потсдамской конференции, — счел необходимым проявить жесткость по обсуждавшимся в Берлине проблемам.

Особенно это стало заметным в вопросах, касавшихся Восточной Европы. В повышенном тоне американский президент бездоказательно заявил:

— Советская сторона не выполняет соответствующих обязательств, по поводу которых три державы договорились в Крыму.

Делегация СССР решительно отклонила это утверждение, а также домогательства Вашингтона, которые являлись отражением его пронизанного экспансионистскими амбициями подхода к Восточной Европе и другим районам мира.

Получив в Потсдаме отпор со стороны Советского Союза, США вынуждены были признать, что из их «твердой» позиции ничего не вышло. Характерно, что американская и английская делегации разработали специальный сценарий того, как поставить в известность Сталина о том, что у американцев имеется атомная бомба. Осуществлялся этот сценарий следующим образом.

Я очень хорошо помню этот момент. Случилось это на восьмой день Потсдамской конференции, 24 июля. Сразу же после окончания пленарного заседания Трумэн встал со своего места и подошел к Сталину. Тот тоже встал со своего места, собираясь выходить из зала. Рядом с ним был переводчик нашей делегации Павлов. Вблизи стоял и я.

Трумэн обратился к Павлову:

— Переведите, пожалуйста.

Сталин остановился и повернулся к Трумэну. Я заметил, что в нескольких шагах от Трумэна приостановился и Черчилль.

— Я хотел бы сделать конфиденциальное сообщение, — сказал Трумэн. — Соединенные Штаты создали новое оружие большой разрушительной силы, которое мы намерены применить против Японии.

Сталин выслушал перевод, понял, о каком оружии идет речь, и сказал:

— Благодарю за информацию.

Трумэн постоял, вероятно, ожидая еще какой-нибудь ответной реакции, но ее не последовало. Сталин спокойно вышел из зала. А на лице Трумэна было написано как бы недоумение. Он повернулся и тоже пошел, но в другую от Сталина сторону, в те двери, за которыми находились рабочие помещения американской делегации.

Хочу обратить внимание на то, что это произошло тогда, когда США уже изготовили бомбу и собирались предать ядерной смерти японские города — Хиросиму и Нагасаки.

Американский президент, как стало известно позже, был немало разочарован такой реакцией советского руководителя.

Черчилль с волнением ожидал окончания разговора Трумэна со Сталиным. И когда он завершился, английский премьер поспешил спросить президента США:

— Ну как? Тот ответил:

— Сталин не задал мне ни одного уточняющего вопроса и ограничился лишь тем, что поблагодарил за информацию.

Вспоминая об этом разговоре, Трумэн будет потом уверять, что из сказанных им в самой общей форме нескольких фраз о новом оружии Сталин будто бы вряд ли мог сделать надлежащие выводы. В действительности же Сталин незамедлительно из Потсдама дал советскому ученому-физику И. В. Курчатову указание ускорить дело с созданием атомной бомбы, которое стало мощным импульсом для всего комплекса соответствующих работ в нашей стране. Это, конечно, явилось единственно правильным решением в условиях, когда США стали обладателями ядерного оружия. Советский Союз вынудили пойти на такой ответный шаг.

С появлением на свет ядерного оружия кардинально изменилась военно-стратегическая ситуация в мире. Крупнейшие открытия прошлого не оказывали такого воздействия на всю международную жизнь, как повлияло на нее создание атомной бомбы.

Соединенные Штаты были первой страной, в арсенале которой оказалось ядерное оружие. Они же первыми его и

применили.

Именно США положили начало гонке ядерных вооружений, которая ныне создает угрозу всему человечеству.

Преодолев на Потсдамской конференции многие трудности, вызванные позицией США и Англии, наша страна все же добилась принятия на ней важных согласованных решений. Принципиальными были решения конференции по вопросу о демократизации, демилитаризации и денацификации Германии. Однако в политике западных держав вскоре выявилось нежелание их выполнять.

Пойдя на создание Бизонии и Тризонии, а потом и отдельного сепаратного западногерманского государства, Вашингтон, Лондон, а вслед за ними и Париж продемонстрировали, что они отказались от создания единой, подлинно демократической, демилитаризованной Германии. Дальнейшие советские предложения в этом направлении неизменно отклонялись. В результате появились, пройдя через ряд промежуточных ступеней, два независимых немецких государства — ГДР и ФРГ.

Вчетвером у Сталина

Запомнилась мне одна встреча в дни Потсдамской конференции в Бабельсберге. Можно сказать, врезалась в память. В ходе ее велась беседа членов советской делегации между собой, без участия каких-либо иностранных представителей. Состоялась она в резиденции Сталина. Ее участниками кроме него самого были Молотов, посол СССР в Англии Ф. Т. Гусев и я, как посол СССР в США.

Сначала мы с Гусевым ожидали, что к нам присоединится кто-нибудь еще. Однако назначенное время встречи подошло, но больше никто не появился. Для нас, послов, стало ясно, что предстоит разговор на тему о советско-американских и советско-английских отношениях, разумеется, в контексте Потсдамской встречи.

Наше предположение оказалось и правильным и неправильным. Правильным в том смысле, что затронуты были и советско-американские и советско-английские отношения. А неправильным потому, что проблемы, по которым Сталин желал обменяться мнениями, не укладывались в отношения Советского Союза только с этими двумя державами, представленными в Потсдаме Трумэном и Эттли. Черчилль к тому дню после выборов остался уже в Лондоне.

Конечно, оба посла, с одной стороны, понимали, что разговор предстоит серьезный. С другой стороны, мы испытывали немалое напряжение, так как знали, что каждое слово, произнесенное и мной, и Федором Тарасовичем, будет взвешиваться со всей строгостью. Возможно, оно будет и своеобразным испытанием. Хотя мы оба уже не раз встречались не только с Молотовым, но и со Сталиным, но эта встреча являлась особой. Она происходила в ходе конференции глав трех держав. Ее решения должны были иметь огромное значение на весах истории.

Мы вошли. В кабинете находились Сталин и Молотов. По всему мы видели, что они уже обменивались мнениями о тех вопросах, которые предстояло обсудить с двумя послами.

Сталин, обращаясь к Молотову, спросил:

— Не следует ли пригласить еще Вышинского и Майского?

Вышинский тогда был первым заместителем министра иностранных дел СССР, а Майский находился на положении советника делегации во время конференции.

Молотов высказал сомнение:

— Вряд ли следует. Поскольку Майский не справился с задачей обеспечить подготовку качественных и обоснованных

материалов по вопросу о германских репарациях в пользу Советского Союза, то я уже имел с ним на этот счет серьезный разговор здесь в Потсдаме. Едва ли от него можно будет ожидать каких-либо полезных предложений и сегодня.

Скажу прямо, меня удивила резкость высказывания Молотова о Майском.

Хотя дня за два до этой встречи я присутствовал на рабочем совещании у Молотова, где Майскому крепко досталось в связи с тем же вопросом о репарациях.

— Что касается Вышинского, — продолжал Молотов, — то он должен сегодня же подготовиться к обсуждению с представителями США и Англии вопроса о том, как разделить уцелевший германский торговый флот между тремя державами. Поэтому лучше дать ему возможность подготовиться к той встрече. Кстати, оба посла — и Громыко и Гусев — обязательно должны быть с Вышинским во время совещания по вопросу о разделе торгового флота Германии.

Сталин с этим мнением согласился.

Гусев и я понимали, что он вызывает для беседы по вопросам, имеющим важное значение.

Первый вопрос Сталин задал как бы между прочим:

— А как все-таки насчет германских репараций в пользу Советского Союза?

Молотов сразу же вмешался и напомнил, на чем примерно союзники закончили обсуждение этого вопроса в Крыму, во время Ялтинской конференции. Он резко высказался по поводу позиции Черчилля. Молотов говорил:

— Черчилль явно задался целью не допустить согласованного решения по данному вопросу. Все же, по-моему, в Потсдаме необходимо вновь его обсудить и со всей категоричностью потребовать какую-то ощутимую компенсацию Советскому Союзу за колоссальные разрушения в нашей экономике, которые произвели гитлеровцы в ходе войны и оккупации.

Сталин полностью согласился с Молотовым и заявил:

— Позиция Англии, да, по существу, и США по этому вопросу является несправедливой, аморальной. Так не ведут себя настоящие союзники.

— Если бы США и Англия даже согласились на возмещение Советскому Союзу хотя бы части нанесенного ущерба, — сказал он далее, — то все равно Советский Союз был бы обделен. И обделен потому, что с германской территории, оккупированной англо-американскими войсками, уже усиленно вывозится лучшее оборудование в США. Прежде всего это относится к оборудованию с соответствующей документацией из разного рода технических

лабораторий, которых на территории Германии было довольно много. Позиция Англии и США по этому вопросу бесчестная. Не знаю, как отнесся бы Рузвельт к этому вопросу, если бы он был жив. Но что касается Трумэна, то по всему видно — понятие справедливости во всем этом важном деле ему незнакомо. Тем не менее вопрос о репарациях должен быть обсужден в Потсдаме. Он является принципиальным.

— Товарищи Громыко и Гусев, — сказал Молотов, — еще накануне Ялтинской конференции принимали участие в проработке некоторых вопросов о репарациях. Пусть выскажутся.

Я сказал:

— Позиция Советского Союза по данному вопросу является обоснованной и убедительной и, по моему мнению, ее необходимо защищать и в Потсдаме. Надо, конечно, повторить наше требование о значительной компенсации в пользу Советского Союза в связи с колоссальными разрушениями, причиненными нашей экономике гитлеровцами. Но реально ни США, ни Англия явно не хотят серьезно даже обсуждать вопрос о такой компенсации. Поэтому, наверно, было бы правильно повторить нашу крымскую позицию о какой-то существенной компенсации в виде репараций в пользу Советского Союза. Сдавать позиции без боя в этом политическом вопросе нам не следует. Ведь он же является вопросом исключительной важности. К тому же он очень интересует советских людей.

То же мнение высказал и Гусев.

Из слов Сталина и всех участников данной встречи было видно, что надежды на благоприятный исход обсуждения в Потсдаме вопроса о германских репарациях нет. Но на обсуждение советская делегация нацеливалась, хотя чувствовалось, что оно, видимо, будет безрезультатным. Так впоследствии и получилось.

Затем в беседе Сталин затронул вопрос, который, собственно говоря, являлся основным на той встрече.

— Наши союзники сообщили нам, — сказал он, — что США являются обладателями нового оружия — атомного. Я разговаривал с Курчатовым сразу после того, как Трумэн сказал о том, что в США проведено успешное испытание нового оружия. Надо полагать, что в недалеком будущем мы также будем иметь такое оружие. Но факт его появления ко многому обязывает государства — обладателей этого оружия. Первый вопрос, который в связи с этим возникает, — должны ли страны, обладающие этим видом оружия, просто соревноваться в его производстве и стараться один другого обогнать? А может, они должны искать такое решение, которое означало бы запрещение

производства и применения этого оружия? Сейчас трудно сказать, что это должно быть за соглашение между странами. Но ясно только одно, что оно должно разрешать использование атомной энергии только для мирных целей. Конечно, этого вопроса я с Курчатовым не касался. Это уже больше вопрос политики, чем техники и науки.

Мы с огромным интересом выслушали комментарий Сталина. Он бросал взгляд вперед. Фактически именно по этому вопросу на политической арене будет развертываться борьба со включением в нее Организации Объединенных Наций, которая в скором времени создаст специальную комиссию при Совете Безопасности. Комиссии будет поручено рассмотреть все политические аспекты проблемы и сделать все возможное для достижения договоренностей между государствами, которые будут располагать атомным оружием.

Молотов полностью солидаризировался с только что высказанным взглядом Сталина и обронил такую мысль:

— А ведь всю работу по изготовлению атомного оружия американцы проводили, совершенно не поставив в известность Советский Союз. Хотя бы в общей форме.

Я добавил к этому:

— Вашингтон не вступил в контакт с Москвой даже тогда, когда в общем-то стало известно, что Эйнштейн уже высказывал определенную мысль, в том числе Рузвельту, о возможности появления атомного оружия, еще прежде, чем оно было создано, а затем и испытано.

Сталин говорил коротко:

— Рузвельт почему-то не счел возможным поставить нас в известность ранее. Ну хотя бы во время Ялтинской встречи. Верно, в Ялте он уже чувствовал себя неважно. Но ведь мог просто мне сказать, что ядерное оружие проходит стадию изготовления. Мы же союзники.

Обращало на себя внимание то, что, высказывая по этому вопросу недовольство, Сталин все же говорил спокойно. Видимо, он отдавал себе отчет в том, что Рузвельту нелегко было держать в поле зрения все аспекты новой проблемы — появления у человечества нового грозного оружия. Как бы возвращаясь к этому вопросу, Сталин сказал:

— Наверно, Вашингтон и Лондон надеются, что мы не скоро сможем смастерить огромную бомбу. А они тем временем будут, пользуясь монополией США, а фактически Англии и США, навязывать нам свои планы как в вопросах оружия, так и в вопросах положения в Европе и в мире в целом. Нет, такого не будет!

Когда позже я взвешивал сказанное Сталиным на этой встрече, то неизменно приходил к выводу, что говорил он хотя и вроде бы между прочим, но так, что впоследствии сказанное им стало костяком нашей позиции по вопросу о ядерном оружии на долгие годы.

Сталин, конечно, не затрагивал научно-технические аспекты проблемы и наши ближайшие планы. Но широко известно, что он из Потсдама не один раз связывался по этому вопросу с Москвой, давал соответствующие поручения ученым и специалистам.

Очень важную мысль по этому вопросу он высказал в заключение. Советскому Союзу, конечно, предстояла активная борьба за то, чтобы не остаться в хвосте и чтобы новое, страшной силы оружие не использовалось во вред человечеству. Чтобы оно было категорически запрещено.

Именно в этом направлении действовал в последующие годы Советский Союз и его дипломатия. Собственно говоря, и сейчас в новых условиях наша страна направляет всю мощь своей внешней политики на эти же цели. Энергия и динамизм политики теперешнего руководства страны уже давно снискали благодарность народов.

— Что касается раздела германского торгового флота, то дело это вовсе не сложное, — заявил Сталин. — Сколько торговых судов союзных держав, не говоря уже о военных, потопили гитлеровцы? Несмотря на то что до сих пор как будто еще нет точной статистики о потерях союзников, но уже ясно, что потери колоссальные. Если бы остающийся немецкий торговый флот был весь поделен между союзниками, то и тогда это была бы ничтожная компенсация за те многочисленные суда, которые отправлены фашистами на дно морей. Мы имеем право получить должную компенсацию, хотя заранее знаем, что она будет ничтожной. Потом Сталин спросил у меня:

— Все ли у нас в порядке с подготовкой конкретных материалов и цифровых данных?

Он знал, что я с Вышинским должен принять участие в трехстороннем совещании по вопросу о разделе германского флота. Я ответил:

— Все необходимые данные подготовлены, и они, конечно, будут нами использованы при встрече представителей трех держав.

Гусев и я стали собираться уходить, но Сталин задал еще один вопрос, который непосредственно к политике не имел отношения:

— Какое впечатление у наших послов — Громыко и Гусева — об организации работы конференции? Довольны ли наши

союзники этой стороной дела?

Конечно, Сталина интересовало больше последнее. Я сказал:

— Американские участники, с которыми я вступал в контакты, по понятным причинам, чаще, чем с англичанами, неоднократно высказывали высокое мнение об организации всей конференции. В какой-то степени это объясняется тем, что маршруты, по которым движутся машины главных участников, в идеальном порядке. Не было никаких инцидентов. Разве только заслуживает внимания такой факт, подсказанный нам не американцами, а англичанами. Черчилль в самом начале конференции так засмотрелся на советских военных девушек — регулировщиц движения, в безукоризненно пригнанной форме, что его большая сигара с солидной дозой пепла упала на костюм, который оказался изрядно усыпан пеплом. Но большого урона он не понес. Это был скорее повод для разговоров.

Сталин улыбнулся. Пожалуй, впервые в течение нашей встречи на его лице появилась улыбка как бы вслед «ушедшему» английскому премьеру. На выборах в Англии фортуна, как известно, обратила свой благосклонный взор не на Черчилля, а на Эттли.

Мы почувствовали, что беседа подошла к концу.

— Разрешите уйти, товарищ Сталин?

— Да, вы свободны.

Как только мы вышли из дома, то увидели, что Молотов нас догонял. Значит, и его Сталин не стал задерживать. Мы быстро удалялись от резиденции. Конференция продолжала работу.

Кому нести ответственность за будущее Польши

Стоит затронуть еще некоторые моменты, относящиеся к Потсдамской конференции, поскольку именно по поводу их западные источники часто грешат неточностью.

Горячие дискуссии вновь, как и на Крымской конференции, велись по польскому вопросу. Идя на заседание, все три руководителя знали, что польский вопрос возникнет и сегодня. И он действительно возникал чуть ли не каждый день. Надо сказать, что незадолго до начала Потсдамской конференции на основе выработанных в Ялте решений сформировалось Временное польское правительство национального единства во главе с Эдвардом Осубкой-Моравским. США и Англия вынуждены были установить с этим правительством дипломатические отношения. Однако они всячески оттягивали срок окончательного роспуска польского эмигрантского правительства. Их устраивал этот своеобразный дуализм.

После подробного обсуждения вопросов, связанных с фактом создания правительства национального единства, — при этом было выслушано и учтено мнение приглашенной в Потсдам делегации Польши во главе с Болеславом Берутом — руководители трех держав приняли решение, в котором выражалось удовлетворение по случаю образования этого правительства. В заявлении указывалось также, что установление дипломатических отношений США и Англии с Временным польским правительством национального единства «привело к прекращению признания ими бывшего польского правительства в Лондоне, которое больше не существует».

Принятие этого заявления отвечало интересам Польши, устраняло поводы, по которым США и Англия могли бы и впредь вмешиваться во внутренние дела польского народа. Оно способствовало и упрочению позиций Временного польского правительства национального единства.

Следует, однако, заметить, что среди входивших в это правительство деятелей были и такие, как, например, С. Миколайчик, которые не оправдали доверия народа. Предав забвению национальные интересы Польши, они пошли другой дорогой, которая привела их к полному политическому банкротству.

США и Англия, осознавая, что с укреплением в Польше власти правительства национального единства рушатся их

надежды на превращение этой страны в «санитарный кордон» против СССР, пытались уклониться от решения в Потсдаме вопроса о западной границе Польши. Однако это им не удалось.

В конечном счете под воздействием неотразимых доводов Сталина, веских аргументов польской делегации, со всей очевидностью доказавшей справедливость своего предложения о западной границе как с исторической и экономической точки зрения, так и с точки зрения безопасности, и принимая во внимание фактическое положение на территориях, передаваемых Польше, Черчилль и Трумэн согласились с тем, чтобы указанная граница была окончательно определена на Потсдамской конференции. Правда, такое свое согласие они обусловливали принятием советской делегацией их позиции по вопросу о репарациях с Германии.

Одним из важнейших вопросов на Потсдамской конференции стали репарации, которые должна уплатить Германия. Оснований для возмещения ущерба у Советского Союза было более чем достаточно. От западных границ нашей страны и до Северного Кавказа, до Волги, до Москвы и Ленинграда лежала после войны зона практически выжженной земли, руины городов и сел, груды кирпича и металла на месте бывших предприятий, административных зданий, жилых домов. И не только это. Гитлеровская авиация в годы войны бомбила и наносила значительные разрушения в городах, которые лежали между Москвой и Уралом. Все это предстояло восстанавливать, а во многих случаях и строить заново. Но ни Черчилль, ни Эттли, ни Трумэн, если судить по тому, как они себя вели, не собирались входить в положение Советского Союза. Они настаивали на том, что Германия не должна платить никаких репараций.

Как-то в перерыве, когда речь зашла об этом, Сталин в своем кругу сказал:

— Англичане и американцы хотят нас взять за горло. Но ничего, мы прошли через это в годы гражданской войны и иностранной интервенции, пройдем и сейчас.

В итоге интенсивных переговоров Советский Союз пошел на определенные уступки в вопросе о репарациях и тем самым сделал возможным соглашение о новой границе Польши на западе, как она предусматривалась в польских предложениях, поддержанных советской делегацией, то есть по линии Одер — Нейсе. Таким образом, в Потсдаме впервые в истории Польши была окончательно и справедливо решена проблема ее государственных границ.

В дальнейшем нерушимость западной границы Польской Народной Республики получила международно-правовое

подтверждение в договорах ПНР с ГДР (1950 г.) и ФРГ (1970 г.), советско-западногерманском договоре (1970 г.), а также в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.).

Работа Потсдамской конференции состояла не только из одних заседаний. Главы делегаций обменивались взаимными жестами вежливости. Организовывались завтраки, обеды, фотографирование на память, причем Сталин, Трумэн и Черчилль, а затем и Эттли давали возможность корреспондентам делать снимки довольно часто.

Помню такой случай. Трумэн устроил обед. После того как гости поднялись из-за стола, он сел за рояль и кое-что сыграл, видимо предварительно поупражнявшись. Было известно и до этого, что Трумэн «баловался» игрой на фортепьяно. Когда он кончил играть, Сталин похвалил его и сказал:

— Да, музыка — хорошая вещь, она из человека выгоняет зверя.

Мы, услышавшие это высказывание Сталина, — Молотов, Гусев и я — рассмеялись.

Трумэну эти слова Сталина также весьма понравились. Ведь в конце-то концов неизвестно, кому Сталин адресовал свои слова и кто тот человек, из которого музыка в данный момент выгоняет зверя.

Историческое значение Потсдамской конференции состоит в том, что она опустила занавес, который отделил пережитую Европой трагедию войны от открывшейся перед народами перспективы жизни в условиях мира. Главным в решениях, принятых на этой конференции, явилась выраженная тремя державами-победительницами воля не допустить, чтобы с германской земли вновь исходила агрессия. Это было сказано четко, весомо. Если бы договоренность в Потсдаме свелась даже только к провозглашению этой цели, то и тогда конференция стала бы в ряд выдающихся мировых событий. Конечно, все это верно при условии, если державы будут действовать так, как они договорились.

«Большая тройка» за столом переговоров в Потсдаме

В моей памяти как бы зафиксировался снимок «большой тройки» за столом переговоров в Потсдаме. Это — снимок с особым свойством, которое не присуще обычным фотографиям. Видимо, тому способствовала общая обстановка наэлектризованности, когда все присутствующие сознавали, что они должны вершить праведный суд над государством-агрессором, залившим кровью Европу. Суд этот — политический, самый высокий. Другой, который еще предстоял над главными военными преступниками гитлеровской

Германии в Нюрнберге, должен был отвечать духу суда высокой политики, который собрался здесь, во дворце Цецилиенхоф.

Все, кто сидел за круглым столом этого потсдамского дворца, испытывали немалое нервное напряжение. Это ощущалось и по поведению, и по взглядам, особенно тех, кто находился в первом ряду, где сосредоточился основной состав трех делегаций. Напряжения добавляло и обостренное восприятие каждым поведения всех других.

Все участники находились в состоянии предельной сосредоточенности, а вначале она проявлялась еще и в том, что никто не улыбался. Только обостренным восприятием тех исторических дней объясняется то, что до сих пор перед моими глазами стоят многие картины заседаний. Особенно памятны первый день конференции и первое заседание с участием Эттли и Бевина после их победы на выборах.

…Вот сидит Трумэн. Он мобилизовал все свое самообладание, чтобы не выдать волнения. Ему, конечно, помогает и то, что почти все основные высказывания у него заготовлены, и он зачитывает тексты. При обсуждении соответствующего вопроса он допускает высказывания и без бумажки. Но они, как правило, краткие. Порой кажется, что он вот-вот улыбнется. Но это только кажется. Советники и эксперты делегации США беспрестанно о чем-то переговариваются между собой и, случается, подкладывают президенту какие-то записки.

Мне представляется, что держится президент как-то нахохлившись. Видимо, играет тут свою роль и то обстоятельство, что у него нет еще опыта встреч на таком уровне, да еще и с участием Сталина. Но надо отдать ему должное: каких-то резкостей или неучтивостей Трумэн не допускает…

А в общем-то на протяжении почти всей конференции президент сидел, как бы надев на себя маску.

…Черчилль. А как выглядит на конференции этот политический деятель-ветеран? Заявления он делает в общем-то краткие. Очень любит растягивать отдельные слова. Делает это явно нарочито. По ходу речи или заявления нетрудно увидеть то, что он хочет подчеркнуть особо. Эти слова он произносит как-то резче. В них проступают и резина и металл.

Почти никогда он не пользуется заготовленным текстом. Впрочем, говорят, некоторые свои заявления он любит заучивать наизусть…

У меня создалось впечатление о нем как об опытном ораторе. Свой капитал красноречия он умел хорошо и преподнести. Говорил без волнения, по крайней мере так выглядело внешне, хотя ощущалась его собранность, и он всегда был, как утверждали англичане, «алерт» — начеку.

…Эттли. Мы слышим его, когда он прибывает на конференцию в качестве премьер-министра. Однако употребляет он тот же политический язык, что и Черчилль. Прогнозы нашей делегации подтверждаются: все считали, что если лейбористы придут к власти, то политика Англии останется, по существу, той же, которую проводило и правительство консерваторов…

До выборов в Великобритании Эттли вел себя тише воды и ниже травы. Может быть, когда делегация обсуждала внутренние вопросы, он и высказывал свое мнение — мнение лейбористской партии. Но на заседаниях Эттли тогда не выступал. Не исключено, что этот опытный лейбористский лидер опасался, что то или иное его заявление в Потсдаме будет преподнесено в прессе так, что лейбористы недосчитаются некоторого количества голосов.

…Сталин. Он ведет себя спокойно и ровно. Так же ведет себя на конференции и советская делегация в целом.

Разумеется, атмосфера спокойствия и уверенности в советской делегации создавалась не инструкциями. Она рождалась как-то сама по себе. Влияла на нее вся правда и историческая правота политики Советского Союза, идей Октября, величие Победы нашей страны в войне.

Спокойную уверенность в правоте своего дела советские делегаты и в Потсдаме, и на других межсоюзнических конференциях испытывали еще и потому, что весь мир знал — никогда в истории человечества не было ни по масштабам, ни по глубине такого поражения агрессора, какое фашистская Германия потерпела в 1945 году, и для всех мыслящих людей азбучной истиной являлось то, что основная роль в разгроме гитлеровской

военной машины принадлежала Советскому Союзу. Ведь решительный перелом в войне произошел до открытия второго фронта на севере Франции.

Советский солдат находился в Берлине — логове агрессора. Над рейхстагом развевалось советское Знамя Победы.

Нет, нельзя этот зал Потсдама и все, что в нем происходило, отделить в мыслях от того, что свершилось в ту летнюю ночь, когда Гитлер дал приказ своим войскам напасть на Советский Союз. В том внезапном и коварном нападении оказались заложены и сокрушительное поражение агрессора, и величайшая по своему значению победа над ним.

В основе — уважение к Советскому Союзу

Завершая мои воспоминания, относящиеся ко встречам с участием лидеров трех союзных держав, считаю необходимым отметить одно существенное обстоятельство. Каждый раз наблюдал, что Сталин пользовался у своих коллег большим уважением. Й со стороны Рузвельта, а затем — Трумэна, а также со стороны Черчилля и его преемника — Эттли.

Такое уважение находило выражение и в ходе официальных заседаний за столом переговоров, и в ходе неофициальных встреч. Оно находило выражение и во время встреч, на которых помимо глав присутствовали все ответственные представители трех держав.

Может быть, особенный интерес в этом отношении представляли совместные обеды, когда встречались и для работы, и как бы для передышки три человека, державшие в своих руках ключ, который они должны были вставить в дверь, чтобы отделить величайший в мире военный катаклизм от будущей мирной полосы развития.

Не надо было быть психологом, чтобы заметить, что каждый из трех лидеров хорошо сознавал свою роль. Конечно, на конференциях были представлены два мира — социалистический и капиталистический. Но проблемы, которые подлежали обсуждению, стояли перед всеми тремя государствами: требовалось добиться скорейшего окончания войны, причем такого, которого желают все три союзника. Но так как не во всех отношениях желания совпадали, то необходимо было добиться согласия на этот счет.

Когда говорил американский президент, все присутствовавшие выслушивали его очень внимательно. Они наблюдали за ходом и поворотами его мысли, за меткими суждениями, шутками. Все сознавали, что он высказывал мысли, которые имеют огромное значение в предстоящем строительстве здания мира.

Выступал или делал замечания премьер-министр Англии. Он умело и даже ловко формулировал свои мысли, умел блеснуть и шуткой. Чувствовалось, что он на «ты» не только с политикой, но и с историей, особенно новейшей. Ведь он побывал в огне англобурской войны в Южной Африке еще в начале XX века.

Тем не менее как-то само собой получалось, что все присутствующие — и главные, и не главные участники —

фиксировали взгляды на Сталине. Даже если говорил другой участник, то почему-то большинство присутствующих все равно наблюдали за Сталиным, за выражением его лица, за взглядом, стараясь понять, как он оценивает слова и мысли своих коллег.

И вот тихо, как бы между прочим, начинал говорить Сталин. Он говорил так, как будто кроме него присутствовали еще только двое. Ни малейшей скованности, никакого желания произвести эффект, ни единой шероховатости в изложении мысли у него не было. Каждое слово у него звучало так, как будто было специально заготовлено для того, чтобы сказать его в этой аудитории и в этот момент.

Обращало на себя внимание то, что во время высказываний Сталина, даже если они не относились к высокой политике, Рузвельт часто старался дать понять свое отношение — либо кивком головы, либо своим открытым взглядом — к словам советского лидера.

Не только я, посол, но и другие советские товарищи, обмениваясь мнениями после такого рода встреч, констатировали, что центральной фигурой на них, безусловно, являлся советский руководитель.

Характерен и такой факт. Во время конференции в Крыму о появлении Сталина еще в коридоре Ливадийского дворца мгновенно какими-то неведомыми путями становилось известно в зале заседаний глав, куда он направлялся. Живая связь работала сверхэффективно.

Уже в те времена частых союзнических конференций и встреч, в том числе на самом высоком уровне, нетрудно было каждому мало-мальски наблюдательному человеку ответить на вопрос: чем объясняется такой авторитет Сталина и такое уважение к нему руководителей США и Англии?

Главное, что необходимо подчеркнуть в этой связи, — это, конечно, беспримерный подвиг советского народа, ставшего грудью на защиту своей страны.

Эти сообщения контрастировали с распространенным в то время в Америке, да и не только в Америке, мнением, что Советский Союз не сможет противостоять фашистскому нашествию и Гитлер одержит победу.

Помню хорошо, как в первые дни после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз многие американцы задавали мне и другим советским представителям вопросы:

— Каково положение на фронте?

— Уверенно держится Советский Союз или нет? Мы отвечали:

— Да, уверенно.

Слушатели воспринимали такой ответ с выражением

дружеских чувств к нашей стране, но сдержанно и часто с большой долей скептицизма.

С течением времени, когда выяснилось, что гитлеровские армии несут огромные потери, настроения в общественном мнении США стали постепенно меняться. Прежние сомнения и даже пессимизм в отношении возможности Советского Союза устоять против сильного врага стали заменяться долей оптимизма, которая постоянно возрастала.

Даже в официальных кругах, в правительстве стало утверждаться мнение, что способность Советского Союза к сопротивлению не убывает, а, напротив, увеличивается.

Это особенно было заметно после того, как гитлеровским армиям под Москвой в конце 1941 года советские воины нанесли сокрушительное поражение.

Дальше — больше: стала крепнуть надежда, а затем уверенность в том, что в войне может наступить перелом в пользу Советского Союза.

В это время представители администрации, особенно военных кругов в Вашингтоне, высказывались в таком духе:

— Что это за чудо?! Откуда Советский Союз берет танки, артиллерию, самолеты? Ведь его важные промышленные районы оккупированы!

Особенно сильное впечатление производили танковые бои с вводом в действие с советской стороны большого количества этих машин.

Вспоминаю такой случай. Было это в начале лета 1942 года. Тогда В. М. Молотов прилетел в Вашингтон для подписания соглашения о ленд-лизе. В один из дней его пребывания мы поехали за город, в Аппалачские горы. В машине помимо шофера нас было трое — Молотов, Литвинов и я. Во время разговора Молотов нам сообщил:

— У нас уже создано такое количество танковых корпусов, что можно с уверенностью сказать: мы обязательно победим! Эти корпуса в самое ближайшее время себя еще проявят.

Так оно и получилось.

То же самое говорилось и о советской артиллерии, и о советской авиации.

И вот тут-то грамотные и наблюдательные люди вспомнили:

— Ведь в Советском Союзе еще до войны была осуществлена индустриализация страны! Значит, это дело было серьезное.

Произвести громадное количество вооружений возможно только тогда, когда есть, где производить, из чего производить и кому производить.

В те дни было всеобщим признание великих заслуг страны и

ее государственного руководства, добившегося создания крупной индустрии.

Огромное впечатление произвело и то, что советский народ проявил монолитное единство. Рабочий класс, крестьянство, интеллигенция в едином порыве встали на защиту Родины против сильного и жестокого врага.

Писала иногда об этом и печать, признавали это и представители американской администрации.

Уважение к Сталину, а он представлял собой советское руководство, являлось отражением того, что было сделано в стране, в Советском государстве. Это было уважение и к тому, что осуществил Советский Союз до войны и чего он добился в ходе ее.

Страна и ее руководство строго следовали завету Ленина о необходимости индустриализации и создания крупной машинной индустрии.

До нас дошел исключительно интересный эпизод. В ноябре 1923 года Ленин был нездоров. В один из тех дней его навестила группа рабочих из города Глухова. Состоялась сердечная беседа. Среди гостей находился и ветеран труда по фамилии Кузнецов. Прощаясь с Ильичем, он сказал:

— Я — рабочий-кузнец. Владимир Ильич, мы выкуем все, намеченное тобой.

Эти слова и сегодня звучат с той же силой.

Выковали трудящиеся нашей страны и индустрию, и социалистическое сельское хозяйство, и единство народа — создали мощную державу, о которую размозжил голову агрессивный гитлеровский орел.

В гостях у Вильгельма Пика

Какая колоссальная работа потребовалась, чтобы очистить будущую столицу ГДР от руин и завалов после гигантского сражения между победоносными советскими войсками под командованием маршала Жукова и последними частями преступного гитлеровского вермахта.

Как я уже отмечал, город был тяжело изранен. На каждом шагу встречались руины. Наверно, ни одна естественная катастрофа еще не приводила к таким тяжелым последствиям, ни один большой город в мире не оказывался таким разрушенным. К этому тоже привел Германию фашизм. Его главари мечтали о победах и «жизненном пространстве». На деле они лишили себя права на пространство для своего существования на земле.

Мне пришлось вновь посетить Берлин — столицу ГДР — несколько лет спустя. Я был поражен проделанной работой. Уже не было хлама, уже все, что подлежало восстановлению и ремонту, было в основном восстановлено. Конечно, еще кое-где зияли пустоты на улицах и в переулках. Не успели отстроить новые дома лишь в тех из них, которые остались от уничтожения больших зданий этого города, камни которого могли бы многое рассказать из истории немцев.

Во время этого визита я был приглашен к президенту Пику. Скажу прямо — я с волнением вошел в небольшой особняк, являвшийся резиденцией президента. Хотя до того я с ним встречался в Москве, на более широких встречах. На этот раз у нас состоялась беседа по некоторым вопросам политики.

Пик во время беседы подчеркивал:

— Необходимо укреплять новое германское государство, которое должно пойти по пути социалистического развития. Западные державы, конечно, не допустят подобного развития в западной части Германии, оккупированной ими.

Потом заявил:

— Ну и что же. На востоке мы будем строить свою, новую Германию.

Меня поразила ясность суждений убеленного сединой ветерана немецкого рабочего движения, убежденного коммуниста.

Во время беседы я обратил внимание на то, что в комнате, где мы сидели, стояло много шкафов, заполненных книгами. Заметив, что я обратил внимание на книги, хозяин подвел меня к своему книжному богатству. Мы медленно обошли шкаф за шкафом.

— Здесь, — сказал он, — находится полное собрание сочинений Гёте. В нем около полутора сотен томов.

Я впервые увидел такое собрание сочинений гениального поэта и ученого.

Пик сказал:

— Я нередко заглядываю в «мысли Гёте». А потом добавил:

— Конечно, Гёте и нацизм — понятия несовместимые. Нацизм — пустота мысли и животные инстинкты. А Гёте — кладезь мудрости, хотя и человек своего времени.

Уходя от Пика, я подумал: «А хорошо, что этот выдающийся немец — Вильгельм Пик живет и здравствует! Одно его имя значит очень многое, и не только для немцев».

Писать о Вильгельме Пике можно было много. Достаточно вспомнить и о его участии в Ноябрьской революции 1918 года в Германии, и о его активности в рейхстаге на посту депутата-коммуниста во времена Веймарской республики, и о его работе в Исполкоме Коминтерна в предвоенную пору и в суровые дни войны, и о его руководстве Национальным комитетом «Свободная Германия», вобравшим в себя здоровые силы немецкого народа, вставшие на путь борьбы с фашизмом. Наконец, о его кипучей деятельности в трудный послевоенный период, когда Вильгельм Пик официально стал крупным государственным деятелем.

Скончался он в 1960 году.

Имя Вильгельма Пика занимает почетное место в летописи германского и международного коммунистического движения. Один из основателей Компартии Германии и Социалистической единой партии Германии, первый президент Германской Демократической Республики оставил о себе самую добрую память.

Сейчас в странах, бывших нашими союзниками по войне, находятся деятели, которые выступают за объединение двух германских государств — ГДР и ФРГ. Делают упреки по адресу Советского Союза как противника подобного объединения.

Позиция этих деятелей бесчестна. Они в действительности добиваются поглощения Германской Демократической Республики другим государством — Федеративной Республикой Германии. Хорошо знают и они сами, и весь мир, что именно западные державы, грубо нарушив дух и букву Потсдамского соглашения о будущем Германии, втянув ФРГ в военный блок НАТО, не допустили образования единого демократического и миролюбивого германского государства.

Весь этот вопрос имеет и другую сторону. Каждый немец, где бы он ни жил, должен знать правду. А она состоит в том, что только Советский Союз в свое время не допустил расчленения

Германии на куски. Именно США и Англия на союзнических конференциях руководителей трех держав предлагали разорвать Германию. Им мерещилась германская государственность в качестве нескольких отдельных небольших стран. Мираж средневековья — со многими мелкими германскими государствами — таким было их видение будущего для немцев.

Об этом сейчас не принято вспоминать на Западе. Но у истории хорошая память. Она не позволит предать забвению то, что было.

Глава V
САН — ФРАНЦИСКО: У МОСТА «ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА»

Сражение за принцип единогласия. Тут решались главные вопросы. После заседаний. Немая сцена. Порочный подход Вашингтона. Стеттиниус и сенатор Ванденберг. Лорд Галифакс и Поль-Бонкур. Фельдмаршал Смэтс: «Я — за бога в Уставе ООН». Вокруг конференции. Где быть штаб-квартире ООН? В здании на берегу Ист-ривер. Генеральные секретари ООН. Добрая память о Манушльском. Незабываемый день.

Еще в годы войны державы антигитлеровской коалиции признали необходимость создать Организацию Объединенных Наций, основополагающей задачей которой стало бы поддержание международного мира в послевоенный период. Эта идея возникла, можно сказать, спонтанно в руководящих кругах трех ведущих держав антигитлеровской коалиции. Не все очертания такой организации представлялись ясными, но очевидным вырисовывалось одно: она должна быть более эффективной, чем Лига Наций, оказавшаяся беспомощной в предотвращении надвигавшейся второй мировой войны.

Политический крах Лиги Наций отражал банкротство курса держав Запада, прежде всего Великобритании и Франции, превративших Лигу Наций в орудие своей политики. США не принимали участия в работе этой организации. Тем не менее они вели себя так, что их линия в международных делах не создавала барьеров для гитлеровской агрессии. США и пальцем не шевельнули, чтобы вдохнуть жизнь в деятельность Лиги Наций, которая тонула в бесконечном потоке речей. За ними не следовало никаких действий, направленных на пресечение подготовки Гитлером войны. Более того, крупный американский капитал своим участием в германских военно-промышленных концернах на деле активно помогал нацистской Германии ковать оружие агрессии.

От предварительного обмена мнениями по поводу идеи создания всемирной организации союзные державы через некоторое время перешли к переговорам о ее характере, структуре, правах и обязанностях.

Сражение за принцип единогласия

Мне довелось представлять Советский Союз на конференции в Думбартон-Оксе. Она проходила с 21 августа по 7 октября 1944 года. На ней была проделана основная работа по подготовке проекта устава новой организации.

Подход СССР к этой организации был совершенно ясен: ее следует создать, она должна быть эффективной. Американский представитель на конференции — заместитель государственного секретаря США Э. Стеттиниус вспоминал: «Переговоры с Громыко и другими членами русской делегации в Думбартон-Оксе убедили меня в том, что руководители Советского Союза были чрезвычайно заинтересованы в создании международной организации».

Делегации трех держав — Советского Союза, США и Англии — сели за стол переговоров в тихом уютном особняке, расположенном на окраине столицы США.

Состав делегаций известен. Советская и английская делегации возглавлялись послами этих стран в Вашингтоне, а американская — первым заместителем государственного секретаря.

Открытие конференции состоялось в торжественной обстановке. Главным представителем США на ней являлся государственный секретарь Корделл Хэлл. Работа в течение всей конференции была исключительно интенсивной. Пленарные заседания, рабочие группы, встречи глав делегаций, другие разного рода встречи — все было задействовано. Участники сознавали, что необходимо добиваться соглашения.

Важные вопросы, связанные со структурой и содержанием Устава ООН, обсуждались со всей тщательностью. Основное внимание уделялось тому, чтобы новая всемирная организация оправдала надежды народов, содействовала поддержанию мира и недопущению новой войны. Вал советских армий, неумолимо накатывавшийся на Запад, и надвигавшееся окончательное банкротство гитлеровского рейха придавали особое значение политической, устремленной в будущее работе союзников.

Один за другим вопросы, требовавшие решения, согласовывались. Договорились и о том, что в новой организации наряду с Советским Союзом ее членами будут УССР и БССР.

На конференции в Думбартон-Оксе было согласовано, можно сказать, девяносто процентов всего того, что касалось создания ООН. Оставался несогласованным главный вопрос — о полномочиях Совета Безопасности при разделении прав и

полномочий между ним и Генеральной Ассамблеей. Как в фокусе, все это находило отражение в позициях участников по вопросу о принципе единогласия постоянных членов Совета Безопасности. Среди нерешенных был и вопрос исключительной важности: о порядке принятия решений в Совете Безопасности — органе ООН, на который возлагалась бы главная ответственность за поддержание мира. Позиция США в этом вопросе проявилась в их предложении, которое предусматривало, что в тех случаях, когда один из членов Совета Безопасности сам замешан в споре, его голос не должен учитываться при вынесении Советом соответствующего решения. Англия заняла подобную же позицию.

Американское предложение таило в себе серьезную опасность противопоставления великих держав друг другу и, следовательно, подрыва их сотрудничества, без чего ООН как универсальная международная организация не могла бы функционировать, да и вообще не была бы создана. Предложенный США порядок голосования в Совете Безопасности не обеспечивал должных гарантий против превращения ООН в инструмент навязывания воли одной группировки государств другим странам, прежде всего Советскому Союзу.

Такой порядок давал бы западным державам возможность принимать решения о применении санкций, в том числе военных, исходя из своих узких интересов. Державы, которые располагали бы большинством в Совете Безопасности, могли бы поддаться соблазну вместо поиска взаимоприемлемых решений обращаться к силе. А это было бы чревато прямой угрозой вовлечения мира в пучину новой катастрофы.

Советский Союз, последовательно выступая за то, чтобы ООН действительно служила делу международной безопасности, решительно возражал против американского предложения. Он твердо стоял на том, чтобы решения по важнейшим проблемам сохранения мира, поддержания отношений между государствами принимались лишь с согласия трех держав-победительниц (СССР, США и Англии), а также Франции и Китая, которые, по общему мнению, должны были пользоваться такими же правами. Иными словами, основой для эффективной деятельности становился бы принцип единогласия пяти держав — постоянных членов Совета Безопасности.

Во всех трех столицах отдавали себе отчет в том, что предстоит преодолеть трудный барьер. Появилась уверенность, что Франция и Китай проблем создавать не будут и примут согласованный между СССР, США и Англией вариант решения. Но оставалось открытым, каким сделать этот вариант, как к нему прийти. По мере того как над горизонтом все ярче занималась

заря победы над фашизмом, требовалось без промедления искать пути к созданию новой всемирной организации.

Учитывая значение остающихся открытыми вопросов, Рузвельт решил сам провести беседу с советским послом и с этой целью пригласил меня в Белый дом.

Всегда собранный и вежливый, Рузвельт умело совмещал корректность с деловым стилем беседы. Не составила исключения и эта наша встреча. После обмена приветствиями Рузвельт заявил:

— Меня беспокоит отсутствие взаимопонимания по некоторым проблемам, связанным с создаваемой международной организацией.

Затем он подчеркнул значение Совета Безопасности в деятельности по поддержанию мира. На это я сказал президенту:

— Ваше замечание общего порядка вполне отвечает и нашему пониманию роли этого органа ООН, но расхождения у нас существуют не по этому принципиальному вопросу.

Рузвельт сразу же изложил позицию в отношении принципа единогласия, которую американские представители отстаивали в Думбартон-Оксе. Он, конечно, хотел повлиять на дальнейшее обсуждение возникшей проблемы и на ее решение. Тем не менее по ходу беседы я не почувствовал, что президент особо заостряет вопрос. Он скорее рассуждал, анализировал проблему, искал пути к устранению трудностей.

Мне пришлось привести Рузвельту наши доводы в защиту позиции Советского Союза.

— Для отступления от этой позиции у нас пространства нет, — заметил я, — так же как не было его у наших войск, сражавшихся в Сталинграде. Так говорили наши воины, знавшие, что отступать на восток от Волги дальше нельзя.

Исход беседы пока не давал основания предполагать, что Вашингтон уже готов изменить свой подход. Но из того, что президент всю эту проблему анализировал, размышлял над ней, думал, как примирить обе позиции, было видно, что поиски соглашения по этому вопросу будут продолжены.

Рубеж, перекрывавший путь к решению вопроса о праве вето, окончательно так и не был преодолен на переговорах в Думбартон-Оксе. Мы тогда шутили:

— Три союзные державы никак не могут овладеть этим рубежом, в то время как их войска успешно преодолевают один за другим укрепленные рубежи фашистских армий и одерживают блестящие победы в боях.

И все же у советской стороны сохранялась уверенность, что и американцы, и англичане внесут коррективы в свою позицию, ибо

они не могут не отдавать себе отчет в том, что если этого не сделать, то просто не будет Организации Объединенных Наций. Именно так и произошло. Вопрос о праве вето решила Крымская конференция руководителей СССР, США и Англии. Рузвельт сам внес предложение, которое по своей формулировке в основном отвечало тому, на чем Советский Союз настаивал с самого начала.

В итоге достигли договоренности о том, что по всем важным вопросам, за исключением процедурных, решения в Совете Безопасности должны приниматься только при согласии всех его постоянных членов. Это имело принципиальное значение.

Много говорилось на Западе о том, почему Рузвельт пошел навстречу СССР. Немало по его адресу раздавалось и упреков. Но шаг, предпринятый им, объясняется просто. Он смог более трезво, чем некоторые другие политические деятели Вашингтона и Лондона, оценить ситуацию, осознать, что Советский Союз не может отказаться от принципа единогласия пяти держав при принятии важных решений в Совете. И в этом большая заслуга президента.

Тут решались главные вопросы

По достижении принципиальной договоренности о праве вето оставалось еще условиться, кто будет делить на важное и процедурное все то, что предстояло решать Совету Безопасности. Хотя в Крыму этим специально не занимались, но само существование указанной договоренности сделало возможным согласовать в дальнейшем, на Сан-Францисской конференции Объединенных Наций (25 апреля — 26 июня 1945 г.), совместное заявление СССР, США, Англии, Франции и Китая, где указывалось, что процедурным вопросом считается тот, в отношении которого ни одна из этих держав не выражает сомнения, что он является таковым.

Произошло так, что конференция в Сан-Франциско, задачей которой было учреждение ООН — международной организации, призванной объединить усилия миролюбивых стран во имя сохранения всеобщего мира, открылась в тот исторический день, когда советские войска встретились в Германии на Эльбе, в районе города Торгау, с американскими войсками.

Работа конференции проходила в период, когда мир вздохнул облегченно после разгрома гитлеровской Германии. Этот самый большой форум государств со времен Лиги Наций представлял интерес во многих отношениях. Впервые собрались под одной крышей на Тихоокеанском побережье США представители самых различных государств мира, чтобы создать надежную преграду новой войне. Все задавали себе вопросы:

— Какой должна быть эта преграда? Как измерить ее прочность? Что должно лечь в ее основание?

Посланцы государств Европы, по которой с наибольшей жестокостью прокатился раскаленный каток войны, несли особую ответственность за тот вклад, который им предстояло сделать в решение поставленной задачи. Конечно, взоры всех участников были устремлены прежде всего на делегацию СССР.

Историческая заслуга советского народа перед человечеством не требовала рекламы. О победе Красной Армии и ее роли в разгроме фашизма знали все. Мы, советские делегаты, это видели и ощущали на себе с первого дня пребывания в Сан-Франциско.

Вместе с тем замечалась известная разница в настроениях по отношению к нашей стране, в реакции на ее конкретные предложения и усилия на конференции. Представители Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза, ряда стран Латинской Америки с меньшим пониманием относились к позиции Советского Союза. Пламя войны этих стран

непосредственно не коснулось. Их потери не шли ни в какое сравнение с жертвами советского народа. Определенную скованность проявили и некоторые страны Азии и севера Африки.

Что касается наших союзников по войне — США, Англии, Франции, то в их политике уже часто чувствовалось как бы две души. Одна — признавала исторические заслуги страны социализма в спасении человеческой цивилизации от ига фашистских варваров. Другая — отражала их особые, узкие интересы и при обсуждении на конференции наиболее важных вопросов подталкивала к поиску таких решений, которые обеспечивали бы для крупных стран Запада доминирующее положение в мировой политике. И это двоедушие сказывалось во многом. Описанная выше беседа Трумэна с Молотовым в Вашингтоне за несколько дней до открытия Сан-Францисской конференции уже сама по себе настораживала.

Такие страны, как Польша, Чехословакия, Югославия, принимавшие участие в конференции, по всем главным вопросам высказывали взгляды, близкие к нашей точке зрения, хотя сложная обстановка, существовавшая тогда в этих странах, еще давала себя знать. В целом контакты с делегациями этих стран у нас установились дружественные, деловые. Мы почти ежедневно встречались с их представителями.

Во время работы конференции мы внимательно наблюдали за залом пленарных заседаний, который всегда заполнялся до отказа. Там обычно царила атмосфера напряженного ожидания. Пресса, можно сказать, изощрялась в разного рода прогнозах, предположениях и просто выдумках по поводу заседаний. Телевидение в то время еще непрочно стояло на ногах — его очередь обрушить на людей каскады информации пришла позднее.

Тем не менее если сравнить обстановку, в которой проходили дискуссии на конференции в Сан-Франциско, с накалом обсуждения соответствующих проблем на международных форумах сегодня, то такое сравнение будет далеко не всегда в пользу современных форумов. Это касается и ООН. Тогда лексикон речей представителей капиталистического мира еще не украшали такие «жемчужины» ораторского искусства, как «политика с позиции силы», «холодная война», «крестовый поход против коммунизма», «Советский Союз — это империя зла» и т. д. Однако при обсуждении отдельных острых вопросов, например о праве вето, нервишки у представителей некоторых западных стран и тогда сдавали.

Советские представители неизменно вели себя достойно на всех уровнях. Факты, аргументы и логика жизни, неумолимый ход

событий в мире, приведший к краху гитлеровского рейха, — вот что определяло содержание речей, заявлений и предложений Советского Союза на Сан-Францисской конференции.

Главные вопросы на этой конференции решались не на общих ее заседаниях, не в разного рода комитетах с участием всех государств, в частности Руководящего комитета, а на совещаниях представителей великих держав, которые проводились практически ежедневно. На них присутствовали главы делегаций и по два-три (редко больше) члена делегации и советника.

Представителем США на конференции в Сан-Франциско был Эдуард Стеттиниус, ставший к этому времени государственным секретарем. Делегацию Советского Союза — с отъездом Молотова после его кратковременного пребывания на конференции — возглавлял я, как посол СССР в Вашингтоне. Во главе делегаций Англии, Франции и Китая были на начальном этапе министры иностранных дел — соответственно Антони Иден, Жорж Бидо и Сун Цзывэнь, а затем их главами стали тогдашний английский посол в Вашингтоне лорд Галифакс (как бы на одинаковом с ним положении находился и высокопоставленный представитель Форин оффиса Александр Кадоган), французский политический деятель Жозеф Поль-Бонкур и крупный китайский дипломат того времени Ку Вэйцзюнь (во всем мире его знали как Веллингтона Ку).

После заседаний

Деятельность глав делегаций великих держав занимала особое место в работе конференции. От степени взаимопонимания между ними или, напротив, от отсутствия такового зависел политический пульс этого форума и в конечном итоге принятие решений по вопросам, которые находились на его рассмотрении.

Сложилось так, что главные импульсы в постановке самих вопросов, в преодолении разногласий и нахождении взаимоприемлемых решений исходили от советской и американской делегаций. Если бы кто-либо специально наблюдал, в каком настроении покидают зал заседаний участники узких встреч, то перед ним предстала бы любопытная картина. В случае достижения согласия они расходились, оживленно разговаривая между собой. Временами звучали даже веселые замечания, а на лицах появлялись сдержанные улыбки.

Лишь выражение лиц представителей Китая было такое, что на них ничего определенного прочесть было нельзя. Шаткое положение чанкайшистской клики накладывало печать на деятельность китайских делегатов и на их настроение. Даже ветеран внешнеполитической службы старого Китая Ку Вэйцзюнь выглядел, как правило, несколько растерянным и замкнутым. На заседаниях он больше отмалчивался, причем часто на его лице была видна печаль, которую не могли развеять даже американские представители, демонстрировавшие по отношению к нему и его коллегам свое расположение и учтивость.

В тех случаях, когда по тому или иному вопросу не достигалось согласия, участники заседаний расходились обычно замкнувшись в себе, молчаливые. Складывалось впечатление, что они изобрели какой-то специальный язык жестов, который хорошо выражал их мысли в отношении «окаянных» оппонентов, не согласных с ними.

Что касается сна в последующую ночь, то он — что греха таить — случался у многих из участников неспокойным. В этом смысле не составляли исключения и советские представители. Все мы отдавали себе отчет в значении проблем, по которым должно быть достигнуто согласие, если исходить из выполнения стоящей перед конференцией задачи создания эффективной международной организации по защите мира.

Упомянутая группа участников узких встреч состояла из людей, совершенно разных по своему характеру, по манере держаться, выражать свои мысли и выслушивать других.

Казалось, господину случаю угодно, чтобы у них имелось поменьше общих черт и побольше специфических, присущих только данному индивидууму.

Разумеется, встречи «пятерки» и их направляющая роль на конференции публично не афишировались, но все участники этого форума о них знали и в целом принимали их как должное. Война приучила ко многому.

Если объективно оценивать значение этих встреч, то следует сказать, что они диктовались не просто целесообразностью, но и необходимостью. Гораздо труднее пришлось бы искать решения проблем, ежедневно выслушивая на широких собраниях и заседаниях с участием всех делегаций многочисленные речи, пересыпавшиеся часто изрядной порцией пустозвонства. Таких речей и без того хватало, особенно по вопросам о праве вето и полномочиях Генеральной Ассамблеи.

Заседания созданного на конференции в Сан-Франциско Руководящего комитета, в который входили главы всех делегаций, мало чем отличались от общих пленарных заседаний. Присутствие глав делегаций позволяло, однако, более выпукло увидеть политическую линию страны по обсуждавшимся вопросам. Кроме того, в комитете в какой-то степени легче получались объяснения с коллегами просто потому, что разговор шел между людьми, располагавшими большими полномочиями.

Часто советники и эксперты заводили дискуссии в такие тупики, что могло сложиться впечатление о безысходности положения. Потом оказывалось, что выход был, но до поры до времени о нем знали только руководители делегаций. Надо сказать, что такая практика не чужда и международным форумам нашего времени.

Советские представители на всем протяжении работы конференции постоянно ощущали то, что делегаты Запада, за редким исключением, — это люди другого мира, мыслившие другими категориями. Причем бывало так, что наиболее дерзкими нашими оппонентами оказывались не столько делегаты крупных западных государств, сколько стран, от них зависимых. Особенно характерной в этом отношении тогда явилась линия, которой следовали представители английских доминионов. Они в ту пору еще не успели обрести в политике свое национальное лицо.

Смешно на заседаниях выглядели главы делегаций Австралии — Герберт Эватт, Новой Зеландии — Питер Фрэзер и Канады — Кинг Маккензи. Это они, применяя всякие ухищрения, изливая потоки слов, стремились похоронить право вето.

Мы знали, что этих своих верных партнеров по британскому

содружеству англичане использовали, когда сами считали неудобным для себя в открытую выходить на первый план и бороться против принципа единогласия великих держав.

Работа конференции давала множество подтверждений тому, что классовые интересы тех, кто определял внешнюю политику в подавляющем большинстве капиталистических стран, перевешивают, как правило, все другие соображения и мотивы. Разве не явилось ярким примером этого образование Североатлантического блока, и всего-то лишь через четыре года после создания ООН?

Договоренность о предварительном рассмотрении всех важных вопросов на узких совещаниях «большой пятерки» была достигнута еще до начала работы конференции. Притом державы это сделали без особых затруднений, поскольку все отдавали себе отчет, что без согласия пяти делегаций никаких соглашений достичь невозможно. Более того, вся «пятерка» понимала еще и то, что успех конференции будет зависеть от позиций Советского Союза и США и что согласие между ними будет иметь решающее значение для всех остальных стран.

Помимо встреч глав делегаций «большой пятерки» время от времени проходили и более узкие встречи: иногда «тройки» — СССР, США и Англии, но больше — только СССР и США. На встречах советских и американских представителей имели место, пожалуй, наиболее ощутимые договоренности. Обычно эти встречи происходили внешне так, как если бы заранее не было достигнуто согласия о месте и времени их проведения.

Одна из таких встреч состоялась между мной и Стеттиниусом. Было это, можно сказать, в разгар самых острых дискуссий по вопросам о праве вето постоянных членов Совета Безопасности, о полномочиях Генеральной Ассамблеи ООН, а также о дальнейшей судьбе колониальных территорий. Эти вопросы находились в центре внимания участников конференции почти с самого ее начала и до конца.

Направление, по которому развивалось обсуждение этих проблем, более или менее определилось. Однако решения по ним еще не были сформулированы окончательно для включения в Устав ООН. Все понимали, что соответствующие формулировки могут быть разные, что они будут либо способствовать созданию эффективной всемирной организации, либо толкать на путь принятия рыхлого устава, которого затем уже не поправишь.

Разговор у нас со Стеттиниусом проходил один на один.

Первым из вопросов был поднят «давний знакомый» — о праве вето. Казалось бы, дело ясное, ведь этот вопрос еще до встречи в Сан-Франциско решила Крымская конференция. Однако

Вашингтон при новом хозяине Белого дома — Трумэне, который далеко не во всем сочувствовал тому, что было принято в Ялте с участием Рузвельта, решил попытаться пошатнуть достигнутую там договоренность, хотя нельзя сказать, что американская администрация пришла к выводу о необходимости во что бы то ни стало похоронить принцип единогласия.

В ходе беседы со Стеттиниусом я обратил его внимание на следующее:

— Представители США в различных комитетах не проявляют твердости в отстаивании формулы относительно права вето, принятой на Крымской конференции. От ялтинской договоренности не может быть отступления. Советский Союз на это не пойдет. Он считает, что без должного решения вопроса о праве вето в духе Ялты невозможно будет создать международную организацию. И мы надеемся, что США, как и все остальные державы «пятерки», будут не формально, а по существу отстаивать принцип единогласия постоянных членов в Совете Безопасности.

Стеттиниус внимательно выслушал мое заявление. Он сказал:

— Я солидарен с тем, что расшатывание ялтинской договоренности означало бы огромный риск, и обещаю позаботиться насчет того, чтобы представители США в комитетах и разного рода рабочих группах не допускали колебаний в отношении этой договоренности.

У меня осталось от этой части беседы впечатление, что Стеттиниус и сам нуждался в том, чтобы освободить от колебаний свою собственную позицию. В силу внутренней убежденности государственный секретарь США продолжал поддерживать линию Рузвельта. Но эта поддержка еще не означала, что он давал должный отпор тем, кто в администрации Трумэна проявлял в указанном вопросе колебания.

Надо все же признать, что Стеттиниус в последующем, особенно в ходе второй части конференции, предпринял немало усилий, с тем чтобы этот форум не потерпел крушение.

Немая сцена

Предстояло найти решение вопроса о том, что должен рассматривать Совет Безопасности и что — Генеральная Ассамблея, то есть какие дела могут быть объектом применения вето и какие — нет.

Естественно, Советский Союз выступал за то, чтобы все важные проблемы войны и мира решались Советом Безопасности. Вашингтон и Лондон настаивали на таком разделении этих проблем, которое расширяло бы права Генеральной Ассамблеи в ущерб Совету Безопасности. Стремление администрации США отобрать побольше полномочий у Совета Безопасности и передать их Генеральной Ассамблее основывалось на уверенности, что Соединенные Штаты смогут легче получать там поддержку необходимого большинства и проводить выгодные им решения. Представители же ряда стран, главным образом малых, вообще настаивали на том, чтобы наделить Генеральную Ассамблею чуть ли не такими полномочиями, как и Совет Безопасности, а то и более широкими.

Ясно, что эта тенденция направлялась на то, чтобы посредством расширения полномочий Ассамблеи и сужения полномочий Совета фактически переместить политический центр ответственности за поддержание мира. В этой связи во весь рост встал вопрос об определении границы, которая разделяла бы функции того и другого органа ООН.

Тут же, как из рога изобилия, посыпались предложения о наделении Генеральной Ассамблеи правами рассматривать практически все вопросы, не связанные с применением санкций против государств. Поэтому советская сторона заявила, что недопустимо наносить удар по Совету Безопасности как бы с черного хода, под предлогом демократизации ООН.

Именно так мне пришлось поставить вопрос и в беседе со Стеттиниусом.

— Псевдодемократическая оболочка требований о расширении прав Ассамблеи в ущерб правам Совета, — заявил я, — тоже находится в противоречии с ялтинским соглашением.

Стеттиниус в общем с пониманием отнесся к позиции Советского Союза. Он сказал:

— Надо, конечно, поработать над тем, как справедливо разделить полномочия Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи. Я к такой работе готов.

После нелегких переговоров наметилась возможность взаимопонимания: Генеральная Ассамблея может обсуждать,

именно обсуждать, любой вопрос, поставленный тем или иным государством или любой группой государств, но она не должна иметь право принимать обязательные решения, иначе говоря, может высказывать только консультативное мнение, а Совет Безопасности должен иметь полномочия принимать обязательные решения с согласия всех его постоянных членов.

Советская делегация далее заявила:

— Наша страна не даст своего согласия на такой Устав ООН, который сеял бы семена новых военных конфликтов между странами.

Помню, после такого заявления с нашей стороны на одном из совещаний пяти держав воцарилась напряженная тишина. Взоры участников устремлялись в этот момент на главу делегации США в ожидании, что скажет он в ответ.

Стеттиниус находился в явном замешательстве. С одной стороны, он оставался убежденным сторонником линии Рузвельта, который в Крыму признал необходимость права вето, приверженцем общего курса на сотрудничество с Советским Союзом, а с другой — директива Белого дома обязывала Стеттиниуса все же попытаться заложить мину в вопросе о праве вето. Молчал и член делегации США сенатор Ванденберг.

Немая сцена длилась, наверно, минут десять. Дело кончилось тем, что достигли взаимопонимания в одном — прервать совещание и разойтись для обдумывания ситуации. Все участники расходились, понурив голову, и, пожалуй, это была уже — пусть мне простят такой новый термин суровые театроведы! — «ходячая немая сцена». Поскольку коридоры были длинными, а группы представителей расходились одна за другой, то все это в какой-то степени напоминало с виду похоронную процессию.

Пожалуй, лишь у одного участника совещания играла плохо скрываемая улыбка, так как он знал, что принцип единогласия в конечном счете возьмет верх. Им был Лео Пасвольский, который являлся как бы мозговым центром государственного департамента США по проблемам, связанным с ООН.

Несколько новых встреч «большой пятерки» в ходе конференции оказались напряженными. Такое напряжение возрастало постепенно. Оно достигло пика, когда четко выявилось, что американо-английскую позицию по вопросам разделения полномочий Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи нельзя примирить с мнением Советского Союза до тех пор, пока одна из сторон не отступит.

Было ясно, что президент Трумэн дал идущие вразрез с ялтинскими решениями директивы делегации США. Перемены в действиях Вашингтона сразу же почувствовали все участники

конференции.

Особенно усердствовал входивший в состав делегации США член конгресса — Артур Ванденберг. Он был достаточно влиятельной фигурой в американской политической жизни: Ванденберг возглавлял республиканскую оппозицию в сенате.

Советская делегация вновь высказала категорическое мнение:

— Измором нас взять нельзя. Надо перестать навязывать нам внутренние нормы работы американского конгресса. ООН — международная организация, и ее Устав должен быть приемлем для всех государств, в том числе и для Советского Союза.

Только после этого противники вето отступили.

Лед тронулся и в связи с обсуждением полномочий Генеральной Ассамблеи, хотя «арьергардные бои» делегация США еще вела. Стала вырисовываться применительно к Генеральной Ассамблее компромиссная формула, согласно которой она, Генеральная Ассамблея, могла обсуждать любой вопрос, но не принимать обязательных решений для государств — членов ООН. Это уже приближало договоренность.

Все участники стали веселее. Появилось больше добродушных шуток. Кто-то из делегатов, имея в виду договоренность по Уставу, сказал так:

— Звезда, которая раньше только мерцала, теперь светит устойчивым светом.

Через несколько дней политическая погода на конференции изменилась. Появилась статья 10 главы IV Устава ООН, ограничивающая полномочия Генеральной Ассамблеи выработкой лишь рекомендательных, не имеющих обязательной силы решений. В итоге вопрос о вето решили так, как предусматривалось договоренностью в Крыму.

Порочный подход Вашингтона

Острый оборот приобрело обсуждение на конференции в Сан-Франциско вопроса о международной опеке, об определении статуса подопечных территорий, то есть ряда бывших колониальных владений, управление которыми осуществлялось ранее в соответствии с мандатом Лиги Наций. Решение этого вопроса имело особое значение в свете нового подъема национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах в годы второй мировой войны.

Советский Союз исходил из своей принципиальной позиции в пользу предоставления независимости колониальным странам и народам. Западные державы, особенно Англия, в общем следовали линии на сохранение системы колониального господства. Впрочем, подход США отличался заметным своеобразием. Вашингтон склонялся рассматривать колониальные империи в том виде, в котором они исторически сложились, как анахронизм, и не делал секрета из того, что у него не вызвал бы печали постепенный их «демонтаж». Монополистический капитал США рассчитывал, что в результате этого перед ним будут открыты новые возможности, включая политические.

В ходе обсуждения вопроса о подопечных территориях представители США держались по отношению к советским представителям предупредительно, подчеркивая, с учетом принципиальной позиции СССР, ту мысль, что колониальные державы похозяйничали в своих владениях и хватит с них. Во всяком случае, старые хозяева могут потесниться. В частности, в упомянутой беседе Стеттиниус не скупился на саркастические выражения по адресу этих держав, которые и сами, по мнению Вашингтона, должны понять, что времена изменились и что с колониями им придется распрощаться.

Проблемы колониальных территорий и их предстоящую судьбу мне не раз пришлось обсуждать с Гарольдом Стассеном, отвечавшим за этот участок работы в американской делегации. На эту тему беседовали с ним и члены советской делегации послы А. И. Лаврентьев и К. В. Новиков.

Стассен был одним из влиятельных деятелей верхушки республиканской партии. Он часто и смело выступал с критикой политики демократов. Главное внимание при этом он уделял сопоставлению позиций двух основных партий страны в вопросах внутренней жизни, стараясь показывать преимущества политики республиканцев по сравнению с курсом демократов. И это вполне

естественно. Как одна, так и другая партия всегда старались найти слабые стороны у своих оппонентов прежде всего в делах внутриамериканской жизни. Стассен среди республиканцев считался одним из наиболее опытных политиков, к тому же человеком незаурядного ума.

В своих выступлениях он приобрел значительный опыт, а его победа на выборах губернатора штата Миннесота была обеспечена именно умением и ловкостью, с которыми он наносил удары по своему сопернику-демократу.

В тот период у него не было контактов с советским посольством в Вашингтоне, тем более что Стассен по соображениям высокой политики к Рузвельту и его политическому курсу относился демонстративно негативно.

Наше знакомство с этим деятелем состоялось после его пребывания на посту губернатора штата Миннесота и уже после кончины Рузвельта. Впервые я встретился с ним в Сан-Франциско на конференции. Американская делегация включала представителей обеих крупнейших партий США: в нее входили и демократы, и республиканцы. Делегация была довольно многочисленной. Правда, Стассен не входил в основной состав делегации, но его считали одним из главных ее советников.

Мы, советские представители, видели, что не только на пленарных заседаниях конференции, но и в ее комитетах, в том числе в Руководящем комитете, Стассен неизменно присутствовал. Его внушительная фигура — а роста он был высокого, телосложения плотного — неизменно виднелась позади первого ряда делегации на всех заседаниях. Всегда с блокнотом в руке, он вел свои записи. В перерывах довольно свободно общался с представителями других государств. Мы заметили, что ему явно поручалась роль высокого ранга связного, который обязан поддерживать контакты с представителями Советского Союза и обсуждать некоторые вопросы по существу.

Руководство делегации США желало, чтобы с советскими представителями поддерживал связь авторитетный американский деятель. Вот и получалось, что те деловые контакты, которые он установил, оказались полезными и продуктивными для обеих сторон. Глава делегации США Стеттиниус непрерывно давал ему поручения что-то обсуждать с советскими дипломатами.

Главное внимание американский деятель уделял вопросу о судьбе колониальных владений государств. В первую очередь это относилось к Англии и Франции. Иногда он приходил к нашим представителям с помощниками — их бывало один-два. А вообще-то он предпочитал встречи в узком кругу, заявляя представителям СССР в ходе таких бесед:

— Конференция должна стать историческим рубежом, за которым последует освобождение колоний. Это, по мнению США, произойдет в отношении одних территорий путем предоставления колониям независимости, в отношении других — путем постановки их под опеку, выработкой условий которой и должна заняться соответствующая международная организация.

Эту точку зрения высказывали в беседах со мной и Стассен, и государственный секретарь США Стеттиниус, притом неоднократно и настойчиво.

Вопрос о колониях занимал важное место в работе конференции потому, что в нем сходились и перекрещивались интересы крупных держав. Логика событий привела к тому, что точка зрения СССР по данному вопросу совпала во многом с позицией США.

Вначале представители США говорили нам о своей позиции как бы шепотом, чтобы не так уж быстро она доходила до англичан. Однако становилось ясно, что рано или поздно всем крупным державам предстоит выложить свои карты на стол. Так оно и случилось.

Англичане вначале не пытались поддерживать контакты с советской делегацией по этому вопросу, по крайней мере в активной форме, хотя с американцами они не раз обсуждали проблему колоний. Однако с течением времени представители Великобритании все же стали вести диалог на эту тему и с советской делегацией.

Мы понимали, что в Москве была намечена принципиальная линия на конференции в вопросе о судьбе колоний. Хотя с делегацией Англии и состоялось много обсуждений, становилось все более ясным, что решающую роль в этом вопросе в Сан-Франциско призваны сыграть Советский Союз и Соединенные Штаты Америки. В конце концов, с этим согласилась и Англия. В итоге были согласованы и включены в Устав ООН соответствующие положения, касающиеся колоний.

Подавляющее большинство делегаций встретили положительно договоренность между крупными державами — СССР, США, Англией и Францией — по вопросу о судьбе колоний. Так, участники тех встреч четко осознавали, что недалеко то время, когда Индия, как суверенное государство, должна занять свое место в создаваемой организации, и эта великая страна будет дышать свободно как независимая.

Советский Союз уже тогда сыграл свою историческую роль в предоставлении свободы и национальной независимости колониальным странам. Однако предстояла еще напряженная борьба, прежде всего самих угнетенных народов, за то, чтобы

благородная идея освобождения их от ига колонизаторов была бы воплощена в жизнь. < Предстояло еще специальное обсуждение в ООН вопроса о ликвидации колониальной системы, но все понимали, что новое обсуждение уже будет проходить на основе Устава созданной международной организации.

Совершенно ясно, однако, что позиции СССР и США по своей сути расходились. Наша страна выступала за то, чтобы международная опека способствовала созданию условий, позволяющих населению указанных территорий обрести затем свою независимость.

Именно Советский Союз добился того, что содержащееся в Уставе ООН определение целей международной опеки включало достижение не только самоуправления этих территорий, как предлагалось в американском проекте, но также и их независимости. Вначале США высказывались против такой постановки вопроса.

На протяжении всех дискуссий американцы явно показывали, что у них прочно засела мысль: из нового положения с бывшими колониями должен извлечь выгоды прежде всего Вашингтон. Ими вынашивались планы завладеть некоторыми подопечными территориями, в первую очередь островами Микронезии в Тихом океане — Марианскими, Каролинскими и Маршалловыми, то есть теми, которые США в дальнейшем фактически прибрали к рукам в нарушение Устава ООН и соответствующего решения Совета Безопасности. То, что при создании ООН выглядело как намек на последующие действия, превратилось ныне в откровенный империалистический грабеж и произвол.

Все государства, которые стоят в международных делах за справедливость, за соблюдение соглашений, не могут не осудить самым решительным образом ту политику, которую осуществляет Вашингтон в отношении указанных территорий.

Следует сказать и еще об одном предмете острой дискуссии на Сан-Францисской конференции.

Ни в Думбартон-Оксе, ни в Крыму не рассматривался вопрос о том, будут ли государства — члены всемирной организации иметь право на выход из нее, если по тем или иным причинам они не пожелают больше оставаться в ее составе. Вопрос вроде бы простой. Но в то же время и сложный, поскольку он затрагивает принцип суверенитета государств.

С одной стороны, ни одно из государств не должно покидать организацию, призванную служить обеспечению международного мира. С другой — как быть, если, по мнению того или иного государства, всемирная организация не выполняет своих задач. Что же, в этом случае страна не должна иметь права прекратить

свое членство? Наконец, если та или иная страна решает перейти на позиции нейтралитета без членства в ООН, разве она должна быть лишена такого права? Эти вопросы не могли не возникнуть и возникали. Участникам конференции предстояло определить свои позиции на этот счет.

США, Англия, Франция внешне как бы заботились, чтобы ООН не ослаблялась путем выхода из нее тех или иных стран. Но это только внешне. В действительности они стремились нанести удар по священному принципу в системе международных отношений — принципу суверенитета государств. Его расшатывание в уставном порядке, можно сказать, генетически закладывало бы опасность вмешательства одних государств во внутренние дела других. Более того, это открывало бы возможность самой международной организации вмешиваться во внутренние дела стран — членов ООН.

СССР решительно воспротивился этому, настаивая на неприкосновенности принципа суверенитета. По поручению Советского правительства я сделал на конференции соответствующее заявление с занесением его в протокол заседания.

Большинство делегаций, одна за другой, заняли позиции, аналогичные советской. Была включена специальная статья (пункт 7 статьи 2 главы I), которая гласит, что Устав ООН ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства.

Ретроспективно оценивая дискуссию в Сан-Франциско по этому вопросу, нетрудно увидеть, что уже сорок с лишним лет назад делегаты от западных держав выпустили по принципу суверенитета государств немало залпов, которые перекликаются с теперешним подходом Вашингтона и некоторых его союзников к этому принципу.

История помогает лучше понять и некоторые факты современной обстановки. И наоборот.

Стеттиниус и сенатор Ванденберг

В период работы конференции я особенно часто встречался со Стеттиниусом. После смерти Рузвельта, с появлением новых веяний в американской политике, о чем уже говорилось, подавляющее большинство деятелей из его окружения ушли с занимаемых постов — либо по собственному желанию, либо их заменили. Стеттиниусу, однако, удалось на некоторое время «устоять».

Объяснялось это не в последнюю очередь тем, что государственный секретарь являлся представителем кругов монополистического бизнеса США. Сыграли свою роль и его связи с «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», где еще до войны он возглавлял одно время совет ее директоров. Эта стальная империя принадлежала к числу таких образований бизнеса, с которыми должен считаться любой президент, любая администрация США.

Тем не менее спустя три с небольшим месяца после смерти Рузвельта очередь дошла и до Стеттиниуса. Он был заменен на своем посту Джеймсом Бирнсом, который политически больше устраивал Трумэна.

Образ Стеттиниуса четко запечатлелся в моей памяти. Вот он сидит в кресле на совещании представителей великих держав в ходе работы конференции. Его волосы — цвета только что выпавшего снега. Он обводит глазами присутствующих. Когда выступает, находит слово для каждого из глав делегаций. Его речь ровная. Голос никогда не повышает. Но приводимые им доводы выглядят почему-то однозначно: это — черное, а это — белое. В глубь проблем он старался не вдаваться. Если же это требовалось, то предпочитал предоставить слово Пасвольскому или сенатору Ванденбергу.

У меня всегда возникало ощущение, и не только в Сан-Франциско, что дискуссии по сложным политическим вопросам ему не нравятся. Он считал их хотя и необходимым, но неприятным занятием. Видимо, командное положение в стальной промышленности США, которое он занимал долго, наложило печать на его характер и в значительной степени на склад его интеллекта.

После ухода с поста государственного секретаря Стеттиниус примерно год являлся представителем США в ООН. В дальнейшем государственных постов не занимал. В 1950 году он опубликовал книгу «Рузвельт и русские. Ялтинская конференция», где излагалась его точка зрения на вопросы

советско-американских отношений.

К уже упомянутым чертам Стеттиниуса следует добавить, что при встречах с советскими представителями он никогда не навязывал разговоров о преимуществах частного предпринимательства, американской демократии и американского образа жизни. А возможности у него для этого, казалось бы, имелись: к примеру, во время состоявшейся в период конференции в Думбартон-Оксе прогулки на яхте вокруг Манхаттана — центрального района Нью-Йорка.

На эту прогулку Стеттиниус пригласил меня с Лидией Дмитриевной и сыном Анатолием. Самого Стеттиниуса сопровождали его жена Вирджиния и два сына. Стояла хорошая погода, и мы собирались осмотреть достопримечательности Манхаттана — мосты, памятники и прочее.

Мы следовали на прогулочном катере вдоль острова. Стеттиниус давал пояснения со знанием дела… Вдруг он сказал:

— Смотрите, а вот это — Уолл-стрит.

Объяснять, что значит эта улица, он не стал, да в этом и не было необходимости. Но тогда я, пожалуй, впервые наиболее четко увидел, что на фоне каменных громад Манхаттана дома банков и фондовой биржи, иными словами ставка американского капитала, которая находится на этой улице, выглядела отнюдь не помпезно, скорее даже как-то подчеркнуто скромно. Одним концом эта улица упирается в воды океана, и потому ее так хорошо видно с судна, а другим — в кладбище.

Наш хозяин хотел показать нам с близкого расстояния статую Свободы, возвышающуюся при входе с Атлантики в нью-йоркскую гавань. И тут уж мы рассмотрели знаменитую «леди» в разных ракурсах. Убедились, что она имеет внушительные размеры. Даже не поднимаясь по лестницам, находящимся внутри этого колосса, можно понять, что размеры его огромны.

При осмотре статуи Свободы мне так и хотелось напомнить меткое замечание Теодора Драйзера о том, что было бы более правильным на ее пьедестале поместить слова из «Божественной комедии» Данте: «Оставь надежду всяк, сюда входящий» — вместо выгравированных на металлической доске, укрепленной в вестибюле пьедестала, строк сонета поэтессы Э. Лазарус.

Увы! Мечтала поэтесса благородно. Но как далеки ее мечты от суровой действительности Нового Света, где все благородное и человеческое так часто приносится в жертву интересам монополий.

Завершая свои впечатления о Стеттиниусе, хочу сказать, у меня, несмотря на то что он был представителем другого социального мира, сложилось мнение, что он являл собой тип

дипломата и человека, с которым можно говорить и договариваться.

Заметным влиянием в американской делегации на Сан-Францисской конференции пользовался сенатор Артур Ванденберг. Он относился к категории тех, кто принимал участие преимущественно во внутренней работе делегаций стран Запада. На узких и общих встречах Ванденберг предпочитал отмалчиваться.

С момента избрания в 1932 году Рузвельта на пост президента Ванденберг стал лидером республиканской оппозиции в сенате. Он выступал против признания СССР и неоднократно в своих речах требовал разрыва дипломатических отношений с нашей страной.

Накануне второй мировой войны Ванденберг защищал точку зрения, сторонники которой утверждали, что западным державам не угрожает опасность со стороны гитлеровской Германии. Вскоре после того, как мировая война разразилась, он сделал заявление, что она «не имеет никакого отношения к Америке», а в феврале 1941 года выступил против закона о ленд-лизе.

На всем протяжении войны Ванденберг вел борьбу против политики Рузвельта, сопротивляясь открытию второго фронта в Европе и высказываясь за концентрацию военных усилий США на Тихом океане. Тем не менее Рузвельт, учитывая влияние Ванденберга в республиканской партии, пригласил его войти в состав американской делегации на конференции в Сан-Франциско.

Незадолго до ее открытия сенатор выступил с поправками и дополнениями к проекту устава будущей международной организации, выработанному в Думбартон-Оксе. Эти поправки имели целью ослабить роль Совета Безопасности, подорвать сотрудничество великих держав в деле создания ООН. И все же, принимая во внимание настроение общественного мнения США, Ванденберг по окончании конференции в Сан-Франциско выступил в сенате за ратификацию принятого на ней Устава ООН.

После смерти Рузвельта влияние сенатора на внешнюю политику США усилилось. Он фактически стал правой рукой Бирнса, который, как уже отмечалось, сменил Стеттиниуса. Ванденберг проявил себя убежденным противником послевоенного сотрудничества государств антигитлеровской коалиции.

Лорд Галифакс и Поль-Бонкур

Теперь о лорде Галифаксе, который возглавлял английскую делегацию после отъезда Идена из Сан-Франциско. Фигура лорда, которого шутя участники конференции называли «каланчой», видится мне так отчетливо, как если бы я встречался с ним всего лишь несколько дней назад.

Собственно, если быть точным, то его титул гласил «лорд Ирвин», и получил он этот титул еще в 1926 году, когда король Великобритании Георг V направил его в Индию на пост вице-короля. Эдуард Фредерик Вуд Галифакс, член палаты общин с 1910 года, сменил ряд министерских портфелей. Он являлся настолько известной личностью на политическом горизонте, что его стали звать не «лорд Ирвин», а «лорд Галифакс».

В свое время, до второй мировой войны, лорд Галифакс осуществлял значительное воздействие на внешнюю политику Англии и оказался среди тех, кто добивался соглашения с Германией на антисоветской основе. В качестве министра иностранных дел он входил в состав правительства Чемберлена — одного из отцов мюнхенского сговора. Галифакс сохранил этот пост и в коалиционном правительстве Черчилля, пришедшем к власти в Англии с началом второй мировой войны. Однако вел он себя нерешительно, постоянно менял свою политическую позицию по отношению к Гитлеру. Именно из-за этого лорду пришлось распрощаться с министерским портфелем.

В опубликованных уже в 1957 году мемуарах Галифакс пытается снять с себя ответственность за политику «умиротворения» агрессоров, приведшую к роковой развязке — второй мировой войне, переложить ответственность на других британских и европейских политиков, якобы «прозевавших» события в Германии. Он уверяет, что соглашение в Мюнхене хотя и представлялось «ужасным и грустным делом, но было меньшим из двух зол». Даже после всего того, что пришлось пережить народам в годы фашизма, по мнению Галифакса, большим из зол оставалась организация решительного отпора гитлеровской Германии. Вплоть до своих последних дней он не признавал историческую правоту Советского Союза, делавшего все, чтобы предотвратить войну.

Познакомился я с Галифаксом в Вашингтоне. С декабря 1940 года он являлся британским послом в США.

Нельзя сказать, чтобы Галифакс принадлежал к категории людей, легко идущих на контакты. Видимо, физический недостаток в какой-то степени его связывал: у него от рождения

была атрофирована одна рука.

Кроме того, рафинированный аристократ, он выработал в себе привычку вращаться только в кругу «сильных мира сего», к числу которых он себя причислял. Это часто вызывало улыбку у американцев, да и не только у них. Многие втихую над ним добродушно подтрунивали.

У меня с Галифаксом установились в общем нормальные контакты. Он посещал даже митинги, организатором которых было общество американо-советской дружбы, а на одном из таких митингов, состоявшемся в Нью-Йорке в «Мэдисон сквер гардене», выступил в числе других ораторов с речью.

Во время встреч Галифакс охотно поддерживал разговор по вопросам, относящимся к положению на фронтах. Ему нравилось поговорить и о том, что слышно в «коридорах власти» в Вашингтоне. Однако я часто замечал, что его высказывания о США окрашиваются легким налетом иронии. Видимо, он подобным образом «расплачивался» за не очень лестные характеристики, которые давали американцы его позиции как министра иностранных дел в прошлом. Иногда в присутствии представителей США он отпускал по их адресу шутки из арсенала высказываний, звучавших в великосветских салонах Лондона.

Но чего Галифакс не переносил, так это напоминания о том, какую позицию в отношении Германии он занимал до войны. Его щадили — просто ни о чем, связанном с этой темой, как правило, в его присутствии не говорилось. Старался и я не доставлять ему этого неудовольствия.

Собеседником он был интересным. Разговоры о войне, президентах, правительствах, международных встречах, интригах гитлеровцев в отношении нейтралов, шепот иностранных дипломатов — все это он улавливал, комментировал, одобрял или не одобрял. Его и без того длинная шея, когда он к чему-либо прислушивался, казалось, вытягивалась еще больше. Но на такие темы, как экономика, безработица, прибыли монополии, профсоюзы, с ним не стоило заговаривать. По своим взглядам он относился к аристократам из аристократов.

Видимо, в связи с тем, что в прошлом Галифакс занимал пост министра иностранных дел, ему иногда поручалось возглавлять английские делегации на союзнических встречах, хотя по положению старшими могли бы являться другие представители. Так произошло на конференции в Думбартон-Оксе и в период работы Сан-Францисской конференции.

На совещаниях представителей «большой пятерки», проводившихся в Сан-Франциско, иногда казалось, что Галифакс смотрит на все происходящее рассеянным, почти отсутствующим

взглядом.

Наиболее полное впечатление о лорде Галифаксе дала мне беседа, состоявшаяся в 1945 году в Сан-Франциско. Он неожиданно вышел за рамки того, что происходило тогда в этом американском городе, и заявил:

— Не все должно сводиться только к теме конференции.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— В сфере внешней политики имеется немало проблем, которыми не занимается конференция, — уточнил он.

Развивая свою мысль, он продолжил:

— О периоде, предшествовавшем второй мировой войне, правительства наших стран уже неоднократно обменивались мнениями и излагали свои позиции и во время личных встреч руководителей государств, и через своих послов. Поэтому я хотел бы высказать некоторые мысли о будущем. Хотел бы сказать, какими я представляю себе отношения между Советским Союзом и западными странами в перспективе.

— Это очень интересно, — заметил я. Лорд говорил:

— Конечно, СССР — это государство совершенно другое. Вы называете его коммунистическим.

Тут я подчеркнул:

— Мы называем его социалистическим, хотя наша конечная цель — построение коммунизма.

— Да, да, — откликнулся Галифакс, — именно так. Но недопущение новой военной катастрофы после страшной войны, которая была навязана и вам, и нам, как и многим другим странам, становится главной задачей. Надо сделать все, чтобы новой войны не было.

Я сказал:

— Это почти те же самые слова, с которыми Сталин обратился к Рузвельту на обеде в Ялте, где присутствовал и Черчилль. Не-

допущение новой войны — это главная задача, которая будет стоять и перед новой универсальной международной организацией. Объединенные Нации создают ее здесь именно сейчас, разрабатывая Устав.

— Конечно, — заявил Галифакс, — когда будет утвержден Устав ООН и нужно будет проводить его в жизнь, то будут возникать многие задачи. Но главное, чтобы союзные государства действовали согласованно.

— Именно этой цели, — отозвался я, — и отвечает то, что все мы называем «правом вето». Оно обязывает крупные державы действовать согласованно и исключает возможность военных столкновений между ними, если, конечно, Устав будет строго

соблюдаться. Сейчас уже существует договоренность, что принцип единогласия должен быть ясно отражен в Уставе.

— И ничто не мешает, — подхватил эту мысль Галифакс, — принять Устав в целом, имея в виду, что его вступление в силу произойдет тогда, когда после утверждения на Сан-Францисской конференции положенное число государств ратифицирует его. Англия с этим делом тянуть не будет.

В этот момент представился случай высказать и нашу точку зрения на проблему ратификации Устава:

— Не будет тянуть и Советский Союз. Что касается США, то, надо полагать, что с их стороны задержки, вероятно, тоже не будет.

Галифакс сказал:

— США, уделив такое большое внимание вопросам разработки Устава, не могут затягивать его ратификацию.

Затем он затронул вопрос о системе колоний и о том, как в конце концов должны быть сформулированы соответствующие статьи Устава, касающиеся колоний:

— Англия, конечно, понимает, что существовавшее до сих пор положение не может оставаться неизменным. В то же время Англия не может просто перечеркнуть то, что было до сих пор. Ведь в развитие колоний нами вложены огромные ресурсы и колоссальные усилия. И это все, конечно, надо учитывать.

Я обратил внимание Галифакса на такое обстоятельство:

— Между советской, американской и английской делегациями в основном уже наметилась договоренность. Французская делегация тоже присоединилась к ней. Из этого и следует исходить.

По всему было видно, что Галифакс решил еще раз как бы под занавес конференции прощупать позицию Советского Союза по колониям, узнать, насколько прочно мы ее придерживаемся.

В общем, лорд Галифакс оставался лордом Галифаксом. Он с большим трудом, можно сказать мучительно, воспринимал все, что подрывало милые его сердцу устои в вопросе о колониях. Когда ему хотелось что-то сказать, о чем он предварительно договаривался с Кадоганом, то выражал мысль подчеркнуто витиевато, так, что иногда мало кто мог его понять.

По всему ощущалось, что конкретикой обсуждавшихся вопросов Галифакс часто не владел, да и не любил ее. В этих случаях он представлял собой не активного участника конференции, желающего ей успеха, а человека, более привыкшего к атмосфере кулуарных встреч, в ходе которых ведутся беседы, сдобренные нередко солидной дозой светских сплетен.

В ряде вопросов, отсутствие решения которых задерживало завершение Сан-Францисской конференции, Галифакс прятался за «интересы» и «несговорчивость» малых стран. При этом в ходе переговоров приходилось возвращаться к нашим прошлым с ним беседам. Не могу сказать, что он всегда оставался верным тому, что говорил ранее, своему слову, данному на предыдущей встрече. При общении с Галифаксом и другими представителями английской дипломатии, в том числе на конференции в Сан-Франциско, мы никогда не испытывали уверенности в том, что они, дав нам то или иное обещание, сдержат его.

В контактах с советской делегацией Галифакс не позволял себе высказываний, недружественных в отношении нашей страны. Не думаю, что в его убеждениях произошел переворот. Но союзнический долг все же заставлял его соблюдать корректность.

Вопросы политического строя СССР, вопросы мировоззренческого, идеологического порядка мы с Галифаксом не обсуждали никогда. Он не раз давал понять, что в этой области не считает себя достаточно подкованным и твердо знает лишь одно — порядки в наших странах разные. В целом о философии он предпочитал не говорить, поскольку познания, относящиеся к этой науке, у него были довольно туманные.

Галифакс желал — и всегда это подчеркивал, — чтобы Англия выжила. А выжить она могла только в случае, если гитлеровская военная машина будет разбита. Роль Советского Союза в этом Галифакс отлично понимал.

В середине 1946 года Галифакс прекратил свою работу в качестве английского посла в Вашингтоне. Вернувшись в Англию, он больше не занимался активной политической деятельностью.

Участие в Сан-Францисской конференции по созданию ООН было последним «цветением» Галифакса на ниве внешней политики. Дальше пришла пора одиночества, любования своими газонами вплоть до 1959 года, когда он в возрасте 78 лет покинул этот мир. В последние годы жизни Галифакс стал как бы музейным экспонатом. Об этом мне говорили знакомые английские деятели. Когда они проезжали мимо его особняка, то обычно, указывая на этот дом, замечали:

— Здесь живет аристократ, бывший министр и посол лорд Галифакс.

Особых чувств эта фигура уже не вызывала. Отрицательные эмоции ушли в прошлое, а положительных не появлялось.

Вообще политическая судьба Галифакса содержит больше негативного. Когда требовалось постоять за интересы своей страны, проявить волю перед лицом агрессивных замыслов германского фашизма, Галифакс вместе с Чемберленом, в

правительство которого он входил, угоднически согнулся перед Гитлером…

Мои «этюды» о встречах в ходе Сан-Францисской конференции имели бы существенный пробел, если не рассказать, пусть коротко, о главе делегации Франции Жозефе Поль-Бонкуре. Он представлял собой, если можно так выразиться, француза из французов. Невысокого роста, с совершенно белыми, но всегда лихо зачесанными с явной тенденцией дыбиться волосами, он умел элегантно, но без претензий на броскость одеваться. Казалось, этот человек только что сошел со страниц бальзаковского романа.

Ко времени нашего знакомства Поль-Бонкур уже имел большой опыт как политический деятель. Он сделал блестящую карьеру. В двадцать пять лет — начальник канцелярии премьер-министра, чуть позднее — член палаты депутатов, в тридцать восемь — министр. Всегда находился в высших эшелонах власти, занимал посты военного министра, премьер-министра и министра иностранных дел. Не раз принимал участие в различных международных конференциях. Умер он в 1972 году, не дожив всего одного года до своего столетия.

Естественно, когда речь шла о вопросах, по которым расходились позиции Советского Союза и стран Запада, хотя в те времена они еще оставались нашими союзниками по войне, он всегда поддерживал США и Англию. Вместе с тем нередко он выражал взгляды Франции по какой-либо проблеме в более гибкой форме, чем это делали американские и английские представители. Можно вспомнить несколько случаев, когда умеренность представителя Франции помогала находить согласованные решения.

В целом Поль-Бонкур вел себя скромно. В этом отношении он совсем не походил на Бидо, который тоже в течение нескольких лет являлся министром иностранных дел Франции.

В одной из бесед после обмена мнениями по некоторым вопросам конференции я спросил Поль-Бонкура:

— Как вы представляете себе будущее Франции в связи со сложной обстановкой?

Он высказался оригинально и довольно смело:

— Франция обязательно встанет на ноги как независимое государство. Де Голль понял душу страны, и она за ним пойдет.

Собеседник избегал делать прогнозы насчет внутреннего социального развития. Но что касается роли Франции в Европе и в мире, то он смотрел на это оптимистически.

Чувствовалось, что высказывал все это Поль-Бонкур обдуманно. У него отсутствовал тот налет деланной

самоуверенности и даже спеси, которым отличался министр Бидо, когда говорил о будущем Франции.

Поль-Бонкур возглавлял делегацию Франции большую часть времени работы конференции в Сан-Франциско. Он участвовал в многочисленных политических баталиях еще в довоенной Франции. После начала второй мировой войны Поль-Бонкур как-то не сразу нашел свое место, но коллаборационизмом себя не запятнал. И поскольку во Франции сразу по окончании войны новые деятели на поприще дипломатии еще не успели проявить себя, то вполне понятно, что на Сан-Францисскую конференцию послали Поль-Бонкура.

Хорошо знакомый с внешней политикой США и Англии, Поль-Бонкур ориентировался на эти державы. Однако на всем протяжении конференции в заявлениях по крупным вопросам он проявлял желание к сближению позиций. В таком отношении к делу сказывалась еще не устоявшаяся политическая жизнь самой Франции. Имело значение также то, что между де Голлем и Рузвельтом установились натянутые отношения, а это, безусловно, давало себя знать в контактах французской и американской делегаций. Что касается нового президента США Трумэна, то он еще не вполне определил свое отношение к строптивому генералу, который не останавливался перед тем, чтобы сказать «нет» Вашингтону, когда, по его мнению, недостаточно учитывались интересы Франции.

Поль-Бонкур и французская делегация особой активности на заседаниях «пятерки» не проявляли, хотя в целом способствовали созданию конструктивной атмосферы. Сдержанность Поль-Бонкура не всегда нравилась представителям США.

Фельдмаршал Смэтс: «Я — за бога в Уставе ООН»

Среди представителей государств на конференции в Сан-Франциско выделялась такая своеобразная личность, как фельдмаршал Смэтс, который возглавлял делегацию Южно-Африканского Союза, ставшего затем Южно-Африканской Республикой. Этот деятель являл собой как бы осколок прошлого, отходящего все дальше в историю. Можно сказать, что представители Советского Союза впервые встретились с таким человеком.

Сын крупного голландского фермера в Южной Африке, Ян Христиан Смэтс получил блестящее образование в английском Кембридже. Возвратившись в Южную Африку, двадцатипятилетний молодой человек стал генеральным прокурором Трансвааля. В 1899–1902 годах являлся одним из видных руководителей борьбы буров за независимость, против английского колониального ига, хотя он вовсе не отстаивал и не выражал интересы негритянского большинства населения юга Африки. В 1905 году его послали в Англию участвовать в переговорах о предоставлении бурам самоуправления. Вернулся он из этой поездки как сторонник сотрудничества с Великобританией. Занимал много раз различные министерские посты, неоднократно бывал премьер-министром Южно-Африканского Союза. На Парижской мирной конференции после первой мировой войны выдвинул идею мандатной системы, с помощью которой империализм пытался замаскировать свое господство над «несамоуправляющимися территориями».

В 1939 году пришел к власти, сменив прогерманское правительство в Южно-Африканском Союзе. Стал премьером, одновременно заняв посты министра иностранных дел, министра обороны и главнокомандующего вооруженными силами страны. В 1941 году британская корона присвоила ему звание фельдмаршала британской армии.

Мы, увидев в Сан-Франциско этого человека, называли его «последним из могикан», имея в виду, что он к тому времени оставался, пожалуй, единственным из живых бывших руководителей восстания буров.

— Имейте в виду, господин Громыко, — сказал он однажды в доверительном плане, — что я в годы англо-бурской войны брал в плен самого Черчилля.

— Однако это не помешало вам очутиться в плену его

политики впоследствии, — заметил я.

Фельдмаршал не усмотрел в этой фразе иронии и не стал возражать.

Отель «Сан-Франсис», в котором» размещалась советская делегация, стал и местом моей встречи с фельдмаршалом. Что привело его на эту встречу?

Сразу же после того, как мы обменялись рукопожатием и выразили, как обычно бывает в таких случаях, удовлетворение по поводу факта встречи, Смэтс начал излагать причину, которая заставила его апеллировать к Советскому Союзу. Он заявил:

— Такого рода широкая конференция для меня — явление новое. Конечно, многое из того, что происходит на ее пленарных заседаниях и на заседаниях комитетов, понятно. Но есть и кое-что непонятное, по крайней мере для меня.

А потом добавил:

— Что касается наиболее острого из обсуждаемых на конференции вопросов — о праве вето, то тут наша делегация полагается в основном на пять держав — постоянных членов Совета Безопасности.

Он, правда, не упомянул при этом о том, что Южно-Африканский Союз поддерживал тех, кто пытался расшатать принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности.

— Но моя делегация и я сам, — сказал Смэтс, — с грустью констатируем, что в обсуждаемом проекте Устава ООН, согласованном на конференции в Думбартон-Оксе, вовсе нет бога.

Я переспросил седого фельдмаршала:

— Что значит «нет бога»? А где он тут должен быть? Собеседник совершенно спокойно объяснил:

— Что же получается? Какое бы положение Устава ООН ни обсуждалось — принципы ли, на которых должна строиться ООН, отдельные ли главы Устава, в которых излагаются полномочия органов ООН, определяются ли обязанности государств — членов Организации или полномочия Международного суда, — нигде не говорится о том, что за всем этим должен стоять бог. Государствам, как и людям, следует бояться бога, руководствоваться его велением. И это следовало бы отразить в Уставе Организации.

Смэтс дал ясно понять, что, по его убеждению, Лига Наций потерпела крах потому, что государства не прислушивались к воле бога.

Смотрел я на собеседника и старался понять: верит ли он сам в то, что говорит? Судя по тому, как экзальтированно он выглядел, когда все это произносил, и как энергично подчеркивал некоторые слова из своего пространного монолога, я понял, что

он действительно в это верит.

Высказывания Смэтса отражали одну из тех тайн, которые стеной отгораживают интеллект и чувства религиозных людей от реального мира, от природы, от науки. И над разрушением этой стены немало еще придется потрудиться. В этом я лишний раз убедился во время беседы со старым фельдмаршалом.

Высказав свои мысли, Смэтс ожидал моей реакции. Я сначала заметил:

— В Организации Объединенных Наций будут представлены разные государства, в которых господствуют разные идеологии, разное мировоззрение, в том числе материалистическое. Он внимательно слушал, а я продолжал:

— Вы ведь, вероятно, знаете, что советский народ и его направляющая сила — партия коммунистов руководствуются научным марксистско-ленинским учением. Наше мировоззрение, наша философия — диалектический материализм исключает идеализм и веру в сверхъестественную силу. Мы по характеру идеологии — государство атеистическое, хотя у нас имеется свобода вероисповедания, свобода религии. Как же мы можем в Уставе ООН, который должен быть посвящен делам сугубо земным, говорить о боге и делать это чуть ли не одним из принципов Организации? Устав должен нацеливать все государства — члены ООН на недопущение новой войны, на обеспечение мира между народами. Именно из этого следует исходить всем странам, независимо от того, какой у них общественный строй и какая идеология.

По лицу собеседника трудно было понять, какие мысли и чувства появились у него в результате моих высказываний. Внимательно выслушав их, Смэтс сказал:

— Хотя я и не разделяю ваш принципиальный подход к тому, следует ли в Уставе ООН отвести место положению о боге или не следует, но, конечно, я осознаю последовательность в ваших суждениях как представитель своего государства. Видимо, мои пожелания в таком случае неосуществимы.

Смэтс пришел к нам с этим вопросом, скорее всего посоветовавшись кое с кем из делегаций стран Запада. Однако открыто поднимать «проблему бога» на конференции он не стал. А делегации стран Запада тем более не решались превращать «вопрос о боге» в серьезный, ибо и без того оставался еще ряд важных земных проблем, которые предстояло урегулировать.

Распрощались мы с фельдмаршалом вежливо, оставшись, однако, каждый при своем мнении. По поведению, манере держаться Смэтс всегда оставался истым англичанином, хотя силы, которыми он руководил в борьбе за независимость,

сражались против Англии в чувствительном районе ее колониальных владений.

На конференции в Сан-Франциско Смэтс выступал редко. Этот вид деятельности, видимо, считал он, не для него: он больше знал толк в винтовке, чем в речах и заявлениях.

Нравилось Смэтсу ездить по улицам Сан-Франциско в открытой машине. Очень импонировало ему, когда публика узнавала и приветствовала его. В ответ он махал рукой и, по нашим наблюдениям, делал это с удовольствием.

В политическом отношении Смэтс и страна, которую он представлял, конечно же были надежными союзниками Англии, США и других стран Запада. В этом ряду государств Южно-Африканская Республика стоит и ныне с той лишь разницей, что ее внешняя политика является откровенно агрессивной. И не раз такую политику клеймила как раз та международная организация, которую Смэтсу очень хотелось свести лицом к лицу с богом. А что касается внутренней политики ЮАР, то ее неотъемлемыми частями остаются апартеид и расизм, доведенные до самых жестоких и уродливых форм.

Вокруг конференции

Если говорить об обстановке пребывания делегаций на конференции в Сан-Франциско, то власти США в целом создали сносные условия для ее работы — сносные, но не больше. Американцы помогли персоналу делегаций получить помещения для жилья и работы. Положение советской делегации облегчалось тем, что в Сан-Франциско находилось наше консульство. Что касается снимаемых в аренду помещений, то здесь сразу же нужно было выкладывать «деньги на бочку», и немалые.

В городе никаких враждебных выпадов против советских людей не допускалось, не в пример последующему поведению властей США. Потом те круги, которые определяли политику Вашингтона, видимо, испытывали удовольствие от создания неудобств для советских представителей, а то и от организаций прямых провокаций, часто представлявших угрозу для жизни наших людей. Власти страны пребывания ООН прибегали в отношении советских граждан к грубому нарушению общепризнанных норм международного права, а порой вообще их игнорировали.

США как принимающей стране, казалось бы, стоило устроить хотя бы минимум протокольных мероприятий для создания атмосферы, благоприятствующей успеху первой крупной после войны международной конференции. Но правительство США на это не пошло, ограничив в основном свои знаки внимания уровнем губернатора Уоррена и мэра города Лэфэма, которые в общем-то свою роль выполняли.

Президент Трумэн не почтил своим присутствием церемонию открытия конференции, хотя уже сам факт начала ее работы представлял собой явление далеко не ординарное в международной жизни. Однако, учитывая, что подобная «сдержанность» по отношению к этому форуму в условиях, когда на полях сражений еще продолжалась битва с фашизмом, могла обернуться политическими издержками, американский президент обратился к участникам конференции в Сан-Франциско в день ее открытия с приветственным посланием, в котором особо подчеркнул значимость усилий Объединенных Наций по созданию международной организации по поддержанию мира. В приветствии говорилось: «Никогда в истории не было более важной Конференции или более необходимой встречи, чем та, которую мы открываем в Сан-Франциско сегодня».

Какая огромная пропасть лежит между этими словами Трумэна, продиктованными, конечно, общим подъемом в мире в

связи с приближавшейся победой союзников, и реальной политикой его администрации. Крепко поработали в США сразу же после создания ООН над тем, чтобы во многих отношениях сковать эту Организацию в ее деятельности.

Случайна ли «сдержанность», с которой США восприняли открытие Сан-Францисской конференции? Нет, не случайна. Политически и морально администрация Трумэна уже готовилась к тому, чтобы на предстоящей встрече глав трех союзных держав в Потсдаме действовать не столько в интересах предотвращения возможности развязывания новой агрессии с германской земли, сколько вопреки этим интересам, встречая в штыки советские предложения, направленные на демилитаризацию и демократизацию Германии, на обеспечение мира в Европе и на всей земле.

Недостаток внимания со стороны властей США к делегатам и к конференции, как таковой, в целом в какой-то мере компенсировался городом Сан-Франциско.

Почти ежедневно и отовсюду, где мы проезжали и проходили, виднелся грандиозный мост «Голдэн гейтс бридж» — мост «Золотые ворота», перекинувшийся через пролив и соединяющий город с его пригородами. Особенно прекрасно смотрелся мост в солнечный день, когда это чудо инженерной мысли как будто улыбалось и говорило:

— Вот что может сделать человек! Так и хотелось ответить:

— Да, человек может создавать и создаст еще более грандиозные творения, если будет руководствоваться разумом, если в нем не возьмут верх инстинкт разрушения и жажда крови.

Кто бывал в Сан-Франциско, тот знает, что его улицы, по крайней мере многие из них, из-за подъемов и спусков доставляют немалые трудности пешеходам. А для людей физически нездоровых двигаться по ним можно только в автомашине. В определенное время года низкие места города покрываются густым туманом. Так случалось и в период работы конференции: машины еле-еле ползли. В таких условиях уличное движение можно было называть с гораздо большим основанием «уличным стоянием». Это явление мы считали причудами красивого города.

Наверно, ни один участник конференции не упустил возможности проехать в Рэд Вуд — Красный Лес — лес вековых секвой. Там есть и деревья, которым за тысячу лет, как установили ученые. Когда мы, советские делегаты, вступили в этот лес, то нам показалось, что попали в грандиозную бочку, куда не доносятся земные звуки. Видим, верхушки деревьев покачиваются, — значит, ветер. А здесь, внизу, тишина.

Ощущение испытали удивительное.

Осмотрели мы и дерево-гигант, через дупло-отверстие в котором может проехать автомобиль. С тем чтобы избавить посетителей от всяких сомнений, в это пространство под деревом поместили настоящий легковой автомобиль. Группы посетителей в этом удивительном лесу сменяли друг друга в течение всего дня.

Поездка в Рэд Вуд способна встряхнуть человека, хотя бы на несколько часов приобщить его к природе и заставить отдохнуть от горячих дискуссий, в ходе которых редко, разве что случайно, можно услышать доброе слово по адресу окружающей человека среды. Позже эти проблемы ворвутся в залы заседаний политических форумов и заставят людей призадуматься: какая же судьба ожидает всю нашу землю, а с нею и нас самих, если ядерный смерч пронесется по земному шару?

Где быть штаб-квартире ООН?

Принципиальное решение о месте размещения ООН было принято на конференции в Сан-Франциско, где между великими державами, по существу, было достигнуто понимание.

На этой конференции Советский Союз, учитывая ряд факторов, и прежде всего совместные с американскими союзниками усилия в борьбе против общего врага, а также неоднократные заверения Вашингтона в том, что Соединенные Штаты будут сотрудничать в деле недопущения новой войны, дал согласие на избрание США местом для штаб-квартиры ООН. СССР сделал дружественный жест по отношению к Вашингтону.

Теперь ясно, какой неблагодарностью платят в Соединенных Штатах Советскому государству за эту поддержку. В свете более чем сорокалетнего опыта деятельности ООН можно сказать, что если бы сегодня стоял вопрос о выборе места для ее штаб-квартиры, то требовалось бы серьезно поразмыслить, являются ли США той страной, в которой следует размещать штаб-квартиру.

Но предстояло еще, по всем правилам выполнив соответствующие процедуры, довести дело до конца. С этой целью на конференции в Сан-Франциско был создан исполнительный комитет, в который вошли представители четырнадцати государств, в том числе пять постоянных членов Совета Безопасности. Начать работу комитету предстояло 15 августа 1945 года в Лондоне.

Он и собрался, как было определено, 15 августа. Произошло это в старинном здании Черч-хауз, где находилась резиденция англиканской церкви. Ее здание стоит в самом центре Лондона, около площади, где расположен британский парламент.

Конференция в Сан-Франциско предопределила, что после работы исполнительного комитета ООН будет заседать подготовительная комиссия, в состав которой войдут все члены ООН. Этим двум органам и предстояло решить большой круг организационных вопросов, связанных с началом функционирования ООН.

Разумеется, принципиальное решение о месте размещения ООН следовало принять по всем правилам — с предоставлением каждому государству — члену ООН права проголосовать за тот или иной вариант, а также выдвигать и свое предложение. По крайней мере на протяжении года со времени окончания конференции в Сан-Франциско государства — первоначальные участники ООН размышляли над тем, каким должно быть решение.

В пользу пребывания штаб-квартиры ООН в США высказывались далеко не все. Более того, за такое решение вначале не получалось и формального большинства. Многие страны, в том числе Англия и Франция, отдавали предпочтение Европе. Споры шли довольно горячие, особенно в подготовительной комиссии ООН.

В ходе обсуждения назывались столицы разных стран. Из европейских главным образом три: Копенгаген, Париж и Женева. Правда, однажды на поверхность всплыло даже государство Монако. Копенгаген не получил поддержки необходимого большинства. Каких-то убедительных доводов против этого города никто не приводил, но и за него горячих речей тоже не произносил.

Париж или какой-либо другой французский город многим импонировал, но некоторые крупные страны Запада косо смотрели на этот вариант. Как-никак, а он означал бы, что Парижу или другому городу во Франции отдается преимущество по сравнению с Лондоном и Вашингтоном. Рим в списке не фигурировал, поскольку Италия, будучи одним из виновников развязывания войны, не значилась среди стран — первоначальных участниц ООН.

Женева. Этот город кое-кто горячо защищал, но возражающих стран оказалось еще больше. Сторонники Женевы ссылались на швейцарский нейтралитет, на удобства, которыми располагает город для размещения штаб-квартиры ООН.

Те, кто возражал, указывали, что новая организация не должна размещаться там, где располагалась Лига Наций. В памяти народов, утверждали они, Женева ассоциировалась с немощью Лиги Наций, оказавшейся неспособной предотвратить вторую мировую войну.

Однако высказывавшие такую точку зрения ораторы просто избегали говорить вслух о том, что сама Женева здесь ни при чем, что виновниками провала Лиги Наций стали политиканы Лондона, Парижа, да и Вашингтона. США, хотя и не являлись членом той организации, могли бы своим весом помочь ей излечиться от бессилия в деле противодействия гитлеровской агрессии. Но они настоящего желания в этом направлении не проявили.

Споры велись в основном между представителями Европы и Америки. Здесь как раз и выявились острые противоречия между Англией и Соединенными Штатами. Каждый из присутствовавших понимал, что город и страна, где будут располагаться центральные органы этой Организации, получат, во-первых, большой приток валюты, связанный с обслуживанием

многочисленных гостей из-за рубежа, во-вторых, что немаловажно, смогут получить возможность трудоустроить большое число своих граждан, которые будут обслуживать центральные органы ООН.

Однако эти главные причины оставались где-то подспудно, о них во всеуслышание не говорилось. Выступавшие вслух приводили иные доводы.

— Европа ближе к Азии и Африке, — говорили одни.

— Здесь, в Европе, уже имеется Дворец наций, где до войны заседала Лига Наций, — вторили им другие.

— Европейский континент был местом, где начинались две мировые войны, и поэтому проблемы безопасности для Европы особенно важны, — яростно доказывали третьи.

— Европа — это центр современной мировой цивилизации, — утверждали четвертые.

В ответ «противники Европы» аргументировали свою позицию так:

— Размещение штаб-квартиры ООН в США будет выражением признательности государств — участников антигитлеровской коалиции за участие США в войне против держав «оси».

Характерно, что этот довод высказывали представители некоторых латиноамериканских государств, Филиппин, но не самих Соединенных Штатов Америки. На заседаниях американские делегаты официально не выступали. Зато представители США вели большую закулисную работу. Делегаты от одиннадцати штатов прибыли в Лондон с предложением расположить штаб-квартиру ООН на их территории.

Представитель США Эдлай Стивенсон выступал на заседании подготовительной комиссии всего один раз. Он зачитал текст резолюции, которая была единогласно принята палатой представителей и сенатом США, о приглашении ООН в Соединенные Штаты Америки. После бурных дебатов было проведено голосование. Причем не тайное, предложение о котором было отвергнуто, а открытое. Сначала голосовалось предложение о размещении ООН в Европе. «За» было подано двадцать три голоса, «против» — двадцать пять, воздержались две страны.

Затем голосовалось предложение о размещении ООН в США. За это предложение проголосовало тридцать стран, против — четырнадцать, воздержались — шесть. Так комиссия внушительно высказалась за местопребывание штаб-квартиры ООН в США.

Однако и после голосования прошло еще много месяцев, прежде чем вопрос о конкретном местопребывании ООН был решен окончательно. Предстояло определить и то, в каком

именно место США расквартировать центральные органы ООН. Был создан специальный комитет, члены которого ездили по штатам и изучали предложения на местах. Представители местных муниципалитетов проявляли большую активность. Особенно усердствовали местные власти в Сан-Франциско. Уж очень им хотелось, чтобы ООН разместилась в их городе.

В подготовительной комиссии состоялась дискуссия о том, где лучше будет для ООН — на западном или восточном побережье. Опять прибегли к голосованию.

Двадцать пять стран высказались за восточное побережье и лишь пять — за западное, десять — воздержались.

Окончательно вопрос о конкретном пункте местонахождения штаб-квартиры ООН был решен на первой сессии Генеральной Ассамблеи. Открылась она в Лондоне в начале 1946 года. Туда прибыла 51 делегация. По сравнению с сегодняшним днем, когда ООН объединяет уже 159 стран, цифра количества делегаций на первой сессии не кажется впечатляющей. Но в те дни все выглядело чрезвычайно внушительно и торжественно. Мир возлагал на всемирную организацию безопасности самые радужные надежды.

Поэтому и освещать ее работу собралось около 400 представителей средств массовой информации. Заседания проходили в старинном здании Сентрал-холл.

Согласно предварительной договоренности, каждая страна имела право послать на сессию пять делегатов и пять их заместителей. Соответственно располагались у стола в ряд пять кресел, а сзади — еще пять. Разместилась на своих местах и советская делегация. Мне было поручено возглавлять ее в самом начале сессии и выступать от имени Советского Союза в общей дискуссии. Основное внимание уже в том первом выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН пришлось уделить проблеме укрепления мира, а также ликвидации сохранившихся после войны очагов фашизма.

Именно на этой сессии представитель США сообщил, что правительство его страны само подыскало территорию, где расположить Организацию Объединенных Наций. Для размещения штаб-квартиры ООН был предложен Нью-Йорк. Возражений это не вызвало.

В течение первых трех-четырех лет Совет Безопасности ООН с необходимым аппаратом размещался в 40–45 километрах от Нью-Йорка — в его пригороде Лейк-Саксессе на Лонг-Айленде. Здесь он работал в огромных корпусах, построенных авиационной компанией «Спэрри». Большое здание, предназначенное для Генеральной Ассамблеи ООН, находилось в окраинном районе

Нью-Йорка — Флашинг-Мэдоу. Оба эти района не располагали необходимыми удобствами для работы международной организации.

Но все, конечно, знали, что постоянное место для штаб-квартиры ООН будет в центре Нью-Йорка, на Манхаттане. Этому помог широкий жест Рокфеллера, передавшего в дар ООН находившийся там участок земли. Со свойственным ему чутьем Рокфеллер понял, что понесенные им при этом солидные издержки будут в перспективе перекрыты громадными барышами, которые потекут в его сейфы в результате подорожания земли во всем районе вокруг штаб-квартиры ООН. И тогда уж он руки погреет, поскольку является здесь собственником не одного участка земли. Действительно, цены на них неизменно растут и до сих пор.

Огромное здание для заседаний основных органов ООН возвели сравнительно быстро. Почти с такой же быстротой соорудили небоскреб для ее секретариата. Штаб-квартиру ООН начали окружать дома, либо построенные, либо приобретенные для представительств государств — членов этой организации.

Сразу же после завершения строительства оба основных здания стали похожи на муравейник. Ведь не бывает ни одного дня, когда бы не заседал тот или иной орган ООН, а то и несколько их параллельно. Особенно большая плотность заседаний чувствуется во время сессий Генеральной Ассамблеи.

В здании на берегу Ист-ривер

Каждое государство сочло нужным сделать ООН свой подарок: какое-нибудь произведение искусства, памятную или ценную вещь. Советский Союз преподнес скульптуру Е. В. Вучетича «Перекуем мечи на орала», которая установлена перед главным зданием. Французы подарили маятник Фуко. На стенах коридоров можно увидеть дорогие картины и гобелены, переданные в дар ООН некоторыми странами.

Кажется странным, но это факт: везде, куда бы ни зашел человек, попавший в основное здание, стоит тишина. Если убрать ораторов, то впечатление такое, будто ты попал в изолированный от внешнего мира средневековый замок, в который звуки извне не проникают. Все устлано коврами и дорожками. Шагов не слышно. Двери открываются и закрываются беззвучно. Любые предметы, которые способны производить шум, отсутствуют. Мебель, другое оборудование изготовлены по специальному заказу.

Бесконечны коридоры этого здания. Запасные комнаты приспособлены для рабочих потребностей — доверительных бесед, отдельных встреч делегатов. Более подходящее место для них найти трудно. При желании иностранный деятель имеет возможность, не выходя из здания ООН, провести несколько встреч подряд и, если это нужно, организовать там официальный завтрак или обед. И тем не менее ни один иностранный деятель, ни один делегат не может абстрагироваться от того, что он находится в Америке, причем не где-либо, а в Нью-Йорке. Он здесь, рядом, стоит только выглянуть в окно или выйти на улицу, со всеми его проблемами и бедами, тянущийся вверх и разрастающийся вширь, давно уже вырвавшийся за рамки острова Манхаттан — своей колыбели. Обычный современный мегаполис Земли.

Наиболее интересными заседаниями ООН традиционно считаются пленарные заседания очередной сессии Генеральной Ассамблеи, особенно в течение первых двух-трех недель, когда идет общая дискуссия и главы делегаций выступают с принципиальными заявлениями о политике государств. Неизменно в центре внимания оказываются те заседания, на которых произносят речи представители крупных держав, а также заседания Совета Безопасности, если в его повестке дня стоит какой-либо острый вопрос.

Международные события в наши дни развиваются все более бурно. Если можно так выразиться, конденсация их в единице времени становится все большей. Даже в мирное время, хотя по-

настоящему мирного времени почти не бывает, имеет место небывалая активность, передвижение людей. Не составляют исключения и деятели, стоящие у пульта управления государствами.

Этому во многом способствовало и способствует создание разного рода международных форумов, в том числе глобального значения, одним и самым важным из которых стала Организация Объединенных Наций. А так как каждое государство-участник стремится быть достойно представленным на такого рода форумах, то государственные деятели имеют золотую возможность не только изложить политику своих стран и выслушать заявления о политике других государств, но и завязать личные контакты и знакомства. По существу, это — две стороны единого процесса внешнеполитической деятельности.

На основе собственного опыта я бы сделал следующий вывод: такой «высокопоставленный муравейник», как ООН, должен существовать, если, конечно, он служит полезным целям и работает в интересах мира.

Даже на людей бывалых производит солидное впечатление то, что они видят в зале заседаний Генеральной Ассамблеи десятки ответственных и часто крупных политических деятелей, слушают их выступления. Ничего сопоставимого нельзя было наблюдать, скажем, в XIX веке, не говоря уже о более отдаленных от нашего времени столетиях.

Организация Объединенных Наций, бесспорно, является в высшей степени представительным международным форумом. Такой она была и остается с самого начала — со времени учредительной конференции в Сан-Франциско.

Генеральные секретари ООН

По замыслу творцов ООН, совершенно обоснованному, во главе ее рабочего механизма должен стоять авторитетный деятель. Это никогда ни у кого не вызывало сомнений. Но стоило перейти к формулированию соответствующей статьи Устава, как сразу выявились разногласия. Делегации США и Англии отстаивали еще на конференции в Думбартон-Оксе ту точку зрения, что упомянутого деятеля следует наделить широкими полномочиями. При уточнении получалось, что эти полномочия должны быть чуть ли не шире полномочий крупной страны. Мы выясняли, насколько серьезна позиция правительств двух держав, выступающих за предоставление генеральному секретарю ООН таких полномочий, спрашивали:

— Где же найти деятеля, на которого и Восток, и Запад могут одинаково положиться?

Ответа не последовало.

Наконец наши партнеры по конференции пошли на компромисс. Суть его состояла в том, что генеральный секретарь, как главное административное должностное лицо, должен отвечать за функционирование Секретариата ООН. Он может также обращать внимание организации, в том числе Совета Безопасности, на ситуации, которые, по его мнению, требуют рассмотрения, урегулирования. Но в его функции не должно входить расследование ситуаций путем назначения разного рода комиссий, групп. Здесь проходила граница дозволенного и недозволенного в полномочиях генерального секретаря ООН.

Этот компромисс оказался приемлемым для всех участников конференции в Думбартон-Оксе. Он был принят также конференцией в Сан-Франциско и включен в Устав ООН.

Достигнутая договоренность вовсе не имела целью принизить статус генерального секретаря ООН. Она просто давала трезвое и реалистическое определение его функций. Наделение его правами принимать политические решения неизбежно порождало бы конфликты. Устав ООН страхует от такой опасности, а это в интересах самой организации.

Нелегко подбирать генерального секретаря ООН. Надо ведь найти такого, который был бы приемлем для всех. С особыми трудностями столкнулась организация, когда искала такую фигуру на этот пост в первый раз. В конце концов им оказался Трюгве Ли, норвежский политический деятель, дипломат и юрист.

После освобождения Норвегии весной 1945 года Трюгве Ли вернулся в Осло и стал министром иностранных дел в

правительстве Герхардсена. Он участвовал в работе конференции в Сан-Франциско, а затем возглавлял норвежскую делегацию на Генеральной Ассамблее ООН в Лондоне (1946 г.).

Советский Союз поддержал кандидатуру Трюгве Ли, полагаясь на его порядочность, которой, однако, хватило лишь на короткое время. Здесь сказались не только его собственные политические воззрения — он представлял западный, капиталистический мир, — но и то, что аппарат генерального секретаря заполнили преимущественно представители США и других стран Запада. Все документы, справки, предложения, оседавшие на столе Трюгве Ли, пропускались через американское сито. Из этого никто не делал секрета.

Первый генеральный секретарь ООН не отличался сильным характером. Он мог пошуметь, в это время его фигура спортсмена-тяжеловеса выглядела внушительно. Но тот, кто был с ним знаком поближе, знал, что его заряд неодобрения, даже гнева, сейчас же уступит место умиротворенному, блаженному настроению, которое, впрочем, тоже может оказаться непродолжительным.

В ходе моих многих встреч с Трюгве Ли в Лондоне и Нью-Йорке он почти всегда заверял в своих добрых чувствах к Советскому Союзу, подчеркивал великие заслуги Красной Армии в разгроме гитлеровской Германии, в освобождении севера Норвегии от немецко-фашистских оккупантов. Однако при острых столкновениях в Совете Безопасности и на Генеральной Ассамблее его в политическом смысле почти всегда заносило на западный берег Атлантики.

Трюгве Ли все более уступал давлению правящих кругов США. Уже в опубликованном в сентябре 1948 года годовом отчете о деятельности ООН он фактически снимал с США и Англии всякую ответственность за срыв выполнения важнейших решений ООН, восхвалял экспансионистский «план Маршалла». А во время открытой агрессии США против корейского народа генеральный секретарь ООН использовал свой пост для активной поддержки действий американской военщины, помогая ей маскировать интервенцию в Корее флагом Организации Объединенных Наций.

Если бы меня спросили, как все-таки считать Трюгве Ли подходящим или неподходящим генеральным секретарем ООН, я дал бы такой ответ:

— Он не выдержал экзамена.

Видимо, серьезные и деликатные функции этого поста пришлись ему не по плечу из-за однобокой, прозападной политической ориентации.

Как к человеку я питал к Трюгве Ли вначале даже симпатии,

особенно когда он заверял меня в дружбе к нашей стране, ее людям, когда говорил, что вполне понимает наши законные заботы оградить свою безопасность. Но эти заверения так основательно перекрывались практическими делами противоположного свойства, что к его словам нельзя было относиться с доверием. И такой вывод в общем подтверждается деятельностью Ли на посту генерального секретаря ООН.

Сложно и долго пришлось искать преемника Трюгве Ли. Кандидатов выдвигалось много. Но постепенно круг их сужался, пока все постоянные члены Совета Безопасности не сошлись на одном из них — Даге Яльмаре Хаммаршельде, занимавшем до этого различные посты в шведском правительстве. Единогласие пяти держав предрешило вопрос. В 1953 году Хаммаршельд стал генеральным секретарем ООН.

Все присматривались к новому человеку на ответственном посту. Наше отношение к нему выработалось ровное, благожелательное. Но метаморфоза Хаммаршельда не заставила себя долго ждать. При показных усилиях генерального секретаря соблюдать объективность его действительная линия поведения становилась все более далекой от объективности. А когда подули наиболее сильные ветры «холодной войны», они подхватили Хаммаршельда и увлекли его. Попытки удержать этого деятеля ООН в рамках приемлемого не давали результатов. Иногда даже Вашингтон и Лондон чувствовали неловкость, наблюдая, как рьяно генеральный секретарь льет воду на мельницу стран НАТО. Но Хаммаршельд продолжал дрейфовать все дальше в том же направлении.

Нельзя сказать, что Хаммаршельд не отдавал себе отчет в том, что он делает как главное должностное лицо ООН. Он хорошо это сознавал. Знал и то, что во время очередных перевыборов генерального секретаря ООН не сможет рассчитывать на поддержку Москвы. Но его это, как видно, не особенно беспокоило. Создавалось впечатление, что он находился в каком-то опьянении от похвал Вашингтона и других столиц НАТО, руководствовался одним принципом: «Все равно в этом доме мне больше не бывать, поэтому объективность — побоку, дотянуть бы только до перевыборов».

Помню доверительную беседу, состоявшуюся у меня с Хаммаршельдом во время сессии Генеральной Ассамблеи, незадолго до его роковой поездки в Африку в 1961 году, где он погиб в результате авиационной катастрофы. Встречались тогда с ним я и наш постоянный представитель при ООН А. А. Соболев. Хаммаршельд в тот раз казался необычно словоохотливым. Приходилось долго маневрировать, чтобы заставить его хоть

немного помолчать. Нам вдвоем едва удавалось это сделать. А он находился буквально в экстазе, подогревая сам себя собственным красноречием. Попытки оправдать свои действия следовали со стороны Хаммаршельда одна за другой.

Мы, конечно, все же сказали то, что собирались сказать, изложили нашу позицию о необходимости оказания реальной помощи новым независимым африканским государствам.

— Необходимо их защитить от происков и нажима империалистических стран, — говорили мы. — Это особенно относится к бывшим бельгийским колониям.

После этой встречи Соболев, формулируя свое впечатление от беседы с Хаммаршельдом, полушутя-полусерьезно спросил:

— Какие же это он таблетки проглотил, готовясь к разговору с нами, чтобы так возбудить себя?

Хаммаршельд любил позу. В дни работы XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1960 года, когда его подвергли критике за пособничество колонизаторам, он заявлял:

— Я не останусь ни одного дня на своем посту, если увижу, что моя работа не приносит пользы ООН.

Конечно, на практике он действовал по-иному. Слова — одно, а дела его оказались совсем другими.

Как политическому деятелю Хаммаршельду явно хотелось выглядеть львом. Но он таковым не стал. К концу своей трагически закончившейся жизни Хаммаршельд в политическом отношении оказался банкротом.

Памятник, установленный ему у входа в главное здание ООН на Ист-ривер, изображает пробитое чем-то сердце. Возможно, это и так. Тайна художественного творчества не всегда всем понятна, а порой, видимо, непонятна и самим художникам. Я много раз видел этот памятник. При взгляде на него у меня никогда не возникало ассоциаций ни с пробитым, ни с целым сердцем. Просто большой кусок гранита с отверстием посередине.

Урок Трюгве Ли и тем более Дага Хаммаршельда кое-кого и кое-чему научил. Научил прежде всего тому, что надо находить на пост генерального секретаря ООН человека, который был бы известен своей порядочностью и понимал, что выполнять функции он может лишь в том случае, если будет беспристрастен, объективен.

Выбор нового генерального секретаря ООН потребовал немало хлопот и времени. Процедура в известном смысле напоминала ту, которой некогда пользовались русские цари, с пристрастием выбиравшие себе спутниц жизни.

Древний порядок бракосочетания московских государей недаром называли всенародным выбором царской невесты. Во все

города и веси Русской земли рассылались грамоты служилым людям с наказом вести дочерей подходящего возраста и личных достоинств в город «для смотрин». «А который из вас дочь-девку у себя утаит и к боярам нашим не повезет, тому быть от государя в великой опале и казни…» — писалось в грамотах. В городах окольничьи или дворяне с дьяками заодно с местными властями отбирали лучших. Избранницы отправлялись в Москву. Красавицы из красавиц, по мнению бояр, — а таких оставалось десять — представали «пред очи» самого жениха. Царь всякой дарил платок, расшитый златом и сребром, унизанный жемчугом, и ту, которая ему понравилась, отбирал, а всех остальных отпускал и жаловал вотчинами и деньгами.

Конечно, на Генеральной Ассамблее отпавших кандидатов вотчинами и деньгами не жаловали, но зато избранный генеральный секретарь получал доверие государств — участников ООН, в том числе всех пяти постоянных членов Совета Безопасности. Так что полного тождества здесь, очевидно, нет. И это явно в пользу генеральных секретарей.

В тот раз при выборе генерального секретаря ООН все остановились на бирманском дипломате У Тане. Генеральная Ассамблея ООН по рекомендации Совета Безопасности избрала его сначала, в 1961 году, исполняющим обязанности генерального секретаря, а затем, в 1962 году, генеральным секретарем.

Я знал У Тана задолго до его избрания на этот пост. Он был тогда на положении заместителя министра иностранных дел и пользовался известностью как деятель, близкий к тогдашнему премьеру Бирмы У Ну, который немало способствовал развитию советско-бирманских отношений. У Тан обладал европейскими манерами, являлся дипломатом, жившим на английский лад.

Лет через пять после того, как У Тан стал генеральным секретарем ООН, он в разговоре со мной признался:

— Мой «медовый месяц» в этой организации, видимо, заканчивается.

Я тогда несколько удивился, так как по его поведению ничего подобного никто не замечал. А У Тан сказал:

— В Секретариате ООН работает армия граждан США, многие из которых — сотрудники спецслужб. Они постоянно заявляют, что я к США несправедлив.

Он очень сокрушался по этому поводу.

— На самом же деле, — отметил У Тан, — этого нет. Они хотят добиться, чтобы я вел себя необъективно в отношении СССР и других социалистических стран.

Схожие мысли У Тан высказывал и в последующем. Но, как

человек осторожный, нейтралистского склада, он сумел продержаться на своем посту до 1971 года, когда по болезни, оказавшейся неизлечимой, ушел в отставку и вскоре умер.

Курт Вальдхайм — политический деятель Австрии, страны признанного нейтралитета, закрепленного договором, под которым стоит и подпись Советского Союза, — стал четвертым генеральным секретарем ООН. До того как очутиться у пульта этой организации, Вальдхайм получил солидный опыт во внешних делах: являлся представителем своей страны в ООН и министром иностранных дел Австрии.

Пятый генеральный секретарь ООН — перуанский дипломат Хавьер Перес де Куэльяр — находится на этом посту второй срок. Ему предстоит пройти свой путь по бурному политическому морю, в котором больше опасных рифов, чем тихих гаваней. Он и идет, с успехом, по-солидному.

Для генеральных секретарей важной сферой деятельности является соблюдение Устава ООН. Это — сама по себе ответственная и важная задача.

Выше показано, какая серьезная политическая борьба происходила вокруг Устава ООН, когда его вырабатывали. И все же те вопросы, по которым, несмотря на ожесточенные баталии, удалось принять решение, нет-нет да и возникают вновь.

Мы не раз задавали противникам принципа единогласия вопрос:

— А как же быть в том случае, если державы — постоянные члены Совета Безопасности окажутся на разных сторонах при голосовании по крупному вопросу войны и мира? Неужели нужно исходить из того, что держава или державы, не набравшие необходимого большинства голосов, должны капитулировать, если они даже правы?

На эти вопросы критики либо не отвечают, либо заявляют:

— Да, но ведь государство или государства, не получившие необходимого большинства, должны выполнить решение, принятое большинством.

— А если держава, находящаяся в меньшинстве, не согласна с этим решением, что тогда? — спрашивали мы.

Ответа на этот вопрос у критиков нет. Почему его нет? Потому что тогда может быть война, так как большинством голосов решались бы не только вопросы мирного урегулирования, но и вопросы принудительных мер, в том числе применения военной силы. Организация, в которой закреплялся бы такой порядок, существовать не может, она перестала бы быть жизненной и сама сгорела бы в огне войны вместе со своим уставом.

Но эта проблема имеет и другой аспект, говорящий не в пользу критиков нынешнего Устава. Хорошо известно, что в Совете Безопасности ООН, где действует принцип единогласия, рассматривалось много конфликтов и спорных проблем, участниками которых в большинстве случаев являлись государства, не пользующиеся правом вето. Эти страны много раз сами обращались к Советскому Союзу с просьбой защитить их от возможных несправедливых, навязываемых империалистическими государствами решений. Особенно часто такие случаи возникали при рассмотрении проблем Ближнего Востока.

СССР выступал в защиту законных требований народов этих стран, и мир рукоплескал ему. А ведь некоторые государства, обращавшиеся к Советскому Союзу, до этого поносили последними словами принцип единогласия!

Деятельность ООН, практика обсуждения вопросов в Совете Безопасности показали, что право вето необходимо ООН. Без этого она превратилась бы давно в груду развалин. Это хорошо понимали лидеры трех держав, которые пришли в Ялте к договоренности по вопросу о порядке принятия решений в Совете Безопасности.

Добрая память о Мануильском

На конференции в Сан-Франциско, а также на первых четырех сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и ряде других международных форумов делегации Советской Украины неизменно — вплоть до ухода на пенсию в 1953 году — возглавлял Дмитрий Захарович Мануильский. Мне приходилось работать с ним вместе.

Этот авторитетный партийный деятель с дореволюционным стажем много лет работал в Коминтерне, а после образования МИД УССР был назначен министром иностранных дел республики.

Лично у меня были тесные, деловые отношения с Мануильским, к которому я проникся глубоким уважением. Вспоминаю о нем с неизменной теплотой. Это был принципиальный марксист-ленинец, оставивший добрый след в истории партии и страны.

В жизни Мануильский отличался скромностью. Его выделяли среди других советских дипломатов обширные знания в области общественно-политических наук. Получив прекрасное образование — Мануильский окончил в 1911 году известную Сорбонну в Париже, — он на всю жизнь сохранил интерес к научной и теоретической работе. За большой вклад в науку его избрали академиком Академии наук УССР.

Мои первые встречи и рабочие контакты с Мануильским состоялись во время Сан-Францисской конференции.

Мануильский входил в руководящее ядро трех наших делегаций. Эта небольшая группа анализировала положение дел на конференции, намечала тактические и иные планы по осуществлению директив центра. По свойствам своего ума и характера он не старался сосредоточивать внимание на каких-то частных проблемах и их разработке. Мануильский не любил обилия цифр, мелких фактов и без необходимости ими не пользовался. Его душе больше отвечали принципиальные суждения, анализ проблем, так сказать, вширь. Тут он чувствовал себя увереннее и умел использовать свой богатый политический опыт, разносторонние знания.

Хотел бы отметить, что Мануильский выделялся как интересный, обладающий чувством юмора собеседник. Ему хорошо удавались словесные зарисовки людей, с которыми он встречался. При разговоре, казалось бы, на тему высокой политики Мануильский вдруг вспоминал какой-то факт, относящийся к его пребыванию в той или иной стране. Он

мастерски рассказывал нам о былом, когда на память ему приходило что-то занятное, и делал это с юмором.

Однажды Мануильский поведал о своем посещении довольно известного музея Тревен в Париже. Это музей восковых фигур. Там выставлены искусно выполненные подобия многих выдающихся деятелей, прославившихся тем или иным способом и оставивших о себе память среди людей не только во Франции, но и в других странах. При их изготовлении скульпторы стремились сохранить натуральные пропорции и добиться максимальной схожести статуй с оригиналами. Стоит сказать, что по примеру этого музея позже создали в Лондоне его двойник — музей мадам Тиссо, пользующийся не меньшей славой.

В музее Тревен — а в это время в нем находилось немного людей — Мануильский решил подшутить над двумя посетительницами. Он обогнал их, незаметно встал в ряд восковых фигур и, когда дамы приблизились, замер. Особую заботу вызывали усы: главное, не шевельнуть ими, да и глазами не моргнуть.

И вот дамы вплотную подошли к Мануильскому и с любопытством уставились на него. Одна из них сказала другой:

— Смотри, ведь как живой.

Тут Мануильский сознательно задергал усами и произнес:

— Мадам, я хочу ожить.

Обе дамы испуганно вскрикнули и, лишь отскочив на добрый десяток метров, опомнились, догадавшись, что произошло. Мануильский уверял меня:

— Да, да, Андрей Андреевич, все случилось именно так.

Незабываемый день

То, что сделали державы-победительницы в Сан-Франциско, их в конечном счете согласованная работа обеспечили успех этой конференции. Конструктивная позиция СССР во многом способствовала этому. В выступлении советской делегации на одном из ее заседаний подчеркивалось:

— Делегация Советского Союза в ходе всей работы конференции стремилась к тому, чтобы создать такой устав международной организации, который обеспечивал бы эффективное осуществление стоящих перед ней задач… Народы представленных на этой конференции стран преследуют общую цель — недопущение повторения новой войны.

Конференция в Сан-Франциско завершилась подписанием Устава ООН — универсального международного договора, в котором Объединенные Нации провозгласили в качестве своей основной цели: «Избавить грядущие поколения от бедствий войны». Советское руководство поручило мне поставить за СССР подпись под этим историческим документом.

Возложенную на меня миссию я выполнил 26 июня 1945 года и сделал это с сознанием ее высокой ответственности. День подписания Устава ООН — один из самых незабываемых в моей жизни.

Особых торжеств не было, хотя Трумэн счел возможным лично выступить в день закрытия конференции с обращением к ее участникам. В этом обращении говорилось:

— Устав Организации Объединенных Наций, который вы только что подписали, являет собой солидную структуру, используя которую мы сможем построить лучший мир. История возблагодарит нас за это. Между победой в Европе и окончательной победой в Японии в этой одной из самых разрушительных войн мы одержали победу над самой войной.

Так в 1945 году президент США высказался в пользу строительства лучшего мира. Но не успели высохнуть чернила подписей государств под Уставом ООН, как он, засучив рукава, стал работать над сколачиванием замкнутого военно-политического блока НАТО. Само создание этого блока представляло собой большой силы удар по Организации Объединенных Наций и по надежде народов обеспечить мир для нынешнего и грядущих поколений.

Когда погасли огни в залах, где проходили заседания конференции, все ее участники, конечно, задавали и друг другу, и каждый сам себе такие вопросы:

— Что же дальше? Когда же реально будет создано то здание мира, вокруг которого велась интенсивная работа в Думбартон-Оксе, Ялте, Сан-Франциско?

Задавали эти вопросы и мы, советские представители. Однако ответы получались разные.

Вот ответ представителя одной из стран — наших союзниц на первый вопрос:

— Нужно решить еще тяжелую задачу — поставить на колени Японию. Советский Союз должен помочь это сделать, иначе Соединенным Штатам будет туго.

На второй вопрос можно было услышать такой ответ представителя европейской союзной державы:

— То, насколько прочным будет здание мира, во многом зависит от ближайших союзнических конференций и от характера мирных договоров, которые предстоит заключить с бывшими вражескими государствами.

Оба ответа имели резон. Не только люди, занимающиеся проблемами внешней политики, но мужчины и женщины в солдатских шинелях, которые еще не были сброшены с плеч, ясно сознавали, что державы-победительницы должны сказать свое решающее слово относительно того, в какой мере согласованно будут они действовать после завершения второй мировой войны, после того как меч возмездия будет вложен в ножны.

Оглядываясь теперь на события более чем сорокалетней давности, нельзя не задуматься над тем, почему тогда, несмотря на то что самая великая трагедия в истории человечества подошла к концу, люди все же не испытывали полной уверенности, что она станет последней. Какой-то глухой внутренний голос говорил:

— Подождите, в мире есть два мира, каждый из них смотрит по-разному на будущее. Многое на этот счет скажут последующие форумы союзников, а еще больше — реальный их курс.

Сейчас ни один трезвый политик не станет оспаривать того, что если бы союзники вместе с другими государствами сразу же после великой Победы не создали ООН, то, скорее всего, ее вообще бы не создали.

У Советского Союза, у его государственного руководства совесть чиста. Они сделали все, что могли, чтобы на фундаменте победы над коварным и сильным врагом построить прочное и эффективное здание безопасности для всех. Подтверждением этого является активная внешнеполитическая деятельность СССР как в ходе войны, так и после ее окончания.

Работа в ООН — прекрасная школа для дипломата любого ранга. Немало сил за годы существования организации отдали

этому труду различные советские представители. Хотелось бы выделить известных советских дипломатов В. А. Зорина и Я. А. Малика. Каждый из них подолгу работал в Нью-Йорке, достойно отстаивая интересы нашей страны в ООН. В течение десяти лет на посту постоянного представителя СССР при ООН эффективно трудился О. А. Трояновский.

Глава VI
С ВЕРОЙ В РАЗУМ

Более ста советских инициатив. Первый бой. Барух и его «план». Последнее рукопожатие миллионера. Мои знакомые — Эйнштейн, Оппенгеймер, Жолио-Кюри. Доходный бизнес… Телефонный звонок в Белый дом. Гарриман — бизнесмен и дипломат. Особняк на улице Алексея Толстого. Другие договоренности. Поворот вспять. Космическая фальшивка Вашингтона. Пусть приложат ухо к земле. Почему не удается снять угрозу? Долг всех людей.

Почти сорок лет я занимался вопросами, относящимися в той или иной степени к широкой проблеме разоружения. Наша страна и партия с ленинских дней уделяют ей огромное внимание.

Передо мной прошли многие форумы, большие и малые, важные и менее значимые. Во многих из них я и сам в разном качестве принимал участие. К этому следует добавить и бесчисленные обсуждения вопросов с представителями других государств в двустороннем порядке.

Естественно, я не считаю своей задачей излагать хронологию событий, даже важнейших, относящихся к этой области. Не ставлю целью и показать все стороны и детали проблемы.

Коснусь лишь связанных со встречами и переговорами отдельных фактов, которые свидетельствуют, какая пропасть разделяла позиции Советского Союза и стран Запада. Но и эти факты являются лишь иллюстрациями к определенным выводам в политике.

Главное, на чем я намерен остановиться, — это оценка через факты принципиальных позиций сторон по проблеме разоружения. Такой подход обоснован вдвойне.

Во-первых, необходимо знать принципы, чтобы правильно понять частности, которые в наше время сами по себе имеют большое значение. Во-вторых, в условиях разбухших арсеналов ядерного оружия и других видов вооружений принципиальные оценки предложений государств (пропорции, паритет, параметры, включая расстояния, союзнические связи и т. д.) — это сложный лабиринт. И в работе мемуарного характера можно дать только самые общие оценки позиций сторон в прошедший и теперешний этапы.

В апреле 1946 года меня назначили на новый пост — постоянным представителем СССР при ООН. Почти одновременно

я стал заместителем министра иностранных дел СССР. С тех пор почти ежедневно в той или иной степени мои мысли были заняты вопросами разоружения. Сюда входили переговоры, встречи и многое другое.

Советский Союз всегда оставался верным обещанию, данному им в Потсдаме сразу же, как только оказалась сокрушенной гитлеровская военная машина. Суть этого обещания не забыта за далью лет: решительно бороться за то, чтобы никогда больше не разразилась мировая война.

Нашей стране трибуна ООН открывала одну из немногих возможностей для того, чтобы раскрывать глаза народам на курс держав Запада, обращаться ко всем странам с разъяснением миролюбивых целей советской внешней политики, важнейшее место в которой всегда отводилось разоружению.

Уже в годы первой мировой войны, предвидя «печальную возможность» того, что «человечество переживет… еще вторую империалистическую войну»,[9] В. И. Ленин решительно отвергал вместе с тем фаталистический взгляд на жизнь. При этом им особо подчеркивалось, что пролетариат прокладывает путь к социализму, который один даст измученным народам мир, хлеб и свободу.

Советское государство и поныне делает все от него зависящее для утверждения прочного мира на земле, исключения войны из жизни общества. Важнейшим составным элементом решения этой самой жгучей задачи современности было и остается обуздание гонки вооружений и разоружение.

Более ста советских инициатив

Цифра «100» — это большая цифра в международной жизни. Тем более когда она отражает предложения крупного государства. Уже в 1946 году Советский Союз выступил с предложением о всеобщем сокращении и регулировании вооружений. Это предложение легло в основу решения ООН о принципах всеобщего разоружения. По инициативе СССР II сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию, осуждающую пропаганду войны.

С тех пор только в ООН Советский Союз выдвинул более ста инициатив в области прекращения гонки вооружений и разоружения. Миру известно, что нашей стране принадлежит предложение о всеобщем и полном разоружении в сочетании со всеобщим и полным контролем. А сколько советских предложений внесено с тем, чтобы ограничить и остановить гонку вооружений на отдельных ее направлениях!

В одном из своих первых выступлений в ООН на заре создания этой организации мне от имени Советского Союза было поручено заявить государствам — членам ООН:

— Регулирование и сокращение вооружений является одним из основных и важнейших элементов создания системы безопасности. Это необходимо повторять десять, сто и тысячу раз для тех людей, которые хотят действительно разобраться в этих вопросах.

То, что говорилось свыше сорока лет назад о прочном мире как о главной цели, наша страна повторяет и сегодня. Все это — существо нашей политики в области разоружения. О том же идет речь и в документах XXVII съезда КПСС в новых условиях, когда угроза миру еще больше возросла.

— Советский Союз предлагает подойти к проблемам разоружения, — говорил М. С. Горбачев на съезде, — во всем их комплексе.

Вспомним 1922 год. Генуэзская конференция… Советский нарком по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин впервые от имени Советской страны говорил о разоружении на международной встрече. Говорил он, но звучали ленинские слова:

— Наше государство предлагает всеобщее сокращение вооружений, и тогда будет устранена угроза новой войны.

Чичерин выступал по прямому поручению Ленина. Могучий интеллект вождя революции четко сформулировал задачу разоружения, и советский нарком со всей решимостью ее выдвинул.

Тогда это предложение Страны Советов о разоружении прозвучало впервые. Как и следовало ожидать, инициатива коммунистов сразу вызвала замешательство в империалистическом лагере. Смятение своих чувств британский премьер Ллойд-Джордж пытался скрыть за саркастической улыбкой.

С тех пор прошло немало лет; пора сарказма и улыбок при обсуждении вопросов разоружения ушла в прошлое. Проблема разоружения стала одной из острейших на земле. Отношение к ней, как лакмус, определяет характер политических партий и суть политики стран.

Разве существовало когда-нибудь на земле государство, которое бы столь последовательно боролось за разоружение, как это делает Советский Союз? Нет, не существовало. Все меры по частичному разоружению на пути к главной цели — ликвидации вооружений — это инициативы СССР.

По свежим следам войны в 1946 году ООН начала по предложению СССР обсуждать вопросы разоружения. Вскоре была создана специальная комиссия. В ее работе приняли участие СССР, США, Англия, Франция, Канада. Заседала она в Лондоне.

Сразу же выявилось, что из участников комиссии только Советский Союз настаивает на необходимости разоружения. Только одно государство. Другие участники дружно блокировали любое предложение, идущее в направлении не только разоружения, но и сдерживания гонки вооружений.

Представителем США в комиссии, о которой идет речь, в первые послевоенные годы являлся крупный дипломат Эдлай Стивенсон. На заседаниях он настойчиво твердил о невозможности для американской администрации принять любые предложения по разоружению. Дух Фултона[10] уже в то время витал в комиссии.

Однажды в своей резиденции, куда он меня пригласил на обед, американский представитель прямо заявил, что для США неприемлемо само направление дискуссии о разоружении. Он тут впервые за время пребывания в Лондоне сказал:

— Крупный бизнес США свое существование без производства оружия не мыслит. Никто всерьез в Вашингтоне идеи разоружения не принимает. Но я не сделаю такого официального заявления на заседании.

Откровеннее, чем сказал этот представитель администрации США, не скажешь.

— Ну а все-таки, какой же курс по этому вопросу в политике держав вы считаете правильным? — спросил я.

— Контролируемое вооружение, — последовал его ответ.

Точнее говоря, курс на вооружение.

Неудивительно, что позднее, став кандидатом в президенты от демократической партии, этот политический деятель так и не сумел выдвинуть сколько-нибудь привлекательную для американского избирателя программу в международных делах, и в частности в вопросах разоружения. Игра в соглашение с большим бизнесом, взявшим курс на расширение военного производства, не обеспечила ему успеха. Он потерпел поражение.

Между тем Стивенсон был далеко не худшим из американских деятелей, которые тогда находились в сфере международной политики.

После окончания войны последовало множество встреч по вопросам разоружения. Они происходили на всех уровнях, в том числе и на самом высоком. Со всей остротой звучали поставленные Советским Союзом вопросы, в том числе следующие:

— Зачем Соединенным Штатам военные базы, насаждаемые ими в других странах?

— Против какого противника создаются эти базы либо сохраняются ранее созданные?

Эти вопросы задавал Сталин. Их задавал Молотов, задавали их советские представители на международных форумах. Сотни раз и я задавал этот вопрос многим представителям стран Запада. Сегодня эти вопросы уместны так же, как и сорок лет назад.

Помню, с каким упорством лидеры стран Запада не желали обсуждать вопрос о военных базах на чужих территориях. Так было в Женеве в 1955 году при встрече руководителей четырех великих держав — СССР, США, Англии и Франции. Так обстояло дело и на двусторонних советско-американских, советско-английских и советско-французских встречах, на сессиях Генеральной Ассамблеи, в Совете Безопасности, разных комитетах и подкомитетах по разоружению.

…Сидит, например, американский президент Эйзенхауэр в своей загородной резиденции — Кэмп-Дэвиде, выслушивает по этому поводу заявление Хрущева. Лицо у президента каменное. А взгляд его блуждает где-то поверх голов собеседников не то и еще повыше…

Перед нами тогда предстал иной Эйзенхауэр — не тот человек, о котором реклама широко возвещала, что он не умел не улыбаться. В этот раз, когда речь зашла о разоружении, он безмолвствовал. Это была любопытная картина. Так поступал и его предшественник — Трумэн, который в лучшем случае повторял:

— Американские базы за рубежом служат миру.

Основательно попотел президент Джон Кеннеди, придумывая «аргументы» в защиту американских баз во время советско-американской встречи в Вене, когда перед ним был поставлен вопрос:

— Зачем США иметь столько баз и войск в Европе? Ведь у них нет противника.

Кеннеди отрицал, что США следуют курсом на увеличение американских войск в Европе. Но он все же продолжал размышлять над этим положением.

В связи с этим хотелось бы привести такой факт.

Во время моего приезда в сентябре 1963 года в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН государственный секретарь Раск тоже прибыл туда, чтобы встретиться со мной и от имени Кеннеди переговорить по некоторым вопросам. Он сообщил следующее:

— Президент является сторонником того, чтобы изыскать возможность для улучшения отношений с Советским Союзом и для разрядки напряженности.

Далее Раск предложил:

— А не поехать ли нам как-нибудь за город, чтобы кое о чем побеседовать в порядке продолжения разговора?

Я сразу понял, что за подобным пожеланием кроется нечто серьезное.

Конечно, я ответил:

— Что ж, согласен.

Мы выехали раздельно за пределы Нью-Йорка.

Там Раск сообщил интересную точку зрения президента.

— Кеннеди, — говорил он, — обдумывает возможность сокращения численности американских войск в Западной Европе.

Беседовали мы об этом, прогуливаясь вдоль обочины дороги.

Сообщение Раска представляло несомненный и большой интерес. Новость, конечно, оказалась неожиданной, даже в какой-то степени сенсационной. Наверно, не просто, а только после раздумий президент пришел к такому выводу.

Разговор о том, что Кеннеди незадолго до его гибели допускал вероятность сокращения американских войск в Европе, свидетельствовал о том, что в Вашингтоне, возможно, и восторжествовал бы в этом вопросе здравый смысл.

Мысль, которую подбросил Раск, конечно, касалась важной проблемы. Она зримо или незримо почти всегда присутствовала на советско-американских встречах после войны. На них затрагивались вопросы о политике группировки НАТО, о положении в Западной Германии, ставшей на путь ремилитаризации.

Советский Союз всегда исходил из того, что американские войска и американские базы на территории западноевропейских государств представляют собой фактор, противоречащий интересам мира. Поэтому мысль Кеннеди, естественно, привлекла внимание советского руководства.

Однако через считанные дни пуля убийцы распорядилась по-своему. Кеннеди не стало.

Как тут не вспомнить, что эта мысль Кеннеди перекликалась довольно своеобразно с тем, что во время Ялтинской конференции сказал президент Рузвельт:

— Соединенные Штаты примут все разумные меры, чтобы сохранить мир, но не ценой содержания большой армии в Европе на расстоянии трех тысяч миль от США. Поэтому американская оккупация ограничится сравнительно коротким сроком.

Однако все послевоенные администрации США — и до Кеннеди, и после него — не желали тратить время на обсуждение вопроса о базах и войсках США в Европе, как, впрочем, и в других районах мира.

Об идее Джона Кеннеди о возможности сокращения американских войск в Европе я доложил Н.С.Хрущеву. Тот сразу понял значение этого вопроса и сказал:

— Если бы у президента хватило силенок осуществить эту идею, то он сделал бы великое дело и для Европы, и для мира, и для США. Ну что же, посмотрим.

Комментарий его был правильным.

Первый бой

У дипломатов тоже бывают жаркие бои: Советский Союз уже много лет ведет битву за запрещение ядерного оружия, за то, чтобы поставить его вне закона.

Человечество нельзя заставить забыть, кто первым применил это оружие для уничтожения людей. Никакой риторикой не смыть пятно позора, которое легло на тех, кто совершил это преступление.

Наша страна занимает последовательную и принципиальную позицию как в целом в вопросах разоружения, так и в вопросах, касающихся ядерного оружия. Народы хорошо помнят: едва был потушен пожар войны, как Советский Союз первым поднял свой голос против этого оружия, требуя его запрещения.

Уже тогда Советское государство заявило, что использование атомной энергии в военных целях несовместимо с совестью человечества. Оно выступило с предложением заключить международную конвенцию о запрещении навечно военного использования атомной энергии, переключив ее только на мирные цели. Это была крупная акция нашей страны. Мне поручили выдвинуть указанное предложение с трибуны ООН.

От имени Советского Союза тогда было заявлено:

— Обстоятельства сложились так, что одно из величайших открытий человечества вначале нашло свое материальное претворение в определенном виде оружия — в атомной бомбе. Однако, хотя до настоящего времени такое использование атомной энергии является единственным практически известным путем ее применения, человечество стоит на пороге широкого применения атомной энергии в мирных целях на благо народов… Существуют два возможных пути для использования этого открытия: один — использование в целях производства средств массового истребления, второй — использование его во благо человечества. Парадоксальность положения состоит в том, что первый путь более изучен и освоен. Второй — практически неизвестен. Однако это обстоятельство не только не умаляет значения задач, стоящих перед атомной комиссией ООН, но, напротив, подчеркивает еще больше значимость этих задач.

Особое впечатление на аудиторию произвели тогда следующие слова, сказанные от имени Советского государства:

— Открытие методов использования атомной энергии не может оставаться в течение более или менее продолжительного времени достоянием только одной страны… Оно неизбежно станет достоянием ряда стран… В развитие этих общих

положений я по поручению правительства вношу на рассмотрение комиссии конкретные предложения:

а) не применять ни при каких обстоятельствах ядерного оружия;

б) запретить производство и хранение оружия, основанного на использовании атомной энергии;

в) уничтожить в трехмесячный срок весь запас готовой и незаконченной продукции атомного оружия…

Советское предложение рассматривалось на созданной в 1946 году в рамках ООН Комиссии по атомной энергии, в которую входили представители государств — членов Совета Безопасности. Естественно, что ядро в комиссии составляли представители пяти держав — постоянных членов Совета.

Все участники, как наэлектризованные, ожидали, а что же будет дальше? А дальше было то, что советское предложение официальные круги США, которые тогда обладали монополией на ядерное оружие, встретили враждебно. Мы доказывали, что монополия — явление временное, а соглашение о запрещении ядерного оружия навсегда исключило бы это оружие из арсеналов государств.

Много тогда исписали бумаги, произнесли речей государственные деятели, дипломаты. Но при обсуждении вопроса усилия одних стран направлялись на сохранение ядерного оружия, утверждение монополии США, а других — на то, чтобы запретить это оружие на вечные времена. И потому прийти к договоренности не удалось. Все это и сегодня целиком лежит на совести тех, кто отвергал и ныне отвергает решение проблемы.

Барух и его «план»

В ходе работы Комиссии ООН по атомной энергии нам, естественно, приходилось постоянно общаться с представителем США в комиссии Бернардом Барухом. Его назначили в эту комиссию потому, что считали авторитетным и широко известным капитаном большого бизнеса, к тому же хорошо знавшим официальный механизм Вашингтона. Тогда этому мультимиллионеру, прочно связанному с американскими монополиями, уже исполнилось семьдесят пять лет.

Еще в годы первой мировой войны Баруха прозвали в США «экономическим диктатором». Конечно, называя его «диктатором», те, кто придумал это прозвище, явно преувеличивали. Но большим влиянием он пользовался. В период второй мировой войны он находился на положении советника президента по вопросам военной экономики. Достаточно было с ним поговорить один раз, чтобы убедиться в том, что это — человек, разбирающийся не только в поверхностных явлениях экономической жизни страны, но и в ее глубинных процессах. Он четко представлял себе прежде всего интересы именно монополистического капитала США и считал их для себя святая святых.

Вращаясь в высших сферах власти, Барух находил полную поддержку своего класса, в силу чего он держался уверенно. Его советы помогали администрации Рузвельта находить равнодействующую интересов большого бизнеса и требований военного времени.

Впервые я встретился с Барухом в Вашингтоне в 1941 году. Тогда американские парни только еще ожидали своего часа — США пока не вступили в войну. На этой встрече он высказывался дружественно по отношению к СССР. Конечно, не из симпатий к социализму, а из антипатий к фашизму. Барух был настроен антифашистски. Говорил решительно:

— США и Англия должны выполнить свой союзнический долг и открыть второй фронт. Я об этом уже говорил президенту.

Надо учесть, что в тот период многие американцы, особенно люди, занимавшие высокое положение в государственной машине США, не всегда осмеливались заводить разговор о втором фронте.

Случилось так, что с созданием Комиссии ООН по атомной энергии для наших встреч с Барухом появилась официальная основа, так как нас обоих назначили представлять в этой комиссии свои страны.

Трудно сказать, что заставило Баруха принять предложенный

пост, который славы ему отнюдь не принес. Он активно ратовал за внесенное Вашингтоном, но неприемлемое для СССР предложение, которое американская пресса окрестила «планом Баруха». Хотя его с большим основанием можно было назвать «планом Пентагона». Суть предложения сводилась к тому, чтобы сохранить за США монополию на ядерное оружие. Нашей стране, да и всему миру предлагалось надеяться на Вашингтон и в значительной мере отдать в его руки судьбу своей безопасности.

С целью камуфляжа этого замысла американский план предусматривал создание международного органа для контроля за использованием атомной энергии. Однако предложение о международной инспекции ставило своей целью ввести людей в заблуждение. Вашингтон, по существу, и не скрывал, что намерен занять в указанном органе главенствующее положение, удерживать за собой бразды руководства всем делом производства расщепляющихся материалов и их хранения, вмешиваться под предлогом необходимости международной инспекции во внутренние дела суверенных стран.

Разумеется, такого рода контроль и инспекция применительно к ядерному оружию оказались нереальны. Советский Союз не мог принять план, который означал грубое нарушение суверенитета и интересов безопасности нашей страны.

В мой адрес поступило написанное в архивежливом тоне приглашение Бернарда Баруха посетить его поместье на Лонг-Айленде. Связывался этот визит с каким-то юбилеем, который отмечал хозяин: то ли с днем его рождения, то ли с каким-то иным событием. Приглашение я принял, поскольку был коллегой Баруха в Комиссии по атомной энергии ООН.

И вот мы прибыли в хорошо обставленный уютный особняк, явно стоивший немалых денег. Там нашли внушительную компанию представителей американского делового мира и университетских профессоров.

Сразу я почувствовал, что они интересуются проблемой, которую мы с Барухом уже в течение некоторого времени систематически обсуждали. Речь шла об атомном оружии, а конкретно о том, как следует им распорядиться. Атомная комиссия, существовавшая при Совете Безопасности ООН, была в своих дебатах слишком далека от договоренностей, которые могли бы стать приемлемыми для крупных держав. Главное расхождение, конечно, имелось между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

После того как все присутствующие выслушали солидное количество тостов в честь «богатырского» здоровья юбиляра, он подошел ко мне и вполголоса сказал:

— Я хотел бы иметь с вами непродолжительный разговор один на один. Давайте поговорим на тему об атомном оружии и о его судьбе.

В ответ на это предложение я сказал:

— Что ж, согласен на такой разговор и даже хочу выразить пожелание встречаться с вами почаще, чтобы продолжать наши беседы на эту тему.

Мы отошли в сторону от гостей. Барух спросил у меня:

— Имеете ли вы в виду только советско-американские встречи или также четырехсторонние — с участием англичан и французов?

В ответ мне пришлось разъяснить нашу точку зрения:

— Обе формы контактов для нас приемлемы, но если вы и ваша администрация считаете, что иногда двусторонние контакты предпочтительнее, то мы готовы более активно развивать такие контакты.

Барух как будто ожидал, что я выскажу такую мысль. Он сказал:

— Считаю особенно полезными двусторонние обсуждения. И еще добавил:

— Вашингтон все равно будет консультироваться с Лондоном и Парижем по вопросам, которые интересуют все четыре державы.

На этом мы и согласились. Но обе стороны также констатировали, что в конце концов главное — не комбинации контактов и встреч, а существо точек зрения.

Однако сближения позиций четырех держав тогда не просматривалось.

Затем Барух стал вновь расхваливать предложение, которое Вашингтон уже сделал Советскому Союзу и неоднократно его подтверждал.

— Правительству США, — сказал он, — по-прежнему непонятно, почему Советский Союз не хочет принять американскую позицию, суть которой, если говорить коротко, состоит в том, чтобы была создана какая-то международная власть, которая взяла бы под свой контроль атомную промышленность государств. Эта власть должна получать достоверную информацию о том, что атомное оружие не производится и все государства строго

выполняют международное соглашение, которое должно быть заключено.

Тогда я спросил Баруха:

— Можете ли вы рассказать, что это была бы за власть и какие полномочия она имела бы?

До этой беседы Барух и его советники — Оппенгеймер и

другие — никогда не уточняли, что бы она собой представляла. Не уточняли они и ее конкретных функций.

Было заметно, что подобного рода вопросы являются для моего коллеги трудными. Эти трудности вытекали из того, что Барух и его советники что-то сознательно не раскрывали. Становилось понятным, что им и не разрешено все раскрывать.

Отвечая на некоторые конкретные вопросы, относящиеся к этим двум крупным темам, Барух все же в конце концов сделал прозрачный намек:

— Международная власть, другими словами международный контрольный орган, должна обеспечить полный контроль над промышленностью всех государств мира, занимающихся производством расщепляющихся материалов. Иначе говоря, этот орган должен быть, во-первых, компетентным и, во-вторых, обладать достаточно широкими полномочиями, чтобы исключить всякого рода неожиданности.

Так Барух подтверждал американскую точку зрения, согласно которой контролерами должны быть люди, авторитетные в данной области. А такими людьми, по понятным причинам, являлись, как считали американцы, только представители США. Они являлись экспертами как по вопросам расщепляющихся материалов, так и самого атомного оружия.

— Вам и вашему правительству, — сказал я, — не надо упускать из виду главного — того, что сегодня нас разделяет в вопросе о ядерном оружии. Как поступить с этим оружием и в каком порядке впредь должны приниматься решения по этой проблеме? Такие проблемы следует рассматривать на основе принципа единогласия пяти держав — постоянных членов Совета Безопасности. Совсем недавно этот принцип был закреплен в Уставе ООН. А поскольку сама атомная комиссия является органом, существующим при Совете Безопасности, то на нее указанный принцип тоже распространяется, и от этого Советский Союз не собирается отступать.

Барух выслушал меня и реагировал замечанием:

— С такой позицией США согласиться не могут. Собственно, расхождения в этом тогда в комиссии и были главными. Всякие пропагандистские заявления о какой-то международной власти, которая решала бы все вопросы, касающиеся атомного оружия, да и других атомных проблем, носили производный характер. В такой наднациональный орган не верили серьезные политические деятели и в самом Вашингтоне. Но для Трумэна с его политикой — держаться подальше от договоренности с Советским Союзом — он подходил, хотя потсдамские решения ориентировали на другой курс.

Если что и добавила «юбилейная» беседа с Барухом к тому, что мы знали об американской позиции, так это определенное желание Вашингтона создать какое-то «всемирное управление» для того, чтобы, кроме США, ни одна страна в мире не вздумала требовать равного с ними положения в этом управлении.

Так все более четко выступала линия Вашингтона на закрепление монополии в области владения ядерной энергией. Такой монополией США тогда уже обладали. Произведенные к тому времени испытания, а также известные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки говорили сами за себя.

Вашингтон продолжал придерживаться этой позиции и впоследствии.

Надо признать, что механизм пропаганды, направляемый официальным Вашингтоном, работал бесперебойно. Непрерывно делались заявления, будто на пути к эффективному соглашению стоит Советский Союз. Ни слова не говорилось о том, что США стремятся закрепить свое монопольное положение в производстве расщепляющихся материалов. Идея создания международной власти, которая фактически являлась химерой, вводила в заблуждение даже некоторых крупных ученых.

Это было хорошо подмечено советскими научными работниками. Именно поэтому появилось тогда письмо четырех крупных советских ученых — президента Академии наук СССР С. И. Вавилова, директора Ленинградского физико-технического института АН СССР А. Ф. Иоффе, директора Института химической физики АН СССР Н. Н. Семенова и директора Института электрохимии АН СССР А. Н. Фрумкина. В этом письме была четко квалифицирована как неприемлемая позиция Вашингтона, направленная на то, чтобы не допустить выгодного для всех держав соглашения о запрещении ядерного оружия.

Письмо Альберта Эйнштейна, написанное в ответ на выступление советских ученых, было опубликовано в нашей печати в апреле 1988 года,[11] спустя сорок лет после его получения. Уже тогда, когда он его писал, то вел речь об опасности, которая угрожает всему человечеству.

От беседы с Барухом у меня остался определенно отрицательный осадок, так как ни одной свежей мысли по сравнению с тем, что уже ранее говорилось на эту тему им, его советниками, правительством США, не было высказано. Вашингтон был против соглашения с Советским Союзом.

Характерно, что даже Барух не употреблял выражения «мировое правительство», когда говорил о международном контрольном органе. Эта идея была настолько далека от реальности, насколько далеки были намерения тогдашнего

правительства Трумэна от поддержания дружественных отношений с Советским Союзом. А ведь солдаты обеих союзных в войне держав — СССР и США — с объятиями встречали друг друга на Эльбе, когда заканчивалась великая битва против германского фашизма.

Описанная встреча с Барухом является еще одной иллюстрацией тех усилий, которые Советское государство прилагало к радикальному решению проблемы запрещения и ликвидации ядерного оружия в интересах мира.

Сознавал ли Барух, что США предъявляли неоправданные претензии? Не берусь судить. Он внимательно выслушивал разъяснения и доводы, которые приводились с нашей стороны. Но когда Барух начинал излагать официальную позицию, аргументировать ее, то из этого всегда следовало лишь одно — Советский Союз, как и все остальные страны мира, должен просто целиком положиться на «моральный авторитет» США и их миролюбие.

Даже если Барух верил и в то и в другое, то что бы он, будь жив, сказал, услышав доносящиеся из Вашингтона заявления в пользу права США на нанесение первого ядерного удара по Советскому Союзу? А ведь это заявления руководителей того же государства, которое Барух представлял в Комиссии по атомной энергии.

В умы людей его масштаба и склада глубоко запал культивировавшийся, да и культивируемый в США сегодня миф о непогрешимости тех, кто определяет направление американской внешней политики.

Является аксиомой, что в извечном противоборстве обмана и истины рано или поздно торжествует последняя. Это в полной мере относится к проблеме ядерного оружия. Разве не слышен сегодня голос миллионов людей, в том числе американцев, выступающих против ядерной войны, за ограничение, сокращение и ликвидацию ядерных вооружений? Хотя жертв политики обмана все еще остается немало.

«План Баруха», усердно рекламировавшийся американской стороной, оказался мертворожденным. Иначе и не могло быть, так как заложенные в нем содержание и цели заранее обрекали его на это.

Субъективно сам Барух мог считать, что защищает доброе дело. Но это не снимает с него того пятна, которым он «украсил» себя, отстаивая план, названный его именем.

Последнее рукопожатие миллионера

Барух, и после того как выявились разные мнения СССР и США в подходе к вопросу о ядерном оружии, твердо стоял на позиции необходимости не допустить возрождения германского фашизма. Положительно высказываясь о решениях Потсдамской конференции, он выступал за их претворение в жизнь, неоднократно в беседах со мной подчеркивал одну и ту же мысль:

— С немецкой земли не должна быть вновь развязана агрессия.

Барух всегда сочувствовал наиболее радикальным планам искоренения германского фашизма. Той же точки зрения он придерживался и несколько лет спустя, когда уже не занимал официального поста.

Барух коротал свой век — ему уже было за восемьдесят — в Нью-Йорке, проживая в особняке, выходящем фасадом на центральный парк города. Об этом особняке часто говорили:

— Вот дом мудреца Баруха.

И впоследствии мне приходилось беседовать с Барухом. Инициативу неизменно проявлял он (во время пребывания советских делегаций на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН). Одна из встреч состоялась в его особняке. На ней присутствовали постоянный представитель СССР при ООН А. А. Соболев и сын хозяина, тоже бизнесмен.

В разговоре Барух в общем-то возвращался к воспоминаниям, связанным с его планом. Насчет неудачи с этим планом он делал даже полуироничные замечания. Да и мы — его гости — щадили хозяина. Но ощущение было определенное — он сомневался в беспорочности американской позиции во время администрации Трумэна.

Наконец я спросил:

— Господин Барух, прошло почти пятнадцать лет со времени

наших баталий в 1946 году. Как вы оцениваете сегодня то, что защищали тогда? Он ответил:

— Сейчас я отстаиваю далеко не все из того плана, который окрестили моим именем.

«Не все»… Этим сказано немало.

Мы с Соболевым не стали добавлять соли на его рану.

В беседе он далее пожаловался:

— Американца сегодня стала брать за горло дороговизна: цены на многие товары широкого потребления даже по сравнению с военным временем подскочили черт знает до каких пределов.

Курьез, парадокс — на дороговизну в быту жаловался миллионер! Но все обстояло именно так. Барух энергично сетовал:

— Высокие цены коснулись и меня. Не так-то просто, например, теперь нанимать домашнюю прислугу. Уже в течение нескольких месяцев я ищу нового батлера,[12] с тем чтобы избавиться от теперешнего сукина сына, который стал воровать вино из домашних запасов.

Мы с Соболевым от души посмеялись над этим горем мультимиллионера. Сын посматривал на отца каким-то умоляющим взглядом, но в открытую остановить его не решался.

Встречался я с Барухом два-три раза и в здании советской миссии при ООН. Вспоминаю, что когда он пришел в последний раз, то, едва открыв дверь в кабинет, принял стойку боксера. Мы сразу же поняли друг друга: этой занятной позой Барух хотел напомнить о грандиозном матче боксеров, который состоялся в 1946 году в Нью-Йорке. Кстати сказать, одного из его участников — чемпиона мира Джо Луиса мы оба знали как друга Советского Союза. На этот матч нас, членов Комиссии ООН по атомной энергии, пригласил тогда Барух.

Во время беседы он держался дружественно, высказывался в пользу развития советско-американских отношений, категорически осуждал враждебные заявления по адресу СССР. Перед уходом он спросил:

— Мистер Громыко, а вам удалось прочесть мою книгу под названием «Как я стал миллионером»? Я послал ее не так давно для вас в Москву через советское представительство при ООН.

В ответ на этот вопрос я заметил:

— Книгу я получил и почти прочел.

— Ну и как? — сразу же поинтересовался Барух. — Каково ваше мнение о книге?

Шутя, я ответил:

— Пробовал следовать советам, содержащимся в книге. Но из этого ничего не получилось.

Поострив еще на этот счет, мы распрощались на дружественной нотке, пожали друг другу руки и сказали «гуд бай» — до следующей встречи. Но она не произошла.

…Бернард Барух умер в возрасте девяноста пяти лет.

Мои знакомые — Эйнштейн, Оппенгеймер, Жолио-Кюри

Все честные люди, в том числе и те, кто вовсе не принадлежал к числу сторонников социализма, всегда в той или иной форме выступали против того, чтобы выпущенное из клетки чудовище — ядерное оружие — стало причиной катастрофы. Эту грозную опасность многие хорошо видели и до Хиросимы. Среди них были и те, кто имел непосредственное отношение к его производству. Известно, что требование о запрещении этого оружия нашло поддержку таких выдающихся ученых, как Альберт Эйнштейн, Роберт Оппенгеймер, Фредерик Жолио-Кюри.

В начале 1939 года Фредерик Жолио-Кюри во Франции, венгр Лео Сцилард и итальянец Энрико Ферми, работавшие в США, сделали похожие выводы: в определенных условиях можно вызвать цепную реакцию расщепления ядер атомов урана, которая будет сопровождаться взрывом чудовищной мощности.

Вполне обоснованно ученые считали, что, сделав такие же выводы, ядерное оружие может создать и фашистская Германия. Догадки эти подтверждались: нацисты к тому времени оккупировали Чехословакию и запретили экспорт урановой руды, добывавшейся в Яхимове.

В это время Альберт Эйнштейн жил уже в США. В двадцатые годы создатель теории относительности возглавлял Физический институт Общества кайзера Вильгельма в Берлине — так именовалась в Германии организация, которая фактически являлась академией наук. После прихода Гитлера к власти, спасаясь от преследований нацизма, крупнейший физик переселился в Америку.

2 августа 1939 года Сцилард убедил Эйнштейна подписать письмо на имя Рузвельта. В письме говорилось об исследованиях Жолио-Кюри, Ферми и Сцилларда и содержался призыв к администрации уделить внимание этим исследованиям, потому что они открывают путь к созданию небывало мощных бомб нового типа.

Задача состояла в том, чтобы опередить Гитлера. Президент наложил на письме резолюцию: «Это требует действий!»

И поставил дату: «11 октября 1939 года».

Но только 6 декабря 1941 года было принято решение Белого дома приступить к созданию в США ядерного оружия. Толчком к такому повороту дел на этом направлении послужили успехи живших в Америке ученых. 13 августа 1942 года американскую

программу назвали «Манхаттанским проектом», он объединил все работы по созданию нового оружия массового уничтожения.

Два миллиарда долларов вложили США в создание трех ядерных бомб. Над проектом работало сто пятьдесят тысяч человек. Понадобилось в глубокой тайне построить два новых города.

Однако, когда проект близился к завершению, 25 марта 1945 года Эйнштейн и Сцилард вновь обратились с письмом к президенту США. Пять лет назад эти люди убеждали Рузвельта создать атомную бомбу. Теперь они использовали свой авторитет, чтобы предотвратить ее применение.

…Хорошо помню нашу встречу с Альбертом Эйнштейном. Было это в Нью-Йорке, в отеле «Уолдорф Астория». Пошли мы туда с советским дипломатом В. И. Базыкиным (позднее он был послом СССР в Мексике), который в нашем посольстве в Вашингтоне занимался вопросами культурных и научных связей. Он уже встречался с великим физиком ранее. В частности, видел его в знаменитом центре американской научной мысли — городе Принстоне, где находится известный университет и где ученый жил после переезда в США.

Примечательно, что рядом с маленького роста ученым — возраст сгибал его и делал еще меньше — находился какой-то молодой человек. Эйнштейн в разговоре его как бы не замечал.

Мы поздоровались, и я сказал:

— Очень рад встретиться с вами лично. Много читал и слышал о вас. Хотел бы приветствовать вас и пожелать вам как выдающемуся ученому успехов.

— Спасибо, — коротко ответил Эйнштейн.

Конечно, речь сразу же зашла о ядерном оружии, или, как называли его тогда, атомной бомбе, применение которой обсуждали все: еще не развеялся пепел Хиросимы и Нагасаки. Я спросил:

— В последнее время в печать все чаще проникают сообщения об атомных бомбах, которые США сбросили на японские города. Что же будет дальше? Этот вопрос всех интересует.

Эйнштейн, как известно, являлся одним из тех, кто отчетливо понимал, какую грозную опасность таит ядерное оружие для человечества. На меня большое впечатление произвела определенность его высказываний.

Говорил он тихо, такая манера выражать свои мысли всегда его отличала.

— Президенту Рузвельту, — сказал он, — я сообщил, что людей в связи с атомной бомбой, возможно, ожидает несчастье. О моем мнении сейчас уже широко известно. Здешние парни не

очень ясно представляют себе, какая судьба ожидает тот круглый корабль, на котором мы все, в том числе и американцы, сейчас находимся.

Под «парнями» великий ученый подразумевал политиков США, которые должны вынести свое суждение в отношении окончательной судьбы атомного оружия, а под «круглым кораблем», конечно, нашу Землю.

Он тут же заметил:

— Если бы все зависело от людей науки, то, по-моему, американские ученые в подавляющем большинстве высказались бы за запрещение этого страшного оружия.

Он назвал при этом несколько имен. Для меня тогда только одно из них звучало как знакомое. Лоуренс… Как же! Я хорошо знал его. Эрнест Орландо Лоуренс — крупный американский ученый-физик. Еще в 1939 году за работы в области физики атомного ядра Лоуренсу присудили Нобелевскую премию.

Эйнштейн не назвал Оппенгеймера, очевидно, не случайно. Ведь этот ученый в годы войны был научным руководителем центра, занятого производством атомной бомбы. Что же касается Лоуренса, то я заметил, что знаю этого человека лично.

— В напряженное время войны, — добавил я, — Академия наук Советского Союза поручила мне как послу вручить ему документ об избрании его своим почетным академиком. Он тогда приехал в посольство в Вашингтон из Сан-Франциско. Работал он в Стэнфордском университете, руководил лабораторией. Этот документ ему и был вручен мною. Помню, Лоуренс очень тепло благодарил советских ученых за признание его научных заслуг.

Из той беседы с Эйнштейном запала мне в память еще одна примечательная фраза:

— Если бы я знал, что у Гитлера не будет атомной бомбы, то я не стал бы поддерживать американский атомный проект.

И сейчас у меня в ушах звучат эти его слова, хотя он в беседе произнес их в своей обычной манере — тихо.

Когда мы встретились с великим физиком, он уже был пожилым человеком. Жил он замкнуто и редко появлялся на людях. Сказывался и возраст, и то, что его, вероятно, как признавали близкие ему люди, угнетала постоянно одна и та же мысль: до чего может дойти человечество после создания ядерного оружия, начав накапливать его запасы?

Оппенгеймер — американец немецкого происхождения из весьма состоятельной семьи. Он — один из лучших выпускников Гарварда — тем не менее продолжил изучение физики в английском Кембридже, а потом и в Геттингенском университете в Германии. Вернувшись в Америку, молодой профессор

приступил к чтению лекций в Калифорнийском университете. Его труды и успехи снискали ему уважение в научном мире. Ученый с первых своих шагов в науке обратил на себя внимание и военного ведомства. Администрация США сочла его самым подходящим специалистом, которому доверили возглавить большой научный коллектив «Манхаттанского проекта», включавший и иностранцев-эмигрантов из охваченной войной Европы.

Научным центром «атомного проекта» был избран по предложению Оппенгеймера поселок Лос-Аламос в засушливой части штата Нью-Мексико, куда в юности ученый ездил лечить легкие. К моменту взрыва над Хиросимой в нем проживало в обстановке строжайшей секретности свыше шести тысяч человек.

Имя Фредерика Жолио-Кюри физики во всем мире знали еще до войны. Он вместе со своей супругой Ирен в 1934 году открыл искусственную радиоактивность. Жолио-Кюри еще до войны помог переправить весь французский запас тяжелой воды — важного компонента в технологии атомных исследований — в Англию. В годы войны он активно участвовал в движении Сопротивления, а после ее окончания де Голль назначил его руководителем комиссариата по атомной энергии Франции.

Хорошо помню беседы с Оппенгеймером и Жолио-Кюри, встречаться с которыми мне приходилось не один раз. Первый работал в качестве научного советника Бернарда Баруха в Комиссии ООН по атомной энергии, а второй — в той же должности, но у представителя Франции Александра Пароди. Вместе со мной в этих беседах иногда принимали участие два наших научных советника — академик Д. В. Скобельцын и профессор С. П. Александров.

Уже тогда мы, советские представители, отдавали себе отчет в том, что перед нами выдающиеся ученые. Имя Оппенгеймера было известно задолго до наших встреч, хотя только позже в полном объеме выявилась масштабность этой личности среди ученых-физиков.

И Оппенгеймер, и Жолио-Кюри отчетливо осознавали угрозу, которую несет человечеству ядерное оружие. Они не одобряли курс на производство и накопление этого оружия, глубоко переживали сложившуюся ситуацию и говорили о необходимости его запрещения. В беседах они постоянно проводили эту мысль.

Замечалась разница в тональности высказываний того и другого. Оппенгеймер, высказывая мысли в пользу исключения ядерного оружия из вооружений, избегал формулировок, которые могли бы быть истолкованы как прямое несогласие с официальной позицией правительства США, хотя подтекст его высказываний говорил сам за себя. Жолио-Кюри, соблюдая такт в

том, что касается официальной линии западных держав, более открыто проявлял свое отрицательное отношение к позициям участников переговоров от этих держав. Нам импонировала эта мужественная позиция французского ученого.

Вскоре на них обоих стали с подозрением смотреть в официальных кругах Запада. А затем этих ученых те, кто не желал расставаться с ядерным оружием, стали попросту осуждать. Это особенно отчетливо проявилось в отношении Оппенгеймера. В наших беседах с ним бросалось в глаза то, что он вел себя почти всегда как-то стесненко. Видимо, долгий период, в течение которого за ним назойливо следили, наложил свой отпечаток, породил у него как бы рефлекс постоянной настороженности при встречах с иностранцами.

Разумеется, сам Оппенгеймер об этом прямо нам не говорил. Более того, он старался, чтобы его манера держаться в ходе работы комиссии не выглядела необычной. Однако нельзя сказать, что это ему до конца удавалось. Вообще же человеком он оказался не из трусливых. Это подтверждается хотя бы тем, что позже он смело и уже открыто противопоставлял свои взгляды ученого позиции тех кругов США, которые тесно связали свою политику с ядерным оружием. Во время одной из наших встреч он решительно заявил:

— Я однозначно высказываюсь за поддержку предложения о безусловном запрещении производства и применения ядерного оружия.

Такие его слова имели большой вес. Он — один из активных разработчиков «Манхаттанского проекта» — мог бы сказать это и раньше. Его слова имели бы такой же вес и до принятия решения о бомбардировке японских городов. Но в ту пору он этого не говорил. А когда сказал, атомные бомбы уже «сходили с конвейера».

Власти США отомстили ученому за его независимую позицию. В 1953 году Оппенгеймера обвинили в «нелояльности» и лишили допуска к секретной информации. Разумеется, это была политическая анафема.

Есть все основания полагать, что позиция, которую занял Оппенгеймер, после того как появилась атомная бомба, отражает в какой-то мере и мысли президента Рузвельта, который не успел их выразить. Это выяснилось после публикации воспоминаний некоторых государственных деятелей рузвельтовского периода.

После 1949 года, то есть когда Комиссия ООН по атомной энергии прекратила свое существование, я видел Оппенгеймера лишь один раз и при необычных обстоятельствах. Это произошло в 1959 году в Вашингтоне во время похорон Джона Фостера

Даллеса — бывшего государственного секретаря США. В американскую столицу прибыли я и мои коллеги по проходившему в то время в Женеве совещанию министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции. На пути из собора на Арлингтонское кладбище с моей машиной еще в черте города поравнялся автомобиль, в котором находился Оппенгеймер. Его машина замедлила движение, и он приветствовал меня помахиванием руки. Я ему ответил тем же. На кладбище я его не видел, скорее всего, он туда и не направлялся.

Оппенгеймер и люди его взглядов переживали тогда в США нелегкие времена. Их окружала атмосфера вражды и оскорблений прежде всего со стороны официального Вашингтона.

19 марта 1950 года Жолио-Кюри первым подписал Стокгольмское воззвание, в котором говорилось: «Мы требуем безоговорочного запрещения атомного оружия — оружия запугивания и массового уничтожения». За полгода под ним поставили свои подписи полмиллиарда человек.

Далее события в жизни великого ученого развивались стремительно. Правительство Бидо сместило его с поста верховного комиссара Франции по атомной энергии, который он занимал в течение четырех лет. Его не допустили к работам в форте Шатильон, где располагался основной научно-исследовательский центр Франции и где перед этим сам ученый ввел в действие первый национальный ядерный реактор.

После этого Жолио-Кюри посвятил свою жизнь целиком борьбе против ядерного оружия, против подготовки новой войны — он стал во главе Всемирного Совета Мира.

Отрадно сознавать, что от этих крупных ученых западного мира, авторитетно высказывавшихся в пользу запрещения навечно ядерного оружия, протягивается как бы невидимый мост ко многим нынешним представителям науки. К тем ученым и на Западе, и на Востоке, и на Севере, и на Юге, которые приходят к единственно правильному выводу — ядерное оружие должно быть объявлено вне закона, должно быть ликвидировано, а энергия атомного ядра должна использоваться только для мирных целей. Таких деятелей науки становится все больше. И все сильнее ощущается их роль в борьбе разума, с одной стороны, и безрассудства — с другой. Глубоко убежден, что никому не удастся обелить курс тех, кто, находясь у руля политики США, отказывается поставить под запрет ядерное оружие, для кого соблазн доминирования над миром оказался сильнее понимания необходимости исключения этого оружия из арсеналов государств.

Тщетны попытки утверждать, будто американская сторона недобрых намерений в связи с ядерным оружием никогда не имела. Нет правды и в заявлениях, которые делают в Вашингтоне, порой на самом высоком уровне, будто США, обладая одно время монополией на атомную бомбу, могли бы, если бы захотели, диктовать СССР свои условия, но не стали этого делать по высоким моральным мотивам.

Деятелям, оперирующим подобным доводом, уместно посоветовать взглянуть на события под другим углом зрения: что бы мог сделать, к примеру, Советский Союз, когда фашистская Германия уже была поставлена на колени, и до каких рубежей мог бы докатиться могучий вал советских армий, только что переломивших хребет гитлеровскому рейху, если бы СССР не оставался надежным партнером и не был бы верен своим союзническим обязательствам?

Так, спрашивается, зачем же тем, кто определяет внешнюю политику США, выдавать фальшь за истину, если даже эта фальшь преподносится в изящной упаковке?

Доходный бизнес…

Время от времени Советский Союз стремился выяснить, куда же дуют ветры в державах Запада — наших бывших союзниках. А когда стало совершенно ясно, что они пока дуют в сторону от разоружения, то советские представители пытались не раз от имени своей страны убедить руководство этих держав в том, что проблема разоружения должна одинаково занимать и Восток, и Запад.

В военное время и администрация Рузвельта, и английское правительство указанные проблемы в плане будущего вообще не желали обсуждать. Это еще можно было объяснить — идет война, и главное в ней — одержать победу. Но после окончания войны, капитуляции гитлеровской Германии, после Ялты, Потсдама и создания ООН фактическое нежелание Запада что-либо предпринимать в направлении разоружения, естественно, серьезно настораживало советское руководство.

Разумеется, время от времени ответственные представители стран Запада не прочь были порассуждать о пользе поиска путей к сокращению вооружений и разоружению. Но, как правило, их высказывания носили скорее риторический характер. Дело не шло дальше пожеланий сплавить вопрос в какой-либо комитет или комиссию. А там уж всегда находились разные крючкотворы, готовые похоронить любое конструктивное предложение.

Иногда у США и Англии появлялись и более заметные фигуры, готовые пофилософствовать на тему о разоружении и даже высказаться о пользе разоружения. Но вслед за этим они отклоняли все, что исходило от Советского Союза. Даллес, Стассен, Стивенсон, Барух всплывали на поверхность не раз. Но все они проявляли, по существу, отрицательное отношение ко всяким реальным предложениям по разоружению.

Вот две характерные беседы с Даллесом на эту тему. Одна имела место в Сан-Франциско в конце конференции, когда Устав ООН фактически уже был выработан. Даллес, неофициальный советник американской делегации, проявил интерес к Советским Вооруженным Силам и спросил меня:

— Скажите, пожалуйста, господин Громыко, долго ли Советский Союз будет содержать под ружьем многомиллионную армию после завершения войны?

Вопрос звучал несколько странно, поскольку война с Японией еще продолжалась и США всячески торопили Советский Союз оказать им помощь в этой войне.

Я заметил:

— Задачу, которую вы имеете в виду, мы, разумеется, будем решать, но сегодня на эту тему говорить рано.

Со своей стороны я тоже спросил Даллеса:

— А как вы думаете, что сделают США со своими вооруженными силами и в Европе, и в Азии после победы над Японией?

Даллес ответил:

— Хочу оговориться, что я не занимаю официального поста в правительстве Трумэна, поэтому могу высказать только личное мнение. По-моему, плацдармы, занятые на островах Тихого океана, а позже и в самой Японии, которая, я уверен, будет побеждена, должны удерживаться Соединенными Штатами.

Вопросы о численности вооруженных сил, военно-морского флота он избегал затрагивать — и по Европе, и по Азии, и по островам Тихого океана.

Его рассуждения как бы экстраполировались на послевоенное время в связи с рассмотрением вопросов разоружения.

Очутившись через непродолжительное время на ключевом посту государственного секретаря, он фактически перевел высказанные им мысли на язык официальной внешней политики. В период его пребывания на посту государственного секретаря в политике США по вопросам разоружения все оказалось герметически закрыто для любых шагов, которые содействовали бы продуктивному обсуждению этих вопросов и тем более их решению.

Даллесовский дух обструкции в американской позиции по проблеме разоружения жил долго. Питала этот дух та же почва, которая питала в свое время и старые даллесовские концепции. По крайней мере на протяжении десяти — пятнадцати лет США проявляли к проблеме разоружения, если взять ее существо, почти пренебрежение. Это находило свое выражение и в существе их позиции, и даже в приемах, формах участия их представителей в соответствующих обсуждениях.

Никогда не ощущалась у представителей Вашингтона тревога за состояние дел в мире в связи с гонкой вооружений и накоплением ядерного оружия. Звучали одни стандартные заявления, пересыпанные большой дозой тенденциозной пропаганды и фальши в отношении Советского Союза. Эти заявления лишь еще больше подчеркивали тот факт, что США и ранее не имели вкуса к решению вопроса вопросов — ликвидации ядерного оружия. А потом Вашингтон пытался опрокинуть даже те соглашения, которые частично ограничивали вооружения и к которым удалось прийти во времена президентов Никсона и Картера.

Проблема прекращения гонки вооружений и разоружения не относится к категории тех вопросов, остроту которых сбивает время. Она постепенно обрастает все новыми сложностями и опасностями.

Некоторые буржуазные деятели в попытке подвести теоретическую основу под политику гонки вооружений утверждают, что человечество не способно вырваться из созданного этой гонкой порочного круга и что она в наш век является фатальной неизбежностью. Не раз я слышал подобные утверждения, в частности со стороны представителей Англии. Казалось, что даже стены Розового дворца в Париже, где проходила встреча министров иностранных дел четырех держав, еще больше «покраснели» от заявления, сделанного в этом духе представителем Англии.

Селвин Ллойд, выступавший от правительства консерваторов, бывший официальным представителем Великобритании на данной встрече, заявил:

— Линия на исключение войн из жизни человечества — порочная. Войны были, есть и будут. Они являются следствием самой природы человека.

Конечно, яснее сказать трудно. Даже в «третьем рейхе», наверно, позавидовали бы лихости, проявленной Селвином Ллойдом, который пытался сформулировать философию тех, кто стоит за гонку вооружений и уповает на ядерное оружие.

Такого рода «научные» выкладки нелепы. В действительности все обстоит иначе: империализм хочет выдать порожденные им явления за неотъемлемые свойства современного общества и даже человеческой натуры.

Милитаристский курс в мировых делах представляет собой, и это давно стало аксиомой, продукт политики тех, для кого гонка вооружений — сверхприбыльный бизнес. Говоря о том, что капитал не гнушается никакими средствами для получения сверхприбыли, К. Маркс в «Капитале» цитирует английского публициста Т. Дж. Даннинга: «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы».[13]

Осознанием этого факта проникается все большее число людей, начинающих понимать, насколько ничтожными являются узкие интересы наживы военно-промышленного бизнеса по сравнению с жизненными интересами народов.

Человеческий разум восстает против того, что гений ученых, высочайшее мастерство рабочих, колоссальные материальные средства по-прежнему растрачиваются на производство орудий разрушения и уничтожения людей. Народы вправе требовать положить конец такому безумию.

Советский Союз настойчиво призывал и призывает всех, кому дорог мир, поставить гонку вооружений на тормоза, приступить к разоружению.

На Западе имеется немало таких деятелей, которые не скрывают, что им не нравится тот факт, что наша страна предпринимает одну конструктивную инициативу за другой в области разоружения. Но, спрашивается, почему бы Советскому Союзу не выступать с такими инициативами? Мы гордимся тем, что они близки сердцу советского человека, встречают сочувствие и поддержку со стороны других народов мира. Теперь дело — за правительствами западных стран.

Телефонный звонок в Белый дом

В шестидесятые и семидесятые годы инициативными шагами СССР во многом предопределялось заключение ряда договоров и соглашений в области ограничения гонки вооружений, в том числе ядерных. Крупным достижением явился Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. 5 августа 1963 года в Москве этот договор подписали я, как министр иностранных дел СССР, государственный секретарь США Дин Раск и министр иностранных дел Англии Александр Дуглас-Хьюм. 10 октября того же года после обмена ратификационными грамотами между тремя его первоначальными участниками договор вступил в силу.

Подписанию договора предшествовали переговоры, состоявшиеся в Москве в июле 1963 года, в которых вместе с советским министром участвовал от США заместитель государственного секретаря Аверелл Гарриман и от Великобритании — министр по делам науки лорд Хейлшем.

Интересен в связи с этими переговорами такой эпизод. Работа над проектом договора уже приближалась к концу, однако оставался все еще один барьер, препятствовавший окончательной договоренности. Чтобы преодолеть его, требовалось найти ответ на вопрос, в каких случаях любой участник договора получал бы законное право выйти из него, если он этого пожелает.

Советский Союз внес предложение, чтобы каждый участник в порядке осуществления своего государственного суверенитета имел право выхода из договора, если связанные с содержанием договора исключительные обстоятельства поставят под угрозу высшие интересы данной страны. Иными словами, такая редакция исключала возможность использования для выхода из договора и, следовательно, его подрыва ссылок на произвольно указанные причины, не относящиеся к договору. Советское предложение отражало заботу о том, чтобы будущий договор представлял собой не конъюнктурное явление, а важный и длительный фактор международной жизни.

По первой реакции Гарримана и лорда Хейлшема ощущалось, что ни тот ни другой не оказались готовы к такой постановке вопроса. Правда, английский представитель получил вскоре принципиальное согласие Лондона принять наше предложение. Однако представитель США все еще не давал согласия, ссылаясь на то, что не может нарушить инструкций президента Кеннеди, не позволяющих ему это сделать.

Во время перерыва между заседаниями я предложил

Гарриману взять трубку — телефон находился в соседней комнате — и прямо из особняка МИД СССР на улице Алексея Толстого позвонить президенту Кеннеди. При этом американскому представителю было высказано мнение:

— В условиях, когда окончательное согласование текста задерживается только из-за отсутствия договоренности по одному этому вопросу, вполне оправданно срочно информировать об этом лично самого президента. Он не может не оценить этого.

Надо отдать должное Гарриману — он принял этот совет и немедленно связался по телефону с Белым домом. Кеннеди сразу же дал указание принять советское предложение.

Когда заседание возобновилось, все три делегации одобрили предложенный советской стороной текст статьи IV — об условиях выхода стран из договора. Примерно через час готовый текст договора парафировали,[14] и переговоры успешно завершились.

Казалось бы, простое дело совершил Гарриман: позвонил президенту, проинформировал его о сути проблемы и получил ответ. Но будь на его месте другой человек, с меньшим влиянием и опытом, он мог поступить иначе, затеяв переписку с Вашингтоном. В этом случае с американского конца к рассмотрению всех «за» и «против» могли бы подключить солидный отряд экспертов, юристов, и еще неизвестно, какое мнение подготовило бы такое коллективное творчество.

Гарриман — бизнесмен и дипломат

Да, Аверелл Гарриман, несомненно, был видной фигурой в общественной жизни США. Трамплином к его выдвижению стало то обстоятельство, что он являлся представителем тех слоев крупного американского капитала, которым не чуждо чувство реализма в ведении дел с Советским Союзом.

Имя Гарриманов знает каждый взрослый американец. Такую фамилию носит семья хорошо известных железнодорожных магнатов. В США, наверно, найдется немного людей, которым бы не доводилось махнуть с востока на запад или с запада на восток по железной дороге Гарримана, доставшейся ему по наследству от отца. Старшие Гарриманы обладали той долей смелости, которая считалась необходимой для солидного бизнесмена в конце XIX — начале XX века. Они играли по-крупному, временами подставляя грудь под удары судьбы, решительно продвигаясь вперед на встречу со своей фортуной. Они вошли в число тех, кому удалось основательно пустить корни в экономику страны. Унаследовав солидное состояние, Аверелл Гарриман основал финансовую группу, которая и сегодня оказывает немалое влияние в мире банков, железных дорог, металлургии и других отраслях экономики.

Молодой Гарриман не обладал особыми амбициями по отношению к политике. Люди, хорошо знакомые с его биографией, придерживаются по этому поводу единого мнения: бизнес и еще раз бизнес, и прежде всего железнодорожный, — вот та стихия, которая поглощала внимание этого незаурядного человека.

В политику Гарриман шагнул лишь в тридцатые годы при Рузвельте. В американской администрации имелись люди, которые, следуя пожеланиям хозяина Белого дома, присматривались к видным и способным представителям прежде всего деловых кругов, с тем чтобы привлекать их к сотрудничеству с правительством. Именно в результате этого возник некий «мозговой трест» — такое неофициальное название позаимствовали из лексикона деловых людей, — который объединил представителей частного капитала, юристов, ученых. В их помощи нуждались правительство и сам президент.

Гарриман хотя непосредственно и не входил в этот «трест», но тем не менее занимал в период с 1933 по 1940 год ряд административных постов, в частности являлся советником президента по промышленным и финансовым вопросам.

Но вот грянула война. В силу логики событий в нее оказались

вовлеченными и США. Сама жизнь требовала, чтобы на посту посла США в Москве находился человек влиятельный, предпочтительно из кругов большого бизнеса.

Советское руководство — это было известно Рузвельту — не очень высоко оценивало уже упоминавшегося посла Штейнгардта, работавшего в Москве в первый период войны. Его панические донесения в Вашингтон о том, что советская столица не устоит под напором гитлеровской армии, что советский фронт распадается, стали широко известны. Да он и сам не стремился оправдываться. Сменивший Штейнгардта посол Уильям Стендли проработал в Москве немногим более года (с апреля 1942 г. по сентябрь 1943 г.) и заметного следа после себя не оставил.

Выбор Рузвельта в конце концов пал на Гарримана, который к тому времени уже привлекался администрацией к выполнению отдельных политических миссий. Так, в марте 1941 года он был назначен специальным представителем президента в Англии по осуществлению закона о ленд-лизе, а в конце сентября того же года возглавлял делегацию США на Московской конференции трех держав по вопросам взаимных военных поставок.

О Гарримане немало написано и сказано. Но мне хотелось поделиться с читателем и личными впечатлениями об этом человеке, которого хорошо знал более сорока лет.

Предложение стать послом США в СССР Гарриману импонировало. Он не делал из него большой тайны. Мне, человеку, недавно прибывшему в Вашингтон, это тоже стало известно. Гарриман привык заниматься крупными делами: бизнес — так уж большой бизнес; политика — так уж политика большая; если работать в другой стране — так уж в стране крупной. Кстати, еще в годы нэпа Гарриман получил на Кавказе концессию в районе Чиатурского марганцевого месторождения.

Впервые Гарриман посетил советское посольство в Вашингтоне, когда вопрос о его новом назначении был предрешен. В беседе с послом СССР он восторженно отзывался о героическом сопротивлении советского народа фашистским захватчикам и подчеркивал:

— Американский народ с радостью встречает известия об успехах Красной Армии на том или ином участке огромного фронта.

Гарриман проявил понимание и того, что США и Советскому Союзу необходимо находить общий язык вплоть до окончательного разгрома фашистской Германии.

В качестве посла Гарриман прибыл в Москву в октябре 1943 года. Вместе с ним в советской столице находилась его дочь. Нового посла США сравнительно часто принимали советские

руководители. В некоторых случаях он приходил на прием к Сталину с посланиями от Рузвельта, что способствовало закреплению его официальных контактов с советским руководством.

Опыт Гарримана в бизнесе, где всегда присутствуют проблемы, которые должны быть урегулированы между представителями рабочего класса и предпринимателями, в какой-то степени помог ему и на дипломатическом поприще. Советские послы в Вашингтоне — Уманский, Литвинов, а затем и я — не раз обращали внимание на то, что у Гарримана выработался свой стиль в проведении бесед. Он умел внимательно слушать собеседника, избегал оперировать трафаретами. Мог высказать и свое собственное суждение с оговоркой, что это его личное мнение.

Одним словом, у советских руководителей Гарриман всегда оставлял впечатление человека, с которым можно разговаривать как с достойным представителем крупного государства.

В начале 1946 года Гарриман в связи с его просьбой был переведен из Москвы послом в Лондон. Вместо него послом назначили Уолтера Смита.

Влияние Гарримана на политику Вашингтона стало уже не таким, как при Рузвельте. Однако и в послевоенное время президенты США от демократической партии нередко обращались к услугам Гарримана для выполнения важных политических миссий. Побывал Гарриман и на посту министра торговли. Еще позже он являлся специальным помощником президента по международным вопросам, заместителем государственного секретаря США.

В годы «холодной войны» Гарриман иногда допускал и недружественные высказывания по адресу Советского Союза. Тем не менее он никогда не изменял своим основным взглядам относительно того, что и в условиях мира США и СССР должны находить взаимоприемлемые решения спорных проблем за столом переговоров. Резко негативно отнесся Гарриман к враждебной Советскому Союзу линии, сформулированной Черчиллем в его речи в Фултоне, и не скрывал этого. Трезвое суждение Гарримана по вопросам советско-американских отношений и международной политики всегда имело вес в США.

До последних дней Гарриман неизменно высказывался в пользу мирного сосуществования государств, выступал с осуждением враждебных проявлений в политике Вашингтона по отношению к Советскому Союзу, в том числе считал неприемлемыми оскорбительные заявления о социалистическом строе в СССР. Он, как американский делегат, участвовал в

переговорах, которые привели к прекращению войны во Вьетнаме. Помимо того, он неоднократно и публично подавал свой голос в пользу прекращения гонки вооружений. И в качестве поучительного примера Гарриман приводил успешный исход переговоров в Москве о заключении Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, ссылался на личный опыт участия в этих переговорах.

В своей книге «Америка и Россия в меняющемся мире» Гарриман писал: «Меня очень беспокоит тенденция нынешней администрации относиться к русским со сверхподозрительностью или по меньшей мере с подозрительностью нездорового свойства…».[15]

Слова эти адресовались администрации Эйзенхауэра, но с еще большим основанием их можно было бы отнести к некоторым последующим администрациям.

В то время, когда я переносил на бумагу свои мысли о Гарримане и его роли в политике, пришло скорбное сообщение о его кончине.

Не хочется мириться с тем, что его уже нет, что больше нельзя будет услышать его бархатный голос. Этот голос доносил до тех, кто слушал Аверелла Гарримана, трезвые суждения о необходимости для обеих стран — США и СССР — жить в мире, и только в мире.

Особняк на улице Алексея Толстого

Для читателя, возможно, представит интерес как бы небольшое отступление от темы, которое мне хотелось бы позволить себе в связи с упомянутыми переговорами. В особняке МИД СССР на улице Алексея Толстого вот уже более полувека проходят двусторонние и многосторонние встречи и переговоры, парафируются и подписываются важные соглашения, договоры, другие международные документы.

Каждое государство, являющееся организатором тех или иных встреч, старается, как правило, создать для них благоприятную атмосферу и максимум удобств для участников. При этом имеет значение и выбор соответствующего помещения. Да, даже этот психологический фактор иногда имеет значение.

У особняка, о котором идет речь, и участка, на котором он воздвигнут, интересная история. В 1814 году на этом месте был построен красивый дом в классическом стиле для известного русского поэта-баснописца, члена Российской Академии Ивана Ивановича Дмитриева.

Дом Дмитриева на Спиридоновке (так называлась в те времена улица Алексея Толстого) стал московским «литературным клубом». Здесь читали свои стихи А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, герой-партизан Отечественной войны 1812 года поэт Денис Давыдов. Каждому культурному человеку даже этот простой перечень выдающихся представителей русской поэзии говорит о многом.

В дальнейшем усадьба принадлежала Аксаковым. В 1893 году ее приобретают Морозовы, владельцы Никольской мануфактуры в Орехово-Зуеве.

Один из представителей этой семьи — Савва Тимофеевич Морозов — колоритная личность дореволюционной России. Человек незаурядного ума и разносторонних интересов, Савва Морозов поддерживал близкое знакомство со многими замечательными людьми своего времени. Писатель Леонид Андреев в его особняке на Спиридоновке читал друзьям свой еще не напечатанный «Красный смех». Морозов дружил с А. П. Чеховым и А. М. Горьким, актрисой Художественного театра членом партии большевиков М. Ф. Андреевой, которую лично знал В. И. Ленин.

Горький и Андреева не раз обращались к Морозову за деньгами на нужды РСДРП, и тот охотно откликался на эти просьбы. Его содействие партии этим не ограничивалось. Он

предоставлял работу нуждающимся в ней членам партии. В случае необходимости Морозов помогал им скрываться от полиции. Этим, в частности, воспользовался известный революционер Николай Бауман.

Особняк в его современном виде построили на рубеже XIX–XX веков. Фасад здания решен в стиле английской готики. Вестибюль ведет в светлый аванзал, откуда открываются перспективы отделанного мрамором белоколонного зала, большой гостиной с панно художника Богаевского и расположенной далее малой гостиной, украшенной творениями Врубеля. По другую сторону аванзала — площадка парадной лестницы с витражом и скульптурной группой работы Врубеля, а также большая столовая с внушительным камином и массивной люстрой XIX века.

Поражаешься неистощимой фантазии архитектора и его вниманию ко всем, даже мелким, деталям архитектурного убранства, которые тщательно прорисованы и решены индивидуально для каждого помещения.

Многое видели и многое могли бы рассказать стены этого особняка и о событиях не столь уже отдаленного времени. Здесь с 29 сентября по 1 октября 1941 года проходила Конференция представителей СССР, США и Великобритании по вопросам взаимных военных поставок в ходе войны.

Во второй половине октября того же года в особняке состоялась Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, на которой рассматривались некоторые вопросы, вытекающие из военной обстановки.

Время от времени проводились в особняке мероприятия на высшем уровне. 10 октября 1944 года Сталин устроил завтрак в честь Черчилля, находившегося тогда с визитом в Советском Союзе. 3 декабря 1944 года здесь же был дан завтрак от имени Сталина и в честь Шарля де Голля.

Атмосфера ликования и светлой надежды на мирное будущее человечества царила в особняке среди участников дипломатического приема, который Советское правительство устроило 31 мая 1945 года по случаю Победы над фашистской Германией.

Мне вместе с другими гражданскими и военными лицами посчастливилось присутствовать на этом приеме, который прошел без речей и тостов. Однако торжественность момента, радость великой

Победы ощущались в любом разговоре. Настроение создавала общая обстановка, и казалось, будто слышишь чарующие звуки чудесной музыки. Такими прекрасными остались в памяти дни великого всенародного торжества.

В послевоенные годы здание на улице Алексея Толстого интенсивно использовалось для приемов иностранных делегаций.

Другие договоренности

Политика СССР, его усилия во многом предопределили заключение вслед за Договором о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах (1963 г.) ряда других международных договоров и соглашений, направленных на ограничение гонки вооружений. Появилась на свет система таких договоров и соглашений. Речь идет о Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967 г.), Договоре о нераспространении ядерного оружия (1968 г.), Договоре о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (1971 г.).

От имени Советского Союза мне было поручено подписать Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972 г.), ставшую фактически первой в истории международных отношений реальной акцией в области разоружения, а также Конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (1977 г.).

Важное место заняли двусторонние советско-американские соглашения:

Договор об ограничении систем противоракетной обороны — ПРО (1972 г.) и Протокол к нему (1974 г.).

Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений — ОСВ-1 (1972 г.).

Люди, знакомые с обстановкой в США, не раз поражались, наблюдая удивительные парадоксы в политической и общественной жизни этой страны.

Касается это и поведения Вашингтона во внешних делах, относящихся к области разоружения. После многолетних и изнурительных переговоров стороны подготовили к подписанию Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Несомненно, такой исход участники переговоров с обеих сторон сочли успехом, причем успехом общим — и Советского Союза, и Соединенных Штатов.

Последний этап в его подготовке приходился на президентство Джеймса Картера. Именно в ходе согласования оставшихся еще проблем мне пришлось посещать не раз тогдашнего хозяина Белого дома.

Тогда, в частности, было условлено, что договор будет подписан на самом высоком уровне. Его так и подписали.

Но прошло совсем немного времени, и тот же Картер содействовал тому, чтобы Соединенные Штаты Америки Договор ОСВ-2 не ратифицировали.

Он, видите ли, рассердился на Советский Союз за его политику во внешних делах, особенно в связи с положением, сложившимся в Афганистане и вокруг него. Иными словами, поскольку правительство США не согласно с действиями СССР по оказанию помощи Афганистану, который отстаивает свою независимость и право самому решать свои внутренние дела, то США не сочли возможным ратифицировать подписанный в Вене договор.

Это — политика тупиков, ибо если ее придерживаться, то фактически невозможно решать неурегулированные проблемы. Конечно, и Картер, и его преемники отдавали и отдают себе отчет в том, что вся философия такой позиции пропитана фальшью. Но она потребовалась, чтобы сбивать с толку общественное мнение относительно подлинных причин того, почему Вашингтон проявил вероломство в вопросе о Договоре ОСВ-2.

Что же касается того, будто бы события в Афганистане послужили причиной ухудшения международной обстановки, то это, думаю, не так. Дело в том, что все важнейшие решения американской администрации, которые составили фундамент новых подходов США к СССР и которые фактически стали шагом назад — к «холодной войне», оказались принятыми до, а не после событий в Афганистане.

Здесь и решение НАТО о ежегодном увеличении военных бюджетов на протяжении пятнадцати лет, его приняли в мае 1978 года. В этом ряду и решение президента США о «пятилетке» наращивания военного потенциала США до высочайшего уровня, оно вынесено в декабре 1979 года. Сюда легло и крайне опасное решение НАТО о «довооружении» — размещении в Европе новых американских ядерных ракет средней дальности. Это решение НАТО датировано тоже декабрем 1979 года. До декабря того же года стало очевидным, что процесс ратификации Договора ОСВ-2 в США фактически уже сорван. Таким образом, события в Афганистане — а они приходятся на самый конец 1979 года — тут вовсе ни при чем. Они всего-навсего тот фиговый листок, которым Вашингтон пытался прикрыть свою голую политику гонки вооружений.

Спрашивается, чего же стоят прочувствованные высказывания Картера? Ведь это он во время согласования последних штрихов в договоре заверял автора этих строк во время беседы в Белом

доме:

— США придают огромное значение договору, который должен быть заключен. США твердо стоят за это.

Естественно, что пример с Договором ОСВ-2 лишний раз продемонстрировал, что Вашингтон дешево ценит свои подписи под международными соглашениями.

Поворот вспять

В дальнейшем положение еще больше осложнилось после прихода к власти администрации Рейгана. В сферах, определяющих курс внешней политики США, канат перетянули на свою сторону силы милитаристского настроя.

Кредо приверженцев такого курса рельефно предстало в решениях блока НАТО, навязанных администрацией США. Политика Вашингтона была нацелена на достижение военного превосходства, с позиции которого он хотел бы доминировать.

До предела, казалось бы, набиты оружием арсеналы США и НАТО. И все же в неком исступлении одна за другой принимаются многомиллиардные программы вооружений. Еще больше разгонялся бег военных конвейеров. В беспрецедентных масштабах наращивались вооружения либо заменялись их компоненты. Замышлялось и прокладывалось новое, крайне опасное направление в гонке вооружений — распространение ее на космос.

Добиваясь изменения в свою пользу военно-стратегической ситуации в мире, ссылаются на интересы безопасности США и их союзников. Но толкуют эти интересы, выворачивая наизнанку так, что на практике они вступают в столкновение с интересами безопасности других стран и народов.

В наше время международная и национальная безопасность взаимосвязаны более, чем когда бы то ни было. Ни та ни другая не могут быть прочно обеспечены в условиях подстегиваемой США и НАТО гонки вооружений, практикуемой ими политики «с позиции силы». Такая политика — антипод курсу на обеспечение международной безопасности.

Древняя и современная история знает немало претендентов на то, чтобы стать сильнее всех, вершить делами мира. Известно, однако, к чему это приводило.

Опыт, доставшийся нынешнему поколению дорогой ценой, откристаллизовал другое, реальное представление о том, на какой основе должны строиться мир и безопасность. Это — отказ от угрозы силой или ее применения и мирное сотрудничество государств. Только на таком фундаменте, и ни на каком ином, может зиждиться мир.

Человечество давно переступило ту черту, за которой дальнейшее накопление и совершенствование ядерных вооружений не только опасно, но и бессмысленно. Бесперспективны в нынешних условиях расчеты кого-то на то, чтобы вырваться вперед, получить военное превосходство.

Иллюзорна и надежда одержать победу в ядерной войне, какие бы ни выдвигались доктрины ведения такой войны, будь то глобальной или ограниченной, быстротечной или затяжной.

Об этом авторитетно и в один голос говорят ученые, компетентные военные и гражданские специалисты с мировым именем, исключая, конечно, тех, кто потерял честь и совесть или кого природа этим вовсе обделила.

В ядерный век необходимо политическое мышление, которое соответствовало бы его реальностям. И там, где в нем все еще превалируют такие категории, как «сила», «устрашение», «превосходство», на смену им должны прийти понятия «неприменение силы», «доверие», «равенство» и «одинаковая безопасность».

А ведь были попытки со стороны Картера проявить некоторую гибкость в поисках договоренностей по ограничению ядерного оружия. Не так давно он, когда являлся хозяином Белого дома, высказывал нечто такое, о чем, пожалуй, стоит рассказать.

Я прибыл к нему с поручением досогласовать некоторые вопросы по договору ОСВ-2. По окончании в общем успешной беседы, на которой присутствовали также государственный секретарь США Сайрус Вэнс и советский посол А. Ф. Добрынин, я сказал Картеру:

— Мы ведем переговоры с США, не вовлекая пока в учет ядерное оружие Англии и Франции. Но приближается время, когда это оружие необходимо будет учитывать. Ведь они — союзники США.

Картер ответил:

— Я вполне понимаю убедительность вашей точки зрения. Я и сам много думал об этом вопросе. Но, признаться, еще не пришел к определенному выводу о возможном его решении.

Это заявление имело важное значение, поскольку представители США до того времени не хотели и слышать о том, что ядерные средства Англии и Франции необходимо будет учитывать, чтобы соблюсти принцип равенства.

Если бы сегодня сделать с применением новейших технических средств фотографию, которая запечатлела бы размах военных приготовлений США и их союзников в масштабе нашей планеты, то открылась бы панорама, способная поразить каждого объективно мыслящего человека. Частокол ракет. Стратегические бомбардировщики. Армады боевых кораблей в морях и океанах. Сотни разбросанных по всему миру военных баз. Колоссальное скопление всех видов оружия.

Могут сказать: у вас, у Советского Союза, тоже есть оружие на земле, в воздухе, на воде и под водой. Мы отвечаем:

— Да, есть, но это — не наш выбор.

Вынужденная предпринимать ответные меры, наша страна делала это именно в ответ и лишь в том объеме, в каком требовали интересы ограждения собственной безопасности и безопасности ее друзей и союзников. Она никогда не стремилась и не стремится к превосходству, стоит за поддержание военного равновесия на возможно более низком уровне.

Следуя своему курсу, Вашингтон предпринял попытки девальвировать действующие и блокировать достижение новых советско-американских договоренностей в вопросах ограничения и сокращения вооружений, и в первую очередь ядерных.

При встречах с представителями рейгановской администрации неоднократно от имени Советского Союза приходилось делать обоснованный упрек по адресу Вашингтона:

— Что же получается? При администрациях Никсона, Форда и Картера пусть с трудностями, и немалыми, но было подписано несколько важнейших соглашений между нашими двумя державами. Так почему же нынешняя администрация не хочет идти по пути соглашений?

Курс Вашингтона, приведший к росту военной опасности в мире, породил обеспокоенность даже среди союзников США по НАТО. Некоторые из них прямо высказывают свое недовольство. Обострилось и чувство тревоги в широких слоях населения стран Запада, уже на протяжении ряда лет наблюдается волна антивоенного движения, не обошедшая и США.

Со всем этим за океаном не могли не посчитаться. Оттуда в изобилии стали раздаваться заверения о желании вести диалог с Москвой.

Космическая фальшивка Вашингтона

Давно ли люди только с благоговением думали о космических высях? Ведь с детства в их сознании укоренялось убеждение, что там — самое мирное место, откуда нет угрозы.

И вдруг великие открытия науки, использование законов природы хотят превратить в средство истребления самой жизни на Земле из космоса. Против этих попыток, против бесчеловечных планов уничтожения людей, превращения земли в огромную могилу должен решительно восстать человеческий разум. Независимо от мировоззрения людей, от их идеологических и религиозных убеждений, независимо от того, при каком социальном строе они живут, все они должны громко сказать, что будущим человечества должна быть жизнь, а не ядерное кладбище.

Итак, советское руководство приняло решение провести откровенный разговор о космосе, а заодно и о том, чтобы начать новый этап в переговорах с США о разоружении.

Вопросы о предмете и целях переговоров и о космосе обсуждались 7–8 января 1985 года в Женеве на моей встрече с государственным секретарем США Джорджем Шульцем. Стояла необычно холодная для этих мест погода. И оттого город как бы притих. Малолюдными казались улицы, наверно, еще и потому, что был отнюдь не туристический сезон.

Впрочем, в этом общем настроении притихшего города присутствовало отчасти и понимание важности происходящего. Казалось, каждый дом города, окружающие Женеву холмы и горы ожидали, что скажут две державы.

Неугомонными, как всегда, оставались журналисты, которых приехало в Женеву из разных страх множество. Они буквально толпами осаждали представительство СССР и США, где попеременно велись беседы.

Что ж, журналистов можно понять. Ведь они «обречены» находиться в эпицентре событий, чтобы информировать о последних новостях читателей. Хотя делается это, если говорить о журналистах, представляющих буржуазные средства информации, с большой амплитудой колебаний в отношении добросовестности.

С трудом, но американская сторона согласилась принять точку зрения относительно предмета и целей переговоров, пошла на то, что вопросы о стратегических вооружениях, ядерном

оружии средней дальности и предотвращении гонки вооружений в космосе должны рассматриваться комплексно. Договоренность об этом носила принципиальный характер и была зафиксирована в совместном заявлении. Она явилась шагом в налаживании диалога между двумя странами, но именно только шагом в сравнении с теми задачами, которые стояли перед открывшимися в Женеве двумя месяцами позже советско-американскими переговорами по космическим и ядерным вооружениям.

Советский Союз постоянно напоминает всем странам, что самой высокой целью всех государств мира, всех правительств должна стать ликвидация ядерного оружия.

Мы тогда предупредили администрацию США: реализация ее замыслов в отношении космоса означала бы, что ни о каком сокращении, не говоря уже о ликвидации ядерного оружия, не может быть и речи. Более того, это открыло бы шлюзы для дальнейшей, к тому же неконтролируемой гонки вооружений по всем ее направлениям.

Навешивать на планы «звездных войн» всякие рекламные вывески со словом «оборонные» — это значит заведомо заниматься обманом людей. Поэтому «стратегическая оборонная инициатива», или, как ее еще коротко именуют, СОИ, представляет собой космическую фальшивку Вашингтона.

Если спросить любого человека на улице любого города в Соединенных Штатах, в Советском Союзе или в любой другой стране, считает ли он, что околоземное пространство следует превратить в плацдарм подготовки к войне, или сочувствует тому, чтобы этого не допустить, ответ конечно же будет один:

— Требуется принять эффективные меры, чтобы сохранить космос мирным.

При обсуждении проблемы космоса и ядерных вооружений всегда возникает вопрос:

— Как мир реагирует на обе позиции — Советского Союза и Соединенных Штатов Америки?

Этот вопрос ворвался и в те помещения, в которых вели беседы Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и президент США Рональд Рейган. Советский Союз имеет все основания заявить, что фактически весь мир поддерживает советскую позицию. Это было с убежденностью сказано и лично американскому президенту при встрече. Народы свою будущую дорогу хотят видеть дорогой мира, дорогой жизни.

Пусть приложат ухо к земле

Продолжая тему о советско-американских переговорах, выделю такую мысль: в Вашингтоне изощряются в доказательствах, будто наилучшие условия для переговоров создают наращивание вооружений, колоссальные бюджетные расходы на военные цели. По этой логике выходит, что, чем выше горы оружия, тем проще договориться об их сокращениях.

Разумеется, глядя на всю эту вакханалию гонки вооружений и силовых приемов в политике, потирали и потирают руки от удовольствия только генералы Пентагона и боссы военно-промышленного комплекса США.

Это вполне в духе философии Даллеса и самых отъявленных реакционеров в США, которых пугает любое предложение Советского Союза, направленное на прекращение гонки вооружений, на разоружение, особенно на ликвидацию ядерного оружия и нераспространение гонки вооружений на космос.

Нам постоянно говорят, что на достижение договоренностей уйдет много времени, что впереди лежит долгий и трудный путь. Да, мы реально смотрим на положение. Все зависит от наличия у сторон политической воли, готовности договариваться на основе разумного компромисса. У Советского Союза все это есть.

Да, Москва настаивает на возобновлении и доведении до конца переговоров о полном прекращении испытаний ядерного оружия. Не мы их начинали.

1 июля 1946 года на большую группу устаревших кораблей ВМС США, сосредоточенных в районе тихоокеанского атолла Бикини, сбросили атомную бомбу. То был первый испытательный взрыв американского ядерного оружия в мирное время.

Так администрация Трумэна устроила первую игру ядерными «мускулами» США, попыталась оказать силовое давление на Советский Союз, да и на все другие страны мира.

Теперь картина та же. В Вашингтоне не скрывают, что будут продолжать испытания, чтобы повышать убойную силу этого оружия.

Что сказать таким деятелям? Пусть приложат ухо к земле. Она уже стонет под тяжестью вооружений.

Принципиальное значение имела бы готовность государств, обладающих ядерным оружием, следовать в отношениях между собой определенным нормам: рассматривать предотвращение ядерной войны как главную цель своей внешней политики; отказаться от пропаганды ядерной войны; взять обязательство не применять первыми ядерное оружие и не использовать его ни при

каких обстоятельствах против неядерных стран, на территории которых такого оружия нет; не допускать распространения ядерного оружия в любой форме, в том числе не переносить гонку ядерных вооружений в новые сферы, включая космос; на основе принципа одинаковой безопасности добиваться сокращения ядерных вооружений, вплоть до полной их ликвидации.

Нет, это не просто перечень фактов. Это — часть самого бытия человечества сегодня.

Из Женевы, где встречался М. С. Горбачев с Р. Рейганом в ноябре 1985 года, звучал голос Советского государства в пользу самых эффективных соглашений. Эти соглашения, разумеется, должны предусматривать и эффективный контроль за их выполнением.

Люди уже хорошо усвоили, что гонка вооружений приносит горе, даже когда молчат пушки. Она поглощает все больше материальных и интеллектуальных богатств, не позволяет решать глобальные проблемы — голода, болезней, поиска новых источников энергии, сохранения окружающей среды, мирного освоения Мирового океана и космоса.

В июне 1986 года братские государства — участники Варшавского Договора предприняли еще одно усилие в направлении разоружения. Они обратились к государствам — членам НАТО, всем европейским странам с программой сокращения вооруженных сил и обычных вооружений в Европе.

Эта программа охватывает существенное сокращение всех компонентов сухопутных войск и тактической ударной авиации европейских государств, а также соответствующих сил и средств США и Канады, размещенных в Европе. Географическая зона, которую охватывало бы сокращение, — территория всей Европы, от Атлантики до Урала.

Итак, речь идет о снижении уровня военного противостояния в Европе. Это — одно из главных направлений в борьбе за предотвращение ядерной угрозы. Меры по разоружению, предложенные Советским Союзом и всеми другими странами Варшавского Договора, открывают практическую возможность остановить опасный ход событий. Осуществление их позволило бы смотреть в будущее с надеждой.

А чем отвечали США на мирные инициативы социалистических стран?

Да тем, что они вступили в 1987 год под аккомпанемент действий, которые обозначили окончательный отказ американской администрации выполнять Договор ОСВ-2. Тот самый договор, который представлял собой крупный шаг в области ограничения наступательных вооружений.

Почему не удается снять угрозу?

Может показаться странным: ведущие деятели некоторых стран Запада в течение длительного времени почти не занимались проблемой разоружения. Возьмем, допустим, ФРГ. Уж кому-кому, а ее представителям, руководству страны, казалось бы, в первую очередь стоило бы думать о недопущении гонки вооружений и о разоружении. Думать и о том, как не допустить в Европе новой катастрофы.

Не один раз пытался я лично вовлечь бывшего министра иностранных дел ФРГ Вальтера Шееля в обсуждение вопросов о вооруженных силах и вооружениях государств. Но успеха не имел. Он выслушивал все внимательно. Иногда даже делал замечания, которые, думалось, выражают по крайней мере понимание нашей позиции. Но как только дело доходило до того, что ему надо что-то сказать по существу, он просто скользил по вопросам и уходил от их рассмотрения.

Фактически только два президента США — Никсон и Форд уделяли внимание на деле проблеме разоружения. И частично Картер, при котором реализовалась договоренность, достигнутая с президентом Фордом во Владивостоке в ходе его переговоров с Л. И. Брежневым.

Так в чем же дело? Почему все это происходит?

Напрашивается ответ: задающие тон в политике многих западных держав сторонники гонки вооружений, накопления ядерного оружия, милитаризации космического пространства проводят этот курс с целью силового давления на социалистические государства. Хотя должны были бы учитывать, что подобное средство уже не раз испытывалось в прошлом и терпело фиаско.

На что же они рассчитывают? Они либо верят в то, что в силу каких-то причин ядерная катастрофа не случится, либо считают, что если невозможно обеспечить существование мира в условиях только одной социальной системы, той, которую они признают, то будь что будет. Другими словами, либо господство капиталистической системы общества, либо пусть весь мир канет в пропасть.

Таким образом, по главному вопросу нашего времени на огромной мировой арене, куполом над которой является само небо, происходит борьба сил разной направленности. Однако, какой бы тяжелой ни была эта борьба, в качестве политического вектора этих сил выступают жизненные интересы народов. Сложившаяся обстановка толкает не к фатализму, не к признанию

безысходности, а, напротив, к активной борьбе за будущее, тем более что силы мира более могучи, чем силы войны.

Долг всех людей

Большой маршрут пройден человечеством за сорок лет в условиях мира, а точнее — отсутствия большой войны. На этом маршруте оно вправе поставить золотые столбы в честь инициатив Советского государства.

Вдуматься только: сразу же после того, как умолк грохот орудий и лязг металла, как были сделаны последние выстрелы у берлинского рейхстага, на стол переговоров было положено наше предложение — навечно запретить ядерное оружие и прекратить его производство.

В наше время, затаив дыхание, мир узнал о новой грандиозной программе полной ликвидации ядерного оружия к концу нынешнего века, с которой выступил в январе 1986 года М. С. Горбачев. В этой программе изложена позиция Советского Союза и приведена с неопровержимой логикой аргументация в пользу разработки международного соглашения по этому вопросу. Программа произвела огромное впечатление на народы во всем мире. Ее подтвердил XXVII съезд КПСС. Ее одобрило совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

Каким бы прекрасным венцом усилий в пользу разоружения явилось решение этой благородной задачи!

А какими знаками должен быть обозначен маршрут во внешней политике тех, кто вынашивает планы ядерной войны? Только знаками кладбища.

Даже если исходить из того, что для радикального решения проблемы понадобится немало времени, то разум требует уже сейчас делать все, чтобы облегчить поиск соглашения о прекращении гонки вооружений и ликвидации ядерного оружия.

…Как тут не вспомнить о словах близкого к Франклину Рузвельту человека — Гарри Гопкинса, советника и помощника американского президента.

Было это еще до окончания войны. В откровенной беседе со мной, как советским послом в США, он произнес почти пророческие слова:

— Вы, может быть, не поверите, но никто в Вашингтоне не думает, как поступить с вооруженными силами и вооружениями, которые оставит война в наследство человечеству.

Я заметил:

— Выходит, что выиграть войну труднее, чем распорядиться армиями и оружием после ее завершения.

Гопкинс эту мысль прокомментировал следующим образом:

— Согласен, что этот вопрос возникает. Но победы могут туманить головы людям.

Тут он сразу дал характеристики подходов к этому вопросу республиканцев и демократов.

— Демократическая партия с традициями Рузвельта, — говорил он, — легче пойдет на то, чтобы вооружения и вооруженные силы страны приспособить к новой обстановке после войны. Другое дело — республиканцы. Если они придут к власти, у них могут возобладать другие мотивы.

Я подумал, что в высказываниях Гопкинса проявляются обычные антиреспубликанские взгляды. Но он, видимо, и тогда уже представлял, какие планы во внешних делах могут возникнуть у республиканской партии, где реакционные мнения укоренились намного прочнее.

И хотя в послевоенный период обе партии настроились в политике на гонку вооружений, на экспансию, на достижение доминирующего положения в мире, тем не менее именно республиканская администрация Рейгана отличалась тем, что создавала тупики и напряженные ситуации в мире больше и чаще, чем делали это другие администрации.

В словах Гопкинса содержалась немалая доля правды.

Мне много приходится писать о величайшей из проблем, которая стоит перед человечеством, — о разоружении. Другими словами, о проблеме ликвидации оружия, прежде всего ядерного.

Уже в течение ряда десятилетий тревожный звон колокола над головами людей возвещает о грозной опасности, нависшей над ними. Он призывает понять, какой кошмар ожидает человечество, если победу одержит безрассудство, а не разум.

Старался я ограничиться лишь краткой оценкой, иногда зарисовкой ключевых тем и эпизодов, относящихся к борьбе против ядерного оружия, позиций по этому вопросу тех или иных стран и политиков, действовавших на международной арене, приводил различные штрихи, но тем не менее к этой проблеме приходится возвращаться вновь и вновь.

Разумеется, моя книга воспоминаний — не монография, которая посвящена какой-то одной проблеме. Это — труд, который, затрагивая в числе других данную проблему, обнажает и то, как сама эта проблема преломляется в конечном счете в сознании людей.

Как только наука обнаружила, что оружие массового уничтожения является реальностью, ученые и дальновидные политики сделали логичный вывод: надо искать пути к тому, чтобы продукт человеческого ума не стал причиной уничтожения самих обладателей этого ума — людей.

Как это ни странно, но и сегодня противники уничтожения ядерного оружия или даже его эффективного сокращения пытаются доказывать, что существование этого оружия помогает сохранить мир. Этот тезис вызывает лишь негодование у всех тех, кто хочет честного и радикального решения вопроса о ликвидации ядерного оружия. Конечно, в авангарде борьбы за такое решение идет Советский Союз. Его практическая политика в этом вопросе и ее теоретическое обоснование хорошо известны всему миру.

Насколько скудным является арсенал аргументов против радикального решения вопроса о ликвидации ядерного оружия, говорит хотя бы такой факт: ядерное оружие и его огромная разрушительная сила характеризуются как «главная опора мира и мирного развития». А боязнь применения ядерного оружия, страх перед ним провозглашаются как «величайшее благо для человечества».

Пожалуй, во всей истории международной жизни со всеми ее катаклизмами, катастрофами не найти более порочной концепции по вопросам войны и мира.

А ведь некоторые правительства, придерживающиеся таких взглядов, после второй мировой войны прямо заявляли, что уничтожение войн между государствами вообще дело невозможное.

На совещании в так называемом Розовом дворце в Париже, которое проходило в марте — июне 1951 года, официальный представитель Англии, первый заместитель министра иностранных дел Эдвард Дэвис сделал любопытное заявление:

— Войны вообще нельзя уничтожить, а человек по своей природе является драчливым и агрессивным существом.

Сейчас эта мрачная ницшеанская концепция не пропагандируется столь откровенно. Но, по существу, противники уничтожения ядерного оружия ее придерживаются.

Советский Союз строит свою внешнюю политику, как неоднократно справедливо подчеркивал М. С. Горбачев, на объективной оценке положения. В этом сила и убедительность позиции Советского Союза и других социалистических государств по вопросам ядерного разоружения и борьбы за безъядерный и ненасильственный мир.

Глава VII
АНГЛИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВСТРЕЧ И СОБЫТИЙ

«Остается в основном то же самое». Лондонская сессия. Бевин и Эттли, если разделить их пополам. В Сент-Джеймсском и Букингемском дворцах. О чем вспоминал Черчилль. Прирожденное качество Идена и его неудачный финиш. Английская триада. Гейтскелл — идеолог, но чего? «Веселый» лорд Дуглас-Хьюм. «Дважды премьер» Вильсон. Дыхание официальной Англии. Лондон и лондонцы. «Угол вольного слова». Уильям Шекспир и Лев Толстой. Мое отношение к спорту. Памятные и дорогие места.

Наверно, у многих людей, приезжающих в Англию, интерес увидеть и узнать эту страну огромный. Особенно если это первый приезд.

Что за город Лондон? Что это такое — знаменитый Тауэр? А Вестминстерское аббатство? А Букингемский дворец? Где находится могила Шекспира? Что за народ англичане? Вопросов возникает уйма.

Возникли они и у меня, когда я впервые прибыл в столицу Англии в конце 1945 года, чтобы принять участие в первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Только что был потушен небывалый в мировой истории военный пожар. Европа скорбела, но Европа и ликовала. Оплакивала мертвых, но и торжествовала в связи с победой. Англия жила той же гаммой чувств, что и другие государства — участники битвы с фашистскими агрессорами. И перед страной тогда стояла одна из главных задач — налаживание отношений между государствами, ликвидация последствий тяжелой войны.

«Остается в основном то же самое»

У советского руководства и лично у Сталина оставалось твердое намерение продолжать сотрудничество с западными державами — союзницами по антигитлеровской коалиции, включая и Англию. Этого намерения не поколебал тот факт, что в период Потсдамской конференции на английской политической сцене произошли перемены. Лейбористское правительство во главе с Клементом Эттли пришло на смену правительству Уинстона Черчилля, которое управляло страной на протяжении военных лет.

Медлительный, грузный, с сигарой во рту — его постоянной спутницей — так внешне выглядел британский премьер Черчилль. Его жест — два пальца правой чуть приподнятой руки, раздвинутые в виде латинской буквы «V», начальной от слова «victory» — «победа», — неизменно срывал аплодисменты.

Сами англичане вовсе не сразу разобрались, что означало для них правление лейбористов, в чем особенности их курса. Правда, стали проводиться кое-какие социальные реформы, но это не меняло сути: классовое лицо власти сохранялось прежним. Ретушь в политике на то и есть ретушь, чтобы не уводить очень далеко от оригинала. В общем, получалось, что складывавшиеся веками общественные устои не дадут серьезной осадки, тем более не будут разрушены. Что касается впечатления, произведенного за рубежом исходом выборов в Англии, то оно в своей основе совпадало с тем, что думали по этому поводу англичане: «Ничего особенного», «Остается в основном то же самое».

К этому англичане привыкли.

С советской стороны делалось все возможное, чтобы и при лейбористах, и при консерваторах с Англией ладить, поддерживать нормальные связи и, конечно, сотрудничать в решении проблем послевоенного урегулирования. Вместе с тем в Советском Союзе питали надежду, что правительство Эттли займет более объективную по отношению к СССР позицию, по крайней мере по некоторым из нерешенных проблем, особенно в международной сфере.

Одной из них оставалась судьба колониальных территорий. В различных районах мира набирала силу волна национально-освободительного движения народов, вопрос о будущем колоний становился все более острым.

Многие англичане над этим призадумались. И люди в котелках, и те, кто еще не забыл цилиндры: надевая их когда-то, многие англичане старались походить на лордов.

Лондонская сессия

Сейчас дымка времени заслоняет многое из той политической борьбы, которая велась тогда по колониальному вопросу. Иллюстрацией напряженного характера этой борьбы может служить, в частности, состоявшаяся в сентябре — октябре 1945 года в Лондоне сессия Совета министров иностранных дел СССР, США и Англии, на которой советскую делегацию возглавлял В. М. Молотов, американскую — Дж. Бирнс, а английскую — Э. Бевин. К участию в работе сессии подключились также делегации Франции и гоминьдановского Китая во главе с министрами иностранных дел — соответственно Ж. Бидо и Ван Шицзе. Советские послы в США и Англии входили в состав нашей делегации.

В соответствии с решениями Потсдамской конференции Совет министров иностранных дел занимался на лондонской и последующих сессиях рассмотрением конкретных вопросов послевоенного урегулирования. Среди них значился и вопрос о колониальных владениях Италии в Африке.

Советский Союз твердо отстаивал предложение о предоставлении независимости этим колониям. Западные союзные державы выступали против. В сложившейся обстановке советская делегация высказалась конкретно за то, чтобы СССР передали ответственность за опеку от имени Объединенных Наций над одной из этих территорий — Триполитанией, исторически являвшейся областью Ливии.

Цель предложения состояла в том, чтобы по возможности скорее обеспечить предоставление ей независимости. Последовательные усилия Советского Союза в достижении этой цели во многом способствовали тому, что Ливия смогла затем обрести суверенитет.

Указанное предложение встретило яростное сопротивление со стороны как Лондона, так и Вашингтона. Особенно усердствовал английский министр Бевин. Он защищал откровенно колониалистские притязания в отношении бывших итальянских колоний. Упорству лейбористского лидера мог бы позавидовать любой из консерваторов, занимавших до него это министерское кресло.

Ввиду серьезных расхождений по данному и ряду других крупных вопросов на заседаниях Совета не раз возникали критические ситуации. Один из таких моментов возник, когда в ходе дискуссии Бевин допустил непозволительно грубое выражение по адресу Молотова, который сразу же потребовал:

— Господин министр, извольте взять свои слова обратно. Когда этот призыв не дал нужного результата, советский министр встал и направился к выходу, бросив на ходу фразу:

— В таком случае я не могу участвовать в работе Совета.

За столом переговоров поднялся шум, в общем неблагоприятный для Бевина. Он, в считанные секунды оценив ситуацию, заявил, повысив голос:

— Хорошо, я беру свои слова обратно.

Но Молотов не расслышал, а скорее, не уловил смысла в выкрике Бевина и продолжал энергично идти по направлению к двери. Закройся она за его спиной — совещанию, возможно, пришел бы конец.

Не раздумывая, я громко сказал вслед удалявшемуся Молотову:

— Бевин взял свои слова обратно.

Эту фразу глава советской делегации услышал у самой двери. Он вернулся и сел за стол. Несколько минут ушло на естественную в подобной ситуации «разрядку», или, можно сказать, «раскачку». Но заседание возобновилось, хотя лица всех участников не скрывали озабоченности. А Молотов и Бевин почти не смотрели один на другого.

Да, нервы, бывает, сдают, не считаясь с положением человека.

Позже мне стало известно, что Сталин одобрительно отнесся к проявленному советским министром на Совете намерению прервать свое участие в заседании, хотя это могло привести к его полному срыву. Сталин находил такого рода ситуации даже занятными. Я это не раз замечал. Понял это и тогда, когда сам покинул заседание Совета Безопасности при обсуждении необоснованно поднятого вопроса о советских войсках в северной части Ирана в 1946 году. По адресу тех, на кого ложилась вина за создание подобных ситуаций, Сталин не скупился — конечно, в своей среде — на резкие слова, хотя и расходовал их экономно.

Бевин и Эттли, если разделить их пополам

Теперь о Бевине — этой в своем роде колоритной личности. Его отличало прежде всего то, что он далеко не всегда давал себе труд придерживаться норм, принятых в общении между иностранными деятелями, тем более в дипломатической среде. Бевин, видимо, считал, что простое происхождение, а он был выходцем из низов, ему все это позволяет.

Как-то во время короткой встречи перед началом заседания, на которой присутствовали министры трех держав и послы, Бевин в разговоре со мной заметил:

— У меня с вашим послом Гусевым хорошие отношения, хорошие контакты, и дела у нас с ним идут нормально.

Гусев находился неподалеку от нас и кое-что слышал из этого разговора, однако не вмешался.

Между тем было известно, что главная особенность бесед между ним и Бевином состояла в том, что они нередко старались как бы перемолчать друг друга. И это происходило вовсе не по вине советского посла, который, поставив перед министром тот или иной вопрос, высказывал пожелание получить ответ и терпеливо его ожидал. Сидел и гадал, однако ответа часто долго не следовало. Бевин громко говорил своим густым басом обо всем, но только не по существу вопроса. Он даже не предлагал встретиться, скажем, через день-два, когда он будет в состоянии дать ответ. Посол Гусев, рассказывая мне об этом, сетовал на странную особенность министра. Он подчеркивал:

— С одной стороны, это занятно, но с другой — плохо.

Из общения с Бевином во время Потсдамской конференции и последующих встреч у меня сложилось мнение, что он совсем не силен в истории. О ней как о науке он имел смутное представление, о чем говорил и сам. Однажды Бевин признался:

— Хотя мне самому приходится непосредственно заниматься историей и дипломатией, однако книг по этим вопросам я почти не читал и, наверно, не буду читать.

Такая прямота мне даже чем-то понравилась. Ничего не скажешь, весьма своеобразная скромность. Даже самокритика.

Однако мне отнюдь не нравилась, как, впрочем, и многим другим, еще одна особенность Бевина. Когда он разговаривал с участниками международных встреч, с послами — не делалось им исключений и для своих коллег, — то иногда прибегал к выражениям, которые никак нельзя было отнести к категории

приемлемых. Его лексикон представлял собой нечто среднее между изысканной речью чопорного джентльмена из Оксфорда и бранным жаргоном лондонского мусорщика, дочь которого обучал говорить по-английски полковник Хиггинс в пьесе «Пигмалион» Бернарда Шоу. Я даже сравнивал его про себя с русским ухарем — купцом времен Кустодиева. А если Бевин и старался держаться в рамках корректности, то чувствовалось, что он боролся с соблазном все же дать волю словам из своего привычного набора колючих фраз.

Так что, с одной стороны, Бевин являлся, бесспорно, одним из крупных профсоюзных руководителей и лидеров лейбористской партии. С другой стороны, в личном общении это был человек своенравный, с крутым характером, склонный часто его демонстрировать к месту и не к месту.

Между собой в советской делегации мы шутя говорили, что если собрать вместе человеческие качества Бевина и тогдашнего премьера Англии Эттли и разделить пополам, то это было бы как раз то, что нужно.

Эттли не обладал прямотой и категоричностью суждений Бевина. Он — тоже выходец из рабочей среды — представлял английскую школу деятелей со свойственными им манерами и своеобразным тактом.

На конференциях для него представлялось мучительным занятием высказываться по какому-либо вопросу первым. А вот поддерживать США, — это он делал с удовольствием. Недолго светила его звезда в коридорах власти.

В Сент-Джеймсском и Букингемском дворцах

В июне 1952 года я был назначен послом СССР в Англии. Сталин вызвал меня и на сей раз в Кремль для разговора. Он подчеркнул значение этого поста и особо отметил:

— Англия получила возможность и после войны играть в международных делах немалую роль. А в каком направлении пойдут усилия опытной и изощренной английской дипломатии, еще не до конца ясно.

Как обычно, он ходил по кабинету, а я стоял. Затем подошел близко и сказал, продолжая свою мысль:

— Нам нужны люди, которые помогали бы улавливать ее ходы. Сказано коротко, но ясно. Это была основная директива. Моя работа в Лондоне велась в период, когда обстановка в мире продолжала оставаться сложной. Ответственность за такое положение дел на международной арене ложилась, несомненно, и на английские руководящие круги. Это накладывало свой негативный отпечаток на состояние советско-английских отношений. В целом не составляло больших усилий понять, что по мере того, как отдалялись, тускнели события второй мировой войны, все больше покрывалось дымкой все доброе, что имелось в этих отношениях. Правда, временами в них наблюдались проблески, в частности в вопросах экономических и торговых связей, но, пожалуй, не больше.

Верительные грамоты я вручал королеве Елизавете II, хотя это было еще до ее коронации. Прежде мне приходилось встречаться и с ее отцом, королем Георгом VI. Первая такая встреча произошла в Сент-Джеймсском дворце, когда король давал обед в честь делегаций на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая состоялась в самом начале 1946 года в Лондоне. Встав из-за стола, уставленного довольно массивной золотой посудой, все гости прошли в просторную гостиную. По пути в нее я оказался, видимо не случайно, рядом с королем. Вдруг слышу его предложение:

— Давайте перейдем на середину гостиной, чтобы чуть-чуть поговорить.

По собственной инициативе английский суверен стал мне горячо доказывать необходимость ни в коем случае не терять связей между Советским Союзом и Англией, установившихся в ходе антигитлеровской борьбы. Я, разумеется, полностью поддержал эту мысль и соответственно со своей стороны

подчеркнул:

— Главное — это взаимное желание развивать отношения между нашими странами.

Беседа привлекла внимание присутствовавших, но ни у кого не вызвала удивления. Ведь обе страны были в войне союзными. Не скрою, разговор с королем оставил у меня хорошее впечатление. Я, разумеется, поделился впечатлением о беседе с другими советскими делегатами.

Второй раз моя встреча с королем и его супругой Елизаветой произошла на приеме в честь делегаций на той же сессии ООН. Помню, с какой учтивостью отнеслись они к советским представителям, включая дипломатов из УССР и БССР. На небольшом удалении от короля и его супруги стояли также, принимая гостей, теперешняя королева Елизавета II и ее сестра Маргарита. Разговор с обеими принцессами состоялся краткий, светский, но весьма дружественный.

Кстати, культ коронованных особ в Англии — явление типичное, англичане не забывают и вдовствующих королев. После кончины Георга VI — а это произошло в 1952 году — его супруга, мать нынешней королевы Елизаветы II, остается объектом внимания широкой публики до настоящего времени. Вдовствующая королева Елизавета, как известно, здравствует и ныне, когда царствует ее дочь. Елизавета-старшая — обаятельная, большой культуры женщина. Вдова Георга VI часто появляется на различных культурных мероприятиях и форумах. Ей воздаются почести, соответствующие ее положению.

Когда я уже стал послом в Англии, она пригласила меня с супругой в знаменитый концертный зал британской столицы «Ковент гарден» на концерт выдающегося итальянского певца Беньямино Джильи. И раньше мне доводилось слушать пение этого феномена итальянской вокальной культуры. Его прекрасный тенор покорял многотысячную аудиторию. Слушая его, так и хотелось сравнить этот голос с безбрежным океаном, если бы это казалось уместным. Говорят, он считался «вторым Карузо». Наверно, это сравнение справедливо.

Королева-мать восхищалась пением Джильи.

— Прекрасное исполнение, великий певец, — говорила она.

Мы тогда не знали, что тот концерт в жизни замечательного артиста будет последним. Он стал его «лебединой песней». Вскоре Джильи скончался.

После концерта, выражая свои восторги по поводу выступления, вдовствующая королева сочла возможным заметить:

— Хочу сказать о своих добрых чувствах к советскому народу, к его стойкости в годы войны.

В ответ я сказал:

— Нечто схожее с тем, что вы сказали сейчас, мне говорил и ваш покойный супруг в 1946 году, когда мы с ним беседовали в Сент-Джеймсском дворце.

Еще в те дни, когда я только в первый раз приехал в Англию, принцесса Елизавета произвела на всех советских дипломатов хорошее впечатление своей серьезностью и обходительностью. Запомнился ряд ее хотя и беглых, но интересных высказываний о русской литературе, нашем искусстве, о народе страны, перед мужеством которого англичане преклоняются.

Такое же впечатление о королеве Елизавете я вынес и после беседы с ней, которая имела место при вручении мною в 1952 году верительных грамот. Помимо того качества, о котором я упомянул выше и что мне бросилось в глаза при встрече с наследной принцессой, запомнилось и то, что она здраво рассуждала по вопросам, касающимся отношений между Советским Союзом и Англией.

Церемония проходила в приемном зале Букингемского дворца. Это — необычайно длинный и, как мне показалось, непропорционально узкий зал. Между собой мы, советские представители, отмечая добротную отделку его интерьера, говорили, что если бы этот зал был на несколько метров шире и с гораздо более высоким потолком, то по размеру, пожалуй, он не уступал бы Георгиевскому залу в Московском Кремле. Что же касается цветовой гаммы и убранства интерьера, то зал Букингемского дворца в целом довольно мрачный, в соответствии с общим англосаксонским стилем. В нем не хватает светлых тонов. Взгляд так и ищет большой камин, какие обычно видишь в средневековых замках Англии. В подобных каминах когда-то жарили на вертеле быков и баранов. Но такого камина здесь нет.

О чем вспоминал Черчилль

Четкие следы оставили в моей памяти встречи с Черчиллем, о котором я высказывал впечатление в связи с Крымской и Потсдамской конференциями союзных держав. Когда мне, уже в качестве посла в Лондоне, приходилось беседовать с ним — в Англии после выборов 1951 года Черчилль вновь стал премьер-министром, — то он неизменно возвращался к воспоминаниям о встречах со Сталиным и Рузвельтом в военный период, а также о встрече «большой тройки» в Потсдаме. Ему нравилось, оседлав память, совершать путешествие в прошлое. Он как бы шагал по этому прошлому и, конечно, с сигарой.

Хорошо помню, с какой самоуверенностью Черчилль ожидал исхода выборов в Англии. Эта уверенность в победном для Черчилля результате голосования в какой-то мере передавалась и Сталину. Но жизнь распорядилась по-своему.

В наших новых беседах Черчилль не вспоминал об этом драматическом эпизоде в его жизни. Он говорил лишь о своих встречах с руководителями двух держав — СССР и США. И если бы я не вмешивался при этом в разговор, то, казалось, Черчилль продолжал бы его бесконечно. По всему чувствовалось, что он сам получал большое удовлетворение от своих воспоминаний, а мое присутствие являлось хорошим стимулом для них.

Так было и в 1953 году, когда я наносил Черчиллю последний визит перед отъездом в Москву. Меня вызывали на Родину в связи с назначением на пост первого заместителя министра иностранных дел СССР. Это произошло сразу после кончины Сталина.

Черчилль спросил:

— Нравится ли вам Лондон? Я ответил:

— Город мне нравится, особенно теперь, когда он украшен в связи с предстоящей коронацией королевы Елизаветы II. Хорошо выглядит Пикадилли-стрит, по которой, судя по всему, должен проследовать кортеж королевы. Англичане умеют готовиться к большим торжествам.

Черчилль улыбнулся и с характерной для него в таких случаях хитрецой сказал:

— Да, Пикадилли-стрит и город выглядят в связи с предстоящим событием хорошо, красиво. Мы, англичане, считаем, что лучше пойти на значительные расходы на всякие украшения один раз в жизни своих королей и королев, чем нести эти расходы каждые четыре года, как это делают американцы в связи с выборами своих президентов.

Не скрою, на меня произвело впечатление это типично черчиллевское замечание. Остроумное и по существу правильное.

— Мне и самому приходилось наблюдать кое-что подобное, когда работал в США, — заявил я.

Стараясь повернуть беседу в сторону Крымской и Потсдамской конференций, я задал премьер-министру вопрос:

— Как вы, оглядываясь назад, рассматриваете сегодня значение конференций, которые состоялись в свое время в Ялте и Потсдаме? Что касается Москвы, то она придерживается того мнения, которое высказал Сталин, когда он прощался с вами, господин премьер-министр, в Ялте и в Потсдаме. Он тогда, как вы, вероятно, помните, подчеркивал огромное значение обеих встреч руководителей трех держав. В Ялте — Рузвельту, а в Потсдаме — Трумэну Сталин высказывал аналогичную мысль.

Черчилль как будто ожидал этот вопрос. Он заявил:

— Моя оценка и оценка американского президента, высказанные тогда Сталину, были одинаковы. Они, по существу, совпадали и с мнением Сталина. Правда, возможно, в ходе переговоров на самих конференциях не все шло гладко по некоторым проблемам, в частности по вопросу о Польше. Но в конце концов мы все же договорились.

Затем Черчилль заговорил о Рузвельте во времена Ялты.

— Я опасался, — сказал он, — что в Ялте президент не сможет быть физически в должной форме до конца встречи. День-другой он плохо себя чувствовал. Давний недуг снова посетил президента. Сказалось и напряжение.

Я на это заметил:

— Сталин, видимо, тоже был несколько обеспокоен состоянием здоровья Рузвельта. Он даже нанес визит президенту, которому заранее передали просьбу не затруднять себя и не пытаться привстать на кровати. Так все и было. Сталин не обременял его. Он только пожелал скорого выздоровления. Мне пришлось быть свидетелем этого трогательного эпизода.

— Да, — сказал Черчилль. — Относительно обеих конференций уже много написано и сказано. А будет написано и сказано, видимо, еще больше.

Беседа закончилась, как говорят, на позитивной нотке. Черчилль проводил меня до выхода из дома на Даунинг-стрит, 10, где на улице уже стояли фотографы, запечатлевшие нашу с ним последнюю встречу. Премьер-министр на снимке стоит, конечно, с сигарой и с неизменной сдержанной, чисто черчиллевской улыбкой.

Такой была моя последняя встреча с премьер-министром Англии Черчиллем. Вскоре его освободили от обязанностей главы

правительства страны, над владениями которой тогда еще не заходило солнце.

Однако вскоре после этого оно стало заходить: протекал неизбежный процесс освобождения колоний.

Через два дня после беседы с премьер-министром он прислал мне более десятка своих небольших картин, написанных акварелью и переплетенных в один альбом.

Как известно, Черчилль иногда занимался живописью. В частности, в свое время стало широко известно, что после отставки он уехал на Средиземное море писать пейзажи.

Черчилль оставил о минувшей войне мемуары. Это — шесть томов, которые так и названы «Вторая мировая война».

Послужной список Черчилля в сфере государственной службы начался с палаты общин, депутатом которой он стал еще в начале XX столетия, в 1900 году, и пробыл на ее скамье почти шестьдесят пять лет с небольшим перерывом. В английском кабинете он стал занимать министерские посты еще в первом десятилетии нынешнего века. Владел портфелями министра торговли, министра внутренних дел, военно-морского министра, министра военного снабжения, военного министра, министра авиации, министра колоний, министра финансов. Дважды на протяжении своей длительной карьеры политика занимал пост премьер-министра, в том числе в 1940–1945 годы, то есть во время войны.

По отношению к нашей стране его взгляды хорошо известны. Он был одним из организаторов империалистической интервенции в 1917–1922 годах.

Вместе с тем он был тем лидером буржуазного мира, который понимал, что без Советского Союза нельзя выиграть войну против фашизма. Однако едва лишь отгремел грохот орудий и вторая мировая начала уходить в историю, Черчилль стал инициатором развязывания «холодной войны» против СССР. При этом ему было все равно, занимал он пост главы правительства Великобритании или находился в оппозиции, взгляды его в отношении Советского Союза по существу не менялись.

Прирожденное качество Идена и его неудачный финиш

Во время пребывания в Англии, равно как до и после этого, у меня происходило немало встреч с ее государственными деятелями. В том числе и с Антони Иденом, Гарольдом Макмилланом,

Александром Дугласом-Хьюмом, Хью Гейтскеллом, Гарольдом Вильсоном, Эдвардом Хитом, Джеймсом Каллагэном, Селвином Ллойдом, Филиппом Ноэлем-Бейкером, Ричардом Батлером, Майклом Стюартом, Дэвидом Оуэном, Питером Каррингтоном, Фрэнсисом Пимом, Джеффри Хау.

Впечатления, которые сложились от знакомства и бесед с ними, неоднозначны. Конечно, обо всех этих деятелях в книге не расскажешь. Однако хотелось бы особо выделить фигуру Антони Идена, который трижды — это было в 1935–1938, 1940–1945 и 1951–1955 годах — занимал пост министра иностранных дел, а в 1955–1957 годах возглавлял правительство Великобритании.

Когда-то в юности, читая и перечитывая произведения классиков английской литературы, я составил себе образ, как мне казалось, более или менее типичного англичанина. Почему-то всегда этот англичанин являлся передо мной как человек высокого роста, обязательно тощий, чуть флегматичный и непременно в темной одежде. Не могу даже объяснить, почему именно такой образ представал передо мной, как только я начинал говорить об Англии и англичанах с друзьями или знакомыми.

Впервые англичанина, как говорят, «живого», я увидел в начале 1933 года, когда уже учился в аспирантуре в Минске. Преподавал в нашей группе настоящий, «чистокровный» англичанин, прибывший в Советский Союз, видимо, подзаработать. Труд его оплачивался хорошо.

Этот преподаватель английского языка несколько поколебал мое представление об англичанах как о рослых и подтянутых людях. Сам он мог считаться среднего роста, да и то весьма условно. А насчет подтянутости тоже можно было поспорить.

Примерно через год с небольшим уже в Москве нас, группу аспирантов-экономистов, познакомили с прибывшим в нашу страну в качестве гостя английским профессором. Этот уже в большей степени походил на образ, созданный моим воображением. Высокий мужчина в темном костюме прошелся по кабинетам, в которых мы занимались, обсуждали проблемы,

спорили по вопросам политической экономии и философии. И конечно, критиковали на чем свет стоит и Беркли, и Юма, и даже самого Адама Смита.

Когда же меня направили на заграничную дипломатическую работу, то, разумеется, я убедился в том, что англичане по внешности мало чем отличаются от нас, советских людей славянского происхождения, то есть и похожи, и непохожи друг на друга.

Что же касается манеры держаться, одежды, общепринятых приемов общения друг с другом, то они имели в этом отношении свое оригинальное лицо. С течением времени оно, кажется, претерпело изменения.

Если иметь в виду людей интеллигентных, склонных поговорить, а то и поспорить по вопросам политики или отведать вместе с заморским гостем знаменитое виски, то я бы сказал, что Антони Иден являлся типичным англичанином. Более того, я назвал бы его живым эталоном подданного Британской империи.

Таким я его наблюдал и в дни личного общения, и в то время, когда он присутствовал на многих форумах при различных обстоятельствах. В основном эти международные встречи были посвящены обсуждению крупными державами — бывшими союзниками по войне различных вопросов послевоенного устройства мира и, в частности, Европы.

Иден владел завидным для политического деятеля качеством уметь завязывать беседу, если имелся самый малейший повод. Это его качество было хорошо известно. Я сам убеждался не раз, что оно срабатывало.

Иногда мне казалось, что на обворожительную улыбку Идена все присутствовавшие в помещении были готовы ответить взаимностью. Он умел так хорошо пользоваться этим качеством, что его собеседники никогда не замечали нарочитости. Все выглядело естественно. Делу, конечно, во многом помогал солидный набор подходящих выражений, которым, как правило, обладают выпускники Оксфорда и других привилегированных учебных заведений.

Не могу припомнить случая, чтобы Иден и в роли министра иностранных дел, и в роли премьер-министра повышал голос или употреблял некорректные, язвительные выражения. Это противоречило его стилю.

Конечно, можно было бы продолжить перечисление характерных качеств Идена — участника бесед и переговоров. Но, пожалуй, сказано достаточно.

Штрихи к портрету этого незаурядного и в известном смысле талантливого человека я старался подрисовывать взвешенно, не

выходя за рамки впечатлений, полученных в результате собственных наблюдений и встреч с ним.

Отмечаю Идена не потому, что он занимал в принципиальном плане какую-то иную позицию, отличавшуюся от мнений других деятелей консервативной партии того времени. Его следует выделить в другом отношении: Иден обладал прирожденным качеством — искать компромиссы, какие-то договорённости с партнерами.

Участникам некоторых переговоров казалось иногда, что все пути к смягчению ситуации и сближению позиций уже закрыты, воздвигнута стена. Вдруг на следующий день, а то и через несколько часов появляется Иден со своей легко поддающейся регулированию улыбкой и начинает излагать точки зрения, которые часто вносят что-то новое, от чего не всегда можно просто отмахнуться. Это его качество знали деятели других государств, и они к Идену относились уважительно, даже в тех случаях, когда элементы нового вовсе не означали, что можно построить здание договоренности.

Так что, с одной стороны, он являлся деятелем, который иногда создавал критические ситуации, вроде трехсторонней агрессии против Египта (1956 г.), а с другой — идеи и предложения Идена неоднократно, как брошенные спасательные круги, облегчали положение на переговорах. Он придерживался традиционных форм английской дипломатии и оставил заметный след в истории Британии, которую нельзя писать, не отдав должного этому человеку.

Идена я больше встречал на международных форумах, прежде всего на союзных совещаниях вскоре после окончания второй мировой войны. Но мы виделись с ним и в Лондоне после победы консерваторов над лейбористами на выборах в 1951 году. Как всегда, он держался приветливо, изъявлял готовность обсуждать любой вопрос.

Однако главный предмет интереса Идена — отношения между державами-победительницами в связи с положением в Старом Свете. Европейские дела, особенно относящиеся к Германии, его и на сей раз волновали.

К моменту нашей встречи мир еще не забыл, что в самый канун второй мировой войны молодой министр иностранных дел Англии Иден хлопнул дверью и подал в отставку. Этот поступок расценили тогда как эффектный шаг, а позднее представили как вызов политике Чемберлена, который пошел на сделку с Гитлером и Муссолини. Как известно, Чемберлен действовал тогда в паре с подобным ему «умиротворителем» — французским премьером Даладье. Не раз я замечал, что Идену нравилось

вспоминать о своем шаге, и его можно было понять.

В разговоре о европейских делах чувствовалось, что Иден представляет страну, уже связанную совместными обязательствами с США и другими странами Североатлантического блока. Хотя и на этот раз он высказался за то, чтобы не допустить ухудшения советско-английских отношений, но ощущение осталось таким, что говорит он это без убежденности и без уверенности.

К тому времени Трумэн и Даллес уже сделали свое дело, и отношения между союзными державами пошли по наклонной плоскости. А правящие круги Англии серьезно не стремились к тому, чтобы не допустить дальнейшего ухудшения отношений между западными державами и Советским Союзом. Скорее, наоборот. Все это особенно выявилось после речи Черчилля в Фултоне.

Хорошо запомнилось в той беседе и другое. Идеи серьезно болел и, конечно, сознавал это. Он сказал мне, что болен желтухой и чувствует себя неважно. Иногда, как он заметил, ему бывает лучше, но временами состояние совсем неважное. Обычно бодрый, легкий в движениях, любящий шутку, он на этот раз выглядел вялым и малоподвижным, хотя на его интеллекте, на ясности его мыслей это не сказывалось. Идеи оставался таким же интересным собеседником, каким я его встречал и раньше, в Берлине, Женеве, Сан-Франциско.

Политическая карьера Идена оборвалась в связи с провалом англо-франко-израильской агрессии против Египта. В январе 1957 года он ушел в отставку с поста премьер-министра. Ушел с негативным грузом.

Английская триада

Идена сменил Гарольд Макмиллан. С начала второй мировой войны он играл видную роль в консервативной партии и время от времени получал министерские портфели в правительствах, формировавшихся консерваторами. А однажды и сам стоял во главе кабинета.

С отходом Черчилля от активной политической деятельности Макмиллан сразу же стал основным конкурентом Идена в борьбе за то, чтобы возглавить английское правительство. Однако кресло премьера все же досталось в апреле 1955 года Идену.

Согласившись стать министром иностранных дел в этом правительстве, Макмиллан не отказался от своих притязаний на пост премьер-министра и стремился всячески укрепить свое положение в правительстве и партии. В вопросах внешней политики он не всегда считался с мнением Идена, хотя принципиальных разногласий относительно целей и задач английской внешней политики у них не имелось. В свою очередь Идеи сделал все для того, чтобы уже в декабре 1955 года переместить его на пост министра финансов, рассчитывая, что неопытность в финансовых вопросах, особенно в условиях тяжелого экономического положения Англии, подорвет политический авторитет Макмиллана.

Прошло, однако, немногим более года, и Макмиллан стал главой правительства. Его взгляды в области внешней политики характеризовало то, что он активно выступал за укрепление связей Англии с США в рамках военно-политического блока НАТО. Он проявил себя как сторонник ремилитаризации ФРГ, политической и экономической интеграции Западной Европы.

Известным и влиятельным политическим деятелем Великобритании являлся Макмиллан. Пребывание его на посту премьера совпало с периодом «холодной войны». Мне запомнились два эпизода, относящиеся к тому отрезку лет.

Вот первый. В феврале — марте 1959 года Макмиллан прибыл с официальным визитом в Советский Союз. У него состоялось несколько бесед с Н. С. Хрущевым, который тогда возглавлял Советское правительство. Как министр иностранных дел я принимал в них участие. Главными вопросами, конечно, были: положение в Европе, отношения ГДР и ФРГ, ремилитаризация Западной Германии, отношения между странами Запада и Востока. Почти каждый раз в ходе бесед затрагивались и вопросы гонки вооружений, а также разоружения.

Позиция правительства английских консерваторов по всем этим проблемам исключала возможность каких-либо договоренностей или даже заметных подвижек.

Ненамного лучше обстояли дела и с двусторонними связями, хотя оба собеседника делали заявления в пользу их развития. Если бы какой-нибудь посторонний человек подслушал высказывания англичанина, которые звучали на эту тему в ходе встречи, то этот слушатель мог бы сделать вывод, что на переговорах имеет место прогресс. Однако в действительности продвижение было архискромным.

Не помогло делу и то, что Хрущев пригласил Макмиллана провести беседы в красиво отделанном особняке «Семеновское», находящемся довольно далеко от Москвы, на так называемой дальней даче Сталина. А дали такое наименование этому дому потому, что в свое время его построили для Сталина.

Весь день с утра до вечера руководители двух правительств вместе с министрами иностранных дел провели в переговорах. Их атмосфера была в общем деловая, тональность сохранялась спокойной. Но день истек, времени оставалось в обрез, а продвижения, по существу, почти не наблюдалось.

Осталось только засветло доехать до Москвы. В общем, в какой-то степени гостю предоставили возможность немного передохнуть, хотя наше настроение, если говорить о состоянии дел, было, конечно, не из лучших.

В целом итог этого визита можно подвести следующим образом: главным его результатом явился сам приезд высокого гостя, иначе говоря — сам факт встречи. Этим, пожалуй, сказано все.

В совместном коммюнике глав правительств подчеркивалось, что различие во взглядах «должно устраняться путем переговоров», а не путем силы. Было также выражено пожелание расширить торговые связи между двумя странами. Но не хватило амуниции у Макмиллана, чтобы эти положения проводить в жизнь. А мог бы кое-что сделать, если бы к этому стремился.

Теперь о втором эпизоде. Пятнадцатая сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Осень 1960 года. Советскую делегацию на ней возглавлял глава правительства Н. С. Хрущев; английскую делегацию — премьер-министр Макмиллан.

Дискуссия временами носила жаркий характер. Столкновения между Советским Союзом и ведущими странами блока НАТО ощущались на протяжении не только дискуссии на заседаниях сессии, но и во время работы всех органов Генеральной Ассамблеи — множества ее комитетов и подкомитетов.

Помню довольно резкую по содержанию речь Макмиллана по

принципиальным вопросам отношений между Востоком и Западом. Делегаты слушали его внимательно. Вдруг в той части речи, где Макмиллан употребил особенно резкие слова по адресу Советского Союза и его друзей, Хрущев нагнулся, снял с ноги ботинок и стал с силой стучать им по столу, за которым сидел. А так как перед ним никаких бумаг не было, то звук от удара ботинка по дереву получался основательный и разносился по всему залу.

Это был уникальный случай в истории ООН. Надо отдать должное Макмиллану. Он не приостановился, а продолжал зачитывать свою заготовленную заранее речь, делая вид, что ничего особенного не произошло.

А в это время зал Генеральной Ассамблеи замер, наблюдая эту в высшей степени оригинальную и напряженную сцену.

Советская и американская охрана сразу образовали кольцо вокруг советской делегации. Справа от Хрущева сидел я, слева — постоянный представитель СССР при ООН В. А. Зорин. Сидели спокойно и, конечно, не аплодировали.

Впереди по соседству находился стол делегации Испании. Сидевшие за этим столом дипломаты на всякий случай несколько пригнулись.

Теперь это может выглядеть смешно, но в тот момент нам было не до смеха. Атмосфера в зале царила напряженная. Один из испанцев в ранге посла приподнялся, сделал на всякий случай шаг вперед, подальше от ботинка, обернулся и громко крикнул Хрущеву по-английски:

— Ви ду нот лайк ю! Ви ду нот лайк ю![16]

Ничего удивительного никто в этом не видел, потому что в то время у нас с Испанией отношения были скверные, а дипломатических — никаких. Страной еще правил Франко.

Сейчас может показаться странным, но ни одного смеющегося человека ни в зале из числа делегатов, ни на галерее для публики не было. Все лишь удивлялись, будто присутствовали при каком-то непонятном, взбудоражившем аудиторию ритуале.

Произошло все это 28 сентября 1960 года. Хрущев подобным образом прореагировал на утверждение Макмиллана о том, будто Советский Союз во всем виноват и все делает для срыва соглашений. Утверждение, конечно, абсурдное, и Хрущев с места справедливо подал критический голос. Он сказал:

— Советский Союз за соглашения, в том числе по разоружению. Соглашения срывают западные державы, и только они.

Видимо, у главных действующих лиц всей этой уникальной сцены, и прежде всего у Н. С. Хрущева, просто не выдержали

нервы. А жаль. Но случается и такое.

В среде руководящих деятелей Англии того времени часто поговаривали, что за Макмилланом замечались высокомерие и честолюбие. Могу сказать, что оба эти качества у него присутствовали, но едва ли больше, чем у других деятелей — столпов консервативной партии.

Ричард Остин Батлер — весьма солидная фигура в послевоенной Англии. Как-то так повелось, что говорили чаще о нем, чем он сам о себе. Мы в советском посольстве порой недоумевали, почему так происходит. А секрет на поверку оказался простым. За Батлером всегда стоял финансовый капитал — очаг влияния больше невидимый, чем видимый.

Иногда этого деятеля противопоставляли Макмиллану, причем в выгодном для Батлера свете. Если за Батлера выступали силы английского бизнеса, причем скрытые от взглядов общественности, то поддерживавшие Макмиллана круги были, в общем, на виду. Так они и соревновались.

Однако Макмиллану везло по-крупному. Батлер, хотя и был заместителем премьер-министра, однако так и не пробился в премьеры, в то время как его соперник возглавлял правительство.

Люди они были разные и по складу ума, и по манере вести себя в ходе переговоров, хотя в вопросах большой политики они придерживались одной ориентации. Оба являлись надежными столпами партии тори.

Макмиллан легче и искуснее мог общаться с прессой, представлять правительство в палате общин, более умело пользоваться аргументацией, защищая в парламенте позиции консервативной партии.

Батлер выглядел несколько медлительнее, хотя его сильной стороной оставалось упорство, с которым он отстаивал занятую позицию. Мне не раз знакомые английские парламентарии говорили, что Макмиллан свободнее может манипулировать альтернативными» предложениями — выбирать с точки зрения прохождения в парламенте наиболее подходящие либо наиболее реальные из них. Батлеру это удавалось реже, хотя многим нравилась его прямолинейность. Немногим более года находился он на посту министра иностранных дел Великобритании, тем не менее в июле — августе 1964 года сумел осуществить визит в Советский Союз.

Я бы не отдал предпочтения ни одному из них. С точки зрения политического веса они оба вписали важные страницы в историю послевоенной Англии и в какой-то степени даже Европы, хотя почерк в политике у них просматривался неодинаковый.

В октябре 1963 года Макмиллан ушел в отставку и вернулся в

издательскую фирму «Макмиллан паблишинг компани», вновь став ее директором. Пост премьера, а затем издательская фирма — явление занятное.

И Макмиллан, и Батлер скончались в 1986 году.

Приходилось мне встречаться и с Александром (кратко его звали Алек) Дугласом-Хьюмом, который сразу после Макмиллана возглавил правительство консерваторов. Премьером ему пришлось быть недолго. Уже в 1964 году консервативная партия потерпела поражение на выборах, и к власти пришли лейбористы. Впоследствии, в 1970 году, когда консерваторы вновь сформировали правительство, Дугласу-Хьюму доверили портфель министра иностранных дел. Этот кабинет возглавлял Эдвард Хит.

С тем и другим встречался я много раз, в том числе во время своего визита в Англию. В ходе бесед и эти английские руководители признавали важное значение развития отношений сотрудничества с СССР. Но, увы, шли они по проторенной дорожке своих предшественников: их слова расходились с делами.

На практике правительство консерваторов ужесточило свой политический курс в отношении Советского Союза. Оно всячески старалось удержать Англию в стороне от начинавшего пробивать себе дорогу процесса разрядки. Это правительство предприняло осенью 1971 года грубую провокацию против СССР, обвинив в «недозволенной деятельности» ряд сотрудников советских учреждений в Англии и предложив им покинуть страну. Обвинение было ложным. От имени Советского правительства английской стороне направили решительный протест по поводу этой акции и, разумеется, отклонили сфабрикованные ею фальшивки.

Советско-английские отношения оказались на какое-то время в застое. Только в 1973 году появились условия для того, чтобы осуществить визит в СССР английского министра иностранных дел Дугласа-Хьюма. Визит состоялся в декабре.

На переговорах в советской столице Дуглас-Хьюм заверял, что английская сторона на этот раз намерена вести дело к улучшению отношений с Советским Союзом, что она действительно стремится к расширению политических контактов и консультаций между двумя странами на различных уровнях. Обе стороны подчеркнули важность развития экономического, научно-технического и промышленного сотрудничества СССР и Англии. Вскоре, в мае 1974 года, мы подписали соответствующее соглашение сроком на десять лет. Это уже кое-что означало.

Однако некоторые реальные сдвиги в советско-английских отношениях стали ощутимыми лишь после того, как было

сформировано правительство лейбористов, которые одержали победу на выборах 1974 года.

Гейтскелл — идеолог, но чего?

С предшественником Вильсона на посту лидера лейбористов Хью Гейтскеллом у меня установился контакт в тот период, когда мне довелось быть послом в Англии — в 1952–1953 годах. Он представлял собой влиятельную фигуру, и не только в рядах правящей партии.

Запомнилась беседа с Гейтскеллом — гостем советского посольства. Беседа по желанию собеседника происходила один на один. По общим вопросам политики его рассуждения не блистали оригинальностью: дозированная критика США, столь же умеренное подчеркивание необходимости улучшения отношений между Англией и Советским Союзом.

Гейтскелл высказывался так:

— Я — за то, чтобы найти взаимопонимание между Востоком и Западом по основным вопросам международной жизни. Такое взаимопонимание, по-моему, должно быть основано на признании того, что есть законные интересы у СССР в европейском и глобальном плане, но есть свои законные интересы и у Запада.

Далее Гейтскелл заявил:

— Кроме того, ведь закончившаяся война против гитлеровского фашизма и победа союзников чему-то учат государства. Прежде всего, вероятно, тому, что и у Советского Союза, и у стран Запада могут быть и общие противники. В будущем этого тоже нельзя исключать.

Однако в рассуждениях на эту тему он старался не слишком углублять свои формулировки о возможности сотрудничества между Востоком и Западом. Чувствовалась некоторая сдержанность в выражениях. Свою же собственную мысль о возможных общих противниках он свернул, как будто ее испугался.

Руководство лейбористов и лично Гейтскелл, высказываясь за мирное сосуществование государств с различным общественным строем, вместе с тем довольно настойчиво проводили линию на поддержку блока НАТО и на союзнические отношения с Вашингтоном. Для приличия Гейтскелл не прочь был критикнуть Вашингтон, но когда заходила речь о реальной политике, то весь его запал остывал.

Лейбористы несут немалую долю ответственности за то, что со времени окончания второй мировой войны внешняя политика Англии все больше попадала в зависимость от курса США на международной арене. Зависимость особенно усилилась, когда

западноевропейские участники НАТО распахнули свои двери перед американским ракетно-ядерным оружием. История мстит лейбористской партии за солидарность с Вашингтоном и аморфность, с которой она вела внешнеполитические дела, когда находилась у власти. И поделом мстит.

В ходе той беседы Гейтскелл, как лидер партии, подчеркнул:

— Лейбористская партия заинтересована в развитии отношений между СССР и Англией.

Он даже встал, чтобы его заявление выглядело более внушительно. Я шутя заметил:

— Я готов тоже встать, чтобы помочь подкрепить значение ваших слов.

Он протянул мне руку, а я — ему. Оба мы тотчас рассмеялись над своими спонтанными жестами. Но сразу же поняли, что хотя все это и выглядело шуткой, однако она была все же не из стандартных.

Гейтскелл добавил:

— В конце концов, лейбористы — партия социализма. Не так ли?

— Вам, конечно, виднее, — заявил я. Тут мы оба опять рассмеялись.

В связи с последним замечанием собеседника я задал вопрос:

— Не можете ли вы, мистер Гейтскелл, как лидер лейбористской партии, изложить свои взгляды насчет того, в каком же направлении эта партия готова вести Англию? Ведь до сих пор партия и не пыталась что-либо сделать в направлении преобразования экономики и социальной структуры общества. Правда, лейбористы попробовали, например, национализировать некоторые виды транспорта. Однако никто серьезно не рассматривал декреты о национализации как шаги, подрывающие частнособственническую, монополистическую структуру английской экономики и структуру английского общества.

Гейтскелл прямо заявил:

— Лейбористская партия, конечно, не придерживается учения Маркса и считает, что оно для Англии не совсем подходит.

Я слушал внимательно, а он продолжал:

— Лейбористы стоят за социальные преобразования. Но не такие радикальные, которые диктует марксизм.

В высказывании Гейтскелла отчетливо предстала главная из причин, по которым лейбористское руководство, особенно его правое крыло, выступает против сотрудничества с Коммунистической партией Великобритании.

Со своей стороны я заметил:

— Если лейбористскую партию не устраивает учение Маркса,

то какой же теорией руководствуются английские лейбористы? Ведь не бывает серьезной партии без основополагающих принципов. Какие они у вас? Должна же практическая деятельность и вашей партии опираться на какую-то теорию?

В ответ Гейтскелл сказал:

— Лейбористская партия руководствуется фабианским учением, наиболее крупными выразителями которого являются Сидней и Беатриса Вебб. Именно их больше всего чтят английские лейбористы. Это относится и ко мне лично.

Гейтскелл при этом избегал каких-либо выражений, которые можно было истолковать таким образом, что внутри лейбористской партии есть разные течения. Это и понятно, так как сам он принадлежал к правому крылу партии, теоретическим кредо которого считался некий «демократический социализм», о котором никто из лейбористских лидеров никогда ничего толком сказать не мог.

Мучительно подбирал Гейтскелл слова, чтобы объяснить, какова же та идеология, которая является основой политической платформы лейбористов. Ему очень хотелось доказать, что идеологические основы политики лейбористов и консерваторов совершенно различны. Однако он решительно ничего не мог объяснить по поводу того, в чем же все-таки заключается эта разница?

Понятия «классовая идеология» Гейтскелл не воспринимал, а когда вдавался в рассуждения, то получалось, что кроме отдельных пропагандистских приемов, используемых в ходе парламентских дебатов, подготовки к парламентским выборам, у лейбористской партии ничего оригинального нет. Другими словами, идеологическим фундаментом ее политической деятельности является идеология правящего класса — буржуазии, содержащая известную дозу мелкобуржуазной эклектики. Отсюда и популярность Веббов, Прудона, Геда, о которых мой собеседник говорил с убежденностью.

Хотя высказывания Гейтскелла для меня не были новостью, все же они в высшей степени выпукло показали суть теоретических и идеологических основ лейбористской партии.

Да, английская буржуазия так построила всю систему образования в стране, что ей удалось прочно поставить социальные науки на службу своим интересам. Это касается философии, политической экономии, истории во всех ее ответвлениях. Программы учебных заведений, в том числе университетов самого высокого ранга — Оксфордского и Кембриджского, учебники для студентов проходят систему контроля, чтобы оградить очаги образования от «крамольных»

влияний, прежде всего марксизма. А если иногда встречается профессор, который не прочь сказать доброе слово о тех или иных положениях марксизма-ленинизма, то это похоже скорее на кокетничанье с марксистско-ленинской наукой. А тому, кто серьезно станет отзываться о марксизме-ленинизме, просто не поздоровится. Примеров этому немало.

Однажды, уже в другой беседе, у того же Гейтскелла я спросил:

— Как вы относитесь к предшественникам Маркса и Энгельса по экономической науке — Адаму Смиту и Давиду Рикардо?

Оказалось, что первый ему известен, хотя Гейтскелл его основных трудов не читал. А о Рикардо он, похоже, только слышал.

Следует добавить, что государственные деятели Англии, будь то лейбористы или консерваторы, министры, члены парламента, общественные деятели, дипломаты, служители религиозных культов, имеют какое-то лоскутное образование в области гуманитарных наук. По существу, это эклектика, прагматизм, а то и берклианство чистейшей воды. Сам Беркли, очевидно, поставил бы им высший балл за усвоение его концепций субъективного идеализма.

Разумеется, в англосаксонских странах, в том числе в США и Англии, есть люди образованные, в теоретическом отношении стоящие на голову выше тех, о которых здесь только что говорилось. Но это в большинстве своем люди (в том числе коммунисты), знания которых добыты упорным трудом вне стен патентованных учебных заведений.

«Веселый» лорд Дуглас-Хьюм

Трудно сказать, как история Великобритании распорядится в оценке роли лорда Дугласа-Хьюма в жизни страны. Этот человек еще живет и здравствует, когда о нем пишутся эти строки.

В период сороковых, пятидесятых и шестидесятых годов он играл заметную роль на политической арене Великобритании, особенно в области ее внешней политики. Длительное время занимал пост министра иностранных дел в правительстве консерваторов. Был и премьер-министром.

Всем чертам английской внешней политики, когда у власти находилось правительство консерваторов, он придавал какую-то особую заостренность. В этом смысле его выступления, где бы они ни делались, показывали, куда клонит его партия. Он любил забегать несколько вперед. Бывало, новое слово правительство лишь собирается сказать, а Александр Дуглас-Хьюм его уже выпалит. По его заявлениям, особенно на форумах с участием крупных держав, мы могли почти безошибочно судить, куда дуют ветры в Англии во внешних делах.

Но Дуглас-Хьюм не просто рубил с плеча. Нет, он свои мысли упаковывал в общую связку так, что только тонкие наблюдатели могли разобраться, что он хочет выразить. Тем не менее вся его сеть, сплетенная из аргументов и пояснений, никогда не входила в противоречие с американской политикой. Поэтому Дуглас-Хьюм всегда пользовался уважением у Вашингтона, какая бы партия там ни находилась у власти — демократическая или республиканская.

Лично я могу согласиться с тем, что внешние манеры ведения дел, находчивость в выборе аргументов для защиты своих позиций у него отличались своеобразием. За внешними приемами, включая формы контактов с представителями Советского Союза, находилась стопроцентная политика консервативной партии, которая всегда чуралась наводить мосты между Советским Союзом и Англией по главным вопросам положения в Европе и в мире в целом.

Во время одного из моих официальных визитов в Англию Алек Дуглас-Хьюм пригласил меня на завтрак. Было это 27 октября 1970 года.

— Мы встретимся один на один, — предупредил он. И загодя объяснил:

— Побеседуем в «Эксклюзив — клаб»,[17] где встречаются только высокопоставленные лица. Они и говорят лишь шепотом. В ответ на приглашение я пошутил:

— Вот где мы с вами наконец нашепчемся и, возможно, достигнем таких договоренностей, которые и во сне никому не снились! Даже и нам с вами!

Мой коллега улыбнулся и заметил:

— Заранее об этом сказать трудно.

Затем по моему предложению мы все-таки договорились, что с нами с обеих сторон будет еще по одному сотруднику. Так и поступили. Со мной на эту встречу поехал наш посол в Лондоне М. Н. Смирновский, с сэром Алеком — посол Данкен Вильсон.

В назначенное время в знаменитом клубе министр Дуглас-Хьюм уже дожидался нас. Вошли в зал, достаточно просторный. В нем находилось примерно десятка три небольших столиков, каждый из них был рассчитан явно не больше чем на четверых. Они стояли поодаль один от другого. Да, министр оказался прав: когда говорили за соседним столом, то мы почти ничего не слышали из этого разговора.

Но мы обратили внимание на то, что стены интерьера покрывал какой-то специальный материал. В нем заключался «секрет фирмы». Видно, этот материал поглощал звуки. Даже если бы посетители и захотели вести себя так громко, как в английском парламенте, то у них ничего бы из этого не получилось — шума никто бы не услышал.

Конечно, за столом мы изложили позиции обеих сторон по главным вопросам, касающимся европейской безопасности, разоружения и отношений между двумя военными группировками государств. Мы внимательно следили за нюансами высказываний Дугласа-Хьюма по всем этим вопросам. Особое внимание обращали на позицию Англии по поводу политики ФРГ, вставшей открыто на путь ремилитаризации.

Ни по вопросу о Западной Германии, ни по отношениям между ФРГ и ГДР, ни по другим проблемам мы не могли уловить чего-либо нового, что не излагалось бы нам ранее. Негативное отношение к ГДР и невозможность признания ее Западом как суверенного государства, отрицательное отношение к советским предложениям по вопросам разоружения — все это наш собеседник повторил.

Несколько по-иному выглядело в изложении Дугласа-Хьюма мнение Англии по вопросам торговли и некоторым другим аспектам двусторонних отношений между Великобританией и Советским Союзом. Дуглас-Хьюм не преминул бросить камень в огород лейбористов. Он заявил:

— Консервативное правительство не только не будет сдерживать развитие двусторонних отношений в торговле, в области культурных связей, но, наоборот, готово пойти дальше,

чем хвастливые лейбористы. Пусть представители наших ведомств встретятся хоть сейчас для обсуждения всех этих вопросов. Я готов с английского конца дать все необходимые указания.

У нас сложилось определенное впечатление, что Дуглас-Хьюм хотел отдавать предпочтение вопросам двусторонних отношений. Кое-что в тот период Англия в этом отношении сделала, хотя неустойчивость в области двусторонних связей и при консерваторах, и при лейбористах, в том числе и сегодня, может конкурировать лишь с неустойчивостью погоды на британских островах.

С Дугласом-Хьюмом происходили метаморфозы. Он унаследовал титул графа Хьюма, долгое время был членом палаты лордов, затем отказался от титула лорда. Его избрали в палату общин, где он заседал одиннадцать лет, но с 1974 года он вновь стал лордом и соответственно членом той палаты, где находился ранее.

О Дугласе-Хьюме у меня сохранились живые воспоминания. По данным истории, его род принадлежал к старым, сочувствовавшим тем, кто стоял в свое время за Марию Стюарт. Детальной, а тем более точной информации, насколько активно его предки помогали обреченной Марии, сохранилось мало. Но, как говорят, шотландская кровь в жилах Стюартов еще долго давала о себе знать после того, как голова Марии упала с эшафота.

Может быть, от своих близких Дуглас-Хьюм и слышал комплименты в адрес его далеких предков, но мне ни разу не приходилось быть свидетелем того, чтобы он делал какие-либо экскурсы в прошлое.

Человек он по натуре не жесткий. Говорить нечто резкое в беседе с иностранцем ему не свойственно. Но тут необходимо сделать одну оговорку.

Если речь заходит о политике, то его собеседник через определенное время может услышать такое, что не вполне гармонирует с умеренной манерой произносить слова и фразы. Переступая с ноги на ногу, если беседа ведется стоя, он обязательно будет излагать свои мысли, не останавливаясь до тех пор, пока не выскажет все, что имеет в виду. А если рядом с ним находится сочувствующий, то он обязательно даст понять, что ждет, а не может ли тот его поддержать. Не раз я был свидетелем подобных сцен.

Но надо отдать должное, — когда он понимает, что собеседник решил с той же настойчивостью высказать свою точку зрения по данному предмету, то покорно делает передышку,

внимательно слушает, временами кажется, что даже кое-чему сочувствует. На самом деле он ожидает продолжения турнира.

В случае если разговор происходит за столом во время, скажем, обеда, то лорд Хьюм, не стесняясь, высказывает свои взгляды, и разговор имеет то же течение, с поворотами и изгибами. И ему совершенно не важно, слушает ли его кто-нибудь из соседей по столу.

Скажу прямо, мне, как и другим советским представителям, нравилась такая манера бесед. Очень часто они посвящались крупным вопросам политики. Бывало и так, что обеды устраивались именно для того, чтобы поговорить по таким вопросам и поспорить. Скажем, по вопросам ядерного оружия, контроля за его производством и размещением или сокращения вооруженных сил государств.

Кстати, представители английской дипломатической службы, с которыми мне приходилось множество раз общаться, — это люди, хорошо подготовленные и по существу вопросов, и в части приемов ведения дискуссий по ним.

Мы и англичане без затруднений понимали друг друга. Случалось, задавал я себе вопрос:

— Все ли сказано, что хотел сказать собеседник в данный момент, или он держит еще что-либо в резерве?

Тут уж помогала интуиция. Бывало, однако, и так, что тема, затронутая сегодня, становилась предметом переговоров на два или на три дня. В этом случае имело место соревнование, во многом похожее на то, которое происходит на беговой дорожке у спортсменов.

Каких-то прорывов, тем более блестящих, при наших встречах с Дугласом-Хьюмом не было. Тем не менее некоторые продвижения имели место и тогда, когда он возглавлял министерство иностранных дел, и тогда, когда стоял во главе английского правительства.

Дуглас-Хьюм не прочь был создать даже непринужденную обстановку на встречах, особенно когда беседы бывали в Лондоне. Но надо отдать ему должное, — он хорошо нас понимал, а мы — его, впрочем, как и тех, кто составлял его окружение. Беседы в политическом отношении были корректными. Неизменно превалировал серьезный тон. И хотя нельзя сказать, что по основным направлениям политики имели место существенные продвижения, тем не менее все же оставался какой-то след, облегчавший последующие встречи.

«Дважды премьер» Вильсон

Возвращаясь к преемнику Гейтскелла на посту лидера лейбористской партии — Вильсону, хочу сказать, что он на протяжении длительного периода занимал видное место в политической жизни Англии и оставил значительный след в истории этой страны. Еще в первом послевоенном правительстве лейбористов Вильсон стал министром торговли. Правда, в 1951 году он вместе с лидером «левых» лейбористов Бивеном вышел из состава правительства Эттли в знак протеста против сокращения расходов на социальные нужды.

В 1964–1970 гг. Вильсон стоял во главе правительства лейбористов, вновь пришедших — после тринадцатилетнего перерыва — к власти. Деятельность этого правительства в области внутренней политики состояла в проведении известных реформ в экономической и социальной жизни, заигрывании с профсоюзами и призывах к широкому сотрудничеству с крупнейшими монополиями. В области внешней политики оно выступало за активное участие Англии в НАТО и сотрудничество с США по ряду важных международных вопросов (Вьетнам, Ближний Восток, европейская безопасность, разоружение и других).

Что касается подхода правительства Вильсона к советско-английским отношениям, то он характеризовался непоследовательностью. Поначалу наблюдался некоторый прогресс в сфере экономических и культурных связей, а также в развитии политических контактов. Движение в этом направлении затормозилось. А потом английская сторона включилась в развернутую на Западе антисоветскую кампанию в связи с провалом в 1968 году контрреволюционных замыслов империалистических кругов в отношении Чехословакии и, по сути, блокировала все связи с Советским Союзом.

Растущее недовольство политикой лейбористов обернулось для них поражением на парламентских выборах 1970 года. В течение четырех последующих лет лейбористская партия вынуждена была довольствоваться положением оппозиционной партии.

Во второй раз Вильсон стал премьер-министром Великобритании в 1974 году. В феврале следующего года он прибыл с визитом в Советский Союз. Состоявшиеся тогда советско-английские переговоры на высшем уровне имели важное значение для налаживания взаимовыгодного сотрудничества, развития отношений между СССР и Англией. Они закончились

подписанием советско-английского протокола о консультациях, в котором предусматривалось углубление политических консультаций по международным проблемам, а также по вопросам двусторонних отношений. Помимо того, состоялось подписание совместной декларации о нераспространении ядерного оружия и двух долгосрочных программ — о развитии экономического и промышленного сотрудничества и о сотрудничестве в области науки и техники.

В советско-английском заявлении по итогам этой встречи на высшем уровне стороны подтвердили свое намерение содействовать распространению разрядки на все районы мира.

В марте 1976 года я прибыл с официальным визитом в Лондон, где имел встречи с Вильсоном и тогдашним министром иностранных дел Каллагэном. С удовлетворением был отмечен прогресс в осуществлении московских договоренностей. Мною от имени Советского Союза подчеркивалось, что наша страна неуклонно выступает за продвижение вперед отношений с Великобританией.

С Вильсоном я встречался и раньше, в частности во время визита в Англию в марте 1965 года. Тогда шел первый период его пребывания на посту премьер-министра. Встреча в 1976 году была моей последней встречей с ним. К тому времени уже не составлял секрета тот факт, что он принял решение уйти вскоре в отставку с постов премьер-министра и лидера лейбористской партии. Бразды правления передавались Каллагэну.

В поведении Вильсона в Лондоне во время нашей последней встречи ощущалось, что он не без сожаления воспринимает свой отход от активной политической деятельности. И хотя по этой причине атмосфера встречи для самого Вильсона окрашивалась в грустные тона, однако он сделал все, чтобы наша встреча прошла в непринужденной и дружественной обстановке.

В Англии, да и за ее пределами Вильсон пользовался репутацией мастера политического маневрирования, опытного и расчетливого политика, умеющего использовать сложившуюся обстановку. В этом имеется немалая доля истины, что я полностью подтверждаю.

Если бы у меня спросили: «Как вы все-таки оцениваете политическую фигуру Гарольда Вильсона в истории послевоенной Англии?» — не задумываясь, я ответил бы: «Он уже оставил заметный след в жизни страны, особенно в лейбористской партии».

Конечно, все крупные личности в этой партии, с которыми я встречался при разных обстоятельствах за последние сорок пять лет, имеют много общего. Их политическое кредо как в делах

внутренних, так и во внешних почти одно и то же. То, что сказано мною о Вильсоне, во многом можно отнести и к Каллагэну, и к лидерам первого послевоенного правительства Англии — Эттли и Бевину.

Но все же Вильсон — и я об этом заявляю решительно — был благожелательно настроен в отношении Советского Союза. Конечно, вовсе не в плане фундаментальных ценностей социализма и нашей философии. А в том, что он, может быть, глубже, чем другие, понимал, что Англии и Советскому Союзу надо обязательно научиться жить в мире и сотрудничать в целях предотвращения новой воины. Его неоднократные визиты в Москву свидетельствовали об этом.

Характерно, что, после того как он покинул пост главы английского правительства, Вильсон стал почетным президентом ассоциации «Великобритания — СССР».

В заключение я бы сказал так: Вильсон вложил немало кирпичей в здание советско-английских отношений, и советские люди это ценят.

Новый лидер лейбористской партии Джеймс Каллагэн тяготел по своим политическим убеждениям к правому ее крылу. Он же стал премьер-министром и был сторонником поддержания Англией тесных связей с США. Каллагэн считал, что Великобритания, «твердо оставаясь на почве» НАТО и ЕЭС, должна выступать в роли «строителя моста», связующего звена между государствами Содружества и США, а также между США и странами «Общего рынка».

По крайней мере в первый период деятельности правительства Каллагэна в советско-английских отношениях сохранялась тенденция к положительному их развитию. Заметно вырос товарооборот. Активизировалось научно-техническое и культурное сотрудничество.

В октябре 1977 года в СССР побывал с визитом министр иностранных дел Англии Дэвид Оуэн. В ходе состоявшихся в Москве переговоров мы обменялись мнениями по широкому кругу вопросов как двусторонних отношений, так и международной жизни. Несомненно, важным событием явилось подписание советско-английского соглашения о предотвращении случайного возникновения ядерной войны.

И все же чем дальше, тем больше правительство Каллагэна стало уступать давлению со стороны тех кругов на Британских островах, которые, раздувая миф «о советской угрозе», стремились к тому, чтобы расстроить нормальное течение сотрудничества между Англией и СССР, возродить дух «холодной войны». Это не могло не сказаться на состоянии советско-

английских отношений, которые все еще находились как будто на качелях.

И в середине 80-х годов нашего века Каллагэн оставался видной фигурой в руководстве лейбористов. К его голосу прислушивались те, кто хотел знать, как выглядел лабиринт политической жизни Англии в недавнем прошлом.

Каллагэна я знаю на протяжении нескольких десятков лет, и он с точки зрения манеры держаться не меняется. У него никогда не замечается наигранности или натянутости. Он, кажется, готов похлопать любого говорящего с ним по плечу, если тот не посылает в его адрес какие-то недружелюбные флюиды…

Вильсон и Каллагэн — интересная пара деятелей. Они, думалось, как будто были рождены сотрудничать друг с другом. Да, пожалуй, и сделали они немало на благо английской короны.

Разумеется, оба по своим поступкам проявили себя как истые приверженцы английской лейбористской партии. Только я поставил бы их нисколько не ниже, а, возможно, даже и чуть выше, чем Гейтскелла. Не в смысле умения вести полемику в вопросах политики или идеологии, а имея в виду понимание ими тех задач, которые приходится решать двум государствам, если они хотят жить в условиях сотрудничества, а тем более дружбы между собой.

Наверное, будет правильно заметить, что Вильсон обладал богатым опытом в умении отстаивать взгляды своей партии в вопросах советско-английских отношений. Каллагэн такого опыта не имел, да и по характеру он был не так словоохотлив, как Вильсон, даже несколько медлителен. Прежде чем сказать тому, с кем беседовал, прямо: «А я с вами не согласен…» — он предпочитал более осторожное выражение: «А можно ведь рассуждать и так…»

И тут же излагал свой вариант.

Неважно, относилось ли такое замечание к области политики разоружения, либо речь шла об экономических связях между странами, либо затрагивалась еще какая-нибудь обсуждавшаяся проблема.

Вполне возможно, результат беседы останется неизменным, но вариант Каллагэна как бы заставлял подольше задержаться на обсуждаемой теме. А часто оказывался и полезным.

Мой личный опыт много раз подтверждал, что даже тонкая необорванная в разговоре нить, если она может быть использована для продолжения этого разговора, лучше, нежели разрыв такой нити. Если этот тезис по отношению к двум деятелям одного направления верен, то тем более он верен, когда речь идет о деятелях разных направлений в политике.

То, о чем говорится чуть выше, возможно, кое-кому может показаться малозначащей тонкостью. Но если бы никто такому опыту не следовал, то, право же, дипломатия сильно пострадала бы. Наводить вновь мосты на оборванных нитях намного труднее.

Возвращаясь к Каллагэну, я должен сказать, что сохранил к нему определенную долю симпатии. Чувствовал, что хотя он человек немногословный, но зато сказанное всегда взвешивал. А когда замечал, что его собеседник это не только видит, но даже ценит, то соответственно и реагировал.

И сейчас придерживаюсь мнения, что Каллагэн, который еще здравствует — я встречался с ним в Москве в мае 1988 года, — заслуживает того, чтобы ему подражали соотечественники.

К написанному, пожалуй, следует добавить, что от Каллагэна веяло умеренностью. Конечно, можно намекнуть, что, мол, от каждого политического деятеля веет тем же. В общем это правильно, а в частности — все дело в степени: одно — когда на первый план выдвигаются старые варианты, соображения, хотя и облекаемые в изящные формы, совсем другое — когда вам человек говорит:

— Знаете, назовите меня, как хотите, но я бы выдвинул вот какую мысль… Подумайте над ней. Я не обижусь, если вы ее забракуете.

Конечно, он, как правило, обговаривал эту мысль с главой правительства, если в данный момент он был министром, но как-то на первый план выдвигалась не казенная, сухая сторона, а более гибкая, допускающая корректировки, дополнения. Для амортизации сказанного он еще добавлял:

— С удовольствием выслушаю то, что вы хотели бы высказать со своей стороны.

Да присовокуплял:

— Не будем спешить. Ведь Советский Союз и Англия существуют сегодня и будут существовать завтра и послезавтра.

Нравилось мне иметь подобные беседы с Каллагэном и с другими собеседниками, похожими в этом смысле на него. Кстати, определенный слой английских лейбористских деятелей был воспитан именно в таком духе. К ним принадлежал и Вильсон.

Дыхание официальной Англии

Каков политический портрет Англии и ее столицы сегодня? Другими словами, кого же не интересует, чем дышит эта страна в наши дни? Это интересует и советских людей. Правительство консерваторов встало на позицию безоговорочной поддержки американского плана размещения нового ракетно-ядерного оружия на территории ряда западноевропейских государств, включая Великобританию, пошло по пути наращивания военных расходов, официально и в открытую подключилось к американской программе «звездных войн», которую Вашингтон пытается упрятать за модной вывеской «стратегической оборонной инициативы» (СОИ).

Дряхлеет старый британский лев. Все более строптивыми — и не без основания — по отношению к Лондону становятся те страны, территории которых некогда входили в состав огромной колониальной империи, потом под напором времени и передовых идей преобразились в Британское содружество наций, а ныне после новых метаморфоз именуются скромно — Содружество. Однако факты говорят, что и это образование — далеко не цемент; это хорошо известно Лондону и миру в целом. Его члены все чаще голосуют против Великобритании в ООН в знак протеста против политики сотрудничества Англии с расистским режимом Претории, отказываются участвовать в акциях, организуемых Лондоном. Британия, бывает, нередко остается в глубокой изоляции.

Броским штрихом к политическому облику современного Лондона стала и жесткая линия тори на ограничение демократических свобод, на урезание ассигнований на социальные нужды народа. Продолжается террор англичан в Ольстере, временами перерастающий в открытые военные действия против североирландцев. Непомерно возросла армия безработных, и все усилия, направленные на ее сокращение и ликвидацию, терпят провал.

Советский Союз и в этих условиях оставался сторонником сохранения всего положительного, что было накоплено в советско-английских отношениях в предшествующие годы. Вместе с тем нами давалась принципиальная оценка тому факту, что правительство тори, следуя в международных делах в фарватере милитаристского курса Вашингтона, предоставило английскую территорию для американских крылатых ракет, направленных против СССР и его союзников, присоединилось к американской военно-космической программе СОИ.

Мы справедливо указываем на опасный характер акций тори для интересов европейского и международного мира. Об этом лично М. Тэтчер говорил М. С. Горбачев во время своего визита в Англию в декабре 1984 года, а также позднее в беседе, состоявшейся в Кремле в марте 1985 года.

Сегодняшняя Англия есть продукт Англии вчерашней. То, что сегодня находит выражение в официальной политике, закладывалось в основу этой политики вчера. Что касается правительства во главе с Тэтчер, то разницу с курсом прежних правительств консерваторов найти нелегко. Пертурбации в составе правительства, которые происходили время от времени в Лондоне, не нарушали преемственности главной линии правительства консервативной партии ни во внутренних, ни во внешних делах.

Характерный пример политических комбинаций — то, что произошло с бывшим министром иностранных дел Англии лордом Каррингтоном.

Каррингтон являлся и является в общем активным проводником курса, который взяло правительство Тэтчер на международной арене. Он, правда, пытался несколько смягчить прямолинейность и угловатость методов, принятых на вооружение этим правительством при осуществлении своей внешней политики. Подобную «умеренность» руководство консерваторов расценило как неуместную. Во всяком случае, именно она, по общему мнению, послужила причиной отставки Каррингтона с поста министра иностранных дел, последовавшей в 1982 году.

Свою политическую карьеру лорд Каррингтон продолжает на посту генерального секретаря НАТО. Круг его обязанностей на этом посту говорит сам за себя. Заметна наряду с тем склонность Каррингтона к тому, чтобы по крайней мере в глазах западноевропейской общественности замаскировать истинную направленность деятельности Североатлантического блока.

Лондон и лондонцы

Пребывание в Англии в качестве посла дало мне возможность ближе присмотреться к самым различным сторонам жизни этой страны. О встречах с ее некоторыми государственными и политическими деятелями я уже говорил. Хотелось бы сказать кратко о моих впечатлениях об английском парламенте, а также об английской столице и чуть-чуть об англичанах как народе.

Оговариваюсь, что не ставлю перед собой целей, которыми мог бы задаться историк, литератор или журналист. Впечатления, сохранившиеся у меня от посещений Англии и работы там в качестве посла, я хотел бы пропустить прежде всего через внешнеполитическую призму.

Английский парламент венчал короной не одного монарха. Случалось и так, что он же низвергал их, когда деятельность главы государства оказывалась по тем или иным причинам неприемлемой для правящего класса. Оливер Кромвель отправил в 1649 году на эшафот короля Карла I, провозгласил страну республикой и, упразднив палату лордов, сделал реформированную им палату общин главным органом власти в стране.

Современный парламент Англии, который состоит из двух палат — палаты лордов и палаты общин, вызывает и поныне разные суждения относительно своей компетенции, относительно того, что он может и чего не может. Но именно такой он и есть. Он и может, и не может. Таким он и нужен правящему классу.

Когда входишь в парламент, то сразу же наталкиваешься на разряженных служителей, форма одежды которых почти не поддается описанию. Но их выправка впечатляет. Жесты у них хотя и корректные, но настолько оригинальные, что могут напугать робкого человека, не ступавшего ранее на порог этого «храма английской демократии».

Решения парламента — это сложная ткань, сплетение тысяч нитей, через которые оказывается влияние на законодателей извне теми, кто фактически осуществляет власть в стране, кто определяет и состав этого самого высокопоставленного органа государственной власти. Так или иначе, но они обязательно продиктуют свое решение. Самые разные предложения могут обсуждаться днями и неделями, отклоняться, дополняться, превращаться из одного в другое. Но в конце концов они выйдут в виде готовых решений: кругленькие, изящные, приглаженные и ничуть не мешающие правящему классу использовать свою власть так, как он этого желает.

Бывают ситуации, когда принимается решение о внеочередных выборах. Выглядит это. подчас как нечто экстраординарное. Но и такого рода события тоже, по существу, нормированы. Они, можно сказать, генетически заложены в политической жизни страны. Все равно после любых выборов у власти остается класс буржуазии. А это для нее основное.

Две главные политические партии — консервативная и лейбористская — сменяют у власти одна другую. При этом каждая из них знает, что, когда она получает на выборах необходимое большинство, ей через энное время надо быть готовой очутиться в положении меньшинства. Уже это связывает обе партии одной веревочкой. Она и видимая и невидимая. Видимая для всякого, кто желает видеть.

Если обратиться к парламенту, вооруженным силам и полицейскому аппарату, то каждый из этих институтов, в том числе и законодательный, как бы сам себя генерирует. Пример Англии — блестящее подтверждение марксистско-ленинского учения о базисе и надстройке. Истории было угодно распорядиться так, чтобы Маркс и Энгельс при разработке своей научно-экономической теории опирались на фактический материал, взятый прежде всего из жизни Англии, английского «классического» капитализма.

В наше время практически невозможно добиться избрания в парламент Англии представителям тех сил, которые не разделяют взглядов, философии столпов английского буржуазного общества, прежде всего капитанов английской экономики. А если добавить к этому, что английский капитал тесным образом переплелся с американским и что зловещей силой на международной арене стали многонациональные монополии, то окажется еще более ясной сама суть системы институтов власти в Англии с явными и тайными коридорами этой власти.

Выносит ли когда-либо английский парламент суждения по вопросам внешней политики, которые можно было бы охарактеризовать как положительные? Да, такое случается. Но весьма редко, и они, как правило, посвящены вопросам второстепенного значения. Зато решения, направленные на подстегивание гонки вооружений и усиление с этой целью налогового пресса, на ужесточение милитаристской направленности политики блока НАТО, принимаются частенько.

Обсуждение в парламенте различных вопросов, в том числе внешнеполитических, и дискуссии, в ходе которых высказываются различные точки зрения, некоторые выступления против милитаристского курса Вашингтона, особенно в связи с размещением американского ядерного оружия в Западной Европе,

имеют положительное значение. Они помогают людям глубже понять существо проблем и подход к ним разных партий.

Советский Союз в своих отношениях с Англией неизменно руководствуется ленинским принципом невмешательства во внутренние дела других государств. Идеологические разногласия, идеологическая борьба, как таковая, не должны быть препятствием для мирного урегулирования межгосударственных споров.

Выполняя свои официальные обязанности посла, я использовал возможности, чтобы познакомиться с Лондоном, его окрестностями, другими английскими городами, хотя к активным путешественникам себя не причисляю. На должности туриста никогда не был.

Лондон… Если бы у меня спросили, каково первое впечатление от этого огромного города и его жителей, оставляя в стороне политику и государственные учреждения, то ответ для меня оказался бы непростым. Пожалуй, более всего поражало, как в таком городе, с восьмимиллионным населением, вас вовсе не оглушает шум и лязг разных машин, что неизменно ощущаешь в американских больших городах.

Это, видимо, можно частично объяснить разбросанностью Лондона на большой территории. Но дело все же не только в этом. Главное кроется в том, что каждый атрибут жизни города-гиганта, особенно в области транспорта, как-то ловко пригнан ко всему механизму, приводящему его в движение. Бросается в глаза отлаженность элементов этого механизма, собранность людей, привыкших выполнять предписанные полицией или традициями нормы.

Вот один из эпизодов, характерных для Лондона. Дождливая, ненастная погода. Здоровый, молодой человек и тот должен соблюдать осторожность, чтобы не схватить простуду под дождем. Он стоит в очереди на автобусной остановке. Подходит автобус. Однако ни молодой, ни пожилой человек, будь то мужчина или женщина, не пытается нарушить очередь и скорее укрыться в автобусе. Англичанин бережет свои локти. Очередь продвигается безмолвно, как какая-то безгласная масса, всасывается потихоньку подходящими огромными машинами. Никто ни с кем не спорит и вообще не говорит. Правда, не все здесь согласуется с нашим представлением о корректности. Казалось бы, пожилого мужчину, тем более женщину можно пропустить без очереди, однако это не принято, этого не делают.

Как правило, лондонцы — а это характерно и для жителей других английских городов — уже часов в девять вечера начинают отгораживаться от внешнего мира. Плотно закрывают

ставни. Гаснут огни в окнах. Нечто похожее можно видеть и в городах некоторых других стран Западной Европы. Однако англичане здесь бьют все рекорды. А вот в США все обстоит наоборот: там в больших городах в девять-десять часов вечера только начинает закипать настоящая жизнь, распространяться шум и гам, все движется, танцует, прыгает, кричит, шумит.

Побывать в столице Англии и не посмотреть на смену караула у Букингемского дворца — этого англичанин просто не поймет. Сотни, а порой и тысячи людей собираются по периметру металлической ограды дворца, чтобы увидеть рослых гвардейцев, одетых в форму, которая, как говорят, является результатом труда многих модельеров. Форма, надо сказать, производит впечатление, но она — только для парадов. Англичане утверждают, что невероятной высоты шапки, украшающие головы гвардейцев, изготовлены из шкур русских медведей, именно русских. Может быть, прежде так оно и было. За достоверность этого в применении к сегодняшнему дню поручиться трудно. В то же время в самой Англии медведя можно встретить разве что только в цирке.

Парады у Букингемского дворца — неотъемлемая часть жизни столицы. На них идут смотреть как на одно из самых увлекательных зрелищ.

«Угол вольного слова»

Нельзя не сказать и о замечательных лондонских парках, где можно прогуляться, отдохнуть, почитать книгу под сенью старых деревьев, которые как будто специально растут, чтобы радовать англичан правильностью пропорций, роскошью кроны, свежестью листвы в весеннее и летнее время.

В парках Лондона, да и всей Англии, имеются прекрасные ухоженные газоны. Только стоическое терпение и неустанная забота людей могут объяснить существование таких отличных травяных покровов. Они — плод многолетнего труда. Англичане, когда их спрашивают, в чем секрет создания хорошего газона, не без добродушного лукавства отвечают:

— Трудности в этом деле возникают только в первые сорок лет.

Словом, взирая на зелень трав газонов в парках Англии, невольно думаешь, что многие из них наверняка «помнят» времена Байрона и Вальтера Скотта.

Кто из людей, побывавших в Англии, не знает Гайд-парка?! Если есть такие люди, то на них нужно смотреть как на диковину. Это не центр политической или деловой жизни, нет. Но это, бесспорно, центр притяжения для многих лондонцев, которые хотят на час-другой стряхнуть с себя городскую суету, почувствовать себя наедине с природой, а возможно, и с самим собой. Любого влечет сюда зелень лугов, на просторах которых высятся вековые вязы и платаны, блестит пруд Серпантин, обжитый лебедями. А рядом — живописные уголки сомкнувшегося с этим простором Кенсигтонского парка. Там расположена группа приземистых зданий из потемневшего от времени кирпича — бывший королевский дворец (в нем родилась королева Виктория), а чуть далее — Посольская улица, на которой находится и советское посольство.

Достойны похвалы лондонцы разных поколений, сохранившие эти полторы сотни гектаров тихой природы в гуще громадного города. Гайд-парк, устояв перед натиском перекупщиков земельных участков, градостроителей и властей всех рангов, поистине царствует в сердце столицы. И открыт он для всех.

Этот парк словно объемная фотография английской жизни. Здесь можно встретить и холеных аристократов, а чаще аристократок, наслаждающихся верховой ездой на породистых скакунах, и лондонцев, не относящихся к элите британского общества. Здесь папы и мамы гуляют с детьми, причем некоторые

из них — те, кто едва научился ходить, — передвигаются, поддерживаемые и управляемые взрослыми с помощью своего рода вожжей.

Есть в этом парке знаменитое место — так называемый «угол демократии» с самодельными помостами и трибунами, а то и ящиком вместо трибуны. На каждую трибуну может, если она не занята, взобраться любой «соскучившийся по демократии» оратор и закатить речь, которой, возможно, позавидовал бы сам Демосфен. Этот «угол вольного слова», хотя и основательно надоел многим людям, остается какой-то приманкой для непризнанных ораторов и сохраняется как незыблемый атрибут английской столичной жизни. Без него Лондон не Лондон.

Об этой «парковой демократии» широко известно и за рубежом. Нелишне передать некоторые собственные впечатления от этого английского «института» в действии. Не стал бы спорить с ненароком услышанным мною замечанием одного пожилого англичанина, сетовавшего на то, что вокруг трибун нет удобных кресел, в которых можно было бы сладко вздремнуть, наслушавшись ораторов.

Нужно прямо сказать, что с этих трибун редко звучат серьезные речи. Скорее, услышишь людей с отклонениями в психике, одержимых какой-то идеей. Они больше жестикулируют, чем говорят что-либо толковое. Ни разу, когда мы подходили к таким ораторам, не довелось услышать здравую, да просто нормальную человеческую речь. Возможно, это случайность, нам не везло. Не будем спорить. Тем не менее считать подобные «речи на углу» воплощением демократии — нонсенс.

Помню, как мы с видным советским дипломатом А. А. Рощиным возвращались в Лондон из загородной поездки и, поравнявшись с Гайд-парком, увидели такую сцену. На трибуне стоит оратор и, жестикулируя, поднимая руки в обращении ко всевышнему, что-то горячо доказывает. Аудитория? Никакой. Лишь мужчина средних лет сидит на скамейке метрах в пятидесяти. Сидит вполоборота к оратору. Одно его ухо, возможно, что-то улавливает из речи, да и то сомнительно.

И вот в эту «демократию» играют не дети, а взрослые. Те, кто все это похваливает, знают, что надо… выпускать пар из котла. Нет-нет да и сошлются английские парламентарии на то, что в Лондоне имеется «угол вольного слова» и выступают там «демократы». Да, возможно, кому-то из иностранцев это импонирует.

Музеи Лондона и других городов страны организованы, с моей точки зрения, хорошо, особенно если говорить об их интерьере. Все там строго и просто, без крикливости и

вычурности. Всякого рода модернистских «украшательских штучек» англичане, как правило, не признают.

Нам хотелось основательно ознакомиться с жителями английской столицы, которым посвящено много книг, исследований, имеющих целью дать портрет настоящего англичанина. Мы с женой шутили:

— Найти бы и нам самых типичных англичан и описать их, начиная с внешности и кончая привычками, взглядами ну хотя бы на некоторые вещи.

Скоро, однако, стало ясно, что для этого не хватит не только года, но и десятка лет. Почему? Да потому, что при беседах и встречах с людьми, занимающими официальное положение, мы всегда замечали, что у них в поведении много черт, свойственных и американцам, и французам, да и нам самим. Что касается людей рядовых, то ведь не будешь специально приглашать их к себе для изучения, а хаживать по частным домам и квартирам нашему брату особенно не приходилось. Поэтому я и не ставлю перед собой задачу углубляться в детали жизни и быта рядовых англичан.

И все же на опыте пребывания в Англии можно составить некоторое представление о типичном англичанине и, в частности, лучше понять вкладываемое в его уста и ставшее крылатым выражение: «Мой дом — моя крепость». Эту старую и емкую формулу наполнил богатым содержанием, примерами, эпизодами из различных областей жизни Англии и англичан талантливый советский журналист и писатель Всеволод Овчинников в своей книге «Корни дуба». Я лично с удовольствием прочел эту книгу и считаю ее большой удачей автора.

Век двадцатый — век научно-технического прогресса. Англия стоит в ряду наиболее развитых государств капиталистического мира. В то же время повседневная жизнь течет здесь, возможно, медленнее, чем в других странах. Так же медленно происходят перемены в привычках и нормах поведения людей. Кажется, каждый мужчина и каждая женщина, каждый дом и квартира, каждый сквер в городе, каждое учреждение — официальное или частное — дружно сопротивляются тем нововведениям, которые затрагивают сложившийся стереотип, даже внешний облик. Например, и сейчас еще нередко можно встретить чиновника или банковского служащего, носящих на голове котелок — традиционную для Англии разновидность шляпы.

Всякий раз по прибытии в Лондон я ловил взглядом эти котелки, и мне всегда мерещились персонажи из «Пиквикского клуба» и первых английских кинокартин, которые были сняты еще на заре кинематографа.

Да, «корни дуба» все еще глубоко сидят в жизни Англии и англичан, и не так просто их расшатать, а тем более вырвать. Дуб крепко врос в землю. Относительно небольшая территория страны, кажется, сжалась в комок, чтобы увеличить сопротивляемость всему, что стирает с ее лика черты, носящие специфические следы веков минувших.

Уильям Шекспир и Лев Толстой

Побывать на родине Шекспира и не увидеть на сцене его творений — такого простить себе нельзя. Гамлет, Отелло и Дездемона, Ромео и Джульетта — эти и другие персонажи и воскрешают жизнь далеких времен великого поэта, и волнуют наших современников, так же как людей во все эпохи, показом в обнаженном виде старых и вечных как мир проблем — добра и зла, верности и измены, любви и коварства, дружелюбия и ненависти. Старался я по мере возможности посмотреть шекспировские спектакли на сочном языке оригинала и в самом Лондоне.

С героями Шекспира я встречался и в США вскоре после окончания второй мировой войны, когда в Нью-Йорке, в центре Манхаттана, давали «Генриха V». Спектакль привезла с собой труппа английского театра, а в главных ролях выступали тогда уже всемирно известные лондонские актеры Вивьен Ли и Лоренс Оливье. Эти прекрасные артисты умели заставить забыть о расстояниях, о том, что находишься где-то далеко за океаном, а вовсе не в английском королевстве эпохи раннего средневековья. И сидишь в зале, не думая, что только что закончилась самая тяжелая из войн в истории человечества. Кажется, что ты там, на сцене, в перипетиях Столетней войны, когда английские войска захватили весь север Франции и ее столицу — Париж. Идет извечная борьба светлого и возвышенного с мрачным и жестоким.

Гимном миру заканчивает гуманист Шекспир свою пьесу. Один из его героев в финальной сцене провозглашает:

> И пусть отныне меч войны кровавой
> Не разделит содружные державы.

Спектакль окончился. Мы с Лидией Дмитриевной прошли за кулисы и тепло поблагодарили Вивьен Ли и Лоренса Оливье за присланное нам приглашение. Я к этому добавил:

— Мы получили также огромное удовольствие, увидев вашу замечательную игру. Благодарим и за нее.

…Стратфорд-на-Эйвоне. Небольшой городок в центре Англии. На северо-западе от Лондона, совсем недалеко к югу от Бирмингема. Эйвон — речушка. Старинные домики — еще бы, городок впервые упоминается в исторических документах, датированных 691 годом, — стриженые газоны, асфальтовые дорожки, много цветов.

Стратфорд-на-Эйвоне — туристский центр. Здесь — родина Шекспира. Его домик-музей, бережно охраняемый. Шекспировский театр, постоянно заполненный до отказа.

В общем, национальная святыня. К ней веками протаптывалась тропа. Не зарастает она и сейчас.

Там же, в Стратфорде-на-Эйвоне, Шекспир и похоронен. Он погребен в алтаре церкви у северной стены, а сам храм стоит на берегу реки. Над могилой в северной стене алтаря на высоте примерно полутора метров — надгробие. Главной во всей его композиции предстает скульптура великого драматурга. Это фигура в половину человеческого роста, высеченная из мягкого голубоватого известняка. В правой руке у Шекспира — перо, левая — лежит на листе бумаги, а обе руки и бумага — на подушечке. Вид у поэта моложавый. Он красив: лоб без морщин, локоны на висках лихо завиты. Видимо, по замыслу скульптора Шекспир произносит стихи, которые вот-вот лягут на бумагу. Ниже написано по-английски:

> «Скончался в 1616 году после Рождества Христова в возрасте 53 лет в день 23 апреля».

Идут и идут к нему люди, чтобы поклониться, чтобы просто постоять и подумать у праха этого человека, каждый — о своем.

Постоял у него и я. Впечатление произвела эпитафия на могиле. Говорят, что ее автор — сам Шекспир. Она гласит:

> Друг, ради господа, не рой
> Останков, взятых сей землей;
> Нетронувший блажен в веках,
> И проклят — тронувший мой прах.

Невольно я вспомнил Ясную Поляну — национальную святыню нашего народа, связанную с именем Льва Толстого.

Его могила — в огромном яснополянском парке. Только без всякой эпитафии. Простой, по старинному русскому обычаю, небольшой холмик. Скромно. Но в этой скромности тоже огромной силы эмоциональный заряд. Он — в безмолвии. Каждый склоняющий здесь голову думает о титане слова, мысли и духа, покоящемся в этой земле.

Тысячи людей идут сюда и притихают, стоя у могилы. Совсем как у надгробия Шекспира в английском городке.

Стояли у этой могилы и мы с Лидией Дмитриевной. А потом ходили по парку, по музею-усадьбе, побывали в том месте, где он писал. Осмотрели знаменитый стол, по периметру которого

сделан низенький барьер, чтобы сквозняк не сдувал листы бумаги на пол. В этом помещении писатель создал немало страниц своей могучей прозы.

Все нам показывал и неспешно рассказывал секретарь великого писателя Валентин Федорович Булгаков, который долгие годы жил в Ясной Поляне после смерти Льва Толстого.

Валентин Федорович водил нас по комнатам музея от экспоната к экспонату как профессиональный гид, говорил о пребывании писателя в этом месте.

Я с интересом присматривался к самому Булгакову. Было видно, что он весьма эрудированный человек. Тогда он почти ничего о себе не говорил. Прошли годы, прежде чем я узнал, что секретарь Толстого сам прожил большую, по-своему незаурядную жизнь, выполняя благородную работу на благо русской и советской культуры как на родине, так и за рубежом.

Он написал несколько книг о Л. Н. Толстом и о наследии писателя. Во время нападения гитлеровской Германии на СССР В. Ф. Булгаков находился в Чехословакии. Гестапо его арестовало. Он очутился в тюрьме, а после этого — в гитлеровском лагере Вильтсбург в Баварии. Там, в лагере, Булгаков на оборотной стороне небольших рекламных листков, которые ему приносили заключенные, работавшие в городе, написал книгу «Друзья Толстого». На титульном листе книги он аккуратно вывел: «В случае моей смерти послать моей жене Анне Булгаковой». И привел адрес.

Но он в лагере не умер и пережил ужасы фашистского ада. После войны, вернувшись в Советский Союз, он практически всю остальную жизнь прожил в Ясной Поляне — сначала как научный сотрудник, а затем как хранитель Дома-музея Л. Н. Толстого. В качестве хранителя он нам и показывал яснополянские достопримечательности. Умер Валентин Федорович Булгаков в 1967 году и похоронен в этих местах, неподалеку от могилы самого Льва Николаевича.

Известны критические высказывания Толстого о Шекспире. О них рассказывал и Булгаков. При описании определенной среды общества, считал великий писатель, необходимо наделять персонажей, которые к ней принадлежат, своим собственным языком и мыслями. Однако, отмечал Толстой, в творениях английского драматурга все персонажи — люди умные, а так в жизни не бывает, у Шекспира иногда нет «языка живых лиц».

В известном смысле Толстой прав. У Шекспира даже глупцы роняли такие фразы, которые впоследствии стали афоризмами.

Но почему глупец не может произнести умную фразу? В свое время, когда я читал критическое замечание Толстого по адресу

Шекспира и слушал Булгакова, то вспоминал случай из своего детства.

Как-то по деревне Старые Громыки разнеслась молва, что вот-вот у нас появится сумасшедший, который уже ходит по улицам соседнего села. Мы, мальчишки, с нетерпением ждали, когда же он придет и как будет себя вести. Не только нам, но и взрослым

тоже было любопытно посмотреть на него. Не часто увидишь такого человека! Часа через два-три он объявился. Шел по улице и громко произносил какие-то изречения, стихи, которые нам, юнцам, да и взрослым были неведомы. Врезалась в память такая его фраза:

— Эй, люди. На том свете не надо заботиться, там само молотится — Адам сеет, а Ева веет.

Не могу забыть и сейчас этих слов сумасшедшего. В них ощущается четкий ритм стиха и афористичность всего изречения.

Почему же Шекспир, тонкий наблюдатель жизни, не мог подсмотреть и подслушать в ней нечто похожее?

Впрочем, замечание Толстого о Шекспире представляет, по-моему, доказательство и огромной уважительности одного по отношению к другому, такому же гениальному художнику слова. Ведь не поставил же он под вопрос колоссальный талант Шекспира и его место в литературе!

А не так давно я посмотрел художественный кинофильм о последних годах и днях жизни Толстого. Создал эту ленту выдающийся советский режиссер С. А. Герасимов. Самое сильное впечатление на меня произвел финал картины.

…Огромное число людей провожает Толстого в последний путь. Колонна эта растянулась. Вдруг в момент погребения все до одного они падают на колени — чтят память великого писателя и гиганта мысли…

Немая сцена могучего воздействия на зрителя.

Да, Шекспиру — свое, Толстому — свое.

Мое отношение к спорту

К спорту я не был равнодушен, хотя по-настоящему им не увлекался.

В детстве мы, ребята, порой играли в старинную русскую игру — лапту, чем-то напоминающую американский бейсбол. Ударишь битой по мячу и стремглав бежишь к положенному рубежу, расположенному впереди. А если попадешь по мячу удачно, то можно на быстрых ногах совершить «челночную» операцию: сбегать туда и обратно, вернуться к «дому». Если вся твоя команда перекочует на рубеж и возвратится без потерь, то она выигрывает, а потом может начинать новую игру.

В лапту во времена моего детства играли по-разному. Как сейчас вижу ловко извернувшегося парня, стремящегося так швырнуть мне мяч, чтобы я не мог удачно и сильно по нему ударить.

Для того чтобы народные игры и сейчас процветали, нужно, чтобы в каждой деревне или поселке был хотя бы один «заводила», а еще лучше несколько. Так найдутся ли ребята-забияки, которые вдохнули бы в народную игру-лапту новую жизнь? Пока на этой стезе настоящей работы не видно.

Американский бейсбол, конечно, сложнее. Он стал спортивной индустрией, привлекающей на игры лучших команд десятки тысяч зрителей. Он сам по себе прекрасен, так как никто никого не бьет. Бейсбол, так же как и футбол, еще и глубоко демократичен, не требует дорогого снаряжения.

Прямым антиподом бейсболу, по-моему, является бокс. Сколько связано с ним воспоминаний! Пошли мы однажды вместе с Бернардом Барухом на поединок боксеров: легендарный Джо Луис встречался с Билли Коном. Луис — негр, Кон — белый. Не знаю что, но, может быть, в значительной степени и это различие в цвете кожи, накалило страсти в громадном по тем временам нью-йоркском зале «Мэдисон-сквергарден», где мы наблюдали схватку двух спортсменов.

Мне сразу же все, что происходило в зале и на ринге, не очень понравилось. В зале многие курили; публика кричала, визжала. Как только Луис наносил удар по телу Кона, одни женщины в зале подскакивали от удовольствия, а другие в наиболее напряженные моменты боя, когда соперники ожесточенно обменивались ударами, прикрывали лицо руками. Однако таких слабонервных было не так уж и много.

Я посмотрел на Баруха, его лицо выражало спокойствие, и особых эмоций он, казалось, не проявлял. «Да ведь он плохо

слышит, — подумал я. — Что ему весь этот шум?» Барух, как будто отгадав мои мысли, хитро прищурившись, посмотрел на меня, а затем пальцем показал на свой слуховой аппарат.

Некоторое время спустя он спросил:

— Как вам все это нравится?

— Интересно и шумно, — я старался не обидеть хозяина.

— Сила, ловкость и воля — вот что здесь противоборствует, — сказал Барух.

— Кто возьмет верх? — вдруг задал он вопрос.

— По-моему, Джо Луис, — ответил я.

Барух почему-то на это не отреагировал. Сидел и молчал, впившись глазами в потные фигуры боксеров.

Раундов в том бою было немало, так как схватки у профессионалов длятся в три-четыре раза дольше, чем у любителей. В перерывах мы рассматривали публику. Девушки и бойкие молодые люди разносили прохладительные напитки, пиво, орехи в яркой упаковке.

А потом бой Джо Луиса с Билли Коном продолжался. Я тогда подумал, что спорт в какой-то мере антипод, сама противоположность дипломатии. Если в последней должно присутствовать здоровое стремление к компромиссу, то в спорте, и особенно четко это проявляется в боксе, такое влечение отсутствует начисто. Врезать кулаком в перчатке сильнее, чем соперник, сбить его с ног, нанести упреждающий удар, который поверг бы партнера ниц, добиться нокаута, односторонней победы — вот что там важно.

Некоторые американские деятели, вступив в послевоенный мир с атомной бомбой в руках, как бы уподобились боксерам, которые решили, что обладают решающим превосходством. Эти политики пытались наносить на международной арене Советскому Союзу — своему бывшему союзнику «удар за ударом». В их действиях не просматривалось стремление к компромиссу, им нужна была только победа. Явно хотели они стать монополистами в обладании ядерным оружием.

Не знаю, приходили ли Баруху в голову подобные мысли, когда он смотрел на ринг, где страсти накалились до предела и Джо Луис все чаще загонял Билли Кона в угол. Мне приходили.

Бой закончился победой чернокожего боксера. Ее приветствовало большинство публики. Но одна ее часть — меньшая по размерам — была очень недовольна. Люди шикали и рвали какие-то бумажки, бросая их на пол. Барух посмотрел на меня оценивающим взглядом.

— Каково? — как бы говорили его глаза.

— Все очень интересно, — сказал я. — Сила силу ломит,

ясное дело.

С тех пор прошло много лет. Но я все еще нередко вспоминаю этот ожесточенный поединок двух взмыленных молодых американцев на ринге и довольно занятную боксерскую стойку Баруха, в которой он в шутку ощетинился при нашей последующей встрече. И это было в определенной степени символично: СССР и США находились в состоянии «холодной войны». На международной арене мы парировали попытки Вашингтона в силовой борьбе добиться изоляции Москвы.

В американском спорте, как нетрудно заметить, есть еще один очень интересный, хотя и жестокий его вид — футбол. Правда, играют в него американцы и руками, прорываясь с кожаной «дыней» в «дом» соперника. А ногами играют, только когда надо бить штрафные. Грубость в этой игре господствует надо всем, жестокость — царица бала современных гладиаторов, некоторые из них, несмотря на могучее телосложение, становятся калеками. Как контрастно по сравнению с этим видом спорта выглядят соревнования по таким прекрасным дисциплинам, как легкая атлетика, бейсбол, плавание, гимнастика, теннис, баскетбол, волейбол и, конечно, футбол в нашем понимании, да еще когда в него играют настоящие мастера.

Что касается меня, то в студенческие годы я пробовал играть в футбол. Еще одним видом, в котором я испытывал силы, был волейбол. На любительском уровне среди студентов вроде бы и неплохо получалось. Но по-серьезному и к этому виду спорта я не приобщился.

В годы пребывания за границей меня иногда привлекала игра сильных зарубежных команд. Однако здесь я должен сделать оговорку. В этих случаях мы с женой обычно ходили на футбол, но поскольку советских игроков на поле не было, то я больше наблюдал не за игрой футболистов, а за поведением публики. Особенно мне нравилось смотреть на английских зрителей во время игры.

Когда я был послом в Великобритании, мы, случалось, в воскресные дни в составе небольшой компании выезжали за город. Шутя говорили:

— Едем изучать Англию.

Такие поездки нам нравились. Не успеешь удалиться от Лондона на десяток километров, как обязательно встретишь хорошо оборудованное и ухоженное футбольное поле. Как правило, оно не пустовало. Проедешь еще десять-двадцать километров — опять такое же футбольное поле со всеми атрибутами, которые необходимы для отдыха и занятий спортом.

Бывали случаи, когда мы выезжали километров за 75—100.

Тогда нам попадалось по крайней мере с десяток футбольных арен, одинаково хорошо обустроенных и аккуратных. Нередко случалось так. Ставим машину в положенное место, выходим из нее, садимся на скамейки, где побольше зрителей, и наблюдаем за игрой.

Право, было интересно. Мы много раз убеждались в том, что футбол и знаменитая английская выдержка — понятия несовместимые. Нам казалось, что во время игры в футбол англичан кто-то подменял. Непрерывные громкие возгласы, подпрыгивания от радости, похлопывания по коленям соседей — все это обычные сценки на трибунах любого английского стадиона.

Бывал я и на иного рода спортивных соревнованиях.

Не могу не рассказать об одном интересном случае. Однажды мы с женой получили приглашение от имени королевы-матери посетить на юге Англии в городе Брайтоне скачки. С удовольствием приняли приглашение, хотя, по существу, в скачках мало что понимаем. Да и с тех пор наши познания в этом виде спорта не увеличились.

Прибыли в Брайтон. Началось все энергично. Собственно, мы впервые в жизни ощутили, что это за спорт. В нем люди и лошади тесно сотрудничают друг с другом, как будто разговаривают на каком-то понятном только для них языке. Нам сообщили:

— Сейчас будет проявлять свои способности лошадь королевы. И вот началось. Все шло превосходно. Королева-мать, все, кто был вблизи нее, в том числе и мы, советские гости, готовились аплодировать успеху ее скакуна и пожать королеве руку. Но вдруг, преодолевая последний барьер, лошадь прыгнула и упала. Жокей медленно поднялся. Публика издала какой-то неопределенный звук, что-то среднее между «ах» и «ох». В эту минуту я сознательно старался не смотреть в сторону королевы. Конечно, тоже был расстроен. До нас донеслись слова:

— Королева всплакнула.

Все мы, находившиеся вблизи, и англичане и советские гости, ей сочувствовали.

Так единственный раз в жизни мне довелось наблюдать конноспортивные соревнования.

Памятные и дорогие места

Говоря об английской столице, нельзя пройти мимо такой, столь близкой сердцу каждого советского человека, всех прогрессивных людей темы, как памятные места в Лондоне, связанные с именем Владимира Ильича Ленина. Таких мест немало.

Это — Дом Маркса, где в 1902–1903 годах печаталась «Искра» и где теперь находится мемориальная комната Ленина. Это — Хайгетское кладбище, куда приходил Ленин, чтобы склонить голову перед могилой великого человека — К. Маркса. Это — библиотека Британского музея, которую он регулярно посещал и для работы в которой специально приезжал в 1908 году в Лондон, когда писал книгу «Материализм и эмпириокритицизм» — одно из глубочайших произведений марксистско-ленинской философии. Это тот же Гайд-парк, в котором Ленин часто прогуливался и, наверно, бросал взгляды на чудаковатых ораторов. А сколько еще можно назвать домов, улиц, площадей, где он бывал!

Более года — с апреля 1902 по май 1903 года — Ленин жил и работал в Лондоне. Неоднократно приезжал он туда и позже для участия в II, III и V съездах РСДРП, проходивших соответственно в 1903, 1905 и 1907 годах.

Во время пребывания в Лондоне деятельность Ленина, как и в других местах его почти пятнадцатилетней эмиграции, подчинялась одной задаче — борьбе за свержение царизма и капиталистического строя, за победу социалистической революции в России.

Английская столица представлялась Ленину не только бастионом классического капитализма с его пауперизмом, так хорошо знакомым по «Капиталу» К. Маркса и по работе Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Лондон привлекал внимание остротой противоречий и глубиной контрастов капиталистического общества, богатой историей борьбы национальных и международных революционных сил.

Еще не так давно, в середине XIX века, мечтатели-чартисты скрупулезно составляли свои хартии и упрямо боролись за их претворение в жизнь. Тогда английские рабочие основывали тред-юнионы. В решении социальных проблем воочию проявлялась разрозненность английского рабочего движения.

Лондон приобрел известность еще и тем, что предоставлял право убежища многим политическим эмигрантам.

В конце пятидесятых годов прошлого века в этом городе

родился первенец русской вольной, бесцензурной прессы «Колокол», издававшийся Герценом и Огаревым. Это он бил в набат, гул которого проникал в казематы Шлиссельбурга и Петропавловки. «Колокол» явился предшественником русской социал-демократической печати. В нем широко освещались вопросы теории и практики прогрессивного общественного движения. С его страниц звучал громкий голос в защиту бесправных и угнетенных. Он звал к борьбе против царского самодержавия.

С 1849 года в Лондоне жил К. Маркс, руководивший отсюда международным рабочим движением. Здесь появился его гениальный труд «Капитал». В 1870 году в Лондон переехал Ф. Энгельс и прожил тут до самой кончины (1895 г.).

В 1864 году в Лондоне был основан I Интернационал, и до 1872 года здесь находился Генеральный совет Интернационала. В этом городе нашли приют уцелевшие после кровавой «майской недели» 1871 года парижские коммунары.

Да, много сторон лондонской жизни предстало перед Лениным пасмурным и дождливым апрельским днем 1902 года, когда он впервые прибыл в столицу Англии.

Никогда не иссякнет в людях стремление глубже познать гений Ленина, ленинские идеи, полнее и ярче представить все этапы и отдельные периоды, в том числе и лондонский, его жизненного пути. Каждая страница ленинской биографии значительна и близка нам. Вот почему вызывают такой интерес у людей те места, где Ленин жил и работал. Обнажив голову, стоял я у этих дорогих мест.

Глава VIII
НА ФРОНТАХ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Кто ее породил? «Взлет» Эйзенхауэра. На совещании четырех. Георгий Константинович Жуков. Ворошилов — известный и малоизвестный. Маршалы Малиновский и Гречко. Еще о двух полководцах. Адмирал флота. Доктрина вмешательства и крен от нее. Запоздалое прозрение Эйзенхауэра. Даллес — кто он? На последней ступени его служебной лестницы. Мировая война не фатальна. С Хрущевым по Америке. Угрозы США по адресу Кубы. В Белом доме с Кеннеди. Поиск и успех компромисса. «Нестандартный» корреспондент. Человек-легенда. Позорная война. Осуществленная мечта Хо Ши Мина. Раск не любил «паблисити».

Из Лондона в Москву я вернулся в апреле 1953 года. На новом посту в качестве первого заместителя министра иностранных дел СССР мне довелось проработать до февраля 1957 года. Возвращению я радовался, почувствовал, можно сказать, физически правоту известного афоризма: «Дома и стены помогают». Такое же волнующее чувство я испытал и в августе 1948 года, когда прибыл на Родину из США, где находился более восьми лет.

Кто ее породил?

Шли годы. «Холодная война» стала реальностью. Следуя курсу на «отбрасывание коммунизма», политике «балансирования на грани войны», открыто провозгласив «дипломатию силы», США вызвали своими действиями резкое усиление международной напряженности.

В то время, когда гитлеровский «третий рейх» был сокрушен и в полный рост встали практические задачи строительства новой Европы, общее направление которого определялось решениями Потсдамской конференции, в США и некоторых странах Западной Европы нашлась группа деятелей, одержимых стремлением создать замкнутый военный блок с участием Соединенных Штатов Америки, Канады и западноевропейских государств, нацеленный прежде всего против СССР и других социалистических стран. Цементирующей силой этого блока должны были стать Соединенные Штаты Америки с их большим экономическим и военным потенциалом.

Появлению на свет в апреле 1949 года агрессивного Североатлантического союза (НАТО) предшествовала активная работа его создателей, направленная на то, чтобы оправдать в глазах общественного мнения этот шаг, идущий вразрез с интересами мира, противоречащий Уставу ООН и союзническим обязательствам. После войны, еще задолго до формального образования блока, они развернули шумную пропагандистскую кампанию с подключением к ней политиков, историков, экономистов, видных журналистов, которые стали усердно, на разные голоса тянуть одну и ту же песню о нависшей над странами Западной Европы «угрозе коммунистической агрессии» и о «чисто оборонительном характере» будущего военного блока.

Особой активностью в средствах массовой информации отличался патриарх американской буржуазной журналистики Уолтер Липпман, выступавший на страницах газет, общий тираж которых достигал многих миллионов экземпляров, с призывами к созданию военной группировки западных государств. Главная идея, пронизывавшая его публикации, состояла в том, что такая группировка необходима Западной Европе и ее заокеанскому союзнику как воздух. В каждой статье, хотя и в разной дозировке, присутствовала немалая доза недружественных Советскому Союзу выпадов.

Этот крупнейший американский журналист, умевший иногда быть и объективным, считался старейшиной в клане профессионалов пера США. Поэтому мы и приглашали его часто

на различные протокольные мероприятия в советское посольство. Вспоминается один разговор с ним. Он как-то спросил меня:

— Господин посол, неужели вы продолжаете верить в возможность достижения согласия в мире, несмотря на то что сейчас происходит в нашей стране?

Я ответил:

— Да, я хотел бы верить в такую возможность.

Липпман и те, чьи интересы он выражал, вовсе не скрывали, что направленность будущего военного блока, за создание которого так ратовали в Вашингтоне, должна быть антисоветской. Эти люди удивительно быстро стали забывать свои собственные заявления, сделанные в годы войны, о том, что героическое сопротивление

Красной Армии и ее последующие победы отвечали интересам и стран западного мира.

В администрации президента Трумэна активным генератором идей в пользу создания военного блока являлся Дин Ачесон, занимавший сначала пост заместителя государственного секретаря, а затем и государственного секретаря США (1949–1953 гг.). Он много потрудился для подведения своего рода теоретического фундамента под планы сторонников «холодной войны». Его почерк просматривался и в «доктрине Трумэна», и в «плане Маршалла».

Методично и упорно Ачесон делал все от него зависящее для того, чтобы любой ценой довести до конца дело создания блока НАТО. Найти соучастников ему не составляло большого труда. Просто требовалось посодействовать тому, чтобы администрация отвалила солидный куш долларов тем, кто в порядке соревнования представит наиболее далеко идущий с точки зрения интересов реакции план рождения этого агрессивного образования. В США принято привлекать по соглашению научные учреждения к разработке той или иной внешнеполитической проблемы для официального Вашингтона.

В годы войны Ачесон, несмотря на то что являлся заместителем государственного секретаря США и занимался важными вопросами экономических отношений с иностранными государствами, заметной роли в политике не играл. Во всяком случае, в то время он не считался политической фигурой крупного калибра.

Он стал быстро набирать силу, когда во внешней политике США произошел поворот от сотрудничества с СССР к открытой вражде и военным приготовлениям, направленным против него и стран народной демократии. Именно в эти годы Ачесон очутился в кресле государственного секретаря. Создание

Североатлантического союза явилось для него как бы пиком политической карьеры.

Однако время показало, что страницы политической биографии Ачесона отнюдь не способствовали закреплению его имени в памяти американцев. Когда встречаешься с современными политическими деятелями и дипломатами США, не говоря уже о представителях других стран, и спрашиваешь их, знают ли они что-либо об Ачесоне, то немногие дают положительный ответ. Иногда, правда, кто-нибудь восклицает:

— Ах да, это тот Ачесон, который приложил руку к созданию НАТО!

И лишь дипломаты, которые по долгу службы должны знать, хотя бы в общих чертах, историю создания Североатлантического блока, могут добавить кое-что к характеристике этого деятеля.

На наших встречах Ачесон внешне всегда держался корректно. Складывалось впечатление, что перед вами находится английский аристократ, выросший на американской земле. Кстати, он родился в типичном англосаксонском районе США — Новой Англии.

Поначалу Ачесон позволял себе делать реверансы по адресу Советского Союза. Но они касались вопросов, не имеющих принципиального характера. Так случилось, например, в период работы сессии Совета ЮНРРА (Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций), проходившей в ноябре 1943 года в Атлантик-сити. Мне было поручено представлять на ней Советский Союз до приезда из Москвы специально назначенной для этой цели делегации. Ачесон тогда представлял США в Совете ЮНРРА.

Одним из наиболее ярких проявлений возраставшей агрессивности политики США на международной арене явилась война в Корее. СССР, последовательно действовавший в интересах поддержания международной безопасности, обеспечения надежного мира, с самого начала выступил за прекращение этой войны, решительно осудил агрессию США против корейского народа. 4 июля 1950 года по поручению Советского правительства я сделал заявление об американской вооруженной интервенции в Корее. В нем говорилось, что «правительство Соединенных Штатов Америки совершило враждебный акт против мира и на него ложится ответственность за последствия предпринятой им вооруженной агрессии».

Моральная и материальная помощь СССР послужила одним из существенных факторов поддержки КНДР и справедливого дела освободительной борьбы ее народа, с честью выдержавшего тяжелые испытания войны. СССР сыграл важную роль, содействуя

началу переговоров о перемирии в Корее, а затем и достижению такого перемирия (1953 г.).

Вместе с тем по вине Вашингтона и поддерживаемых им марионеточных властей в Сеуле положение на Корейском полуострове до сих пор не нормализовано, что, разумеется, не придает стабильности обстановке на Дальнем Востоке. Подходящую основу для урегулирования данной проблемы составляют предложения Корейской Народно-Демократической Республики, предусматривающие вывод американских войск из Южной Кореи, создание условий для объединения страны мирными средствами, без вмешательства извне. Советский Союз солидарен с такой позицией и поддерживает ее.

Следует отметить и тот важный факт, что СССР во многом способствовал подписанию Женевских соглашений по Индокитаю (1954 г.), которые положили конец кровопролитной войне, развязанной Францией против народов этого района.

В конце 1956 года внешние силы, опираясь на внутреннюю контрреволюцию, спровоцировали мятеж в Венгрии с целью восстановления в этой стране довоенных порядков, отрыва ее от социалистического содружества. Мятеж потерпел крах. Страны социализма дали всем понять, что они в состоянии постоять за себя.

Эти, равно как и другие подобные, акции получили должный отпор. Активный вклад в организацию такого отпора внес своей политикой Советский Союз.

«Взлет» Эйзенхауэра

Трумэна, который был наряду с Черчиллем инициатором политики «холодной войны», сменил на президентском посту Дуайт Эйзенхауэр.

Что можно сказать об этом американском деятеле?

Времена крупных исторических событий, связанных, как правило, с социальными потрясениями, войнами, изобилуют случаями, когда на первом плане государственной и общественной жизни стран появляются люди, до этого считавшиеся вообще малозаметными. Примером такого рода является «взлет» Эйзенхауэра. За немногие годы он проделал путь от почти неизвестного в начале второй мировой войны офицера-штабиста до верховного главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Западной Европе (1943 г.), а впоследствии и до президента США (1953–1961 гг.).

Дело было не только и даже не столько в личных качествах Эйзенхауэра. Особым блеском они не отличались. Все произошло во многом из-за стечения обстоятельств. Со вступлением США в войну администрации Рузвельта пришлось в спешном порядке решать вопросы, связанные с кадрами высшего звена руководства американскими войсками.

Это и способствовало быстрому продвижению Эйзенхауэра по службе. На него пал выбор и тогда, когда потребовалось выдвинуть на должность главнокомандующего союзными войсками западных держав американского генерала, который хорошо знал штабную работу и умел ладить с людьми. Упорно поговаривали в то время в американской столице о том, что назначение на этот пост Эйзенхауэра — выходца из семьи немецкого эмигранта, осевшего в США, — имеет в конкретных условиях того времени скорее положительные, чем отрицательные стороны: то, что он знает характер, привычки и специфические черты немца, может быть полезным и на поле сражения, и вне его.

После назначения Эйзенхауэр посетил советское посольство в Вашингтоне. Мы считали этот визит показателем доброжелательности по отношению к нам, и генерал нанес его, несомненно, по инициативе Рузвельта.

Нет нужды повторять то, что уже сказано или написано об Эйзенхауэре как военачальнике или государственном деятеле. Хотел бы лишь привести некоторые факты — в том виде, в каком они отложились у меня в памяти, — из его политической биогра-. фии и из личных встреч с ним.

Победа над фашистской Германией, безусловно, оставила свой след в сознании Эйзенхауэра. Он не скрывал восхищения блестящими военными операциями, спланированными и осуществленными советским командованием. Эйзенхауэр много хорошего говорил о Сталине, тепло вспоминал встречи с ним во время визита в Москву в 1945 году. Высоко он, американец, оценил награждение его советскими орденами — Победы и Суворова I степени.

После окончания войны Эйзенхауэр сделал не одно заявление о необходимости и возможности для США и СССР жить в мире. Так, на пресс-конференции в Детройте в 1946 году он высказался в пользу достижения взаимопонимания между двумя странами и развития личных контактов между их руководителями.

В речи на съезде «Американского легиона» в августе 1947 года Эйзенхауэр заговорил даже о «мирном сосуществовании» государств, принадлежащих к капиталистической и социалистической общественным системам. Правда, в том же году и позже по адресу своего бывшего союзника — СССР он стал допускать такие выражения, как «агрессивная диктатура», хотя и продолжал признавать, например в своем выступлении в Вашингтоне в феврале 1948 года, что Советский Союз «не желает войны».

Противоречия, путаница? Да, имело место и то и другое. Но все это нанизывалось на общий недружественный по отношению к СССР шампур.

В заявлениях Эйзенхауэра на открытых форумах и на закрытых встречах, заявлениях, которые так или иначе становились достоянием гласности, все четче — и чем дальше, тем больше — прослеживалась тенденция: оливковая ветвь постепенно увядала, все явственнее слышался звон металла. Его голос отчетливо звучал в хоре тех набиравших в США силу голосов, которые превозносили идею американского руководства миром.

Немало враждебных по отношению к СССР речей Эйзенхауэр произнес в бытность главнокомандующим вооруженными силами НАТО (1950–1952 гг.). На своем посту он активно содействовал развертыванию милитаристской деятельности этого блока, имеющего откровенно антисоветскую направленность.

В 1952 году Эйзенхауэр выставил свою кандидатуру на президентских выборах и одержал победу. Если этот взлет в политике сопоставить, допустим, с прыжком спортсмена, то его, несомненно, можно назвать рекордным. Его многие расценили как блистательный. Как кандидата от республиканской партии Эйзенхауэра и в 1956 году вновь избрали на пост президента

США. Так он совершил второй взлет в политике.

Как в первом, так и во втором случае его избрание обеспечивала массированная поддержка крупных корпораций и компаний, связанных с производством вооружений. Для финансово-промышленных монополий Рокфеллера, Моргана, Дюпона, Меллона и прочих миллиардеров политический курс администрации Эйзенхауэра являлся, по существу, их собственным курсом, и они всемерно содействовали его осуществлению. Средств для этого не жалели.

Восьмилетний период пребывания Эйзенхауэра в Белом доме характеризовался усилением внутриполитической реакции в США, преследованиями прогрессивных сил страны. Набирало темп, и притом неуклонно, военное производство. Лозунги гонки вооружений и «холодной войны» пронизывали все поры американской внешней политики.

На совещании четырех

В начальный период президентства Эйзенхауэра закончилась корейская война. Затем стороны подписали Женевские соглашения по Индокитаю. Казалось бы, дело шло к снижению накала напряженности в отношениях между Востоком и Западом. Но в Вашингтоне и не помышляли об этом.

В 1955 году в Женеве состоялось совещание глав правительств СССР, США, Англии и Франции. Эйзенхауэр принял в нем участие, уступая сильному давлению со стороны общественного мнения. Казалось бы, открывалась неплохая возможность найти по крайней мере основное направление, по которому четыре державы могли бы двигаться с целью закрепления итогов второй мировой войны, выполнения соответствующих союзнических соглашений.

Это объективно ставило перед участниками встречи задачу достижения договоренности по европейским и международным проблемам под углом зрения укрепления мира и недопущения войны. Однако какого-либо реального продвижения в решении такой задачи добиться на этом совещании не удалось.

В ходе совещания состоялся острый разговор, выявивший серьезные разногласия между бывшими союзниками. Что касается советской стороны, то она считала, что руководители четырех держав собрались не для того, чтобы обнажать эти и без того хорошо известные разногласия, как бы инвентаризировать их. Для этого не стоило ехать в Женеву. Советский Союз выступил за обсуждение на совещании тех вопросов, которые относились к сокращению вооружений и запрещению атомного оружия, обеспечению европейской безопасности, прекращению «холодной войны» и укреплению доверия между государствами.

Главы делегаций США, Англии и Франции — соответственно Д. Эйзенхауэр, А. Иден, Э. Фор — горячо доказывали, что военный блок НАТО — это фактор мира, особенно в Европе. Всячески защищали они и свой план, фактически нацеленный на поглощение ГДР Западной Германией, обеляли при этом поддержанную ими и выдаваемую за миролюбивую политику ремилитаризации ФРГ. В то же время много необоснованных, проникнутых фальшью упреков было высказано по адресу СССР и стран народной демократии, которые твердо следовали политике мира и дружбы между народами, выступали за то, чтобы отношения между государствами Востока и Запада строились на принципах мирного сосуществования.

Стремясь выбить из рук руководителей этих трех держав

фальшивый тезис о миролюбии Запада, а также о том, что политика Советского Союза будто бы расходится с задачами укрепления мира, советская делегация, в состав которой входили Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, В. М. Молотов, Г. К. Жуков и я, заявила о готовности СССР вступить в Североатлантический союз. В пользу этого мы привели «водонепроницаемый» довод: если блок НАТО, как утверждают, поставлен на службу делу мира, то он не может не согласиться с включением в него Советского Союза.

Трудно передать словами впечатление, которое произвело на западных участников совещания заявление на этот счет, оглашенное Булганиным как Председателем Совета Министров СССР. Они были настолько ошеломлены, что у них, как мы шутили, затанцевали перед глазами причудливые фигуры настенных фресок в зале заседаний.

В течение нескольких минут ни одна из западных делегаций не произнесла ни слова в ответ на поставленный вопрос. Шея у Эйзенхауэра вытянулась и стала еще длиннее. Он наклонился к Даллесу, чтобы приватно с ним обсудить происходящее. С лица президента исчезла характерная для него улыбка, которая всегда помогала ему обвораживать избирателей, одерживать победы в борьбе за их голоса. Как бы там ни было, но ни тогда, ни позже какого-либо формального ответа на свое предложение в Женеве мы так и не получили. Его просто положили под сукно.

После заседания, когда все стали выходить из помещения, а руководители и члены делегаций США, Англии и Франции расходились нарочито медленно, с необычно озабоченным выражением лиц, в коридоре со мной поравнялся Даллес. Он спросил:

— Неужели Советский Союз всерьез внес указанное предложение?

Я ответил ему:

— Несерьезных предложений советское руководство не вносит, тем более на таком важном форуме, как этот.

Даллес собирался добавить что-то еще, но тут к нам приблизился Эйзенхауэр, направлявшийся к выходу.

— Мы, — заявил он, — должны сказать вам, господин Громыко, что советское предложение будет нами тщательно обдумано, так как вопрос этот серьезный.

И тут у него все-таки появилась улыбка. Правда, она сразу же и погасла. Получилось так, что сказанное Эйзенхауэром явилось как бы ответом Даллесу на то, о чем тот только что меня спрашивал. На этом наш разговор и закончился.

В дальнейшем, на встречах четырех делегаций в полном

составе, у руководителей западных держав, по всему было видно, не возникало желания обсуждать этот вопрос. Они попросту чурались его. Изредка, когда это предложение упоминалось, на их лицах появлялась загадочная улыбка авгура.[18]

В последующие годы, когда происходили острые дискуссии, в ходе которых участниками высказывались оценки соответственно политики стран НАТО и политики социалистических государств, советская сторона время от времени привлекала внимание западных партнеров к внесенному ею в Женеве предложению. Не один раз я лично напоминал о нем государственным деятелям США. Это были, конечно, другие люди. Мало кто из них имел представление о предпринятом нами шаге.

Объясняется это просто: то, что предложил Советский Союз, политически не могли переварить страны НАТО, на Западе стали его всячески замалчивать. Негласная цензура в этом отношении действовала эффективно.

Жуков по поручению нашей делегации в Женеве нанес визит Эйзенхауэру. Когда он докладывал об итогах этого визита, то оказалось, что в беседе с ним Эйзенхауэр как бы ушел в себя и ограничился малозначительными формальными высказываниями. Его как будто подменили. Из общительного, улыбчивого человека он превратился, по словам Жукова, в манекен без эмоций. Я видел, что Жукова все это смутило.

Президент США и его правая рука — государственный секретарь Даллес в дальнейшем выступали в Женеве с неизменно жестких позиций, вовсе не нацеленных на договоренность западных держав с Советским Союзом ни по германскому вопросу, ни по вопросам, касающимся ликвидации военных баз на чужих территориях. И это только подтвердило впечатление Жукова от его беседы с Эйзенхауэром.

Отмечу здесь, что, когда наша делегация возвращалась домой, Жуков высказал справедливую мысль о том, что Советскому Союзу надо держать «порох сухим». Ее, конечно, разделяли и другие советские участники совещания.

Георгий Константинович Жуков

Кто в нашей стране не знает имени полководца, прошедшего путь от солдата до маршала и министра обороны СССР?

Да и за рубежом среди людей, помнящих вторую мировую войну, мало найдется тех, кто не слышал бы о нем. О Жукове писали и друзья, и недруги Советского Союза. Все без исключения неизменно признавали его выдающийся военный талант. Это относится особенно к тем, кто лично знал маршала.

Немало по его адресу было сказано в разное время теплых слов и Эйзенхауэром. В 1959 году он говорил мне:

— Я восхищен полководческим дарованием Жукова и его качествами как человека.

Это было во время визита к президенту США министров иностранных дел СССР, Англии, Франции и США, прибывших в Вашингтон из Женевы для участия в похоронах бывшего государственного секретаря Даллеса.

Так же высоко отзывался Эйзенхауэр о Жукове в беседе со мной, состоявшейся позднее, в том же году, в Кэмп-Дэвиде. Американский президент вспоминал:

— Когда я был главнокомандующим союзными войсками в Западной Европе, то мы все — и я, и мои подчиненные, и генералы, командовавшие союзными воинскими соединениями, — буквально затаив дыхание, следили за победным маршем советских войск под командованием Жукова в направлении Берлина. Мы знали, что Жуков шутить не любит, если уж он поставил цель сокрушить главную цитадель фашизма в самом сердце Германии, то непременно это сделает. Сомнений на этот счет не было. Мы видели, что, несмотря на бешеное сопротивление гитлеровских войск, на всем протяжении советско-германского фронта инициативу прочно удерживала наступавшая Красная Армия. Это были справедливые слова президента.

С маршалом Жуковым мне довелось встречаться много раз, особенно после моего назначения министром иностранных дел. Он являлся тогда министром обороны. В память врезались две встречи. Одна из них — во время совместной поездки в апреле 1957 года в Бухарест для подписания советско-румынского соглашения о правовом статусе советских войск, временно находившихся на территории Румынии. Другая — в конце мая 1957 года во время поездки с аналогичной целью в Венгрию.

Когда мы летели в самолете, то садились рядом, быстро находили общие темы для разговора. Вот и тогда по пути в Румынию состоялась интересная беседа. Жуков говорил о

минувшей войне.

— В достижении победы, — подчеркивал он, — наряду с другими важными факторами многое зависело от стойкости солдат и офицеров Красной Армии. В ходе войны преимущество в этом все больше и больше оказывалось на стороне Советских Вооруженных Сил, которые сражались против агрессора, за свою Родину и за избавление народов других стран от фашистского порабощения. Этот дух уверенности в нашей победе мы всемерно поддерживали у всех воинов — от рядового до генерала.

Мне запомнились энергичные высказывания маршала по поводу того, какую важную роль сыграли суровые меры по укреплению дисциплины в войсках, особенно на заключительном этапе войны. Требовалось не допустить расслабления и беспечности. Принятые меры положительно сказались на боеспособности нашей армии. Эти высказывания Жукова, видимо, диктовались тем, что, как известно, он лично имел отношение к весьма строгим акциям, направленным на поддержание высокого уровня дисциплины советского воина.

С нескрываемой радостью говорил Жуков об успешных испытаниях нового ракетного оружия, уже поступавшего на вооружение Советской Армии. В то время еще не существовало межконтинентальных баллистических ракет, но в войсках крупных держав уже появилось грозное ракетное оружие. Он назвал параметры дальности уже испытанных наших ракет. В беседе я напомнил Жукову:

— С момента появления ядерного оружия США упорно возражали против наших предложений о прекращении производства и запрещении этого оружия вообще. Они стремились во что бы то ни стало сохранить американскую монополию на ядерное оружие, полагая, что СССР еще долго не будет его иметь.

Жуков в этой связи сказал довольно резкие слова по адресу вашингтонских политиков и стратегов, рассчитывавших получить устойчивое военное превосходство над Советским Союзом.

Когда мы уже находились в Бухаресте, то после всех официальных встреч вечером как бы продолжили беседу, начатую в самолете. Хорошее настроение не покидало маршала. Я замечал, что он всегда чувствовал себя менее скованно, если находился не в обществе Хрущева. Полководца Жукова знали все, особенно те, кто принадлежал к старшему поколению.

Жуков стал в тот вечер кое о чем вспоминать. Я задал ему вопрос:

— Георгий Константинович, ты хорошо знаешь, что народ тебя уважает, просто любит. Если бы среди героев существовала

какая-то градация, то люди, наверно, высказались бы за то, чтобы тебе присвоить ранг героя из героев. Даже школьники с восторгом говорят о тебе как об одном из главных авторов Победы в войне. А среди взрослых разве есть в нашей стране человек, который не знал бы, кто такой Жуков?

Маршал заявил в ответ:

— Судить о моих делах и на войне, и в мирных условиях — дело, конечно, народа и партии.

Говорил он спокойно, держался просто.

— Я думаю, — сказал он, как бы рассуждая, — что сделал кое-что нужное. Все ли, что мог, не мне судить. Возможно, и не всем деятелям нравится, что люди ценят мою работу. У Сталина ко мне тоже было неровное отношение. Но в трудные моменты он всегда находил и умел использовать нужные слова, чтобы высказать их по моему адресу.

Мне понравились эти трезвые раздумья вслух, которые исходили от прославленного воина. Ведь не секрет, что в годы войны одно имя Жукова умножало силы той армии или того фронта, где он появлялся.

— Георгий Константинович, я бы хотел задать тебе деликатный вопрос, который, наверно, не раз уже задавали представители прессы, да и друзья-товарищи: часто ли тебя беспокоила проблема личной безопасности, особенно когда происходили горячие сражения? Ведь хорошо известно, что Жуков мог появиться в самых неожиданных местах. Маршал подтвердил:

— Да, такой вопрос мне не раз задавали, в том числе и члены моей семьи. Разумеется, говорили об этом уже после войны.

А потом так же спокойно, как и до этого, сказал о собственном наблюдении:

— Прежде всего должен отметить, что нет человека, который не опасался бы пули, особенно когда происходит сражение. Но ведь командир, особенно это относится к высшему командному составу, так поглощен ходом сражения, что вопроса о личной безопасности для него, как правило, не существует.

В его словах я не видел ни позы, ни рисовки. Он говорил, и я в этом убежден, откровенно, чистосердечно, искренне.

— И я, — заявил он далее, — вовсе не хочу себя выделять особо. Моим адъютантам часто от меня попадало за соответствующие напоминания.

Тут он сослался на то, как погиб Черняховский. Командующего 3-м Белорусским фронтом Ивана Даниловича Черняховского убило в Восточной Пруссии, неподалеку от городка Мельзан, осколком шального снаряда, разорвавшегося сзади машины, в которой ехал генерал армии. Обстановка на

участке фронта возле окруженного Кенигсберга, где все это произошло, в тот зимний день последнего года войны была вроде бы и не напряженной.

— Случай? — спросил Жуков. — Да, случай, и от него никуда не уйдешь.

То, что говорил маршал, вполне согласовывалось с тем представлением о нем, которое сложилось у меня и ранее.

Беседы с Георгием Константиновичем во время поездок в Румынию и Венгрию дали мне возможность гораздо лучше узнать его.

Ему, выдающемуся полководцу, по праву принадлежит первое место среди советских военачальников времен второй мировой войны. Он из тех, кто непосредственно руководил войсками в боях с коварным и жестоким врагом. Сами события поставили его на это первое место.

Поэтому я не собираюсь оценивать его полководческий талант. Речь пойдет о его политическом мышлении, относящемся к ведению войны и к ее победному завершению.

Обратил я внимание на то, что Жуков более охотно высказывал свои мысли о том периоде, который последовал за победой под Сталинградом. Его можно было понять. Яркий полководческий талант маршала, умение вести от победы к победе миллионные армии воинов со всей силой проявились особенно тогда.

Обращало внимание и то, что он совершенно не упоминал о роли Хрущева в каких-либо военных операциях или в их подготовке. Это, конечно, не было случайным. К тому же следует иметь в виду, что сам Хрущев довольно часто любил вспоминать свои поездки на фронт и контакты с некоторыми военными.

В нашей литературе последнего времени стали появляться сообщения о том, будто Жуков признавал, что вина за неподготовленность Советских Вооруженных Сил к тому, чтобы встретить во всеоружии армии фашистского агрессора, лежит и на советских военных руководителях. Такой мысли в рассуждениях Жукова я не улавливал. Но зато помню, как он четко, по-военному сформулировал свое отношение к довоенному строительству Вооруженных Сил и укреплению обороноспособности страны:

— До войны решения о довооружении армии принимались с большим опозданием, и это — главное.

Другими словами, он считал, что вина за это падает в первую очередь на политическое руководство, и допускал, что решения на высшем уровне отрицательно сказывались на военной стороне дела.

С горечью прославленный воин говорил о том огромном вреде, который накануне войны нанесла стране расправа Сталина с высшим эшелоном военных командиров.

— Конечно, я считаю их всех невинными жертвами, — утверждал Жуков. — Особенно чувствительной для армии и государства была потеря Тухачевского.

Между прочим, Жуков не высказывался подобным образом в присутствии прежних членов Политбюро.

Иногда люди, знакомые с Жуковым, особенно журналисты, отмечая его заслуги перед страной, не упускали возможности подчеркнуть его резкость и жесткость как военного лидера. Притом давали описание его поведения во время бесед с ними. Преподносилось все так, будто он просто отличался несдержанностью. Можно допустить, что на фронте, тем более в ходе сражения, он бывал резок и, как говорят, в карман за словом не лез.

Но в обычной обстановке, даже в ходе острой дискуссии — а я наблюдал такие случаи не раз, — он никогда не терял контроля над собой. Более того, он всегда являл собой образец корректности, даже когда чувствовалось внутреннее напряжение. Ни разу я не слышал, чтобы он вспылил и наговорил резкостей.

Мне он известен как человек принципиальный. Решительно утверждаю, что ему незаслуженно приписывают стремление всячески превозносить свою роль в войне и в командовании войсками. Как известно, подобные наветы даже приводили к изменению его официального положения.

Да разве можно осуждать такого человека, как Жуков, за излишнее подчеркивание своей роли в войне, даже если бы это было? Он имеет огромные, всем известные заслуги перед Родиной. Его роль, как драгоценный алмаз, вплетена самой историей войны в венец славной победы нашего народа над германским фашизмом и сверкает в нем, пробуждая гордость у советских людей. Гордость за то, что был в славной летописи нашего государства такой четырежды Герой Советского Союза, кавалер двух высших военных орденов «Победа», легендарный полководец и в то же время живой во плоти человек, сын крестьянина из-под Калуги — Георгий Жуков.

Ворошилов — известный и малоизвестный

Нельзя вспоминать некоторые события прошлого страны, не упоминая о Ворошилове. Это одна из политических фигур, которая требует комментариев, отвечающих месту, действительно занятому им в сталинском окружении. В течение ряда десятилетий его имя всячески превозносилось. Длинную цепочку составляли нанизанные друг на друга его «заслуги». При этом никто и никогда во времена Сталина и в течение многих лет после него глубоко не анализировал роль этого деятеля в истории страны и, прежде всего, в истории ее вооруженных сил. Господствовал чугунный стереотип, от которого никто не осмеливался отступить. Впрочем, если бы кто-нибудь и осмелился это сделать, то ему бы сильно не поздоровилось, а при Сталине было бы и хуже…

Ворошилов принадлежал к числу ближайшего окружения Сталина. Перед смертью вождя Ворошилов иногда оставался как бы на обочине. Но вовсе не потому, что он стал для Сталина менее надежной политической подпоркой. Просто Сталин исходил из того, что свой интеллектуальный капитал Ворошилов уже в достаточной степени израсходовал, и вождь не считал необходимым обсуждать при нем некоторые «деликатные» дела, в отношении которых маршал мог выкинуть какой-либо неприятный фортель.

Конечно, образ того Ворошилова, который в течение длительного времени внедрялся в умы советских людей, не так легко было изъять из их сознания. Однако убедительные факты, их обилие, что ранее скрывались под влиянием дирижерской палочки сверху, полностью оправдывают отбрасывание в сторону ранее сложившегося в стране и в партии стереотипа о Ворошилове. Это прежде всего касается его роли в руководстве вооруженными силами.

Даже если взять только его участие в расправе над военачальниками Красной Армии, да к тому же еще в канун войны, то следует ему вынести самый строгий политический приговор.

…Пожалуй, трудно найти в нашей стране пожилого человека, который не знал бы Ворошилова или не слышал бы о нем. В годы моей юности о нем слагались песни, как о доблестном командире Красной Армии, а позднее как о наркоме обороны. Разумеется, мне совершенно не стоит браться оценивать его способности в

военной области. Но что касается его работы как одного из политических деятелей и его черт как человека, то в этом отношении кое-что сказать хотелось бы.

Когда фашистская Германия развязала войну против Советского Союза, то Ворошилов вскоре был назначен главнокомандующим войсками Северо-Западного направления. Это назначение широкими массами было воспринято с долей удивления. Недоумевал и я.

Ведь Ворошилов выдвинулся в период гражданской войны, когда использовались иная стратегия, иные средства ведения боя и применялась иная военная тактика. Правда, затем с 1925 по 1934 год он был наркомом по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета СССР, а с 1934 по 1940 год — наркомом обороны СССР. Но уже за год до войны на этом посту его сменил маршал С. К. Тимошенко, который оставался наркомом до начала войны.

Не только для военных, но и вообще для многих советских людей не составляло труда понять, что состав нашей армии, новая военная техника, которой располагала страна в годы, предшествовавшие второй мировой войне, и в период самой войны, создали совсем иное по сравнению с гражданской войной положение.

Простил ему Сталин серьезные изъяны в руководстве войсками, когда в первый период войны немецко-фашистские захватчики относительно быстро продвигались на Северо-Западном направлении. Ворошилова всего-навсего перевели на другую высшую командную должность.

Не берусь судить об отношениях между Ворошиловым и другими руководящими деятелями нашей страны в период войны, но кое-что не ускользало от моего внимания. Далеко не всегда Ворошилов присутствовал на заседаниях Политбюро, хотя он был в Москве. С течением времени он стал появляться на этих заседаниях все реже и реже.

В течение 1953–1960 годов он был Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Его пребывание на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР было следствием политической инерции и своеобразным отсветом искусственно созданной в прошлом славы.

Свежестью, тем более новизной мысли и на этом посту он не отличался. Более того, он проявлял иногда непонятную мелочность, вызывавшую удивление даже у его благожелателей.

Однажды на моих глазах состоялось его столкновение с Н. С. Хрущевым. Он заявил:

— Я недоволен тем порядком, который заведен в нашей печати. Она излагает взгляды на явления и факты необъективно, приписывая все положительное только Хрущеву.

Это резкое заявление в отношении Первого секретаря ЦК КПСС, с моей точки зрения, являлось натянутым. Правда, стоит заметить, что к тому времени у самого Хрущева стали проявляться элементы культа собственной личности, хотя партия и народ еще не остыли от впечатлений, которые произвел его доклад на XX съезде КПСС.

Ворошилов явно считал, что его «затирают».

В ответ Хрущев со свойственной ему горячностью дал отповедь. И в свою очередь сделал это в не менее резкой манере.

В этом «поединке», конечно, больше резона было в позиции Хрущева. Но Ворошилов так и остался при своем мнении.

Помнится и такой казус. Произошел он также в тот период, когда Ворошилов работал Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Звонит он мне и говорит:

— Я тут обратил внимание на то, что в документах, которые представляются Министерством иностранных дел и которые должны направляться в адрес глав иностранных государств, слева стоит подпись Хрущева, а справа Ворошилова. Разве это правильно? Надо бы наоборот.

Я с этим не согласился и пояснил ему:

— На документах такого рода, которые мы посылаем за рубеж за двумя подписями, на первом месте должна, конечно, стоять подпись Первого секретаря ЦК партии.

Ворошилов и здесь остался при своем мнении.

Маршалы Малиновский и Гречко

Не могу не сказать добрых слов и о некоторых других советских военных деятелях, с которыми мне по роду работы приходилось общаться на протяжении многих лет. Речь идет о людях, уже ушедших из жизни. Они, однако, оставили заметный след в истории нашей страны, ее Вооруженных Сил, особенно в период второй мировой войны, а также в послевоенные годы.

Будет, конечно, вполне оправданным остановить внимание читателя на таком советском полководце, как маршал Родион Яковлевич Малиновский. Солдатом прошагал он по дорогам первой мировой войны, участвовал затем в боях с белогвардейцами, а в 1937–1938 годах сражался как доброволец в Испании, где получил первый боевой опыт в борьбе с фашизмом.

Малиновский проявил себя талантливым военачальником в годы второй мировой войны. Он успешно командовал армиями на полях сражений против гитлеровской Германии. Видной стала его роль в качестве командующего войсками Забайкальского фронта, принявшими участие в разгроме японской Квантунской армии.

Примерно через полгода после моего назначения министром иностранных дел Малиновский сменил Жукова на посту министра обороны. С тех пор нам приходилось встречаться довольно часто.

Малиновский оставался прежде всего военным, и он это часто подчеркивал. Но крупный пост, который ему был доверен партией и правительством, конечно, открыл перед ним возможность проявить себя и в качестве государственного деятеля. И я должен сказать, что он вполне справился с этим важным поручением.

Начинал беседу Малиновский иногда так:

— Я буду говорить с прямотой военного человека…

Он это и делал.

Любил маршал поспорить, выдвигая возражения, если собеседник, по его мнению, говорил неубедительно. Но разве это качество не присуще каждому, кто глубоко уверен в своей правоте?

Как с трибуны, так и в ходе бесед с товарищами Малиновский не скупился на крепкие слова по адресу тех, кто стал ковать оружие против Советского Союза. Ведь это началось еще тогда, когда пожарища второй мировой войны не успели погаснуть, когда наша страна и многие государства, ставшие жертвами фашистской агрессии, только приступали к залечиванию нанесенных войной ран, хотя слово «раны» далеко не исчерпывает бездны горя, которое принесла на советскую землю преступная

гитлеровская клика, поставленная у власти германским империализмом.

С маршалом Малиновским разговоры на разные темы получались приятными и интересными. Немало часов мы провели в беседах. Так бывало тогда, когда нам удавалось, воспользовавшись перерывом в работе, выкроить время для того, чтобы очутиться на лоне природы.

Малиновский любил охоту. А кто же на охоте не дает простора мыслям, которые, может быть, не всегда приходят в голову в бурном повседневном течении жизни, тем более в столице, где каждый час уже заблаговременно расписан — тут заседания, там совещания, общественные мероприятия, телефонные звонки и многое-многое другое?

Набраться нового заряда сил, да и просто встряхнуться, почувствовать приятную физическую усталость помогала нам обоим охота на дикого кабана, лося и особенно глухаря. Жаль, что нечасто приходилось выезжать на глухариную охоту. Она у нас, любителей-охотников, считается самым лучшим видом этого занятия.

Глухарь — реликтовая птица, обитающая на территории Советского Союза. Он проявляет особую активность в «свадебный» период, который длится примерно 10–12 суток ранней весной. Глухарь знает, на какое дерево ему садиться, чтобы затягивать свою «брачную» песню. А она обычно заставляет сердце охотника биться с такой частотой, которая может напугать любого доктора, если, конечно, ему представилась бы возможность прослушать это сердце в тот момент, когда его обладатель приблизился к заветному дереву с ружьем в руках.

Но прежде чем улыбнется удача обнаружить глухаря, придется пройти по лесу иногда немалое расстояние и по крайней мере раз, а то и два-три упасть в лужу, поскользнувшись на льду, еще не успевшем растаять.

Припоминаю разговор с Малиновским после одной закончившейся для него неудачно глухариной охоты. Он рассказал:

— Я пытался подойти к глухарю на ружейный выстрел. Но тот для исполнения своей «серенады» выбрал дерево так, что незаметно подкрасться к нему оказалось невозможно. Глухарь взвился ввысь. Ускользнул ну прямо как на войне. Похоже, что генеральный штаб глухарей проработал диспозицию весьма эффективно.[19]

Добрую память храню я о встречах и беседах с Малиновским — крупной, яркой личностью в Вооруженных Силах нашего государства.

У меня сжалось сердце от искреннего чувства большой утраты, когда пришла весть о кончине Родиона Яковлевича.

Всегда высокого мнения я был об Андрее Антоновиче Гречко — видном партийном, государственном и военном деятеле. Следует сказать, что Министерство обороны и Министерство иностранных дел, которые мы соответственно возглавляли, постоянно и согласованно взаимодействовали по многим вопросам. И это закономерно.

Пожалуй, каждый советский человек хорошо знает, что внешняя политика с наибольшей полнотой проявляет свои возможности только тогда, когда она опирается на прочную материальную основу — эффективную социалистическую экономику, надежную оборонную мощь и Вооруженные Силы, способные обеспечить безопасность страны, защитить мирный труд советских людей. Это применимо и к военному, и к мирному времени.

С другой стороны, Вооруженные Силы, оборонные мероприятия нашего государства не могут не испытывать на себе влияния советской внешней политики, того, насколько она является эффективной и отвечающей интересам народа и его безопасности.

Рабочие контакты между Гречко и мной носили систематический характер. Они осуществлялись не только на заседаниях Политбюро ЦК КПСС, в состав которого мы были в 1973 году введены по решению Центрального Комитета партии. Не проходило двух-трех дней, чтобы мы не обсуждали те или иные вопросы, где переплетались интересы обороны и внешней политики. В итоге основательных обсуждений вырабатывались предложения, которые, как правило, представлялись в Политбюро за двумя нашими подписями.

Одним словом, с маршалом Гречко у меня существовали тесные дружеские связи. Л. И. Брежнев оказывал поддержку нашей деятельности по проведению активной внешней политики и укреплению обороноспособности страны в соответствии с решениями съездов партии.

По-настоящему я познакомился с Гречко в 1955 году. Тогда он был главнокомандующим Группой советских войск в Германии. Пост этот — важный и ответственный, и по праву его доверили Гречко, как талантливому военачальнику, пользовавшемуся признанным авторитетом.

Уже в первых контактах и беседах с Гречко я убедился, что передо мной не только большой знаток военных проблем. Он мог компетентно высказывать суждения по вопросам, выходящим за рамки чисто военной области, со знанием дела излагая свои

взгляды в отношении внешней политики США, блока НАТО в целом, а также политики других государств.

Положительной чертой Гречко являлось то, что он умел слушать других, никогда не претендовал на то, чтобы его высказывания воспринимались как непререкаемая истина. Он признавал мнение собеседника и соглашался с ним, если убеждался, что его собственное суждение звучало неубедительно или неточно.

Гречко не принадлежал к категории искусных ораторов. Он не считал себя мастером зажигательных фраз, ярких и броских выражений.

Однако в беседе, особенно в узком кругу, Гречко преображался. Его высказывания звучали, как правило, метко. Он умело анализировал факты, сопоставлял их, делал выводы. Неоднократно я с большим интересом беседовал с Гречко наедине, иногда прежде, чем мы оба выскажем свою точку зрения Политбюро ЦК КПСС.

Гречко был видным деятелем — и военным, и политическим. Думаю, что наша историческая наука, особенно военная история, воздаст ему должное как военачальнику, патриоту, коммунисту.

Еще о двух полководцах

Иван Степанович Конев вызывал у советских людей на протяжении многих лет чувство большого уважения. Это относится и к периоду войны, и к послевоенному времени. Он участвовал в руководстве войсками в крупнейших сражениях Великой Отечественной войны — под Москвой, Курской битве, Корсунь-Шевченковской, Висло-Одерской, Берлинской и других операциях.

Его заслуги как крупного военачальника известны партии и народу. Он командовал фронтами. Бесспорно, обладал качествами стратега. Среди военных людей на этот счет существовало и существует единое мнение. Высшим военным орденом Отечества — орденом «Победа» Родина наградила всего двенадцать советских военачальников. Среди них был и маршал Конев.

А разве не о многом говорит тот факт, что на одной из главных улиц Праги воздвигнут памятник этому полководцу? Братская Чехословакия, которую освобождали войска под командованием Конева, чтит его память: к постаменту монумента ежегодно в день освобождения Чехословакии возлагаются цветы.

Конев сложился именно как военный деятель; таким его знают и в Советском Союзе, и за рубежом. Но хотелось бы отметить еще одну черту, присущую этому человеку.

В послевоенный период он являлся главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора и имел отношение к обсуждению некоторых политических вопросов внутренней жизни страны и международной обстановки. Он проявлял живой интерес к германским делам. В этом я убеждался не раз: вместе с маршалом Соколовским мы обменивались с Коневым мнениями по германскому вопросу.

Он несколько раз высказывал мысль о том, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы на немецкой земле возродился милитаризм.

Все, что касалось Западной Германии, вызывало его живой интерес. Помню его высказывание:

— Военные люди часто рождают политические проблемы. Но и политики часто рождают военные проблемы.

Справедливость этих слов невозможно не признать.

Конев временами приобщался и к вопросам внешней политики. Хорошо помню его поездку в Юго-Восточную Азию. Поручение ЦК партии он выполнил успешно. Никогда не

жаловался на то, что его отвлекают от дел военных на занятия политикой, к чему он никогда не готовил себя.

Однажды требовалось рассмотрение важного внутреннего вопроса. Конев в это время оказался в заграничной командировке. Его срочно возвратили в Москву, и он принял активное участие в решении дел внутренних.

Знал я Конева как человека в высшей степени дисциплинированного. Он сам являлся таковым и воспитывал подчиненных ему командиров всех рангов в духе преданности своему делу, партии, Родине и четкого выполнения обязанностей, которые на них возложены.

— Иногда, — сетовал Конев, — меня считают человеком, который преувеличивает значение дисциплины. Но я стою не за бездумную дисциплину, а за осознанную, ту, которую прочувствовал подчиненный.

А потом с решимостью, свойственной военному, добавлял:

— Без дисциплины, и притом сознательной, нет и не может быть боеспособной армии.

Был я свидетелем этого разговора в кругу некоторых членов нашего руководства.

В одной из бесед со мной Иван Степанович как бы между прочим бросил фразу:

— Откровенно говоря, мне очень жаль, что век кавалерии кончился. Когда-то я мечтал связать свою судьбу с этим родом войск. Даже как-то еще в гражданскую войну говорил об этом с лихим кавалеристом, комдивом в Первой конной армии Иосифом Родионовичем Апанасенко. А был я тогда комиссаром бронепоезда, поэтому кавалеристом так и не стал.

Я полюбопытствовал:

— Не тот ли это Апанасенко, который в начале двадцатых годов со своей кавалерийской частью находился в Гомеле? Я со своими сверстниками тогда часами наблюдал, как на окраине города гарцевали на конях лихие кавалеристы, как они во время учений на полном скаку отрабатывали рубку саблей. Помню еще, как на митинге перед красноармейцами выступал с речью сам командир — Апанасенко.

Конев ответил:

— Вполне возможно, что это был тот самый Апанасенко. Он, по-моему, после гражданской войны некоторое время служил в Гомеле. Потом он получил повышение, командовал военным округом. В 1943 году генерал армии Апанасенко, заместитель командующего Воронежским фронтом был тяжело ранен и умер от ран в госпитале. А как вы, Андрей Андреевич, попали тогда в Гомель?

— А я, подросток, с отцом был в Гомеле в то время, наверное, всего две-три недели. Мы пригнали плоты по реке Сож для нужд спичечной фабрики. Вот и задержались в городе.

Видел я, что, высказываясь о кавалерии, Иван Степанович говорил искренне. Кстати, он и по своей конституции — стройный, подтянутый — мог легко бы сидеть в седле. Кроме того, он был быстрым в движениях, и даже казалось, что он готов вот-вот пуститься в пляс. Таким же его можно увидеть и в кадрах хроники, снятых в годы войны, когда он командовал последовательно многими фронтами. Один их перечень внушает к нему глубокое уважение: Западный, Калининский, Северо-Западный, Степной, Второй Украинский. Первый Украинский.

О его авторитете свидетельствует и тот факт, что именно его назначили председателем суда над Берией.

Иван Степанович Конев служил как солдат Родины и солдат партии на любом посту, в любой должности, в любой роли.

После окончания второй мировой войны мне приходилось не только встречаться, но и тесно сотрудничать при решении некоторых вопросов с выдающимся военным деятелем нашей страны, Маршалом Советского Союза Василием Даниловичем Соколовским. Они касались преимущественно ГДР, Берлина, советско-западногерманских отношений.

Маршал Соколовский был членом нашей делегации на совещании в Женеве, когда представители союзных держав определяли будущий статус Западного Берлина. В состав советской делегации, помимо меня и маршала Соколовского, входил заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Пушкин.

Конечно, маршала Соколовского наш народ знал со времен войны как заслуженного военачальника. Его фамилия часто упоминалась в приказах Верховного Главнокомандующего, которые издавались после очередных побед Советской Армии. Ему присвоили звание Героя Советского Союза. После войны он занимал ряд крупных командных должностей в Советской Армии, одно время являлся первым заместителем министра Вооруженных Сил СССР.

После первых же контактов с ним легко распознавалось, что имеешь дело с широко образованным человеком. Конечно, его главные заслуги относятся к периоду войны, и нет необходимости говорить о них подробно. Но хотелось бы подчеркнуть, что, когда началась полоса обсуждений вопросов военно-политического характера, а то и чисто политических, возникших в результате войны, маршал Соколовский внес также немалый вклад в их решение. Его мнение всегда принималось в расчет, когда

советская делегация собиралась для подготовки к соответствующим заседаниям. Прислушивались к его словам и на пленарных встречах делегаций союзных держав, когда шли дискуссии по проблемам, внесенным в повестку дня.

На первый взгляд несколько медлительный в движениях и в выражении своих мыслей, он тем не менее всегда отличался строгостью и четкостью в суждениях, высокой компетентностью в военных делах. Он оказывал существенную помощь, когда бурно обсуждался вопрос о Западном Берлине. Как известно, к достижению Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину от 3 сентября 1971 года вела длинная дорога. Взвешивались разные варианты, в том числе и возможность объявления Западного Берлина «вольным городом». В ходе длительных переговоров на ряде встреч союзники наконец пришли к согласию. Тем самым они развязали один из наиболее чувствительных «узлов» напряженной обстановки в Центральной Европе.

Не один раз я становился свидетелем того, как в неофициальной беседе маршал Соколовский делился своими воспоминаниями о минувшей войне, в частности о том, какое впечатление у него сложилось о немецком солдате. Ссылаясь на некоторые факты, относящиеся к допросам германских военнопленных, он рисовал образ людей, которых гитлеровская камарилья разучила думать.

— Пленные часто повторяли, — говорил он, — заученные, даже вызубренные наизусть слова и фразы. В лексиконе военнослужащих вермахта фигурировали выражения их непосредственных начальников — вышестоящих офицеров, главаря нацистской пропаганды Геббельса и самого фюрера. Пленные твердили одно и то же. А по сути их мысли состояли из чисто расистских выражений Гитлера, из ссылок на потребность немецкой нации в землях, которые Германии не принадлежат и являются для нее чужими. Иногда создавалось впечатление, что перед нами люди, совершенно отученные мыслить по-человечески.

В течение многих лет маршал Соколовский был главнокомандующим Группой советских войск в Германии. Он умело и с достоинством по согласованию с руководством Германской Демократической Республики находил решение соответствующих вопросов. Друзья в ГДР высоко ценили уровень ведения дел и такт этого военного деятеля, который проявлялся им в ходе выполнения своих высоких обязанностей.

Адмирал флота

Не могу не высказать свое мнение о выдающемся военном деятеле, Главнокомандующем советскими военно-морскими силами в годы Великой Отечественной войны, Герое Советского Союза Николае Герасимовиче Кузнецове. Этот человек прошел путь от рядового матроса Северо-Двинской военной флотилии до Адмирала Флота Советского Союза. Основательно познакомился я с ним в Ялте во время конференции руководителей трех союзных держав в феврале 1945 года.

Заслуги адмирала Кузнецова перед Родиной велики, и одна из основных состоит в том, что он перед началом Великой Отечественной войны сумел привести все флоты в боевую готовность и не допустил, чтобы гитлеровцы осуществили внезапное нападение на советские военно-морские базы. Наш флот в основном был сохранен и в течение всех четырех лет войны, помимо того что воевал на море, еще и активно помогал армии на суше и в воздухе.

В последние годы о Кузнецове появилось немало публикаций. Они касаются разных этапов его многогранной работы. С моей точки зрения, оценка ей дается разумная. Во всяком случае то, что он рассказывал мне в Крыму, а затем и после Ялтинской конференции, не противоречит тому, о чем сообщается в печати авторами, которые близко знали наркома Военно-Морского Флота СССР. Именно в этом качестве он принимал участие и в конференции.

Прежде всего хочу выделить его высокую компетентность в делах. Он глубоко разбирался в проблемах как советского флота, так и военно-морских сил других стран, свободно оперировал необходимыми цифрами, умело пользовался фактами.

В дни конференции я спросил его:

— В каком состоянии находится сейчас флот гитлеровской Германии?

Ответ Николая Герасимовича был таким:

— Совершенно определенно могу сказать, что флот агрессора находится в состоянии издыхания. Несмотря на отчаянные попытки гитлеровского командования парализовать действия кораблей союзников в океанах и морях, у него ничего не получилось. И дело не столько в качественном преимуществе военно-морских сил союзных держав, сколько в их огромном количественном перевесе. Советский Союз может гордиться тем, что, несмотря на потери, наш ' флот, можно сказать, выжил. Он достойно выполнял и продолжает выполнять свое

предназначение. Сталин в целом был доволен состоянием дел в наших военно-морских силах.

Потом Николай Герасимович добавил:

— Хотя и не часто, но Сталин мне лично заявлял, что советские военно-морские силы в целом справляются со своими задачами. Правда, не раз он делал и критические замечания. Мне доставалось кое за что…

При этом он сделал многозначительный жест, но не стал уточнять, за что конкретно ему «доставалось».

Обратил я внимание тогда на то, что нарком военно-морского флота не проронил ни слова, когда Сталин и другие советские участники конференции заслушивали сообщение начальника Генерального штаба армии А. И. Антонова о положении на советско-германском фронте. Никто не задавал вопросов, касающихся действий советских военно-морских сил. Считалось, что они ведут эти действия в основном на суше. Что ж, это была правда. Но ведь и военно-морские силы тоже мужественно выполняли свою роль и активно помогали нашей армии на всех этапах войны. Но об этом не говорилось.

В то время адмирал Кузнецов постоянно присутствовал в зале во время заседаний глав делегаций. Каких-либо признаков недовольства со стороны Сталина наркомом военно-морского флота никто, в том числе и я, не замечал.

Не слышал я, чтобы Николай Герасимович как-либо критически высказывался в адрес тех или иных лиц командного состава советского военно-морского флота. Напротив, о некоторых он говорил в высшей степени положительно. Например, адмиралу флота Ивану Степановичу Исакову дал емкую и лестную характеристику:

— Считаю его крупным военным теоретиком.

Затем мы с адмиралом Кузнецовым встретились на Потсдамской конференции.

Была в годы войны такая форма снабжения нашей страны материалами и товарами по ленд-лизу из США, как конвой. Адмирал отвечал за благополучный подход конвоев к нашим портам и их разгрузку. Мне представлялось это особенно важным в беседе с ним, поскольку за организацию их и направление из США в СССР я, как посол, в какой-то степени тоже отвечал. Рассматривалось три варианта конвоев: через Тихий океан, через Иран и через Атлантику.

Фактически действовали два из них. Через Тихий океан, в основном с западного побережья во Владивосток. Там шли советские транспорты под нашим флагом. Японцы потопили некоторые из них. Другой путь лежал Атлантикой с остановкой в

Исландии, а затем в Архангельск и Мурманск. На этом пути разворачивались жестокие сражения, погибало много людей и грузов. Кузнецов говорил:

— Самым напряженным периодом мы считали сорок первый и сорок второй годы. К концу сорок третьего усилия противника стали ослабевать.

В целом, конечно, помощь союзников играла свою роль, но она не могла оказать решающее воздействие на весь ход войны, которую вели наша армия и народ. Известно, что только четыре процента приходится на те грузы, которые Советский Союз получал по ленд-лизу, из общего объема военных материалов, в которых нуждался фронт. Остальные 96 процентов советский народ сам изготовил и поставил сражавшимся воинам.

После Потсдамской конференции я встречал Кузнецова нечасто. Впоследствии в отношении его были применены жесткие, несправедливые меры, отразившиеся и на его положении, и на воинском звании.

Вероятно, в нашей истории судьба адмирала Кузнецова по-своему уникальна: он — тот редкий деятель, который был дважды сурово наказан и дважды — реабилитирован.

В первый раз в 1945 году в результате доноса, нелепых «доказательств вины» и инсценировки «суда чести» заслуженного флотоводца, Главнокомандующего военно-морскими силами страны разжаловали и направили на Дальний Восток. Однако уж очень явной оказалась выдумка и шито белыми нитками «обвинение». Сам Сталин в 1951 году вернул его в Москву и назначил на пост военно-морского министра СССР.

Во второй раз — шел 1955 год, и все произошло уже при Хрущеве — его опять несправедливо разжаловали и отправили в отставку.

Вполне заслуженно звание Адмирала Флота Советского Союза ему возвратили, но только в 1988 году, после его смерти.

В моей памяти он остался как человек большого таланта, отдавший себя без остатка Родине на том посту, который занимал и в годы войны, и после нее.

Доктрина вмешательства и крен от нее

Спустя сравнительно непродолжительный период времени после Женевского совещания руководителей четырех держав Вашингтон пошел на ужесточение курса своей политики «с позиции силы», «балансирования на грани войны». Самым рьяным ее глашатаем стал государственный секретарь США Даллес, который все больше прибирал к рукам руководство американской внешней политикой, особенно когда здоровье президента Эйзенхауэра пошатнулось.

Все это нашло отражение в официально провозглашенной в 1957 году «доктрине Эйзенхауэра — Даллеса». В соответствии с ней США присваивали право на применение военной силы для навязывания своего господства на Ближнем и Среднем Востоке. Доктрина предусматривала противодействие национально-освободительному движению, грубое вмешательство во внутренние дела стран и народов этих районов под предлогом борьбы против «коммунистической угрозы». И она, разумеется, находилась в резком противоречии с нормами международного права, Уставом ООН.

Советский Союз неоднократно указывал на опасный для мира характер «доктрины Эйзенхауэра — Даллеса», которая и в открытой, и в скрытой форме широко применялась — достаточно напомнить здесь об империалистических заговорах, которые плелись уже в то время против независимости Сирии, об агрессивных действиях, предпринятых США в 1958 году в Ливане, — и получила дальнейшее развитие прежде всего в ближневосточной политике США, что дает себя знать и сегодня.

Как и следовало ожидать, пронизанная экспансионизмом политика Вашингтона, несовместимая с коренными интересами других народов мира, стала временами давать серьезные осечки. Это привело к тому, что Эйзенхауэр, продолжая твердить о необходимости для Запада в целях поддержания мира следовать политике «с позиции силы», вынужден был сделать известный крен в сторону налаживания политических контактов с СССР. Он и пригласил главу Советского правительства Н. С. Хрущева посетить США с официальным визитом.

Этот визит состоялся в сентябре 1959 года. В ходе советско-американских бесед стороны обменялись мнениями по широкому кругу вопросов, относящихся и к двусторонним связям между СССР и США, и к делам международным. Важное место заняло

обсуждение проблем мирного урегулирования в центре Европы, и в частности обстановки вокруг Западного Берлина. С советской стороны подчеркивалась необходимость решения этих проблем на согласованной основе, на базе заключения германского мирного договора, нормализации положения в Западном Берлине и вокруг него. Позиция, которую заняли США, не открывала возможности прийти к таким решениям. Удалось, однако, достигнуть договоренности о том, что переговоры о Западном Берлине должны быть продолжены, а в мае 1960 года будет проведена новая встреча глав правительств четырех держав.

На протяжении всего визита советской делегации Эйзенхауэр проявлял по отношению к ней предупредительность. Он старался создавать для переговоров благожелательную атмосферу и в общем стремился предстать как деятель, желающий конструктивных отношений между США и СССР.

Подобные намерения Эйзенхауэра отразились и в том, что он пригласил главу Советского правительства, а также сопровождавших его лиц в свою загородную резиденцию — Кэмп-Дэвид, где беседы продолжались. Эта резиденция находится примерно в 75 километрах от Вашингтона и расположена в лесистой местности на восточном склоне горного кряжа Катоктин на высоте около 1100 метров. Резиденция состоит из нескольких деревянных коттеджей, выкрашенных в зеленый цвет, и обнесена высокой изгородью из металлической сетки с натянутой поверх нее колючей проволокой. Чем не крепость?

Основной коттедж представляет собой простой одноэтажный деревянный дом с небольшим центральным залом посредине и несколькими спальнями в крыльях. В зале имеется массивный камин.

Впервые это дачное место стало использоваться в качестве загородной резиденции президента в начале второй мировой войны при Рузвельте. Он назвал ее «Шангри-Ла» по имени вымышленной страны вечной молодости, о которой повествует пользовавшийся в свое время большой популярностью роман писателя Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт».

Рузвельт часто, особенно летом, выезжал в эту загородную резиденцию, чтобы уединиться и отдохнуть там от городской суеты и насыщенной влагой духоты Вашингтона. Его преемник Трумэн, напротив, ездил туда редко.

Эйзенхауэр возобновил использование резиденции, переименовав ее в Кэмп-Дэвид (что по-русски значит «лагерь Дэвида») в честь своего внука. С тех пор она сохраняет это название. Вообще у американцев существует какая-то тяга давать названия даже отдельным местам, где стоят два-три дома, а то и

вовсе один. Они с легкостью их и меняют. Иногда видишь небольшой домик, у нас бы его назвали просто «хатой». А в США название домишка — «Золотая скала» только потому, что рядом с ним лежит какой-то коричневый камень высотой не больше двух метров.

В Кэмп-Дэвиде американские президенты нередко принимают зарубежных гостей, в том числе на высшем уровне. Эта резиденция соответствующим образом приспособлена для такого рода встреч, в чем я неоднократно имел возможность убедиться.

Любопытны эпизоды, относящиеся к визиту Хрущева в Вашингтон. Как-то перед началом намеченной беседы на самом высоком уровне — Хрущев еще не подошел — Эйзенхауэр присоединился к моему разговору с Даллесом. Президент пожаловался:

— У меня здоровье стало пошаливать.

Выглядел он действительно каким-то усталым. Потом добавил:

— Непорядок с сердцем. Оно стало меня подводить, и с этим теперь приходится считаться.

Мы с Даллесом сочувственно молчали, а он продолжал:

— Если бы я немного получше знал медицину, то мог бы избежать инфаркта, который недавно перенес. Оказывается, надо было перед сном выпивать рюмку коньяку.

При этом он улыбнулся. И чтобы показать, что все это он говорил вполне серьезно, поспешил сослаться на авторитет:

— Это не мое мнение. Так считает мой лечащий врач — известный американский кардиолог профессор Уайт.

Академик Е. И. Чазов как-то сообщил мне, что Уайта он хорошо знал как крупного специалиста. Этот врач помогал президенту некоторое время бороться с тяжелой болезнью. Однако сердечный недуг не оставил Эйзенхауэра. Вскоре он и свел его в могилу.

Перед отъездом из Вашингтона в связи с завершением визита в США глава Советского правительства пригласил Эйзенхауэра и ряд министров его администрации на обед в наше посольство.

Моей соседкой по столу оказалась супруга президента Мэмми, как ее несколько фамильярно и нежно называли американцы. Она доброжелательно высказывалась о советских людях:

— Вы много пережили. Вам было очень трудно в годы войны — мы это хорошо знаем. Мы знаем, как много жертв принесли вы для победы.

Тем не менее и она отдала дань политической моде, принятой в США и в те времена, да и сегодня тоже.

— Но Советский Союз, видимо, ставит целью навязать силой другим странам свои порядки. Об этом у нас часто пишут. Так думают многие в США. Правда ли это?

Нелепая выдумка, культивируемая в США, как видно, дошла и до дам «высшего света».

Естественно, моей соседке в соответствующей форме пришлось разъяснить истинное положение вещей в вопросе о соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела других стран. Я также сказал:

— Советский Союз строго следует этому принципу в своей внешней политике. Не верьте всяким выдумкам о нашей стране.

Мэмми реагировала на это своеобразно. Она с подкупающей непосредственностью заметила:

— У нас почему-то о том, что вы сказали, совсем не пишут. Да и в Библии про это я тоже не читала. Библия — моя настольная книга.

Мне не оставалось ничего другого, как, сохраняя серьезность, в этом вопросе поддержать собеседницу:

— В Библии об этом, — сказал я, — действительно ничего не написано.

В целом затрагивавшиеся и Эйзенхауэром, и другими представителями администрации во время этой встречи вопросы обсуждались в том ключе, в каком все происходило на состоявшихся ранее переговорах. Вместе с тем мы отмечали, что наши гости несколько смелее высказывались о важном значении союзнического сотрудничества США и СССР в борьбе против общего врага в годы войны, о том, что налаживание устойчивых отношений между двумя странами отвечало бы интересам их народов, служило бы делу мира.

Что касается итогов самого визита, то он прошел в общем в деловой обстановке, хотя реального сдвига в отношениях не произошло. Это и отразил дух совместного итогового документа.

Запоздалое прозрение Эйзенхауэра

Вскоре, однако, произошло событие, которое привело к осложнению в советско-американских отношениях. Негативным образом сказалось оно в какой-то степени и на международной обстановке. Это событие оставило определенный, далеко не положительный след также в биографии Эйзенхауэра как государственного деятеля. Речь идет о вторжения 1 мая 1960 года в воздушное пространство СССР американского шпионского самолета У-2, сбитого советскими ракетчиками в районе Свердловска.

Факт преднамеренной, спланированной провокации был налицо. Его подтвердил и пилот этого самолета Пауэрс. Но Вашингтон вел себя вызывающе, пытаясь отрицать очевидное. Уж очень не хотелось администрации и лично президенту брать на себя ответственность за провокацию. Хотя стало ясно, что ответственность за все это падает и на президента.

Советский Союз справедливо требовал от правительства США извинения за совершенную им преступную акцию. Он так и поставил» вопрос на предварительной встрече глав правительств СССР, США, Англии и Франции, состоявшейся 16 мая в Париже, куда они съехались в соответствии с ранее достигнутой договоренностью для проведения совещания на высшем уровне.

О напряженности момента можно судить по обстановке, в которой проходила эта встреча.

В зале заседаний собрались главы делегаций. Первым вошел Хрущев, а с ним — министр обороны Малиновский и я. Сразу мы направились к своим местам. Стоя у стола, поджидали остальных.

Через две-три минуты вошел Эйзенхауэр со своими министрами. Он сделал было движение от своего места, чтобы направиться к главе Советского правительства. Но, встретив его холодный, я бы сказал, леденящий взгляд, все понял и остановился. Взаимные приветствия не состоялись. И два деятеля даже не пожали друг другу руки.

Президент Франции де Голль и глава английского правительства Макмиллан обменялись с участниками встречи обычными рукопожатиями с соблюдением необходимой корректности.

В целом вся эта своеобразная увертюра оказалась плохим предзнаменованием. Вовсе не требовалось дара троянской Кассандры,[20] чтобы предсказать эвентуальный исход встречи. А ведь она при нормальных условиях могла бы в какой-то мере способствовать смягчению отношений между четырьмя

державами, снижению международной напряженности.

После нескольких слов, произнесенных де Голлем, слово взял Хрущев. Он сказал:

— Совещание может начать свою работу в том случае, если президент Эйзенхауэр принесет свои извинения Советскому Союзу за провокацию Пауэрса.

Эйзенхауэр еле слышным голосом, скорее для себя, чем для других, заявил:

— Подобных извинений я приносить не намерен, так как ни в чем не виноват.

Все участники встречи поняли, что оставаться сидеть на своих местах — значит начать состязание в том, кто кого пересидит. Поэтому все, не произнося ни слова, покинули зал.

Этот случай, возможно, уникальный в истории. Но так было.

Извинения, которое Советский Союз имел все основания получить, с американской стороны не последовало. И именно поэтому встреча оказалась сорванной. Ее сорвал не Хрущев, ее сорвал Эйзенхауэр.

Президент Франции еще пытался спасти положение. Но из этого ничего не получилось. Де Голль при последующей встрече с Хрущевым дал понять, что Эйзенхауэр в принципе не прав, но ему чуть ли не следует все это простить, вроде как нашалившему ребенку.

Хорошо известно, что линия Эйзенхауэра во внешних делах отличалась большой противоречивостью, широкой амплитудой колебаний. И трудно точно разделить, что в этой линии являлось результатом влияния тех кругов, прежде всего военно-промышленных, которые привели его к власти, а что — результатом его собственных убеждений. Впрочем, эти убеждения, как и непоследовательность действий Эйзенхауэра в международных делах, порождались условиями, в которых формировался он сам и созревали его взгляды, условиями, в которых ему пришлось действовать и в погонах, и без оных.

При этом, однако, следует отдать должное заявлению, сделанному Эйзенхауэром в конце второго срока пребывания на посту президента. Говоря о «союзе колоссальной военной организации и крупной военной промышленности», он заявил:

— Мы должны остерегаться установления неоправданного влияния военно-промышленного комплекса.

Этот вывод заслуживает того, чтобы осесть в уме каждого американца. Тем самым Эйзенхауэр сумел в данном случае подняться на определенную высоту и бросить более реалистический взгляд на положение дел, указать главную причину, вызывающую обострение напряженности в мире.

Ну что ж, на весах, которые взвесят минусы и плюсы в его жизни — и военного, и политика, — указанный положительный факт должен также быть отмечен.

Даллес — кто он?

Часто в США те, кто понимал обстановку, говорили: — Если бы не было Даллеса, то его надо было бы изобрести.

Это — меткое выражение. Оно имеет смысл.

Слуга, верный, убежденный, упорный и по-своему способный, с ожесточением отстаивавший интересы военно-промышленного комплекса, — таким был Даллес. Он занимал пост государственного секретаря США в администрации Эйзенхауэра и, несомненно, оказывал глубокое влияние на протяжении длительного периода на внешнюю политику и дипломатию США.

Даллес родился в 1888 году в Вашингтоне в семье преподавателя богословия. Получил юридическое образование. Его дед со стороны матери — Джон Уотсон Даллес был государственным секретарем США в 1892–1898 годах.

Уже в 1907 году Д. Ф. Даллес входил в качестве секретаря в состав американской делегации на Гаагской мирной конференции, а в 1919 году стал советником делегации США на Версальской мирной конференции. И в последующие годы он выполнял ряд дипломатических поручений. На Версальской конференции его роль считалась небольшой, однако советник из молодых да ранних все же, по общему мнению, являлся одним из вдохновителей известного «плана Дауэса», способствовавшего возрождению германской тяжелой промышленности; через полтора десятка лет Гитлер использовал эту промышленность для подготовки фашистской агрессии и развязывания второй мировой войны.

Теснейшим образом Даллес связал себя с большим бизнесом. Он являлся членом правления ряда промышленных фирм и банков, в том числе «Нью-Йорк сити бэнк» и некоторых других монополистических объединений, возглавлял крупную адвокатскую фирму «Салливен энд Кромвелл», услугами которой, по сообщению американской печати, пользовались шестьдесят компаний, охватывающих почти все отрасли промышленности, а также значительную часть страхования и банков США. Указанная фирма состояла членом профашистской организации «Америка прежде всего», созданной известным американским реакционером Чарлзом Линдбергом. Лично Даллес и его жена жертвовали большие суммы в пользу этой организации.

В 1941 году Даллеса избрали председателем занимавшейся международными делами комиссии Национального совета христианской церкви США, и он занял место на самом реакционном фланге этой организации. В 1944 году он стал вице-

президентом Объединения юристов города Нью-Йорка и председателем комитета по международному праву при этой организации.

Встает вопрос: кем же считать Даллеса — политиком или юристом? И то и другое в нем совмещалось и дополняло друг друга. Вместе с тем мои личные длительные наблюдения за деятельностью этого человека позволяют сделать вывод: уже примерно со времени Версальской конференции Даллес-юрист стал уступать место Даллесу-политику. Свойственное ему тщеславие, поощрение со стороны коллег и друзей придавали ему все больше уверенности в своих силах, хотя на высокую трибуну он еще не вышел.

Будущий глава американского дипломатического ведомства упорно взбирался по служебной лестнице, приобретая опыт, шлифуя свой специфический даллесовский инструментарий в дипломатии.

В годы второй мировой войны его имя уже чаще стало появляться в печати, в частности, в связи с тем, что он стал главным советником губернатора штата Нью-Йорк Дьюи — республиканского кандидата в президенты, соперника Рузвельта на выборах 1944 года в США. Правда, многие еще спрашивали:

— Кто этот Даллес, который вроде бы имеет дело с церковью, а высказывается вовсе не по-церковному?

Его стиль в речах, заявлениях, статьях отличался и угловатостью и резкостью. У Даллеса хорошо ладили культ креста и поклонение мечу, и он упорно шел по избранной дороге. Даллес, и сам ставший крупным миллионером, постоянно и рьяно защищал цели большого бизнеса и внешнеполитические планы США, которые все больше пропитывались духом экспансии.

За деятельностью Даллеса я имел возможность наблюдать в течение примерно пятнадцати лет. На протяжении всего этого периода он проявлял определенную последовательность. Даллес никогда нарочито не приспосабливался к хозяевам Белого дома, кто бы там ни находился. Ни администрация Рузвельта, ни администрация Трумэна не считали этого человека просто мальчиком на побегушках. Выступая по вопросам внешней политики, под сенью Библии, он всегда отстаивал позиции правые, реакционные, отстаивал упорно.

Как уже отмечалось, познакомился я с Даллесом в 1945 году на конференции в Сан-Франциско, хотя о его деятельности знал и до этого. Понимая его влияние, другие советские представители также вступали с ним в контакты.

Фигура Даллеса постоянно маячила на заседаниях Руководящего комитета конференции. С его лица почти не

сходила в это время сдержанная улыбка. Свободу эмоциям он не давал. Мы в советской делегации при его появлении нередко подшучивали:

— Даллес сегодня, наверно, осенит крестом участников заседания.

Даллес внимательно вслушивался в речи и заявления глав делегаций. Сам же с заявлениями как советник не выступал. Работа его носила как бы «внутренний характер». Но ему это пошло впрок. Механизм обсуждения и согласования проблем — это не последний участок работы любой делегации на любой конференции. А для американских делегаций это имеет особое значение, поскольку в них находятся представители часто разных кругов. Поэтому при совпадении общих, принципиальных направлений в политике сказываются часто специфические интересы определенных отраслей крупного бизнеса, ориентирующегося как на внутренний рынок, так и на внешний. Одним словом, Даллес, подобно губке, впитывал в Сан-Франциско опыт первой широкой послевоенной конференции, проходившей после разгрома фашистской Германии.

В то время до нас, советских делегатов, еще не доходила информация о том, что Даллес занимал особо жесткую позицию в отношении Советского Союза. Ведь в то время мир восхищался грандиозностью подвига советского народа в войне, что, естественно, сказывалось на общей атмосфере, в которой проходила конференция.

Однако Даллес шел в русле изменений в американской политике. Вскоре после кончины Рузвельта они произошли. Прошло не так уж много времени с момента окончания конференции, а он стал все чаще и чаще выступать с заявлениями, враждебными по отношению к Советскому Союзу.

Прирожденных качеств оратора, как их обычно понимают, у Даллеса не было. Говорил он медленно, спокойно, негромко. Тем не менее, когда Даллес вскоре набрал силу как официальная политическая фигура, его слова производили впечатление. Всем было ясно, что говорит представитель того монополистического капитала, который правит Америкой.

На последней ступени его служебной лестницы

Участвуя в совещаниях Совета министров иностранных дел в Лондоне (1945 г.), Нью-Йорке (1946 г.) и Москве (1947 г.), Даллес оказывал сильное влияние на формирование позиции правительства США.

В 1948 году Даллес снова занял пост главного внешнеполитического советника республиканского кандидата в президенты Дьюи и, как отмечалось в печати, мог бы стать в случае его победы на выборах государственным секретарем. В начале пятидесятых годов Даллес попеременно занимал ряд постов. Все это делало его в основном каким-то перманентным советником. Пробиться выше ему тогда никак не удавалось. Он принял активное участие в избирательной кампании 1952 года. Являлся автором внешнеполитической платформы республиканской партии, всячески поддерживал кандидата в президенты от этой партии Эйзенхауэра.

На последнюю ступень своей служебной лестницы Даллес уверенно ступил в январе 1953 года, став государственным секретарем в администрации Эйзенхауэра. Президента подпирал в полном смысле слова свой человек.

С этой поры Даллес все время находился на крайнем фланге наиболее воинственного крыла республиканской партии и крупного бизнеса, связанного с военным производством. Его приход на пост государственного секретаря США наложил печать на всю американскую внешнеполитическую и дипломатическую деятельность. Прежде всего это сказалось на советско-американских отношениях. Даллес и «холодная война» считались нерасторжимыми.

Даллесу принадлежала формула: «Балансирование на грани войны». Он упорно доказывал, что такое балансирование — это то, без чего США никак обойтись не могут, и что основывающаяся на нем политика является показателем высокого искусства во внешних делах. С этой формулой в обнимку он прошел до конца пребывания на посту государственного секретаря, а фактически до конца своего жизненного пути.

Правда, за несколько недель до ухода со своего поста по болезни Даллес признал:

— Балансировать на грани войны нужно все же осмотрительно.

Многие даже задавали вопрос: «Что случилось с Даллесом?»

Но это частичное прозрение не наложило заметного отпечатка на его политический портрет.

Имя Даллеса и сегодня по праву ассоциируется с воинственным курсом американской политики, с враждебностью к Советскому Союзу. В этом его могут затмить немногие американские политики.

Что сказать о нем как о человеке? Задача эта нелегкая, так как его вне связи с политикой, которую он исповедовал, и представить трудно.

Во время встреч с Даллесом у меня иногда складывалось впечатление, что он, пока не «раскачается», испытывал известное смущение. Возможно, в этом было что-то деланное. Посмотрит по сторонам, пожмет непроизвольно плечами, потом постепенно разговорится, все еще как бы настраиваясь на определенную волну.

Когда с Даллесом кто-либо беседовал один на один — я это знал и по собственному опыту, — то он постоянно вертелся, как будто у него под рубашкой бегала ящерица. Непрерывно переставлял ноги, если беседа проходила стоя. Редко смотрел собеседнику в лицо, взгляд его часто стрелял мимо. Если речь шла не о внешней политике, не о международных делах, то он мог рассуждать более спокойно. Иногда предпочитал приходить на наши встречи вместе с женой, если предстоял какой-либо прием, обед.

Являлся ли Даллес человеком образованным? Безусловно, да, если судить об этом по стандартам, сложившимся в странах Запада, где система гуманитарного образования строго приспособлена к удовлетворению узких потребностей правящего класса. Деятели Запада, закончившие такие учебные заведения, и сами иногда чувствуют ограниченность своих знаний.

Даллес имел весьма туманное представление о марксизме-ленинизме, хотя банальные критические замечания по его адресу иногда употреблял. Во время одного из моих визитов в Вашингтон Даллес пригласил к себе в гости меня и нашего посла в США М. А. Меньшикова.

В небольшом особняке хозяин принял нас в комнате, которая одновременно являлась и гостиной, и библиотекой. Он с гордостью показывал разные книги, в том числе старинные, которые он читал. Книг было немало.

Желая, видимо, продемонстрировать, что он изучает и марксистско-ленинскую литературу, Даллес подвел нас к одному из книжных шкафов. Там на полках стояли сочинения Ленина и Сталина, изданные в США.

Взяв в руки один из томов, он заявил:

— Вот это Ленин. А вот Сталин. Избранные сочинения. Я занимаюсь сейчас изучением вопроса о диктатуре пролетариата, вникаю в то, что о ней написано. Хочу понять, что под этим подразумевается и вообще, что это такое.

Даллес показал несколько страниц с его многочисленными пометками, с подчеркнутыми строчками, восклицательными знаками. Все свидетельствовало о том, что человек, читавший эту книгу, со вниманием относился к написанному.

Мне удалось посмотреть несколько страниц, перемежавшихся закладками и усеянных замечаниями на полях. Осталось впечатление, что автор записей — активный противник всего того, что он прочитал на данном листе книги. Мы с послом поблагодарили хозяина за гостеприимство и пожелали ему успеха в изучении марксистско-ленинских трудов. Даллес громко рассмеялся. Мы — тоже. Это был показатель того, что обе стороны правильно поняли друг друга.

Впрочем, в последующем Даллес ни разу не попытался блеснуть знанием марксизма-ленинизма или хотя бы некоторых его положений. Он во всех отношениях оставался тем, кто отстаивал интересы своего класса — в государственной деятельности, во внутренней и внешней политике, в теории и на практике.

…Лето 1959 года. Четыре министра иностранных дел СССР, США, Англии и Франции собрались в Женеве на очередное совещание для обсуждения германских дел.

Неожиданно объявили перерыв — умер Джон Фостер Даллес. Он всего за несколько месяцев до этого в связи с болезнью был переведен администрацией с поста государственного секретаря США на должность специального консультанта при президенте США. Теперь, после его смерти, министры по указанию своих столиц должны были лететь в США на похороны.

Шаг был понятный для всех и оправданный.

Вылетели из Женевы мы все вместе. Во время посадки в самолет я вошел и сел поближе к окну. Чуть впереди от меня разместился новый государственный секретарь США Кристиан Гертер. Он имел физический недостаток, ходил на костылях: мы всегда его пропускали вперед.

Где-то в середине пути над Атлантикой ко мне подошел министр обороны США Нэйл Макэлрой.

— Можно присесть рядом с вами, господин Громыко? — спросил министр. — Я хотел бы кое о чем переговорить.

— Пожалуйста. Я готов.

А сам прекрасно понимал, что у министра обороны простых разговоров быть не может. Да и вряд ли он по своей инициативе

стал бы напрашиваться на беседу с министром иностранных дел Советского Союза, тем более что в самолете находился и государственный секретарь США.

Мой сосед начал разговор, как он выразился, о «желтой опасности», иначе говоря, о Китае. Он развивал этот тезис энергично, пытаясь убедить меня в правильности его доводов и мыслей.

— «Желтая опасность», — уверял Макэлрой, — сейчас настолько велика, что от нее отмахиваться просто так нельзя. Более того, ее не только надо учитывать, но с нею надо бороться.

«Куда он гнет?» — подумалось мне. Но вслух я ничего не высказал, слушая собеседника, а тот продолжал:

— Нам стоило бы объединиться против Китая.

Он приостановился, чтобы посмотреть, какой эффект произведут его слова.

Отношения в те годы между СССР и КНР были сложными. Практически по многим линиям они подошли к нулевой отметке.

Выслушав Макэлроя, я сказал:

— У нас с вами, иначе говоря, у СССР и США, важная задача — найти решение острых проблем Европы и добиться улучшения советско-американских отношений.

— Но все же, — заявил Макэлрой, — вопрос здесь есть, и большой. В этом направлении необходимо думать и вам, и нам.

На этом, собственно, разговор на данную тему и закончился.

Конечно, обращало на себя внимание то, что об этом заговорил министр обороны, а не государственный секретарь. Видимо, так было запланировано.

В Москве я информировал Хрущева об увертюре Макэлроя. Он заявил, что ответ, данный американскому министру обороны, был правильный. Видимо, возвращаться к этому вопросу не стоит.

Мировая война не фатальна

Основываясь на объективном анализе общего состояния международных отношений и обстановки в мире, XX съезд КПСС (14–26 февраля 1956 г.) сделал важный вывод о том, что социализм оказывает во многом определяющее влияние на ход мирового развития и что новая мировая война не является фатально неизбежной, так как миролюбивые силы способны не допустить ее возникновения.

В феврале 1957 года состоялось мое назначение на пост министра иностранных дел СССР.

СССР продолжал предпринимать эффективные шаги по смягчению международной напряженности, в поддержку борьбы народов за свое национальное освобождение. Решительное противодействие оказывал он агрессивным происка империализма, которые вызвали возникновение острых кризисных ситуаций, создание опасных военных очагов в различных районах мира.

Примером тому может служить совершенное в апреле 1961 года вооруженное вторжение американских наемников на Кубу в районе Плая-Хирон. Эта акция, закончившаяся позорным провалом интервентов, привела к сильному обострению международной обстановки, в результате чего оказались отодвинутыми согласованные сроки советско-американской встречи на высшем уровне, договоренности о проведении которой стороны достигли ранее.

Цель состоявшейся в Вене 3–4 июня встречи заключалась в установлении первого контакта между главой Советского правительства Н. С. Хрущевым и Джоном Кеннеди, который в ноябре 1960 года победил на выборах и сменил в Белом доме Эйзенхауэра. Имелось в виду обсудить основные проблемы, затрагивающие советско-американские отношения.

Центральное место в обмене мнениями занимали вопросы, связанные с германским мирным урегулированием и Западным Берлином. Советская сторона высказалась за их скорейшее решение. Кеннеди получил разъяснение, что СССР намерен добиваться заключения германского мирного договора. Беседа носила откровенный характер. Хотя она и затянулась дольше, чем намечалось, но прийти к взаимопониманию не удалось. Вашингтон к этому не стремился.

В дальнейшем США и другие западные державы создали своими действиями весьма напряженную политическую ситуацию в центре Европы, особенно вокруг Западного Берлина.

Требовалось дать решительный отпор этим действиям, чтобы оградить законные интересы ГДР, воспрепятствовать реализации замыслов Бонна и его покровителей в отношении Западного Берлина. С учетом всего этого ГДР в тесном контакте с братскими социалистическими странами осуществила 13 августа 1961 года назревшие и вполне оправданные мероприятия по усилению охраны и контроля на границе с Западным Берлином.

В ходе венской встречи позиции сторон резко разошлись и при обсуждении проблем разоружения. Вообще-то американский президент явно пытался на этой встрече оказать давление на советскую сторону. Правда, он впервые признал, что «силы США и СССР равны». В ответ ему было сказано:

— Поскольку такое равенство признается, то из этого надо делать надлежащие выводы для политики.

С Хрущевым по Америке

Казалось бы, по окончании второй мировой войны отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки должны развиваться с учетом того, что обе страны сражались как союзники в войне против гитлеровской Германии. Со стороны СССР неоднократно предпринимались попытки наладить активное сотрудничество в условиях мира. Это стремление находило выражение и при осуществлении личных контактов на самом высоком уровне.

Нелегкой оказалась эта область отношений. Вот характерный пример. Во время президентства Эйзенхауэра состоялся визит Н. С. Хрущева в США. После встреч в Вашингтоне и неподалеку от американской столицы — в Кэмп-Дэвиде советский гость и сопровождающие его лица направились на запад страны. Все соответствовало заранее согласованной программе.

Во время посещения Лос-Анджелеса все мы ощущали сдержанность как официальных лиц США, выехавших вместе с нами из Вашингтона в поездку по стране, так и представителей местных властей. И те, и другие стремились помешать общению Хрущева с местным населением, причем это от нас и не пытались скрывать.

Как Хрущев, так и все сопровождавшие его советские гости пробовали дать понять прежде всего главному из американских хозяев, сопровождавшему нас в поездке, — представителю США при ООН Генри Кэботу Лоджу, что эта сдержанность нам непонятна и неприемлема.

Однако ситуация не улучшилась. Тогда Хрущев в узком кругу советских товарищей заявил, что американцев надо поставить на место. Он сказал:

— Если подобные явления будут продолжаться, то я готов прервать поездку по стране.

Быстро вышагивая по комнате американского отеля, он говорил:

— Если американцы не прекратят мешать нам встречаться с народом, то мы завернем домой. Так нужно и сказать Лоджу. Это, конечно, следует сделать министру иностранных дел СССР.

Все мы, в том числе и я, как министр, поддержали эту мысль. Однако я счел возможным заметить:

— Лучше было бы избежать ультимативной формы нашего представления.

Хрущев отозвался:

— Это можно оставить на ваше усмотрение с учетом того, как

пойдет разговор с Лоджем.

Такой разговор состоялся. Он был кратким и натянутым. Однако возымел действие. Американцы, принимавшие нас, явно посоветовались с Вашингтоном и изменили свое отношение к высокому советскому гостю.

В Сан-Франциско, куда мы прибыли из Лос-Анджелеса поездом, атмосфера была вполне корректная и приемлемая.

В штате Айова — «кукурузной жемчужине» Америки — одним из объектов посещения стало хозяйство крупного американского фермера Росуэлла Гарста. Хрущев с большим интересом осматривал поля, задавал хозяину много вопросов, стараясь понять, как и на чем тот делает большие деньги на земле, которая не так уж и отличается по плодородию от ряда районов нашей страны. Все мы, сопровождавшие гостя, в том числе председатель Днепропетровского совнархоза Н. А. Тихонов, писатель М. А. Шолохов, министр В. П. Елютин, член-корреспондент Академии наук СССР В. С. Емельянов, профессор А. М. Марков и другие, едва успевали за быстрым хозяином и не менее подвижным его главным гостем, которые были погружены в обсуждение «кукурузной» темы. До границ хозяйства мы так и не дошли, оно простиралось далеко.

Немалой помехой при осмотре фермы стала большая группа американских корреспондентов. Ее «подкрепляли» и наши, советские. Представители средств массовой информации так «освоились с обстановкой», что ходить по полям стало почти невозможно. Творилось в прямом смысле столпотворение. Сотни журналистов заполнили все окружающее пространство. Корреспонденты плотной толпой окружали гостя и хозяина фермы. Фоторепортеры искали точку повыше, чтобы снять хоть какую-то панораму, и потому взбирались у фермы на деревья, на сараи, выглядывали из окон верхнего этажа дома, сидели на его крыше. А те, кто снимал с земли, конечно, толкали друг друга, чтобы оказаться поближе к объекту съемки. Суматоха творилась изрядная.

Хрущев и Гарст еле-еле продвигались в сопровождении этой огромной толпы стремящихся везде поспеть репортеров. Они с трудом дошли до силосной ямы, затем — к стоявшим во дворе современным сельскохозяйственным машинам, оттуда — к стойлу для скота.

Гарст сначала упрашивал представителей прессы не мешать гостю осматривать ферму, но эти уговоры не привели к желаемому результату. Тогда он решил прибегнуть к более радикальному средству и стал с силой бросать в корреспондентов початки кукурузы. Эта «мужественная» акция всех развеселила, но

должного впечатления на корреспондентов не произвела. Они свое дело знали и работали в полном смысле слова не за страх, а за совесть.

Позже в своем кругу Хрущев говорил:

— Многое на ферме Гарста мне интересно. Но у меня нет ясного представления о том, как опыт Гарста перенести в наши советские условия. Одно только понятно: каждый квадратный метр кукурузного поля требует внимания и тщательного ухода. Вот этому надо и учить наших людей на селе.

Слова были справедливыми.

Угрозы США по адресу Кубы

Между тем курс внешней политики администрации США вел к новой вспышке напряженности. Эпицентром стала Куба. Остановлюсь коротко на так называемом карибском кризисе, как окрестили многие обострение, возникшее в конце 1962 года в отношениях между СССР и США.

Следует отметить, что и после поражения американских наемников на Плая-Хирон Вашингтон отнюдь не отказался от своего курса в отношении Кубы, вел подготовку новой агрессии против этой страны под тем предлогом, что Куба якобы превращается в «базу коммунистического проникновения в Америку». Одновременно инспирировалась и шумная пропагандистская кампания по поводу «советской угрозы» в этом районе.

4 сентября 1962 года президент выступил с заявлением, в котором пытался поставить под сомнение законность оборонительных мероприятий, осуществлявшихся народной Кубой, и выдвинул жесткие условия в отношении того, что, по мнению правительства США, может и чего не может предпринимать правительство Кубы для укрепления обороноспособности своей страны. В этом заявлении содержались прямые угрозы по адресу Кубы в случае невыполнения ею американских требований.

Советский Союз обратился 11 сентября с призывом к правительству США «не терять самообладания и трезво оценить, к чему могут привести его действия, если оно развяжет войну». В советском заявлении намечался реальный путь к нормализации обстановки в районе Карибского моря.

Однако подготовка империалистического вмешательства в дела Кубы продолжалась. В складывавшихся условиях Советское и кубинское правительства в полном соответствии с нормами международного права достигли договоренности о дальнейшем укреплении обороноспособности Кубы.

Поставка советских ракет на Кубу имела сугубо оборонительный характер и не могла изменить общего баланса сил между СССР и США. При всем том кубинская сторона подчеркивала, что, если США дадут эффективные гарантии, что они не совершат военного нападения на Кубу и не будут помогать другим странам пытаться вторгнуться на остров, Кубе незачем будет осуществлять меры по укреплению своей обороноспособности.

В Белом доме с Кеннеди

В центре карибского кризиса находился вопрос о размещении в 1962 году Советским Союзом ядерных ракет на Кубе по просьбе руководства этой страны и по согласованию с ним. Делалось это во имя укрепления обороноспособности острова Свободы.

Я бы выделил такой факт, который во многом облегчает понимание ситуации, сложившейся тогда, в начале шестидесятых годов.

20 мая 1962 года Н. С. Хрущев возвращался в Москву из Болгарии, где находился с дружественным визитом. Я сопровождал его в поездке и летел с ним обратно в том же самолете.

Когда мы уже некоторое время находились в полете, Хрущев вдруг обратился ко мне:

— Я хотел бы поговорить с вами наедине по важному вопросу. Никого рядом не было. И я понял, что речь пойдет о чем-то действительно очень важном. Хрущев не любил «узких» бесед на политические темы и не часто их проводил. Ему больше импонировали такие разговоры, которые привлекали большое число участников. В подобных встречах он любил вставлять острые словечки, проявлять остроумие, которое высоко ценил.

О чем же он будет говорить со мной? Я решил, что у него созрела или созревает какая-то новая мысль, которой ему необходимо поделиться с человеком, занимающимся по долгу службы внешними делами.

В прогнозе я не ошибся.

Разместились мы в салоне самолета за столом. Рядом никого не было. Через ряд кресел от нас находился сын Хрущева — Сергей. Я думал, что он, возможно, кое-что слышал из нашего разговора. Об этом я спросил его во время встречи в Москве уже в 1989 году:

— Вы помните мой разговор с вашим отцом в самолете, когда мы в 1962 году летели из Софии в Москву?

— Да, помню. Вы сидели друг напротив друга и о чем-то говорили. А летели мы действительно из Болгарии.

Говорили мы тогда в самолете о Кубе. Хрущев сделал важное сообщение:

— Ситуация, сложившаяся сейчас вокруг Кубы, является опасной. Для обороны ее, как независимого государства, необходимо разместить там некоторое количество наших ядерных ракет. Только это, по-моему, может спасти страну. Вашингтон не остановит прошлогодняя неудача вторжения на Плая-Хирон. Что

вы думаете на этот счет?

Он ожидал ответа. Вопрос был неожиданным и нелегким. Подумав, я сказал:

— Операция на Плая-Хирон, конечно, представляла собой агрессивную, организованную США акцию против Кубы. Но я знаком с обстановкой в США, где провел восемь лет. В том числе был там, как вы знаете, и послом. Должен откровенно сказать, что завоз на Кубу наших ядерных ракет вызовет в Соединенных Штатах политический взрыв. В этом я абсолютно уверен, и это следует учитывать.

Не скажу, что мое мнение понравилось Хрущеву. Ожидал я, что, выслушав такие слова, он может вспылить. Однако этого не случилось. Вместе с тем я ощутил определенно, что свою позицию он не собирается изменять.

Помолчали. А потом он вдруг сказал:

— Ядерная война нам не нужна, и мы воевать не собираемся. Сказал твердым тоном, и я почувствовал, что эта формулировка, как и первая, была обдуманной. Обратил я только внимание на то, что высказал он ее не сразу вслед за первой. Но как только я ее услышал, то на сердце стало легче. Даже голос Хрущева, мне показалось, стал помягче.

Я молчал. К уже сказанному добавлять ничего не хотелось.

А Хрущев после некоторого раздумья в заключение разговора сказал:

— Вопрос о завозе советских ракет на Кубу я поставлю в ближайшие дни на заседании Президиума ЦК КПСС.

Он это вскорости и сделал.

Обращало на себя внимание то, что Хрущев свои мысли высказывал мне, а затем и на заседании Президиума без признаков какого-то колебания. Из этого я сделал вывод, что по крайней мере с военным руководством страны он этот вопрос согласовал заранее. По тому, как держался на заседании министр обороны СССР маршал Р. Я. Малиновский, чувствовалось, что он поддерживает предложение Хрущева безоговорочно.

Вопрос о размещении советских ракет на Кубе был поставлен на обсуждение Президиума ЦК КПСС, и предложение Хрущева участники заседания единодушно поддержали.

В итоге можно сказать следующее:

— во-первых, Хрущев не воспринимал доводов против размещения советских ракет на Кубе и считал, что это обязательно должно быть сделано;

— во-вторых, он считал, что Советский Союз не должен и не будет доводить дело до ядерного столкновения.

На заседании второго положения он не высказывал. Но с

отдельными членами Президиума о нем говорил. Конечно, все это не устраняло риска возникновения ядерной войны, так как мы ведь не знали точных намерений американской стороны.

Ракеты на Кубу были завезены. И это вызвало в США политический взрыв.

Последовавшие вслед за тем события показали, что в конечном счете обе стороны не поддались влиянию эмоций, которые были достаточно накалены, и, поняв всю ответственность как перед своими народами, так и перед миром в целом, добились мирного урегулирования кризиса. Кубинское руководство и лично Фидель Кастро на протяжении всего этого сложного и опасного периода также проявили большую ответственность.

Проводилась интенсивная и напряженная работа по поиску общих позиций и сближению взглядов. Главной связью был обмен по дипломатическим каналам посланиями между Хрущевым и Кеннеди. Но работали и другие каналы.

Из моей деятельности в тот непростой период хотелось бы отметить беседу по поручению советского руководства с президентом Кеннеди. Она состоялась 18 октября 1962 года. Конечно, встреча была запланирована заранее, за несколько дней до намеченной даты. Обе стороны готовились выложить на стол свои карты.

Придя в Белый дом, который уже давно стал и символом власти в США, и резиденцией президента, проживающего там с семьей, я отметил нормальное, предупредительное отношение к себе с точки зрения дипломатического протокола.

До этого я встречался с Джоном Кеннеди уже несколько раз. Впервые это было в 1945 году в Сан-Франциско во время конференции по созданию ООН. Тогда я дал интервью Кеннеди как корреспонденту ряда американских газет. Затем мы увиделись в июне 1961 года в Вене во время беседы Н. С. Хрущева с президентом США.

В этот раз, после того как закончилась обычная суматоха, связанная с присутствием фотожурналистов, мы разместились в Овальном зале Белого дома.

В целом беседа в политическом отношении была напряженной. Мы, конечно, не стучали кулаками по столу. Необходимая корректность соблюдалась.

Солидная часть времени оказалась отведенной для обсуждения других важных международных проблем. Кубинский вопрос в беседе я поставил по своей инициативе и изложил президенту позицию СССР.

— Хочу привлечь ваше внимание, — говорил я, — к опасному

развитию событий в связи с политикой администрации США в отношении Кубы.

Президент меня внимательно слушал.

— В течение длительного времени, — продолжал я, — американская сторона ведет безудержную антикубинскую кампанию, предпринимает попытки блокировать торговлю Кубы с другими государствами. В США раздаются призывы к прямой агрессии против этой страны. Такой путь может привести к тяжелым последствиям для всего человечества.

В свою очередь Кеннеди сказал:

— Нынешний режим на Кубе не подходит США, и было бы лучше, если бы там существовало другое правительство.

Заявление звучало остро. Я обратил внимание на то, что он вовсе не искал каких-то выражений, которые могли бы как-то сгладить то впечатление, которое произвела резкая формулировка в адрес новой Кубы. Объяснялось это, видимо, тем, что на протяжении ряда лет и в прессе США, и в лексиконе официальных лиц использовались грубые эпитеты и нелестные выражения для характеристики Кубы и ее режима.

Тогда я задал вопрос:

— А собственно, на каком основании американское руководство считает, что кубинцы должны решать свои внутренние дела не по собственному усмотрению, а по усмотрению Вашингтона? Куба принадлежит кубинскому народу, и ни США, ни какая-либо другая держава не имеют право вмешиваться в ее внутренние дела. Всякие заявления, которые мы слышим от президента и других официальных лиц, в том смысле, что Куба будто бы представляет угрозу для безопасности США, необоснованны. Достаточно лишь сравнить размеры и ресурсы этих двух стран — гиганта и малютки, как станет очевидной вся беспочвенность обвинений по адресу Кубы.

Кеннеди слушал и не подавал никаких реплик. Время от времени он делал знаки, выражая даже согласие с каким-то моим доводом. Помню, это относилось к ссылке на Устав ООН. Он понимал, что на конференции в Сан-Франциско СССР и США согласовывали между собой то или иное положение, относящееся к Уставу, прежде чем поставить это положение на голосование конференции.

Затем я подчеркнул:

— Кубинское руководство и лично Фидель Кастро перед всем миром не раз заявляли, что Куба никому не намерена навязывать свои порядки, что она твердо стоит за невмешательство государств во внутренние дела друг друга, стремится путем переговоров урегулировать с правительством США все спорные

вопросы. Эти заявления, как известно, подкреплялись и подкрепляются делами. И все же те, кто выступает с призывом к агрессии против Кубы, ссылаются на то, что им заявлений кубинского правительства недостаточно. Но ведь так можно оправдывать любую агрессивную акцию.

Я отметил:

— Решение подавляющего большинства международных проблем является результатом переговоров между государствами и заявлений, в которых правительства излагают позиции по тем или иным вопросам.

Американскому президенту тем самым ясно давалось понять, что если у США есть какие-либо претензии к Кубе или Советскому Союзу, то их необходимо разрешить мирными средствами. Угрозы и шантаж в этой обстановке неуместны.

В то же время от имени советского руководства я заявил Кеннеди:

— В условиях, когда США предпринимают враждебные действия против Кубы, а заодно и против государств, которые поддерживают с ней добрые отношения, уважают ее независимость и оказывают ей в трудный для нее час помощь, Советский Союз не будет играть роль стороннего наблюдателя. Шестидесятые годы XX века — не середина XIX века, не времена раздела мира на колонии и не та пора, когда жертва агрессии могла подать свой голос только через несколько недель после нападения на нее. СССР — великая держава, и он не будет просто зрителем, когда возникает угроза развязывания большой войны в связи ли с вопросом о Кубе или в связи с положением в каком-либо другом районе мира.

Кеннеди затем сделал важное заявление:

— У моей администрации нет планов нападения на Кубу, и Советский Союз может исходить из того, что никакой угрозы Кубе не существует.

Тогда я сослался на военную акцию против Кубы на Плая-Хирон.

— Ведь это США ее организовали, — сказал я. — Это — продукт их политики.

И тут я услышал признание президента:

— Действия в районе Плая-Хирон были ошибкой. Я сдерживаю те круги, которые являются сторонниками вторжения, и стремлюсь не допустить действий, которые привели бы к войне.

— Не отрицаю, — сказал он, — что кубинский вопрос стал действительно серьезным. Неизвестно, чем все это может кончиться.

Он стал пространно рассуждать о размещаемом на Кубе

советском «наступательном оружии». Слово «ракеты» он не употреблял. Не могу объяснить, почему так поступил президент. Но тем самым он в какой-то мере облегчил мое положение. Мне не представлялось необходимым говорить прямо о ракетах.

Возле Кеннеди на столе лежала какая-то папка. Дотошные журналисты утверждают, что в ней якобы находились фотографии советских ракет на Кубе. Другие органы печати утверждали в те дни, что эти снимки находились в столе у президента. Возможно, правы те или другие. Но в течение всей нашей беседы президент эту папку не открывал и ящиков стола не выдвигал. Так что я никаких снимков в его кабинете не видел. Мне их никто не демонстрировал. И я не был за это в обиде на своего собеседника.

Однако, если бы президент в открытую заговорил о ракетах, я с готовностью ответил бы ему, как об этом было условлено еще в Москве: «Господин президент, Советский Союз доставил на Кубу небольшое количество ракет оборонительного характера. Никому и никогда они не будут угрожать».

На заявление президента о советском «наступательном оружии» я, конечно, ответил:

— Характер оружия — наступательное оно или оборонительное — зависит от цели, которая преследуется политикой. Ведь у Кубы нет никаких агрессивных планов в отношении США. О каком же ее «наступательном оружии» может идти речь?

Но президента мало интересовала логика. Его мысль работала в совершенно ином направлении. И потому он повторял уже сказанное, добавляя:

— США не могут согласиться с тем, чтобы Кубе поставлялось оружие, о котором я говорил. Это представляет собой угрозу для Соединенных Штатов. Советскому Союзу необходимо это оружие с территории Кубы вывезти.

Затем президент зачитал официальное заявление об установлении блокады вокруг Кубы.

Мне пришлось вновь от имени советского руководства сказать:

— Советский Союз настоятельно призывает правительство США и лично президента не допускать каких-либо шагов, несовместимых с интересами мира и разрядки, с принципами Устава ООН.

Вместе с тем я разъяснил президенту:

— Советская помощь Кубе направлена исключительно на укрепление ее обороноспособности и развитие мирной экономики. Обучение советскими специалистами кубинцев обращению с оружием, предназначенным для обороны, никак не

может расцениваться в качестве угрозы для кого бы то ни было. СССР откликнулся на призыв Кубы о помощи потому, что этот призыв преследует цель устранить нависшую над ней опасность.

Наступила пора подводить итоги.

Кеннеди резюмировал свою позицию по ключевым вопросам следующим образом:

— Во-первых, США не имеют в виду и не будут предпринимать вооруженное вторжение на Кубу. Во-вторых, акция на Плая-Хирон представляла собой ошибку. В-третьих, советское наступательное оружие, конечно, должно быть с Кубы удалено. С учетом всего этого соответствующие вопросы, по-моему, могут быть урегулированы.

В заключение беседы я сказал:

— Господин президент, разрешите выразить надежду, что США имеют теперь ясное представление о советской позиции по вопросу о Кубе и о нашей оценке действий США в отношении этой страны.

В конце встречи я выполнил еще одно поручение Москвы:

— Меня просили передать вам предложение советского руководства о проведении советско-американской встречи на высшем уровне для урегулирования спорных международных проблем и рассмотрения вопросов, вызывающих расхождения между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Хотя непосредственно во время беседы Кеннеди положительно реагировал на это предложение, позже в тот же день мне было сообщено, что, по мнению американской стороны, указанная встреча, если бы она состоялась в ноябре 1962 года, носила бы неподготовленный характер и вряд ли привела бы к положительным итогам. Таким образом, Вашингтон, не отрицая возможности встречи на высшем уровне, отложил ее на неопределенное время.

Как вытекало из последующих событий, президент фактически вводил советскую сторону в заблуждение, скрывая истинные намерения правительства США в отношении Кубы и подчеркивая отказ своей администрации от планов нападения на Кубу в то самое время, когда в строжайшей тайне группа приближенных к нему лиц — вице-президент Джонсон, государственный секретарь Раск, министр обороны Макнамара, министр юстиции Роберт Кеннеди, генерал Тейлор, а также ряд помощников и советников президента — рассматривала различные варианты вторжения на остров американских вооруженных сил.

В день встречи с президентом я беседовал также с Раском. В ходе этой беседы государственный секретарь утверждал:

— США не намерены осуществлять вооруженное вторжение на Кубу, хотя остров превратился в военный плацдарм для наступления против США. Внутренний режим на Кубе не соответствует интересам безопасности Западного полушария.

Слушая эти утверждения, и я, и посол А. Ф. Добрынин старались разгадать: верит ли он сам в то, что говорит?

Особое неудовольствие Раек высказал в связи с появлением на

Кубе советского оружия. Впрочем, он, как и Кеннеди, прямо не спрашивал о наличии наших ракет на Кубе.

На все высказанные Раском «опасения» был дан ответ:

— Куба вынуждена сделать необходимые выводы из факта вторжения контрреволюционеров на остров в 1961 году. Они были подготовлены американцами на американской территории и вооружены на американские средства. Если у Вашингтона есть претензии к Кубе, например материальные, то США вправе вступить с кубинцами в переговоры для их урегулирования.

Собеседник ушел от ответа на это заявление.

Далее произошел весьма знаменательный разговор по поводу американских военных баз, находящихся за пределами США в непосредственной близости от границ СССР. Я сказал государственному секретарю:

— Вы, очевидно, не будете отрицать наличие американских военных баз и многочисленных военных советников в Турции и Японии, не говоря уже об Англии, Италии и некоторых других странах Западной Европы, а также Азии и Африки. Значит, США могут иметь военные базы в указанных странах, заключать с ними военные договоры, а СССР не имеет права оказывать помощь Кубе в развитии ее экономики и в укреплении ее обороноспособности, именно обороноспособности.

Раск на это также не ответил.

— Советский Союз преувеличивает роль американских военных баз за границей, — заявил он, однако от предметного обсуждения поставленного вопроса ушел.

Собеседник демонстративно предпочитал не обсуждать темы, связанные с американскими базами вокруг СССР.

Итоги бесед с Кеннеди и Раском свидетельствовали об отсутствии у американской администрации желания объективно разобраться по существу в обстановке и тем более решать проблему мирными дипломатическими средствами. Она предпочитала «кризисную дипломатию».

Должен сказать, что беседа с Кеннеди по вопросу о Кубе изобиловала резкими поворотами, изломами. Президент нервничал, хотя внешне старался этого не показывать. Он делал

противоречивые высказывания. За угрозами по адресу Кубы тут же следовали заверения, что никаких агрессивных замыслов против этой страны Вашингтон не имеет.

Присутствовали элементы шантажа. Но имелось и понимание того, к чему привела бы агрессия против Кубы. Все это отражало противоречивое и взвинченное настроение в руководящих кругах США. То, что у главы Белого дома затем верх взял здравый смысл, показывает, что за внешностью несколько вышедшего из равновесия человека стоял все же деятель незаурядного ума и характера.

Эта беседа с Кеннеди была, пожалуй, самой сложной из тех бесед, которые мне приходилось вести за 48 лет с каждым из всех девяти президентов США. Вот они — Франклин Делано Рузвельт, Гарри Трумэн, Дуайт Дейвид Эйзенхауэр, Джон Фицджералд Кеннеди, Линдон Джонсон, Ричард Милхаус Никсон, Джералд Рудолф Форд, Джеймс Эрл Картер, Рональд Уилсон Рейган.

Естественно, что о содержании беседы с Кеннеди я сразу же доложил в телеграмме руководству страны, а по приезде в Москву встречался с Хрущевым и рассказал ему все в деталях.

Поиск и успех компромисса

Спустя несколько дней, 22 октября, президент США выступил с обращением к американскому народу, в котором объявлялось о введении морской блокады Кубы. Он также направил в адрес главы Советского правительства личное послание. Соединенные Штаты стали на путь открытого нарушения норм международного права, намеренно создали опасный кризис.

23 октября 1962 года Советское правительство сделало заявление, в котором установление США морской блокады Кубы расценивалось как «беспрецедентные агрессивные действия». Внимание правительств других стран обращалось на то, что Вашингтон готов «толкнуть мир к пропасти военной катастрофы». «Народы всех стран, — отмечалось в заявлении, — должны ясно представлять себе, что, идя на такую авантюру, Соединенные Штаты Америки делают шаг на пути к развязыванию мировой термоядерной войны».

В заявлении подчеркивалось также, что если агрессоры развяжут войну, то Советский Союз даст должный ответ.

В период карибского кризиса шла интенсивная переписка по дипломатическим каналам. Советская сторона искала путь к мирному урегулированию. В том же направлении действовало и правительство Кубы.

Тактика политического давления не исчерпывала собой всего того, что применяли США во время карибского кризиса. Роберт Кеннеди, брат президента и в те дни министр юстиции, позднее вспоминал, что президент США наметил план действий, начал его осуществлять, но уже не мог полностью контролировать ход событий. Решающую роль в том, что события вновь оказались под контролем, сыграл Советский Союз. Объективность требует признать, что на этой стадии Кеннеди в конце концов устоял перед давлением «ястребов», настойчиво призывавших к «пробе сил».

27 октября в официальном послании советской стороны излагались компромиссные предложения, которые и послужили основой для урегулирования. СССР согласился вывезти с Кубы ракеты, которые США считали «наступательными», но при обязательном условии, что американское правительство согласится уважать неприкосновенность границ Кубы и обязуется не осуществлять в отношении ее агрессии.

В ответном послании президент США дал заверения об отказе от вторжения на Кубу, а также обещал отменить ее морскую блокаду.

В ходе советско-американских контактов президент и другие американские официальные лица неоднократно проявляли непоследовательность при решении проблем, связанных с опасной ситуацией. Это отражало острую борьбу в политических кругах США, где экстремисты, недовольные достигнутым компромиссом, стремились если не сорвать его, то, во всяком случае, создать положение, которое давало бы США односторонние преимущества.

В частности, противники ликвидации кризиса настаивали на том, что США не должны соглашаться с требованием СССР о вывозе американских ракет из Турции. Отражением такого рода настроений стало заявление Белого дома от 27 октября 1962 года, в котором делалась попытка доказать, что проблемы безопасности Западного полушария и проблемы безопасности Европы не взаимосвязаны и что карибский кризис должен быть урегулирован прежде, чем можно будет взяться за решение других проблем.

Таким образом, публично правительство США не хотело обсуждать вопрос о ликвидации ракетных баз в Турции. В то же время, как справедливо отмечает Р. Кеннеди, в конфиденциальном порядке этот вопрос обсуждался, и президент принял принципиальное решение о вывозе американских ракет из Турции. В конечном счете так оно и произошло.

В результате дипломатической борьбы, в ходе которой советское руководство заняло принципиальную и одновременно гибкую позицию, основные проблемы карибского кризиса оказались решенными. 20 ноября президент Кеннеди объявил на пресс-конференции о снятии морской блокады Кубы.

7 января 1963 года первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов и постоянный представитель США при ООН Э. Стивенсон обратились с совместным письмом к генеральному секретарю ООН У Тану, в котором отмечалось, что, хотя обоим правительствам «не удалось разрешить все проблемы», они считают, что достигнутая степень согласия между ними по урегулированию кризиса делает ненужным оставление данной проблемы в повестке дня Совета Безопасности ООН.

В письме далее говорилось: «Правительства Соединенных Штатов Америки и Советского Союза выражают надежду, что предпринятые в связи с кризисом действия по предотвращению угрозы войны приведут к разрешению других разногласий между ними и к общему ослаблению напряженности, которая могла бы быть причиной сохранения угрозы войны».

В итоге одержали верх здравый смысл и сознание

ответственности, хотя к такому исходу администрация США эволюционизировала медленно.

О Хрущеве в дни карибского кризиса стоит написать подробнее. Запомнился мне самый напряженный момент тех дней. Тогда не только широкие круги общественности, но, пожалуй, и весь народ понимал, что развитие событий вывело отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами на грань серьезной конфронтации. Натянутые струны напряженности ощущались с большой силой. Тревога проступала не только в действиях руководителей стран, но и в комментариях прессы, в бурных выступлениях общественности.

В этой обстановке, конечно, следовало предпринять конкретные шаги, которые бы разрядили обстановку и урегулировали карибский кризис политическим путем. И такие шаги советское руководство стало предпринимать, о чем написано выше. Мало-помалу вопрос урегулирования сдвигался с мертвой точки, и развитие событий должно было пойти в положительном направлении.

Оставалась в тот момент еще одна задача: успокоить общественность. Но как? И вот тут Хрущев проявил завидную находчивость. Он предложил в высшей степени оригинальное решение.

Утром на заседании Политбюро в тот день, когда никто ни о чем, кроме как о сложностях и об опасном состоянии отношений с Соединенными Штатами, и думать не мог, когда каждое сообщение из Вашингтона или Гаваны изучалось с самым пристальным вниманием, когда никто ни о чем, кроме как о положении в Карибском море и взятой в кольцо американской блокады Кубы, говорить не мог, Хрущев вдруг предложил:

— А не пойти ли членам Политбюро сегодня вечером в театр? Давайте покажем и нашему народу, да и всему миру, что у нас обстановка спокойная и мы интересуемся вопросами культуры.

Такое предложение первоначально несколько удивило присутствующих. Но потом, когда все поняли заложенный в нем смысл, его охотно приняли.

Что шло тогда в театре, не помню. Да, наверное, никто из присутствовавших членов Политбюро не очень интересовался тем, что происходит на сцене. Опера, балет или драма — для всех было все равно. Думали все о том, что делается там, в Западном полушарии. Но все честно и спокойно сидели, аплодировали, как полагается завзятым театралам.

На следующий день сообщение о том, что члены Политбюро побывали на спектакле, опубликовали газеты. Оно эффективно сыграло свою роль. Можно сказать, что сработало успокаивающе

лучше, чем доводы самых искусных лекторов.

Последующие шаги, обмен посланиями между Хрущевым и Кеннеди, текущие контакты между представителями двух держав привели к оформлению окончательной договоренности.

Во всех посланиях Хрущева и Кеннеди с обеих сторон уже проводилась мысль о необходимости мирного решения вопросов кризиса. Известно, что, к взаимному удовлетворению, затем постепенно была снята американская морская блокада Кубы.

Иногда в печати проскальзывает сообщение, будто Советский Союз, решив разместить на Кубе ядерные ракеты, нарушил какие-то обещания о неразмещении своего ядерного оружия на Кубе. Это выдумка. Никакого обещания он не давал и, следовательно, не нарушал.

Вот что я мог бы сказать о тех днях с позиций сегодняшней гласности.

Вместе с тем не могу согласиться с тем мнением, что, дескать, в период кризиса перевозки советских ракет и их размещение на Кубе осуществлялись в излишне глубокой тайне. В некоторых комментариях эта тайна даже поносится, да еще и со вкусом.

Едва ли найдется много тех простоватых людей, которые считают, что Москва должна была информировать Вашингтон о своем решении пойти навстречу просьбе кубинского руководства и разместить на Кубе в целях ее обороны советские ракеты.

Подобные высказывания лишены смысла. Ими не оперировал в то время, о котором идет речь, даже Вашингтон. А не оперировал потому, что сам в аналогичных случаях не прибегал к этому никогда. Это относится и к его акциям, касающимся размещения американского ядерного оружия на территориях других государств.

Вот примеры.

Разве Соединенные Штаты Америки сообщали Советскому Союзу о работах по изготовлению атомной бомбы, даже на последней их стадии? Все эти работы были строго засекречены. Трумэн поставил Сталина в известность об их результатах только на Потсдамской конференции трех союзнических держав.

Разве создание многих сотен военных баз США на территориях других стран осуществлялось с уведомлением Советского Союза?

Когда в разговоре с государственным секретарем США Даллесом я ему сказал, что США втихую создают многие военные базы, особенно в районах, находящихся недалеко от границ Советского Союза, то он выразил по поводу этого представления даже удивление.

— Вопросы создания американских военных баз, — ответил он, — решают сами США, и только США, по своему усмотрению и по согласованию с теми соответствующими странами, на территории которых эти базы создаются.

Так продолжалось в течение многих десятков лет.

А разве правительство США информировало советское руководство о полете американского разведывательного самолета с пилотом Пауэрсом на борту в 1960 году в глубину советской территории? Всем известно, что этого не было. А была сверхтайная разведывательная операция.

Ну а разве не то же можно сказать о появлении американского ядерного оружия в Южной Корее? Она нашпигована ядерным оружием. И начиналось все это втайне. Даже попыток не делалось проинформировать Советский Союз заранее. А ведь ядерное вооружение происходило совсем недалеко от границ СССР.

Из всего этого следует: вопросы тайных, как и нетайных действий двух держав, затрагивающих их безопасность или не затрагивающих ее, могли рассматриваться только на основе взаимности, о которой США даже не помышляли.

Спрашивается, что же тогда остается от того довода, что Советский Союз будто бы взбудоражил США тем, что тайно завозил в свое время ракеты на Кубу и не информировал об этом заранее американскую администрацию?

Что касается существовавшей тогда опасности ядерного столкновения двух держав, то позиция Хрущева выражалась в словах, приведенных выше. Это была позиция и всего руководства страны. Из этого, конечно, не следует, что отсутствовал риск ядерного столкновения. Был такой риск, поскольку позиции США на этот счет мы не знали. Хрущев должен был учитывать это обстоятельство. Когда речь идет об опасности ядерного столкновения, то даже один шанс из тысячи — это слишком много.

Вопрос о тайне, повернутый в прошлое, имеет и другую сторону, возможно, еще более важную. Исторически США являются первой страной, которая поняла, что будет означать «дыхание» ядерного оружия, когда оно существовало еще только в мыслях ученых. Прежде чем появился проект «Манхаттан» и ядерное оружие еще не вышло из стадии идей, сколь фантастических, столь же и страшных, представители науки обратили внимание президента США на угрожающие последствия для человечества результатов расщепления атомного ядра, если они будут использованы для производства оружия массового уничтожения.

Разве, располагая такими убедительными научными мнениями, администрация США не могла поставить перед союзническими странами, в том числе перед Советским Союзом, вопрос о том, чтобы ядерную энергию использовать только в мирных целях и запретить всякую деятельность, в том числе экспериментальную, в направлении изготовления ядерного оружия?

Союзники к тому времени уже сломали хребет гитлеровской армии. Следовательно, Германия, да и Япония, уже войну проиграли.

Однако ядерную энергию сразу же после ее открытия на дело мира не направили. Упущен был шанс, возможно, для великого подвига в истории, если бы союзники действовали в духе единства и солидарности.

Советский Союз, советское руководство и сегодня прямо и честно заявляют, что единственно надежный путь устранить угрозу ядерной войны и обеспечить мир на Земле — это полностью ликвидировать ядерное оружие и обеспечить использование ядерной энергии только в мирных целях. Короче говоря, надо продолжать ту линию в политике, которая нашла выражение в заключении Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки договора о ликвидации ядерных ракет средней и меньшей дальности.

Карибский кризис отошел в летопись событий, давних с точки зрения жизни отдельного человека и недавних с точки зрения истории. О нем много написано. Правда, Джон Кеннеди мемуаров не оставил, зато его брат Роберт выпустил книгу «13 дней». Ряд книг принадлежит перу авторов из США. Вышли воспоминания участников и исторические труды на эту тему и в СССР.

Тем не менее стремление к выяснению событий того времени, к познанию все новых фактов и их анализу не затухает.

«Нестандартный» корреспондент

Впервые мне довелось встретиться с Джоном Кеннеди еще в 1945 году на конференции в Сан-Франциско. Он, пользующийся популярностью корреспондент, обратился ко мне с просьбой дать ему интервью. Я согласился. Встреча состоялась в отеле «Сан-Фрэнсис», где остановилась советская делегация. И сегодня помню обстоятельность его вопросов, которые относились главным образом к положениям разрабатываемого устава новой организации.

Беседа, содержание которой публиковалось в печати США, оставила у меня положительное впечатление. Мне показалось, что собственные суждения Кеннеди, которые он высказывал наряду с постановкой вопросов, созвучны взглядам Франклина Рузвельта.

Во время беседы я обратил внимание на то, что Кеннеди в вопросах внешней политики ориентировался хорошо. О мнении Рузвельта по соответствующим проблемам он говорил со знанием дела. Так мог говорить только человек, связанный с Белым домом либо с людьми, которые стояли близко к президенту.

По ходу беседы я даже полушутя заметил:

— Не принимали ли вы участия в формулировании предложения Рузвельта по ООН для Крымской конференции?

В ответ Кеннеди сказал:

— Я такого участия, конечно, не принимал, но с окружением президента у меня хорошие связи и к тому же мой отец является другом Рузвельта.

Это многое прояснило.

Манера разговора, высказывания взглядов у будущего президента отличались своеобразием. Почти ни по одному вопросу он не сказал ничего такого, что расходилось бы с нашей принципиальной позицией в вопросах Устава ООН. Даже в тех случаях, когда позиции СССР и США считались противоположными, Кеннеди ограничивался тем, что выслушивал меня, не вступая в полемику. В некоторых случаях он даже высказал понимание наших мотивов.

Разумеется, я знал, что собеседник представляет семейство мультимиллионеров. Но он, как, впрочем, и семейство в целом, включая погибшего впоследствии также от пули убийцы брата Роберта, был настроен в пользу поддержания между двумя великими державами отношений, основанных на взаимопонимании. В этом он видел и смысл договоренности по вопросу о «вето», принятой в Ялте.

Кеннеди-корреспондент вел себя не назойливо. Вопросы ставил в форме как бы собственных рассуждений. Затем делал паузу и скорее глазами спрашивал: нет ли у меня каких-либо комментариев по затронутому вопросу? Мне нравилась такая манера. Да Кеннеди, собственно, в какой-то степени сохранил ее и в последующем.

При первой нашей встрече в Белом доме после избрания Кеннеди президентом он вспомнил о беседе, состоявшейся в Сан-Франциско. Я заметил:

— А знаете, господин президент, у меня тогда сложилось мнение, что вы были корреспондентом нестандартным.

Кеннеди добродушно рассмеялся.

В ходе встречи в Белом доме Кеннеди познакомил меня со своей семьей — женой Жаклин и двумя детьми. Состоялось знакомство на хорошо ухоженной лужайке перед Белым домом до начала беседы, которая происходила в помещении, где к нам присоединились А. Ф. Добрынин и Г. М. Корниенко.

Для многих было почти непостижимо то, что Кеннеди в своей речи, произнесенной 10 июня 1963 года в Американском университете, обратился непосредственно к народу, желая получить его поддержку для оказания сдерживающего воздействия на военно-промышленный комплекс США. Не только в США, но и за рубежом общественное мнение расценило речь президента как смелый шаг и своеобразный вызов этому военно-промышленному чудовищу, которое в период карибского кризиса заставило даже самого политически флегматичного американского обывателя несколько по-новому подойти к оценке международной обстановки и отношений с Советским Союзом, стряхнуть с себя в какой-то степени стереотипы «холодной войны».

Указанное выступление говорило о том, что Кеннеди заглядывал дальше, чем делали это капитаны военного бизнеса и Пентагон. Пожалуй, то выступление можно назвать заметной страницей в его президентской жизни. Выстрел убийцы, прогремевший 22 ноября 1963 года в Далласе и заставивший смертельно раненного Кеннеди беспомощно склонить голову на плечо Жаклин, этой страницы не уничтожил.

Глубокий след в моем сознании оставила последняя беседа с Кеннеди. Она имела место в Белом доме за два месяца до гибели этого человека от руки убийцы.

Войдя в кабинет президента, я встретил его улыбающимся, казалось, в хорошем настроении, как обычно. Это была наша уже по крайней мере пятая встреча, если вести отсчет от первой — в Сан-Франциско, в 1945 году.

Теперь же президент сказал:

— Не стоит ли нам выйти на короткое время на террасу и поговорить один на один, без переводчиков?

Я, разумеется, согласился. Мы вышли из кабинета на открытую террасу.

Сразу же Кеннеди заговорил о внутренней обстановке в США. Он заявил:

— Эта обстановка оказывает влияние и на внешние дела. Вас, конечно, интересует прежде всего ее воздействие на советско-американские отношения. И это вполне понятно. Меня также оно весьма интересует.

Дело в том, — продолжал президент, — что в США есть две группы населения, которым всегда не по душе смягчение и тем более улучшение отношений между нашими странами. Одна группа — люди, которые по соображениям идейного порядка противятся улучшению этих отношений. Их контингент довольно устойчивый. Другая группа — люди «определенной национальности», которые считают, что всегда и при всех условиях Кремль будет поддерживать арабов и будет противником Израиля. Эта группа располагает эффективными средствами, способными создавать большие затруднения на пути улучшения отношений между нашими странами. Говорил он уверенно и четко:

— Такова реальность. Но я думаю, что развивать и улучшать отношения все же возможно. Хочу, чтобы Москва знала мою точку зрения.

Кеннеди приостановился. Он явно ожидал моего комментария в связи с его высказыванием. Я ответил так:

— Хочу подчеркнуть прежде всего ту мысль, что, по нашему глубокому убеждению, обе группы населения, о которых вы говорили, не отражают мнения народа вашей страны в целом. Разве он выступает за напряженность в отношениях между Советским Союзом и США? Он — за добрые отношения. Много фактов говорит об этом. Не только советский народ, но и американский одобрил договоренность по кубинскому вопросу. А личный вклад президента в достижение этой договоренности хорошо известен.

Остановился, посмотрел на президента. Он ожидал, что будет дальше. Я продолжил:

— А что касается ближневосточных дел, то разве Советский Союз не внес в свое время предложение о создании на территории бывшей Палестины двух самостоятельных государств — арабского и еврейского? Наши страны одновременно внесли одинаковые предложения. Об этом следует напомнить всем.

Поэтому нет оснований ни у той, ни у другой группы населения, о которых вы говорили, выражать по нашему адресу недовольство. Если, конечно, исходить из принципов справедливости, то на базе этих принципов и надо искать решения ближневосточных дел, а оккупированные Израилем арабские земли вернуть арабам.

Кеннеди в заключение этой части беседы сказал:

— Я просто хотел проинформировать вас о тех сложностях, с которыми встречается президент США при решении некоторых вопросов советско-американских отношений.

Беседа в целом была интересной, дружественной. Но я обратил внимание на то, что Кеннеди держался как-то скованно, явно не скрывал своей озабоченности и даже тревоги. Это чувствовалось по всему.

Никаких фотографов не было. Мы от них были изолированы. Затем беседа продолжалась с участием других лиц и уже в кабинете президента.

Не знаю почему, но как только наше телеграфное агентство передало сообщение об убийстве Кеннеди, то я мгновенно подумал о высказывании президента на террасе Белого дома. Прежде всего о его словах о том, что в США есть противники его политики. Вспомнил я и его озабоченный вид во время нашего последнего разговора.

Человек-легенда

Урегулирование карибского кризиса привело к укреплению международного положения Республики Куба. Но и по сей день по ее адресу раздаются угрозы. Не нравится Вашингтону, что кубинский народ идет по избранному им пути свободы. Не по нутру США и независимый внешнеполитический курс Кубы.

Вот уже более четверти века, минувшей со времени создания Республики Куба, у штурвала политики этой страны стоит Фидель Кастро. Он относится к той категории деятелей, которые демонстрируют перед миром безграничную преданность интересам своего народа, делу прогресса и мира.

Мало бывает людей, которые уже при жизни становятся легендой. История — беспристрастный судья, она отводит деятелям то место, которое они заслуживают. Одни не стираются временем из памяти людей. Другим — судьба быть забытыми.

Мои встречи с Кастро в ходе советско-кубинских переговоров в Москве и неоднократно в Гаване убеждают что этот человек — великан по уму и сердцу, по заслугам перед народом.

Еще в студенческие годы Кастро познакомился с «Манифестом Коммунистической партии». Он как-то мне сказал:

— Я понял, что в этой книге указан верный путь к национальному и социальному освобождению и моей родины.

Меня, как коммуниста, взволновал такой факт из биографии этого славного руководителя кубинской революции. В 1953 году состоялся суд над группой патриотов во главе с Кастро, участвовавших в штурме военных казарм Монкада. Повстанцам хотя и не удалось овладеть казармами, однако они своим подвигом положили начало вооруженной борьбе против диктатуры Батисты.

На суде Фиделю задали вопрос:

— Кому из подсудимых принадлежит изъятый у вас томик произведений Ленина?

Юный Кастро смело ответил:

— Это — моя книга. Кто не читает таких книг, тот невежда. Позднее в одной из своих речей Кастро говорил:

— Мы все больше убеждались в правоте идей Маркса, Энгельса и подлинно гениального объяснения научного социализма, сделанного Лениным. Я — марксист-ленинец и буду марксистом-ленинцем до последнего дня жизни.

Основные идеи и положения научного социализма применяются на практике в строительстве новой жизни, нового общества, которое ведет кубинский народ под руководством

Коммунистической партии Кубы.

Люди, знавшие Фиделя в детстве и юности, утверждают, что ему с ранних лет стали присущи ярко выраженные черты лидера в коллективе, проявлявшиеся и во время учебы в школе, и в университете, а затем в революционной и партийно-государственной деятельности. Это объясняется прежде всего его интеллектом, динамичностью характера и завидными физическими данными.

Сильным увлечением Кастро был и остается спорт, особенно бейсбол и подводная охота. Он говорил мне:

— Красочный и бесконечно разнообразный мир подводного царства всегда восхищает меня, приносит как бы душевное успокоение и служит прекрасным отдыхом.

С первых дней после победы революции Кастро настойчиво проводил в жизнь идею развития физической культуры и спорта в общенациональном масштабе. Любые неудачи в этом деле вызывали у него переживания. До сих пор Кастро не пропускает почти ни одного крупного международного соревнования по бейсболу, боксу, волейболу, которые проводятся на Кубе. Он порой приглашает на них и находящихся в это время в стране с визитами высоких гостей из-за рубежа.

Пусть это будет чудом. Спорить не стану.

Фидель и Рауль — два родных брата, и они оба вошли в высшее руководство Кубы. Подобное явление можно считать редкостным в мире вообще.

Можно сказать, что уже давно могучий талант Фиделя как крупного деятеля международного масштаба раскрылся в полную меру. Его судьба лишний раз доказывает, что основоположники коммунистического учения были правы, когда поведали миру простую философскую истину: личность есть продукт объективных условий и обстоятельств определенной исторической эпохи, но и сама личность, если она познала требования своего времени, может оказывать влияние, и притом немалое, на ход исторических событий.

История Кубы за минувшие десятилетия — прекрасная иллюстрация жизненности этого марксистского положения.

Наверно, трудно найти грамотного человека, который не слышал бы о Фиделе и подвиге его жизни. Велики заслуги перед кубинским народом и у Рауля. Он, бесспорно, человек большого таланта и самобытного дарования.

Рауль на пять лет моложе Фиделя. Однако их биографии во многом схожи. Вместе они шли на штурм казармы Монкада в городе Сантьяго-де-Куба. Вместе сидели в тюрьме после подавления этого дерзкого выступления. А затем снова вместе на

небольшой яхте «Гранма» высадились с десантом в провинции Орьенте. Многие месяцы — период беспримерного мужества — герои провели в боях на Кубе и победили.

После победы революции и свержения диктатуры — а произошло это в январе 1959 года — оба брата заслуженно занимают высшие руководящие должности в государственном управлении страной.

Рауль Кастро всегда поражает собеседника своей скромностью. Он как бы сознательно пытается не преувеличивать значение того, о чем говорит, всегда глубоко, всесторонне оценивает обстановку и в собственной стране, и в мире. На тех, кто мало его знает, он может произвести впечатление человека, который чего-то недоучитывает. Но люди, с которыми он хорошо знаком, понимают, что он просто не желает без необходимости демонстрировать свои знания предмета. А так как он очень общителен — и в этом весьма похож на своего знаменитого брата, — то те, кто говорит с ним или слушает его речь, относятся к нему уважительно вдвойне — и за скромность, и за подлинную компетентность в вопросах, которыми он занимается.

После встреч с Фиделем или Раулем я всегда тепло расставался с каждым из них.

Сподвижником Фиделя Кастро, этого выдающегося деятеля международного масштаба, являлся гражданин революционной Кубы, славный сын Латинской Америки Че Гевара. Если бы существовал всемирный пантеон, в котором хоронили бы людей, оставивших наиболее глубокий след в борьбе за свободу, во имя социальной справедливости, то в нем по праву надо было бы поместить и прах Че Гевары. Хотя в действительности такого пантеона нет, но есть другой, сооруженной памятью людей, и в нем имя этого человека уже записано золотыми буквами.

Однажды Че Гевара рассказал мне о том, как он стал в 1959 году президентом Национального банка Кубы, как на его долю выпали обязанности заниматься на Кубе вопросами экономики.

— После того как диктатура Батисты была свергнута и власть перешла в руки народа, — говорил Че, — лидер революции Фидель на одном из совещаний руководящих деятелей поставил вопрос о необходимости распределения между ними обязанностей. Когда подошли к вопросу о том, кому следует заниматься экономикой, Фидель спросил: «Скажите, друзья, кто из вас экономист?»

Тут Че Гевара сделал паузу, улыбнулся и продолжил свой рассказ:

— Мне послышалось, что Фидель спрашивает о том, кто из присутствующих коммунист, и я не задумываясь ответил: «Я». На

это Фидель сказал: «Вот тебе и заниматься экономикой».

Я засмеялся, случившееся действительно выглядело забавным, а Че продолжал:

— Недоразумение затем выяснилось, но было уже поздно, так как распределение обязанностей закончилось. Вот так «экономист» Че Гевара, — он ткнул себя пальцем в грудь, — стал заниматься вопросами национальной экономики Кубы.

В дальнейшем Че Гевару назначили министром национальной промышленности, и он активно работал на этом посту в 1961–1965 годах.

Че Гевара приезжал в Москву для переговоров по вопросам экономического сотрудничества. Беседы, в которых довелось участвовать и мне, показали, что деятель, представлявший Кубу, основательно знал ее нужды и вообще вел переговоры как партнер компетентный. Он проявлял и настойчивость в отстаивании взглядов, которые он считал справедливыми, и необходимый такт, на что все советские товарищи — участники переговоров обратили внимание.

Принимал участие Че Гевара в работе такого важного форума, как Генеральная Ассамблея ООН. Глава делегации своей страны, он выступил 11 декабря 1964 года с изложением позиции Кубы по вопросам международной политики и обстановки в мире. Представители США и их партнеры по военным блокам чувствовали себя неуютно, когда с трибуны летели в зал гневные слова, обличавшие империализм. Че Гевара защищал право кубинского народа на самостоятельное развитие, решительно осуждал политику вмешательства США во внутренние дела Кубы, политику блокады этой страны, которую Вашингтон, по существу, проводит и поныне. Речь Че делегаты встретили аплодисментами. В тот день зал заседаний Генеральной Ассамблеи ООН оказался заполненным до отказа.

Ненависть кубинских контрреволюционеров к Че Геваре была настолько велика, что они, пользуясь потворством американских властей, произвели во время выступления Че выстрел из «базуки» в направлении здания ООН. К счастью, исполнители преступной акции оказались плохими стрелками, снаряд упал в реку. Около здания ООН охрана арестовала также некую Перес. Выяснилось, что эта кубинская контрреволюционерка имела при себе нож, которым намеревалась, по ее словам, убить Че Гевару. Чем не Шарлотта Корде?[21]

Перед отъездом Че Гевары из Нью-Йорка советская делегация устроила в его честь обед, на который мы пригласили также глав делегаций других социалистических стран. Советскую сторону представляли руководители всех трех делегаций: СССР, УССР и

БССР. Сердечностью и теплотой в кругу друзей запомнился тот день. Все поздравляли нашего кубинского друга с успешным выступлением в ООН.

После обеда мы беседовали с Че Геварой один на один. Он сказал:

— Прямо из Нью-Йорка я направляюсь в далекие страны помогать людям в борьбе за достойную человека жизнь, за свободу.

Из этих слов мне все стало ясно.

Смотрел я на Че Гевару и про себя думал, что этот человек создан для борьбы, для подвигов. Иначе он не может. Его выковали из стали.

Че Гевара считал, что везде, где имеет место несправедливость, где попирается человеческое достоинство, где эксплуататоры живут за счет чужого труда, где царит расовый гнет и бесправие миллионов людей, нужно вести освободительную борьбу, именно там его место.

Так поступали герои-одиночки из русских, сражавшихся на стороне парижских коммунаров в 1871 году или участвовавших в борьбе кубинского народа за свою национальную независимость. Так поступали поляки, югославы и многие другие иностранцы, которые шли в бой на стороне пролетариата России в рядах Красной Армии, отражавшей натиск белогвардейцев и интервентов после Великого Октября. Так поступали бойцы интернациональных бригад, вступивших в схватку с франкизмом в Испании.

Я старался уловить настроение своего гостя. Держался он спокойно, говорил немногословно, но высказывал мысли ясно, как будто отбивал их молотком. Мне показалось, что ему свойственна какая-то мужская застенчивость. Она придавала особое очарование этому человеку. Все-таки при всем этом на лице его лежал и оттенок грусти. Разумеется, как-то неудобно было спрашивать такого человека: отчего это?

В 1967 году мир облетела как молния весть о том, что сердце Че Гевары перестало биться. Его зверски умертвили в джунглях Боливии враги ее народа, враги свободы.

Позорная война

Сущность политики США в международных делах со всей очевидностью проявилась в развернутой с начала 1965 года Вашингтоном вооруженной интервенции во Вьетнаме.

Президентом США тогда уже стал Линдон Джонсон. На этот пост он вступил при необычных обстоятельствах — после того как в Далласе от руки террориста пал Кеннеди. Согласно американскому законодательству, президентом в подобных случаях должен стать вице-президент, которым в то время и являлся Джонсон. Церемония приведения его к присяге состоялась прямо в самолете на пути из Далласа в Вашингтон.

Джонсон оказался на посту вице-президента, когда в результате выборов в Белом доме обосновался Кеннеди. Нужно отметить такую особенность общественной психологии в США: американский избиратель, голосуя одновременно за кандидатов в президенты и вице-президенты, обращает свое внимание прежде всего на того, кто претендует на пост президента. При этом он обычно не задается вопросом, в состоянии ли будущий вице-президент выполнять не только свои функции, но и в случае определенного стечения обстоятельств также роль президента.

И только когда вице-президент волею судьбы, как это произошло с Джонсоном, становится главой государства, американцы начинают присматриваться, как бы оглядывая его со всех сторон: что же он собой представляет?

А разобраться в этом весьма сложно в условиях США, где общественное мнение испытывает постоянное давление со стороны мощной пропагандистской машины, находящейся в руках правящей верхушки.

В 1964 году на очередных выборах Джонсон сохранил президентское кресло. Отчасти ему помогла в этом популярность погибшего президента, верность политике которого Джонсон обещал сохранить.

Известно, к чему привела политика администрации Джонсона: к обострению социальных и расовых конфликтов внутри страны, к крупным просчетам во внешней политике, что наиболее ярко проявилось в начатой агрессивной войне во Вьетнаме, обернувшейся для США гибелью десятков тысяч американцев, поглотившей огромные материальные ресурсы, приведшей к глубокому падению престижа США на международной арене. Не приходится поэтому удивляться, что Джонсон пустил слезу, выступая в 1968 году, незадолго перед предстоявшими в тот год выборами, с вынужденным заявлением

об отказе от выдвижения своей кандидатуры на следующий президентский срок. Поздно, слишком поздно скатилась эта слеза.

Сейчас каждый американец знает, что США преднамеренно, упорно стремились развязать агрессию против Вьетнама. А так как ДРВ не давала повода к этому, американская сторона предприняла в августе 1964 года провокационную акцию в Тонкинском заливе, где подстроила заранее спланированный инцидент. Монбланы лжи были пущены в ход, чтобы извратить факты и взвалить ответственность на Северный Вьетнам. Со своей стороны ДРВ, как и ее друзья, твердо заявила, что тонкинский инцидент является грубой провокацией и что Вашингтон следует пригвоздить за это к позорному столбу.

Только после бесславного провала американской авантюры во Вьетнаме по-настоящему раскрылась глубина политического и морального падения администрации Джонсона, подстроившей преступную провокацию. Весь мир изумился тому, как могла администрация Джонсона пойти на это.

Джонсон позже, наверно, регулярно получал сводки о том, сколько американских парней закончили свой жизненный путь на вьетнамской земле. Но, судя по всему, они не производили на этого деятеля должного впечатления и мертвым грузом оседали в сейфах президентской канцелярии.

Много было встреч и у меня, и у других официальных лиц СССР с представителями администрации США, на которых обсуждался вьетнамский вопрос. Перед нами стояла стена. Непробиваемая глухая стена. Она ощущалась и во время бесед с участием А. Н. Косыгина и Л. Джонсона.

К концу шестидесятых годов всем, в том числе и Белому дому, стало ясно, что в джунглях Южного Вьетнама безнадежно увязла более чем полумиллионная армия американских интервентов. Не дали желаемого результата для вашингтонских стратегов ни варварские бомбардировки Демократической Республики Вьетнам, ни налеты американской авиации на Лаос и Камбоджу.

В «грязной войне», как стали называть ее сами американцы, интервенты несли бесчисленные потери. Война вносила серьезное расстройство в экономику США. Она разоряла государственную казну, жестоко била по карману налогоплательщика.

Вьетнамская авантюра поставила крест на мечтах Джонсона остаться еще на один срок президентом США. С ним вместе оказалась дискредитированной и демократическая партия, которая на президентских выборах в ноябре 1968 года потерпела поражение, в результате чего в Белом доме появился президент-

республиканец Никсон.

Со стороны администрации Джонсона предпринимались попытки обратиться к Советскому Союзу, чтобы он «посодействовал» США найти выход из вьетнамского тупика. Из этого, однако, ничего не получилось, так как Вашингтон явно хотел добиться невозможного — и уйти из Вьетнама, и одновременно остаться там. Позиция была бесперспективной.

Всего экспедиционный корпус США во Вьетнаме потерял 60 тысяч человек убитыми и свыше 300 тысяч — ранеными. На ведение вьетнамской войны Вашингтон израсходовал гигантскую сумму — свыше 100 миллиардов долларов.

С трибуны XXIII съезда КПСС (1966 г.) ясно и твердо прозвучало заявление о том, что СССР вместе с другими социалистическими странами будет оказывать необходимую поддержку Вьетнаму. Советское заявление должны были серьезно воспринять те, кто развязал агрессию против этого государства.

Крах авантюры Вашингтона стал фактом. США вынуждены были пойти на прекращение войны и заключение Парижских соглашений по Вьетнаму.

В результате победы вьетнамского народа, одержанной над агрессорами в 1975 году, возникла единая Социалистическая Республика Вьетнам. В тот же период, отстояв свою независимость, влилась в семью социалистических государств Лаосская Народно-Демократическая Республика. Пройдя через тяжелые испытания войны, а затем через ужасы кровавого режима Пол Пота, обрел свободу народ Кампучии. Победа этих народов нанесла сокрушительный удар по империалистической политике агрессии.

Советский Союз с честью выполнил и выполняет свою благородную миссию по оказанию помощи Вьетнаму, Лаосу и Кампучии.

Осуществленная мечта Хо Ши Мина

Хотел бы поделиться впечатлениями от встреч с руководителями Вьетнама, и прежде всего с выдающимся революционером-интернационалистом Хо Ши Мином. В начале сентября 1945 года, в тот самый день, когда завершилась вторая мировая война и во Вьетнаме было провозглашено первое в Юго-Восточной Азии государство рабочих и крестьян, Хо Ши Мин стал его первым президентом.

Неоднократно бывал Хо Ши Мин в Советском Союзе. Он еще в начале двадцатых годов как борец-подпольщик приехал в нашу страну, работал в Коминтерне, учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока. В те годы он изучил русский язык.

Биография Хо Ши Мина известна, и нет необходимости ее пересказывать. Хочу упомянуть лишь об одном факте, о котором я слышал от Хо Ши Мина. В 1920 году он, находясь в Париже, ознакомился с ленинскими тезисами по национальному и колониальному вопросам. Хо Ши Мин, по его признанию, понял:

— В трудах Ленина содержится указание на единственно правильный путь, который может привести вьетнамский народ к национальному и социальному освобождению.

У молодого революционера зародилась мечта — лично увидеться с великим человеком, которому так хорошо понятны чаяния колониальных народов. В 1924 году он с помощью французских и немецких коммунистов добрался до легендарного Петрограда, а затем приехал в Москву. Но встретиться с Владимиром Ильичем ему не довелось. Вождя пролетарской революции в России уже не была ' в живых. Хо Ши Мин в числе первых коминтерновцев пришел в Колонный зал Дома союзов, чтобы проводить Ленина в последний путь.

Веру в марксизм-ленинизм Хо Ши Мин пронес сквозь тюрьмы и классовые битвы. В маленьком доме в Ханое, где жил и работал в последние годы президент, на рабочем столе сегодня, как и при его жизни, можно видеть стопку книг на русском языке. Среди них — ленинские труды. А на столе в его скромной спальне стоит обыкновенная почтовая открытка с репродукцией широко известного портрета Владимира Ильича, автором которого является художник П. В. Васильев.

Идя по пути, указанному Лениным, Хо Ши Мин создал Коммунистическую партию Вьетнама, которая возглавила героическую борьбу вьетнамского народа за свою свободу и независимость, привела его к победе и ныне уверенно руководит

социалистическим строительством.

Моя первая встреча с Хо Ши Мином состоялась в июле 1955 года, когда он в качестве президента Демократической Республики Вьетнам посетил с визитом СССР. Вьетнамский народ тогда уже одержал победу над французскими колонизаторами и под руководством партии коммунистов Вьетнама встал на путь социалистического строительства. Хо Ши Мин прибыл в Москву, чтобы обсудить насущные проблемы своей страны, вопросы советско-вьетнамского сотрудничества.

Со времени первого официального визита в Советский Союз главы вьетнамского государства прошло более трех десятилетий. Отношения между нашими странами достигли расцвета. Но мы помним, что первый практический шаг в сотрудничестве двух стран сделал Хо Ши Мин в те памятные июльские дни 1955 года.

Хо Ши Мин подчеркивал:

— Советская помощь и поддержка, опора на опыт социалистического строительства в вашей стране имеют важное значение для Вьетнама. Советский Союз в этот трудный для Вьетнама период пришел нам на помощь, выделил необходимые средства и ресурсы для решения самых неотложных проблем.

Он учил своих соратников, партию, народ, что помощь СССР, братских стран, как бы она ни была велика, — это лишь только своего рода дополнительный капитал, который надо умело использовать. Главное же — решать задачи социалистического строительства, мобилизуя собственные усилия и ресурсы.

Не могу не вспомнить и встречу с президентом Хо Ши Мином летом 1957 года, когда он останавливался в Москве по пути в европейские социалистические страны. В ходе встречи были подведены итоги двухлетнего сотрудничества между Советским Союзом и Вьетнамом.

— Вьетнамская сторона весьма удовлетворена итогами встречи, — об этом Хо Ши Мин говорил с теплотой К. Е. Ворошилову во время беседы, в которой принял участие и я.

Видеть свою родину свободной и единой — такой была мечта Хо Ши Мина. Ее осуществлению он посвятил всю свою жизнь.

Хо Ши Мин не дожил до светлого дня, когда весь вьетнамский народ собрался под одной кровлей. Его не стало 3 сентября 1969 года. Но его верные ученики и последователи, воспитанные им партия, армия и народ довели начатое дело освобождения страны до конца. И не случайно, что заключительная операция по освобождению Южного Вьетнама носила его имя, а город Сайгон переименовали в Хошимин.

Все, кто встречался с Хо Ши Мином, а я один их них, обращали внимание на то, что в нем сочетались революционный

энтузиазм, мудрость государственного деятеля, человеческая душевность и простота.

В любых, даже самых сложных, ситуациях Хо Ши Мин сохранял оптимизм, народный юмор, умел подбодрить собеседника, вовремя пошутить. В дружеских беседах он чем-то напоминал сказочного мудреца, глубоко понимающего жизнь и питающего неистребимое доброе чувство к людям. И в преклонном возрасте он оставался энергичным человеком, живым, быстрым в движениях.

Отличительной чертой Хо Ши Мина всегда являлась скромность во всем, в том числе и в быту. Одевался он просто, любил традиционную вьетнамскую одежду.

Таким Хо Ши Мин и остался в моей памяти.

Встречался я и с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном. В годы борьбы против империалистической агрессии США Ле Зуан не раз приезжал в Москву для обсуждения важнейших вопросов советско-вьетнамского сотрудничества. Эта традиция сохраняется и сегодня, когда воссоединенный Вьетнам идет по пути строительства социализма. Не могу без волнения вспоминать, как на XXVII съезде КПСС овацией встретили участники и гости съезда его слова:

— Да здравствует братская дружба, боевая солидарность и всестороннее сотрудничество между коммунистическими партиями и народами Вьетнама и Советского Союза!

С теплотой и волнением прошла встреча М. С. Горбачева с Ле Зуаном в ходе съезда.

Ле Зуан умер в июле 1986 года. Вместе с М. С. Горбачевым и другими руководителями мы посетили вьетнамское посольство и в скорбном молчании почтили память этого выдающегося сына своего народа. Советская делегация во главе с Председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым приняла участие в его похоронах в Ханое.

В настоящее время Генеральным секретарем ЦК КПВ является товарищ Нгуен Ван Линь, широко известный в своей стране и заслуженный деятель Компартии Вьетнама. Член партии с 1936 года, прошедший через подпольную работу и застенки колонизаторов, он после победы августовской революции работал в Южном Вьетнаме. На VI съезде КПВ вошел в состав Политбюро ЦК КПВ, а с июня 1985 года стал еще и секретарем ЦК КПВ. В декабре 1986 года на первом пленуме после VI съезда КПВ Нгуен Ван Линь избран Генеральным секретарем ЦК КПВ.

Как крупный деятель Социалистической Республики Вьетнам известен Фам Ван Донг. Часто встречался я с ним в те годы, когда он был министром иностранных дел Вьетнама, и позже, когда

возглавил правительство СРВ. Особо хотелось бы сказать о его деятельности во главе вьетнамской делегации на Женевском совещании по Индокитаю 1954 года.

Женевское совещание стало первым международным форумом, в котором участвовали представители нового Вьетнама. Мы, советские делегаты, отмечали, с каким мастерством, верой в правоту своей позиции вела дела вьетнамская делегация.

Работники внешнеполитических организаций СРВ — это хорошо подготовленные специалисты, вносящие активный вклад в общие усилия вьетнамского народа, направленные на решение задач социалистического строительства, укрепление международных позиций СРВ. Об этом свидетельствуют и выступления вьетнамской делегации в ООН, и большая работа, которую проводят вьетнамские друзья в целях установления добрососедских отношений между государствами Юго-Восточной Азии.

Раск не любил «паблисити» [22]

Вопросы, связанные с положением в Индокитае, урегулированием карибского кризиса, другие актуальные проблемы международной жизни неоднократно рассматривались во время моих встреч и бесед с государственным секретарем США Дином Раском, о котором я уже упоминал.

Говорится и пишется о Раске не так много, хотя он на протяжении восьми лет при президентах Кеннеди и Джонсоне стоял вместе с ними у пульта управления внешней политикой США. Причины здесь могут быть разные. Одна из них, видимо, кроется в том, что он не любил «паблисити», можно сказать, не переносил ее, предпочитал действовать незаметно — там, где идет реальное обсуждение и решение вопросов. Это его качество, правда, нисколько не мешало Раску уметь ладить с конгрессом и печатью, вовремя уходить от критики со стороны оппозиции и средств массовой информации.

Раска в его политической деятельности отличали энергия и работоспособность. При этом он хорошо знал, чего хочет и добивается администрация. Имея немалый опыт ведения «трудных» переговоров, Раск как собеседник отличался завидной настойчивостью. Если у него имелась какая-нибудь запасная позиция по тому или иному вопросу, то он раскрывал ее лишь тогда, когда партнер по переговорам уже собирался встать из-за стола, чтобы закончить беседу. Выдержка и пунктуальность у него были отменные.

Некоторые моменты наших встреч с Раском заслуживают быть отмеченными особо. Именно с ним довелось нам начинать переговоры по вопросам прекращения испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, которые завершились подписанием 5 августа 1963 года в Москве договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах. Раск участвовал в этой торжественной церемонии.

Он считался в США крупным специалистом по проблемам Азии, Африки и Латинской Америки, чему, видимо, способствовало его пребывание ранее на посту президента фонда Рокфеллера. В том, что касается Азии, он считал ключевыми вопросы, относящиеся к обстановке в странах Индокитая, причем не только во Вьетнаме, но и в Лаосе, который Вашингтон рассматривал как свою важную опорную базу в Юго-Восточной Азии.

В течение длительного времени, даже когда США явно начали втягиваться во вьетнамскую авантюру и стала открыто

осуществляться агрессия против социалистического Вьетнама, Раск все еще пытался доказывать, что США вовсе не собираются вмешиваться военной силой во внутренние дела индокитайских государств, а тем более предпринимать против них вооруженную интервенцию. В ответ на приводившиеся с нашей стороны факты, опровергавшие его утверждения, он просто отмалчивался. Остается неясным, шел ли Раск сознательно на искажение действительного положения или принимал на веру проникнутые фальшью утверждения военных кругов США, которые, как известно, скрыли правду о подстроенной ими провокации в Тонкинском заливе от американского народа и даже от законодателей на Капитолийском холме.

Некоторые политики и социологи США пытаются утверждать, что агрессия означает не только нападение одного государства на другое, но и классовую борьбу внутри страны. Агрессор — тот класс, по их логике, который развертывает борьбу против другого класса. Иными словами, агрессор — рабочий класс, а буржуазия — жертва агрессии. Это — вульгарная, не имеющая ничего общего с действительностью антинаучная концепция. Раск является одним из ее видных сторонников, и он, к сожалению, присоединил свой голос к хору тех, кто встал на путь фальсификации истинного положения вещей в угоду крупному монополистическому капиталу, для которого высший закон — нажива.

notes

Примечания

1

В 1986 году экземпляр этой брошюры удалось найти только сотрудникам Государственной публичной исторической библиотеки. Вспоминая далекое отрочество, с интересом я читал на обложке: «М. Ф. Фроленко. «Побег Дейча, Стефановича и Бохановского». Москва, 1924 г. Издательство Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев». — *Прим. авт.*

2

Назван по имени городка в штате Массачусетс (США), где было впервые внедрено обучение в школе по новому методу. — *Прим. ред.*

3

За книгу «Внешняя экспансия капитала: история и современность» А. А. Громыко в 1984 году была присуждена Государственная премия СССР. — *Прим. ред.*

4

Позже во время войны «Рекс» был отправлен англичанами на морское дно в районе итальянского порта Бари. — *Прим. авт.*

Welles S. The Time for Decision. N. Y., 1944, p. 321.

6

Крез — последний царь древней Лидии (VI век до нашей эры), богатство которого вошло в поговорку. — *Прим. ред.*

Правда, они однофамильцы лишь в русском написании и в английском произношении, в английском же написании они пишутся по-разному: Orson Welles и Herbert Wells. — *Прим. авт.*

8

Рас (амхарский язык) — один из высших военно-феодальных титулов, существовавших в императорской Эфиопии. — *Прим. ред.*

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 139–140.

10

Фултон — город в США, где в 1946 году Черчилль выступил с антисоветской речью, которая обозначила начало «холодной войны» Запада против СССР. — *Прим. ред.*

11

См.: Новое время, 1988, № 16.

12

Так в США называют управляющего домашним хозяйством.

13

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 770.

14

Парафирование договора — процедура, которая иногда предшествует подписанию. При парафировании уполномоченные ставят лишь свои инициалы на каждой странице согласованного текста проекта. Эта процедура означает, что стороны согласовали текст проекта договора. — *Прим. ред.*

15

Harriman W. A. America and Russia in a Changing World. A Half Genture of Personal Observation. Doubleday and Company, Inc. Garden City. N. Y., 1971, p. 196.

16

Вы нам не нравитесь! *(англ.)*.

17

«Эксклюзив — клаб» *(англ.)* — «Клуб для избранных». Его официальное название — «Карлтон — клаб». Это клуб консервативной партии Великобритании. — *Прим. авт.*

18

Прорицатель в Древнем Риме, толковавший волю богов по полетам и крикам птиц. — *Прим. ред.*

19

Мало кто знает, что в 1981 году в Москве было проведено международное совещание по проблеме сохранения и увеличения численности глухаря и методам искусственного разведения этой редкой птицы. — *Прим. авт.*

20

Кассандра — в греческой мифологии дочь царя Трои — Приама, обладавшая даром прорицания. — *Прим. ред.*

21

Шарлотта Корде — дворянка, во время французской буржуазной революции подпавшая под влияние жирондистов. Проникла в дом к лидеру якобинцев Жану-Полю Марату и убила его кинжалом. — *Прим. ред.*

«Паблисити» *(англ.)* — реклама.